

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ
(УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ)

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сборник материалов круглого стола

**ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ (УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ)

**СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК И ЕГО
ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Сборник материалов круглого стола

(Москва, 27 августа 2020 г.)

Текстовое электронное издание

Москва
Московский Политех
2020

© ВАГШ ВС РФ, 2020

© Оформление. Московский Политех, 2020

ISBN 978-5-2760-2591-9

Об издании [1](#), [2](#)

УДК 355/359
ББК 68.0.0
С56

*Под редакцией генерал-майора Коржевского А.С., кандидата военных наук, доцента,
начальника военного института (управления национальной обороной)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации*

Редакционная коллегия:

*Толстых В.В. (составитель), кандидат военных наук
Симоновский К.В., кандидат экономических наук, доцент
Музыкаев С.И., доктор философских наук, доцент*

Утвержден к изданию решением научно-технического совета
ВИ (УНО) ВАГШ ВС РФ 09.09.2020 г., протокол № 14/2020

**С56 Современный миропорядок и его влияние на национальную
безопасность Российской Федерации** [Электронный ресурс]: сборник
материалов круглого стола (Москва, 27 августа 2020 г.) / ВАГШ ВС РФ. –
Москва: Московский Политех, 2020. – 1 CD-R. – Систем. требования:
PC-совместимый процессор 1,3 ГГц и выше. Оперативная память (RAM): 256 Мб.
Необходимо на винчестере: 350 Мб. Операционные системы: Windows, Mac OS.
Видеосистема: разрешение экрана 1024x768. Дополнительные программные
средства: Adobe Acrobat Reader 9 и выше. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-2760-2591-9

Сборник содержит выступления и научные статьи участников круглого стола, проведенного 27 августа 2020 г. научно-исследовательским управлением (исследования общих проблем управления обороной государства) военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации в рамках научно-деловой программы Международного военно-технического форума «АРМИЯ-2020».

В работе круглого стола принимали участие представители Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Объединенного штаба ОДКБ, Секретариата Совета министров обороны государств-участников СНГ, органов военного управления, вузов и научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и др.

Военный институт (управления национальной обороной) выражает благодарность участникам круглого стола за активное участие в работе, возможность обсудить и поделиться мнениями по текущим проблемам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях современного миропорядка.

УДК 355/359
ББК 68.0.0

СОДЕРЖАНИЕ

Коржевский А.С. Военная безопасность как основа национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях	7
Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Центральназиатский вектор энергетической стратегии России: региональные политические риски и внерегиональные факторы безопасности	18
Баклицкий А.А. Возможности для российско-американского контроля над вооружениями в области противоракетной обороны	33
Битиева З.Р. Национальные интересы Российской Федерации в Арктике	44
Бочарников И.В. Эволюция и стагнация американоцентричного мирового порядка: причины и следствия	51
Брега А.В. Политические риски среди антитез военной безопасности России	67
Брюханов М.Д. Аналитический мониторинг иностранной гуманитарной интервенции на постсоветском пространстве	77
Быстров А.В., Пименов В.В. Стратегия экономической и информационной безопасности ОПК – важнейшие компоненты национальной безопасности России	91
Васецова Е.С. Взаимодействие Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сфере борьбы с терроризмом	98
Вдовин А.В. Изменение подходов к ведению вооруженной борьбы по опыту вооруженных конфликтов за пределами России как основа развития военного искусства в обеспечении безопасности страны	102
Вертяев К.В. Республика Рожава: анархическая утопия или социальный эксперимент? (становление протогосударственности на северо-востоке Сирии)	111
Гаджиев А.Г. Проблемы и перспективы российско-турецкого взаимодействия в вопросах урегулирования региональных конфликтов на Ближнем Востоке	128
Гайдунко Ю.А., Копылов И.А., Макарова С.П. К вопросу современной подготовки военно-политических кадров для Вооруженных Сил Российской Федерации	138
Грузина Ю.М. Развитие человеческого капитала в сфере науки и образования как направление реализации государственной политики в области обеспечения безопасности	149

Абрамов В.В. Обоснование структурной схемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны	160
Губченко А.В. Особенности современной глобализации как системного фактора влияния на национальную безопасность Российской Федерации	172
Евсюк А.В. Искусственный интеллект и угрозы информационной безопасности России в современных условиях (гуманитарные аспекты)..	187
Карпович В.В., Цоков О.Ю. Условия и факторы, влияющие на управление национальной обороной Российской Федерации в кризисных ситуациях	202
Кафтан В.В. Ценностные основания обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	210
Козин В.П. О фальсификации военной политики России в США и НАТО	220
Копытко В.К., Севрук В.Е. Рекомендации по структуре органов управления Национального центра управления обороной Российской Федерации в кризисных ситуациях	233
Косарев В.А. Современная трансформация НАТО и интересы Российской Федерации	241
Кашеев А.М., Ачкасов Н.Б., Чапурин Е.Н. Источники военной опасности для Российской Федерации в современных условиях	253
Крайнюков П.Е., Абашин В.Г., Сингилевич Д.А. Противодействие применению противником в гибридной войне информационно-психологического оружия	259
Крашенинникова В.Ю. Итоги военной политики администрации Трампа: рост угроз для России на Западе, Севере, Юге	263
Курносков К.В. Системный подход в понимании российского патриотизма и его формирование у личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации с использованием информационных технологий	271
Лаврентьев С.В. Правовые основы военного сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества	276
Малышев В.П. Актуальные проблемы интеграции Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны	283
Манойло А.В. Новейшая практика информационных войн и психологических операций	292

Маринин В.В. Военное образование и его роль в обеспечении военной безопасности Российской Федерации	304
Меркулина И.А. Анализ угроз экологической безопасности для развития промышленной деятельности в Арктике	312
Митрофаненкова О.Е. Афганский наркобизнес как угроза национальной безопасности России (в контексте внутриафганского конфликта в конце XX – начале XXI в.)	322
Мураховский В.И. Холодная война 1.0 и 2.0: в чем различия? ...	333
Назаров В.П., Алексеева Т.А. Актуальные проблемы совершенствования научного обеспечения государственной политики в области национальной безопасности	347
Овсянникова О.А. Украина 2020: новый старый курс	361
Орлов М.И., Костенко В.А. Требования к подготовке специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере обороны государства	373
Пивень О.А., Панчев Е.Г. Военное сотрудничество в формате Содружества Независимых Государств – важнейший фактор обеспечения региональной безопасности	379
Пойя Самеулла. Положение в Афганистане после сентябрьской трагедии 2001 года. Необходимость интеграции Афганистана в систему региональной безопасности	386
Полищук А.И. Влияние исторического фактора на современное состояние проблем безопасности на южных рубежах Российской Федерации	396
Прилепский В.Ю. «Дивный новый мир» современного миропорядка	410
Прасолов В.И. Миграционные процессы в системе безопасности России	424
Прохоров Р.Е. Международное военное сотрудничество России со странами Южной Азии	434
Рыбаков А.В., Иванов Е.В., Нестеров В.А. О подходе к формированию рационального плана мероприятий в области защиты населения и территорий субъекта Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций	439
Серенко И.Н. Российско-пакистанские отношения в условиях формирования общей структуры безопасности в Евразии	444
Сивков К.В. Американская стратегия «Троянский конь»	453

Созин С.А. Духовный фактор как основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	462
Соловьев В.П. Современный миропорядок и ядерный фактор	468
Сурма И.В. Виртуальное противоборство и кибербезопасность: внешнеполитические вызовы и угрозы	481
Толстых В.В., Воронин А.А. Совершенствование военно-политического управления в интересах обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации	498
Федорова И.Е. Американо-иранский конфликт и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации	506
Фрайденберг А.Г. Предложения по совершенствованию основ взаимодействия сил ОДКБ при реагировании на чрезвычайные ситуации со взрывами боеприпасов	518
Харитонова Т.В. Обеспечение экологической безопасности при реализации арктических горнопромышленных и энергетических проектов	527
Чеков А.Д. Проблема влияния передовых военных технологий на стратегическую стабильность	532
Чернов В.В. Проблемы и противоречия гуманитарной подготовки офицеров-руководителей в контексте национальной безопасности России	540
Чибисов А.В., Мельник Н.Г. Опыт подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере военной безопасности и обороны государства	549
Шестопалов Н.В. Глобальная конкуренция в мировой экономике, характеристика новых центров экономического роста и риски для национальной безопасности Российской Федерации	558
Эльяс В.П., Баранов Р.П., Маричев М.О., Тарасов Е.А., Лобанов И.Г. Особенности информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий	564
Ювачев М.Ю. Инструменты «мягкой силы» в дестабилизации общественно-политической ситуации в стране	572
Ямпольский С.М., Костенко А.Н. Методика оценки времени проведения информационного взаимодействия между органами государственного и военного управления для обеспечения военной безопасности государства	585
Якимова Е.А. Проблемы и перспективы укрепления национальной безопасности Российской Федерации в процессе расширения ЕАЭС	596

Генерал-майор КОРЖЕВСКИЙ А.С.

кандидат военных наук, доцент

начальник военного института (управления национальной обороной) –
заместитель начальника Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Предлагаемая статья представляет собой попытку автора по-новому посмотреть на проблематику обеспечения военной безопасности в условиях изменения системы мироустройства. Анализ современной военно-политической обстановки в мире показывает, что опасности и угрозы в отношении Российской Федерации усиливаются, становятся многофакторными и многосферными. США намеренно усиливают фактор неопределенности и нестабильности для удержания доминирующего положения в мире. Разрушается система международного права в целом и договорные отношения между Россией и США в частности. Эти условия задают вектор обеспечения национальной и военной безопасности России в многофакторном направлении со своевременным обоснованием своих действий в правовом поле.

Ключевые слова: мироустройство, национальная безопасность, военная безопасность, военно-политическая обстановка, опасности, угрозы, условия, многофакторность, нестабильность, доминирование, передовое базирование, международное право.

Современный мир характеризуется острым соперничеством между государствами за мировое лидерство и доступ к жизненно важным ресурсам. В качестве средств достижения своих целей субъектами международных отношений широко используются идеология насилия, терроризма и неприкрытое вмешательство во внутренние дела других государств, что нередко приводит к возникновению военных конфликтов.

При этом складывающаяся в мире обстановка формирует определенные условия и факторы, создающие прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам и способность влиять на состояние национальной безопасности нашей страны.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации,

достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [1].

Необходимо отметить, что, несмотря на снижение вероятности развязывания против нашего государства крупномасштабной войны, на ряде направлений опасности и угрозы в отношении Российской Федерации усиливаются, становятся многофакторными и взаимосвязанными.

Поэтому важным направлением деятельности государства становится обеспечение национальной безопасности, которая включает в себя прежде всего оборону страны, а также все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством Российской Федерации, *государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, а также безопасность личности.*

Сегодня содержание, формы и методы обеспечения национальной безопасности определяются условиями геополитического характера, а также военно-политическими, социально-экономическими и культурно-историческими факторами развития общества, особенностями нравственной и правовой культуры народа, системой государственного устройства, принципами управления и другими.

Необходимо отметить влияние внешних и внутренних факторов, формирующих систему **«больших вызовов»**¹, которые создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления и одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив развития России [2].

По нашему мнению, в ближайшие годы в условиях усиления фактора неопределенности и нестабильности развития военно-политической обстановки военная безопасность нашего государства продолжит проходить проверку на прочность и от ее состояния будет зависеть не только геостратегическое положение России, но и сама возможность ее дальнейшего развития.

Прошедший развал Советского Союза и Варшавского договора, разрушение биполярной конструкции мироустройства высветили для Соединенных Штатов Америки (США) историческую перспективу установления монополярного миропорядка, в котором они отвели себе роль глобального диктатора (Рисунок 1).

Именно в этот период страны Запада резко увеличили военные расходы, Североатлантическому альянсу был придан статус мирового жандарма, зона «ответственности» которого распространилась на многие районы планеты.

¹ «Большие вызовы» – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов (п. 4 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642).

Рисунок 1 – Изменение системы современного мироустройства

Одновременно были усилены экспедиционные группировки вооруженных сил США, «нарезаны» новые сектора в различных регионах, включая постсоветское пространство, сформированы командования этих зон.

В это же время американцы активно расширяли свое военное присутствие в мировом пространстве, и сегодня вооруженные силы США имеют около 800 баз и других объектов за рубежом.

Западом были отработаны варианты придания американским военным авантюрам характера международных операций по установлению демократии западного образца в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и Украине, традиционно находящихся в зоне национальных интересов Российской Федерации.

Сегодня на повестке дня закономерно стоит вопрос – кто будет следующей жертвой так называемой «западной демократии»?

Средством информационного прикрытия вооруженной агрессии стали «гуманитарные» интервенции, а провоцирующим ситуацию инструментом – получившие развитие в рамках «гибридных войн» «пятые колонны», частные военные корпорации и создаваемые спецслужбами террористические организации.

В качестве глобальных объектов воздействия определены ключевые районы Земли, отдельные государства, стратегические коммуникации и энергетические ресурсы.

При этом установление контроля над правящими слоями и группами государств, свержение неугодных режимов, стремящихся проводить независимую от Вашингтона политику, приведение к власти «пятых колонн», лояльных правительств и постоянный контроль над ними стали в последние годы стержнем американской внешней политики.

Примером этому служит представленный анализ организации и проведения «цветных революций» (Рисунок 2) в различных государствах мира в конце двадцатого и начале двадцать первого столетия, которые в совокупности коренным образом изменили современное мироустройство.

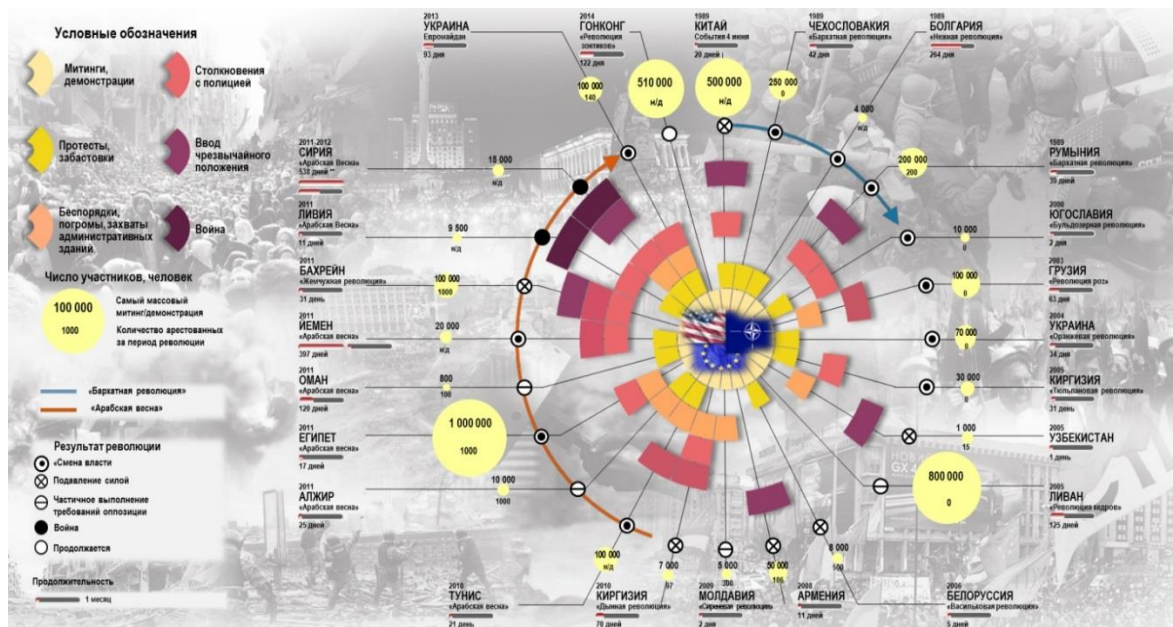

Рисунок 2 – Динамика и итоги организации «цветных революций»

Сегодня военно-политическая обстановка в мире характеризуется ростом глобальной и региональной нестабильности (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Особенности современной военно-политической обстановки в мире

Это обусловлено стремлением США сохранить позиции сверхдержавы на фоне: а) усиления геополитических амбиций Китая и растущей военной мощи России; б) расширения масштабов терроризма и радикального экстремизма; в) нарастания кризисных явлений в экономике, а также обострения борьбы за энергетические и другие ресурсы.

Основное негативное влияние на развитие обстановки в мире оказывает стремление Запада во главе с США решать глобальные и региональные проблемы с позиции силы по выгодным для себя сценариям.

Военная политика Вашингтона направлена на удержание доминирующего положения в мире. Для этого используются так называемые «неограниченные упреждающие действия» наступательного характера.

Они направлены, в первую очередь, на обеспечение беспрепятственного доступа к районам сосредоточения стратегических ресурсов и установление контроля над маршрутами их транспортировки.

В принятом в 2017 году американском федеральном законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» за Россией официально закреплен статус «противника США, подлежащего сдерживанию».

С подачи Вашингтона нашу страну с данной точки зрения рассматривают и в НАТО, о чем свидетельствует содержание разработанной «Обобщенной оценки угроз Североатлантическому союзу».

По нашему мнению, в среднесрочной перспективе США и их союзники не откажутся от агрессивной политики в отношении Российской Федерации. Будет наращиваться конфликтный потенциал по периметру российских границ. Расширятся масштабы действий по вытеснению России из стратегически важных регионов мира, а также по ее международной изоляции.

Основные усилия по наращиванию военного потенциала Соединенные Штаты и страны альянса сосредоточивают в Европе, где антироссийская деятельность достигла максимальной интенсивности.

Под предлогом реагирования на «российскую агрессию», США и их союзники совершенствуют систему передового базирования на территории стран Восточной Европы, где завершается развертывание элементов глобальной системы ПРО, формируются соединения, способные к развертыванию в кратчайшие сроки на российском направлении.

Дополнительные воинские контингенты альянса размещаются в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Румынии и Болгарии, а также в акваториях Балтийского и Черного морей. Одним из источников военной угрозы являются размещенные на территории ФРГ тактические ядерные боеприпасы. Наращивается количество полетов разведывательной авиации и мероприятий оперативной и боевой подготовки вблизи российских границ.

Усилиями стран Запада Украина превратилась в источник долговременной нестабильности у границ России, плацдарм для реализации

антироссийских замыслов. Предпринимаются попытки дестабилизировать обстановку подготовкой и проведением диверсий в Крыму и территориях Донецкой и Луганской республик.

Одновременно Соединенные Штаты оказывают жесткое давление на европейские страны и призывают к «справедливому распределению финансового бремени». Они требуют от союзников по НАТО увеличить военные расходы до 2 % от ВВП, в том числе на закупки американского вооружения. При этом в качестве главного аргумента выдвигается необходимость «эффективной нейтрализации угроз безопасности со стороны агрессивной России».

Таким образом, открытое навязывание интересов Вашингтона европейским государствам, наряду с наращиванием силового потенциала НАТО, повышает вероятность возникновения вооруженных конфликтов в непосредственной близости от границ и с непосредственным участием России.

На **Юге** военные опасности обусловлены сохранением конфликтного потенциала в Закавказье, ростом нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

НАТО во главе с США и Евросоюз продолжают наращивать усилия по вовлечению в сферу своих интересов Грузии и Азербайджана за счет реализации программ «Восточное партнерство» и «Партнерство ради мира». При этом в регионе сохраняется значительный конфликтный потенциал, обусловленный неурегулированностью Нагорнокарабахской проблемы, а также проводимой руководством Грузии политикой, направленной на возвращение Абхазии и Южной Осетии под национальную юрисдикцию.

На **Ближнем Востоке** и в **Центральной Азии** главным источником угроз остаются международные террористические организации, количество которых за последние 20 лет возросло в три раза. Их деятельность предусматривает глобальную экспансию, широкое распространение идей радикального ислама, в том числе в регионах России с преимущественно мусульманским населением.

Осложнению обстановки и активизации террористических группировок способствует проводимая Вашингтоном политика «двойных стандартов», а также деление экстремистов на «плохих» и «хороших». При этом для достижения своих целей Соединенные Штаты фактически руководят отдельными террористическими формированиями, что приводит к дальнейшему осложнению обстановки и распространению нестабильности в регионе.

На **Востоке** дальнейшее развитие получит тенденция нарастания борьбы за лидерство между США и Китаем, в которую объективно может быть втянута и Российская Федерация. При этом следует ожидать усиления

американского и японского военного присутствия не только в Южно-Китайском море, но и непосредственно у наших границ.

Продолжится наращивание сил и средств американской глобальной системы противоракетной обороны Азиатско-Тихоокеанского региона в Японии и Республике Корея, что в перспективе создаст серьезную угрозу региональной стабильности.

Ожидается, что в условиях быстрого роста военной и экономической мощи Китая, США будут укреплять свои позиции в регионе путем демонстрации силы, а также навязывания своего участия в разрешении территориальных споров.

Сегодня остается нерешенной ядерная проблема КНДР, которая по-прежнему является одним из ключевых факторов нестабильности в регионе. Сохранятся противоречия между странами региона на почве нерешенных территориальных, национально-этнических и других проблем.

В **Арктике** нарастание конкурентной борьбы за контроль над энергоресурсами между США, Канадой, Норвегией, Данией, Россией и другими игроками неизбежно приведет к активизации военной деятельности и, как следствие, усилению кризисного потенциала в регионе.

Наиболее негативное влияние на национальную безопасность России будет оказывать обострение противоречий между странами Арктического региона из-за территориальных споров, а также расширение военного присутствия в регионе США и их союзников.

Деятельность стран Запада, в особенности США, Канады и Норвегии, будет направлена на ограничение деятельности России по освоению ресурсов Севера и ее вытеснению из Арктики под предлогом «экологической вредности» российских технологий, а также на лишение Российской Федерации суверенитета над Северным морским путем.

Активно продвигают свои интересы в регионе отдельные неарктические страны – Великобритания, Китай, Япония. Причем особая активность отмечается со стороны Китая. Для достижения своих целей Пекин инвестирует арктические программы Исландии, Дании и других стран, что в перспективе может позволить ему существенно усилить свои позиции за полярным кругом.

Все это способствует созданию угрозы эскалации напряженности в случае углубления межгосударственных противоречий в области экономической деятельности и осуществления контроля за стратегическими морскими и воздушными коммуникациями.

Подходы к достижению военно-политических целей нашли свое отражение в актуализированных в последние годы базовых доктринальных документах строительства и применения вооруженных сил США (Рисунок 4).

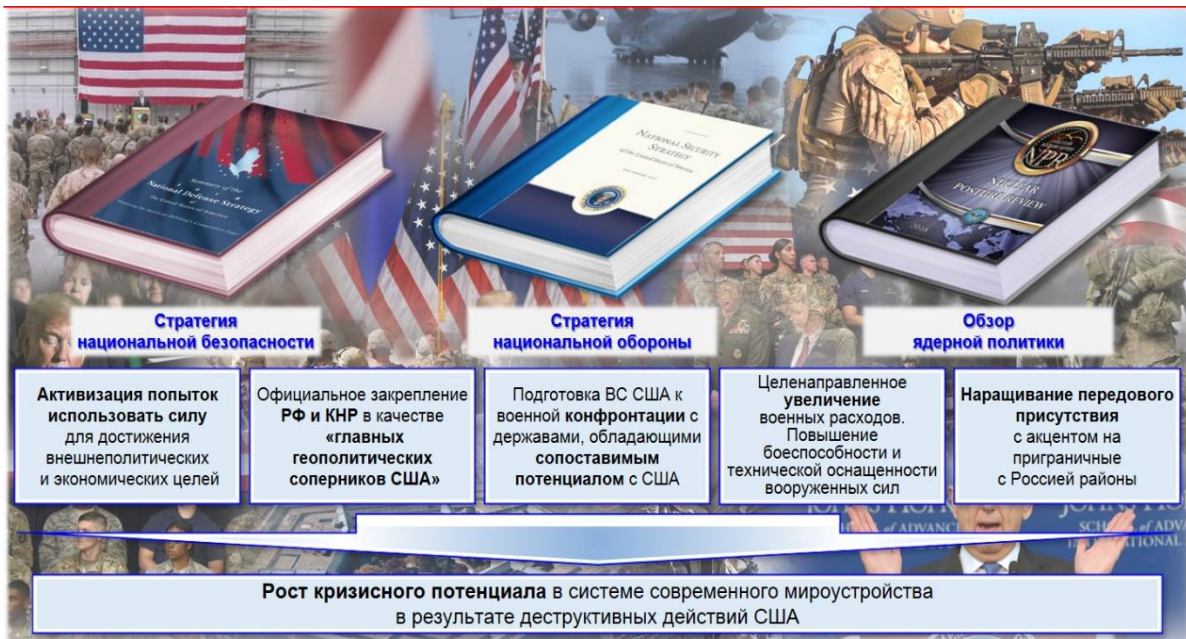

Рисунок 4 – Основные доктринальные документы США в военной области

В трактовке администрации США ключевой угрозой американским интересам являются державы, способные практически на равных конкурировать с ними в военной, экономической, технологической и иных областях.

В «Стратегии национальной безопасности» 2017 года Вашингтон впервые официально заявил о наличии у него геополитических противников – России и Китая. Одновременно подтверждена задача по сохранению за вооруженными силами роли главного гаранта мирового доминирования США.

Сформулированные в «Стратегии национальной обороны» 2018 года взгляды Пентагона на развитие вооруженных сил базируются на том, что современные кризисы и военные конфликты, как правило, выходят за рамки одного региона и охватывают сразу несколько или все операционные сферы (*воздушную, морскую, наземную, космическую и кибернетическую*).

С учетом оценки результатов развития вооруженных сил России и Китая, американской администрацией поставлена задача Пентагону повысить боеспособность и техническую оснащенность своих вооруженных сил до уровня, позволяющего:

во-первых, одержать гарантированную победу в крупном вооруженном конфликте с сопоставимым по силе противником;

во-вторых, обеспечить одновременное сдерживание еще одного потенциального агрессора;

в-третьих, сохранить способность эффективно проводить контртеррористические операции за рубежом.

Ключевым условием удержания военного превосходства в Белом доме считают наращивание расходов на оборону с акцентом на создание и закупку перспективных образцов вооружения и техники. В частности, военный бюджет США на текущий год составляет 738 млрд долл., а к 2024 году Вашингтон планирует нарастить ежегодные ассигнования на оборону до уровня 800 млрд долл. Это превышает совокупность годовых военных бюджетов всех европейских государств, а также России, Китая и Японии вместе взятых.

Еще одним фактором, негативно влияющим на глобальную безопасность, является последовательная деятельность Вашингтона по освобождению от взятых на себя договорных обязательств в области контроля над вооружениями (Рисунок 5).

Так, в 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора по противоракетной обороне. С 2 августа 2019 года по их инициативе ушел в историю Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Основной целью выхода США из этого Соглашения является повышение возможностей по силовому сдерживанию России и Китая путем создания угрозы нанесения превентивного удара по объектам стратегических наступательных сил, государственного и военного управления.

Рисунок 5 – Разрушение системы договорных отношений между Российской Федерацией и США

Силовое сдерживание предполагается осуществлять за счет развертывания по периметру границ Российской Федерации и Китая американских наземных ракетных комплексов средней дальности с баллистическими и крылатыми ракетами, способными за короткое время поражать критически важные объекты.

Это подтверждается испытаниями США крылатой ракеты морского базирования «Томагавк» с использованием пусковой установки наземного базирования, аналогичной развернутым в Европе.

Не исключено, что аналогичная участь приготовлена и Договору об ограничении стратегических наступательных вооружений (Рисунок 6).

Рисунок 6 – Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений

Белым домом декларируется вариант выработки нового соглашения с участием не только России и США, но и Китая. По замыслу Вашингтона, договоренность должна ограничивать все виды ракетно-ядерного оружия России, в том числе перспективного.

В свою очередь, отсутствие договоренностей позволит американской администрации предпринимать шаги по бесконтрольному наращиванию своих ядерных вооружений.

Кроме того, развал этого соглашения приведет к утрате единственного оставшегося механизма контроля в сфере стратегических вооружений – инспекционной деятельности на объектах стратегических наступательных сил.

Таким образом, в обозримой перспективе значение военной силы, как инструмента реализации национальных интересов различных государств, будет только возрастать.

США и их союзники для ослабления военно-экономического потенциала Российской Федерации будут стремиться втянуть нашу страну в вооруженные конфликты с государствами, не входящими в Североатлантический альянс.

Существует вероятность возобновления активных военных действий на Донбассе, а также эскалации вооруженных конфликтов в Приднестровье, Карабахе, Грузии, Таджикистане и Киргизии.

Возможно обострение обстановки в Сирийской Арабской Республике и активизация на ее территории различных военных и террористических формирований, претендующих на лидерство в этом регионе.

С целью ослабления России и дальнейшей ее дискредитации в мировом общественном сознании в ближайшей перспективе возможны попытки втягивания нашего государства на участие одновременно в двух и более конфликтах, территория которых будет находиться в разных мировых регионах, что существенно затруднит подготовку и участие в них сил обеспечения военной безопасности.

Не исключена возможность расширения террористической деятельности и во внутренних регионах России, в первую очередь в республиках Северного Кавказа, а также в районах, приграничных с Украиной и среднеазиатскими республиками.

Таким образом, спектр опасностей и угроз безопасности России стремительно меняется, расширяется и становится все более многогранным. Военная безопасность теперь зависит не только от состояния и возможностей Вооруженных Сил и других силовых блоков военной организации. Для ее эффективного обеспечения кроме военных необходима подготовка и проведение согласованных политических, экономических, информационных, психологических и других мер обеспечения военной безопасности, реализация которых в совокупности позволит сохранить высокий потенциал обороноспособности нашего государства и своевременно реагировать на предстоящие в ближайшей перспективе угрозы и вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 13.08.2020).

2. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>. (дата обращения: 22.08.2020).

АРИСТОВА Л.Б.

кандидат экономических наук
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

СЕМЕНОВА Н.К.

кандидат политических наук
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Участие в интеграционных азиатских процессах в сфере энергетики отвечает национальным интересам России, способствует расширению экспорта энергоресурсов на мировые рынки. Контроль над нефтегазовыми регионами дает возможность маневрировать ресурсами и становится ключевым фактором политического и экономического влияния.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, углеводороды, интеграция, безопасность.

Энергетическая отрасль, составляя основу российского экспорта, стала инновационным конструктом и локомотивом современной экономики России, важным фактором устойчивого развития которой является расширение экспортных возможностей поставок энергоресурсов на мировые рынки (Рисунок 1).

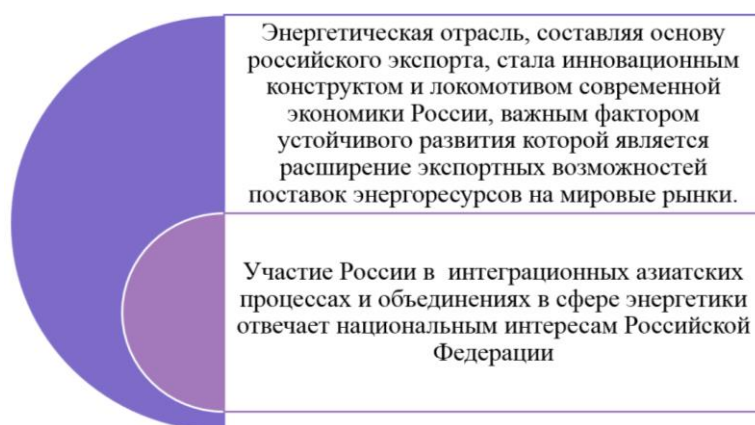

Рисунок 1 – Роль и значение энергетики в Российской Федерации

Участие России в интеграционных азиатских процессах и объединениях в сфере энергетики отвечает национальным интересам Российской Федерации. Рост значения энергоресурсов в мировой политике объясняется, прежде всего, прогнозируемой в скором будущем нехваткой

этих ресурсов (Рисунок 2). Поэтому контроль над нефтегазовыми регионами фактически дает возможность маневрировать ресурсами и становится ключевым фактором политического и экономического влияния во всем мире.

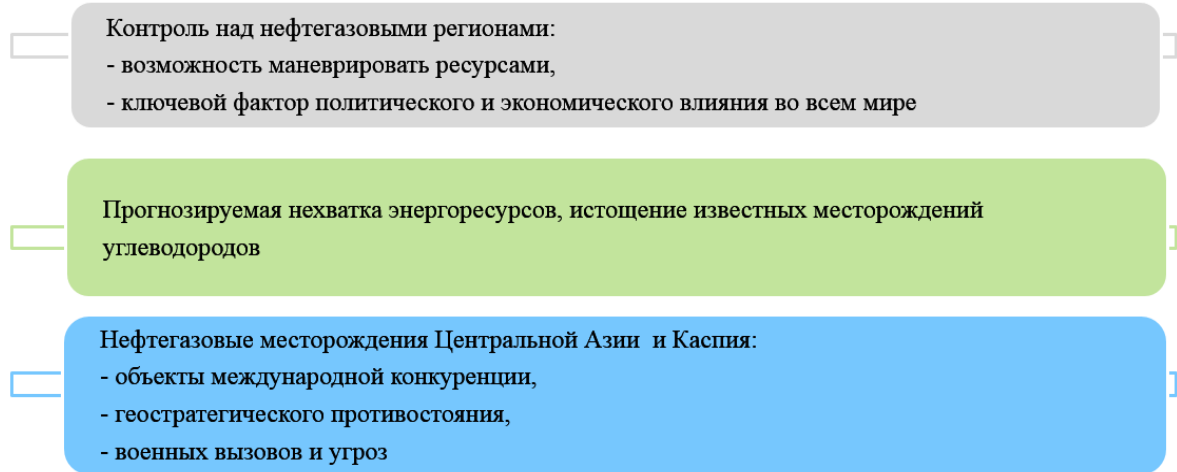

Рисунок 2 – Рост значения энергоресурсов в мировой политике

Находясь на стыке трех геостратегических частей мира – Европы, Азии и Ближнего Востока, Центральной Азии (ЦА) и вплотную примыкающие к нему нефтяные и газовые месторождения Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона. Можно выделить четыре уровня интересов к этому региону (Рисунок 3):

1) страновой – страны ЦА и Каспия (Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран, Казахстан, Узбекистан), пытающиеся решить внутренние проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок;

2) субрегиональный – на котором субрегиональные лидеры (Россия, Иран, Китай, Турция) стремятся максимально укрепить стратегические позиции в регионе;

3) регионально – евразийский – страны зоны транзита (Россия, Киргизия, Таджикистан, Иран, Китай, Турция, Грузия, Армения, Украина, Румыния, Болгария и другие), которые пытаются извлечь дивиденды из транспортировки энергосырья по их территории;

4) глобальный – где крупные мировые игроки (США, ЕС, Россия, Китай) рассматривают Центрально-Азиатский и Каспийский регион как элемент геополитической борьбы за контроль над нефтегазовыми ресурсами, обустройство стратегических коммуникаций и маршрутов вывоза нефти и газа на внешние рынки и выстраивание многоуровневой системы гарантий своих интересов в регионе.

Рисунок 3 – Уровни стратегических интересов к Центрально-Азиатскому и Каспийскому региону

В связи с этим Каспийско-Центрально-Азиатский регион – сложный этноконфессиональный клубок противоречий – переживает один из наиболее противоречивых и сложных этапов в своей истории.

Зона Каспийского моря (морское дно и прикаспийские территории) с прогнозными, разведанными и уже разрабатываемыми ресурсами нефти и газа рассматривается иностранными специалистами как резервный источник углеводородных энергоносителей для мировой экономики. Их доля в мировом нефтегазовом балансе многими экспертами сегодня оценивается в 3-4 %, а в перспективе может быть доведена до 6-9 % [1].

Экспертная оценка запасов нефти в российском секторе Каспия в 2,95 млрд т., природного и нефтяного газа – в 3,1 трлн куб.м. На данный момент в Каспийском регионе открыто 10 месторождений, которые вместе могут обеспечить добычу нефти на уровне 40 млн т. в год. По оценкам западных компаний, запасы Каспия составляют от 26 до 40 млрд т. условного топлива. Доказанные ресурсы нефтяных месторождений в Каспийском море составляют примерно 10 млрд т [2]. Извлекаемые запасы – 1,5 млрд т условного топлива (принятая при расчетах единица учета углеводородов). Из них 25-30 % – нефть, остальное газ и конденсат.

Помимо России, добычу углеводородов в регионе ведут Казахстан, Азербайджан, Туркмения и Иран. Доля России на Каспийском шельфе достаточно скромна. Так, весомость запасов Казахстана – 75 % нефти и 45 % газа. Туркмения имеет почти столько же газа, а нефти – 6 %. Доля России – 2 % нефти и 1 % газа [2].

Наибольшими запасами нефти в Центральной Азии обладает Казахстан (Таблица 1). По данным статистического обзора информационно-аналитического центра «Минерал» при Федеральном агентстве по недропользованию ФГУНПП «Аэрология», доказанные запасы нефти Казахстана составляют 3,9 % от мировых запасов. При достигнутых темпах добычи нефти обеспеченность данным видом ресурса для Казахстана составляет, по расчетам ИАЦ «Минерал», 123 года, а по запасам природного газа – 96 лет. Казахстан является одним из десяти крупнейших государств мира, обладающих избыточными энергетическими и минеральными ресурсами. В настоящее время в республике открыто 197 нефтяных и газовых месторождений. Самые большие перспективы по увеличению объемов добычи углеводородов связаны с Государственной программой освоения Казахстанского сектора Каспийского моря.

Узбекистан обладает уникальными запасами топливно-энергетических ресурсов и более 60 % его территории ориентированы на нефть и газ, где разведано более 160 перспективных месторождений углеводородов. Неопределенность на мировом рынке углеводородов (цены, объемы добычи) [3], вызванные санкциями США и пандемией COVID-19, ставят под удар многие перспективные проекты, в т. ч. связанные с транзитом углеводородов [4]. В связи с этим, экспортные возможности Узбекистана минимальны.

Разведанные запасы нефти Туркменистана составляют 82,2 млн т (Таблица 1), крупнейшие месторождения которой сосредоточены на шельфе Туркменского сектора Каспийского моря (около 80 %). Добыча нефти и экспорт имеют тенденцию к росту. Некоторые из центральноазиатских стран в официальных статистических отчетах показывают завышенные показатели по запасам энергоресурсов. Очевидно, это связано с заинтересованностью в поиске выгод от диверсификации, внесении остроты конкуренции в привлечение дополнительных инвестиций со стороны иностранных компаний.

Таблица 1 – Подтвержденные запасы природного газа, нефти и газоконденсата в Центральной Азии¹

Регион	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Доказанные запасы природного газа, млрд куб.м	2830	5,7	5,7	2830	1839,5
Запасы нефти и газоконденсата, млн т	8000 ^г	11,4 ^г	1,6	82,2	81,4

Примечания: ^г – оценка.

¹ Источник: ИАЦ «Минерал» и ФГУНПП «Аэрология».

По уровню доказанных запасов природного газа в Центральном-Азиатском регионе лидерами являются Казахстан и Туркменистан, совместный потенциал которых составляет 3,2 % мировых запасов. Заметное место в регионе по запасам природного газа занимает Узбекистан – 1,1 % доли мировых запасов (Таблица 1).

Существующая и перспективная система трубопроводов намечает контуры единой транспортно-энергетической инфраструктуры, стратегическими связующими «нитеями» объединяющая Евразийское энергетическое пространство между, с одной стороны ЕС, а с другой стороны Китай и Индию с нефте- и газодобывающими государствами Центральной Азии, Каспия, Ближнего и Среднего Востока, Россией и странами Восточной и Южной Азии (Рисунок 1). Здесь уже реализованы некоторые стратегические транзитные проекты: с российским участием – каспийский трубопроводный консорциум – КТК (соединяет месторождения Западного Казахстана Тенгиз и Карачаганак с российским побережьем Черного моря – терминал Южная Озереевка около Новороссийска), магистральный газопровод «Бухарский газодобывающий район Ташкент-Бишкек-Алматы, нефтепровод Омск-Павлодар-Чимкент-Чарджоу, региональный нефтепровод Баку-Новороссийск (Россия); идущие в обход территории РФ – нефтепроводы Баку-Тбилиси-Джейхан – БТД, Баку – Супса (Грузия), и др. (Рисунок 4)

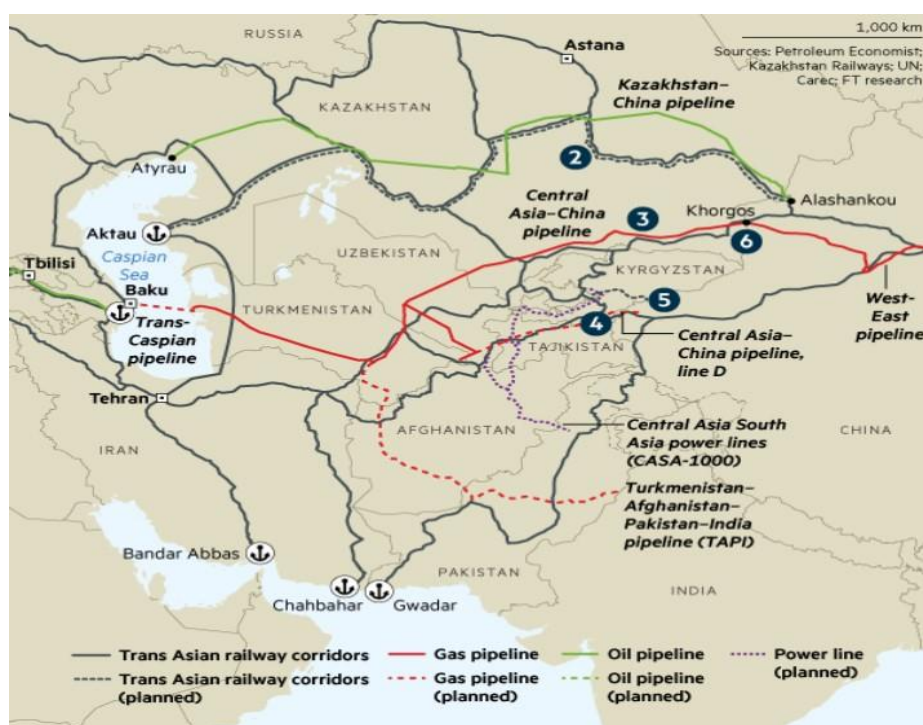

Рисунок 4 – Основные регионально-евразийские маршруты транспортировки нефти и газа¹

¹ Источник: <http://casp-geo.ru/tsentralnaya-aziya-kak-postavshhik-gaza-v-kitaj/>.

Стремление к диверсификации маршрутов поставок на мировом нефтегазовом рынке возникло с начала 2000-х гг. как со стороны поставщиков, так и со стороны потребителей. Подобные тенденции присутствуют и на европейском рынке, и на самом быстрорастущем энергетическом рынке – китайском, который намеренно создает диверсифицированный энергетический портфель и стабильный фундамент для будущих поставок энергоресурсов. Наиболее показательным примером является газопровод Центральная Азия – КНР (Туркмения – Узбекистан – Казахстан – Китай).

Имеются возможности альтернативных направлений поставок, исходящим центром которых является крупнейший в регионе по ресурсам и добыче газа Туркменистан. Это маршруты:

1) действующие трубопроводы: Средняя Азия – Центр (САЦ-1-4) через Россию в Европу; Прикаспийский газопровод в Россию (САЦ-3), который в перспективе будет расширен¹; Туркменистан – Иран (действует и расширяется), позволяющий использовать сделки замещения и поставлять на международные рынки туркменский трубопроводный газ и СПГ из района Персидского залива²; внутренний туркменский трубопровод Восток – Запад; Туркменистан – Китай через Узбекистан и Казахстан (три очереди А, В и С);

2) строящиеся трубопроводы: четвертая очередь газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай, Туркменистан – Кыргызстан – Таджикистан – Китай;

3) трубопроводы в стадии разработки и обсуждения: обходящие стороной Россию трубопроводные магистрали в Европу, соединение которых с правобережьем Каспия предполагается через Транскаспийский³ газопровод или через Иран; Трансафганский трубопровод: Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ)⁴.

Создание инфраструктуры в обход территории РФ ведет к закреплению стратегического присутствия в зоне Каспийского моря и ЦА ведущих западных стран и к усилению их влияния на политику государств региона.

Степень реализуемости перспективных и долгосрочность действующих энергетических проектов находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности и нивелирования существующих вызовов

¹ Прикаспийский газопровод, как ожидается, будет построен параллельно уже давно эксплуатируемому газопроводу «Средняя Азия-Центр» (САЦ), обойдя Узбекистан, и позволяя транспортировать газ шельфа Туркменистана и Казахстана (прим.авт.).

² Введен в строй магистральный газопровод «Восток-Запад» <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=10148>.

³ Транскаспийский газопровод планируется по дну Каспийского моря по маршруту Тенгиз (Казахстан) – Туркменбаши (Туркменистан) – Баку (Азербайджан) и, забирая по пути азербайджанский газ, вывести его в Турцию для соединения с действующим Южно-Кавказским трубопроводом Баку-Тбилиси-Эрзурум (прим.авт.).

⁴ Газопровод Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия протяженностью 1735 км возьмет старт в районе туркменского месторождения Галканыш и, пройдя по территории Афганистана и Пакистана, достигнет населенного пункта Фазилка (Индия) на пакистано-индийской границе (прим.авт.).

и угроз (Рисунок 5). Топливно-энергетическая тематика становится частью международных отношений как фундаментальная проблема национальной безопасности в условиях глобализации. Энергетическая безопасность определяется как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи» [6].

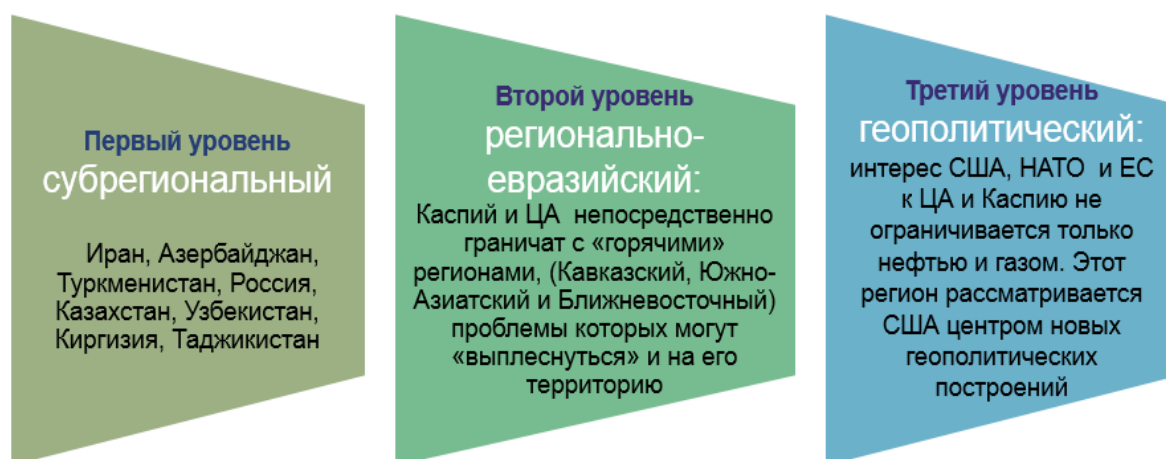

Рисунок 5 – Степень реализуемости перспективных и долгосрочность действующих российских энергетических проектов

С одной стороны, международное сообщество и отдельные государства в условиях постепенного разрушения международно-правовой системы, обострения старых и возникновения новых региональных кризисов исчерпывают свои институциональные и политические ресурсы. С другой стороны, формирующийся дефицит углеводородного сырья требует осуществления масштабных проектов в энергетике и транспортной сфере, прокладывания новых, в том числе трансконтинентальных, маршрутов, связывающих Запад и Восток для стабильного удовлетворения мировых потребностей в углеводородах.

С точки зрения энергетической безопасности можно выделить, по крайней мере, три уровня региональных политических рисков и внерегиональных факторов.

Первый уровень – страновой (Иран, Азербайджан, Туркменистан, Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Первая проблема на этом уровне – стремление Баку, Ашхабада и Астаны приобрести возможности для политических спекуляций и создать максимально широкий фронт международной поддержки своей политики на Каспии порождает другую проблему: присутствие в регионе большого числа зарубежных нефтяных компаний, в том числе транснациональных¹, а это создает сложные конкурентные условия [6].

¹ «Бритиш Петролеум», «Амоко», «Юнокал», «Экссон», «Шеврон», «Тексако», ЭНИ, «Мобил» и др. (прим.авт.).

Рисунок 6 – Первый уровень региональных политических рисков для устойчивого развития международных энергетических проектов Российской Федерации – субрегиональный

Эти противоречия создают почву для возникновения конфликтных ситуаций между прикаспийскими странами и для вмешательства в дела каспийского региона как соседних стран (Турция, Иран), так и нерегionalных государств, в первую очередь, США и Евросоюза. Но обе обозначенные выше проблемы вряд ли следует рассматривать как слишком серьезные, тем более – как непреодолимые препятствия для российских компаний, осуществляющих свои проекты на Каспии.

Предпосылки возможных конфликтов (в том числе вооруженных) обусловлены и гораздо более существенными дестабилизирующими факторами:

- прогрессирующая разобщенность стран региона, обусловленная превалированием политических амбиций правящих элит, преследующих узкие националистические интересы в межгосударственных отношениях [7];
- зависимость стран региона от внешних субсидий, несогласованность в вопросах внешней политики, борьба за региональное лидерство;
- столкновение национальных, экономических интересов: газ и нефть Каспия, вода и гидроэнергетические ресурсы¹, земля Ферганской долины –

¹ В силу географического расположения Узбекистан, Казахстан и Туркменистан попадают в гидрозависимость от Таджикистана и Кыргызстана, обладающими мощными водными запасами. Узбекистан препятствует строительству новых ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, используя как инструмент давления прекращение поставок газа в эти страны. Получается замкнутый круг: увеличение выработки электроэнергии на ГЭС Таджикистана и Кыргызстана зимой, сброс воды, Узбекистан лишается поливной воды летом и применяет санкции к «обидчикам» – задерживает транзитные грузы / Донбаева Г.Ч. Проблемы водных ресурсов Центральной Азии / Вестник РУДН, 2016. №2. С.62-67.

спорные вопросы пограничного размежевания (Таджикистан – Кыргызстан – Узбекистан¹, Казахстан – Узбекистан [8], Таджикистан – Узбекистан²);

- трудноразрешимые историко-территориальные конфликты (Таджикистан – Узбекистан³);

- демографические проблемы: высокий уровень рождаемости в ЦАР, большая плотность населения (численность населения более 57 млн чел.⁴), как следствие – нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов, земли и воды.

Второй уровень – региональный: Каспий и регион ЦА непосредственно граничат с «горячими» регионами, такими как Кавказский, Южно-Азиатский и Ближневосточный, проблемы которых могут при неблагоприятном стечении обстоятельств «выплеснуться» и на его территорию (Рисунок 7).

Рисунок 7 – Второй уровень региональных политических рисков для устойчивого развития международных энергетических проектов Российской Федерации – регионально-евразийский

¹ Нерешенность пограничного урегулирования в Ферганской долине означает не только вопросы демаркации, определения и введения режима границ, это еще и крупная этническая проблема – национальный характер границ или, точнее, национальное содержание их территориям. Ведь сложность заключается еще и в том, что по разные стороны границ Кыргызстана с Таджикистаном, Узбекистана с Кыргызстаном и наоборот проживают крупные диаспоры этих народов в виде анклавных вкраплений в каждом из государств (Цит. по Вопросы пограничного урегулирования в Центральной Азии / <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/29p.html>).

² Комплекс гидроэнергетических противоречий в отношениях Таджикистан-Узбекистан связан со строительством Рогунской ГЭС. Для Таджикистана при отсутствии других энергоресурсов это вопрос выживания: в зимний период возникает дефицит электроэнергии т.к. ГЭС не работают на полную мощность, иначе массовый сброс воды зимой приведет летом к дефициту поливной воды в Узбекистане и, как следствие, к социально-экономическому кризису – три четверти населения заняты в сельском хозяйстве (прим.авт.).

³ Противостояние Таджикистан-Узбекистан, возникшее после распада СССР: по мнению определенной части элиты Таджикистана, города Бухара и Самарканд, населенные таджиками, несправедливо достались Узбекистану по национально-территориальному делению 1920 г. (прим.авт.).

⁴ Рассчитано по «Классификатору стран мира». Режим доступа URL: <http://www.mir-geo.ru/>.

Наиболее серьезными из них являются:

- бурный рост религиозного экстремизма, фундаментализма (при содействии Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана, Турции) и международного терроризма (Афганистан, диверсионно-террористическая активность в северокавказских субъектах России, подрывная деятельность в странах Кавказа и Центральной Азии зарубежных исламских экстремистских организаций и движений [9], активизация борьбы уйгурских сепаратистов);

- наличие в регионе неурегулированных конфликтов (азербайджано-армянский конфликт из-за Нагорного Карабаха¹, проблема курдов в Турции, агрессивные действия Грузии против Южной Осетии и Абхазии);

- большая и трудноразрешимая проблема – наркотрафик из Афганистана, осложняемая отсутствием строго контролируемых границ, как внешних границ СНГ, так и между странами – соседями;

- экономические диверсии на транспорте, нефте- и газопроводах, объектах электроэнергетики (электростанции и линии электропередач) и связи, хищения нефти и газа из магистральных трубопроводов.

- разногласия, противоречия и противостояние между странами региона (Азербайджан-Иран², Турция-Армения³) по территориальным, политическим, этническим и другим вопросам, имеющим давние исторические корни.

Третий уровень – геополитический: интерес США, НАТО и Евросоюза к ЦА и Каспию не ограничивается только нефтью и газом. Этот регион рассматривается США центром геополитических построений,

¹ Азербайджан-Армения: Нагорно-карабахский конфликт возник и развивается на почве острой межнациональной вражды и межконфессионального противостояния, а также взаимных исторических претензий на эту территорию. Война между Арменией и Азербайджаном с 1994 г. и по настоящее время – состояние вооруженного противостояния на линии прекращения огня. По экспертным оценкам, мирное, политическое урегулирование в ближайшей перспективе невозможно (прим.авт.).

² Азербайджан-Иран: исторические противоречия вокруг т.н. «южного Азербайджана» – граничащих с Азербайджаном северо-западных иранских провинций Ардебиль, Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан и Зенджан, населенных азербайджанцами, курдами и персами. Эти территории были закреплены за Ираном Гюлистанским 1813 г. и Туркманчайским 1828 г. мирными договорами между Россией и Ираном. Сепаратистские выступления в 1946 г. привели к массовым жертвам этнических азербайджанцев. Эти события и идеи Великого Азербайджана (объединения всех населенных азербайджанцами территорий) являются мощным и провокационным фактором напряженности в отношениях между Баку и Тегераном (прим. авт.).

³ Турция-Армения: противоречия имеют давние исторические корни и порождены борьбой за территории, межнациональной и межконфессиональной неприязнью и агрессивным пантюркизмом турецкой политической элиты, который привел в 1915-1916 гг. к геноциду армянского населения Турции. Из более чем 2 млн проживавших на территории Турции армян турками было уничтожено, по разным оценкам, от 1,5 до 2 млн чел. Анкара на официальном уровне отказывается признать факты геноцида армян. Кроме вопроса о признании факта геноцида у Турции и Армении сохраняются разногласия по Карсскому договору от 1921 года в соответствии с которым города Карс и Ардаган отошли к Турции. Гора Арабат также оказалась на территории Турции. Такое разграничение стало основной причиной, по которой современная Армянская Республика не признает Карский договор. Карский договор продолжает оставаться политической реальностью и активно используется Турцией для вмешательства в политические процессы, происходящие в Южном Кавказе. Резкое обострение этих отношений может сыграть роль детонатора нового регионального конфликта и прямого вмешательства великих держав в дела Каспийского региона (прим.авт.).

одним из которых является «Стратегический энергетический эллипс» (Рисунок 8), охватывающий Каспийское море и Персидский залив, т.е. углеводороды стран Аравийского полуострова, Ирака, Ирана, Каспийского региона, Центральной Азии и даже России.

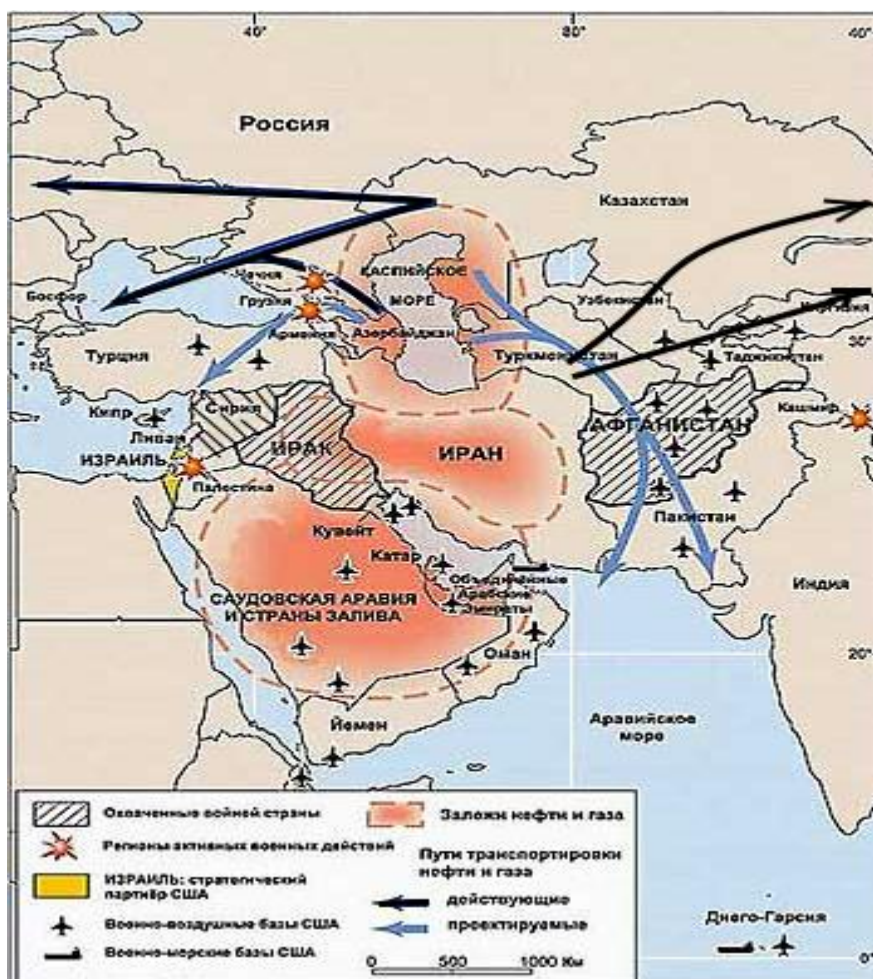

Рисунок 8 – Зона «стратегического энергетического эллипса»¹

Геополитическая ситуация здесь сложилась и продолжает развиваться под влиянием ряда внерегиональных факторов, которые должны учитываться при оценках условий безопасной реализации нефтегазовых проектов в зоне Каспия и ЦА:

- активные мероприятия ведущих западных стран и исламских государств по расширению своего политического, экономического и военного влияния в регионе и на подступах к нему [10];
- продолжающееся противостояние между Ираном и США [11];
- гражданские войны в Ираке, Сирии, Афганистане;
- навязывание некоторым государствам Южного Кавказа (в первую очередь, Грузии [12] и Азербайджан [13]) разного рода программ военного сотрудничества (Рисунок 9).

¹ Источник: <http://www.polit.nnov.ru>

Рисунок 9 – Геополитический интерес к Центральной Азии и Каспию

Политика и действия США, Евросоюза и НАТО в регионе ЦА и Каспийского моря являются наиболее серьезным стратегическим вызовом национальным интересам и безопасности России на этом направлении. Вашингтон осуществляет стратегический проект установления первенства США в регионе – обойти существующие пути транспортировки через Россию и Иран и направить энергоносители каспийского региона напрямую на перевалочный пункт – в страны НАТО (Турция), обеспечив тем самым независимое будущее странам-производителям и странам, предоставляющим транзит.

В Центральной Азии в совместных энергетических проектах доминирует КНР. Китайские корпорации¹ наращивают свое участие в проектах по разведке, добыче, переработке и транспортировке углеводородов в ЦА. «Связанные» кредиты Китая вовлекают страны региона в долговые ловушки. Энергетическая (нефтяная) дипломатия Поднебесной опирается прежде всего на государственную поддержку и финансирование, позволяющие госкорпорациям КНР проявлять гибкость в переговорах в т.ч. по ценовой политике. Высокие темпы роста развития Китайской экономики поставили перед государством проблему обеспечения энергоресурсами для сохранения темпов роста. Потребности КНР в энергии растут втрое быстрее среднемировых, что превращает вопрос энергетического снабжения в проблему национальной безопасности. Существующие пути импорта энергоносителей из Африки и Ближнего Востока морским путем на 80 % уязвимы. Стратегия энергетической безопасности КНР указывает на необходимость диверсификации, где приоритет отдается трубопроводным энергопоставкам с месторождений Каспия и ЦА.

¹ В сферах нефти и газа основная роль принадлежит трем госкорпорациям: Китайской Национальной нефтяной корпорации – КННК (CNPS), Китайской нефтехимической корпорации – КНХК (Sinopec) и Китайской оффшорной нефтяной корпорации – КНОНК (CNOOC).

Мировой интерес к природным ресурсам превращают Центральную Азию в регион нестабильности. Поэтому безопасность здесь может обеспечить только совместное использование транснациональных ресурсов, имеющих международное значение.

В этом контексте особую роль играет Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), как пример стратегического партнерства и интеграции в Евразии, и которая способна, в перспективе, стать интернациональным механизмом по согласованию взаимовыгодного использования ресурсов стран Каспия и ЦА [14].

Топливо-энергетическая проблематика требует нового взгляда на формат взаимодействия в рамках ШОС, нуждающийся в совершенствовании и развитии. Уникальной характеристикой энергетического пространства ШОС характеризует отсутствие третьих стран на пути транспортировки энергоресурсов. Органичное геоэкономическое сочетание групп производителей-экспортеров (Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителей-импортеров энергоносителей (Китай, Киргизия, Таджикистан). С учетом стран-наблюдателей можно говорить о взаимодействии «оси» производителей (Россия – Казахстан – Узбекистан – Иран) и «оси» потребителей энергоресурсов (Китай – Таджикистан – Киргизия – Индия – Пакистан – Монголия). Реализация и первой, и тем более второй (вместе с наблюдателями) моделей делает ШОС самодостаточной энергетической системой, как в региональном, так и в глобальном плане. К этим двум «осям» следует добавить «ось» стран-транспортировщиков. Во взаимодействии этих трех «осей» (по газовой, нефтяной, атомной, электрической опциям) центральным вопросом на первом этапе, видимо, будет выработка единой политики в отношении цен (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений), маршрутов, объемов продаж и закупок. В отличие от ОПЕК, ШОС объединяет и производителей, и транспортеров, и потребителей энергетических ресурсов, что позволяет уже на начальном этапе осуществлять стратегию сравнительных преимуществ [15].

Экономический кризис, вызванный пандемией, деструктурирует многие проекты. Экстремальные условия сжатия экономики, остановка деятельности и пересмотр инвестиционных программ и стратегий компаний, дефицит финансовых ресурсов вносят коррективы в правила игры и функции участников рынка. Предстоит переоценка перспектив развития, под вопросом любое интеграционное сближение. Для Шанхайской Организации Сотрудничества, как крупной интеграционной структуры, именно сейчас экономически и политически рационально активизировать совместную борьбу с эпидемией и начать работу по стратегическому планированию по преодолению негативных последствий в странах-членах ШОС.

Необходимо учитывать большой опыт ШОС по эффективной координации деятельности государств региона в противостоянии терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму, а также таким

нетрадиционным угрозам современности как наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, кибер-преступность и другим угрозам [16]. Национальные стратегии безопасности и развития имеют свои особенности и требуют определенного согласования.

В этих обстоятельствах ШОС, являясь комплексной структурой, адаптирует и гармонизирует нестыковки и выступает «уникальным механизмом мягкой конкуренции». Динамика сотрудничества между странами-членами ШОС по вопросам безопасности свидетельствует о достижении определенного прогресса.

На этом весьма сложном пути важно установить и укрепить отношения членов ШОС с другими региональными организациями, цели и задачи которых тесным образом переплетаются: СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Укрепление сотрудничества между этими организациями, учитывая идентичность стоящих перед нами вызовов и угроз, а также существенное совпадение их составов, является естественным и своевременным процессом.

Возрастание значения в мировой экономике азиатских энергетических рынков, появление новых крупных потребителей энергии (КНР, Индия), требует анализа энергетического сотрудничества в политическом измерении и построения моделей энергетического взаимодействия с учетом новых политических и экономических реалий.

Главные задачи России в сложившейся сложной геополитической обстановке:

- предупреждение новых и блокирование существующих вооруженных конфликтов, настойчивый поиск путей и механизмов урегулирования имеющихся в регионе разногласий и противоречий;
- недопущение в Каспийский бассейн ВМС внешних для него стран либо всемерная локализация ущерба от их появления;
- обеспечение экологического контроля в регионе;
- осуществление собственной независимой нефтегазовой политики в ЦА и Каспийском регионе и планомерное освоение российскими компаниями региональных месторождений углеводородов при постоянном совершенствовании и наращивании производственной и транспортной инфраструктуры;
- поддержание конкурентоспособности российских маршрутов вывода энергоносителей на мировой рынок; модернизация трубопроводов и диверсификация их направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курамшин Д.Р. Оценка запасов углеводородного сырья стран каспийского региона // Вестник университета. – 2016. – № 7-8. – С.82– 87.
2. Бровкина М. Золотое дно. Разработка каспийского шельфа принесет России миллиарды кубометров нефти и газа // Российская газета. – № 207(7670).

3. Радар валютных новостей: нефть. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.sberometer.ru/rvn/oil/> (дата обращения: 25.07.2020).

4. Движение нефти сковывает боязнь коронавируса. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://regnum.ru/news/economy/3024224.html> (дата обращения: 25.07.2020).

5. Введен в строй магистральный газопровод «Восток-Запад». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=10148> (дата обращения: 27.07.2020).

6. Kalicki J.H., Goldwyn D.L. Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy. – Washington – Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 2005. – 604 p. P.9.

7. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: 2008. – 241 с.

8. Рахимов М. Межгосударственные границы и проблемы безопасности в Центральной Азии // Центр Азии. 24.02.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235459700> (дата обращения: 29.07.2020).

9. Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=277297> (дата обращения: 29.07.2020).

10. США за милитаризацию соседей РФ по Каспию. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://topwar.ru/3766-ssha-za-militarizaciyu-sosedej-rf-po-kaspiyu.html> (дата обращения: 29.07.2020).

11. «Восток – дело тонкое»: чем может закончиться противостояние США и Ирана. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://tvk6.tilda.ws/usa_versus_iran (дата обращения: 30.07.2020).

12. США и Грузия запускают программу военного сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.apsny.ge/2018/mil/1525139348.php> (дата обращения: 29.07.2020).

13. США укрепляют свои позиции на рынке вооружений Азербайджана. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://bmpd.livejournal.com/3776934.html> (дата обращения: 29.07.2020).

14. Петровский В.Е. Безопасность и развитие в Евразии в свете среднесрочной стратегии развития ШОС. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-i-razvitie-v-evrazii-v-svete-srednesrochnoy-strategii-razvitiya-shos> (дата обращения: 29.07.2020).

15. Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества 2013-2015 гг. Прогнозы, сценарии и возможности развития. – М., 2013. – 120 с.

16. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС. Отв. редактор д.и.н. С.Г. Лузянин. – М.: Весь Мир, 2017. – 168 с.

БАКЛИЦКИЙ А.А.

аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. Проблематика противоракетной обороны является одной из ключевых тем контроля над вооружениями. В статье проводится анализ современного состояния систем ПРО России и США, обозначаются наиболее опасные для поддержания стратегической стабильности сюжеты и предлагаются направления их возможного урегулирования.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, противоракетная оборона, ядерное оружие, Россия, США.

Вопросы стратегической противоракетной обороны (ПРО) традиционно занимают важное место в военном планировании России и Соединенных Штатов Америки (США). С учетом ее высокого дестабилизирующего потенциала стратегическая ПРО была серьезно ограничена договором между СССР и США 1972 года. Несмотря на все усилия Москвы, Вашингтон вышел из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО) в 2002 году, что ослабило двустороннюю стратегическую стабильность и привело к последовательному развитию новых наступательных и оборонительных вооружений. Снятие этой напряженности и урегулирование вопроса дипломатическим путем с учетом интересов обеих сторон способствовало бы укреплению национальной безопасности России. В то же время США пока не продемонстрировали готовности искать необходимые дипломатические и технические развязки.

Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) являются основным средством доставки ядерного оружия до территории вероятного противника и основой ядерного сдерживания. Траектория полета МБР и ее головной части (ГЧ) включает в себя два участка: активный (управляемый полет с работающей ракетной установкой) и пассивный (неуправляемый, свободный полет после выключения двигательной установки и отделения ГЧ) [1]. Пассивный участок траектории в свою очередь делится на внеатмосферную и атмосферную часть. В разное время в СССР/России и США разрабатывались системы ПРО, направленные на перехват МБР на всех участках траектории.

Противоракетная оборона США

По состоянию на август 2020 года, система ПРО США включала в себя три основных компонента:

- два района размещения «тяжелых» противоракет GBI (Ground Based Interceptors – перехватчики наземного базирования) в континентальной части США с 44 противоракетами – 40 на комплексе Форт-Грили на Аляске и 4 на авиабазе Ванденберг в Калифорнии [2];

- 38 судов, оснащенных боевой системой Иджис (Aegis) с различными модификациями противоракет атмосферного – RIM-156 Standard Block IV (SM-2) и RIM-174 Standard ERAM (SM-6) и заатмосферного перехвата – RIM-161 Standard Missile 3 (SM-3) [3];

- Сухопутная версия системы Иджис (Aegis Ashore) в Европе, развернутая в рамках Европейского поэтапного адаптивного подхода – 24 ракеты SM-3 на базе противоракетной обороны Девеселу в Румынии.

Кроме того, Соединенные Штаты располагали подвижными комплексами ПРО THAAD (Terminal High Altitude Area Defense), предназначенными для перехвата ракет средней дальности на атмосферном и на завершающем этапе внеатмосферного участка траектории [4].

Противоракеты наземного базирования GBI состоят из ускорителя и кинетической боеголовки, на сегодняшний момент все развернутые противоракеты оснащены боеголовкой EKV (Exoatmospheric Kill Vehicle – заатмосферная кинетическая боеголовка). Результаты испытаний системы выглядят неоднозначно, с 1999 года только 11 из 19 пусков были успешными [5].

Проект разработки новой боеголовки RKV (Redesigned Kill Vehicle – модернизированная боеголовка) для противоракет GBI, который вела корпорация Боинг, закончился неудачей. Сроки испытаний и развертывания RKV неоднократно сдвигались, и в августе 2019 года заказчик закрыл проект. Комментируя завершение программы, заместитель министра обороны США Мартин Гриффин отметил «мы решили, что путь, по которому мы двигались, не принесет необходимых результатов, так что мы не будем продолжать по нему идти» [6]. В апреле 2020 года Агентство по противоракетной обороне США объявило тендер на разработку перехватчика нового поколения NGI (Next-Generation Interceptor). Заявки на тендер подали корпорации Boeing, Raytheon-Northrop Grumman и Lockheed Martin [7].

Решение об отмене разработки RKV поставило под вопрос, по крайней мере в среднесрочной перспективе, строительство 20 дополнительных противоракет GBI, для размещения на Аляске. Их строительство было запланировано с использованием новой боеголовки и должно было быть закончено к 2023 году [8]. Но если оборонный бюджет 2020 года предполагал выделение полутора млрд долларов в 2020-2024 гг. на приобретение дополнительных противоракет, то запрос на 2021 г. практически не содержит финансирования на закупку новых противоракет [9].

Пока Агентство по противоракетной обороне планирует продолжить строительство 20 шахт для противоракет с возможностью их использования для NGI. Разработка противоракет NGI предполагает также разработку нового ускорителя, [10] и их развертывание не ожидается раньше 2027 года в самом оптимистичном сценарии [11].

ВМФ США располагает боевой системой Иджис, одна из модификаций которой позволяет перехватывать баллистические ракеты с помощью противоракет SM-3. Система Иджис развернута на двух типах кораблей – ракетных крейсерах типа «Тикондерога» и эскадренных миноносцах типа «Арли Берк». По состоянию на март 2020 года 38 из этих кораблей были оснащены версией Иджис, предназначенной для функций ПРО (BMD-capable Navy Aegis ships). Другие корабли, оснащенные системой Иджис, не предназначены для защиты от баллистических ракет, но могут быть модернизированы для выполнения функций ПРО, для чего требуется изменение компьютерных систем, программного обеспечения и установка противоракет [3]. Согласно Обзору политики в области ПРО 2019 года, планировалось довести количество кораблей с системой ПРО до 60 в 2023 году [12]. Бюджетный запрос на 2020 год предполагал увеличение количества таких кораблей до 59 в 2024 году [3]. Но в последней на данный момент версии бюджетного запроса ВМФ, в связи с ограничением финансирования, предложил сократить закупку новых эсминцев на пять единиц в ближайшие пять лет, [13] что ставит реализацию этих планов под вопрос.

Ракетные крейсера типа «Тикондерога» оснащены 122 установками вертикального пуска Mark 41, эскадренные миноносцы типа «Арли Берк» – 90 и 96 установками вертикального пуска Mark 41 в зависимости от модификации. Пусковые установки Mk 41 на этих кораблях используются для запуска большой номенклатуры ударных, противокорабельных, противолодочных ракет и противоракет, что не позволяет определить количество пусковых установок, используемых для целей ПРО в каждый отдельный момент, хотя очевидно, что оно будет меньше максимально возможного.

С точки зрения стратегической ПРО наибольший интерес представляют размещаемые на кораблях с системой Иджис противоракеты SM-3, предназначенные для кинетического заатмосферного перехвата баллистических ракет. На данный момент SM-3 существует в трех последовательно разработанных вариантах. SM-3 Block IA и Block IB (вариант с улучшенной головкой самонаведения, процессором и маневренностью) стоят на вооружении, их общее количество оценивается в несколько сотен. [14] SM-3 Block IIА, разработанный совместно с японскими Силами самообороны, закупается министерством обороны США в ограниченном количестве и проходит испытания. Block IIА отличается увеличенным топливным баком, что позволяет увеличить скорость и дальность полета противоракеты, и более крупной кинетической

боеголовкой [3]. По различным неофициальным оценкам скорость SM-3 Block PA составляет около 4,5 км/сек по сравнению с 3 км/с для Block IB [15].

Разработка следующего поколения противоракет SM-3 Block PB, предназначенных для перехвата МБР, была отменена Соединенными Штатами в 2013 году [16].

Тем не менее, в том числе на фоне отсутствия прогресса в развитии системы ПРО в континентальной части страны с перехватчиками GBI, Вашингтон планирует оценить возможности по использованию SM-3 Block PA для перехвата межконтинентальных баллистических ракет. В марте 2020 года заместитель министра обороны США Майкл Гриффин сообщил, что испытание по перехвату МБР противоракетой SM-3 Block PA состоится в третьем квартале 2020 финансового года (апрель-июнь) [17]. Впоследствии планы были сдвинуты на конец 2020 – начало 2021 гг. В случае успешного перехвата МБР это повысит угрозу для стратегических сил России, особенно с учетом довольно большого количества запланированных к закупке противоракет (текущие планы составляют свыше 300 единиц) [18].

Союзники США, включая Австралию, Испанию, Норвегию, Южную Корею и Японию, имеют на вооружении, строят или планируют строить корабли, оснащенные системой Иджис. Большинство из шести японских эсминцев с системой Иджис, предназначены для противоракетной обороны, Токио планирует модернизировать оставшиеся в ближайшие годы, еще два эсминца ПРО находятся в процессе постройки [3]. Корабли других союзников США, оснащенные системой Иджис, не предназначены для защиты от баллистических ракет.

В рамках Европейского поэтапного адаптивного подхода на базе ПРО Девеселу в Румынии развернута **сухопутная версия системы Иджис**, оснащенная 24 ракетами SM-3 Block IB. Строительство второй базы ПРО США в Европе в польском поселке Редзиково, где должны будут разместиться еще 24 ракеты SM-3, продолжает затягиваться. База, которую планировалось ввести в строй в 2018 г., не будет готова до 2022 года из-за медленной работы подрядчиков [19]. В перспективе обе базы планируется перевооружить на противоракеты SM-3 Block PA.

Развертывание наземной версии Иджис рассматривается в качестве альтернативы как для GBI, так и для использования кораблей с системой Иджис для функций ПРО. В частности, обсуждаются варианты использования наземной версии Иджис в континентальной части США, [9] на Гуаме (для замены батареи THAAD) [20] и на Гавайях (на основе испытательного полигона системы ПРО на базе Баркинг-Сэндс) [12].

Япония планировала развернуть на своей территории две наземные системы Иджис – в префектуре Акита на северо-востоке страны и в префектуре Ямагути на юго-западе. По оценкам министерства обороны Японии, от момента подписания контракта, до ввода систем в строй потребовалось бы шесть лет [21]. По заявлениям японской стороны, планировалось, что комплексы ПРО будут управляться Силами

самообороны, но, учитывая близкие союзнические отношения Токио и Вашингтона, стоило ожидать глубокой интеграции противоракетных систем двух стран. В июне 2020 года Япония официально заявила, что приостанавливает планы развертывания системы Иджис на неопределенный срок из-за обнаружившихся технических проблем.

Администрация США также рассматривает возможность использовать системы **ТНААД** для **перехвата МБР** на атмосферном участке траектории, интегрировав их в единую эшелонированную систему с перехватчиками GBI и SM-3. Рассматривается как использование существующих противоракет, так и модификация головки самонаведения и ускорителя [22].

Администрация Д. Трампа также демонстрирует возобновление интереса к **перехвату баллистических ракет на активном участке траектории**. Обзор политики США в области ПРО 2019 года отмечал, что «с развитием ракетных арсеналов стран-изгоев, размещение перехватчиков в космосе может предоставить возможность для перехвата атакующих ракет в наиболее уязвимой разгонной части траектории, до того, как они смогут применить средства противодействия. Министерство обороны проведет новый краткосрочный обзор концепций и технологий космической ПРО для оценки технологического и операционного потенциала размещения элементов противоракетной обороны в космосе» [12]. В том же документе рассматривался потенциал истребителя-бомбардировщика с новым или модифицированным перехватчиком F-35 для перехвата баллистических ракет на активном участке траектории [12].

В то же время исследование Пентагона в отношении космических сенсоров и перехватчиков, которое планировалось завершить за шесть месяцев [23] (к июлю 2019 года), так и не было опубликовано по состоянию на конец марта 2020 года. Оборонный бюджет на 2020 год выделил на перехват на активном участке траектории 34 млн долларов, [24] что означает, что фактически работы в этом направлении не ведутся.

Противоракетная оборона России

В отличие от США Россия не разрабатывает и не планирует разрабатывать систему ПРО, направленную на защиту всей территории страны. Россия сохраняет **систему противоракетной обороны Москвы и центрального региона А-135**, разработанную в контексте Договора о ПРО 1972 года. По открытым данным по состоянию на 1989 год, когда система была завершена, в ее состав вошли: «РЛС «Дон2Н»; командно-измерительный пункт и противоракеты – 68 ПР ближнего перехвата 53Т6 (Gazelle), рассчитанных на перехват целей в атмосфере, и 32 ПР дальнего перехвата 51Т6 (Gordon), предназначенных для перехвата целей за пределами атмосферы [25]. Цифру в 68 перехватчиков приводит и Обзор политики США в области ПРО 2019 года [12]. В настоящее время ведется модернизация системы, разработка и испытание новых противоракет [26].

Информация об увеличении количества противоракет в открытых источниках отсутствует.

Помимо этого, в России существует обширная номенклатура **мобильных наземных систем ПВО и ПРО**. Перспективная система С-500 «Прометей», поставка которой в войска ожидается в 2020 году, предназначена для «борьбы с боевым оснащением баллистических ракет средней дальности (самостоятельный перехват с дальностью пуска до 3,5 тыс. км) и межконтинентальных баллистических ракет на конечном участке траектории, а в определенных случаях – и на среднем участке» [27]. Ее предшественник, комплекс ПВО С-400 «Триумф» широко экспортируется Россией, поставки были осуществлены в Китай и Турцию, заключен контракт с Индией.

В апреле 2018 года издание «The Diplomat» со ссылкой на источники в министерстве обороны США сообщило об успешном испытании Россией новой системы противоспутниковой/противоракетной системы Нудоль с мобильной пусковой установки [28]. По данным издания, технические характеристики системы позволяют ей производить заатмосферный перехват баллистических ракет.

Возможности для контроля над вооружениями в области ПРО

Наиболее успешной инициативой по контролю над вооружениями в области ПРО стал Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года. Согласно договору, стороны взяли на себя следующие основные ограничения:

- ограничить свои стратегические системы ПРО двумя (затем одним) комплексами с не более 100 противоракетами;
- не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории стратегические системы ПРО или их компоненты;
- не создавать, не испытывать и не разворачивать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования;

Первое из приведенных ограничений достаточно близко соблюдается обеими сторонами, и сегодня, несмотря на выход США из ДПРО в 2002 году, неизвестно ни о российских, ни об американских планах по наращиванию количества своих стационарных противоракет свыше 100 единиц в обозримой перспективе. В целом, исходя из современного состояния стратегической ПРО США, основанной на противоракетах GBI, можно сделать вывод, что как минимум в ближайшее десятилетие эта система не будет представлять угрозы для российских стратегических сил по чисто техническим, финансовым и организационным причинам. Учитывая, что система ПРО, развернутая сегодня в континентальной части Соединенных Штатов популярна как среди населения, так и в обеих политических партиях в Конгрессе, предложения о ее включении в переговоры по контролю над вооружениями обречены на провал.

В этом контексте более перспективными выглядят переговоры об ограничении систем ПРО за пределами национальной территории, что также позволит вывести из-под ограничения российские мобильные системы.

Второе ограничение нарушается США, размещающими свои системы ПРО за пределами национальной территории и передающими их союзникам. В то же время на определенном этапе не исключена продажа Россией новых систем ПРО собственным союзникам и партнерам. Поскольку Вашингтон может быть не заинтересован в появлении систем класса С-500 у Ирана и КНР (при том, что для Пекина и Тегерана защита от МБР, скорее всего, не будет первым приоритетом), здесь может существовать пространство для переговоров. Россия и США могли бы договориться о технических ограничениях систем ПРО, поставляемых на экспорт, за образец может быть взят режим РКРТ.

Наконец, третье ограничение не соблюдается ни Вашингтоном, ни Москвой, обе страны обладают или разрабатывают мобильные системы ПРО. В то же время активное развитие мобильных нестратегических систем ПРО в 1990-е годы заставило стороны обратить внимание на данный вопрос. В 1997 году в Нью-Йорке участниками договора был согласован меморандум о взаимопонимании и два совместных заявления, впоследствии ратифицированные Россией, но не США. Соглашение предполагало, что для целей ДПРО не будут засчитываться противоракеты, скорость которых не превышает 3 км/с, не испытанные против ракет-мишеней со скоростью, превышающей 5 км/с и дальностью, превышающей 3500 км [29]. Стороны также договорились о мерах транспарентности в отношении нестратегических систем ПРО (THAAD и Navy Theater-Wide Theater Ballistic Missile Defense Program – в будущем Aegis Missile Defense System – для США и С-300В для России) [30]. В рамках договоренности предусматривался ежегодный обмен информацией о системах, уведомления о создании новых испытательных полигонов и пусках противоракет, а также обещание, что разворачиваемые нестратегические системы не будут представлять угрозу для стратегических ядерных сил, что должно было подкрепляться обменом информацией по количеству и планам применения и развития данных систем.

Договоренности 1997 года были интересным опытом, но его применение в сегодняшней ситуации требует нескольких уточнений. По данным СМИ, SM-3 Block II уже превосходит скорость, согласованную в меморандуме как «безопасную», вероятно, это также будет касаться и С-500. При этом любые договоренности по ПРО должны будут включать какое-то ограничение по скорости перехватчиков, это будет особенно важно для противоракет США, размещенных в Европе, как на базах Aegis Ashore, так и на кораблях в Северной Атлантике, с дальнейшим повышением скорости будут повышаться шансы на их успешное использование против российских МБР на активном участке траектории.

В то же время для перехвата МБР на пассивном участке траектории скорость является важным, но не критическим фактором – достаточно, чтобы траектория противоракеты пересеклась с хорошо просчитываемой траекторией баллистической ракеты. В этом контексте важно также рассматривать общее количество американских противоракет, предназначенных для заатмосферного перехвата, в первую очередь SM-3. Россия и США могли бы договориться об ограничении количества противоракет, которое было бы достаточным для перехвата ограниченного количества ракет третьих стран, но недостаточным для угрозы стратегическим силам двух сторон. Хотя США меньше России заинтересованы в контроле систем ПРО другой стороны, Вашингтон неоднократно озвучивал свои озабоченности противоспутниковыми возможностями российских систем, что открывает возможности для диалога об их ограничении. Подобный договор может быть бессрочным, либо, ограниченным по времени (по аналогии с договорами об СНВ, например, на десять лет с возможностью продления), что может быть более приемлемо для американской стороны.

Москва и Вашингтон могли бы обмениваться данными по количеству у них противоракет, но верификация ракет на складах выглядит проблематично. Верификация количества и наличия/отсутствия противоракет SM-3 на отдельных судах также вряд ли будет возможна в связи с нежеланием демонстрировать заполнение других пусковых установок. В этой связи можно было бы рассмотреть возможность выделения кораблей ПРО и кораблей, неспособных нести противоракеты, с ограничением количества первых и их обеспечением внешними и функциональными отличиями, которые могут быть верифицированы НТСК. ВМФ США может оказаться не против ограничения количества кораблей ПРО, поскольку его руководство неоднократно негативно высказывалось о том, что задачи ПРО потребляют слишком много ограниченных ресурсов флота [31].

Другим важным направлением для контроля над вооружениями должно стать неразмещение систем ПРО в космическом пространстве и запрет на стратегические системы ПРО воздушного базирования, которых в данный момент нет, но разработка которых ведется.

Нужно оговориться, что практическая реализация обозначенных возможностей для российско-американского контроля над вооружениями в области противоракетной обороны не кажется на сегодняшний день чрезвычайно реалистичной. Отношения между Россией и США остаются в очень тяжелом состоянии. Последний двусторонний договор в сфере стратегических вооружений – ДСНВ – истекает меньше, чем через год, и перспективы его продления остаются неясными. Тем не менее с изменением политической ситуации какие-то из этих механизмов могут оказаться полезными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военный энциклопедический словарь. Министерство обороны России. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>. (дата обращения: 04.09.2020).
2. Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2019 Defense Budget for the Missile Defense Agency. 13.02.18. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1440326/departments-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2019-defense/>. (дата обращения: 04.09.2020).
3. Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service. 17.12.19. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL33745.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
4. Fact Sheet, Terminal High Altitude Area Defense. U.S. Department of Defense, Missile Defense Agency, 24.09.18. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.mda.mil/global/documents/pdf/thaad.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
5. Ballistic Missile Defense Intercept Flight Test Record. Missile Defense Agency. September 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.mda.mil/global/documents/pdf/testrecord.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
6. Paul Mcleary. Pentagon Cancels Multi-Billion \$ Boeing Missile Defense Program. Breaking Defense. 21.08.19. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://breakingdefense.com/2019/08/pentagon-cancels-multi-billion-boeing-missile-defense-program/> (дата обращения: 04.09.2020).
7. Jen Judson. Lockheed dives into next-generation missile defense interceptor competition. Defense News. 03.08.2020. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defensenews.com/industry/2020/08/03/lockheed-dives-into-next-generation-missile-defense-interceptor-competition/> (дата обращения: 04.09.2020).
8. Missile Defense. Delivery Delays Provide Opportunity for Increased Testing to Better Understand Capability. Government Accountability Office. June 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.gao.gov/assets/700/699546.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
9. Tom Karako, Wes Rumbaugh. Inflection Point: Missile Defense and Defeat in the 2021 Budget. CSIS. 22.03.20. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.csis.org/analysis/inflection-point-missile-defense-and-defeat-2021-budget> (дата обращения: 04.09.2020).
10. Hill: NGI Has Flexibility In Development Cycle, Replaces Whole Interceptor. Defense Daily. 10.03.2020. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defensedaily.com/hill-ngi-flexibility-development-cycle-replaces-whole-interceptor/missile-defense/> (дата обращения: 04.09.2020).

11. Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2021 Defense Budget for the Missile Defense Agency. 10.02.20. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2081326/departments-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2021-defense/> (дата обращения: 04.09.2020).

12. 2019 Missile Defense Review. Department of Defense. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

13. Navy's New Shipbuilding Plan 'Dead on Arrival,' Lawmakers Say. USNI news. 10.02.20 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://news.usni.org/2020/02/10/navys-new-shipbuilding-plan-dead-on-arrival-lawmakers-say> (дата обращения: 04.09.2020).

14. Standard Missile-3 (SM-3). CSIS. 28.09.18 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://missilethreat.csis.org/defsys/sm-3/> (дата обращения: 04.09.2020).

15. Joan Johnson-Freese, Ralph Savelsberg. Why Russia Keeps Moving the Football on European Missile Defense: Politics. Breaking Defense. 17.10.13 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://breakingdefense.com/2013/10/why-russia-keeps-moving-the-football-on-european-missile-defense-politics/> (дата обращения: 04.09.2020).

16. Missile Defense Announcement. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, Department of Defense. 15.03.13. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1759> (дата обращения: 04.09.2020).

17. Statement of Michael D. Griffin Under Secretary of Defense for Research and Engineering Before the House Armed Services Subcommittee on Intelligence, Emerging Threats and Capabilities. 11.03.20. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.congress.gov/116/meeting/house/110655/witnesses/HHRG-116-AS26-Wstate-GriffinM-20200311.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

18. Laura Grego. The SM-3 Block IIA Interceptor. A New Arms Control Challenge. Union of Concerned Scientists. August 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2019/08/SM-3%2520IIA.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

19. MDA, Army Withholding Pay as Aegis Ashore Poland Construction Still Drags. USNI News. 12.03.20 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://news.usni.org/2020/03/12/mda-army-withholding-pay-as-aegis-ashore-poland-construction-still-drags> (дата обращения: 04.09.2020).

20. Pentagon considers replacing Guam's THAAD battery with Aegis Ashore. Jane's. 05.02.20 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.janes.com/article/94114/pentagon-considers-replacing-guam-s-thaad-battery-with-aegis-ashore> (дата обращения: 04.09.2020).

21. Lockheed Martin Wins Contract Modification for Japan Aegis Ashore Batteries. The Diplomat. 09.03.20 [Электронный ресурс] Режим доступа

URL: <https://thediplomat.com/2020/03/lockheed-martin-wins-contract-modification-for-japan-aegis-ashore-batteries/> (дата обращения: 04.09.2020).

22. MDA's FY21 budget paves way for new homeland missile defense plans. Defense News. 10.02.20 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defensenews.com/smr/federal-budget/2020/02/11/mdas-fy21-budget-paves-way-for-new-homeland-missile-defense-plans/> (дата обращения: 04.09.2020).

23. Department Of Defense Off-Camera Press Briefing on the 2019 Missile Defense Review. 17.01.19 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1734967/departement-of-defense-off-camera-press-briefing-on-the-2019-missile-defense-rev/> (дата обращения: 04.09.2020).

24. Missile Defense. An assessment of U.S. Military Power. Heritage Foundation. 30.10.19 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.heritage.org/military-strength/assessment-us-military-power/missile-defense> (дата обращения: 04.09.2020).

25. Виктор Колтунов, Александр Кубышкин, Владимир Степанов. Противоракетная оборона: история и современность. 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://mil.ru/files/Anti-ballistic/01_Rosatom.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

26. Воздушно-космические силы выполнили пуск новой противоракеты системы ПРО. Министерство обороны России. 02.07.19. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://contract.mil.ru/sel_contract/news/more.htm?id=12239388@egNews (дата обращения: 04.09.2020).

27. Разработчик рассказал о возможностях С-500 // РИА Новости. 10.02.20. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://ria.ru/20200210/1564512668.html> (дата обращения: 04.09.2020).

28. Russia Conducts New Test of 'Nudol' Anti-Satellite System. The Diplomat. 02.04.18 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://thediplomat.com/2018/04/russia-conducts-new-test-of-nudol-anti-satellite-system/> (дата обращения: 04.09.2020).

29. First Agreed Statement Relating To The Treaty Between The USA And The USSR On The Limitation Of Anti Ballistic Missile Systems Of May 26, 1972. September 26, 1997. Special Section: New START II and ABM Documents. Arms Control Association. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.armscontrol.org/act/1997-09/arms-control-today/special-section-new-start-ii-abm-documents> (дата обращения: 04.09.2020).

30. Agreement on Confidence-Building Measures Related to Systems to Counter Ballistic Missiles Other Than Strategic Ballistic Missiles. 26.09.97 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://fas.org/nuke/control/abmt/text/abm_cbm.htm (дата обращения: 04.09.2020).

31. The US Navy Is Fed Up with Ballistic Missile Defense Patrols. Defense News. 16.06.18. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.defensenews.com/naval/2018/06/16/the-us-navy-is-fed-up-with-ballistic-missile-defense-patrols/> (дата обращения: 04.09.2020).

БИТИЕВА З.Р.

кандидат политических наук, проректор по международной работе
Института мировых цивилизаций

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В АРКТИКЕ**

Аннотация. Агрессивно настроенные империалистические страны сегодня предъявляют территориальные претензии на исторически сложившиеся арктические территории, принадлежащие России. Россия наращивает военное присутствие в Арктике, так как помимо экономических есть и ряд других национальных интересов в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: Арктика, национальные интересы, национальная безопасность, военное присутствие, территориальные споры.

Исследование и освоение Севера Россия начала задолго до появления в высоких широтах других европейских народов. Как показывают этнографические исследования, мифическое Лукоморье, известное любому русскому человеку, это побережье Белого моря – один из первоначальных центров формирования русской цивилизации в еще доледниковый период.

В период XVI-XVIII веков западные картографы – Герард Меркатор, Вильгельм Гондиус, Исаак Масса, Джакомо Кантелли, Николаас Витзен – помечали север «Тартарии» именно как «русскую страну Лукоморию».

Еще в XVIII веке Семен Челюскин в составе Великой Северной экспедиции провел подробную картографию полуострова Таймыр. Великая Северная (Вторая Камчатская, также Сибирско-Тихоокеанская) экспедиция длилась 10 лет (1733-1743 гг.) и была организована под командованием капитан-командора Витуса Беринга. Предпринятое в научных целях плавание позволило нанести на карту береговую линию Сибири от Урала до Тихого океана. Во время похода были также сделаны научные открытия в области геологии, этнографии, зоологии и ботаники. В составе экспедиции было семь морских и два сухопутных отряда. В 1741 году В. Беринг начал работу по сухопутному исследованию Таймыра, а в ночь с 8 на 9 мая достиг крайней северной точки Евразии – мыса, названного впоследствии его именем.

Внес свою лепту в освоение Таймыра и другой известный русский географ – Харитон Лаптев. В 1737-1739 годах в качестве командира дубель-шлюпки «Якутск» он совершил первое в истории мирового флота арктическое плавание.

Харитон Прокофьевич Лаптев (1700-1763) – первооткрыватель русского Севера. В его честь, а также в честь Дмитрия Яковлевича Лаптева названо море Лаптевых. В июле 1739 г. получил задание описать берег Северного Ледовитого океана к западу от реки Лены. Совершил плавание

до мыса Святого Фаддея и Хатанги и далее провел геодезическую съемку Таймырского полуострова.

Позднее исследованием Арктики занимались русские и советские исследователи и путешественники, в том числе Александр Колчак, Георгий Седов, Ян Нагурский, Отто Шмидт, Иван Папанин, Валерий Чкалов и другие.

Впервые Россия заявила о своих правах на арктические территории в 1916 году. Министерство иностранных дел направило зарубежным государствам ноту о включении в состав своей территории всех земель, «расположенных к северу от азиатского побережья Российской Империи».

СССР в меморандуме Народного комиссариата иностранных дел от 4 ноября 1924 года, направленном всем государствам, подтвердил положения ноты 1916 года о принадлежности РСФСР всех земель и островов, составляющих северное продолжение Сибирского материкового плоскогорья.

Окончательно вопрос о границах советской арктической зоны был урегулирован в постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [1]. Этот документ гласил, что «территорией Союза ССР являются все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом 320 градусов 4 мин. 35 сек. восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом 168 градусов 49 мин. 30 сек. западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомиды в Беринговом проливе».

Следует отметить, что в 1979 году СССР уточнил восточные границы своих полярных владений с «168 градусов 49 мин. 30 сек.» на «168 градусов 58 мин. 49,4 сек.» [2].

Таким образом, было подтверждено историческое первенство России в вопросах исследования и освоения Арктики, а также создана правовая основа для закрепления приоритета Российской Федерации в вопросах владения и использования арктических территорий в рамках международного права.

Системный кризис империализма XXI века, усиление борьбы за рынки сбыта, за природные ресурсы, экономический и политический раздел мира наиболее агрессивными государствами (прежде всего, англосаксонского правопорядка) поставили перед Россией ряд серьезных вопросов и породили глобальные проблемы в вопросах владения и использования российских арктических территорий. Нам брошен вызов со стороны агрессивно настроенных империалистических стран, которыми заявлены территориальные претензии на исторически сложившиеся арктические территории, принадлежащие России. Госсекретарь США

Мадлен Олбрайт заявила, что Россия неправомерно владеет природными ресурсами Сибири и Арктики.

Еще в конце 1990-х печально известная госсекретарь США Мадлен Олбрайт (а по совместительству член совета директоров Нью-Йоркской фондовой биржи) цинично заявила, что Россия неправомерно владеет природными ресурсами Сибири и Арктики.

Конечно, причины подобных высказываний кроются не в слабости или персональном волюнтаризме означенной особы, наделенной властными государственными полномочиями. Они коренятся в самом устройстве западного империалистического государства, где все властные государственные субъекты находятся под непосредственным управлением со стороны мирового капитала в лице транснациональных корпораций.

2 мая 2014 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [3], которым определены соответствующие территории Арктики. С российской арктической зоной граничат территории четырех государств: США, Канады, Норвегии и Дании, которая владеет Гренландией.

Однако, по мнению западных идеологов, арктический шельф, простирающийся от наших территориальных вод до Северного полюса, не принадлежит ни одному из государств. В настоящее время на него претендуют Россия, Норвегия, Дания, Канада и США.

Согласно этой точке зрения, приарктические государства в силу своего географического положения и исторических причин заявляют особые, преимущественные права на так называемые арктические сектора. Под этим термином понимают пространство, основанием которого служит побережье страны, а боковыми линиями – меридианы от Северного полюса до восточной и западной границ этого государства. Площадь арктического сектора РФ, определяемого согласно данному подходу, составляет около 9 млн км², из которых 6,8 км² – морская акватория Северного Ледовитого океана. Приарктические государства в силу своего географического положения и исторических причин заявляют особые, преимущественные права на так называемые арктические сектора.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982 год; ратифицирована Российской Федерацией в 1997 году), полный суверенитет прибрежного государства охватывает только 12-мильную зону прибрежных территориальных вод. Частичный суверенитет распространяется на 200-мильную исключительную экономическую зону, где государство имеет суверенное право разрабатывать природные ресурсы [4].

В случае отказа от утверждения секторального разделения Арктики Россия теряет суверенные права на 1,7 млн км² своего арктического сектора.

В 2001 году Россия впервые направила в Комиссию ООН по границам континентального шельфа представление о расширении своих внешних границ по арктическому шельфу. Основанием послужили исследования рельефа морского дна, в ходе которых выяснилось, что

подводные хребты Ломоносова и Менделеева, проходящие по дну Северного Ледовитого океана, являются продолжением Сибирской континентальной платформы. Первая заявка была отклонена, однако в августе 2015 года была подана новая, дополненная результатами последних исследований. Ее презентация в ООН состоялась 9 февраля 2016 года. Процесс рассмотрения заявки может занять до пяти лет. В случае одобрения, площадь российского континентального шельфа увеличится на 1,2 млн км² (в настоящее время – 4,1 млн км²).

3 апреля 2019 года подкомиссия ООН приняла промежуточное решение, признав геологическую принадлежность части территорий Арктики к континентальному шельфу России. Рассмотрение вопроса в ООН продолжается.

С экономической точки зрения Арктика обеспечивает 11 % национального дохода России. Здесь создается 22 % объема общероссийского экспорта.

Последние исследования показали, что в недрах континентального шельфа Арктики находятся неисчерпаемые залежи, прежде всего нефти и газа. По словам президента России, разведанные запасы газа промышленных категорий арктической зоны составляют 80 % от общероссийских.

Выступая на пленарном заседании Арктического форума в апреле 2019 года Президент России В.В. Путин заявил, что «по оценкам Российской академии наук, в арктической зоне сосредоточена подавляющая доля общероссийских и общемировых запасов, в том числе золота – 40 %, нефти – 60 %, газа – от 60 до 90 %, хрома и марганца – 90 %, платиновых металлов – 47 %, коренных алмазов – 100 % и так далее» [5].

Стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн долл. США, причем две трети из них представлены энергетическими ресурсами.

Разведанные запасы газа промышленных категорий арктической зоны составляют 80 % от общероссийских.

Согласно ч. 2 ст. 67 Конституции Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права [6].

Утвержденные 19 сентября 2008 г. Дмитрием Медведевым (в бытность его главой государства) «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» являются одним из основных документов в области российской арктической политики. Вместе с тем были подписаны еще несколько важных документов, составляющих нормативно-правовую базу российской политики в Арктике. В Указе Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» четко отражены

основные национальные интересы Российской Федерации в Арктике, среди них:

а) обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации;

б) сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства;

в) обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны Российской Федерации;

г) развитие Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста Российской Федерации;

д) развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации Российской Федерации;

е) охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации (далее – малочисленные народы) [7].

Помимо наращивания своего присутствия в Арктике Россия проводит ряд важных мероприятий и принимает реальные шаги к развитию данного региона, создаются различные органы и ведомства, призванные развивать арктический регион. Так, 25 августа 2020 года Президент России В.В. Путин подписал указ о создании межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации в Арктике [8]. Данный орган будет выявлять внешние и внутренние структуры национальной безопасности России в Арктике, а также координировать деятельность органов государственной власти на федеральном, региональном и местном уровне, а также организаций при решении оперативных, среднесрочных и долгосрочных задач обеспечения национальной безопасности в Арктике и социально-экономического развития Арктической зоны.

Ранее в 2015 году для реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» была создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, а 26 февраля 2019 года указом Президента России Министерство по развитию Дальнего Востока было переименовано в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, что позволило расширить полномочия ведомства с целью повышения эффективности государственного управления в сфере развития Арктической зоны.

Не секрет, что обеспечить неприкосновенность рубежей возможно только при наличии сильных и боеспособных армии и флота. Россия наращивает военное присутствие в Арктике: создаются дополнительные мобильные арктические подразделения, постоянно улучшается оснащение Северного флота, строятся пограничные городки замкнутого цикла проживания с расчетом на длительный период автономного

функционирования, на архипелаге Новая Земля заложен даже новый горно-обогатительный комбинат с портом глубокой воды, создаются патрульные ледоколы, способные на боестолкновение с военными кораблями потенциального противника.

С 1 декабря 2014 года на базе Северного флота действует объединенное стратегическое командование «Север», задачей которого стало обеспечение защиты национальных интересов России в Арктической зоне.

31 декабря 2014 года в составе береговых войск Северного Флота была образована 80-я отдельная арктическая мотострелковая бригада, базирующаяся в пос. Алакуртти (Мурманская обл.). Сформированы группировки войск на островных территориях России в Арктике, в том числе на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Новосибирских островах, на острове Врангеля и мысе Шмидта.

Строительство новой базы на Земле Франца-Иосифа с полноценной инфраструктурой является важнейшим этапом в развитии арктической группировки вооруженных сил России. Введя в эксплуатацию несколько новых объектов, военное ведомство получило ряд важнейших возможностей, способных положительно сказаться на различных аспектах защиты северных рубежей страны. Прежде всего, появление базы «Арктический трилистник» со средствами противовоздушной обороны привело к усилению группировки войск на северном направлении. Арктика представляет большой интерес как для России, так и для множества зарубежных стран, из-за чего российским военным необходимо принимать соответствующие меры и готовиться к защите интересов страны. Присутствие соединений ПВО на северных направлениях позволяет защитить судоходство в регионе, а кроме того, в определенной мере затрудняет работу военно-морских сил вероятного противника в угрожаемый период или в случае начала реального конфликта.

Помимо защиты Северного морского пути с военной точки зрения новая база может участвовать в обеспечении судоходства в регионе. Постоянное нахождение гарнизона на Земле Франца-Иосифа позволяет проводить метеорологические исследования, изучать движение льдов и другие факторы, прямо влияющие на судоходство. Собирая и передавая данные, военные помогут морским перевозкам и обезопасят транспортные суда.

Строительство новой базы показывает принципиальную возможность развертывания подобных объектов даже в удаленных районах со сложными условиями. Как следствие, при дальнейшем использовании подобных возможностей на Земле Франца-Иосифа и других архипелагах Северного Ледовитого океана могут быть построены новые военные объекты. База «Арктический трилистник» отвечает за осуществление противовоздушной обороны, но возможно развертывание объектов иного назначения, при помощи которых армия будет защищать северные рубежи от разнообразных угроз.

Таким образом, национальные интересы Российской Федерации в Арктике ограничиваются не только экономическими интересами, так как арктический регион имеет непосредственное отношение к обеспечению безопасности России, поскольку здесь сосредоточен ряд важнейших предприятий оборонной промышленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2885.htm. (дата обращения 30.08.2020 г.).

2. 15 апреля 1926 года – Был определен правовой статус арктических владений Советского Союза // Официальный сайт Проектного офиса развития Арктики. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://goarctic.ru/news/15-aprelya-1926-goda-byi-opredelyen-pravovoy-status-arkticheskikh-vladeniy-sovetskogo-soyuza/>. (дата обращения 23.08.2020 г.).

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/>. (дата обращения 25.08.2020 г.).

4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/2540700/>. (дата обращения 30.08.2020 г.).

5. Международный арктический форум. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://forumarctica.ru/>. (дата обращения 19.08.2020 г.).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (дата обращения 12.08.2020 г.).

7. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения 12.08.2020 г.).

8. Указ Президента РФ от 25 августа 2020 г. № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74446309/>. (дата обращения 18.08.2020 г.).

БОЧАРНИКОВ И.В.

доктор политических наук, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ им. Н.Э. Баумана

ЭВОЛЮЦИЯ И СТАГНАЦИЯ АМЕРИКАНОЦЕНТРИЧНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы формирования и эволюции американоцентричного мирового порядка, а также действия руководства США по его утверждению. Раскрываются основные положения документов стратегического планирования и их реализация, в том числе в плане противодействия России.

Анализируется политика США в ключевых регионах мира, а также проблемы и вызовы, с которыми столкнулись США в процессе достижения мирового лидерства, последствия американоцентричного мирового порядка и причины его стагнации.

Делается вывод о завершении тридцатилетнего периода функционирования американоцентричного мирового порядка, его стагнации, формировании новой архитектуры мироустройства, необходимости конкретизации основных положений внешнеполитической стратегии России, применительно к формирующемуся миропорядку.

Ключевые слова: Новый мировой порядок, американоцентричный порядок, эволюция мирового порядка, внешнеполитическая стратегия, документы стратегического планирования, США, противодействие России, российские санкции, формирующийся миропорядок.

Почти 30 лет назад (11 сентября 1990 г.) Дж. Буш-ст. в своем телевизионном обращении к Конгрессу США по поводу операции в Персидском заливе против Ирака провозгласил наступление нового мирового порядка, который, по его словам, даст возможность установить прочный мир и всеобщую справедливость [1].

Развивая в последующем доктрину «Нового мирового порядка», в ходе своего обращения к Конгрессу в январе 1991 года, Дж. Буш-ст. конкретизировал ее положения применительно к ситуации, сложившейся при операции «Буря в пустыне». В этот период, по его словам, «на повестке дня не просто судьба маленькой страны – Ирака, на повестке дня большая идея, идея нового мирового порядка, в рамках которого можно достичь того, к чему всегда стремилось человечество – мира и безопасности, свободы и торжества закона» [1].

По сути дела, данное обращение воспроизводило речь У. Черчилля 5 марта 1946 г. в Фултоне с той лишь разницей, что британский экс-премьер декларировал начало новой эры утверждения мира, демократии и свободы, предваряя «холодную войну». В качестве же одного из важнейших условий достижений этого состояния У. Черчилль видел «братский союз англоязычных народов» [2].

В выступлении же Дж. Буша-ст., подводившего своеобразные итоги окончания «холодной войны», речь шла только о лидерстве самих США без какого-либо упоминания о братском союзе с Великобританией, политика которой итак с момента окончания Второй мировой войны являлась проамериканской.

При этом, по словам Дж. Буша, «как показал кризис и война в Персидском заливе, именно США являются единственной державой, которая располагает средствами и обладает моральным правом установления и обеспечения «нового мирового порядка» [3].

В 1992 году данные положения получили развитие в «Рекомендациях для оборонного планирования» министерства обороны США, в которых отмечалось, что Соединенные Штаты должны продемонстрировать способность к лидерству, чтобы защитить новый порядок и убедить потенциальных оппонентов не претендовать на более высокую роль и не прибегать к агрессивной политике» [4].

Таким образом, заявлены были не только претензии на глобальное лидерство США, но и недвусмысленные предупреждения о недопустимости оспаривания этого лидерства и готовность его обеспечивать, в том числе военно-силовым путем. Именно с этого момента во внешней политике США утверждается концепт права силы, а также различные вариации инструментов этой внешнеполитической силы: «hardpower», «softpower», «smartpower» и т.д.

Несколько позднее американский футуролог Ф. Фукуяма и ряд других ученых – неоконсерваторов теоретически обосновали не только привлекательность однополярного Pax Americana, но и его неизбежность и оптимальность. С окончанием «холодной войны», по мнению Ф. Фукуямы и его сторонников, завершилась и эпоха конкуренции. Наступил своего рода «конец истории», точнее, конец ее смысла, по крайней мере, конкуренции, поскольку даже в случае продолжения или возникновения каких-то политических, религиозных или этнических конфликтов их потенциал будет в период «новой» эры международных отношений незначительным или даже отсутствовать, по причине отсутствия смысла их продолжения или начала. Смысл потенциальных войн исчезает, так как враждующие стороны должны с наступлением «новой» эры разделять единые принципы сосуществования в мировом пространстве. В качестве таковых принципов, по мнению идеологов «нового мирового порядка», должны были выступать принципы

либеральной демократии, являющейся, по их мнению, «идеальной формой человеческого общежития, и которая даже в перспективе не может быть радикально улучшена» [5].

Оптимум, по мнению апологетов американоцентричного мирового порядка, достигнут, и человечеству остается лишь пожинать плоды этой «совершенной» формы мироустройства под управлением США как мирового гегемона. При этом сами Соединенные Штаты возложили на себя не столько ответственность за правопорядок на глобальном уровне, сколько право определять его тренды, судить, казнить и миловать страны и народы, ставшие объектом внешней политики США. Вполне симптоматично в этом плане заявление К. Райс (помощник президента США по нацбезопасности): «наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию» [6], сделанное ею после того как лидеры этих стран выступили против американо-британской агрессии против Ирака в марте 2003 года.

Основным императивом, применительно к сложившейся ситуации, стали теоретико-идеологические положения двух взаимосвязанных теоретических концепций: «подавляющей силы» и «ограниченных целей».

Сущность концепции «подавляющей силы», или «доктрины Пауэлла¹, заключалась в применении «широкомасштабного военного вмешательства в разрешение региональных конфликтов» [7]. Сущность концепции предполагала потенциальное вмешательство США во внутренние дела других стран «многостороннее – когда возможно, одностороннее – когда необходимо» [8].

Однако наибольшее влияние на формирование теоретических основ доктрины американоцентричного «мирового порядка» и, соответственно, стратегии «распространения демократии» получила концепция «ограниченных целей» Л. Эспина. Ее концептуальной основой стала разновидность «либерального интернационализма», прежде всего, такие особенности этого течения, как:

- повышенное внимание, уделяемое идеологическому аспекту внешней политики;
- упор на так называемые «демократические ценности»;
- интерес к внутреннему устройству государств как основному источнику их поведения на международной арене;
- тяготение к идее жесткой однополярности в качестве основы структуры международных отношений после окончания «холодной войны» [9].

Как следует из анализа положений концепций, сформировавших доктрину «нового мирового порядка», их реализация не исключала военно-силового варианта урегулирования региональных конфликтов. Напротив, и

¹ По имени К. Пауэлла госсекретаря США в администрации Дж. Буша-мл. Прим. автора.

концепции («подавляющей силы», «ограниченных целей»), и сама по себе доктрина «Нового мирового порядка» предполагали активное вооруженное вмешательство не только в межгосударственные, но и во внутригосударственные конфликты. Основанием для этого должно было быть соответствие акций тех или иных государств или организаций (группировок) «демократическим стандартам», которые определяли Соединенные Штаты.

Такое развитие стратегии «распространения демократии» позволило американским политикам активно пропагандировать использование тактики нанесения ограниченных военных ударов в региональных конфликтах для достижения политических целей и реализовывать на практике военно-полицейские функции в различных регионах мира, без оглядки на международное право.

Следует отметить, что США и до 1990 года активно реализовывали принцип военно-силового интервенционализма в своей внешней политике. Так, например, в книге У. Блюма «Плутовское государство: путеводитель по единственной супердержаве мира» приведены такие данные, характеризующие политику США: «Между 1945 и 2005 годами Соединенные Штаты предприняли попытки свергнуть более 50 иностранных правительств и сокрушить не менее 30 популистских националистических движений, боровшихся против невыносимых режимов. Такие действия США стали причиной ухода из жизни нескольких миллионов человек, они приговорили многие другие миллионы жить в условиях агонии и безнадежности» [10].

К этому следует добавить и катастрофические последствия реализации американского геополитического проекта «арабская весна», переформатировавшего Ближневосточное политическое пространство, результаты деятельности террористической организации «Исламское государство» (запрещена на территории Российской Федерации), являющейся продуктом их политики на Ближнем и Среднем Востоке, продолжающейся почти 10 лет гражданской войны в Сирии, Евромайдана на Украине и войны на Донбассе и ряда других крупнейших социально-политических катаклизмов, инициированных и срежиссированных США.

«Новый мировой порядок» по-американски, таким образом, вместо «вечного мира» и бесконфликтного развития человеческой цивилизации, напротив, стал источником конфликтности. Политическая турбулентность стала основным фактором развития политической ситуации для целого ряда макрорегионов Планеты, а «управляемый хаос» – основным инструментом утверждения и обеспечения американского глобального лидерства.

Апогеем американоцентричного мирового порядка стало начало XXI столетия, совпавшее с приходом к власти в США администрации Дж. Буш-мл. – достойного продолжателя геополитических амбиций своего

отца Дж. Буша-ст. и его окружения. Именно тогда была принята к исполнению Стратегия – 2002, в которой были определены ключевые принципы и задачи внешней политики США по утверждению американского лидерства в этот период.

С учетом востребованности идеи борьбы с международным терроризмом основные акценты в Стратегии обрели антитеррористическую направленность. Но при этом особое внимание было уделено проблеме недопущения попадания оружия массового поражения в распоряжение террористических организаций и так называемых «*rouge states*» – «государств-негодяев»¹, оказывающих поддержку распространению терроризма. Критериями таких стран Стратегией были определены:

- попытки получить доступ к оружию массового поражения и иной передовой военной технологии для использования в качестве угрозы или реальной агрессии;
- региональная угроза важнейшим интересам США;
- жестокое обращение с собственным народом;
- разбазаривание национальных ресурсов ради личной выгоды правителей;
- демонстрация неуважения к международному праву, угрозы соседним странам;
- хладнокровно нарушение подписанных международных соглашений;
- использование терроризма как инструмента государственной политики, оказание помощи терроризму в глобальном масштабе и другие [11].

Все эти критерии, по мнению американских экспертов, подходили целому ряду стран и прежде всего Ираку, Сирии, Ирану, Кубе и КНДР². Именно эти страны должны были стать объектом внешнеполитической военно-силовой стратегии США.

При этом обращает на себя внимание то, что к категории «неправомерных» действий руководства этих и некоторых других стран было отнесено «разбазаривание национальных ресурсов ради личной выгоды правителей». Очевидно, что прерогативой определения правомерности или неправомерности использования национальных ресурсов отдельных государств США наделили себя. Во многом это было обусловлено стремлением поставить под контроль ресурсы не только отдельных стран, но и целых регионов.

Поскольку роль мирового гегемона чрезвычайно затратна, США наладили индустрию выкачивания ресурсов из стран и регионов:

¹ В российских источниках этот термин употребляется как «страны-изгои». Прим. автора.

² Примечательно, что впервые данный термин был использован в ежегодном обращении к Конгрессу США 29 января 2002 года Дж. Бушем, отнесшим к «оси зла» Ирак, Иран и КНДР.

финансовых, природных, экономических и самое главное человеческих, превратив, таким образом, мировую систему в глобальную корпорацию, работающую на обеспечение их благосостояния. Практически весь мир стал источником обогащения США. Только из России, по данным экспертов Bloomberg, в 1994-2018 гг. были выведены активы, общая стоимость которых в настоящее время может превышать 1 трлн долл. По данным же российских экспертов, выведенные активы из России в США превышают 3 трлн долл. [12]. При этом данная цифра не учитывает неконтролируемый вывоз капиталов в процессе так называемых «гайдаровских» и иных реформ 90-х годов. Поэтому эти данные весьма условны и не отражают реальный ущерб экономике России от диктата США. Аналогичным образом отток капиталов и ресурсов в пользу США осуществляется и осуществляется и из других стран.

Посредством финансовых регуляторов Всемирного банка и Международного валютного фонда США сумели поставить под контроль экономику большинства стран мирового сообщества. И это при том, что сами США являются крупнейшим должником Планеты. Совокупный долг США составляет более 26,5 трлн долл., а ВВП – порядка 21 трлн долл. Иными словами США – это государство, которое живет в долг.

Современная динамика развития экономики США такова, что заимствования растут, а ВВП снижается. Во втором квартале 2020 г., например, снижение ВВП составило порядка 37 %. По прогнозам МВФ, внешний государственный долг США к концу 2020 года может увеличиться до 131,1 % ВВП [13].

Это, в свою очередь, провоцирует агрессивность и стремление во что бы то ни стало минимизировать или «обнулить» свой долг. Во многом именно это предопределило развязывание руководством Соединенных Штатов торговых войн с КНР, а также достаточно агрессивную санкционную политику не только в отношении России, но и своих европейских союзников.

Важнейшим направлением утверждения глобального лидерства США стала борьба с терроризмом, которая в значительной мере обрела декларативный характер.

Не сумев победить терроризм (очевидно, такая цель и не ставилась), США решили использовать деструктивный потенциал террористических организаций для ослабления политических режимов тех государств и регионов, где так или иначе определены их национальные интересы. В первую очередь это касалось Ближнего Востока и Центральной Азии, объединенных США в макрорегион «Большой Ближний Восток», включающий пространство от Северной Африки до границ Индии и Российской Федерации. Для того чтобы обеспечить контроль над этим регионом, были реализованы технологии «управляемого хаоса», в том числе посредством поддержки, вооружения, оснащения и финансирования

различного рода антиправительственных вооруженных формирований. Именно с этой целью в 2014 году был запущен проект «ИГИЛ» [14] с тем, чтобы дестабилизировать ситуацию в регионе, довести ее до состояния хаоса и иметь возможность управлять политическими процессами.

По сути, американцы воспроизвели практику сотрудничества с нацистской Германией в годы Второй мировой войны. Вступив в Антигитлеровскую коалицию в 1942 году, США ввели в отношении Германии экономические санкции. Но при этом ряд американских компаний, такие как «Форд», «Дженерал электрик», «Дженерал моторс», «Стандарт-оил», «Дюпонт» и другие фактически проигнорировали введенные санкции и продолжали сотрудничать с нацистской Германией вплоть до окончания Второй мировой войны [15]. Примечательно, что одной из таких компаний в Германии в годы Второй мировой войны руководил П. Буш – отец и дед будущих президентов США Дж. Буша-ст. и Дж. Буша-мл.

Данная стратегия – разновекторного подхода в отношении различных террористических группировок – была взята на вооружение администрацией США на рубеже первого и второго десятилетий XXI столетия. Реализуется она и в настоящее время. Очевидно, что большая часть этих группировок находится под патронажем США, такие, например, как «Джабхат ан-Нусра» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), а также различные подразделения ССА (сирийской свободной армии), считающиеся в США умеренной оппозицией, но при этом использующие террористические методы борьбы с правительством Сирии. Очевидно также и то, что сохранение террористической организацией «Исламское государство» своих организационных структур в виде различного рода «спящих ячеек», сформировавшихся на территории Центрально-Азиатского региона и в России, также во многом является следствием политики США [16].

Там же, где США не в состоянии были использовать военную силу в качестве инструментов воздействия, используются иные технологии с тем, чтобы обеспечить лояльность политических режимов различных стран, в том числе ведущих европейских.

Именно посредством насаждения лояльных США глав государств и правительств было переформатировано европейское политическое пространство. Так, в 2006-2012 гг. под непосредственным кураторством США произошла смена национально-ориентированных лидеров Франции и Германии (Г. Шредера и Ж. Ширака). К власти в ведущих странах Европейского союза пришли проамериканские лидеры А. Меркель, Н. Саркози [17]. В последующем США предприняли меры по отстранению от власти и премьер-министра Италии С. Берлускони.

Особое место в стратегии утверждения глобального лидерства США занимала Россия, неожиданно для США преодолевшая процесс стагнации

и заявившая о себе как о суверенном государстве глобального уровня. Это стало большой неожиданностью и разочарованием для американского истеблишмента, полагавшего, что процесс распада СССР – России необратим. Поскольку же этого не произошло, американское военно-политическое руководство пересмотрело документы стратегического планирования с учетом изменившихся реалий.

Уже в 2006 году к исполнению была принята Национальная стратегия упреждающего удара, ориентированная по большей части на противостояние с Россией. Об этом свидетельствуют ее основные положения, характеризующие три важнейшие фазы реализации, применительно к странам, которые в перспективе могут угрожать американским интересам, а именно:

- смена политического режима;
- изменение менталитета и уклада жизни населения страны;
- «строительство» (а точнее – воссоздание заново) государства на территории, откуда мыслится возможная угроза американским интересам.

Важнейшей сущностной характеристикой данной стратегии явилась констатация стремления, как минимум – деструкции и ослабления, а как максимум – устранение субъектов подобных угроз России или любого другого государства, ставящего под сомнение американскую исключительность [18].

Развитие основных положений Упреждающей стратегии в плане утверждения американской исключительности нашло отражение в положениях так называемой «доктрины Обамы», озвученной в феврале 2013 года, предопределявшей утверждение главенства США над двумя гигантскими экономическими блоками – Трансатлантическим и Транстихоокеанским, а также новой американской военной стратегии «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке» [18].

В этих документах красной нитью проходит стремление к глобальной гегемонии США, основанной на их исключительности, угрозу которой они считают своей главной угрозой национальной безопасности. Для достижения этой цели был принят к исполнению целый ряд документов, таких, например, как: Новая оперативная концепция армии США «Победа в сложном мире. 2020-2040» [19], а также Третья инициатива оборонных инвестиций и инноваций Пентагона и т.п.

Лейтмотивом этих документов стала декларация о готовности к утверждению американского лидерства посредством применения военной силы, в том числе и в отношении России, ставшей к этому времени, по мнению американских аналитиков, главным препятствием для достижения целей внешнеполитической стратегии США. Важнейшим направлением противодействия России в документах стратегического планирования должно было стать создание пояса стратегического окружения, ее изматывание и, наконец, устранение в том виде, в каком

наша страна сейчас находится и, наконец, использование ее и ее ресурсов для обеспечения их американской исключительности. На завершающем этапе деятельности администрации Б. Обамы во внешнеполитическом дискурсе прочно утвердилось выражение «Карфаген должен быть уничтожен», под которым американское руководство понимало Россию. Хотя на самом деле Карфаген в Античном мире был, по сути, пиратским государством, жившим за счет других государств, то есть, по сути, таким же, как и США, но 23 века назад.

Следует отметить, что тезис об «американской исключительности» уже в начале второго десятилетия XXI столетия стал ощутимо расходиться с возможностями страны, ее авторитетом и влиянием в мире. Реальность оказалась сложнее, чем представляли апологеты американского порядка.

Достигнув апогея своего развития, США постепенно стали не только утрачивать способность к управлению миропорядком на глобальном уровне, но и решать задачи регионального и локального характера.

Эта их неспособность впервые проявилась еще в 2006 году, когда одержав сравнительно легкую военную победу над Ираком (за 37 дней) и перестроив по своему усмотрению политическую систему оккупированной страны, США столкнулись, с одной стороны, с гражданской войной, а с другой, – ростом антиамериканских настроений и вооруженного сопротивления оккупационным властям. Уже к исходу 2006 года по докладу специально созданной группы по изучению Ирака (комиссия Бейкера – Гамильтона) было констатировано, что положение дел в Ираке «очень серьезно и ухудшается», существует «риск всеобщего хаоса, который может привести к падению правительства и гуманитарной катастрофе» [20].

Глобальный экономический кризис 2008 года, порожденный финансовыми спекуляциями ипотечных американских кампаний, рост антиамериканских настроений в мире, а также критика иракской кампании в самих США, заставили американское руководство пересмотреть свои подходы к обеспечению американского лидерства, вернувшись к технологиям «прокси-войны» в реализации своей внешнеполитической стратегии.

На практике реализация этих технологий нашла отражение в ходе так называемых «цветных революций» из цикла «арабской весны» – масштабного проекта, инициированного США и окончательно дестабилизировавшего ситуацию в Ближневосточном регионе, а также государственных переворотов на постсоветском пространстве (в Молдове в 2009 году, Киргизии в 2010 году, на Украине 2013 – 2014 годах)¹.

Концепция проведения внешней политики стала основываться на максимально широком использовании рычагов так называемой «мягкой

¹ К этому следует добавить и неудавшиеся попытки государственных переворотов в Армении в 2008 году, в России в 2011 год, в Белоруссии в 2017 г. и т.д.

силы». Именно эту идею Х. Клинтон озвучивала в Конгрессе в процессе утверждения ее в должности государственного секретаря США [21].

В этот же период (период первого президентского срока Б. Обамы) получила развитие и еще одна новация США, реализуемая ими в ходе всех сколь-нибудь значимых внешнеполитических акций. Это стратегия так называемого «лидерства сзади», обозначающая одну из основных установок внешнеполитического курса Б. Обамы [22]. Реализация концепции «лидерства» не впереди, а на заметном отдалении от наиболее острых ситуаций развития политического процесса наглядно проявилось в ходе государственных переворотов в Ливии, Египте, Йемене, гражданской войны в Сирии и т.д.

В это же время в окончательную фазу вступил план стратегического окружения России посредством создания недружественного окружения из стран постсоветского пространства, ключевым звеном которого должна была стать Украина.

Противодействие России обрело широкомасштабный характер, и уже в июне 2014 года в самый разгар украинского кризиса прозвучали заявления представителей военного командования США и НАТО о возможных военных действиях против России. Таким образом, было положено начало очередной конфронтации США с Россией – «холодная война 2.0».

Но наибольшее развитие получила политика санкций в отношении России, ставшая, по сути, визитной карточкой внешнеполитической стратегии администрации Б. Обамы. Объявленные 6 марта 2014 г. антироссийские санкции и продолжающиеся вплоть до настоящего времени. При этом в практическую реализацию санкций против России были вовлечены все сколько-нибудь зависящие от США страны и организации. Объявление санкций против России стало своего рода демонстрацией лояльности США и его руководству.

Режим антироссийских санкций стал одним из инструментов утверждения глобального лидерства США во втором десятилетии XXI столетия. Эти цели были настолько очевидны, что явили собой пример, по словам Президента России В.В. Путина, недобросовестной конкуренции [23]. По заявлению же самого Б. Обамы в бытность его президентом США, санкции должны были «разорвать экономику России в клочья». Россия им же была названа второй по значимости глобальной угрозой после Эболы.

Вполне закономерно эти ожидания не оправдались, что стало очередным крупнейшим разочарованием военно-политического руководства США, осознавшего недостижимость заявленных целей на лидерство и снижение их роли и значения в мировой политике.

Произошло то, что и должно было произойти: их непомерные амбиции в конечном итоге натолкнулись на неспособность решать задачи как глобального, так и регионального уровня.

Три десятилетия американского глобального лидерства и демократического мессианства привели к хронической нестабильности, глобальному хаосу и разрушению международного диалога. Бесконечные войны и конфликты, инициированные США, многочисленные человеческие жертвы и разрушения гражданской инфраструктуры, потоки беженцев, массовые нарушения прав в процессе продвижения и утверждения американоцентричного мирового порядка дискредитировали США.

Начиная со середины второго десятилетия XXI столетия, американоцентричный мировой порядок, провозглашенный Дж. Бушем-ст. 11 сентября 1990 г. вступил в фазу необратимой деградации.

Кризис миропорядка прочно ассоциируется с относительным упадком Соединенных Штатов как глобального гегемона. Обращает внимание снижение доли США в мировом ВВП, многочисленные проблемы американской экономики и финансовой системы, неудачные интервенции Вашингтона последнего времени (Ирак, Афганистан, Сирия), рост антиамериканских настроений во многих регионах мира, подъем изоляционизма в самих Соединенных Штатах. Из всего этого следует сделать вывод, что эпоха Pax Americana осталась в прошлом, а вместе с ней и сопутствующий американской гегемонии либеральный мировой порядок в целом [24].

Более того, 30-летие мира по-американски не принесло благополучия и самим Соединенным Штатам, оказавшихся в состоянии глубоко системного кризиса, сопоставимого с Великой депрессией 30-х годов XX века.

Это стало основанием для переосмысления роли Соединенных Штатов в мировом политическом процессе. Лейтмотивом деятельности новой администрации США – президента Д. Трампа – стало стремление к национальному обновлению для восстановления американского глобального лидерства. С этой целью, как полагал Д. Трамп, необходимо:

- улучшить отношения с Россией;
- не вмешиваться в дела других государств;
- не пускать в страну мигрантов и построить стену на границе с Мексикой;
- уничтожить террористов;
- заставить всех членов НАТО платить за оборону;
- отменить Obamacare (реформа 44-го президента США Б. Обамы о доступном здравоохранении);
- снизить налоги, дать рабочие места американцам.

Все это, как полагал Д. Трамп, должно быть реализовано в контексте достижения главной задачи – «Сделать Америку снова великой» [25].

На решение этой же задачи были направлены и основные положения Стратегии национальной безопасности, обнародованной в феврале 2018 г.

В ней, в отличие от предшествующих аналогичных документов в области стратегического планирования, речь идет уже не о безусловном глобальном лидерстве США, а о «мире сильных суверенных и независимых государств, каждое со своей культурой и (национальной) мечтой, успешно развивающихся бок о бок друг с другом в процветании, свободе и мире» [26]. При этом США будут способствовать, как отмечается в Стратегии, поддержанию/формированию «баланса сил в пользу США, наших союзников и наших партнеров».

Смысл заложенных в Стратегии положений, таким образом, ориентирован на практические результаты, а не следование идеологической догме. По сути, провозглашается совершенно новый взгляд на мир, противостоящий предыдущей внешнеполитической традиции либерального и неоконсервативного интервенционизма, традиционно на протяжении трех десятилетий, закладывавшихся в документы стратегического планирования США.

В то же время ключевым элементом Стратегии явилась констатация того, что США будут сохранять за собой привилегированные позиции в грядущем мироустройстве за счет других государств. Таким образом, США намерены и далее использовать ресурсы других стран для обеспечения своего благополучия и решения других задач, но при этом в качестве доноров должны выступать не только государства так называемого «Третьего мира», но и ближайшие союзники США по НАТО и другим альянсам.

Следует отметить, что Д. Трампу многое удалось сделать в этом направлении, особенно в части, касающейся стабилизации экономики, снижения уровня безработицы и повышения уровня жизни населения США. Внешнеполитические акции, хотя и не были свернуты, но, тем не менее, не носили столь демонстративного характера, напротив, общим трендом их осуществления становится скрытность и неафиширование.

Достижение более знаковых результатов не позволил ряд обстоятельств, связанных, прежде всего, с внутривнутриполитическим расколом американского общества. Тот факт, что Д. Трамп, мало связан со сформировавшимися политическими элитами США, ослабляет его позиции во внутривнутриполитическом процессе.

На протяжении всего периода его президентского срока он и его политика подвергаются обструкции со стороны оппонентов и, прежде всего, руководства Демократической партии, опирающегося в своей деятельности на наиболее активную часть населения страны — представителей расовых и этнических групп, молодежь и мигрантов. В оппозиции к действующему президенту находятся и средства массовой информации, в том числе и электронные. Вследствие этого нарушается

основной принцип, на основе которого на протяжении десятилетий функционировали американские СМИ, – создание позитивного образа руководства США и реализуемой ими политики. Напротив, ведущие американские СМИ (CNN, ABC, New York Times, Washington Post и другие) систематическими критическими материалами, в том числе и так называемыми «fake news» подрывают легитимность действующей администрации Д. Трампа и его самого. Что, безусловно, провоцирует внутривнутриполитическую напряженность и конфликтность. Все это не способствует не только международному авторитету США, но и возможности действующей администрации каким-либо образом встраивать долговременную внешнеполитическую стратегию.

Более того, США сами оказались чрезвычайно уязвимы от воздействия тех технологий, посредством которых они форматировали под свои интересы политическое пространство отдельных государств и целых регионов. Речь идет о технологиях так называемых «цветных революций» или инициировании народного гнева, разработанных в США в конце XX столетия.

И если раньше на вопрос о том, возможна ли «цветная революция» в США, отвечали отрицательно, поскольку в США нет американского посольства, то сейчас эта истина уже не работает. Попытки государственного переворота посредством протестных акций в США не прекращаются с момента прихода к власти действующей администрации.

Важнейшим деструктивным фактором развития внутривнутриполитической ситуации стала пандемия COVID-19, результаты которой для США оказались катастрофическими не только по числу жертв и пострадавших, но и из-за ограничительных мер, роста безработицы, снижения уровня жизни и других следствий пандемии.

Детонатором эскалации внутривнутриполитической напряженности стало очередное убийство афроамериканца представителями полиции. В результате данного преступления в ряде городов страны, в том числе в Нью-Йорке и Вашингтоне, вспыхнули протесты и массовые беспорядки, парализовавшие деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. И хотя подобного рода столкновения в политической практике США не является редкостью, но события весны и лета 2020 г. свидетельствуют о новом этапе гражданского противостояния с долговременными последствиями.

Наиболее значимыми следствиями данного противостояния будет углубление раскола, политизация проблем общественного и социального расслоения, стремление к насильственным протестным акциям.

При этом данные протестные акции будут носить характер столкновений цивилизационного характера, но не столько этноконфессионального, как считал С. Хантингтон, сколько социально-имущественного. В протестах в США принимают участие как афроамериканцы

и латинос, так и представители белого населения, оказавшиеся вследствие глобализации в условиях бедности. По сути, речь идет о новом пролетариате, сформировавшемся в американских трущобах и европейских лагерях беженцев. Именно они станут инициаторами и активными участниками социально-политических катаклизмов и потрясений в ближайшей перспективе, как в США, так и в других странах западного мира, позиционирующего себя до недавнего времени в качестве ведущих акторов мирового порядка. Катаклизмы в США обретают глобальный масштаб. При этом данные процессы далеки от своего апогея, который, по всей видимости, наступит в ходе и после президентской избирательной кампании уже в ноябре 2020 года.

Все это дает основание полагать, что происходит трансформация мирового порядка, закат Pax Americana и начало формирования нового мироустройства. Вполне очевидно, что это будет стимулировать конкуренцию между различными центрами силы за возможность оказывать воздействие на них, если не на глобальном, то, по крайней мере, на региональном уровне. Это определяет необходимость конкретизации основных положений внешнеполитической стратегии России применительно к формирующемуся миропорядку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журбей Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего // Ойкумена. – 2010. – № 4. – С. 104.
2. Черчилль У. «Мускулы мира». Речь 5 марта 1946 г. в Фултоне // Черчилль У. Мировой кризис. – М., 2003.
3. США в борьбе за мировое могущество. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://becmology.ru/blog/politic/usa_politic20.htm. (дата обращения: 03.07.2020).
4. Каширина Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX-XXI вв.
5. США в борьбе за мировое могущество. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://becmology.ru/blog/politic/usa_politic20.htm. (дата обращения: 30.07.2020).
6. Кондолиза Райс: Наказать Францию! Игнорировать Германию! Простить Россию! [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://inosmi.ru/world/20030520/181434.html>. (дата обращения: 25.07.2020).
7. Powell C. Statement of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff // Crisis in the Persian Gulf. U.S. Policy Options and Implications. Hearings before the Senate Comm. On the Armed Services. 101st Congr. 2nd Sess., Sept., Nov. – Dec. 1990. Wash., 1991. – P. 663.

8. США в борьбе за мировое могущество. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://becmology.ru/blog/politic/usa_politic20.htm#m1. (дата обращения: 17.07.2020).

9. Aspin's Formula for U.S. Defense // Congressional Quarterly Weekly Report. 9 Jan. 1993. Vol. 51. – N 2. – P.82.

10. Blum W. Rogue State. A Guide to the World's Only Superpower. 3rd ed. Monroe, Me: Common Courage Press, 2005.

11. Братерский М.В. Политика США в отношении стран «оси зла» // США – Канада. – 2003. – № 4. – С. 26.

12. Объем вывоза денег из РФ превысил три годовых бюджета. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://ng.ru.turbopages.org/s/ng.ru/economics/2019-03-13/1_7529_money.html. (дата обращения: 17.07.2020).

13. Рухнувшая экономика выводит США в политическое «пике». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://news.rambler.ru/usa/44333578>. (дата обращения: 17.07.2020 г.).

14. Бочарников И.В. Американская стратегия «хаоса» в эскалации экстремизма и терроризма в ближневосточном регионе // Международные отношения. – 2015. – № 4. – С. 368-376.

15. Компании, которые помогали нацистам. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://buiuu.ru/887-kompanii-kotorye-pomogali-nacistam.html>. (дата обращения: 07.08.2020).

16. Бочарников И.В., Гончаров С.С. «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – Т. 7. – № 4 (21). – С. 6.

17. Бочарников И.В. Перспективы формирования общенациональной идеологии России в условиях кризиса англо-саксонской модели либеральной демократии // Конфликтология / Nota bene. – 2015. – № 2. – С. 164-170.

18. Бочарников И.В. Россия в документах стратегического планирования США и НАТО / В кн. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 34

19. Ларина Е.С. Мировойна. Все против всех. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://public.wikireading.ru/123625>. (дата обращения: 27.07.2020).

20. Юрченко В.П. Ирак: некоторые итоги 2006 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-01-07a.htm>. (дата обращения: 17.07.2020).

21. Бречек А. Мягкая сила // ИноСМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.inosmi.ru/world/20090313/247880.html> (дата обращения 12.07.2020).

22. James F. Jeffrey, Michael Eisenstadt, US Military Engagement in the Broader Middle East // The Washington Institute for Near East Policy, Policy Focus 143, March 2016.

23. Путин: РФ считает санкции инструментом недобросовестной конкуренции. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://ria.ru/20151013/1301033038.html>. (дата обращения: 10.07.2020).

24. Картунов А. Неизбежность странного мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neizbezhnost-strannogo-mira>.

25. «Сделать Америку великой снова». Как спустя 100 дней Трамп выполняет свои обещания. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://news-tut-by.turbopages.org/s/news.tut.by/world/541094.html>. (дата обращения: 19.07.2020).

26. Крамаренко А. Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «независимая Америка» и «мирное сосуществование». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie>. (дата обращения: 17.07.2020).

БРЕГА А.В.

доктор политических наук, профессор
профессор Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве РФ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ СРЕДИ АНТИТЕЗ ВОЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Аннотация. В данной статье характеризуются понятия, которые составляют первопричину всех последующих усилий, связанных с обеспечением военной безопасности, а именно угроз, опасностей и рисков. В этой череде антитез военной безопасности политический риск занимает особое место, поскольку общеизвестна генетическая взаимосвязь политики и войны.

Ключевые слова: политический риск, военная безопасность, угрозы, опасности, вызовы.

Обеспечение военной безопасности России предполагает четкость исходных позиций, строгость понятийного языка, выявление внутренней взаимосвязи рассматриваемых явлений. В свою очередь это требует четкой проработанности используемого понятийно-категориального аппарата. Поскольку несогласованность понятий и научных категорий делает не только познавательный процесс, но и непосредственную деятельность двусмысленной и противоречивой. Неполнота, неопределенность или размытость понятий, описывающих реальный мир, ведет к неточностям и ошибкам. Кроме того, произвольное употребление понятий способно дезориентировать людей, подтолкнуть их к неадекватным действиям. Поэтому важное значение имеют такие определения, которые дают точные, свободные от идеологических соображений и политической конъюнктуры смыслы.

В содержательном плане военная безопасность – явление производное от опасности, что, впрочем, отражено самой структурой термина (безопасность, то есть отсутствие опасности). Понятие «безопасность» предполагает дихотомическое деление – опасность/безопасность. «Смысл безопасности, – пишет В.Н. Кузнецов, – жизнь без опасностей... Только при наличии опасности какому-либо объекту оформляется и возникает феномен безопасности» [1]. Следовательно, понять, описать и оценить безопасность можно только посредством выявления тех факторов и обстоятельств, которые ее подрывают (способны подорвать), т.е. обратившись к ее противоположности. Речь идет об антитезе безопасности, содержание которой выражается понятиями «вызов», «риск», «опасность» и «угроза». В теории и практике обеспечения

безопасности они характеризуют деструктивное, подрывное, наносящее ущерб и вред воздействию на различные социальные объекты, а также жизнь и деятельность людей. «Опасность», «угроза», «риск» имеют первостепенное значение для осмысления обширного круга явлений, факторов, сторон и свойств действительности с точки зрения характера их воздействия на военную безопасность людей и социальных систем. Высказываются различные взгляды на их соотношение, зачастую противоречащие друг другу и вносящие путаницу в познавательный процесс и практику обеспечения безопасности.

Анализ различных публикаций и выступлений показывает, что данные понятия нередко отождествляются. Это объясняется выражаемым ими общим значением – причинять тот или иной вред, ущерб людям и различным социальным объектам. Подобный подход может быть оправдан при самом общем взгляде на явления, процессы, факторы, деструктивно влияющие на военную деятельность. Вместе с тем такое «перемешивание» вполне способно привести к искажениям в оценке реальной действительности, увести от существа проблемы, дезориентировать людей, негативно сказаться на военно-политическом планировании и прогнозировании, анализе и выборе стратегии действий военной организации и т.д.

Проблема соотношения антитез военной безопасности остается открытой. Каждое из обозначенных выше понятий употребляется для определения явлений и процессов, характеризующих возможность, факторы, силы и актуализированность ущерба. Разумеется, их следует рассматривать не изолированно, а во взаимосвязи с субъектом и объектом безопасности, без и вне которых утрачивается их определенность. Нет ни опасности, ни угрозы, ни риска как таковых вообще. В реальности имеют место конкретные природные и социальные явления, негативно сказывающиеся на жизнедеятельности общества и которые воспринимаются и оцениваются в соответствующем смысле. Следовательно, возникает потребность в оценочных понятиях, фиксирующих различные аспекты такого рода взаимосвязи. В этой связи выяснение роли политического риска в обеспечении военной безопасности предполагает различение понятий «вызов», «опасность», «угроза».

Итак, выделим сущностные черты этих понятий.

Вызов – это совокупность обстоятельств, не обязательно конкретно угрожающего характера, но, безусловно, требующих реагирования на них. Понятие «содержит в себе потенциальную опасность для других.... Представляет собой зачаточную ступень в формировании угрозы». Иными словами, вызов представляет собой явления и процессы, которые в настоящее время не ставят под вопрос безопасность, но если не принять ряд конкретных мер, то в дальнейшем обеспечение безопасности окажется труднодостижимым или даже невозможным. Так, продвижение военного

усиления Турции или размещение элементов ПРО в Европе, может, сейчас не снижают защищенность России, но создают обстановку, ухудшающую условия обеспечения военной безопасности в будущем.

По сути, вызов характеризует тенденции, которые в своем развитии могут привести к конфликтной ситуации, существенно изменить военно-политическую обстановку и создать прямую угрозу стране. Данное обстоятельство превращает вызов в первичную категорию системы «опасность – безопасность».

Опасность – вполне осознаваемая, но не фатальная вероятность нанесения вреда кому-, чему-либо, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, обладающих поражающими свойствами. Она представляет собой объективно существующую возможность негативного воздействия, в результате чего может ухудшиться состояние объекта. Так, например, традиционными признаками военной опасности являются: появление очагов военно-политической конфронтации; наличие региональных и международных кризисов и вооруженных конфликтов; создание и активная деятельность агрессивных военно-политических союзов, блоков, коалиций; ведение психологической войны; усиление военного присутствия на предполагаемых театрах военных действий; активизация разведовательной деятельности и т.п. В области внутренней политики такими признаками служат: милитаризация экономической и духовной сфер жизни общества, в частности чрезмерный рост военных расходов; усиленное формирование в общественном сознании «образа врага» и др.

Конституирующей характеристикой опасности является ее потенциальность, привязанность к будущему. При наступлении «негативных явлений» она исчезает как таковая (т.е. перестает квалифицироваться как опасность) либо после исчезновения такой возможности, либо, напротив, с ее реализацией.

Угроза – наиболее конкретная и агрессивная форма военной опасности, создаваемая целенаправленной деятельностью откровенно враждебных сил. Опасность и угроза представляют собой разные уровни состояния, подрывающего безопасность социума. Угроза представляет собой крайнее обострение противоречий, непосредственно предконфликтное состояние, когда очевидна готовность другой стороны применить силу для достижения своих политических и иных целей.

Риск в самом общем виде – это возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта. При этом сам субъект определяет границы реализации намеченных целей, поскольку не всегда удастся заранее точно просчитать, как скажутся на безопасности страны те или иные действия.

Сравнивая эти понятия между собой, становится ясным, что смысл, вкладываемый в понятие «риск» существенно отличается от вызова,

опасности и угрозы. Как уже замечено, вызов и угроза представляют различные степени актуальности опасности¹. Скажем, вызов представляет собой опасность не непосредственную, не вполне структурированную и до конца не осознаваемую, но на которую все же необходимо реагировать. Собственно, опасность – вполне определенная вероятность нанесения ущерба, но не настолько актуальна, чтобы вырабатывать немедленные мероприятия защиты. В свою очередь, угроза – наиболее актуальная опасность, требующая немедленных и энергичных действий по ее нейтрализации.

Изначальное толкование «риска» и «опасности» показывает, что это не одни порядковые понятия, хотя и тесно связанные друг с другом. Данная связь прослеживается уже обыденном представлении о риске. В современных словарях русского и иностранных языков понятие «риск» трактуется как возможность опасности, неудачи» [2]. Да и в официальных речах, а также публицистике слово «риск» зачастую выступает синонимом «опасности». Причина этого кроется в том, что риск, как правило, трактуется широко и однобоко, исключительно как возможность потерь, без указания других сущностных черт, которые характеризуют данный феномен. Причем это отразилось и на понятийном аппарате различных документов, где характеризуются антитезы безопасности.

В настоящее время как в теории, так и практике обеспечения военной безопасности утвердилась следующая соотносительная последовательность: «вызов» – «риск» – «опасность» – «угроза». Она призвана отразить процесс нарастания военной напряженности в зависимости от характера актуальности возможного ущерба и адресной направленности. Смысловая нагрузка каждого из них имеет немаловажное практическое значение, так как в них отражается степень ущерба, который может быть нанесен субъекту и объекту военной безопасности. Методологическая роль этой последовательности заключается в том, что выстроенные в логический ряд понятия антитезы безопасности, во-первых, показывают многоуровневость и многоплановость тех ситуаций, которые вызывают озабоченность и тревогу людей, что побуждает их к действиям по защите своих ценностей; во-вторых, подчеркивают специфику содержания и характеризуют разные степени интенсивности проявления неблагоприятных факторов.

Для того чтобы выявить действительное соотношение понятий «опасность и риск», прежде всего, требуется выявить общее и особенное между ними.

Итак, главной общей чертой рассматриваемых понятий является то, что они характеризуют возможность и способность кого-либо (чего-либо) нанести ущерб, связанный с изменением свойств и/или условий

¹ В этой связи в дальнейшем отдельное употребление понятия «опасность» будет иметь широкий смысл, т. е. включать такие ее проявления как вызов и угроза.

существования системы, в результате которого может быть снижена ее устойчивость или стабильность. Другими словами, опасность и риск объединяет возможность негативных последствий, составляющих определенный ущерб.

Особенное же заключается в их различиях относительно:

- а) степени реальности наступления ущерба по мере реализации причин «перехода» возможности в действительность;
- б) влияния субъективных и объективных факторов;
- в) конкретной адресности воздействия на объект.

Содержательное наполнение этих понятий не вызывает особых возражений, так как в каждом из них отражены сущностные признаки явлений, которые они определяют. В то же время имеются основания для уточнения «размещения» понятия «риск» в этой иерархии. Представляется, что смысл, заключенный в понятии «риск», требует иного взгляда на его соотношение с понятиями «вызов», «опасность», «угроза».

Аргументируя данное утверждение, вновь обратим внимание на следующие отличия риска от опасности.

Во-первых, риск в отличие от опасности, характеризует возможность избежать или минимизировать ущерб. К сожалению, зачастую этому обстоятельству при оценке военно-политической обстановки и военно-стратегическом планировании не уделяется достаточного внимания. Как правило, делается акцент только на способности определенных сил нанести ущерб, но не на возможных преимуществах принятия (снижения) риска во имя достижения желаемой цели. Однако такая узость понимания риска существенно выхолащивает его сущность. Ведь субъект идет на риск либо чтобы минимизировать имеющееся (будущее) негативное воздействие, либо в надежде на улучшение своего положения относительно настоящего (причем это положение может быть вполне удовлетворительным). В свою очередь, опасность характеризует только лишь возможность наступления негативных явлений или способность нанести ущерб.

Во-вторых, опасность обычно связывается с внешним воздействием, с возможностью потерь, исходящих от сторонних субъектов (объектов). В этом смысле опасная ситуация не обязательно является рискованной. Ситуация же риска характеризуется возможностью ущерба, возникающего в результате действий самого субъекта. При этом последний имеет возможность осуществлять внутреннюю регуляцию своих действий и, соответственно, увеличивать или уменьшать степень ущерба. Другими словами, опасность в большей мере лежит в области внешних (реальных) событий, а риск – в области внутренней мотивации действующего субъекта.

Кстати, именно этот момент является основным при разграничении сущностных свойств риска и опасности в социологической концепции риска известного социолога и политолога Н. Лумана. Он утверждает,

что основным критерием отличия риска от опасности выступает непосредственная причастность действий субъекта к возможному ущербу. Если потенциальный урон «привязывается к решению» и рассматривается как его последствие, тогда мы говорим о риске решения. Если же причины возможного урона обусловлены внешними факторами, иначе вменяются внешней среде, тогда мы говорим об опасности. Опасность – это то, чему некто подвергается, независимо от того, действует этот некто или нет.

Разумеется, в этом разграничении не все так однозначно. Еще раз подчеркнем, что существует немало определений риска, в которых он не «привязывается» только к активности субъекта. При таком взгляде риск проявляется не только в результате действий самого субъекта, но и в негативном развитии ситуации или наступлении случайных нежелательных событий. Аргументация здесь основана на том, что риск всегда связан с ущербом для субъекта, который и есть опасность. При этом не так уж важно, возникает ли она в результате активности самого субъекта, других субъектов или под влиянием факторов среды. Главное отличие состоит в том, что риск – это возможность получить ущерб, а опасность – способность причинить ущерб. Поэтому, говоря о риске, обычно подразумевают гипотетическую возможность получения ущерба, т.е. реализацию опасности. Соответственно, и понятие «риск» трактуется довольно широко, а именно как все то, что «вызывает» опасность. С этих позиций риск представляет собой стадию в развитии опасности. В этом контексте риск выступает своеобразной формой проявления опасности, обусловленной целенаправленной активностью самого субъекта.

Для понимания отличительных черт опасности и риска, а также для адекватного принятия мер безопасности немаловажное значение имеет раскрытие причинно-следственных и иных взаимосвязей с объектом безопасности. В причинно-следственном отношении опасность всегда выступает непосредственным источником потерь, наносимого зла, вреда или иного негативного воздействия на объект безопасности. Не следует путать причину со следствием и подменять при характеристике опасности одно другим. Суть опасности не в понесенном убытке, полученном ущербе, а в осуществляемом воздействии на объект, приводящем к подобным результатам.

Риск, как и опасность, если он оказался неоправданным, также выступает причиной последовавших потерь. Однако причинная связь здесь, в отличие от опасности, не жестко детерминированная, а вероятностная. В этой связи следует строго разграничить опасность и риск в зависимости от источника их происхождения. Так, опасность в большей мере лежит в области внешних (реальных) событий, риск – в области внутренних ментальных конструкций действующего субъекта, отражающих данные события в режиме приближения к ним. Угроза существует как ожидаемое событие, поэтому подготовка к ней снижает

риск ее появления. По сути, опасность выступает средой, которая обуславливает рискованное поведение. В этом контексте трактовка угрозы национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности России непосредственно согласуется с тем, что она является средой риска – «угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам» [3]. Вместе с тем заметим, угроза в настоящей стратегии трактуется практически как опасность или даже вызов, без указания на адресность субъектов, желающих нанести ущерб. Такое расширительное понимание угроз безопасности не способствует четкому и системному выстраиванию приоритетов в обеспечении военной безопасности.

Анализ вызовов, опасностей, угроз и рисков является обязательной частью обеспечения военной безопасности. При этом важно обратить внимание на тот факт, что если вызовы (в меньшей степени), опасности и особенно угрозы обычно четко обозначаются в различных официальных документах, то риски практически в них не отражены. И это закономерно. Во многом это объясняется тем, что субъект при прогнозировании или уже «столкнувшись» с вызовами, опасностями и угрозами по-новому начинает переосмысливать свои возможности и риски в сложившейся ситуации. Несомненно, риски обладают большей «подвижностью» и латентностью, чем опасности, так как субъект обеспечения военной безопасности, принимая и реализуя те или иные решения, вполне может усилить исходную неопределенность.

Думается, что понятие «риск» подходит в большей мере не для характеристики явлений и процессов, противоположных состоянию защищенности от военной опасности, а для характеристики ситуации выбора субъекта обеспечения безопасности. Семантика слова «риск» («лабиринт между скалами») в какой-то мере указывает на последовательную взаимосвязь двух компонентов: объективного (внешнего – «скалы»), которым являются источники опасности, и субъективного (внутреннего – «лабиринт»), который олицетворяет действия. Иначе, риск предполагает управление, что неприменимо к вызову, опасности или угрозе, ибо последние характеризуют только способность (возможность) кого- (чего) -либо нанести ущерб, но не открывают имеющиеся возможности его минимизации или даже получения еще больших выгод, чем просто избежание или снижение негативных последствий. Таким образом, сама возможность управлять риском выступает важным аргументом в пользу иного его размещения в ряду «вызов – опасность – угроза», утвердившегося в современной военно-политической науке и практике.

По мнению автора, в соотношении понятий, характеризующих антитезу военной безопасности, наиболее приемлем подход, при котором

риск выступает производным от вызова, опасности и угрозы. С этих позиций наиболее адекватной и целесообразной с точки зрения практики следующая взаимосвязь понятий: «вызов – опасность – угроза – риск». При таком подходе снимается и очевидное противоречие логического и действительного. Соответственно, и расположение понятия «риск» не может быть между понятиями «вызов» и «опасность» («угроза»). Также стоит обратить внимание и на отмеченную обратную взаимосвязь риска с другими феноменами антитезы безопасности. Риск предполагает не только возможность ущерба, но и положительные последствия, а также активность субъекта по минимизации или предотвращению негативных последствий.

Рассмотрение риска как производной опасности имеет аргументы и с гносеологической точки зрения. Дело в том, что анализ и оценка риска в обеспечении безопасности первоначально требуют выявления и осмысления опасности, но не наоборот: «Осмысливая риск, одновременно осмысливаются и опасности, сосредоточиваясь только на анализе опасностей, можно забыть о тех выгодах, которых можно было бы достичь путем рискованного решения. Тот, кто решает, и тот, кого затрагивает решение, всякий раз помечают разные стороны одного и того же различия и благодаря этому оказываются в конфликте, ибо они по-разному располагают своим вниманием и тем вниманием, какого требуют от других» [4].

Таким образом, понятие «риск» характеризует не только возможность негативных последствий, но и определенную нацеленность на успех в отсутствии абсолютной уверенности избежать потерь при достижении целей военной безопасности. Конечно, остается надежда, что новая информация (или новое знание) увеличит вероятность перехода от ситуации риска к ситуации большей безопасности. Однако не все так просто. Нередко получается так, что чем лучше мы познаем военные опасности и угрозы, а главное – их причины, тем более глубоким становится осознание риска. Чем более рациональными и детальными становятся вычисления, тем больше неопределенностей по поводу будущего и, следовательно, риска попадает в поле нашего зрения, особенно в условиях военного противоборства, в которое в высшей степени связано с непредвидимыми ситуациями и исходами.

Несомненно, вопросы, связанные проблемами риска в обеспечении военной безопасности, нередко излишне политизированны. Дело в том, что слишком высокие ставки в удовлетворении жизненно важной потребности в военной безопасности накладывают значительный груз ответственности за риск при принятии военно-политических решений. Поэтому принятие политического риска (или отказ от него) обычно вызывает не только достаточно большие интеллектуальные и моральные усилия, но и сопровождается столкновением групп интересов. В этой связи любая

оценка политического риска в обеспечении военной безопасности всегда была и остается контекстуально обусловленной, что обычно выражается в склонности субъектов переоценивать (недооценивать) политический риск того или иного решения, а также и в степени контроля над ним.

В современной военно-политической практике нередко можно наблюдать следующую зависимость: если возможный ущерб невозможно контролировать, то он определяется как опасность или угроза, а имеющаяся возможность его предотвращения (контроля) классифицируется как риск. Очевидно, что легче политически дистанцироваться от опасностей, чем от рисков, даже там, где вероятность или масштаб потери больше в случае опасности, чем в случае риска. Поэтому, как правило, если предотвращение ущерба возможно в обеих ситуациях, то для политика более уместно трактовать проблему как опасность (т.е. не зависящую от его действий), но не как риск. Последний всегда связан с выбором решения и ответственностью, а значит политически более удобно интерпретировать проблему как опасность (угрозу), а не как риск. Соответственно, очевидна заинтересованность лиц, принимающих решения, избегать употребления понятия «риск».

Однако в экспертном сообществе понятие «риск» употребляется достаточно часто. Этому есть определенные объяснения. Предположим, что исследователи, эксперты и практики выявили и описали определенный спектр опасностей. На какой-то период времени они могут быть представлены как некие константы. Принимая эти константы и основываясь на различных предпочтениях, субъекты обеспечения военной безопасности вырабатывают стратегию по предотвращению и нейтрализации военных опасностей. Это обычно предполагает выдвижение нескольких альтернатив. Чем с большими неопределенностями связана опасность, тем с еще большим количеством рисков приходится иметь дело субъекту обеспечения военной безопасности. В такой ситуации приходится уделять повышенное внимание проблемам управления рисками, а не дальнейшему уточнению содержания опасностей.

Кстати, данный аспект нашел отражение в исследованиях иностранных ученых. В частности, британский аналитик Стивен Эвертс отмечает, что после «холодной войны» в аналитических центрах стран НАТО в исследованиях современных военно-политических реалий все чаще оперируют словом «риск», тогда как ранее наиболее употребимым было слово «угроза». По его словам, растущая неопределенность военно-политической обстановки в мире увеличивает воспроизводство все большего количества рисков. Если ранее существовал один риск обмена термоядерными ударами, то в настоящее время многочисленные угрозы определяют стремительный рост рисков, связанных с глобальным отсутствием безопасности. Теперь между белым и черным цветом появились тысячи оттенков серого [5].

Рискологическое восприятие нынешней военно-политической действительности уже находит свое отражение не только во мнениях отдельных исследователей, но и в официальных научных изданиях. В качестве примера приведем определение угрозы из военного словаря Бундесвера: «Угроза (Bedrohung) – политические действия государства, группы государств или их союза, которые, опираясь в числе других и на военно-силовые средства, создают рискованные ситуации для суверенитета и территориальной целостности других государств или групп государств» [6]. Как видно, риск в этом определении является производным угрозы. Кстати, обратим внимание, что в этом определении риск является следствием угрозы, а не наоборот.

Таким образом, выявление природы интересующих нас взаимосвязей понятий, характеризующих антитезу состояния военной безопасности, показывает, что в опасности преобладает объективное содержание, в угрозах – объективно-субъективное, а в рисках – субъективно-объективное. Эти понятия являются одними из строительных кирпичиков, «элементарными частицами» теории и практики обеспечения военной безопасности, задающих направленность мышлению, участникам процессов разработки, принятия и реализации решений. Поэтому наличие более или менее согласованных взглядов на соотношение понятий «риск», «опасность» и «угроза» способно повысить эффективность теоретико-методологического и практического обоснования всей политики обеспечения военной безопасности. Представляется, что изложенное видение на соотношение рассматриваемых понятий может послужить определенным методологическим подспорьем в этом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. – М.: Книга и бизнес, 2007. – 423 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е издание, испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 915 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_191669/ (дата обращения 30.07.2020).
4. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – № 5. – 952 с.
5. Эвертс С. Является ли военная мощь по-прежнему ключом к обеспечению международной безопасности? // За и против. Обсуждение вариантов обеспечения североатлантической безопасности. – Брюссель, 2004. – 84 с.
6. 1000 Stichworte zur Bundeswehr. – Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 1997. – 156 p.

БРЮХАНОВ М.Д.

действительный государственный советник РФ 1-го класса,
заместитель руководителя Федерального агентства по делам Содружества
Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом,
и по международному гуманитарному сотрудничеству

АНАЛИТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ИНОСТРАННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу и оценкам эффективности деятельности государственных институтов зарубежных стран и международных неправительственных организаций в сопредельных с Россией государствах. Рассматриваются модели, технологии и инструменты реализации гуманитарных проектов, имеющих признаки и использующих элементы информационно-пропагандистских кампаний, по компрометации имиджа России, ее культурно-исторического наследия, фальсификации истории, дерусификации местного населения в контексте общей стратегии противодействия влиянию России.

Ключевые слова: мягкая и острая сила, русский мир, содействие международному развитию, сетцентричные войны, фальсификация истории, сетевые, зонтичные программы, «Поколение цифровой эпохи».

В настоящее время на международной арене разработан и реализуется целый пакет программных стратегий по противодействию России путем ослабления и перенапряжения ресурсов страны с целью подготовки предпосылок для ее полной изоляции и дестабилизации. Большая часть из этих разработок экспертного сообщества консолидированного Запада нашла свое практическое отражение и закрепление в виде нормативно-правовых документов, принятых Конгрессом США и парламентами ряда других стран.

К уже известным своей антироссийской направленностью докладам РЭНД («Перенапрячь Россию»), ЮСАИД («По противодействию злонамеренному влиянию Кремля») можно добавить программные аналитические разработки американского Центра по изучению демократии («The Kremlin Playbook 2: The Enablers»), английского Чатэм Хауса, Международного фонда избирательных систем («Countering Russian Influence in Europe and Eurasia»), а также рекомендации Трехсторонней комиссии и Гарвардской школы.

В этот же период Конгрессом США было выдвинуто несколько десятков законопроектов и резолюций по противодействию пропаганде России. Например, проект бюджета США на 2021 год предусматривает

выделение 700 млн долл. США на борьбу с Россией в информационном поле. Параллельно в США действует программа «Противодействие информационным операциям российских социальных сетей в США».

Все эти документы объединяет, по сути, одна идея – необходимо максимально ослабить Россию как внутри страны, так и в ближнем зарубежье, а также подорвать ее имидж на международной арене пока «Россия не прекратит агрессивные атаки на демократии во всем мире».

Во всех таких документах идет речь о гибком применении различных форм влияния и коммуникаций в гуманитарной среде, то есть о применении в условиях гибридных войн силы, основанной на знаниях о противнике и опыте консолидированного использования ресурсов.

Фактически эти концепты были разработаны в рамках модели сетцентричных войн (Network-Centric Warfare), в которых технология широкой паутины позволяет разрабатывать равноценно выгодные сценарии независимо от попыток оппонента успешно реагировать на одни кластеры угроз, попадаясь в ситуационную ловушку других вызовов. Так, США ведется разработка проекта по созданию целой глобальной системы противодействия российскому информационному влиянию за рубежом.

В условиях критических мировых трансформационных процессов, осложненных пандемией COVID-19, американский истеблишмент сейчас вновь вернулся к жестким форматам внешнеполитического курса «войны всех против всех», руководствуясь постулатами начала 90-х годов прошлого века, когда доминировала формула покойного Д. Рокфеллера: «Все, в чем мы нуждаемся, это в масштабном кризисе, и тогда народы примут новый мировой порядок».

Не случайно теоретик воздействия через влияние Дж. Най-младший в своей последней публикации «Можем ли мы восстановить нашу мягкую силу?» ввел понятие «острая сила», предусматривающее не только постепенное вовлечение стран-объектов в сферу интересов США и традиционную модель «управления хаосом», но и гуманитарно-информационное сопровождение внешнеполитической стратегии «управления конфликтогенным пространством» [1].

Еще с более жестким и бескомпромиссным призывом к властям США по отношению к России выступила внешний политтехнолог майдана Виктория Нуланд. В своей статье «Пригвоздить Путина» («Pinning Down Putin») она написала: «Вашингтон и его союзники должны противостоять попыткам Путина отрезать его население от внешнего мира и напрямую говорить с русскими о преимуществах совместной работы и о цене, которую они заплатили за жесткий поворот Путина от либерализма... Такой подход увеличил бы стоимость агрессивного поведения Путина, защитил бы демократии и даже мог бы заставить русский народ усомниться в собственном фатализме относительно перспектив лучшего

будущего». При этом она особо выделяет необходимость активизации и синхронизации антироссийской пропаганды с позиций союзников США второго эшелона в приграничных с Россией государствах (Прибалтийские страны, Украина, Грузия), а также стран Восточной Европы.

Таким образом, за последние годы в США и у их союзников на законодательном, исполнительном, общественном и экспертном уровнях сформировался мощный консолидированный кластер, обосновывающий основные направления и стратегии ведения опосредованной войны против России, где гуманитарная и информационно-пропагандистская составляющие играют все более важную роль, нацеливая острие своей подрывной работы на наиболее уязвимые и чувствительные для России зоны культурно-гуманитарного сотрудничества в сфере этно-национальных и конфессиональных отношений, исторической памяти, объединяющей роли русского языка и в целом Русского мира, формируя через масштабные программы образовательных обменов новое поколение русофобских элит в странах сопредельного контура Российской Федерации.

В данном контексте принципиально новое дыхание получила практика воспитания западноориентированной молодежи через институты и механизмы поддержки гражданских и конфессионально-социальных инициатив. Так, широкую известность в мусульманских странах постсоветского пространства получили так называемые дискуссионные клубы о религии и демократии в рамках проекта «Конструктивные диалоги» общественной организации International Alert. Проекты организации полностью финансируются Европейским союзом. Другим, не менее эффективным проектом, можно выделить «Инициативу молодежного гражданского диалога и проекта действий». Проект осуществлялся в контексте грузино-абхазского конфликта и в ряде других стран в период с сентября 2015 года по декабрь 2018 года. В 2020 году Европейский союз выделил Украине 1,2 млрд евро по линии госпрограммы макрофинансовой помощи в целях укрепления демократии и прозрачности системы госуправления [2].

В 2019 году в Молдавии прошли ежегодные учения молодых «гражданских активистов» из 15 стран под названием «CampCamp 2019» Пражского гражданского центра (Prague Civil Society Centre). На подобный обмен опытом по основным статьям из бюджета США выделялись средства по основным пунктам закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA).

В Беларуси действует программа обмена Связи Сообществ (Community Connections), которая способствует продвижению целей народной дипломатии и развитию взаимопонимания между народами Беларуси и Америки. Ежегодно 60 белорусов из разных областей деятельности участвуют в программе обмена, разработанной в соответствии с их профессиональными интересами. Программа предоставляет белорусским

профессионалам, представляющим бизнес, образовательную и юридическую сферы деятельности, гражданское общество и государственные институты, возможность познакомиться с практическим опытом их американских коллег.

В мягкосиловой политике консолидированного Запада по отношению к Украине прослеживается формирование в международном общественном мнении нового национального бренда страны, очищенного от национал-фашистской символики. Демонстрация новой монолитной молодой элиты в правящих кругах Украины является частью этой задачи, которая в целом успешно реализуется. Именно им отводится роль проводников нового идеологического проекта по отношению к России и государствам СНГ, пропагандируя модель «бархатной» смены элит через активность молодого поколения, которое разделяет «общечеловеческие ценности» и готово за них бороться [3].

Например, с 2016 года по инициативе ЕС запущен проект «Послы европейской молодежи», направленный на расширение прав и возможностей молодежи и укрепление координации молодежных организаций и движений стран Восточного партнерства. В 2020 году к проекту присоединились 69 студентов и молодых специалистов в возрасте от 16 до 26 лет из стран ЕС, а также Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины, чтобы содействовать повышению осведомленности о сотрудничестве ЕС с Восточным соседством [4].

С середины 2000-х гг. в рамках последовательной трансформации восприятия, переноса акцентов на необходимые мыслеобразы, формирования новой страты общества под условным названием «Дети цифровой эпохи» особое значение приобрела игровая индустрия, благодаря которой был запущен механизм трансляции мыслеобразов через виртуальное фэнтези на связь с реальностью. Например, «Churchill Solitaire», игра, созданная американским концерном экспертов и коммуникаторов в области цифровых технологий «Javelin» (Дротик или копье), который являлся аутсорсинговой структурой, выполняющей заказы Белого дома и членов Конгресса США.

Еще более в жестком русофобском формате выдержана стилистика компьютерных игр Call of Duty Modern Warfare 1 и 2 об антигуманных действиях нашего ограниченного военного контингента в Сирии под условным названием «Убей русского – защити демократию».

Если говорить в целом, то главной целью антироссийской гуманитарной политики является разрушение и трансформация ценностей (подмена смыслов) концепции Русского мира: национальная идентичность, гордость страны-победителя, патриотизм, сфера образования. Псевдонаучные вбросы, работа с молодежью, лингввойна против русского языка и русскоязычных диаспор за рубежом, фальсификация исторической памяти.

Размывание идеологических и патриотических ценностей по линии исторической памяти, фальсификации исторического прошлого на данном этапе приобрели особое значение, хотя предпосылки для этой работы были созданы еще в 2000 годах, когда оформлялись институты памяти. В основном сетевая структура институтов памяти (более 15 филиалов) создавалась в странах Восточной Европы. В России и на постсоветском пространстве этот формат был реализован на уровне неформальных общественных движений и НКО. В частности, по зарубежным каналам финансируются общество «Мемориал» в России, движение памяти геноцида киргизского и казахского народов, этнокультурная и гуманитарная дискриминация грузин, украинцев в составе СССР. На территории Российской Федерации также ведется работа по инспирированию и информационному сопровождению националистических проявлений в среде малых народов и национальных меньшинств («Поморы – потомки викингов» – Дания; пантюркизм; единая семья финно-угорских народов – Финляндия; самобытность угнетаемых народов Севера – готовится новый пропагандистский проект, связанный с американской позицией свободного судоходства в Арктических водах).

Несмотря на видимое лидерство России по количеству студентов из стран постсоветского пространства, обучающихся в российских вузах (за исключением Украины), в ближайшей перспективе ожидается рост предложений со стороны университетов США и Канады, Франции, Германии, а также Китая и Японии. Конкурентные преимущества зарубежных вузов во многом определяются эффективной инфраструктурой обслуживания абитуриентов, в том числе разнообразием стажировок для студентов (например, в компании Huawei в Китае для студентов и преподавателей инженерно-технологического факультета Бакинской высшей нефтяной школы Азербайджана), системами финансового поощрения (гранты, стипендии, скидки, публикации в международных журналах), а также возможностью последующего трудоустройства. В Польше для белорусских студентов действует особая программа привилегий при получении «Карты поляка».

Новый импульс получила лингво-культурологическая война против русского языка, который, как считают западные эксперты, остался единственным моноцентричным языком широкой коммуникации, что в корне противоречит глобальным процессам мультикультурализма.

Более того, специалисты-филологи из Польши, Прибалтики и США научно обосновали это явление как модель этнолингвистического национализма и призвали противодействовать этой форме российской агрессии в Европе и во всем мире. Главная цель должна заключаться в том, чтобы ограничить возможности использования русского языка в качестве лингво-политического инструмента России для ведения гибридной войны. «Украинцы, белорусы и казахи просто отдали России монополию

на русский. Это неестественно, это ненормально, это стоит изменить», – отмечает американский историк, профессор Йельского университета Тимоти Снайдер [5].

В этой связи предлагается, во-первых, ввести постоянный запрет на все издания на русском языке (и других языках), изображающие Крым как часть территорий России. Во-вторых, в эстонских и латвийских книжных магазинах книги на русском языке должны находиться строго в отделе литературы на иностранных языках. В-третьих, книжные магазины, которые в настоящее время продают литературу только на русском языке, необходимо обязать либо разнообразить их ассортимент, либо закрыться. В-четвертых, необходимо запретить трансляции российских теле- и радиопрограмм в Эстонии, Латвии и других странах Евросоюза. В-пятых, необходимо бороться и блокировать фейковые новости, распространяемые контролируемые Россией сайтами и фабриками российских троллей, будь то на русском или на других языках [6].

Под эгидой «борьбы с неуважением к национальному языку и защиты гражданской самоидентичности» одним из этапов дестабилизации статуса русского языка в странах постсоветского пространства стала легитимизация мер ограничительного характера с упором на институты государственного управления и СМИ. Так, делопроизводство государственных органов было переведено с русского на государственный язык сначала в Таджикистане (2009 г.) [7], затем в Киргизии (2013 г.) [8], с 2017 года русский язык в Армении получил статус иностранного, в Казахстане было принято решение о поэтапном переходе на латиницу государственных органов, образовательных учреждений и СМИ. В 2019 году вступил в силу закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (при поддержке Делегации Венецианской комиссии), а в 2020 году в Таджикистане Нижняя палата парламента (Маджлиси намояндагон) поддержала запрет использования в фамилиях и отчествах новорожденных русскоязычных суффиксов [9]. В Узбекистане запущен законопроект о внесении изменений в Кодекс об административной ответственности, согласно которому русский язык более не имеет официального статуса межнационального языка общения (при этом при составлении законопроекта учитывался опыт Украины и стран Прибалтики [10]. С того же 2017 года во всех странах постсоветского пространства, кроме Беларуси, наблюдается массовая трансляция таких идей, как опасность усиления среди молодежи позиций русского языка и необходимость ограничения русскоязычных образовательных программ в пользу национального языка. При этом на фоне роста русскоязычных курсов и образовательных программ в Азербайджане и Узбекистане наблюдается острая кадровая нехватка преподавателей русского языка. На этом фоне особо показателен доклад Азербайджанского института демократии и прав

человека «Российская пропаганда и дезинформация в Азербайджане», в котором отмечается, что «самым большим оружием России в Азербайджане является русский язык – в азербайджанском обществе существует негативная тенденция полагать, что русскоязычных граждан воспринимают как более интеллектуальных, культурных и компетентных. Эта тенденция вызывает повышенный интерес граждан Азербайджана к русскому языку и русскому образованию и оказывает воздействие на молодежь, которая уезжает учиться в Россию. Время от времени молодые люди слушают русскую музыку, смотрят российские фильмы, и их мировоззрение основано на симпатии к России, и как взрослые граждане они начинают сочувствовать России и бороться против западных ценностей» [11].

На почве растущей социально-экономической нестабильности в сопредельных с Россией государствах со стороны западных научно-экспертных центров заметно активизировалась работа по концептуальному обоснованию направлений развития, которые прямо противоречат российским интеграционным моделям.

В данном контексте следует отметить действующие в странах СНГ проекты западной консультативной поддержки, чьи мониторинговые исследования позволяют отслеживать динамику и эффективность применяемых стратегий и технологий. Например, фонд «Новая Евразия» курирует зонтичную программу «Эффективный мониторинг и оценка – залог успешной реализации стратегий устойчивого развития на местном уровне» в Беларуси.

Еще более масштабные проекты, рассчитанные на целевые аудитории и анализ социально-политического и культурно-гуманитарного климата на страноведческом и региональном уровне, осуществляет Институт центральноазиатских исследований (The Central Asian Studies Institute) Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), Институт ЕС-Грузия в Тбилиси, Академия ОБСЕ в Киргизии, а также десятки исследовательских и аналитических центров. Наиболее ярко их роль проявилась во время пандемии коронавируса, став консультативно-экспертными онлайн-площадками ВОЗ, ООН, ЕС, НАТО и стран Восточного партнерства. В январе 2020 года Фонд Сороса выделил 1 млрд долл. США на создание новой сети университетов Открытого общества («The Open Society University Network») – глобальной сети университетов и образовательных программ в сфере исследования проявлений национализма и антирасизма, рассматривая это как очередную ударную консолидированную силу для оказания воздействия на неугодные режимы [12].

На этой псевдонаучной основе международное пространство перманентно наполняется антироссийским информационным шумом, направленным на компрометацию созидательного, миротворческого

имиджа России. В связи с пандемией и обострением азербайджано-армянских отношений такие негативные ярлыки для России, как агрессор, спонсор терроризма, оккупант, государство-ревизионист [13] дополнились новыми определениями – государство-предатель и провокатор, разжигающий в своих имперских интересах братоубийственные конфликты (Доклады Центра по изучению демократии: «Опасные связи: сотрудничество России с Ираном в Сирии», «Нападения России на демократические системы правосудия» от 2019 года. Последние ярлыки активно муссируются в социальных сетях.

Особую роль в рамках данного вектора получили нормативно-правовые документы государственных структур и исследования крупнейших think tanks ЕС (Министерство обороны Великобритании и Германии, Шведское агентство оборонных исследований FOI, Института Европа-Грузия EGI, Немецкий институт международных отношений и безопасности SWP, Французский институт международных отношений IFRI, Chatham House) и США (Пентагон, РЭНД, Центр стратегических и международных исследований CSIS).

Пик выпуска докладов антироссийской направленности пришелся на периоды с 2012 по 2015 гг. и с 2018 по 2020 гг., представляя собой точечные инфовбросы об угрозе подрыва суверенитета и национальной самодостаточности со стороны России для каждой страны постсоветского пространства:

1) Украина является передовым государством в борьбе между европейским правовым порядком и русским клептократическим самодержавием. Несмотря на агрессию России, экономическое давление и информационную войну, Украине удалось сохранить свою государственность и демократические реформы [14];

2) помощь США и дипломатическое взаимодействие с Арменией по-прежнему необходимы для укрепления способности страны противостоять российским рычагам и зловредному влиянию [15];

3) в Беларуси действует около 40 онлайн-СМИ с пророссийскими и антибелорусскими нарративами, продвигающие идеи разместить российское ядерное оружие в Беларуси в рамках потенциальной военной конфронтации с Западом; развить российские организации, формирующих «русскую идентичность» среди белорусов; ввести российский рубль в Беларуси; прекратить диалог с Западом [16];

4) внешняя угроза используется для внутренних политических целей и поэтому преувеличивается. У Молдовы нет полной свободы действий при принятии важных внешнеполитических решений, поскольку она финансово зависит от западных правительств и международных организаций. Россия не делает никаких финансовых вложений в Молдову, кроме ежегодных выплат Приднестровью в сумме 100 млн долл. США

в качестве финансовой помощи пенсионерам и другим уязвимым гражданам, в то время как ЕС стал основным покупателем молдавских товаров [17].

Необходимо также подчеркнуть активное подключение ресурсов блока НАТО к информационно-пропагандистской работе антироссийской направленности и расширение плацдармов своего присутствия на постсоветском пространстве. Показателен в этом контексте пример последних инициатив в отношении Республики Молдова, которая всегда была важным объектом мягкосилового воздействия. Еще в декабре 2017 года госдепартамент США объявил тендер на организацию и проведение в Молдове программы «поддержки независимых СМИ» и подготовку молодого поколения журналистов «за европейский выбор». В марте 2018 года стартовала профинансированная госдепартаментом США программа грантов для неправительственных организаций, в задачу которых входило «восстановление уверенности в европейском пути Молдовы». Отдельный пакет грантов выделен для работы по «снижению рисков со стороны территорий, неподконтрольных государству» (Приднестровье). В качестве целевого объекта влияния Молдова также была включена в масштабный британский проект «Интеграционная инициатива» (Integrity Initiative), который предусматривает создание сети экспертов и гражданских активистов для противодействия «российскому влиянию» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Во второй половине 2019 года в Молдове произошел ряд знаковых событий с участием Пентагона и официального пропагандистского органа НАТО – Центра информации и документации. В частности, на территории полигона Бульбоак рядом с Приднестровьем состоялось открытие комплекса военных объектов, которые были реконструированы за счет военного ведомства США. Дополнительно американские власти выделили на нужды молдавской армии 3 млн долл. США в рамках программы «Глобальная инициатива в области миротворческих операций» (GPOI).

Одновременно представители альянса организовали несколько межвузовских конференций и мероприятий для молдавских НПО по проблемам информационной безопасности и пропагандистских угроз со стороны России. Это сопровождалось широким освещением в социальных сетях проевропейской позиции Украины, которая получила особые преференции и защиту от российской агрессии благодаря своему «статусу основного союзника США вне НАТО» [18].

Западными аналитическими структурами (Немецкий институт международных отношений и безопасности и Шведское агентство оборонных исследований FOI) активно муссируется тезис, что, «ранее сосредоточившись на разрешении небольших конфликтов, Россия теперь практикует развязывание и ведение крупномасштабных войн [19], целенаправленно повышает свою боевую готовность. По словам руководителя отдела исследований, в отделе политики безопасности в FOI

Йохана Норберга «Россия применяла военную силу в Грузии, Украине и Сирии в течение последних десяти лет и явно готова использовать военные средства сейчас. Военные учения отражают широкий подход, согласно которому общество поддерживает вооруженные силы на войне...» [20]. К этому же можно добавить иницируемую министерством обороны Грузии кампанию «по борьбе с российской дезинформацией», искажающей высокие цели особых отношений НАТО и Тбилиси.

Наглядный пример активации конфликтотенной обстановки в приграничных государствах России с выходом на прямое, в том числе военное столкновение, демонстрирует обострение азербайджано-армянских отношений, что является потенциальной угрозой дестабилизации всего региона Закавказья, а также ситуации на нашем (российском) Северном Кавказе.

Если мы говорим о том, что террористическая угроза со стороны Афганистана и отдельных террористических группировок в странах центральноазиатского региона представляют для нас основную опасность, то здесь мы должны реально понимать, что при умелом манипулировании террористическая опасность может напрямую затронуть и Каспийский регион, а также может создать предпосылки переноса деятельности экстремистских сил на территорию России. Такие примеры в нашей истории уже были. Вспомним взрыв в метро г. Москвы со стороны «Национальной объединенной партии Армении» в середине 70-х, а также использование Грузии в качестве транзита для заброса в южные регионы России террористических группировок. Да и «абрикосовые» разборки между диаспорами армян и азербайджанцев в Москве на бытовом уровне не дают оснований для успокоения.

Необходимо также учитывать, что реализация долгосрочных планов США и НАТО по «эксклюзивному вмешательству» в Каспийский регион под предлогом обеспечения региональной безопасности по-прежнему стоит на повестке дня. Можно, к примеру, вспомнить план «Шторм над Каспием», который прорабатывался вашингтонскими стратегами в далекие 90-е и предусматривал постоянное военное присутствие США на Каспии. Объявленные совместные военные учения члена блока НАТО Турции и Азербайджана у границ члена ОДКБ Армении и неожиданная поддержка Баку со стороны прозападной Украины создают крайне опасный прецедент с непредсказуемыми последствиями, которые в случае «спланированной случайности» могут поставить Россию перед исключительно сложным выбором – сохранить нейтралитет или выполнять свои союзнические обязательства перед партнером по ОДКБ.

Вместе с тем необходимо отметить, что вопреки значительной финансовой поддержке в сфере содействия развитию, наращиванию социально-образовательного многостороннего сотрудничества и агрессивному навязыванию русофобских настроений, согласно результатам ежегодного

опроса, проводимого в рамках Восточного партнерства, с 2019 по 2020 гг. значительно сократилось количество армянских и белорусских граждан, положительно относящихся к Европейскому союзу (Таблица 1).

Таблица 1 – Опрос граждан стран-членов Восточного партнерства об отношении к ЕС на июнь 2020 г., в сравнении с июнем 2019 г.¹

№, п/п	Отношение	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Украина
1	Относятся к ЕС положительно / нейтрально	44 % (-2 %)	53 % (-9 %)	84 % (-5 %)	49 % (-1 %)	90 % (+2 %)	51 % (-5 %)
2	Относятся к ЕС негативно	9 % (+1 %)	9 % (+3 %)	12 % (+2 %)	7 % (+3 %)	9 % (-1 %)	—
3	Хорошо оценивают сотрудничество с ЕС	69 % (-5 %)	86 % (-8 %)	54 % (-8 %)	77 % (-3 %)	74 % (+6 %)	64 % (+1 %)
4	Доверяют ЕС	41 % (+6 %)	60 % (-1 %)	45 % (-6 %)	69 % (-2 %)	63 % (-2 %)	66 % (+3 %)
5	Знают о финансовой поддержке ЕС	30 % (+2 %)	64 % (-7 %)	41 % (+4 %)	61 % (-11 %)	82 % (-3 %)	62 % (+5 %)

Вопреки прогнозам экспертов, Индекс доверия к ЕС в 2020 г. сильно пошатнулся уже не только в двух странах Закавказья (как было в 2019 г. в сравнении с 2018 г.), но и в Беларуси, незначительные изменения наблюдаются в Молдове, отмечается странное колебание в статистике Украины – статистика позитивного отношения снизилась, однако шкала негатива остается на отметке в 0 %.

Проводимый Россотрудничеством мониторинг (включая 1 полугодие 2020 г.) и анализ деятельности зарубежных государств в сопредельных России государствах в гуманитарной сфере позволяет сделать однозначный вывод о том, что динамика гуманитарной экспансии США и их союзников в зоны особого интереса и ответственности России в сопредельных странах не только сохраняется, но имеет тенденцию к усилению, задействуя при этом новые модели, технологии и инструменты информационно-пропагандистских, финансово-экономических и институциональных ресурсов.

¹ Источник: составлено автором на основе результатов Опросов общественного мнения ЕС с 2018 по 2020 гг.

Ситуация для активизации всех форматов «гуманитарной интервенции во имя мира» информационной экономической войны или прямого столкновения еще больше осложняется резким падением доходов населения в связи с пандемией, что ведет к маргинализации значительной части народа в пограничных с Россией государствах и служит дополнительным стимулом для подогревания националистических и экстремистских настроений.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что мы имеем дело не просто с долгосрочными программами противодействия нашим интересам, в основе которых заложены нормативно-правовые, финансовые и организационно-технические ресурсы. Мы должны признать главное: нам противостоит консолидированный кластер, включающий в себя ресурсы евробюрократии конкретных стран Западной Европы с все большим привлечением возможностей восточноевропейских стран (Польша, Словакия, Чехия), а также форпостов коллективного Запада непосредственно на наших границах – стран Прибалтики, Украины и Грузии. К этому же необходимо прибавить роль Японии в реализации комплексных программ содействия международному развитию и де факто Турции с ее геополитическими амбициями.

Главный вывод из проделанного нами комплексного «Аналитического обзора распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве» за последние два года заключается в том, что при всей «якобы» открытости западных концепций против России на уровне направленных против нас механизмов и технологий мы все же недостаточно глубоко разбираемся в потенциале этих угроз, что не позволяет нам эффективно реагировать и планировать стратегии контрмер.

В этой связи представляется исключительно востребованным не только продолжить комплексный мониторинг складывающейся ситуации в приграничном контуре России, но и придать этой работе более предметный и консолидированный (совместно с другими заинтересованными российскими ведомствами и научно-экспертным сообществом) характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Joseph S. Nye JR. Can we recover our soft power? // Электронный журнал «The Hill». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://thehill.com/opinion/international/501812-can-we-recover-our-soft-power> (дата обращения: 11.06.2020 г.).

2. Мыльников П. Украина подписала с ЕС меморандум о получении помощи в 1,2 млрд евро. // Русская редакция немецкого журнала Deutsche Welle. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.dw.com/ru/>

ukraina-podpisala-s-es-memorandum-o-poluchenii-12-mlrd-evro/a-54300883 (дата обращения: 23.07.2020 г.).

3. Аналитический обзор распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. Россотрудничество, – М.: ООО «Издательская группа «Юрист». Выпуск № 3, 2020. – 60 с.

4. Послы европейской молодежи отмечают четвертую годовщину и приветствуют новых членов. // Официальный Интернет-портал Восточного партнерства «Соседство ЕС». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/vostok/stay-informed/news/posly-evropeyskoj-molodezhi-otmechayut-chetvertuyu-godovschinu-i> (дата обращения: 10.07.2020 г.).

5. Как русский язык на Украине стал главной угрозой правлению Зеленского // Информационное агентство Lenta.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/19/rus_ukr/ (дата обращения: 25.05.2020 г.).

6. Камуселла Т. New Eastern Europe (Польша): эстонский русский – если или когда? // Журнал New Eastern Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://inosmi.ru/politic/20191125/246279533.html> (дата обращения: 23.04.2020. г.).

7. Постановление Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 октября 2009 г., № 1395 Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.kumitaizabon.tj/ru/content/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-gosudarstvennom-yazyke-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 23.05.2020. г.).

8. Постановление Правительство Кыргызской Республики от 5 марта 2013 года № 114 «О мерах по обучению государственных и муниципальных служащих государственному языку и переводу делопроизводства на государственный язык». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/942018?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.05.2020. г.).

9. Тадтаев Г., Порываева Л. В Таджикистане решили запретить русифицировать имена. // Информационное агентство «РБК». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea953f99a794726c9d88d5c> (дата обращения: 19.06.2020. г.).

10. Панфилова В. Узбекских чиновников накажут за использование русского языка. // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.ng.ru/cis/2020-04-27/1_7854_uzbekistan.html (дата обращения: 30.04.2020 г.)

11. Dr. Ahmad Shahidov. Russian propaganda and Disinformation in Azerbaijan. // Europe-Georgia Institute. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://egi.ge/en/archives/5035> (дата обращения: 27.01.2020 г.).

12. Пешкова Н. Сорос выделил 1 млрд \$ на обучение молодежи борьбе с авторитаризмом. // Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа

URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/391863-soros-vydelil-1-mlrd-na-obuchenie-molodezhi-borbe-s-avtoritarizmom> (дата обращения: 20.04.2020 г.).

13. США включили российское неформальное объединение «Русское имперское движение» в список террористических организаций. // Новая Газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/04/06/160476-ssha-priznali-terroristami-natsionalisticheskuyu-organizatsiyu-russkoe-imperskoe-dvizhenie> (дата обращения: 27.05.2020 г.).

14. Mathieu Boulègue and Orysia Lutsevych. Resilient Ukraine Safeguarding Society from Russian Aggression. // Ukraine forum of Chatham House. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2020-06-09-resilient-ukraine-boulegue-lutsevych.pdf>. (дата обращения: 15.06.2020 г.).

15. Integrated Country Strategy. Armenia. // US Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Armenia_UNCLASS_508.pdf. (дата обращения: 20.04.2020 г.).

16. Belarus defends its sovereignty against Russian media siege. // FOI Memo 6773. RUFS Briefing No. 46. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: www.foi.se/russia. (дата обращения: 15.06.2020 г.).

17. Ernest Vardanean, «Moldova between Russia and the West: Internal Divisions behind the Commitment to European Integration» // Russie.NEI.Visions, No. 110, August 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnv_110_vardanean_moldova_russia_and_the_west_2018.pdf (дата обращения: 15.06.2020 г.)

18. Boulegue M., Lutsevych O. «Resilient Ukraine. Safeguarding Society from Russian Aggression» // Chatham House. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2020-06-09-resilient-ukraine-boulegue-lutsevych.pdf>. (дата обращения: 15.06.2020 г.).

19. Margarete Klein. Russia's Military Policy in the Post-Soviet Space: Aims, Instruments and Perspectives. // German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper 1 January 2019, Berlin. (дата обращения: 23.04.2020 г.).

20. Ryssland övar för krig. // Swedish Defence Research Agency. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.foi.se/nyheter-och-press/nyheter/2019-02-04-ryssland-ovar-for-krig.html>. (дата обращения: 15.06.2020 г.).

БЫСТРОВ А.В.

доктор технических наук, профессор
заведующий кафедрой экономики промышленности
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ПИМЕНОВ В.В.

доктор экономических наук, профессор
профессор кафедры экономики промышленности
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

**СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ОПК – ВАЖНЕЙШИЕ КОМПОНЕНТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

2020 год, принесший в мировую экономику пандемию коронавируса, существенно подорвал национальную безопасность большинства стран. Сложившаяся ситуация показала, что национальная безопасность страны – понятие системное и требующее систематических стратегических подходов к ее обеспечению. В этих условиях вполне уместно рассмотреть стратегии экономической и информационной безопасности оборонно-промышленного комплекса как важнейшие компоненты национальной безопасности России.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определена Указом Президента РФ [1] и является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, а также цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики.

С позиций комплексного и системного подходов национальная безопасность раскрывается в нескольких аспектах:

как составная часть – подсистема более высокого уровня, каковой являются международная безопасность;

как сложная многоуровневая система, включающая свои подсистемы более низкого порядка, – военная, экономическая, техническая, интеллектуальная, информационная безопасности и их составляющие;

как внутреннее или внешнее состояние (положение) государства, его отдельных регионов и субъектов, при котором отсутствуют реальные и потенциальные угрозы национальным интересам государства.

Национальную безопасность России следует рассматривать как сложную систему, включающую такие системообразующие компоненты как экономическая и информационная безопасность, каждая из которых также представляет собой системы.

Если рассматривать экономическую безопасность как компонент национальной безопасности, то основным субъектом в этой системе выступает оборонно-промышленный комплекс (ОПК), призванный обеспечивать непосредственную защищенность государства. Эта целевая задача определена в Основах государственной политики страны в области развития ОПК на среднесрочный период и долгосрочную перспективу [2].

Именно в рамках единой государственной оборонно-промышленной политики и должна реализовываться стратегия обеспечения экономической безопасности ОПК.

Сущность данной стратегии состоит в систематическом мониторинге и выявлении возможных угроз экономической безопасности. Эта стратегия и определяет систему мер по предупреждению возможного снижения оборонно-промышленного потенциала ОПК и разработке программ по его развитию.

Основные положения стратегии экономической безопасности ОПК

Крайне важным следует считать определение экономической безопасности применительно к субъекту РФ (далее – ЭБ субъекта). В экономической науке выделяют три подхода к определению понятия экономической безопасности:

- через «*интересы*» (национальные, государственные, общественные и т.д.);
- через «*устойчивость*» (национальной экономики, экономического развития, социально-экономической системы и т.д.);
- через «*независимость*» (экономики от внешних рынков, выработки экономической политики от влияния извне).

Поскольку «*интересы*», «*устойчивость*» и «*независимость*» – это самостоятельные и не всегда пересекающиеся категории, то каждое определение ЭБ вполне приемлемо, если четко объяснить, что имеется в виду. Нам представляется, что применительно к субъекту (или региону) наиболее приемлемо определение ЭБ – через «*устойчивость*».

Для характеристики ЭБ субъекта представляет интерес определение, данное С. Глазьевым [3]: «Безопасность экономическая – это состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции». Важным в этом определении для субъекта федерации являются то, что ЭБ субъекта не может быть обеспечена в полной мере без достаточно устойчивой экономики страны в целом. Перед российской экономикой стоит задача создать устойчивую финансово-банковскую систему, эффективные институты рыночного хозяйства и механизмы корпоративного управления, чтобы обеспечить благоприятные условия

для отечественных товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Раскроем кратко методический аппарат оценки устойчивости субъекта.

Методический аппарат для оценки показателей ЭБ субъекта должен удовлетворять следующим требованиям:

система должна представлять собой комплекс взаимоувязанных оценочных показателей;

комплекс предлагаемых показателей и параметров должен быть максимально приближен к показателям статистического наблюдения;

методика подобного наблюдения должна предусматривать систематический мониторинг показателей и возможных угроз научно-технологической и экономической безопасности;

показатели должны обеспечивать возможность постоянного сравнения их текущих значений с их предельными (пороговыми) значениями, что позволит оценивать степень устойчивости функционирования объектов в регионе и уровень угроз их экономической безопасности;

система показателей, характеризующих устойчивость ЭБ субъекта, должна быть иерархической, учитывающей устойчивость всех основных социально-производственных звеньев в субъекте.

Оценка устойчивости субъекта должна предусматривать как текущее состояние устойчивости, так и прогноз его устойчивого развития в условиях воздействия внутренних и внешних факторов. Необходимо также проводить оценку и характеристику угроз экономической безопасности, связанных с состоянием и тенденциями социально-экономического развития субъекта федерации.

Таким образом, оценку устойчивого состояния и развития субъекта следует осуществлять как по показателям, характеризующим его деятельность в условиях отсутствия угроз (в этом случае достаточно рассматривать **факторы**, влияющие на устойчивое состояние субъекта, и оценивать лишь параметры «устойчивости»), так и при наличии угроз (когда речь идет уже о показателях «безопасности» и необходимости в этом случае **оценки угроз безопасности** и обоснования пороговых значений показателей).

При прогнозной оценке устойчивости субъекта потребуется разработка специальных моделей.

Финансово-экономическая составляющая устойчивости является консолидирующим результатом деятельности субъекта, т.е. его валовым внутренним продуктом, и будет описываться финансовыми и экономическими показателями деятельности всех совокупных объектов региона (прибылью, бюджетной эффективностью, экспортной валютной выручкой, рентабельностью производства, долей на рынке, налоговыми поступлениями).

Снижение устойчивости объекта в целом, либо любой из обеих его составляющих ниже определенного (порогового) значения влечет за собой развитие кризисной ситуации в регионе, приводит к необратимости процесса и может быть связано с непосредственными угрозами, а, следовательно, с понятиями экономической безопасности. Гипотетическое развитие такой ситуации представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – График, характеризующий развитие устойчивости объекта под влиянием внешней (внутренней) среды «от факторов к угрозам»

Обеспечить экономическую безопасность объекта – значит обеспечить условия его стабильного состояния и развития на уровне не ниже пороговых показателей. Несоблюдение таких условий препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства и последовательно (либо обвально) приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций, начиная от кризисной ситуации, и до появления необратимых процессов в той или иной области экономики (см. рисунок 1).

В целом потенциал субъекта как социально-экономической системы представляет собой *производственно-технологическую* составляющую ее устойчивости и понимается как научная, технологическая, производственная

и социальная возможности экономики региона по решению текущих и перспективных задач.

Важным фактором экономической безопасности в последние годы становится переход отечественной экономики на цифровые технологии [2,3]. В этих условиях целевая задача по обеспечению безопасности становится связанной с построением *экосистемы цифровой экономики*. И совсем не случайно, что определение цифровой экономики дано именно в Стратегии развития информационного общества, подчеркивая тем самым, что информационная составляющая существенно меняет сам характер всей хозяйственной деятельности, а обработка больших объемов и использование результатов анализа в цифровой экономике требуют повышенного внимания к обеспечению безопасности.

Инструменты и механизмы информационной безопасности

*Вызовы и угрозы, сопровождающие цифровую трансформацию.
Инструменты и механизмы по реализации стратегии информационной безопасности*

Переход к так называемому постиндустриальному, или информационному обществу сопровождается целым рядом характерных черт, присущих цифровой экономике [5] и проявляющихся в следующем:

1. Превалирование в экономической деятельности информационного обмена над обменом физическими объектами.

Значительная часть ВВП получается за счет поставки услуг, чаще всего, имеющих отношение к интеллектуальной собственности и программным продуктам, базам данных и базам знаний, патентам на новые образцы и т.д. Ярким примером является поставка Интернет-сервисов через системы облачных вычислений.

2. Преобладающим экономическим ресурсом и инструментом власти становятся знания (интеллектуальный капитал), а не деньги (финансовый капитал) или насилие (оружие).

В современном мире каждая исключительная идея или ноу-хау сразу привлекают массы инвесторов. Оценка компаний чаще всего основывается на прогнозах разработок и внедрений их новейших технологий, а не на оценке их прибыльности на текущий момент.

3. Преобладающим средством массовых коммуникаций становится Интернет.

Не автомобильные и железные дороги или обычная почта, как это было ранее в промышленном обществе, а цифровые системы личной коммуникации на базе сотовых телефонов и планшетов становятся ведущими. В настоящее время деловая переписка через Интернет-приложения и сервисы мгновенных сообщений гораздо более эффективны, чем использование ранее общепринятых средств коммуникаций.

4. Превалирующей организационной структурой становится сетевая организация, а не иерархия.

Сети малых организаций (как и систем) гораздо более чувствительны и адаптивны к изменениям на рынке, гораздо более живучи, чем большие бюрократические структуры. Многие крупные корпорации уже делают реформаторские шаги в этом направлении, уменьшая число уровней иерархии, размывая границы подразделений. Убедительные доказательства этому дают В2В-сети производственных предприятий среднего и малого масштаба.

5. Преобладающей методологией развития становится самоорганизация (как управление снизу-вверх) и эволюция, задающая изменения от простого к сложному.

Новая экономика становится благоприятной почвой для последовательного «выращивания» сетей предприятий по схеме «снизу – вверх» и трансформации крупных предприятий в более гибкие и эффективные структуры, типа сети малых и средних предприятий. Здесь также уместно упомянуть самоорганизующиеся открытые В2В-сети производственных предприятий.

6. Преобладающий уровень информационного обмена – глобальный, а не региональный или местный.

Организации, не имеющие доступа к глобальной информационной сети и к рынкам в разных странах и континентах, старающиеся завоевать или удержаться на исконных локальных рынках, оказываются ограничены тесными географическими рамками и постепенно проигрывают в конкурентной борьбе.

Программа цифровой экономики представлена тремя уровнями, охватывающими в тесном взаимодействии *рынки и отрасли, платформы и технологии, и среду*, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Платформа цифровой экономики представляет собой *цифровую среду* (программно-аппаратный комплекс) с набором функций и сервисов, обеспечивающую потребности потребителей и производителей, и реализующую возможности их взаимодействия. По сути, платформа – это бизнес-модель, отвечающая требованиям новой экономики, при которой взаимодействие организационно-управленческой, производственно-технологической и информационной систем на предприятии было бы наиболее эффективным.

Как показывает реальная практика, на отечественных предприятиях все эти системы проектировались и создавались отдельно, что является наибольшим препятствием при реализации модели цифровой экономики, сущностью которой является *системность*. В значительной степени такая системность представлена в известной Концепции **INDUSTRY 4.0**. Из всех основных компонентов этой системы наиболее важным представляется фактор *Interoperability* – интероперабельность (*функциональная*

совместимость), без которой невозможно создать работоспособную интегрированную производственную систему.

В целом речь должна идти именно о *системном подходе* к развитию всей политики страны, имея в виду принятие скоординированных инструментов, механизмов и действий как в развитии промышленной политики и укреплении оборонно-промышленного комплекса, так и развитие всего экономического потенциала страны на основе дальнейших структурных преобразований всей экономики. Такую целевую направленность и представляет собой принятая в 13 мая 2017 г. Стратегия экономической безопасности на период до 2030 года [4].

В статье показано, что для обеспечения национальной безопасности России значительную роль играют такие важные ее компоненты как экономическая и информационная безопасность страны. При этом каждая из компонент реализует стратегические задачи во взаимосвязи с основными положениями стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 13.07.2020).

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7385369113557885#08858426256915424> (дата обращения: 10.07.2020).

3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221756&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.1818587846677091#035527547949019755> (дата обращения: 17.07.2020).

4. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216629&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.520342935267166#09377990717412743> (дата обращения: 14.07.2020).

5. Кудрявцев Г.И., Скобелев П.О. Цифровая экономика: Концепция управления крупным высокотехнологичным предприятием // Горизонты экономики. – 2017. – № 5 (38). – С. 54-60; – № 6 (39). – С. 37-46.

ВАСЕЦОВА Е.С.

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. Цель статьи – изучить российско-иранское сотрудничество в области борьбы с терроризмом на примере совместных действий по урегулированию сирийского конфликта.

Ключевые слова: Россия, Иран, борьба с международным терроризмом, сирийский конфликт, астанинский процесс.

Международный терроризм – сложный социально-политический феномен, подверженный постоянным изменениям и крайне сложно поддающийся определению. Несмотря на большое внимание, которое в научных и экспертных кругах уделяется проблеме развития международного терроризма и борьбы с ним, до сих пор не сформулировано единое, универсальное определение термина «международный терроризм». Впрочем, все специалисты сходятся во мнении о деструктивной и противоправной природе данного явления. Согласно ставшему хрестоматийным определению американского политолога У. Лакера, терроризм – незаконное использование силы против гражданского населения для достижения политических целей [Laquer, p. 97]. По мере развития терроризма приходило осознание, что граница между «внутренним» и «международным» терроризмом становится все более размытой. Исследователи отмечают ассиметричный характер современного международного терроризма. Согласно определению специалиста в области международных отношений Е.А. Степановой, «терроризм – преднамеренное использование или угроза насилия со стороны негосударственных акторов против гражданских лиц для достижения политических целей путем давления на государство и общество» [2, с. 29]. Также наблюдается тенденция изучения терроризма как долгосрочного фактора, влияющего на систему международных отношений, и постоянно меняющейся угрозы [3, с. 705]. В настоящее время деятельность международных террористических организаций осуществляется в глобальном масштабе и в данном плане представляет одну из ключевых угроз безопасности.

Ряд террористических организаций, например, «Исламское государство» (ИГ) и «Джебхат ан-Нусра» («Джебхат Фатах аш-Шам»)¹, выбрали в качестве одной из мишеней своей деятельности вооруженные силы и объекты военной инфраструктуры Российской Федерации, Ирана, государств – членов НАТО. Во внешнеполитической концепции РФ отмечено, что «качественно новый характер глобальная террористическая угроза приобрела с появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние <...>. Главным направлением в борьбе с терроризмом должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе, на основе эффективного и системного взаимодействия государств, без политизации и двойных стандартов, активно использующей возможности гражданского общества, прежде всего в целях предупреждения терроризма и экстремизма, противодействия распространению радикальных идей [Концепция внешней политики].

Многолетний кровопролитный сирийский конфликт, в ходе которого стало возможным провозглашение ИГ на обширных территориях Сирии и Ирака, является одним из основных международных кризисов второго десятилетия XXI в. Несмотря на существующий в мировом сообществе консенсус относительно необходимости противодействия террористической угрозе, вопрос о борьбе с террористическими группировками, действующими в ходе сирийского конфликта, продемонстрировал двойственность и неоднозначность позиции коллективного Запада по противодействию террористической угрозе.

Позиция России по сирийской проблематике заключается в необходимости урегулирования конфликта, основанного на сохранении суверенитета и единства Сирии, ее независимости и территориальной целостности. Первостепенное значение Москва уделяет борьбе с терроризмом, против которого призывает выступить сообщество, объединившись независимо от отношения к режиму Б. Асада. Несмотря на очевидные доводы в пользу данной позиции, российская сторона долгое время не находила должной поддержки со стороны ведущих государств мира. Коллективный Запад и ряд стран региона считали возможным полагаться при решении кризиса на силы, связанные с радикальными исламистскими организациями и движениями.

Из-за усиления позиций ИГ и других радикальных вооруженных исламистских группировок в Сирии к осени 2015 года сложилась патовая ситуация, угрожавшая развалом страны. Значительная часть территории Сирии контролировалась на тот момент террористическими организациями.

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

В сложившихся условиях руководство страны обратилось к России с просьбой об оказании помощи в борьбе с терроризмом. Москва удовлетворила просьбу Дамаска, и 25 августа 2015 г. между сторонами было заключено соглашение о размещении авиационной группы Вооруженных Сил РФ на территории Сирии. Отметим, что антитеррористическое взаимодействие с самого начала осуществлялось в рамках регионального взаимодействия. 26 сентября 2015 г. стало известно, что Россия, Ирак, Иран и Сирия создали в Багдаде информационный центр для борьбы с ИГ. Основными функциями данной структуры являются сбор, обработка, обобщение и анализ текущей информации об обстановке в регионе с целью противодействия терроризму [Роль России].

Россия и Иран нашли друг в друге партнеров по борьбе с терроризмом. Заинтересованность сторон в укреплении антитеррористического взаимодействия обусловлена следующими причинами:

во-первых, Москва и Тегеран заинтересованы в обеспечении своей национальной безопасности, которая напрямую связана с ликвидацией террористической угрозы;

во-вторых, и Россию, и Иран связывают давние и прочные отношения с руководством Сирии;

в-третьих, стороны уже имеют опыт по решению схожей проблемы. Иран оказывал содействие России во внутривосточном урегулировании в Таджикистане в 1990-е годы;

в-четвертых, Россия проводит собственный, независимый от коллективного Запада, внешнеполитический курс по отношению к сирийскому урегулированию. В данном плане Иран видит в России сильного партнера, обладающего правом вето в Совете Безопасности ООН, способного объединить в ходе борьбы с терроризмом силы, которые не ориентируются на модель урегулирования сирийского конфликта, предложенную США и их союзниками.

Антитеррористическое направление взаимодействия России и Ирана происходит на военном уровне и политико-дипломатическом [6, с. 29]. На военном уровне взаимодействие сторон достигло высокого уровня. Иран передал России во временное пользование свою авиабазу в Хамадане, что является свидетельством высшего доверия со стороны иранского руководства. Россия и Иран координируют боевые действия на территории Сирии. На политико-дипломатическом уровне наблюдается активное взаимодействие в рамках астанинского процесса, начавшегося в 2017 г. Россия, Турция и Иран стали странами-гарантами астанинского процесса.

Выделим следующие важнейшие достижения, которых удалось достичь в ходе астанинского процесса. Это договоренность о создании Россией, Ираном и Турцией трехстороннего механизма контроля за режимом прекращения огня в САР; создание мониторинговой группы по перемирию

в Сирии с участием Ирана, России, Турции; формирование зон деэскалации в Сирии: к северу от города Хомс, в пригороде Дамаска – в районе Восточной Гуты, на границе Сирии с Иорданией – в провинции Дераа, а также в провинции Идлиб. Было решено, что мониторинг в зоне деэскалации в провинции Идлиб ведут силы Ирана, России и Турции, а в остальных зонах – российская военная полиция. Сформирована рабочая группа по освобождению задержанных и заложников, передаче тел погибших и поиску пропавших без вести. Успешная реализация антитеррористических мер позволила разгромить ИГ, «Джебхат ан – Нусру» в Сирии.

Таким образом, развитие сотрудничества между Россией и Ираном в области борьбы с терроризмом вышло на новый уровень и во многом стало залогом успешного противодействия ИГ, «Джебхат ан – Нусре» и другим радикальным вооруженным исламистским организациям, действующим в ходе сирийского конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Laqueur W. The age of terrorism. – Boston, 1987. – 320 p.
2. Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. – М.: Научная книга, 2010. – 288 с.
3. Политология: лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 800 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (Дата обращения 30.06.2020).
5. Роль России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии. 30.09.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/889036> (Дата обращения 30.06.2020).
6. Оруджова Т.С. Антитеррористическая операция в Сирии как фактор трансформации российско-иранского сотрудничества // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. – Вып. 1 (834). – С. 23-33.

ВЛОВИН А.В.

кандидат военных наук, доцент
научный сотрудник военного института (управления национальной
обороной) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ВЕДЕНИЮ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
ПО ОПЫТУ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РОССИИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ**

Аннотация. В статье на основе анализа взглядов вероятного противника – негосударственных (незаконных) вооруженных формирований на ведение вооруженной борьбы за пределами России определены основные тенденции развития военного искусства в обеспечении безопасности страны.

Ключевые слова: военная безопасность, вооруженная борьба, военное искусство, негосударственные (незаконные) вооруженные формирования (террористические организации, частные военные компании, спящие ячейки).

За время, прошедшее после окончания Второй мировой войны, произошли глубокие изменения во всех сферах жизни и деятельности общества. Многие особенности современной военно-политической обстановки обусловлены развивающимся процессом глобализации, который привел к созданию новой системы международных отношений и значительной трансформации базовых принципов безопасности. В настоящее время мало у кого возникает сомнение в том, что экономическая глобализация – это объективный процесс, но и у него есть свои «дирижеры». Именно отсюда вытекает политическая концепция построения полюсного мира. Дорогу ей прокладывает, не в последнюю очередь, военная стратегия. Особенность современной военной стратегии государств – центров силы и их ближайших союзников состоит в том, что они «одеты» не в форму агрессора, а в форму освободителя и миротворца. В этом видится источник основных противоречий современного мира и основных угроз безопасности, в том числе в лице международного терроризма и экстремизма, поставивших разделительную грань между традиционными военными угрозами и конфликтами, к отражению которых готовились государства в XX веке, и потенциальными угрозами, с которыми они сталкиваются в XXI столетии. Представления о расстановке сил, характере существующих и грядущих военных столкновений начинают меняться.

Анализ военно-политической обстановки дает основание утверждать, что современное построение глобальной безопасности базируется не на принципах обороны и ударах возмездия, а на силовом предотвращении потенциальных угроз и отстаивании национальных интересов за пределами собственных территорий с развертыванием ограниченного контингента вооруженных сил в странах «изгоях» с развязанными или спровоцированными вооруженными конфликтами [1]. Ставка при этом делается не на регулярные вооруженные силы, а на проправительственные или оппозиционные (незаконные) вооруженные формирования, частные военные компании, а также местное население. Катализатором возникновения вооруженного конфликта при этом, как правило, становится обострение национально-этнических и религиозных противоречий различных слоев населения страны, неприятие путей развития отдельных народностей и социальных групп, а также территориальные претензии в приграничных районах и областях.

Именно поэтому одной из внешних угроз военной безопасности России является втягивание ее в существующие и потенциальные военные конфликты в регионах ее геополитических интересов. В то же время причины и цели вооруженной борьбы в них со стороны потенциального противника зачастую смещаются от традиционного стремления контролировать нефтегазовую отрасль к возможности распоряжаться исчерпаемыми и возобновляемыми многоцелевыми (вода, земля, лес), сельскохозяйственными (почва, животные), а также промышленными (гидроэнергетическими) природными ресурсами и надзирать за путями их транспортировки, в первую очередь в потенциально значимых, но экономически и политически уязвимых регионах, влияние на которые является залогом успешного развития собственных экономик, а также доминирования на международной арене.

Сосредоточение значительных масс населения в урбанизированных районах при дисбалансе сил и средств противоборствующих сторон вооруженного конфликта предопределяет формирование очагов напряженности в крупных городах и населенных пунктах с вынужденным привлечением гражданского населения к участию в боевых действиях на той или иной стороне, а также потребность обеспечения безопасности функционирования важных объектов инфраструктуры. Количественный же и качественный дисбаланс противоборствующих сторон, как собственно вооруженных формирований, так и восполняемых людских ресурсов (так называемых спящих ячеек), особенно в странах мусульманского мира, повысил актуальность широкого использования информационных ресурсов для формирования необходимого образа мышления и восприятия окружающей действительности широкими слоями населения.

Как показывают результаты проведенного анализа, современным вооруженным конфликтам за пределами России, в частности на Ближнем Востоке и в Африке, присущи следующие основные характерные черты [2, 3]:

с точки зрения внутренних факторов:

дисбаланс количественно-качественного соотношения противоборствующих сторон и расширение состава участников вооруженных конфликтов вовлечением в них значительной части местного населения и террористических организаций, в том числе международных;

смещение центров вооруженной борьбы в урбанизированные районы, где проживает значительная часть населения и функционируют сложные системы жизнеобеспечения;

непримиримость взглядов антиправительственных сил на развитие ситуации в регионе и, как следствие, развитие обстановки по территориальному или религиозному признаку, клановой принадлежности, террористической направленности и др.;

с позиции внешних факторов:

всесторонняя помощь оппозиционным группировкам и террористическим организациям со стороны иностранных государств;

открытость сухопутных (морских) границ подвергшихся агрессии государств, способствующая беспрепятственным поставкам оружия и материальных средств, а также перемещению боевиков;

присутствие специалистов иностранных государств по обе стороны конфликта, в первую очередь в сфере разведки и информационного противоборства, а также консультативных органов (советников) планирования операций.

В то же время и сами подходы к ведению противоборства между правительственными силами с одной стороны и вооруженной оппозицией, зачастую выступающей под патронажем международных террористических организаций, с другой претерпели ряд существенных трансформаций. Суть данных изменений заключается в устойчивой совокупности согласованных и взаимосвязанных в пространстве и времени противоборств боевых систем с непрямыми действиями в когнитивной (сознание человека), информационной (создание, разработка и распределение информации) и социокультурной (взаимодействие людей) сферах, направленных на предопределение действий противника, формирование поведения союзников и нейтральных сил как в ситуации мира, так и с началом кризиса и боевых действий. Налицо стирание граней между базовыми эффектами группового поведения участников конфликтов, предопределяющее потребность создания резервного ресурсного потенциала на все случаи жизни и формирования рационального восприятия и понимания опасностей и угроз безопасности личности, общества и государства в целом. Кроме того, на ход боевых действий значительное влияние оказывают ограниченные возможности по применению имеющихся сил и средств на необорудованных и расположенных в различных климатических зонах территориях.

По опыту вооруженных конфликтов за пределами Российской Федерации можно отметить следующие основные особенности действий незаконных вооруженных формирований (НВФ), под которыми рассматриваются отряды боевиков оппозиции, международные террористические организации и частные военные компании, выступающие на их стороне:

в ходе боевых действий:

захват и удержание важных элементов местности, оперативного оборудования территории и населенных пунктов;

налеты мобильных групп на переоборудованных под огневые средства автомобилях повышенной проходимости на контрольно-пропускные пункты (КПП), блокпосты, оборонительные позиции;

устройство огневых засад для уничтожения вооружения и военной техники (ВВТ) пусками противотанковых управляемых ракет на предельной дальности;

минирование местности (установка групп мин и отдельных фугасов) на направлениях наступления, маршрутах передвижения правительственных войск (военного руководства), а также оставляемых боевиками позиций;

беспорядочные обстрелы населенных пунктов из различных видов оружия, в том числе изготовленных кустарно, для нанесения потерь, разрушения объектов жизнеобеспечения и вскрытия огневых позиций обороняющихся войск при ведении ответного огня;

применение в обороне кочующих огневых средств со сменой подготовленных позиций и огневых рубежей, а в наступлении – смертников-шахидов и так называемых шахид-мобилей (на танках, БМП, автомобилях) для создания участков прорыва, разрушения критически важных объектов и поражения личного состава;

использование малых беспилотных летательных аппаратов (БЛА) для ведения разведки и выполнения отдельных огневых задач;

проведение террористических актов с использованием инженерных боеприпасов, в том числе через подземные коммуникации (тоннели);

в рамках обеспечивающей деятельности:

радиоперехваты информации с каналов обмена данными, постоянное наблюдение за местностью (до 20 км прямой видимости) для корректирования огня артиллерии, проведения рекогносцировок в преддверии ночных фаз деятельности;

широкая разработка и использование подземного пространства (тоннелей) в качестве путей подачи запасов материальных средств, эвакуации раненых и больных, а также маневра в тыл проправительственных сил;

создание зон затопления и заболачивание местности (размягчение грунтов) на направлениях наступления правительственных войск, разрушение объектов инфраструктуры, жизнеобеспечения, культурного и исторического наследия;

собственное производство оружия и боеприпасов кустарным способом, вербовка и обучение боевиков в центрах подготовки на территориях сопредельных государств и в собственных тренировочных лагерях;

агитация и пропаганда норм шариата и идей «джихада» через сайты, социальные сети Интернет, медиа-центры и средства массовой информации, подготовка детей и молодежи к «джихаду»;

показные казни, узаконенное рабство и гонения религиозных меньшинств;

в области финансово-экономической деятельности:

захват и удержание объектов энергетической инфраструктуры, водообеспечения, зернохранилищ и иных объектов экономической деятельности, приносящих прибыль;

овладение нефтегазовыми месторождениями, их разработка и контрабанда сырой нефти, оружия, боеприпасов и исторических артефактов;

торговля людьми и получение выкупа за захваченных заложников, грабежи и вымогательство денежных средств у представителей крупного и малого бизнеса, взимание штрафов и пошлин с местного населения.

Отличительной чертой современных вооруженных конфликтов является создание и развертывание на территориях, подконтрольных правительственным войскам, разветвленной сети так называемых спящих ячеек¹, состоящих из лиц, сочувствующих НВФ, ведущих разведку, а также обеспечивающих подготовку и проведение терактов. Они составляют порядка 2,5 - 3,5 % активного мужского населения определенного района страны и могут проявлять или не проявлять себя до кризисного момента.

В условиях значительного роста возможностей и функционального объединения средств разведки и поражения вооруженных сил силы и средства НВФ сосредотачиваются в районе боевого применения только к началу выполнения боевой задачи, что соответствует принципам сетецентрических действий. При этом элементы боевых групп применяются, как правило, в полном составе без деления на подгруппы. Для выполнения ряда задач и мероприятий всестороннего обеспечения, не требующих специальной подготовки, в частности, для восстановления и оборудования источников воды, сети передачи данных и ретрансляции информации, переоборудования и маскировки заброшенных штолен и выработок, создания схронов и закладок оружия и боеприпасов привлекается и местное население, что при ограниченных возможностях изоляции района боевых действий позволяет НВФ достаточно широко использовать свободные территории.

¹ Спящие ячейки – подготовленные группы боевиков, находящиеся в различной степени готовности к применению и инфильтрованные в местное население и инфраструктуру.

Наличие разветвленной и распределенной на местности сети НВФ вынуждает правительственные войска распылять свои силы для обеспечения безопасности функционирования важных объектов инфраструктуры и элементов оперативного оборудования территории: на выполнение этих задач иногда приходится выделять до двух третей наличествующих сил и средств. Это, в свою очередь, приводит к балансу сил между сторонами конфликта на определенных территориях, недостаточной активности правительственных войск по разгрому НВФ или ведению ими только локальных наступательных действий на тактическом уровне.

В то же время в подходах НВФ к ведению вооруженной борьбы существуют так называемые зоны уязвимости, позволяющие проправительственным силам поддерживать баланс интересов в регионах потенциальной и реальной опасности. К основным из них можно отнести:

- отсутствие единой цели и руководства; религиозные противоречия между группировками;

- борьба между ними за источники финансирования, контроль над нефтяными месторождениями, маршрутами контрабанды, посевными полями, основными магистралями и населенными пунктами;

- отсутствие координации действий НВФ на оперативном уровне; использование открытых каналов радиосвязи для обмена оперативной информацией;

- дефицит артиллерийских и инженерных боеприпасов промышленного производства;

- стремление части местного населения на контролируемой НВФ территории к мирной жизни и готовность к переговорам с властями.

Наличие данных зон уязвимости предопределяет адаптивный подход к разрешению современных вооруженных конфликтов, представляющий собой взаимообусловленный конгломерат мер как прямого, так и косвенного воздействия на НВФ:

- классические наступательные и оборонительные действия общевойсковых формирований, в том числе в условиях ограниченной видимости, с заблаговременным (одновременным) введением противника в заблуждение (обманом);

- действия штурмовых отрядов и групп с широким использованием подземных коммуникаций и тоннелей в населенных пунктах во взаимодействии с маневренными разведывательно-ударными группами при поддержке разнородных средств огневого поражения;

- разведывательно-поисковые действия сводных (специальных) отрядов в так называемых свободных зонах или межпозиционном пространстве на максимальной дальности поддержки огнем главных сил по поиску и уничтожению складов, схронов и баз НВФ;

разведывательно-засадные действия огневых (ударных) групп по поиску и уничтожению боевиков и транспорта НВФ;

боевое дежурство на КПП и блок-постах на транспортных коммуникациях;

действия мобильных снайперских групп на переднем крае, особенно в условиях ограниченной видимости, уничтожение лидеров НВФ различными способами;

ведение противотоннельной борьбы: строительство контртоннелей, бурение шурфов, оборудование противотоннельных рвов и др.;

провоцирование конфликтов между непримиримой и умеренной оппозицией, а также оппозиции страны с формированиями международных террористических организаций;

побуждение НВФ к наступательным действиям в невыгодных для них условиях, завлечение в огневые ловушки (мешки) и уничтожение с подготовленных оборонительных и огневых позиций;

уничтожение (вывод из строя) критически важных объектов НВФ средствами дальнего поражения и базирования;

систематическое огневое воздействие на противника общевойсковыми (мотострелковыми и танковыми) подразделениями так называемым карусельным способом с использованием особенностей рельефа местности и возводимых валовых укрытий насыпного типа;

действия сил и средств, объединенных в разведывательно-ударном (огневом) контуре, в назначенных зонах ответственности за разведку и поражение с оперативной сменой (чередованием) огневых позиций;

минирование местности на маршрутах передвижения НВФ и их объектов с использованием мин-фугасов, мин-ловушек, объектных мин в управляемом и неуправляемом вариантах;

радиоэлектронно-информационное подавление (блокирование) каналов управления и геопривязки разведывательных и ударных БЛА, радиоизлучающих средств, радионавигации НВФ, в том числе функционирующих в составе систем (сетей) двойного назначения и общего доступа;

переговоры с представителями умеренной оппозиции по их привлечению к борьбе с международными террористическими организациями;

фетвы и проповеди религиозных и общественных деятелей, распространение пропагандистских листовок, воздействие на родственников, имущество и бизнес-лидеров и главарей НВФ;

урегулирование статуса боевиков и их привлечение в отряды самообороны населенных пунктов со штатным оружием;

контроль соблюдения режима прекращения огня, отслеживание перемещений техники и грузов с использованием БЛА.

В основе указанных изменений в ведении вооруженной борьбы с НВФ лежат четко просматриваемые следующие тенденции военного искусства.

Первое. Существующий с давних времен принцип сосредоточения сил и средств на решающем направлении в современных условиях реализуется, прежде всего, эффективным маневром огнем и ударами средств поражения во всех сферах ведения вооруженной борьбы без традиционно применявшейся ранее концентрации войск.

Второе. Изменилось соотношение между стратегией, оперативным искусством и тактикой, хотя все эти категории военного искусства сохраняют свое значение. Использование результатов ударов стратегических средств поражения и завершение разгрома группировок войск противника во многом зависят от высокоманевренных боевых действий в тактическом звене с переносом усилий на всю глубину ведения вооруженного противоборства.

Третье. Характерной чертой современных тактических действий и на перспективу является возрастающее значение дальности и точности ведения огневого боя. В то же время поражение критически важных объектов противника является залогом грядущих побед лишь в сочетании с контролем над важными участками местности и объектами оперативного оборудования территории в его тылу на направлениях действий войск.

Четвертое. Увеличение количества и повышение качества средств вооруженной борьбы, усложнение процессов их боевого применения и формирования систем поражения и защиты с их участием, а также расширение числа участников вооруженного противоборства все более определяют развитие обстановки на поле боя под влиянием факторов неопределенности. Это, соответственно, требует все более оперативного реагирования командиров всех степеней на изменения обстановки путем создания высококомобильных элементов боевого порядка и оперативного построения группировок войск.

Указанные тенденции определяют ряд характерных черт военного искусства в военных конфликтах XXI века, в частности таких как:

- сближение боевых и небоевых форм действий;
- сочетание наступательных, оборонительных и поддерживающих действий;

- стремление к упреждению противника в темпе и интенсивности ведения боевых действий за счет возрастания мобильности, точности поражения целей и информационного превосходства;

- освоение и применение наземными группировками войск тактических приемов сил специальных операций;

- все большее рассредоточение воинских формирований на поле боя по фронту и в глубину боевого порядка (оперативного построения);

- появление новых элементов боевого порядка (оперативного построения), в том числе противодесантных вертолетных резервов, группировок сил и средств информационной борьбы, разведки и РЭБ, воздушно-наземных тактических групп, аэромобильных десантов и др.;

внедрение новых форм применения средств поражения, в первую очередь высокоточного оружия, в комплексе со средствами РЭБ, повышение доли и значимости на поле боя средств поддержки пехоты.

Как видно из сущности и содержания представленных тенденций военного искусства и характерных черт общевойскового боя, на первый план выходит маневр силами, средствами, огнем и ударами, который все более становится основой достижения оперативных и стратегических успехов. Таким образом, изменяющиеся подходы противоборствующих сторон к ведению вооруженной борьбы предопределяют происходящее и грядущее внедрение как новых форм ведения вооруженной борьбы, так и способов их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивашов Л.А. Битва за Россию. Хроники геополитических сражений. – М.: Изборский клуб, 2015. – 416 с.
2. Вдовин А.В. Адаптивный подход применения сил и средств для борьбы с террористами по опыту вооруженных конфликтов за пределами России // Военная мысль. – 2018. – № 2(56). – С. 24-32.
3. Кожушко Е.П. Современный терроризм – анализ основных направлений. – М.: Харвест, 2018. – 448 с.

ВЕРТЯЕВ К.В.

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН

**РЕСПУБЛИКА РОЖАВА: АНАРХИЧЕСКАЯ УТОПИЯ
ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ?
(СТАНОВЛЕНИЕ ПРОТОГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИРИИ)**

Аннотация. В статье рассматривается становление самопровозглашенной автономии на северо-востоке Сирии (Рожава, Сирийский Курдистан, Федерация Северо-восточной Сирии, Автономная Администрация Северо-восточной Сирии (ААСВС)) и роль ключевых игроков сирийского урегулирования, таких как Турция, США и Россия. Дан анализ политической системе, формирующейся формы протогосударственности и роли политических элит – в первую очередь партии «Демократический союз», ассоциированной с Рабочей партией Курдистана. Сделан вывод о хрупкости такой политической структуры ввиду межэтнических противоречий между курдами и арабами в регионе.

Ключевые слова: Курдистан, Сирия, Сирийский Курдистан, Рожава, Федерация Северо-восточной Сирии, Автономная Администрация Северо-восточной Сирии, Турция, США, Россия, Иракский Курдистан, ПРК, ПДС, YPG

Федерация Северо-восточной Сирии (ФСВС) является местом столкновения геополитических интересов Турции, России и США. Самопровозглашенная квазикурдская автономия, несмотря на свой непризнанный статус, является одним из ключевых игроков сирийского урегулирования и одновременно политическим заложником той ситуации, которая сложилась в Сирии в результате гражданской войны, что ныне подразумевает активное вовлечение во внутрисирийский конфликт внешних политических игроков.

В аналитической и публицистической литературе часто используется термин Рожава (на курдском «Запад», «Западный Курдистан»¹), под которым обычно подразумевают северные части Заефратья, самопровозглашенные кантоны Джизре, Кобани и ныне оккупированный Турцией Африн

¹ Термин «Западный Курдистан» чаще используется курдскими националистами; однако географически Рожава – это, скорее, Юго-западный Курдистан. Более корректным является термин Сирийский Курдистан, но при этом территории под контролем самопровозглашенной автономии, имеющей признаки квазигосударственности, уже охватывают и территории расселения арабских племен, границы которой проходят практически по всей длине реки Евфрат, поэтому использование такого термина, как Заефратье, также корректно.

по другую сторону Евфрата. При этом стоит отметить, что значительная часть курдов, проживающих в курдских анклавах Алеппо, также считают себя частью Рожавы. В результате расширения территориального контроля поддерживаемыми США Сирийскими демократическими силами (СДС), костяк которой составляют силы курдской самообороны (YPG), политически аффилированные с турецкой Партией Рабочих Курдистана, в период 2013-2018 гг. ими был установлен контроль над всей территорией сирийского Заевфратья, освобожденного от ИГИЛ вплоть до Дейр-эз-Зора. В настоящий момент Евфрат является по сути естественной и закрытой границей автономии, отделяющей ее от остальной Сирии. При этом регионы на севере самопровозглашенной автономии являются районами компактного проживания курдского населения Сирии.

Подавляющее большинство живущих здесь курдов говорит на языке курманджи. В Серекане (араб: Рас-аль-Айн) проживают несколько сотен курдских семей (количество которых резко сократилось после оккупации города войсками Турции и их прокси в 2019 году). Часть этих курдов говорит на языке заза (зазаки). Также в автономии используется язык сорани теми курдами, которые переселились сюда из северного Ирака. Помимо курдов здесь проживают арабы, ассирийцы, туркоманы, курды-езиды, армяне, а также небольшие группы черкесов (район Манбиджа) и чеченцев (в районе Сарекане – Рас-аль-Айн). Большинство селений на территории компактного проживания сирийских курдов на севере Сирии носят как курдские, так и арабские названия, которые зачастую не созвучны друг с другом.

Ввиду сложного, диверсифицированного этнического состава местного населения в регионе северной Сирии действуют несколько политических сил и движений, основанных на этническом партикуляризме, часть которых лояльны режиму Асада (часть арабов, армяне), часть настроены резко против (лояльные Сирийской свободной армии арабские племена), либо сохраняющие нейтралитет в борьбе сил режима Асада с Сирийской свободной армией (силы курдской самообороны YPG (включая отдельные женские военные бригады YPJ, созданные в 2012 году), а также их политическое крыло – Партия «Демократический союз» (ПДС), ассоциированная с турецкой Партией Рабочих Курдистана (ПРК, курд.РКК). Последние являются основной и наиболее влиятельной военно-политической силой региона, полного удаления с территории автономии которых пытается сейчас добиться Турция. Следует отметить, что борьба Турции со сторонниками Оджалана на территории Сирии отнюдь не означает, что Турция в перспективе не может не признать автономию в составе Сирии де-юре, как это произошло с Иракским Курдистаном, если перспективы экономического сотрудничества здесь возобладают над политической предосудительностью.

Автономия курдских районов на севере Сирии начала складываться де-факто вскоре после того, как сирийские правительственные войска в условиях гражданской войны и необходимости мобилизации сил для борьбы с вооруженной оппозицией в 2012-2013 гг. покинули северные провинции, населенные курдами, оставив под своим контролем аэропорт, вокзал и КПП на границе с Турцией в главном городе Камышлы.

Вскоре после этого Турция (как показали собственно турецкие журналистские расследования), приступила к давлению на различные реакционные джихадистские организации с целью подтолкнуть их к атаке на формирующиеся центры курдского самоуправления на севере Сирии. Так, первая атака состоялась на город Серекане (Рас аль-Айн) в ноябре 2012 года. Атаки на курдские автономии со стороны ИГИЛ, Аль-Нусры, а также некоторых подразделений «Сирийской свободной Армии» продолжились летом 2013 года. Их целями стали самопровозглашенные автономные субъекты Джазира, Кобани и Африн.

В начале своего самопровозглашения в январе 2014 года курдская автономия Рожава включала указанные три курдских кантона, пространство между которыми в тот момент контролировалось силами ИГИЛ. Однако уже к июню 2015 года в результате вооруженной борьбы сил самообороны YPG против радикальных исламистов эти кантоны были объединены в единое целое. Провозглашение автономии состоялось 17 марта 2016 г. под именем Федерации Северной Сирии – Рожава. В конце 2016 года автономия стала именоваться как Федерация Северо-восточной Сирии, но уже без приставки «Рожава», поскольку под контроль демократических вооруженных сил Сирии, костяк которых составляли курдские силы самообороны YPG, стали переходить южные территории Заевфратья, населенные арабами. Отказ от названия «Рожава» в официальном названии автономии северо-восточной Сирии вызвал критику ряда местных курдских партий, в первую очередь близких Курдскому региональному правительству Ирака, как «предательство национальных интересов курдов».

В целом под контролем СДС и де-факто сложившейся здесь Автономной Администрации Северо-восточной Сирии (ААСВС) находятся около трех миллионов жителей, включая анклав Шахба к северу от Алеппо и район Шейх Максуд в центре Алеппо. Большинство жителей и ВПЛ остро нуждаются здесь в гуманитарной помощи, причем количество внутренне-перемещенных лиц здесь достигло уже 700 тыс. Курды, изгнанные из Африна, Тал Абьяда и Рас Аль-Айна во время наступления турецкой армии зимой 2018 года и осенью 2019 года, уже почти не надеются вернуться в эти районы. По данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, в результате последнего наступления Турции было перемещено 222 тыс. чел., однако из 117 тыс. чел., которые с тех пор вернулись домой, подавляющее большинство были арабами.

С начала вооруженного конфликта в Сирии местные курды, мобилизовавшиеся вокруг влиятельной, имеющей широкую поддержку курдской партии «Демократический союз» (ПДС) стараются балансировать между интересами ведущих держав мира и региона с целью создания условий для становления собственной политической модели развития, именуемой «демократическим конфедерализмом». С 2012 года ПДС стремилась развивать отношения с Россией. Целью ПДС было налаживание отношений с таким влиятельным союзником, который бы в идеале гарантировал вновь созданной конфедерации защиту от возможного военного вторжения со стороны Турции. Однако по целому ряду причин, в том числе и из-за нежелания руководства России портить отношения как с Дамаском, так и с Турцией, в которой партия «Демократический союз» считается ответвлением Партии Рабочих Курдистана, признанной в Турции террористической, роль России в становлении и укреплении в Сирийском Курдистане де-факто Автономной Администрации Северо-восточной Сирии (ААСВС) практически была сведена к нулю на фоне усиления там роли позиций США.

Опыт сотрудничества автономии с США

На фоне очевидной неэффективности американской программы обучения и оснащения «Сирийской Свободной Армии», являющейся непримиримой оппозицией режиму Асада, силы самообороны сирийских курдов (YPG) продемонстрировали явное военное и тактическое преимущество в войне с ИГИЛ, что послужило одной из основных причин повышенного внимания американских военных к сотрудничеству с силами военно-политического блока ПДС – YPG. Если целями Свободной сирийской армии были борьба как с ИГИЛ, так и с режимом Асада, то вооруженные силы сирийских курдов были сосредоточены лишь на противостоянии с ИГИЛ, боевики которого в июле – августе 2014 г. совершили после захвата Мосула атаку на курдские поселения как на территории Ирака, так и Сирии.

Военное сотрудничество с США началось в 2014 г., когда действия сил курдской самообороны по отражению атаки ИГИЛ (ИГ) были поддержаны авиационными ударами со стороны США. При этом Соединенные Штаты настаивали, чтобы Силы самообороны сирийских курдов (YPG и женские батальоны YPJ) вошли в состав сил (пешмерга) иракских курдов, являющимися стратегическим союзником США в регионе. Однако руководство сил самообороны сирийских курдов в лице YPG ответило на это отказом – сказались как внутрикурдские противоречия и давление Турции, решительно выступающей против такого сценария. При этом военное сотрудничество США с сирийскими курдами не носило регулярного характера.

Вне всякого сомнения, у сотрудничества США с силами самообороны сирийских курдов в борьбе с ИГИЛ есть и другая мотивация. Она видится в желании вернуться на Ближний Восток с позитивной миссией после завершения оккупации Ирака, начавшейся в 2003 году и вызвавшей серьезную критику мирового сообщества, и, в первую очередь, со стороны того сегмента мусульманского населения Ближнего Востока, которое не симпатизировало ИГИЛ. Позиция Сирии относительно участия США в международных антиигиловских силах была нейтральной, однако после самопровозглашения автономной администрации под контролем США Дамаск выступает резко против американской оккупации Заевфратья. При этом участие США в поддержке курских сил самообороны в Сирии диктуется стремлением ограничивать и сдерживать иранское влияние в Сирии и Ираке. Эта тенденция возобладавала в американской политике после избрания президентом Д. Трампа в 2016 году. Очевидно, что именно борьба с иранским влиянием в регионе стала основной причиной того, что США продолжили военное сотрудничество с сирийскими демократическими силами (включая YPG) после победы над ИГИЛ.

При этом не стоит рассчитывать, что долгосрочная поддержка США сирийских демократических сил (СДС) не может прекратиться в том случае, если США и Россия достигнут согласия по каким-либо вопросам внутрисирийского либо ближневосточного урегулирования. Также очевидно, что на протяжении всего сирийского конфликта США стремились заручиться поддержкой тех или иных оппозиционных режиму политических сил, чтобы сохранить долгосрочное влияние в Сирии.

Формирование протогосударственности в Федерации Северо-восточной Сирии

Основополагающим документом, «конституцией» самоуправляемых автономных территорий Северо-восточной Сирии является так называемый Общественный Договор, провозглашающий идеи демократической автономии и демократического конфедерализма в качестве краеугольного камня региональной политической структуры. Демократический конфедерализм является идеологической основой коммунальной общественной структуры сирийских курдов, которые в основном мобилизуются вокруг партии «Демократический союз» и их сил самообороны, аффилированных с ПРК. Одной из очевидных причин самопровозглашения в январе 2014 года курдской автономии на севере Сирии является также и то, что представители курдов не были приглашены для участия в переговорах в Женеве (январь 2014 года) в качестве самостоятельных политических сил в процессе дипломатических попыток урегулирования сирийского конфликта. Сейчас автономия имеет

собственный штамп на границе с Ираком, в котором Федерация Северной Сирии обозначена как часть Республики Сирия (а не Сирийской Арабской Республики).

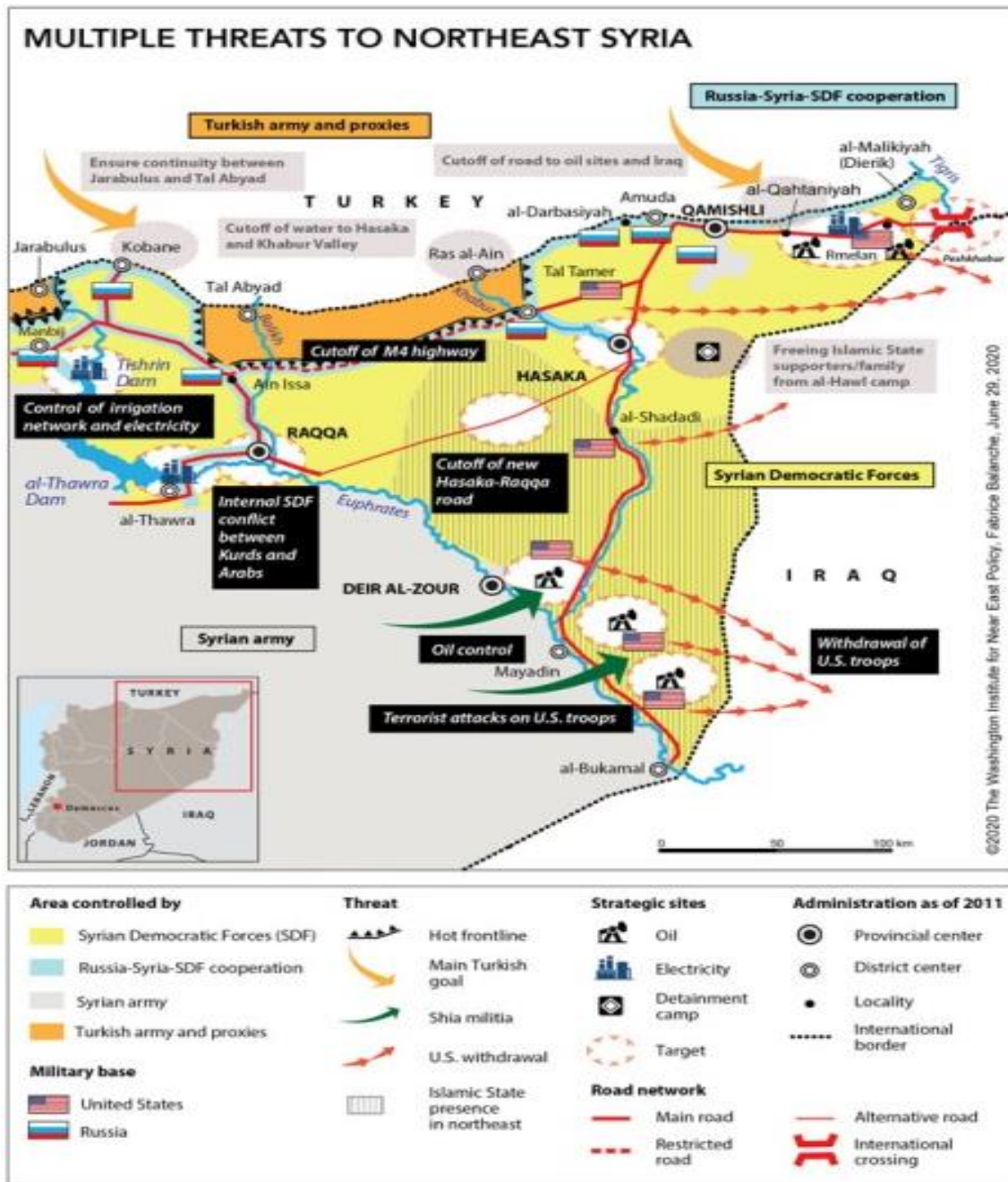

Рисунок 1 – Политическая ситуация на северо-востоке Сирии¹

Политическая легитимность образовавшихся здесь под управлением ПДС местных советов проистекает исключительно из доминирования группы определенной идеологической ориентации, состоящих в подавляющем большинстве из представителей ПДС, которые зачастую

¹ Источник: The Washington Institute of Near Eastern Policy. 29 июня 2020 г. www.washingtoninstitute.org.

отрицают политическую легитимность своих внутрикурдских политических оппонентов (в основном, из числа сторонников клана Барзани из Иракского Курдистана, а также других мелких курдских партий – членов Курдского Национального Совета (КНС) в Сирии). Поэтому сразу следует оговориться, что такая политическая система не всегда легитимна с точки зрения других политических сил и этнических групп региона – особенно это касается районов, населенных арабами в южных частях самопровозглашенной автономии (ААСВС).

Практикуемая в Рожаве система советов имеет четырехуровневую структуру. Первичной организацией такой коммунальной системы является деревенский совет или совет определенного городского района. Коммуны состоят из нескольких комиссий из 5-19 человек, в ведении которых находятся различные сферы, такие как экономика, оборона и др. Делегаты нескольких коммун формируют районный или деревенский совет, который, по аналогии с коммунами, состоит из нескольких комиссий. Такие районные (деревенские) советы избирают региональные советы, также состоящие из нескольких комиссий. Эти советы избирают Народный совет Западного Курдистана (Meclisa Gel a Rojavaye Kurdistanê, MGRK). Все эти советы имеют сопредседателей – мужчину и женщину. Также в их структуре есть отдельный женский совет [1].

Такая организация имеет черты военной демократии, что, в свою очередь, с точки зрения марксизма, весьма популярного среди сторонников Рожавы, являлось одним из признаков протогосударственности. В основе этой политической системы лежат воззрения американского эко-анархиста Мюррея Букчина, как «имплементация попытки унификации концепции демократической автономии, конфедерализма и демократической республики на небольшой территории» [2]. По мнению американского исследователя М. Гюнтера, такие советы по факту не имеют полномочий принятия важных решений, по сути, все рычаги находятся в руках руководства Курдской Рабочей Партии и лично Абдуллы Оджалана, находящегося в турецкой тюрьме [3]. На наш взгляд, реальным источником принятия политических решений являются, здесь скорее, ключевые командиры силы YPG, такие как Мазлум Кобане Абди, а также Мурат Карайылан – главнокомандующий силами Народной самообороны – партизанской армии ПРК. Таким образом, здесь мы вновь видим признаки военной демократии, когда принятие ключевых решений завязано на представителях высшего военного командования сил самообороны автономии. Между тем система местных советов играет важную роль в организации функционирования власти на местах, принятии решений, связанных с повседневной жизнью жителей автономии. Советы обеспечивают эффективную обратную связь на местах и организацию управления, являясь еще и важным пропагандистским инструментом социальной модели, применяемой ПДС. Одним из инструментов

реформирования ультра-патриархального уклада курдского общества является имплементация женского самоуправления на местах, обеспечения гендерного равенства в исполнительных органах власти и силах самообороны и т.д.

В данной статье мы рассматриваем классическое понятие «протогосударства» в качестве переходной формы от родоплеменной организации к государству. Согласно марксистской теории, протогосударство часто принимало (и принимает) форму военной демократии. Военная демократия – это горизонтальная политическая структура, в которой существуют три не подчиненных друг другу органа управления – предводитель, совет, народное собрание. В научной литературе военная демократия нередко противопоставляется той социально-политической структуре протогосударства, которая называется вожжеством (чифдом) [4]. В вожествах (и здесь ярким примером может служить Иракский Курдистан, также имеющий явные черты протогосударства) отчетливо просматривается иерархия поселений, их централизация, ярче выражается стратификация общества, в них гораздо сильнее развита внутренняя структура власти и становится отчетливо видимым расслоение аристократии на управленческую, военную [5]. В вожествах просматривается тенденция к сакрализации персоны верховного правителя, тогда как при военной демократии выражение несогласия с его решениями, действиями может иметь место. Между тем нельзя не заметить, что в Рожаве существует именно этот элемент классического протогосударства – это почти обожествление фигуры Абдулла Оджалана, лидера РПК.

Одной из серьезных проблем остается отсутствие действительно лидера в Рожаве, ответственного за принятие и воплощение политических решений, а также поддержки такой системы со стороны конкурирующих курдских политических организаций. Роль главнокомандующего YPG Мазлюма Кобане Абди в качестве такого лидера ставилась под сомнение курдам, близким Курдскому национальному совету Сирии. Так называемое Дохукское соглашение, заключенное между ПДС и Курдским национальным советом 21 октября 2014 года так до сих пор и не реализовано. Оно подразумевало создание новых советов с равным распределением представительских функций между сторонниками ПДС с одной стороны и Курдского национального совета – с другой. Между тем в июне 2020 года состоялись успешные переговоры двух основных курдских зонтичных организаций, находившихся в перманентном соперничестве друг с другом в автономии: это Курдский национальный совет Сирии, близкий клану Барзани Иракского Курдистан и зонтичной организации TEV-DEM, идейных сторонников демократического конфедерализма, имплементируемого на северо-востоке Сирии сторонниками А. Оджалана.

Реализация подобного сближения крайне невыгодна Турции, которая, возможно, использует свои рычаги давления на руководство РПК с целью срыва реализации такой формы местного самоуправления. Одним из опасений Турции является предположение, что включение в местные советы представителей партий, близких к Курдском региональному правительству в Ираке, позволит интенсифицировать политические и экономические отношения между курдской автономией в Сирии и более развитым Иракским Курдистаном, что в конечном итоге может привести к реализации проекта нефтяного трубопровода из Иракского Курдистана по территории северной Сирии до Средиземного моря в обход существующему трубопроводу на территорию Турции до порта Джейхан, что крайне невыгодно с точки зрения турецких экономических интересов. Однако роль нефтяного фактора во взаимоотношениях Иракского, Сирийского Курдистана с Турцией выглядит если не преувеличенной, то явно не определяющей.

Также ранее Дохукским соглашением подразумевалось создание совместных вооруженных сил, чего очень добивались США. Однако, как показала практика, политические силы внутри Курдского национального совета оказались не в состоянии договориться по этому поводу между собой, не говоря уже о силах самообороны сирийских курдов (YPG), не желающих вливаться в вооруженные формирования «пешмерга» Иракского Курдистана.

Таким образом, провозглашенные в январе 2014 года на севере Сирии автономные курдские кантоны Джизре, Кобани и Африн являлись не совместной политической структурой курдских политических сил этого региона, а, скорее, политической структурой под единоличным руководством ПДС.

Включение в 2015 году различных групп, представляющих проживающие в Сирийском Курдистане этноменьшинства, а также представителей племен арабов-суннитов, позволили ПДС и силам курдской самообороны YPG утвердиться в качестве мобилизующей силы, которая в условиях военной демократии пытается реализовать основы протогосударственности в Сирийском Курдистане и территориях, подконтрольных Демократическим силам Сирии. Это миссия также позволила бы «Демократическому союзу» (ПДС) дистанцироваться от узкого восприятия себя исключительно в качестве ответвления РПК.

При участии США здесь была создана зонтичная организация Сирийских демократических сил (СДС), включающая представителей курдов, арабов, части туркоманов, ассирийцев. После падения оплота ИГ в Ракке в качестве идеологического партнера ПДС здесь была создана Партия Будущей Сирии, включающая сторонников идеологии «демократического конфедерализма». Силы, близкие к ПДС из числа арабов, представляют «Силы ас-Сассанид» племени шаммар, а также

«Ассирийский военный совет», «Джейш ас-Сувар» («Путь революционеров», характеризующийся резкой оппозиционностью сирийскому режиму). На конец 2019 года в группировках, аффилированных с СДС, состояли около 40 тыс. бойцов, причем СДС контролировали около 70 % всей нефтедобычи [7].

На этом фоне в автономии по-прежнему сохраняется проблема легитимизации власти, особенно на территориях проживания арабов, освобожденных из-под управления ИГ. Среди арабского населения, находящегося под контролем Сирийских демократических сил, зреют антикурдские настроения, участились случаи кровной мести между арабами и курдами. В начале августа 2020 года произошло убийство шейха арабского племени аккидат Ибрагима Халила Аль-Джаадана, похороны которого переросли в столкновения арабов с курдами. Основным центром бунта стали поселения Дибан и Эль-Хавейдж. Позднее беспорядки распространились до Дейр-эз-Зора и были поддержаны арабскими племенами Хасаки. Согласно некоторым источникам, убийство шейха могло быть выгодно и спящим ячейкам ИГ, и Дамаску, и Турции с целью внести межэтнический раскол и спровоцировать коллапс этого протогосударства. Все это свидетельствует о том, что в случае прекращения США поддержки Федерации Северо-восточной Сирии, она вряд ли сохранится как единое политическое целое и распадется на арабскую и курдскую части. На этом фоне силами самообороны и партией «Демсоюз» (ПДС) предпринимаются усилия по распространению знаний о демократическом конфедерализме и опыта его применения в курдских анклавах на арабские области северо-востока. Однако формы такого политического утверждения, используемые сирийскими курдами и солидарными с ними лицами, вызывает отторжение в арабских регионах, находящихся под контролем ААСВС. Можно утверждать, что противоречия между курдами и арабами не только в южных районах Заевфратья, но и в северных районах автономии во многом носят антагонистический характер, однако руководство ПДС продолжает прилагать усилия по легитимации демократического конфедерализма, подчеркивая, что в такой политической системе нет места сепаратизму.

Что касается точки зрения Турции, то возникновение де-факто на севере Сирии нового курдского квазисударства, к тому же на основе идеологии Партии рабочих Курдистана (ПРК) является губительным и опасным с точки зрения турецких национальных интересов. Нетрудно заметить, что возникновение и политическая актуализация курдской автономии совпали со временем с расширением влияния Турции на Ближнем Востоке и в северной Африке в связи с «цветными революциями», неконвенциональными сменами политического руководства в ряде стран, утверждениями в них исламистских режимов, ярким подтверждением чему может служить тесное сотрудничество

с находившимися у власти в 2012-2013 гг. Египте братьями-мусульманами и правящей в Турции умеренно исламистской Партией справедливости и развития. Как представляется, предпосылки для поддержки и сотрудничества Аль-Нусры и ИГИЛ со стороны спецслужб Турции (что было установлено в результате расследования в турецких СМИ) были иные. С помощью этих террористических групп Турция стремилась сдерживать становление на севере Сирии курдского протогосударства, вооруженного идеологией главного врага Турции – Абдуллы Оджалана, лидера ПРК, отбывающего пожизненный срок в турецкой тюрьме на острове Имралы. С другой стороны, поддержка со стороны США курдских сил самообороны на севере Сирии, с точки зрения США, служила действенным инструментом по сдерживанию самих турецких империалистических амбиций на Ближнем Востоке.

Опасения Турции относительно усиления роли и влияния США в де-факто квазикурдской автономии в Сирии также опосредованы тем, что США до этого активно поддерживали курдов Иракского Курдистана (по сути еще одно квазигосударство, способное объединиться с Сирийским Курдистаном под покровительством США, что вполне реально может привести если не к актуализации идеи создания Большого Курдистана из четырех частей стран, разделивших его, то к значительному усилению позиций курдского национального движения на Ближнем Востоке).

Между тем экономические интересы Турции в регионе представляются не менее определяющими в ближневосточной политике президента Эрдогана в отношении политической ситуации на севере Сирии. Одним из опасений, с точки зрения турецких аналитиков, является возможность объединения Иракского и Сирийского Курдистана в единое экономическое пространство, что создаст возможность прокладки нефтяного и газового трубопровода по территории, контролируемой сирийскими курдами до Средиземного моря в обход нынешнего трубопровода до порта Джейхан по территории Турции. Между тем перспективы такого проекта в иных политических условиях выглядят весьма реальными в связи с возможной заинтересованностью в этом проекте российских нефтедобывающих компаний. Это, безусловно, представляет угрозу для экономических интересов Турции, стремящейся стать крупнейшим региональным хабом по реэкспорту углеводородных ресурсов.

Третьим аспектом интересов США в военно-стратегическом сотрудничестве с Федерацией Северо-восточной Сирии является возможность создания концессий с целью ограничения растущего экономического и военного влияния России в целом в Сирии. Так, часть американских войск осталась в Рмелане, Аль-Шадади и на нефтяных месторождениях к юго-востоку от Дейр-эз-Зора. Добычу нефти здесь ведет «Delta Crescent Energy» – специально созданная компания, цель которой

«гарантировать добычу нефти в Дейр-эз-Зоре в интересах курдов» [6], что недвусмысленно объяснялось как обоснование американского военного присутствия в Северо-восточной Сирии. Однако возможно, у «Delta Crescent Energy» есть негласные договоренности с сирийским режимом, учитывая, что сырую нефть логистически можно перерабатывать только на территории, подконтрольной Асаду. Концессиональное противостояние США и России также здесь довольно очевидно, что определяет риторику МИД России о «недопустимости незаконного присутствия США и произвола курдских властей, которые не заботятся о благополучии мирных жителей. В то же время курс США на искусственное усиление курдов в ущерб другим этноконфессиональным группам Заевфратья не только провоцирует внутреннюю напряженность, но и создает серьезные угрозы региональной стабильности» [9].

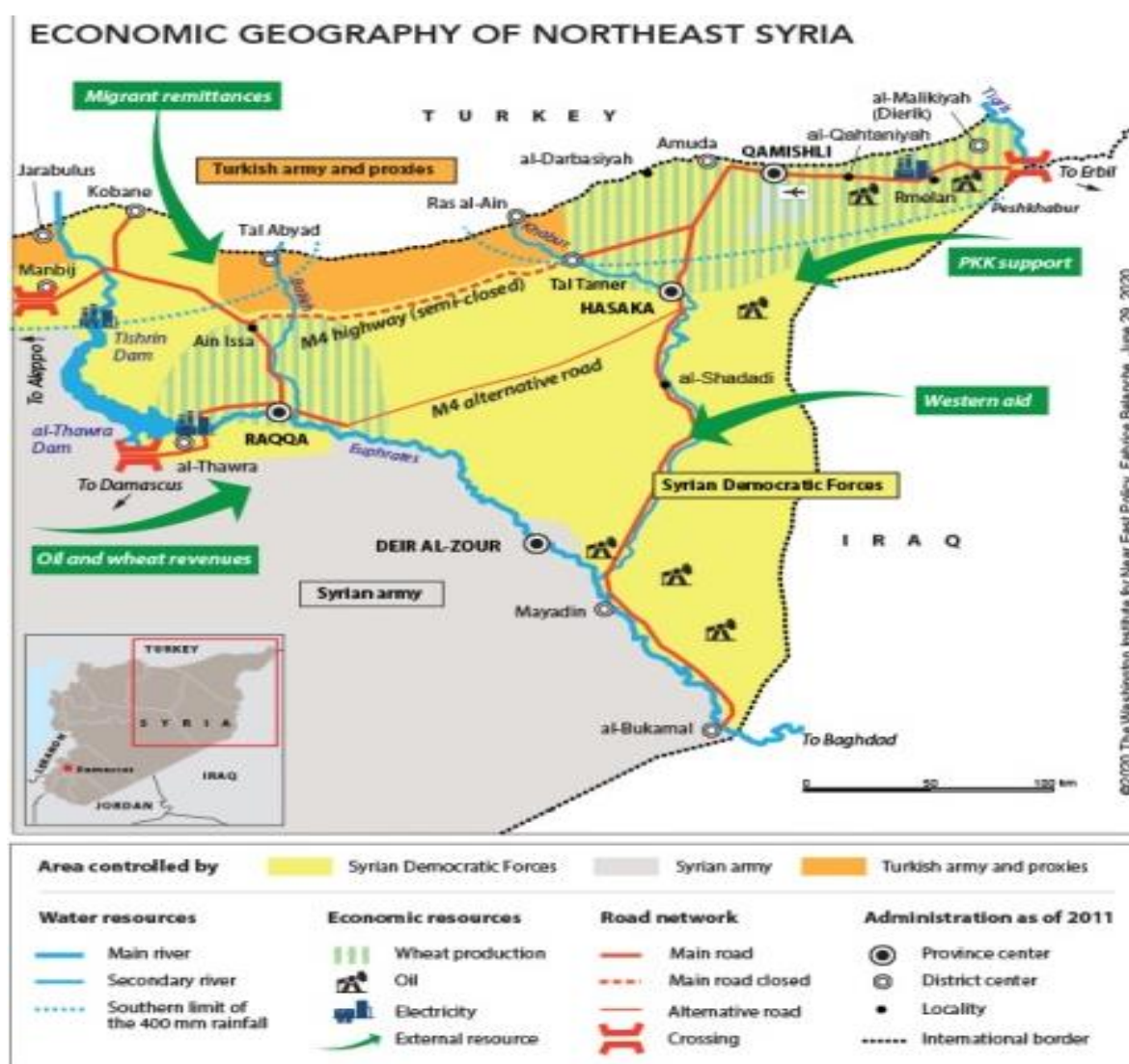

Рисунок 2 – Экономическая ситуация на северо-востоке Сирии¹

¹ Источник: The Washington Institute of Near Eastern Policy. 29 июня 2020 г. www.washingtoninstitute.org.

После заявления президента США Д. Трампа о том, что Штаты собираются вывести войска из Сирии, ПДС начала первые попытки новых переговоров с властями в Дамаске относительно легитимации сложившейся де-факто автономии. Большинству экспертов, в том числе и в России, представляется, что руководство ААСВС рано или поздно будет вынуждено начать переговоры с режимом Асада, однако последний вряд ли пойдет на легитимацию ААСВС в рамках политической системы Сирии.

Между тем очередную интервенцию Турции в Сирию в октябре 2019 года Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС) восприняла в качестве самой большой угрозы своего существования со времени самопровозглашения автономии. Турция стремится разрушить создание «курского пояса» вдоль своей сирийской границы под предводительством идеологии, которая в Турции признана террористической. Турецкое наступление нанесло серьезный ущерб единству автономии, связанное с тем, что курдские подразделения зонтичной группы СДС в сопротивлении турецкой интервенции не были поддержаны арабскими подразделениями СДС, которые воздержались от боевых действий против армии Турции и протурецких прокси из числа туркоманов, поскольку не считают себя объектом спора с Анкарой.

Наряду с этим автономия сталкивается с многочисленными другими угрозами, включая серьезные гуманитарные проблемы, опасность возрождения ИГИЛ, неоднократные требования сирийского режима признания легитимности центральной власти. Хотя у Башара Асада нет средств или желания на открытую военную конфронтацию с СДС, режим охотно использует тактическое ослабление СДС, обостренное турецким наступлением и частичным выводом американских войск. При этом пока что ни один командир из арабских ополченцев не заявляет о выходе из СДС, несмотря на настоятельные призывы режима к арабским племенам присоединиться к сирийской армии. Пока на востоке присутствуют войска США и выплачивается зарплата бойцов, которую режим себе не может позволить, у СДС есть все шансы остаться едиными и контролировать большую часть рассматриваемой территории. На этом фоне очевидна подоплека многих провокаций в регионе (таких, как убийства арабских шейхов) с целью дестабилизации арабо-курдских отношений в регионе.

Позиция России в отношении самопровозглашенной автономии нацелена на то, чтобы по возможности не допустить новое турецкое наступление, контролируя стратегические дороги в Федерации Северовосточной Сирии. Россия подталкивает руководство самопровозглашенной автономии (если о таком понятии, как руководство автономии, может вообще идти речь) к налаживанию контактов и ведению переговоров с режимом Асада о будущем Сирии. Контроль над частью ключевых магистралей в автономии является еще одним объектом давления на автономную администрацию. Так, подразделения СДС и местные

гражданские лица не могут свободно использовать участок автомагистрали М4 между Айн-Иссой и Тал-Тамером. Дорога была закрыта с октября 2019 года, и в настоящее время движение сопровождается российским военным конвоем. С другой стороны, американские военные также и столь же интенсивно патрулируют дороги в районах, оставшихся под контролем автономной администрации (ААСВС), не давая российским и сирийским силам использовать маршруты за пределами их непосредственной зоны влияния. Так, стратегический перекресток между автомагистралью М4 и дорогой Амуда-Хасака находится под контролем США, и российским войскам не разрешено использовать его для достижения своих баз в Амуде и Камышлы. Дорога между Рмеланом, где также сосредоточены сирийские нефтяные запасы, и Пешхабурским переходом с Ираком недоступна для российских и сирийских сил. Режиму Асада важно контролировать этот участок, полностью находящимся под контролем курдов – со стороны Сирии и Ирака. Он остается единственным источником поступления в ААСВС американского вооружения, гуманитарных грузов, а также одним из относительно безопасных контрольно-пропускных пунктов. При этом в декабре 2019 года Россия наложила в СБ ООН вето на поставку любой помощи через КПП на границе с Ираком с целью заставить ААСВС признать только сотрудничество с центральным правительством в Дамаске, в том числе и с точки зрения поставки гуманитарных грузов. Следует отметить, что в условиях турецкой интервенции сирийско-турецкая граница соприкосновения с территориями ААСВС, не находящимися под временной оккупацией Турции, полностью закрыта для любых грузов, поэтому КПП на границе с Ираком – это единственный путь извне в тот пояс, который Турция, Россия, Иран и режим Асада построили вокруг ААСВС. У местных жителей складывается впечатление, что в сотрудничестве с Анкарой Кремль, похоже, преследует стратегию не столько внешнего контроля над ААСВС через стратегические точки внешних поставок, сколько постепенное удушение хрупкой ее экономики.

До гражданской войны баасистский режим сформировал место региона в экономической структуре страны таким образом, чтобы он специализировался в основном на производстве сырья: пшеницы, хлопка и нефти, маслин, которые затем перерабатывались в западной Сирии. Это давало преимущество режиму, и регион оставался зависимым от Дамаска, что ограничивало здесь тенденции к автономизму или сепаратизму, будь то среди курдов или арабских племен [1].

Однако недоведенные до сведения руководства ААСВС договоренности внешних региональных держав (США, Турции, Ирана и России) представляют серьезную проблему для обеспечения экономической устойчивости автономии, поскольку она все еще очень сильно зависит от импорта (например, ААСВС не производит свои собственные удобрения или пестициды для экспортных культур).

С 2011 года урожайность в автономии резко упала, что привело к разорению многих сельских хозяйств. Ущерб автономии также нанесли пожары (либо умышленные поджоги) сельскохозяйственных полей в 2019 году.

Серьезной проблемой автономии является водоснабжение: ААСВС не хватает воды из-за разрушения оросительных систем реки Евфрат во время войны с ИГИЛ. Восстановление этих систем будет медленным и дорогостоящим, требуя существенной помощи от западных НПО, чья работа в настоящее время здесь затруднена по соображениям в 2012-2013 гг. безопасности. На этом фоне Турция продолжает политику, начатую еще в 90-х годах, используя воду в качестве орудия политического давления, искусственно уменьшая поступления воды в Евфрат. Однако если в 90-е Турция таким образом давила на режим Асада-старшего, чтобы тот прекратил поддержку ПРК и выдворил Оджалана с территории Сирии, то в наши дни объектом такого давления стало зарождающееся здесь курдское протогосударство.

После захвата Рас-эль-Айна турецкие войска установили свой контроль над основным источником питьевой воды в провинции Хасака – насосной станцией Алук, откуда поставки доставляются в столицу провинции через Таль-Тамер и другие населенные пункты. Несмотря на российское посредничество в обеспечении подачи питьевой воды в районы, контролируемые автономией, быстро растущее население Хасаки, которое увеличилось до 450 000 после того, как сюда прибыли новые беженцы и ВПЛ из Тал-Абьяда и Рас-аль-Айна, испытывает острый недостаток в воде. Альтернативным и дорогостоящим решением проблемы является расширение канала Аль-Сувар дальше к северу, чем Аль-Шадади, но здесь курдские власти боятся быть теперь зависимыми от арабских племен.

В настоящее время нехватка воды раздражает население и создает дополнительную напряженность между арабами и курдами. Местное население также раздражает позиция России, которая неоднократно пыталась заблокировать эту помощь, как в Совете Безопасности ООН, так и своими действиями на местах, имея доказательства поставки вооружения сирийским курдам, настаивая при этом, что любая гуманитарная помощь может осуществляться только через центр в Дамаске. Как указывалось выше, в декабре 2019 года Российская Федерация наложила вето на предложение Совета Безопасности об использовании КПП аль-Ярубия на северо-востоке в качестве пограничного пункта для поставок ООН через Ирак. Помощь теперь может прийти только через контролируемую режимом Асада территорию. Поставке несанкционированных режимом грузов мешает российская патрульная деятельность вдоль оси Пешхабур-Камышлы, что вновь вызывает недовольство местного курдского населения.

Весной 2020 года режим Асада пытался использовать пандемию коронавируса для давления на руководство ААСВС, утверждая, что только сирийское государство может бороться с этой болезнью. Из-за инерции ООН и давления России Всемирная организация здравоохранения по-прежнему работает в основном с официальным сирийским правительством, поэтому все основные лаборатории, способные проводить тестирование пациентов с COVID-19, расположены в Дамаске, Латакии и Алеппо. При этом ААСВС отказывается отправлять тесты в эти лаборатории, не желая, чтобы режим распространял потенциально дестабилизирующую дезинформацию об уровне заражения на северо-востоке Сирии. В середине апреля из Иракского Курдистана удалось поставить две лаборатории, но медицинское оборудование в ААСВС остается по-прежнему дефицитным. Распространение эпидемии вынудило власти ААСВС закрыть контрольно-пропускной пункт Пешхабур в течение марта-апреля и ввести жесткие ограничения на внутреннее передвижение. Эти усилия оказались эффективными с точки зрения сдерживания пандемии, но нанесли серьезный ущерб хрупкой местной экономике.

Подводя итог, можно сказать, что создаваемое на наших глазах протогосударство на северо-востоке Сирии не является курдским в узкоэтническом смысле в своем официально декларируемом понимании. Автономная Администрация Северо-восточной Сирии (ААСВС), декларативно считающая себя частью Сирии, имеет две перспективы: это официальное вхождение в республику Сирию, к чему стремится автономия, но на конвенциональной основе. Конвенциональность с точки зрения руководства ААСВС заключается в официальном закреплении автономного статуса федерации в составе Сирии. Альтернативой видится постепенный распад ААСВС на два квазигосударства – арабское и курдское, что неминуемо привет к возрождению ИГ на этой территории, после ухода отсюда США. Идя на поводу у интересов Анкары и Дамаска, Россия вольно или невольно идет по пути ограничения суверенизации ААСВС в качестве единого политического целого под контролем США, стараясь убедить СДС интегрироваться в 5-й корпус сирийской армии. Однако присутствие американских войск и существенная помощь извне подорвали эту стратегию Дамаска и Москвы. И все же режим Асада не потерял надежду на то, что администрация Трампа изменит игру, отдав приказ о дальнейшем выводе войск. По мнению ряда американских аналитиков, Россия может даже рассчитывать на новое наступление Турции на курдов, которое может сделать американское присутствие неприемлемым, если такое наступление произойдет в непосредственной близости от Рмелана, где также расположены нефтяные скважины. С другой стороны одной из главнейших причин инертности отношений Российской Федерации с ААСВС является отсутствие на этой территории

легитимных (то есть признанных таковыми всем сообществом) лидеров, а их функции (во всяком случае, в отношениях с США) выполняют командиры сил YPG.

Что же касается начала в 2020 г. политического диалога между конкурирующими сирийскими курдскими политическими группами – Курдский национальный совет (КНС) и TEV-DEM (с 2020 года Партию Курдского национального единства (ПКНЕ)) в рамках ААСВС, то его можно только приветствовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Th. Schmidinger. Rojava, Revolution, War and the Future of Siria's Kurds. L. 2018. – p.219
2. Flach, Ayboğa, Knapp. Revolution in Rojava, Frauenbewegung und Kommunalismus zwischen Krieg und Embargo. 2015 – 350 с.
3. Gunter M. Out of nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. London. 2014. – 120 с.
4. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983. – 190 с.
5. Князева С. История государства и права зарубежных стран. – М.: Дело, 2009. – 128 с.
6. U.S. Troops Really Are in Syria to Protect the Oil-for the Kurds // FP. 05.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/05/kurds-oil-syria-us-troops-trump/>. (дата обращения: 12.08.2020).
7. Коммерсантъ. 08.08.2020 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: tass.ru/politika/9148945. (дата обращения: 20.08.2020).
8. Th.Schmidinger. Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds. London. 2018. – 300 с.
9. В МИД России озабочены противоправной сделкой США и курдов по добыче нефти в Сирии // Тасс. 07.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: tass.ru/politika/9148945. (дата обращения: 16.08.2020).

ГАДЖИЕВ А.Г.

кандидат исторических наук
научный сотрудник сектора Турции Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОПРОСАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. Сегодня между Москвой и Анкарой помимо традиционных сфер двустороннего взаимодействия развиваются партнерские контакты по таким чувствительным направлениям как безопасность и оборонная промышленность. Кроме того, Россия и Турция активно сотрудничают в вопросах формирования новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. Однако на примере сирийского кризиса видно, что, несмотря на полученный опыт совместных военных действий и потенциал расширения военно-политического сотрудничества, говорить о стратегическом партнерстве между двумя странами пока не приходится.

Ключевые слова: Россия, Турция, Ближний Восток, сирийский кризис, стратегическое партнерство.

«У России и Турции имеется солидный потенциал для поступательного развития добрососедских связей, чтобы не только быстро наверстать упущенное, но и выйти на качественно новый уровень взаимодействия».

Президент России В.В. Путин, 10.03.2017 г.

Сегодня между Москвой и Анкарой помимо традиционных сфер двустороннего взаимодействия развиваются партнерские контакты, в том числе по таким направлениям как оборонная промышленность и безопасность. Намечены амбициозные задачи по реализации совместных проектов в области военно-технического сотрудничества, расширены двусторонние связи по линии правоохранительных органов и специальных служб. Успешные результаты взаимодействия силовых структур двух государств в Сирии демонстрируют эффективность и перспективность совместных усилий в борьбе с терроризмом. Россия и Турция активно сотрудничают в вопросах формирования новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. Власти обоих государств неоднократно заявляли о развитии партнерства, особенно в таких сферах как противодействие терроризму, наркобизнесу и киберпреступности. Вместе с этим существует ряд аспектов, которые требуют к себе особого внимания с точки зрения

сохранения и повышения конструктивного тренда двустороннего взаимодействия.

Для расширения российско-турецкого взаимодействия в области безопасности целесообразно изучить следующие основные направления в этой сфере:

1) существующие и потенциальные направления сотрудничества между правоохранительными структурами двух стран;

2) перспективы осуществления совместных проектов в области безопасности и охраны правопорядка;

3) возможные варианты взаимодействия двух стран и перспективы реализации совместных проектов в области охранных технологий;

4) возможности укрепления сотрудничества в области управления рисками, в частности, по крупным инфраструктурным проектам двух стран;

5) перспективы совместных российско-турецких усилий в борьбе с международным и региональным терроризмом: потенциал технического взаимодействия двух стран и возможности создания соответствующих центров совместного управления;

6) проблемы и перспективы российско-турецкого взаимодействия в сфере оборонной промышленности (потенциальные направления совместного производства; двустороннее взаимодействие по обмену опытом и трансферу технологий; перспективы российско-турецкого военно-промышленного сотрудничества в третьих странах) [1].

Важной составляющей российско-турецкого сотрудничества является взаимодействие наших стран в области СМИ. Целесообразно развивать двустороннее сотрудничество в этой сфере по следующим направлениям:

1) установление постоянной прямой коммуникации между корреспондентами и обозревателями двух стран;

2) создание общей базы экспертов в области международной повестки и российско-турецких отношений;

3) изучение перспектив формирования российско-турецкого совета по СМИ;

4) проблемы информационного противоборства в мировом медиапространстве;

5) взаимодействие между российскими и турецкими СМИ по формированию собственной двусторонней повестки в условиях растущего внешнего давления и участившихся случаев кибератак [2].

При оценке перспектив укрепления российско-турецких связей и выхода их на стратегический уровень следует, прежде всего, разобраться с тем, что подразумевается под термином «стратегическое партнерство». Как известно, стратегическое партнерство – это общность или близость интересов и долгосрочных целей соответствующих государств и народов.

Стратегическое партнерство предполагает осознанную взаимозависимость, глубокое знание и уважение друг друга, равноправие и взаимопомощь, международные соглашения между государствами о приоритетном политическом и экономическом сотрудничестве. Традиционно отношения сотрудничества включают в себя двустороннюю и многостороннюю дипломатию, заключение различного рода союзов и соглашений, предусматривающих взаимную координацию политических линий (например, в целях совместного урегулирования конфликтов, обеспечения общей безопасности или решения других вопросов, представляющих общий интерес для всех участвующих сторон) [3].

Турция важна для России. Российско-турецким отношениям уже более пятисот лет, и уже несколько веков как Россия и Турция стали соседями. Советская Россия сыграла важнейшую роль в создании современного турецкого государства. Собрав осколки Российской империи, большевики помогли Мустафе Кемалю Ататюрку удержать основную территорию проживания турок, которую после распада Османской империи западные страны стремились разделить на несколько государств. Но дружественные отношения не сохранились надолго – Европа шла к новой войне. Турция уже не была противником России, но и добрым соседом после Второй мировой войны она не осталась. СССР вышел из войны победителем и мировой сверхдержавой. Сталин попытался воспользоваться новым статусом на южном направлении, чтобы обезопасить СССР с этого фланга.

В 1945 году на переговорах с союзниками, а позднее и туркам были озвучены два пожелания СССР: если Турция хочет заключить новый договор о дружбе с Москвой (а прежний СССР аннулировал как не отвечающий новой ситуации), то Анкара должна пойти на возвращение территорий, полученных ею от Армении и Грузии в 1921 году, и изменить Конвенцию Монте-Кассино о проливах, позволив СССР иметь военную базу в Дарданеллах. С учетом того, что платой за эти условия стал бы стратегический союз двух стран, нельзя назвать требования СССР чрезмерными. Сталин так и говорил: «Хотите союз – давайте исправим границу, не хотите – оставляйте как есть» [4]. Но позиции западных стран в турецкой элите были гораздо серьезней, чем у СССР. К тому же Уинстон Черчилль всячески запугивал Анкару советскими дивизиями в Болгарии, которые в любой момент могут ударить по Турции. Хотя на самом деле у СССР на Балканах было на порядок меньше войск, чем у Турции, и воевать Сталин не собирался. Он хотел, скорее, сыграть на противоречиях внутри турецкой элиты – все-таки память о российско-турецком сотрудничестве была сильна, как и память о том, что хотели сделать с Турцией англичане и французы. В итоге борьбу за Турцию СССР тогда проиграл. Анкара ушла под атлантический зонтик. В 1952 году Турция вступила в НАТО. И хотя спустя год СССР объявил об отсутствии

у советских Армении и Грузии территориальных претензий к Турции, восстанавливались отношения тяжело. Экономические связи, как и политические контакты, пережили определенный подъем в 1960-1970-е гг.

Военные перевороты, произошедшие в Турции, ничего принципиально не меняли в контактах двух стран. Армейская верхушка отличалась сильной прозападной ориентацией. Тем не менее турецких генералов нельзя было назвать «американскими марионетками» [5]. Безусловно, в глобальном противостоянии восточного и западного блоков Турция находилась среди противников СССР, но экономические связи развивались достаточно успешно. Это была светская, кемалистская Турция – инкорпорированная в западную экономику, военные структуры и силовое поле. Но под ней была придавлена другая Турция – мусульманская, османская, традиционалистская. Она пробуждалась, поднималась и в 90-е гг. XX в. заявила о себе открыто. Если до этого армия брала власть, чтобы устранить слишком либеральные правительства, то теперь ей начала противостоять исламистская Турция. Если в 1997 году армия с помощью одного лишь ультиматума смогла устранить от власти предшественника Реджепа Тайипа Эрдогана, то в 2016 году ей не удалось сменить власть даже при помощи военного путча. Таким образом, сегодня мы имеем дело с другой Турцией. И поэтому чрезвычайно важно понимать, куда она пойдет и что из этого отвечает интересам России.

Безусловно, России нужна такая Турция, которая нравится самим туркам. Москва не экспортирует ни демократию, ни традиционализм. Она не против ни политического ислама, ни светского государства. Какой строй выберут сами турки, то и будет самой устойчивой формой их государства. И такое государство будет способно выстраивать нормальные стратегические отношения с соседями, в том числе и Россией. Но если турки расколоты на сторонников светского государства и исламистов, на желающих «интеграции в Европу» и традиционалистов, то на кого делать ставку России? Естественно, на тех, кто в большей степени отвечает турецким интересам, на тот строй, который будет наиболее устойчивым и приемлемым для турецкого большинства. Если Эрдоган пользуется поддержкой половины турецкого общества, а его противники расколоты и между ними больше противоречий, чем общего – значит, сегодня именно турецкий президент олицетворяет собой выбор соседнего народа. И Россия будет работать именно с ним, не закрывая глаза на все существующие разногласия по конкретным геополитическим вопросам. К тому же по той же Сирии российско-турецкие противоречия хотя формально и сильны, в реальности носят тактический, а не стратегический характер. И Москве, и Анкаре нужна единая спокойная Сирия, в которой будет найден баланс между различными национальными и конфессиональными группами. А вот общих стратегических целей у России и Турции предостаточно.

Р.Т. Эрдоган у власти уже 18 лет. За эти годы отношения России и Турции развивались по восходящей, не считая инцидент со сбитым российским самолетом в ноябре 2015 года. Главная причина этого – не личные симпатии Р.Т. Эрдогана к России, возможно, что их и нет, а то, что он пытается построить независимую, самостоятельную Турцию, которой крайне выгодны близкие, тесные отношения с важнейшим северным соседом – Россией. Да, у Р.Т. Эрдогана и у части турецкой элиты было и остается много амбиций, в том числе порой пантюркистских, порой – нео-османских. Очевидно, что туркам уже не удастся снова стать центром притяжения всего Большого Ближнего Востока. Времена их халифата прошли, собрать тюркский народ в единый проект также не удастся. Но у 80-миллионной Турции действительно большое будущее и большие возможности, как у одной из ключевых стран региона, как у моста между Европой и Азией.

Турция в последнее время пытается быть самой собой, перестав быть недо-Европой и недо-Азией. Турки стали осознавать, что у них есть собственная, выработанная в османский период цивилизационная идентичность, есть свои точки опоры и сильные стороны. И, полагают они, исламизация Турции не представляет никакой угрозы, напротив, является ярким выражением процесса обретения турками самих себя.

Жесткий светский режим, установленный Ататюрком, притеснял ислам. И в этом смысле был антинациональным, то есть построенным на игнорировании чувств большей части населения. Его трансформация, проведенная Эрдоганом, совершенно естественна: турецкая исламизация – не выдумка «реформаторов», а возвращение народа на те позиции, которые были объявлены «закрытыми для религии». России не опасна исламская Турция – просто потому, что в нынешних условиях любая другая будет неустойчивой. Конечно, России не нужно, чтобы исламское возрождение в Турции привело к тому, чтобы эта страна стала базой для тех «исламистов», которых англосаксонские игроки пытаются использовать для подрыва Северного Кавказа и Средней Азии, но самостоятельной, независимой от внешних центров Анкаре они точно так же не нужны.

Игры Запада в «исланизм», попытки использовать исламский фактор для создания проблем геополитическим противникам вроде России и Китая или властям мусульманских государств уже давно понятны всем вменяемым правителям исламских стран, включая и Р.Т. Эрдогана. Между исламистами и «исламскими террористами» есть огромная разница, и Р.Т. Эрдоган не собирается превращать Турцию в марионетку внешних сил.

Кого формально сегодня Турция считает своим стратегическим партнером? Во-первых, это по-прежнему США и ее союзницы по НАТО. Во-вторых, это Евросоюз. В-третьих, это те страны, с которыми Турция выстроила отношения после распада СССР и Социалистического блока –

Азербайджана, Грузии, Украины и т.д. Кроме того, Иракский Курдистан тоже вполне себе тянет на роль стратегического партнера Турции.

Поэтому сегодняшний прогресс в российско-турецких отношениях, наступивший сразу после примирения после кризиса 2015-2016 гг., не должен вызывать чрезмерных иллюзий. В отношениях между Москвой и Анкарой много проблем и серьезных противоречий, чтобы говорить о «стратегическом альянсе» между Россией и Турцией.

Первая проблема – это, по сути, противоположные позиции сторон в сирийском конфликте. Москва делает ставку на Башара Асада, Анкара добивается его скорейшего свержения. В этом плане ничего не изменилось и после запуска «астанинского процесса». Не прекратилась и поддержка Анкарой отрядов сирийской оппозиции, тех самых, которые сейчас ведут наступление на Идлиб и Алеппо. Также не стоит забывать, что именно противоречия из-за Сирии вызвали тот самый кризис в двусторонних отношениях после уничтожения российского бомбардировщика.

Вторая проблема, тоже связанная с сирийской войной, – отношение к курдам. Для Анкары курдские отряды, сражающиеся в Сирии с исламскими радикалами, – противники, сепаратисты и сообщники «террористов» из Рабочей партии Курдистана, с которыми турецкое руководство ведет войну. Для Москвы же сирийские курды – потенциальные союзники.

Третья проблема связана с армяно-азербайджанским конфликтом. Москва при всей взвешенности ее заявлений и равноудаленности воспринимается в мире как потенциальный союзник Армении – своего партнера по ОДКБ. Что касается Турции, то она однозначно на стороне Баку.

Четвертая проблема также касается постсоветского пространства. В тюркских республиках бывшего СССР (а это помимо Азербайджана Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Туркмения) Анкара имеет прочные позиции, и Москва рассматривает ее как геополитического конкурента. Особая и также весьма болезненная тема – турецкое проникновение в «братские» тюркоязычные республики Российской Федерации.

Пятая проблема – тот факт, что на территории Турции беспрепятственно действуют враждебные Москве организации, как северокавказские, так и крымскотатарские. Они опираются на поддержку влиятельных и многочисленных диаспор, так что, если даже Р.Т. Эрдоган захотел бы снять этот раздражитель в отношениях с Российской Федерацией, ему пришлось бы столкнуться с серьезным сопротивлением внутри страны.

Шестая проблема – кризис доверия. Об инциденте с самолетом публично больше не говорят. Но он не забыт, как не забыты и те заявления, которые делали «по горячим следам» официальные лица Турции. Очевидно, что после уничтожения Су-24 в Москве сделали

определенные выводы относительно надежности и предсказуемости турецкого руководства.

И, наконец, седьмая проблема – нынешнее сближение, которое многими обозревателями воспринимается как в значительной степени вынужденное. И Москву, и с некоторых пор Анкару Запад воспринимает настороженно, дистанцируется от них. В этой ситуации попытка найти альтернативного партнера, прорвать международную изоляцию выглядит вполне естественной. В то же время нет уверенности, что Турция в случае нормализации ее отношений с США и ЕС продолжит делать ставку на Россию и реализовывать совместно с ней крупные проекты [6].

Касаясь вопросов безопасности внутри самой Турции важно отметить, что после неудавшейся попытки военного переворота 15 июля 2016 г. в Турции начались массовые увольнения и тотальные чистки госаппарата и ключевых частных предприятий, в том числе охранных. В ходе многочисленных проверок и расследований обнаружилось, что некоторые частные охранные предприятия, работающие в Турции, либо напрямую, либо опосредованно имеют тесные контакты не только с членами организации проживающего в США Фетхуллага Гюлена (в Турции именно сторонников этой организации обвиняют в попытке госпереворота и признают ее террористической), но и со спецслужбами западных государств. В настоящее время перед турецким руководством стоит задача вытеснить эти предприятия с турецкого рынка частных охранных услуг и заменить их либо более подконтрольными Анкаре, либо альтернативными прозападным ЧОП. Среди альтернатив Россия рассматривается в качестве одной из наиболее оптимальных. По турецкому законодательству между Российской Федерацией и Турцией в вопросах открытия ЧОП действует принцип взаимности. Разрешение ЧОП выдает Департамент ЧОП МВД Турции в соответствии с законом № 5188, а также руководством, опубликованным в Официальной газете Турции № 25606 от 7 октября 2004 г. Согласно статье 11 Руководства по применению Закона о частной охранной деятельности, иностранная компания может оказывать услуги частной охраны в Турции в следующих случаях:

- 1) при наличии у предприятия, созданного в Турции, иностранного партнера;

- 2) в случае привлечения иностранных граждан на работу в качестве преподавателей в школы обучения частных охранников.

На сегодняшний день общее количество частных охранных предприятий в Турции насчитывает порядка 1400 организаций. В них работают 3 330 000 сотрудников, среди которых 1 250 000 сертифицированных.

В то же время сегодняшняя ситуация в турецкой внешней политике и возросший интерес к России не возникли исключительно после попытки военного переворота в Турции. Это результат длительной, естественной и последовательной трансформации. И способствовал тому целый ряд

факторов. Среди них и разочарование, которое Турция периодически испытывает в ходе переговорного процесса о вступлении в ЕС в качестве полноправного участника. И политика двойных стандартов, которую страны ЕС ведут в отношении Турции по переговорному досье. И негодование в связи с военно-политической поддержкой, которую США оказывают курдским отрядам народной самообороны в Сирии. И отказ в выдаче турецких граждан, которых Анкара обвинила в пособничестве терроризму. И попытка Запада оказать на Турцию давление и т.д. Все эти факторы в определенной степени повлияли на ухудшение отношений с Западом и привели к некоторой смене центра тяжести во внешней политике Турецкой Республики.

Точно также нельзя сказать и то, что развитие российско-турецких отношений продиктовано реакцией на отсутствие понимания у западных держав. И в своих выступлениях турецкие лидеры неоднократно об этом подчеркивали, отмечая, что укрепление евразийского, и в частности, российского вектора – это не ситуативный ответ Западу, а одно из главных условий многовекторности турецкой внешней политики. С нашей точки зрения, развитие отношений с Россией продиктовано гораздо более глубинными факторами, такими как национальная безопасность и национальные интересы. В Турции прекрасно понимают, что Россия – не угроза ее национальной безопасности. Напротив, развитие контактов с Россией отвечает ее национальным интересам. Важно подчеркнуть, что ни одно действие современного российского государства не было направлено против жизненно важных интересов Турецкой Республики. Помимо всего прочего укрепляется сотрудничество в военно-технической сфере. А покупка Турцией зенитно-ракетных комплексов С-400 означает, что турецкая национальная система противовоздушной обороны отныне будет рассматривать российские военно-воздушные объекты стратегического назначения в качестве дружественных. Безусловно, события, которые произошли в Турецкой Республике в июле 2016 года, оказали определенное влияние на развитие российско-турецких отношений. Те события показали, что в турецких госструктурах имеются деструктивные элементы, глубоко проникнувшие, в том числе в командный состав турецкой армии. И, как оказалось, больше подчиняются неким международным, а если быть точнее, западным силам, нежели национальным. Такое положение дел заставило Анкару пересмотреть свою внешнюю политику, особенно в отношении западных стран, таких как США, Германия, Нидерланды и т.д. Может, действительно, пришло время задуматься над всеми этими реалиями. И дать этим отношениям такую характеристику, такое определение, которое они заслуживают.

Интересными в этой связи представляются тезисы президента Коллегии военных экспертов России Александра Владимиров, которые он озвучил на международной научно-практической конференции

«Российско-Турецкие отношения: формирование образа будущего», состоявшейся 22 ноября 2018 г. в Анкаре. По его мнению, анализ российско-турецкой совместной истории в парадигме общей теории войны позволяет сделать следующие выводы:

1. Практически все неудачные войны Турции с Россией инициировались Англией. Притом, что любой исход войн делал Англию богаче и влиятельнее, а Турцию все более зависимой от нее. В Европе, по утверждению А. Владимирова, вообще нет других государств, которые исторически были стратегическими военными союзниками Турции.

2. Нахождение Турции в составе НАТО не дает Турции ни безопасности, ни престижа, ни уверенности в будущем, ни импульса в развитии. «Атлантическая солидарность», как главный идеологический мотив сборки НАТО, является опасной утопией, никому ничего полезного не дает, кроме международной бюрократии внутри самого Альянса и его обеспечивающих структур, а также англо-саксонского военно-промышленного лобби.

3. Любые попытки возрождения всякого рода идей национальной исключительности – фашизм, панмонголизм, пантюркизм, пангерманизм, панславизм, панамериканизм и т.д. – доказали свою порочность, опасность для мира и конечный вред для своих народов и государств.

4. Идеи и средства войны, такие как «мягкая сила», используемые в целях размывания устоев национальной государственности и в качестве «плацдарма для агрессии», являются оружием безнравственным и опасным, так как развращает и самого агрессора, и пятую колонну государства-жертвы. С точки зрения теории войны, это вариант «разового использования своих людей в стане врага». Так как эти люди и организации всегда обнаруживаются, перевербовываются или уничтожаются системой безопасности государства-жертвы.

5. Старый мировой порядок и старая геополитическая архитектура завершает свой жизненный цикл. Поэтому России и Турции необходимо вырабатывать новое понимание своих стратегических интересов и стратегических союзов для решения стратегических целей своего собственного выживания и развития, уже с новыми основаниями национального бытия, по закону «кооперации и сотрудничества», а не «конкуренции и противостояния» [7].

Таким образом, на примере сирийского кризиса отчетливо видно, что о стратегическом партнерстве между Москвой и Анкарой говорить пока не стоит. Скорее, о его имитации. Но по сравнению с тем балансированием на грани вооруженного конфликта, которое было в 2015-2016 гг., нынешнее положение дел в российско-турецких отношениях – огромный прогресс, дающий надежду, что хотя бы некоторые из вышеперечисленных проблем стороны попытаются решить в обозримой перспективе. В то же время с учетом ситуации внутри Турции и нынешней турецкой внешней

политики, особенно на западном направлении, можно предположить, что Анкара не против вывода своих отношений с Россией до стратегического уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьянов Г., Мамедов Р. Россия и Турция: подходы к региональной безопасности на Ближнем Востоке, РСМД, 19.10.2018 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-turtsiya-podkhody-k-regionalnoy-bezopasnosti-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 10.08.2020).
2. Агибалова А., Окунев А. В Москве прошло заседание организационного комитета Российско-турецкого медиафорума, РИА ФАН, 03.12.2018 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://riafan.ru/1127915-v-moskve-proshlo-zasedanie-organizacionnogo-komiteta-rossiisko-tureckogo-mediaforuma-fan-tv> (дата обращения: 10.08.2020).
3. Жеглова Ю. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование. – 2014. – № 3. – С. 114-115.
4. Акопов П., Теперь Турция может стать стратегическим союзником России, Взгляд, 19.07.2016 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://vz.ru/politics/2016/7/19/822264.html> (дата обращения: 10.08.2020).
5. Özer С.К., 27 Mayıs; CIA-Mason-İnönü darbesi, Gerçek Hayat, 24.09.2019 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.gercek hayat.com.tr/kapak/27-mayis-cia-mason-inonu-darbesi/> (дата обращения: 10.08.2020).
6. Юсин М. Почему России и Турции будет сложно стать стратегическими партнерами, Коммерсант, 09.08.2016 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3059503> (дата обращения: 10.08.2020).
7. Rusya ve Türkiye yeni dünya düzenini beraber inşa ediyor, Sabah, 22.11.2018 // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.sabah.com.tr/dunya/2018/11/22/rusya-ve-turkiye-yeni-dunya-duzenini-beraber-insa-ediyor> (дата обращения: 10.08.2020).

ГАЙДУНКО Ю.А.

кандидат педагогических наук, профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Военного университета радиоэлектроники

КОПЫЛОВ И.А.

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Военного университета МО РФ

МАКАРОВА С.П.

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Военного университета радиоэлектроники

**К ВОПРОСУ СОВРЕМЕННОЙ ПОДГОТОВКИ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена вопросу подготовки специалистов для военно-политических органов. Авторами проанализирован опыт подготовки кадров в военно-политических училищах в советское время. Предложены три варианта обучения в современных условиях, рассмотрены преимущества и недостатки каждого из них. Аргументированно показана целесообразность и эффективность использования сетевой формы реализации образовательных программ с применением дистанционных технологий обучения при подготовке военно-политических кадров.

Ключевые слова: военно-политическое управление, подготовка специалистов, дистанционные технологии обучения, сетевая форма реализации образовательных программ.

Характерной чертой современного общества является его информатизация. Информация стала тем ресурсом, обладатель которого имеет огромный потенциал влияния на все сферы социума.

Несомненно, этот фактор является решающим и в противостоянии (противоборстве) государств на международной арене. Информационные войны, информационные операции и «информационные вбросы» становятся эффективным, экономически выгодным оружием в руках тех государств, которые владеют глобальными медиаресурсами. Значимость информации становится еще больше, если прислушаться к мнению некоторых экспертов о том, что производство современного вооружения становится настолько дорогим, что превосходит стоимость

разрушаемых им объектов. Учитывая данную объективную реальность, многие государства организуют целый комплекс мероприятий по формированию мировоззрения своих граждан, что, по сути, может являться хорошим заслоном перед деструктивными информационными воздействиями. Этот процесс сопровождается и другими мерами: создаются специальные подразделения для отражения кибератак и других информационных воздействий, совершенствуется законодательство в информационной сфере, разрабатываются собственные IT-технологии. Дискуссионен, но вполне актуален вопрос и об автономности Рунета.

Информационному воздействию могут подвергаться как технические цели, информационные ресурсы, так и непосредственно сам человек, его сознание, психика. Наиболее подвержена такому воздействию молодежь.

На основании вышесказанного понятными и совершенно обоснованными становятся действия руководства страны по укреплению информационной безопасности. В качестве концептуальной базы необходимо отметить принятие Доктрины информационной безопасности, одной из целей которой является противодействие наращиванию информационного влияния «на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

В сложившейся обстановке, когда развернулась настоящая «война за умы», руководство вооруженных сил приняло своевременное решение о глубокой реорганизации структур по работе с личным составом и совершенствовании функционала этих органов. Современная армия – это симбиоз человеческих ресурсов с военной техникой и вооружением. Очевидно, что в данной связке причиной и двигателем всего является именно человек, и от него зависит ответ на вопрос, актуальный во все времена, «за что воюем?». Потому сегодня особенно важно организовать работу с молодыми людьми – чрезвычайно значимой, активной и большой социально-демографической группой. Мировоззрение и нравственные установки сегодняшней молодежи будут во многом влиять на вектор развития нашего общества. Именно поэтому важно сопровождать молодых людей на этапе их размышлений о жизненных ориентирах, возможно, даже несколько направлять их взгляды и помыслы. Особенную важность этот вопрос приобретает, когда эти молодые люди приходят в вооруженные силы и встают на защиту Отечества.

В 2018 году было создано Главное военно-политическое управление, основная цель которого – организовать процесс по формированию надежного и преданного защитника государства, носителя традиционных ценностей и патриота. Данная структура является преемником Главного управления по работе с личным составом (годы работы: 1992-2018 гг.), однако функционал нового органа военного управления трансформирован и расширен. В частности, при организации патриотического воспитания

смещен акцент в политическую и идеологическую сферы; особенное внимание уделяется противодействию существующим и возникающим информационным угрозам. Как следствие, возникает необходимость в изменении теоретико-методологических компетенций и навыков по их реализации в профессиональной деятельности будущих специалистов. Данные изменения требуют корректировки учебных планов и программ, возможно даже и введения новых учебных дисциплин.

По мнению авторов, на настоящее время существуют предпосылки для возникновения «кадрового голода» как в количественном, так и качественном выражении. Вполне объективным является тот факт, что в процессе создания новой структуры не весь прежний состав сотрудников был востребован. Также произошло расширение функционала нового органа, что, несомненно, требует дополнительного кадрового обеспечения. Кроме того, после развала советской системы подготовки военно-политических кадров, специалисты готовились в единственном учебном заведении по универсальной программе, без учета специфики того рода (вида) войск, куда они распределялись. При таком подходе к обучению военно-политических кадров в современных условиях молодой офицер не может эффективно выполнять свои непосредственные обязанности, так как не разбирается (разбирается не на профессиональном уровне) в специфике работе своих подчиненных и сослуживцев.

В советское время военно-политические органы работали вполне эффективно, поэтому авторы считают целесообразным проанализировать специфику обучения будущих специалистов, принятую в то время. В дальнейшем акцент делается только на изучении подхода к подготовке кадров, готовящихся по предназначению для конкретного рода (вида) войск.

Ключевым моментом в формировании системы подготовки политических органов стало постановление ЦК КПСС от 1967 года, согласно которому были основаны одиннадцать военно-политических училищ, а позже еще и военно-политическая академия. Такая система успешно профункционировала более 20 лет и, конечно же, ее опыт необходимо учитывать при создании новой [2].

Конечно, в настоящее время экономически и организационно нецелесообразно воссоздавать прежнюю школу подготовки военно-политических кадров, однако использовать некоторые прошлые наработки и, наоборот, избежать недостатков, было бы правильным.

Проанализировав источники по этому вопросу, нами было выделено несколько, на наш взгляд, важных аспектов. Прежде всего, военно-политические училища организовывались для подготовки кадров по предназначению. Так, например, Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи имени генерала армии А.А.ЕПИШЕВА (далее – Донецкое ВВПУ) готовило специалистов для войск связи и инженерных войск, киевское училище – для флота и т.д.

Это было неформальное разделение, в каждом отдельном училище кроме дисциплин, необходимых для проведения военно-политической работы в войсках, преподавался курсантам перечень предметов по той или иной специальности. Иными словами, офицеры были способны не только работать с людьми, но и эксплуатировать технику, строить сооружения, налаживать связь и осуществлять другие виды деятельности в зависимости от профиля специальности. И это был совершенно продуманный и обоснованный подход к обучению. Командир, способный работать только «разговорами», вряд ли будет пользоваться большим уважением среди подчиненных. В противоположность, специалист, знающий дело и умеющий работать и руками, способен вызвать обоснованное расположение, желание следовать его советам, прислушиваться к словам.

В качестве примера можно привести информацию из приложения к диплому выпускника Донецкого ВВПУ 70-х годов. Общее количество изученных дисциплин – 39. Из них общевоенных – 10, дисциплин по предназначению выпускника – 11, а дисциплин по профилю войск, где должен был проходить службу выпускник, – 14. К числу профильных относились такие предметы, как «Инженерное обеспечение боя», «Подрывное дело», «Военные мосты и переправы», «Машины инженерного вооружения», «Основы технологии металлов и материалов и их применение в военном деле» и др. [3]. Уже на основании одного этого неполного перечня можно утверждать, что подготовленные специалисты хорошо ориентировались в тех видах задач, для решения которых предназначались их сослуживцы, могли помочь не только словом, но и делом.

Другой пример выпускника симферопольского строительного военно-политического училища. Наряду с такими дисциплинами, как «Военная психология и педагогика», «Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах», «Основы советского военного законодательства» он изучал следующие предметы: «Технология и организация военно-строительных работ», «Экономика и планирование военно-строительных работ», «Фортификационные сооружения и спецкомплексы» [4]. И такая картина отражала типичный подход к обучению, была характерна для каждого военно-политического училища. Выпускники этих училищ должны были стать специалистами военного дела, обладающими прочными военными и психолого-педагогическими знаниями и одновременно имеющими достаточный багаж знаний для решения задач по профилю того рода войск, для которого они готовились.

Таким образом, достижение этой цели обеспечивалось сбалансированным сочетанием в учебных планах и программах военных, гуманитарных и социально-экономических, естественнонаучных, технических и специальных предметов. Выпускники военно-политических училищ должны были обладать не только необходимым объемом

политических знаний, сформированными командирскими качествами, но и достаточным уровнем профессионализма по профилю рода войск, что обеспечивало им высокий авторитет в воинском коллективе, возможность в случае необходимости заменить командира и выполнить поставленные задачи, в том числе специального предназначения.

Для достижения этой цели учебный процесс в военно-политических училищах был организован в соответствии с задачами, решаемыми соответствующими видами и родами войск, куда направлялись их выпускники для прохождения военной службы. Была разработана и постоянно совершенствовалась система войсковых стажировок курсантов этих училищ, осуществлялся постоянный мониторинг деятельности выпускников на местах службы в первичных должностях. Это давало возможность выявлять сильные стороны их теоретической и практической подготовки и ее недостатки, что позволяло в дальнейшем вносить коррективы в образовательный процесс.

Наиболее уникальным училищем, по нашему мнению, было Рижское военно-политическое училище. В этом учебном заведении была совмещена подготовка инженерных кадров для войск РВСН (существовал отдельный факультет) и политических работников для тех же войск и Главного управления космических средств (ГУКОС). Такое совмещение давало громадное преимущество: курсант военно-политического факультета с первых дней находился в той профессиональной среде, в которой в дальнейшем должен был проходить службу. Следовательно, стратегия подготовки специалиста в данном училище была наиболее оптимальной для выполнения задач по предназначению.

Рассмотренный вариант подготовки специалистов военно-политической работы, на наш взгляд, наиболее целесообразен и эффективен. Его преимущества проявляются в следующих аспектах:

- специалисты готовятся в той военно-профессиональной среде, в которой они потом будут продолжать службу и для офицерского состава они будут «свои», так как закончили одно образовательное заведение;
- возрос технический уровень вооружения и изучать его необходимо в профильном училище, где временные рамки на его изучение больше, что, несомненно, положительно скажется на уровне подготовленности по специальности и авторитете в профессионально-военной среде;
- военно-политический работник должен быть способен полноценно заменить выбывшего командира для управления подразделением или другого офицера для выполнения стоящих военно-профессиональных задач.

Предпринятое рассмотрение различных вариантов организации подготовки военно-политических кадров позволяет выделить способы организации обучения, применявшиеся в прошлом. Опираясь на диалектический закон отрицания убеждены, что создание нового будет

жизнеспособным и эффективным при учете предыдущего опыта. Следовательно, изучение и внедрение положительных наработок, повысит вероятность создания действенных стратегии и тактики подготовки военных специалистов.

Еще раз отметим, что в настоящее время задачу подготовки военно-политических кадров не решить созданием сети специальных образовательных учреждений в силу большой стоимости проекта, отсутствия достаточного количества профессорско-преподавательского состава. Поэтому, исходя из существующих реалий, рассмотрены другие пути решения этой задачи. Они представлены на схемах (Рисунок 1-3).

Необходимо сказать, что все предложенные варианты вписываются в существующее законодательство. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» позволяет осуществлять реализацию одной образовательной программы несколькими вузами [5]. В данном случае авторы обращают внимание на сетевую форму реализации образовательных программ, которая, в данном случае, предполагает формирование компетенций в области военно-политической подготовки в одном вузе, а другой вуз сосредоточен на обучении курсанта по определенной военной специальности. При этом нужно заметить, что общим руководством подготовки выпускника занимается образовательное учреждение, готовящее военно-политические кадры. В этом случае один и тот же курсант может последовательно (или периодами) проходить обучение в разных вузах, специализирующихся на качественном формировании различных компетенций. По мнению авторов, в качестве альтернативного варианта может рассматриваться построение образовательного процесса с использованием дистанционных технологий, что решает проблему разнесенности вузов, перевозки личного состава и его адаптации к новому месту обучения, сокращает финансовые затраты и т.п.

Гармонизация учебных планов и программ в автономной системе Министерства обороны тоже задача вполне осуществимая. Законодательно закреплена и двухуровневая подготовка специалистов, что тоже можно рассматривать в качестве варианта подготовки военно-политических кадров. Дадим некоторые пояснения по представленным моделям подготовки специалистов военно-политической работы (Рисунок 1-3).

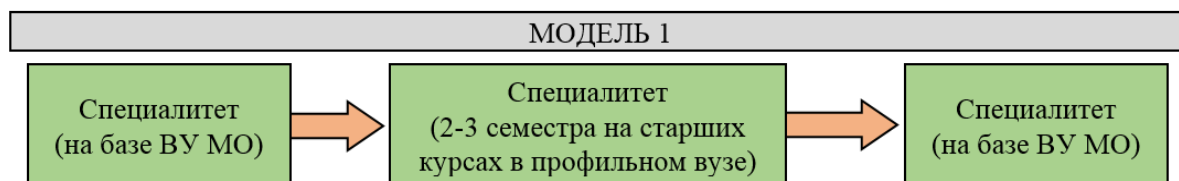

Рисунок 1 – Модель №1 – межвузовская

На взгляд авторов, модель 1 является более затратной как на организационном уровне, так и в финансовом аспекте. Согласно данной стратегии, курсанты получают образование на базе одного вуза, однако на старших курсах убывают на несколько семестров (ориентировочно 2-3) для прохождения обучения по технической специальности в профильный вуз. Такой выезд может быть не однократный, это зависит от того, как построен график обучения специалиста. Данная модель сопряжена прежде всего с решением вопроса их размещения в принимающем вузе (корпуса для проживания, вещевое и продовольственное довольствие, мощность пункта питания и т.п.). Курсанты, выбирающие себе военно-политическое направление, имеют в большинстве своем гуманитарный склад ума и на протяжении нескольких лет обучения изучают преимущественно дисциплины с высокой гуманитарной составляющей. Прибывая в профильные вузы, они приступают к изучению незнакомых им технических дисциплин, объем и плотность которых в их учебной нагрузке чрезвычайно высока. В сочетании со сменой уже ставшего привычным уклада жизни это с большой вероятностью приведет к снижению качества и результативности обучения.

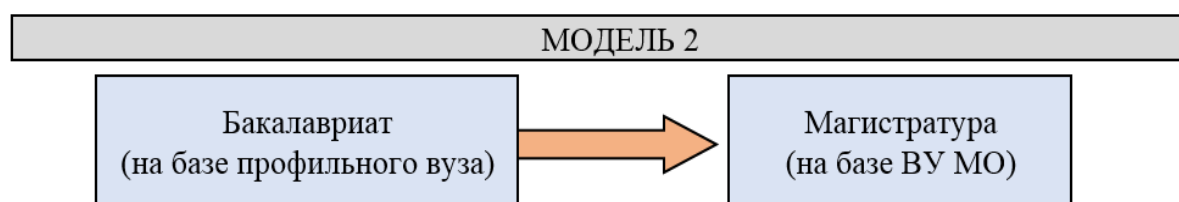

Рисунок 2 – Модель №2 – двухуровневая

Идея о второй модели подготовки возникла под влиянием современной двухуровневой системы обучения, в которой выделяется бакалавриат и магистратура. В течение первых четырех лет курсант получает базовое обучение и готовится к прохождению службы по той специальности, которую он для себя выбрал. Переходя на уровень магистратуры, его образование достраивается с тем, чтобы развить у него компетенции, необходимые для успешного осуществления военно-политической работы. Данная модель также не лишена недостатков. Вместе с тем данная стратегия является более гуманистической, ориентируется в большей степени на возможности и склонности обучающегося, т.к. на протяжении первых лет обучения курсант учится по близкой и самостоятельно выбранной специальности. Второй уровень – магистратура – может рассматриваться как вариативный и элитный, для обучения на котором привлекаются курсанты, проявившие в годы обучения способности к данному виду деятельности.

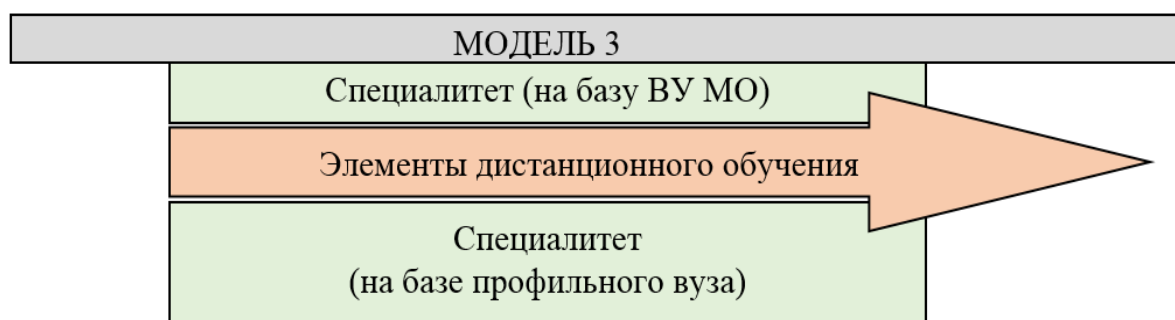

Рисунок 3 – Модель №3 – дистанционная, с опорой на информационные технологии

Модель 3 предполагает минимальные отличия и затраты по сравнению с существующей методологией подготовки специалиста. Курсант на протяжении всего периода обучения занимается в одном образовательном учреждении (ориентировочно – вузе, специализирующемся на подготовке по инженерным, строительным и другим специальностям). В своем «родном» вузе он изучает основную массу учебных предметов, а профильные дисциплины, т.е. учебные предметы, которые позволят ему стать специалистом по военно-политической работе, он изучает, используя потенциал преподавательского состава профильного вуза – Военного университета. Он же в данном случае выступает в качестве методического центра, занимающегося не только организационными вопросами и методическим сопровождением всего процесса обучения, но также предоставляет специалистов для проведения наиболее важных и сложных занятий. Преподаватели профильного вуза выступают в качестве второго преподавателя, проводящего другие виды занятий по дисциплине.

Осуществление третьей модели возможно благодаря применению режима видеоконференцсвязи. Современные дистанционные технологии и уровень технического обеспечения вузов Министерства обороны позволяют проводить в таком режиме лекции, семинарские и практические занятия. Безусловно, при реализации такой модели возникает несколько сложных моментов, важнейшими среди которых являются:

- решение организационных вопросов на уровне органов военного управления, руководителей вузов и т.п.;
- согласование учебных планов подготовки специалистов между базовым (ВУ) и профильным вузами;
- создание достаточного количества аудиторий, оборудованных всем необходимым для организации режима видеоконференцсвязи;
- повышение квалификации преподавателей (формирование дополнительных компетенций) для проведения дистанционных занятий с территориально удаленной, незнакомой и неконтактной аудиторией.

Вместе с тем эта модель подготовки специалистов представляется нам самой реалистичной. В результате применения режима видеоконференцсвязи и постоянной работы с ее использованием между

сотрудничающими вузами и всеми вовлеченными в образовательный процесс сторонами возникает виртуальное межвузовское образовательное пространство.

Виртуальное межвузовское образовательное пространство (ВМОП) – это созданное с опорой на режим видеоконференцсвязи сотрудничество образовательных учреждений, регулярно и системно взаимодействующих при осуществлении образовательной, методической и научной деятельности, а также в процессе воспитательной работы (определение авторское).

Авторы убеждены, что данное социально-педагогическое явление, опирающееся на современные информационные технологии, – это актуальное будущее, отдельные проявления которого видим уже и сегодня. Это складывающаяся и успешно функционирующая тенденция, эффективно применяемая в бизнес-структурах. Вооруженные силы всегда были на передовой линии внедрения различных новшеств, и в сфере образования нельзя терять лидерства. Сохранять лучшее, используя новейшее.

Сравнительный авторский анализ всех трех представленных вариантов подготовки сведен в таблицу 1. В ней системно представлены ключевые особенности каждой модели, охарактеризованные выше.

Таблица 1 – Сравнительная таблица разных моделей подготовки специалистов ВПУ

Критерии	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Срок обучения	5	6	5
Направление вуза, на базе которого происходит обучение	гуманитарный (ВУ)	профильный + гуманитарный (ВУ)	профильный
Затратность решения	высокая (несколько переездов длительных во времени)	Средняя (срок обучения)	самая низкая (обычная)
Интегрированность учащихся в систему профильного вуза	низкая	средняя	высокая
Перепады в обучении	резкий переход с гуманитарного на профильный	плавный переход с профильного на гуманитарный	гармоничное обучение без перепадов
Обеспеченность кадрами ИПС	высокая	средняя	средняя
Сетевое обучение	реализовано	не реализовано	реализовано

Количество дипломов	один	два	один
Компетенции выпускника	имеет поверхностное представление о будущем профиле предназначения	сможет выполнять задачи по профилю предназначения	сможет выполнять задачи по профилю предназначения
Способность освоить профильные дисциплины	низкая (недостаток времени)	способен	способен
Уровень образования	специалитет	бакалавриат + магистратура	специалитет

Анализ, представленный в таблице, носит многокритериальный характер, что дает возможность рассмотреть данные модели в качестве стратегий подготовки с разных позиций. Он предполагает вариативность в принятии решения, учет множества существенных характеристик.

Несмотря на то что первая модель сейчас находится в стадии реализации, авторы видят существенные достоинства и у третьей модели. С одной стороны, она экономически выгодна и технологически несложно осуществимая. С другой стороны, подготовка специалистов по этому варианту наиболее оптимальна по соотношению формируемых компетенций выпускника: он будет способен выполнять задачи по своему прямому предназначению и в то же время быть специалистом в той военной профессии, где будет проходить службу. Помимо этого, данная модель обучения предполагает обращение к положительному опыту подготовки военно-политических кадров в советское время.

Вторая модель представляется авторам наиболее логичной с позиции двухуровневости высшего образования (бакалавриат и магистратура), возможность реализации которого предусмотрена нормативной базой Министерства обороны.

С помощью современных дистанционных технологий, возможно достичь максимального использования совместного образовательного, методического, научного и воспитательного потенциалов нескольких вузов и иных участников совместных мероприятий, что несомненно повысит уровень подготовки специалистов и обеспечит качество формирования необходимых общекультурных и профессиональных компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим

доступа URL: <http://base.garant.ru/71556224/#friends>. (дата обращения: 31.05.2019).

2. Постановление ЦК КПСС от 21 января 1967 года «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://nvvku.mil.ru/Ob_uchrezhdenii/Istoriya. (дата обращения: 03.06.2019).

3. Диплом (с отличием) Б-I № 515466, выданный Донецким высшим военно-политическим училищем инженерных войск и войск связи от 17 июля 1976 г., регистрационный № 386 (специальность: военно-политическая инженерных войск).

4. Диплом ИВ № 077140, выданный Симферопольским высшим военно-политическим строительным училищем от 5 июля 1984 г., регистрационный № 222 (специальность: военно-политическая).

5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (дата обращения: 10.07.2020).

ГРУЗИНА Ю.М.

кандидат экономических наук, доцент
доцент Департамента управления бизнесом
Финансового университета при Правительстве РФ

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. Процессы глобализации, происходящие в современном мире, создают новые траектории развития человеческой цивилизации и отдельных стран: открывается доступ к знаниям, опыту, культуре, к международным рынкам капиталов, современным технологиям, результатам интеллектуальной деятельности и т.д. В этих условиях стратегические преимущества будут у тех стран, которые смогут интенсивно развивать, эффективно аккумулировать и продуктивно реализовывать человеческий капитал и инновационный потенциал, основным носителем которых является молодежь. Таким образом появляется необходимость разработки комплекса мер по созданию эффективной государственной молодежной политики в сфере науки и образования как направления реализации государственной политики в области обеспечения безопасности нашей страны.

Ключевые слова: человеческий капитал, безопасность, наука, образование, развитие, молодежь

Гибкость и готовность к будущему в условиях меняющегося мира – ключевые факторы успеха как государств, так и отдельных граждан. Среди преобразований, вызванных четвертой промышленной революцией, адаптивность и гибкость всех заинтересованных сторон – отдельных лиц, правительств и предприятий – будут определяющими характеристиками в успешных экономиках. Чтобы максимально использовать эти вновь возникающие экономические возможности, необходимо, прежде всего, осуществлять инвестиции в человеческий капитал. На рынках труда все большее значение приобретают навыки трех типов: развитые когнитивные навыки, например, комплексного решения проблем, социально-поведенческие навыки, например, работы в команде, и сочетания навыков, которые определяют способность к адаптации, например, логическое мышление и уверенность в собственных силах. Для формирования таких навыков необходимы прочный фундамент в виде человеческого капитала и обучение на протяжении всей жизни [1].

Опыт последних десятилетий показал, что стратегические преимущества будут у тех стран, которые смогут интенсивно развивать, эффективно аккумулировать и продуктивно реализовывать человеческий капитал, основным носителем которого является молодежь. В этой ситуации, очевидно, что экономическая и социальная нагрузка на российскую молодежь будет возрастать с каждым годом, поэтому акценты государственной молодежной политики должны быть смещены в сторону решения ключевой социально-экономической задачи – обеспечения интенсивного роста человеческого капитала и как следствие повышение качества жизни населения [2]. Особое внимание при этом следует уделить вопросу привлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность, что будет способствовать воспроизводству научных кадров, появлению молодых лидеров в области науки и образования, повысит конкурентоспособность отраслей науки, техники и производства и безопасность нашей страны.

На рисунке 1 представлены количественные и качественные индикаторы оценки человеческого капитала.

Рисунок 1 – Виды оценки человеческого капитала [3]

Со времен Советского Союза и до сих пор ценность образования декларировалась на государственном уровне и считалась стратегически важной темой для обеспечения лидерских позиций во многих

направлениях, в т.ч. в оборонно-промышленном комплексе и космической отрасли. На сегодняшний день население России неплохо образовано, если говорить о сроках обучения. Следует отметить, что среди россиян всегда наиболее распространенным было техническое и инженерное образование – 23 %, каждый четвертый гражданин России имеет диплом о соответствующей подготовке. Однако с начала «нулевых» произошла девальвация инженерно-технической подготовки, упал спрос на таких специалистов и с переходом страны на «рыночные «отношения «взлетел» спрос у абитуриентов на специальности не инженерной подготовки [3].

В контексте становления и развития общества проблемы образования в России всегда являлись ключевыми и актуальными, изменяясь и трансформируясь не только по содержанию, но и по форме. Рост информационного прогресса должен быть обеспечен новыми знаниями, тогда как традиционная организация генерации знаний и получения образования изолировала одно от другого и являлась неэффективной в условиях стремительного обновления информации [4].

Ситуация в стране осложняется тем, что количество специалистов в области естественных и точных наук: математиков, специалистов по вычислительной технике, физике, биологии и т.д. значительно меньше, чем в Европе (2 %). В общем объеме населения РФ их доля в 3,4 раза ниже, чем в странах Западной Европы, по сравнению с Францией 7 % и Великобританией 12 % [5]. Этот факт объясняется повышенным вниманием в конце XX в. к экономическим и юридическим специальностям в условиях перехода страны на рыночные экономические отношения и, как следствие, недооценка и недофинансирование со стороны государства направлений подготовки кадров для фундаментальных наук, снижение притока молодежи в эту отрасль, развал и упадок научной фундаментальной советской школы, вызвавшей «утечку мозгов» и эмиграцию научной интеллигенции в последние несколько десятилетий (для сравнения: с 1990 по 2010 гг. российские ученые становились лауреатами Нобелевской премии лишь трижды – Ж. Алферов (Физика, 2000), А. Абрикосов и В. Гинзбург (Физика, 2003), К. Новоселов (Физика, 2010); американские ученые за этот же период становились обладателями престижной научной награды 121 раз, т.е. в 40 раз чаще, чем ученые из Российской Федерации [3].

В качестве итогов прошедших революционных преобразований следует отметить обоснованность лидирующих позиций стран, которые первыми «вошли» в капитализм и рынок, отличающиеся факторами «конкуренция» и «свобода». Западные страны, сделавшие ставку на урбанизацию, машинное производство, рост производительности труда за счет развития нового качества человеческого капитала в результате роста его образованности, производства новых знаний и интеллектуальной мощи, осуществили промышленные и технологические инновации.

Так в 2017 году, занимая 10 место в мире по затратам на науку и лидируя по абсолютным масштабам занятости в этой сфере, в части результативности научной деятельности Россия на порядок отставала от стран-лидеров по количеству патентов: от США – почти в 16 раз, от Китая – в 38 раз [6].

Отметим, что в последние 20 лет в России расходы на науку были увеличены более, чем в два раза (в 2019 году общий объем ассигнований составил 422,15 млрд руб. или 2,65 % всех расходов федерального бюджета. Больше половины из них – 243,7 млрд рублей пошли на финансирование прикладных исследований, остальные – на фундаментальную науку) [6], однако по отношению к валовому внутреннему продукту Россия с 1,1 % ВВП существенно отстает от ведущих стран мира и находится на 34 месте, при том, что крупнейшие научно-технические страны тратят на эти цели больше 3% ВВП. Основным источником финансирования науки традиционно остается федеральный бюджет – порядка 60-70 % расходов на исследовательские работы обеспечиваются за счет госсредств [6] (Рисунок 2).

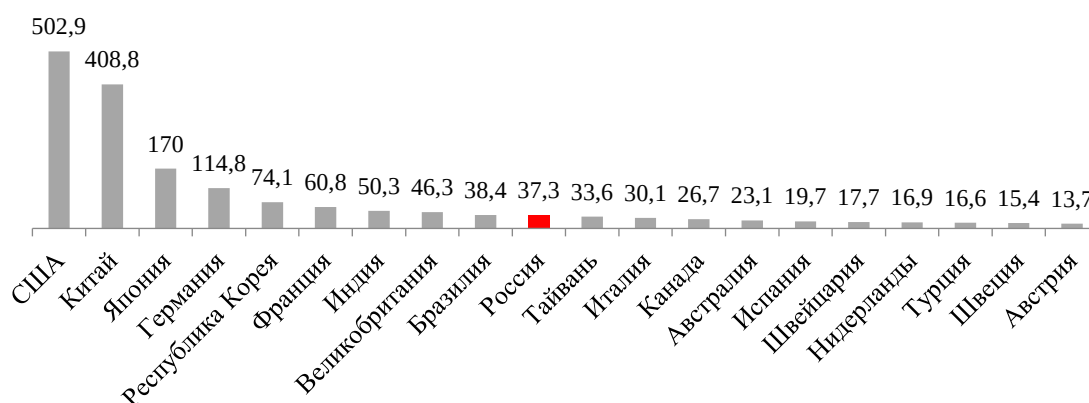

Рисунок 2 – Место Российской Федерации по объему внутренних затрат на исследования и разработки, 2016 г. (млрд долл. США) [7]

В ближайшие три года государство планирует потратить почти 2,4 трлн руб. на научные исследования и разработки, из которых почти 40 % этих расходов направлено на военно-космические исследования.

Анализ зарубежного опыта в сфере науки, образования, техники и инноваций показал, что одним из мировых организационных трендов развития науки и образования является усиление поддержки научных исследований, проводимых в вузах [8]. В странах-лидерах мировой экономики исследовательские университеты являются ядром интегрированного научно-образовательного комплекса, который обеспечивает выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований. Развивается целый комплекс мер, направленных на поддержку и постепенную концентрацию научных

исследований в вузах (усиление кадровой составляющей вузовской науки, обновление оборудования, участие вузов в технологических платформах, в создании малых предприятий, поддержке их кооперации с предприятиями и др.).

В качестве апробации теоретических подходов к мотивации молодежи занятием научной деятельностью было проведено социологическое исследование в форме анкетирования среди студентов вузов г. Москвы. В опросе приняло участие более 500 человек.

По мнению респондентов, мотивационными факторами в развитии молодежи могут являться следующие факторы, отраженные на рисунке 3.

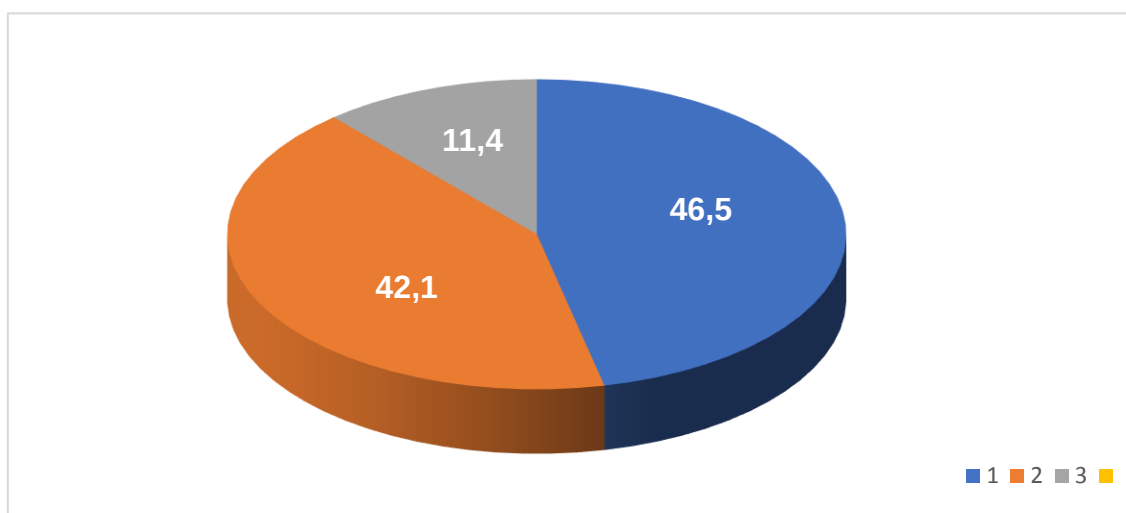

Рисунок 3 – Мотивационные факторы в развитии талантливой молодежи [9]

1. Участие за счет грантов в международных конкурсах, конференциях, программах – 46,5 %;

2. Участие в федеральных программах поддержки талантливой молодежи – 42,1 %;

3. Стимулирование научной активности через фонды и гранты – 11,4 %;

Для привлечения молодежи в сфере инноваций, НИР и проектной работе необходимо создание условий:

востребованность творчества и инноваций в бизнесе, науке, обществе – 80,3 %;

высокое материальное обеспечение лабораторий необходимым оборудованием, техникой, технологиями, материалами и т.п. – 90,3 %;

финансовая поддержка молодежи при участии в НИР – 90 %;

реальное выполнение государственных программ в области молодежной политики – 76,9 %.

Также респондентами были высказаны негативные мотивы к существующей молодежной политике. Негативные моменты, отмеченные респондентами, выделены на рисунке 4.

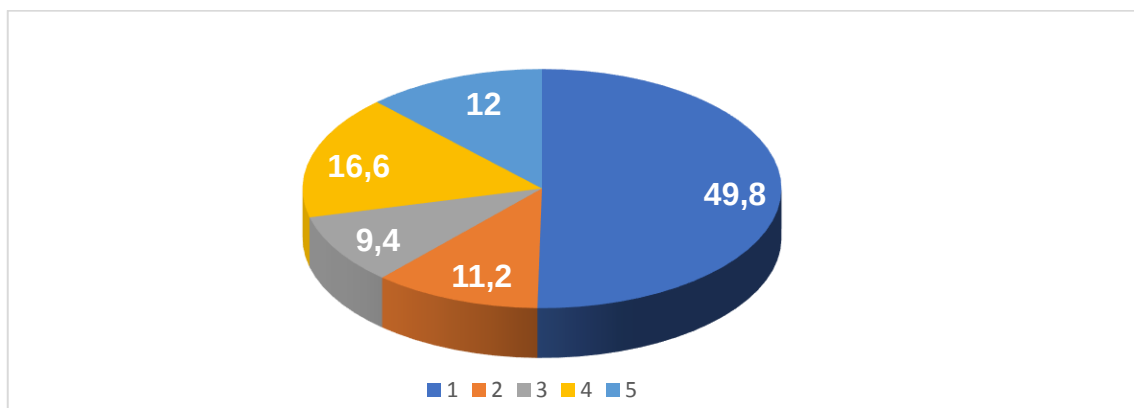

Рисунок 4 – Негативные мотивы к существующей молодежной политике [9]

Итак, как видно из рисунка,

1) отсутствие материальных стимулов (финансовые проблемы) – 50,1 % (1);

2) невозможность решения социальных проблем молодых ученых и преподавателей– 11, 5 % (2);

3) снижение качества высшего образования – 9,8 % (3);

4) отток талантливой молодежи из сферы науки в сферу бизнеса – 17,1 % (4);

5) непоследовательность и несистемность политики государственных органов власти в сфере науки и инноваций – 12,0 % (5).

В процессе исследования была проранжирована группа факторов привлечения молодежи к исследовательской деятельности в вузе. Прежде всего, как отмечают молодые люди, для привлечения молодежи в НИР необходимо:

формирование в вузе традиций бережного отношения к молодым ученым;

присутствие у начинающего исследователя реального научного руководителя-куратора, который тратит более 5-8 часов на работу с молодым ученым и не занимается иной деятельностью;

причастность научного руководителя к деятельности научной школы, наличие у него исследовательских работ;

мотивация научного руководителя со стороны вуза и государства;

обеспечение перспективы карьерного роста молодых ученых;

создание условий молодым ученым и их научным руководителям для реализации научной мобильности;

повышение со стороны государства социального статуса науки и престижа научной деятельности;

создание мотивационной среды и научно-инновационной атмосферы в вузе;

предоставление молодым достойной современной научно-исследовательской базы и зарплаты;

социальная защищенность.

Следующий вопрос в процессе анкетирования касался причин, по которой студенты участвуют в НИРС. Ответы студентов в основном лежали в плоскости (Рисунок 5):

приобрести более качественные знания, умения и навыки по избранной специальности – 39,1 %;

развивать свои интеллектуальные и творческие способности – 41,9 %;

удовлетворить собственный интерес к разработке какой-либо научной проблемы – 4,9 %;

апробировать результаты исследований на студенческих научных конференциях – 10,2 %;

решать научные проблемы, делать открытия – 1,2 %;

сделать карьеру в науке – 2,1 %;

получать дополнительный доход – 2 %.

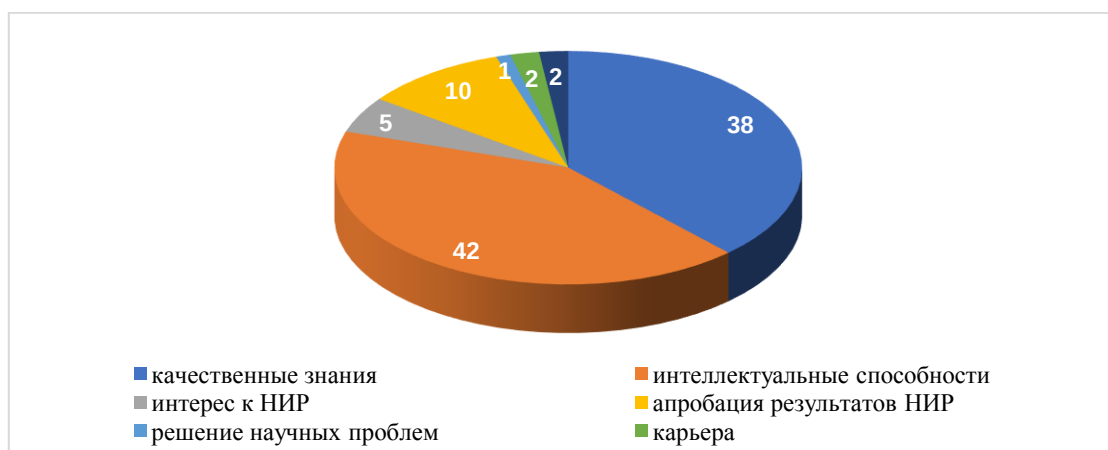

Рисунок 5 – Причина участия в НИРС студентов [9]

Анализ результатов опроса показал, что для положительного результата вовлечения молодежи в научно-исследовательскую и другие сферы деятельности необходимо учитывать интересы и склонности каждой личности, ее убеждения и идеалы, а также систему ценностей, социальные установки и психологические отношения личности, которые осуществляют нравственный контроль при выборе цели, релевантной актуальной потребности, а также средств и способов достижения этой цели. Структура внутреннего контроля включает способности, знания, умения и навыки в определенном виде деятельности их оценку, уровень притязаний личности как степень мобилизации человека для достижения определенной значимой для него цели [10].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день важнейшими вызовами для молодежной политики, определяющими состояние российской

молодежи, перспективы ее развития в средне- и долгосрочной перспективе, являются:

снижение человеческого капитала молодежи по количественным и качественным критериям, усиление его дифференциации на территории страны, отток талантливой и инициативной молодежи в более развитые страны, приток на российский рынок труда низко квалифицированных трудовых ресурсов;

отсутствие сформированного мировоззрения, основанного на позитивных ценностях инноваций, патриотизма, нравственности, правосознания, а также востребованных развитых компетенций, позволяющих адаптироваться к изменению условий жизнедеятельности и преобразовывать мир к лучшему;

снижение общего уровня здоровья молодого поколения, отсутствие сформированной культуры здорового образа жизни, сохранение на высоком уровне заболеваемости молодежи, потребления наркотиков и алкоголя, табакокурения и др.;

рост националистических, ксенофобских настроений, экстремистских проявлений, маргинализация и криминализация молодежной среды в регионах с выраженной молодежной безработицей [2].

Основываясь на проведенных исследованиях, можно сделать вывод, что эффективная реализация молодежной политики зависит от координации деятельности правительственных, региональных и муниципальных структур, общественных молодежных организаций и ведомств, учреждений, осуществляющих деятельность по работе с молодежью на основе единых государственных взглядов на развитие молодежи в сфере науки, образования, техники и инноваций [11]. Для осуществления такой деятельности необходимо формирование механизмов и моделей, концепций и комплексных программ комитетов по делам молодежи, учреждений образования, культуры, социальной защиты и занятости, правоохранительных органов.

Основными направлениями стимулирования молодежи к получению образования, к занятию научной и инновационной деятельностью можно назвать:

развитие системы продвижения талантливой молодежи;

формирование системы вовлеченности молодежи в активную общественную деятельность;

создание инфраструктуры государственной молодежной политики.

Сегодня молодежная политика в сфере науки не просто одно из направлений государственной политики, это определяющий фактор многих сторон социально-экономической, инновационной и технической сфер.

Целью государственной молодежной политики в науке является создание условий для самореализации молодежи в сфере науки.

Элементы экосреды государственной молодежной политики в науке:
нормативно-правовое регулирование;
научная и инновационная инфраструктура;
система государственного управления;
инновационный бизнес, заказчики научных разработок.

Однако в настоящее время существует ряд проблем, препятствующих научной деятельности молодежи:

недостаточный уровень финансирования науки в целом;
низкий уровень престижности научной деятельности в молодежной среде;

недостаточная разработанность нормативно-правовой базы в сфере молодежной науки, в частности, отсутствие закона о молодежи и молодежной политике;

слабая скоординированность молодежной политики со всеми направлениями государственной политики;

отсутствие единой информационной базы данных о существующих направлениях молодежной политики.

В этих условиях среднесрочная и долгосрочная молодежная политика должна обеспечить переход от преимущественно количественных целей и задач (рост охвата, рост включенности, обеспечение доступности и т.п.) к качественным – рост величины человеческого капитала молодежи, повышение продуктивности молодежи как социального субъекта, координация и объединение ресурсов ведомств, направленных на развитие молодежи, формирование системы институтов и создание современной инфраструктуры государственной молодежной политики [2].

В целом, на наш взгляд, для формирования среднесрочной и долгосрочной молодежной политики необходимы следующие организационно-управленческие и институциональные подходы развития науки и технологий:

мотивация к научным знаниям молодого поколения, не имеющего возможность проходить обучение в вузах, позволит выявить талантливую молодежь и снизить социальную напряженность, повысить занятость на отдаленных территориях [12];

координация вузов, частных компаний и некоммерческих организаций в целях реализации модульных программ подготовки студентов и школьников для отдельных, наиболее востребованных направлений обучения. Обеспечение бесплатного доступа к такого рода программам, включающим не только проведение обучающих мероприятий, но проживание, проезд, питание, и, что самое важное, взаимодействие с зарубежными учеными и авторитетными научными деятелями, станет стимулом для молодого поколения, способного проявить себя в области науки и техники [12]. На сегодняшний день, например,

в России реализуются летние лагеря, бизнес-инкубаторы, направленные на вовлечение молодежи в научную и инновационную деятельность, однако информация о таких программах недостаточно раскрыта;

поощрение культуры наставничества и благотворительности в целях развития науки и техники среди молодежи. В условиях снижения бюджетного финансирования образования перераспределение расходов на развитие науки и техники в рамках молодежной политики с уклоном на некоммерческие организации позволит повысить заинтересованность в обучении не только молодого поколения, но и самих благотворителей и спонсоров в привлечении талантливых представителей учебных заведений к разработке инновационных проектов [13];

в целях развития науки, техники и инноваций среди молодежи и вовлечения ее в реализуемые проекты молодежной политики необходимо обеспечить открытость и доступность информации о проводимых мероприятиях путем создания единого информационного пространства, обобщающего данные о мероприятиях молодежной политики, в том числе в области науки и техники [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуськова И.В., Животовская А.Г., Егоршин А.П., Масютин С.А. Управление российскими предприятиями в цифровой экономике: анализ проблем и перспективы развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. Изд-во: Кисловодский институт экономики и права. – 2019. – № 3 (121). – С.10

2. Самохвалов Н.А. Вызовы государственной молодежной политики Российской Федерации и возможные пути их преодоления // Актуальные проблемы современности: наука и общество. Балаковский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – 2016. – № 1(10). – С. 20-24.

3. Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М. и др. Отчет по первому этапу ФНИР «Цикличность науки и образования в развитии человеческого капитала». – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2019. – 222 с.

4. Ярмолицкая Н.В. Современное образование и наука: основные направления и концепции развития в контексте европейского опыта // Молодой ученый. – 2015. – № 23. – С. 1114-1118.

5. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 4(98). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/23/1251240545/2010_2\(96\)_4_Belyaeva.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/23/1251240545/2010_2(96)_4_Belyaeva.pdf). (дата обращения: 25.08.2020).

6. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» // Счетная палата РФ, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf>. (дата обращения: 25.08.2020).

7. Затраты на науку в России и ведущих странах мира // Бюллетень серии ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Наука, технологии, инновации». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2017/institut-statisticheskikh-issledovaniy-ekonomiki-znaniy-niu-vshe>. (дата обращения: 29.08.2020).

8. Основы научных исследований: учебное пособие / В.Н. Тарасенко, И.А. Дегтев. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2017. – 96 с.

9. Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Анализ стимулирования молодежи в сфере науки, техники и инноваций (результаты проведенного исследования по Госзаданию «Разработка механизмов государственного стимулирования по актуальным и приоритетным направлениям молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций в Российской Федерации») // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2018. – № 2. – С. 36-40.

10. Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Анализ подходов к вовлечению молодежи в научную, инновационную и предпринимательскую деятельность // Самоуправление. – 2019. – Том 2. – № 3(116). – С. 90-94.

11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы» (утратил силу) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162175/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 30.08.2020).

12. Грузина Ю.М., Мельничук М.В. Анализ зарубежного опыта по формированию и развитию молодежной политики в сфере образования, науки и инноваций // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Том 7. – №6. – С.452-463.

13. Мельничук М.В., Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Формирование научно-образовательных ценностей в системе мотивации молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Том 12. – № 6. – С. 260-275.

АБРАМОВ В.В.

кандидат военных наук, доцент

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра
Всероссийского научно-исследовательского института по проблемам
гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России
(федеральный центр науки и высоких технологий)

**ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ ЕДИНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ**

Аннотация. В настоящей статье на основе рассмотрения соотношения исследуемых понятий с категориями философии, выявления свойств и отношений рассматриваемых систем, подсистем и элементов, их образующих, через свойства и отношения соответствующих категорий философии и основных понятий общей теории систем и рассмотрены теоретические аспекты обоснования структурной схемы единой государственной системы РСЧС и ГО.

Ключевые слова: Система, структурная схема, свойства и отношения, категории философии, системный подход, система «РСЧС и ГО Российской Федерации»

Анализ положения дел в области природной, техногенной и военной безопасности на современном этапе и прогноз возможных основных опасностей и угроз различного характера на перспективу показывает, что на территории России сохраняется высокая степень риска возникновения природных катаклизмов, техногенных катастроф, инфекционных и вирусных заболеваний, террористических актов, не исключается возможность возникновения военных конфликтов и войн.

Одним из наиболее реальных путей повышения эффективности функционирования систем безопасности наряду с совершенствованием отдельных элементов является интеграция РСЧС и системы ГО в единую государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны (далее – система «РСЧС и ГО Российской Федерации»).

Основными факторами интеграции РСЧС и системы гражданской обороны в единую государственную систему «РСЧС и ГО Российской Федерации» являются:

изменение взглядов на ведение современных войн, что связано прежде всего с принятием доктрин ограниченного применения ядерного

оружия, запрещением и уничтожением химического оружия, появлением новых видов оружия на новых физических принципах;

расширение задач гражданской обороны в связи с использованием политических, экономических, информационных и других видов борьбы, расширением масштабов применения высокоточного оружия;

возрастанием количества и масштабов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, вследствие чего фактически перемешались задачи мирного и военного времени по защите населения и территорий;

необходимость сократить расходы на содержание систем гражданской обороны и РСЧС и поднять потенциал объединенной системы гражданской защиты на более высокий уровень.

Термин единая государственная система «РСЧС и ГО Российской Федерации» необходимо рассматривать в следующих толкованиях:

как иерархическую многоуровневую организационную систему, имеющую определенную организационную и структурную схемы, подсистемы, элементы, закономерности, свойства и отношения, возникающие как между подсистемами рассматриваемой системы, так и элементами, образующими рассматриваемые системы и подсистемы на всех уровнях;

как теорию, систему знаний о характере, закономерностях возникновения ЧС в мирное время, а также в период подготовки и ведения военных действий, путях их предотвращения, строительстве и подготовке системы «РСЧС и ГО Российской Федерации», МЧС России и в целом государства к проведению АСДНР и выполнению мероприятий защиты;

как процесс, совокупность выполняемых АСДНР и мероприятий защиты, которым необходимо управлять;

как наивысшую форму ведения АСДНР и выполнения мероприятий защиты, представляющую собой совокупность спасательных кампаний, операций, действий, а также АСДНР и мероприятий защиты, согласованных по целям, задачам, месту и времени, проводимых по единому замыслу и плану в течение определенного времени и под единым руководством.

В настоящей статье термин «РСЧС и ГО Российской Федерации» рассматривается как сложная, иерархическая, организационная система.

Концептуальные модели функционирования существующих систем ГО, РСЧС и МЧС на мирное и военное время представлены на рисунке 1.

Анализ представленных на слайде концептуальных моделей функционирования систем ГО, РСЧС и МЧС показывает основной недостаток существующих систем защиты – это дублирование функций по защите населения и территорий и неопределенность ответственности должностных лиц при проведении АСДНР и выполнении мероприятий защиты на территории Российской Федерации.

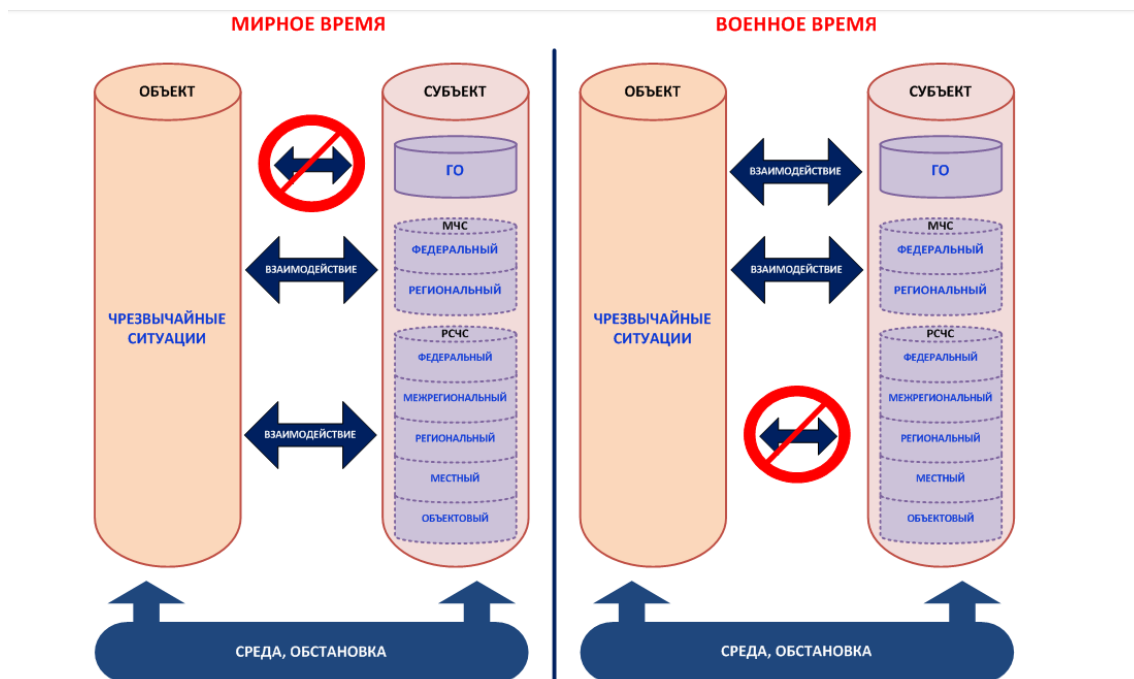

Рисунок 1 – Концептуальные модели функционирования систем ГО и РСЧС на мирное и военное время

Предлагаемая концептуальная модель функционирования системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» представлена на рисунке 2.

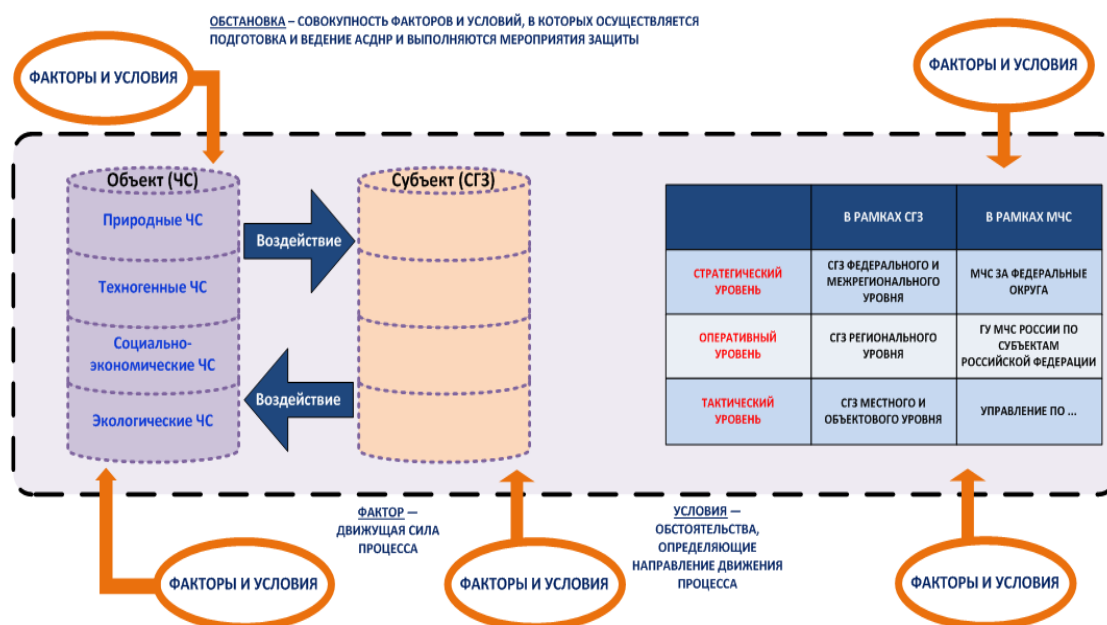

Рисунок 2 – Концептуальная модель функционирования системы «РСЧС и ГО Российской Федерации»

Основными принципами, положенными в основу создания, построения и функционирования системы «РСЧС и ГО Российской Федерации», являются:

- принцип единоначалия;
- заблаговременность подготовки государства к ведению гражданской защиты в военное время;
- совместимости с существующей системой государственной власти Российской Федерации;
- соответствие структурной схемы системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» государственному устройству системы «Российская Федерация» и способность решать задачи по предупреждению и ликвидации ЧС мирного и военного времени;
- способность системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» адекватно реагировать на ЧС различного вида и масштаба (многоуровневость и иерархичность системы);
- адаптация системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» к различным условиям функционирования системы «Российская Федерация»;
- централизация управления силами и средствами системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» на всех уровнях для мирного и военного времени;
- согласованность основных мероприятий системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» с усилиями, предпринимаемыми в других областях национальной безопасности;
- дифференцированный подход к уровням защиты различных категорий населения и территорий (по группам и категориям населения);
- необходимость противодействия всем видам чрезвычайных ситуаций, комплексность проведения мероприятий по их предупреждению и ликвидации;
- эшелонированное применение сил и средств;
- обеспечение максимальной самостоятельности при решении всех поставленных задач на всех уровнях подсистем рассматриваемой системы «РСЧС и ГО Российской Федерации».

Основой для разработки единой организационной и структурной схем системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» является глубокая интеграция в систему государственного устройства России.

В этой связи задача разработки структурной схемы системы «РСЧС и ГО Российской Федерации», обоснование теоретических, научных и методических основ ее построения, становится одной из самых актуальных задач, стоящих перед научным сообществом Российской Федерации.

Предлагаемый методический подход к построению структурной схемы и выявлению свойств и отношений в системе «РСЧС и ГО Российской Федерации» заключается в рассмотрении соотношения исследуемых понятий с категориями философии, в выявлении свойств

и отношений рассматриваемых систем, подсистем и элементов, их образующих, через свойства и отношения соответствующих категорий философии и основных понятий общей теории систем.

Категории философии представляют собой предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные закономерности, связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми принципами процесса мышления, категории философии воспроизводят закономерности, свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме, категории являются узловыми пунктами познания, «ступеньками», «моментами» проникновения мышления в сущность вещей [4].

Исходя из теоремы Геделя о неполноте формальных систем, необходима другая, более широкая система, в пределах которой формируются принципиальные положения для систем более низкого уровня, то есть необходимо внешнее дополнение для того, чтобы справиться с геделевской трудностью [1, 2, 3, 5].

Для решения поставленной задачи по определению структурной схемы системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» необходимо рассмотреть ее в системе более высокого уровня – системе «Российская Федерация».

При построении структурной схемы системы «Российская Федерация» используем основные свойства, отношения и закономерности, присущие философским категориям, и системный подход в решении поставленной задачи.

Системный подход означает, что каждая система является интегрированным целым даже тогда, когда она состоит из отдельных разобщенных подсистем. В основе системного подхода лежит рассмотрение системы как интегрированного целого, причем это рассмотрение при разработке начинается с главного: формулировки цели функционирования [1, 3, 5, 6].

Целью функционирования рассматриваемых систем является обеспечение безопасной жизнедеятельности населения и личности в мирное и военное время путем проведения АСДНР и выполнения мероприятий защиты.

В основе построения структурной схемы системы «Российская Федерация» положен принцип федеративного устройства (национально-территориально-производственный принцип ее построения) как основной инструмент объединения сил и средств равноправных субъектов Российской Федерации в интересах достижения общих целей функционирования системы «Российская Федерация», позволяющий обеспечить централизацию управления государственной системой «Российская Федерация» и входящих в нее ведомственных и территориальных подсистем.

В соответствии с категориями философии «общее-особенное-единичное» система «Российская Федерация» состоит из «особенных» подсистем «Министерства Российской Федерации», динамика изменения

которых во времени может быть представлена через понятие «состояние Министерств Российской Федерации» на различные моменты времени, относящиеся к понятию «единичное».

Состояние системы – это множество существенных свойств, которыми система обладает в данный момент времени [1, 5].

Если система способна переходить из одного состояния в другое, то говорят, что она обладает поведением. Этим понятием пользуются, когда неизвестны закономерности переходов из одного состояния в другое. Тогда говорят, что система способна обладать каким-то поведением и, возможно, выяснить закономерности поведения системы.

Каждое из рассматриваемых понятий система «Российская Федерация», подсистемы «Министерства Российской Федерации», состояния подсистем «Министерства Российской Федерации» состоят из элементов, образующих эти системы и подсистемы.

К элементам, образующим в совокупности рассматриваемые системы и подсистемы на разных уровнях, относятся силы и средства, объединенные системой управления [4, 5].

В то же время система управления представляет собой совокупность функционально взаимосвязанных между собой пунктов управления, органов управления, систем связи и оповещения, автоматизированных информационно-управляющих систем, а также специальных систем, обеспечивающих сбор, идентификацию, обработку, хранение и передачу информации [1, 4, 6, 7].

Таким образом, элементами сложной организационно-технической системы «Российская Федерация» являются силы и средства, объединенные системой управления, которая в свою очередь состоит из пунктов управления, органов управления, системы связи и оповещения и других специальных систем.

Стратифицированное представление сложной организационной системы «Российская Федерация» представлено на рисунке 3.

Исследование поведения системы проводится всегда с точки зрения интересов одного распорядителя (основного субъекта системы), которого называют лицом, принимающим решение (далее – ЛПР).

Функционирование организационных системы возможно только при наличии в ней ЛПР, на каждом уровне рассмотрения сложной системы.

ЛПР для каждого уровня системы является руководитель органа государственной власти Российской Федерации и органа местного самоуправления на каждом уровне сложной организационной системы. При этом отметим также, что любой орган государственного управления Российской Федерации (например, как Правительство Российской Федерации, правительство субъекта Российской Федерации, руководство министерства Российской Федерации и т.д.) не может выступать в качестве ЛПР.

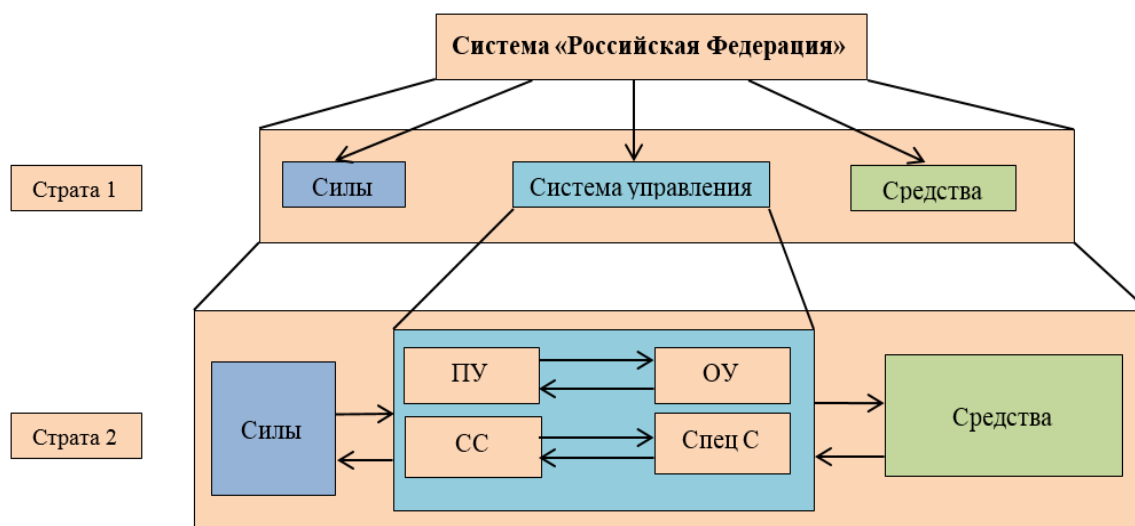

Рисунок 3 – Стратифицированное представление сложной организационной системы «РСЧС и ГО Российской Федерации»

Общая структурная схема государственного устройства системы «Российская Федерация», а также выявленные основные свойства систем, подсистем различного уровня и элементов, их образующих, на основе соотношения с категориями философии представлены на рисунке 4.

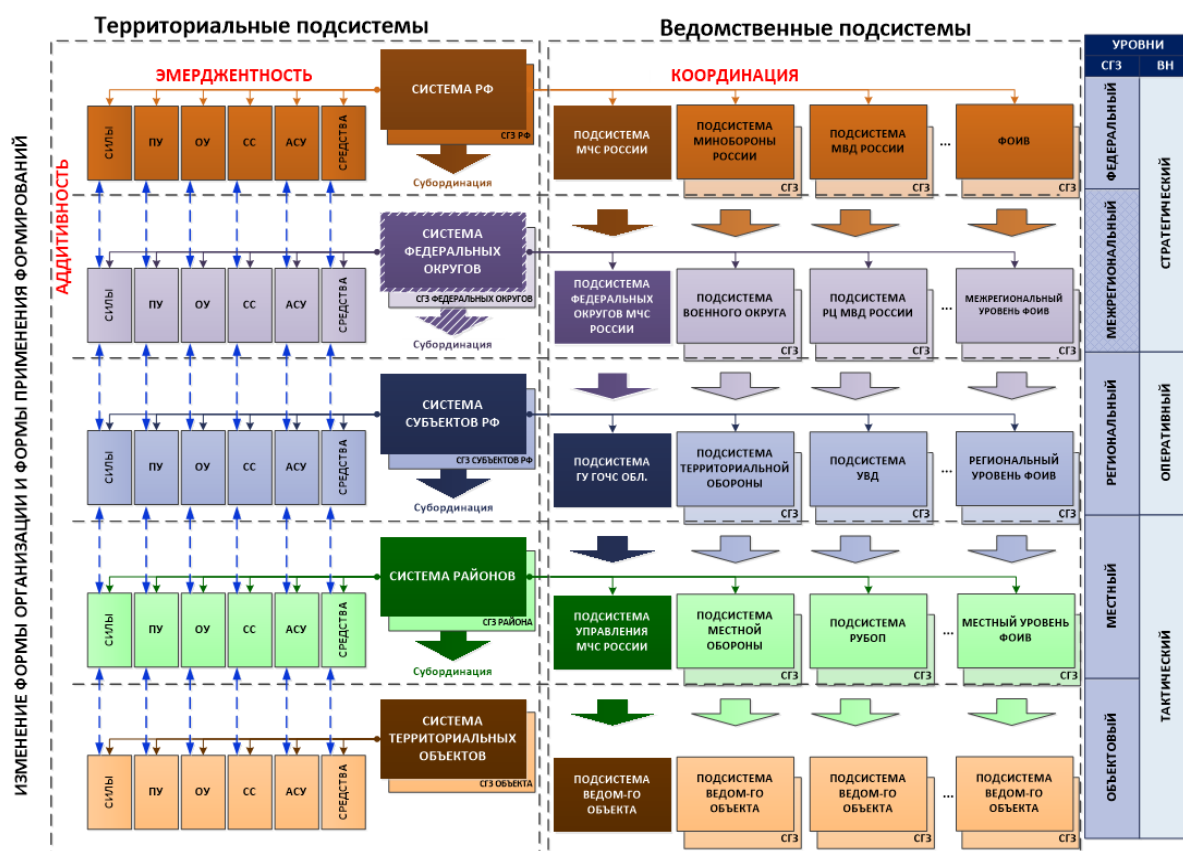

Рисунок 4 – Структурная схема государственного устройства системы «Российская Федерация» (исполнительная власть)

Структурная схема системы «РСЧС и ГО Российской Федерации», соотношение уровней указанной системы с системой «Российская Федерация» и системой МЧС России, а также выявленные основные свойства систем, подсистем и элементов, их образующих, представлены на рисунке 5.

Статьей 5 Конституции Российской Федерации определено, что Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации¹.

Это обстоятельство и определяет, что в структурной схеме государственного устройства системы «Российская Федерация» отсутствует система «Федеральный округ Российской Федерации». Есть представитель федерального уровня (представитель Президента Российской Федерации) на межрегиональном уровне, который никакими правами государственной власти не наделен.

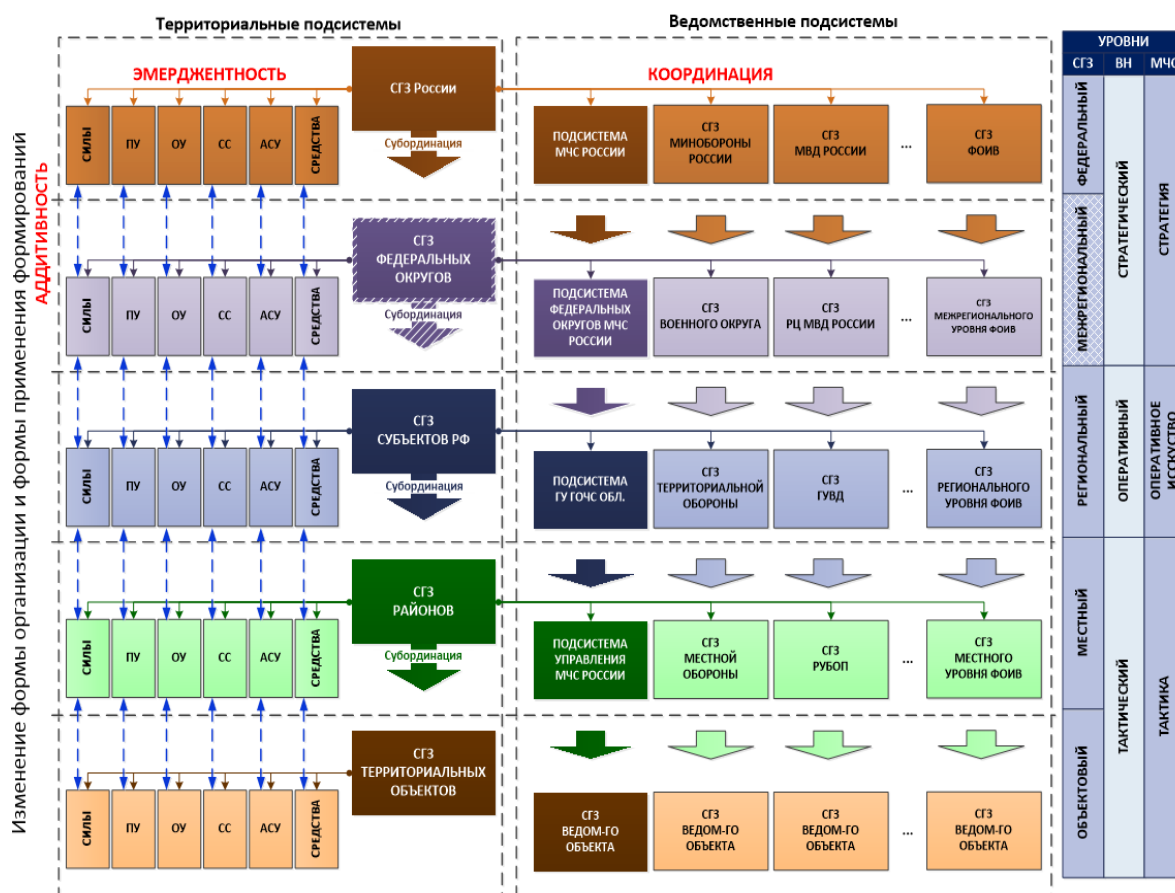

Рисунок 5 – Структурная схема системы «РСЧС и ГО Российской Федерации»

В этой связи можно сделать вывод о том, что в системе «РСЧС и ГО Российской Федерации» отсутствует межрегиональный уровень, в то же

¹ Конституция Российской Федерации.

время практически все министерства Российской Федерации имеют межрегиональный уровень.

Отсутствие межрегионального уровня в системе «Российская Федерация» и в системе «РСЧС и ГО Российской Федерации», с точки зрения управляемости, затрудняет функционирование указанных систем, в этой связи не полностью выполняются все функции в системе «Российская Федерация» и, самое главное, не обеспечивается единообразие структурных схем системы «Российская Федерация» на мирное и военное время. Указанные недостатки в полной мере относятся и к функционированию системы «РСЧС и ГО Российской Федерации».

Представленная структурная схема системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» [1] относится к третьему методологическому уровню анализа систем «организация – поведение» и является иерархической многоуровневой организационно-технической системой, поскольку обладают всеми признаками указанных систем [1, 5].

Рассмотрим определение понятия «Гражданская оборона Российской Федерации».

В законе Российской Федерации «О гражданской обороне» дано следующее определение. «Гражданская оборона – система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий».

Совершенно очевидно, что понятие «мероприятия» не может относиться к понятиям «элементы», поскольку «мероприятия», которые в данном случае должны являться элементами системы «Гражданская оборона», не могут образовать нового интегративного свойства. Совокупность мероприятий на каждом уровне рассматриваемых систем могут только формировать новые формы проведения АСДНР и выполнение мероприятий защиты, таких форм как операция, компания, действия и т.д.

Термин «Гражданская оборона Российской Федерации», по нашему мнению, отличается от термина РСЧС только количеством сил и средств. Организационная структура данных систем должна быть одна и та же, причем как на мирное, так и на военное время. В этой связи и возникла идея объединения данных систем и образования на этой базе единой системы на мирное и военное время – системы «РСЧС и ГО Российской Федерации».

Система «РСЧС и ГО Российской Федерации» должна иметь единую цель создания и функционирования, как на мирное, так и на военное время, единую организационную и структурную схему и единую основу ее формирования и развертывания – МЧС России.

Исходя из такого подхода, можно дать следующее определение понятию «РСЧС и ГО Российской Федерации».

«РСЧС и ГО Российской Федерации» – многоуровневая иерархическая организационная система, включающая специально выделенные силы и средства различных министерств и ведомств Российской Федерации, объединенные системой управления и предназначенные для координации усилий данных министерств и ведомств в области обеспечения безопасной жизнедеятельности населения и личности, как в период мирного времени, так и в период подготовки и ведения военных действий, или вследствие этих действий путем проведения АСДНР и выполнения мероприятий защиты.

Анализ схемы, представленной на рисунке 1, позволяет определить роль и место МЧС в системе государственного устройства Российской Федерации.

МЧС России является одним из министерств исполнительной власти РФ, представляющим собой совокупность специально подготовленных сил и средств, объединенных системой управления и предназначенных для проведения АСДНР и выполнения мероприятий защиты с целью обеспечения безопасной жизнедеятельности населения и личности в мирное и военное время.

Обозначим основные результаты научных исследований по вопросу создания объединенной системы «РСЧС и ГО Российской Федерации».

Система «РСЧС и ГО Российской Федерации» в соответствии с методологией классификации систем является иерархической многоуровневой организационной системой и относится к третьему методологическому уровню «организация – поведение» (или системный уровень).

Целью функционирования системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» является обеспечение безопасной жизнедеятельности населения и личности в мирное и военное время.

Элементами системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» являются силы и средства, объединенные системой управления, в состав которой входят: пункты управления, органы управления, системы связи и другие автоматизированные специальные системы.

Система «РСЧС и ГО Российской Федерации» должна иметь четыре уровня: федеральный, региональный, местный и объектовый.

Система «РСЧС и ГО Российской Федерации» включает территориальные и ведомственные подсистемы.

Основу системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» составляют территориальные подсистемы, предназначенные для координации деятельности ведомственных подсистем на различных уровнях.

Ведомственные подсистемы предназначены для непосредственного проведения комплекса мероприятий по защите населения и территорий.

Территориальные подсистемы включают следующие составляющие по уровням: система «РСЧС и ГО Российской Федерации», система «РСЧС и ГО субъектов Российской Федерации», система «РСЧС и ГО органов местного самоуправления субъектов Российской Федерации» и систему «РСЧС и ГО организаций, подведомственных ОИВ субъектов Российской Федерации и местным органам самоуправления.

Ведомственные подсистемы включают следующие составляющие по уровням: система «РСЧС и ГО министерств Российской Федерации», система «РСЧС и ГО межрегиональных образований министерств Российской Федерации» и систему «РСЧС и ГО организаций, подведомственных министерствам Российской Федерации».

Руководителями в системе «РСЧС и ГО Российской Федерации» являются:

в территориальной подсистеме – президент, руководители высших органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций;

в ведомственных подсистемах – руководители соответствующих министерств и ведомств, межрегиональных образований министерств Российской Федерации и организаций, подведомственных министерствам Российской Федерации.

Системным свойством системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» является способность к проведению АСДНР и выполнению комплекса мероприятий по защите населения и территорий.

Объектом научных исследований в рамках системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» является сама система «РСЧС и ГО Российской Федерации».

Предметом научных исследований в рамках системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» является выявление закономерностей функционирования системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Интеграция в государственную систему «Российская Федерация», а также полное совпадение организационных и структурных схем систем «Российская Федерация» и системы «РСЧС и ГО Российской Федерации» позволит:

обеспечить, особенно на военное время, «жесткую» централизацию управления силами и средствами системы «Гражданская защита Российской Федерации»;

повысит оперативность и гибкость реагирования на любые чрезвычайные ситуации (далее – ЧС) природного, техногенного характера, как в мирное, так и в военное время;

обеспечит проведение плавного перехода систем «Российская Федерация» и «РСЧС и ГО Российской Федерации» с мирного на военное время, что позволит провести более качественную заблаговременную и непосредственную подготовку к проведению АСДНР и выполнению мероприятий защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Надежность и эффективность в технике: Справочник: В 10 т. / Ред. совм.: Авдуевский В.С. (пред.) и др. – М.: Машиностроение, 1988. – (В пер.). Т.3. Эффективность технических систем / Под общ. ред. Уткина В.Ф., Крючкова Ю.В. – 328 с.
2. Коршунов Ю.М. Математические основы кибернетики. Учебное пособие для вузов. М., «Энергия», 1972. – 376 с.
3. Абчук В.А. и др. Справочник по исследованию операций / Под общ. ред. Ф.А. Матвейчука. – М.: Воениздат, 1979. – 368 с.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
5. Общая теория систем: Математические основы / Месарович М., Такаха Я.; Пер. с англ. Наппельбаума Э.Л.; Под ред. Емельянова С.В. – М.: «Мир», – 1978. – С. 311.
6. Владимиров В.А. Общие теоретические и научно-методические основы гражданской защиты / В.А. Владимиров // Информ. сб. ЦСИ ГЗ МЧС России. – 2002. – № 14. – С. 4-13.
7. Владимиров В.А., Измалков В.И. Вопросы теории гражданской защиты: предметная область гражданской защиты и ее моделирование / Владимиров В.А., Измалков В.И. // Информ. сборник ЦСИ ГЗ МЧС России. – 2001. – № 9. – С.50-68.

ГУБЧЕНКО А.В.

кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела (качества военного образования)
Военного университета МО РФ

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
КАК СИСТЕМНОГО ФАКТОРА ВЛИЯНИЯ
НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье на основе научного анализа зарубежных и отечественных исследователей глобализации рассматриваются ее характерные особенности как системного фактора современного миропорядка. Внимание акцентируется на деструктивных акторах глобализации и глобальных опасностях, исходящих от них для безопасного развития современных государств, «гибридном» противостоянии и эскалации военной напряженности, электронной революции и возросшей потребности в электронном обучении военных кадров, необходимости формирования философии безопасности как методологической основы целостного осмысления глобализации и ее влияния на национальную безопасность Российской Федерации и других государств.

Ключевые слова: миропорядок, глобализация, системный фактор, характерные особенности, деструктивные акторы глобализации, глобальные опасности, «гибридное» противостояние, эскалация военной напряженности, национальная безопасность, электронная революция, электронное обучение, философия безопасности.

Современный миропорядок насыщен явлениями и процессами, которые носят планетарный характер и оказывают огромное влияние на национальную безопасность Российской Федерации.

Явления и процессы планетарного характера, обозначаемые понятием «глобализация», по содержанию противоречивы, а во всеобъемлющих опасных формах и проявлениях, будь то стремление США и НАТО к военному доминированию в современном миропорядке, дипломатическая разобщенность, наращивание принципиально новых инновационных и роботизированных вооружений, спонтанное расширение вооруженных конфликтов, санкционная блокада, тотальное наступление международного терроризма, активизация неонацизма и политического экстремизма, киберагрессия, «гибридные» войны, фальсификация исторических событий или иное всесторонне и в полном объеме охватывают разрушительные факторы безопасного развития всех основных политических субъектов мирового сообщества, в первую очередь, *современных государств.*

Проблема «глобализации», ее непознанных, а, следовательно, научно не исследованных до конца противоречий, тенденций и опасностей планетарного характера, продолжает привлекать пытливые умы отечественных и зарубежных ученых. Однако в их работах она оценивается неоднозначно, и общего согласия до сих пор не выработано.

С одной стороны, глобализация рассматривается как закономерный и позитивный эволюционный путь становления целостного миропорядка и планетарной общности человечества, а с другой, выступает системным фактором новых опасностей и трудностей для современных государств и народов, кардинально затрагивающих наши представления о военной составляющей национальной безопасности Российской Федерации и других государств с различными политическими режимами и военно-стратегическими доктринами [1].

Несмотря на относительность знаний проблемы глобализации, продолжающиеся теоретические дискуссии о феномене, противоречиях и тенденциях глобализации, ее современный этап имеет особенности, которые свидетельствуют о том, что система глобализации никуда не исчезла, но она переживает кризисное состояние. Именно глобализация сегодня выступает специфическим системным фактором, усложняющим политику и практику, особенно военную, проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В этой связи следует обратить внимание на *ряд характерных особенностей современной глобализации*, воздействие которых на национальную безопасность Российской Федерации обуславливает потребность в качественных изменениях системы ее обеспечения для выхода на более устойчивое функционирование.

Во-первых, современную глобализацию следует характеризовать как сложный системный объект, имеющий свойственную только ему целостность и структуру воздействующих объективных и субъективных факторов на национальную безопасность России.

Зарубежным ученым Р. Робертсоном понятие системы «глобализации» объясняется как «сжатие» мира в одно целое и осознание этого целого по частям [2]. Мысль эта продуктивна. Главное, что определяет исследование глобализации как системы, по моему мнению, – это изучение взаимосвязей и взаимодействий структурных частей системы объективных и субъективных факторов планетарного характера в рамках целого и выявление совокупности факторов, способных изменить ее качественно.

Под структурой целостной системы глобализации принято понимать объектно-субъектный планетарный феномен, генезис которого связан с появлением человека на планете и совершенствованием (через масштабное созидание и войны) его существования и социально-политического бытия на ней.

Трудность системного рассмотрения явлений и процессов глобализации связана с присутствием в ее структуре и функционировании

как системы не только объективных (материально-бытийных, не зависящих от мышления) факторов, но и субъективного фактора – интересов и целенаправленных действий людей, их социально-политических и иных объединений, прежде всего государственных организаций, противоборствующих за доминирование в глобализационных процессах.

При этом внутренняя структура субъективного фактора – субъектов (акторов) современной глобализации и геополитического противоборства на глобальном уровне взаимосвязей и коммуникаций характеризуется постоянной трансформацией и наличием деструктивных акторов, стремящихся разрешать глобальные противоречия агрессивно-силовыми методами, даже минуя государственное участие.

Большинством ученых признается, что фактическим интегрирующим актором всей совокупности субъектов системы глобализации выступают на протяжении длительного исторического периода социально-политические институты власти и управления – *государства*, их политические, экономические, культурные, медийные и иные элиты на макроуровне государственных внешних связей и отношений. Именно на современные государства направлено широкомасштабное и поливеерное влияние глобализации как в позитивном направлении, так и, что особенно важно подчеркнуть, в опасном деструктивном направлении, вплоть, как считают зарубежные исследователи, до разрушения политических режимов путем «цветных революций» и потери независимого государственного суверенитета (вычеркивание его из геополитической матрицы современных государств)¹.

Доминирующие ключевые позиции в глобальном переустройстве мирового сообщества современных государств в рамках субъективного фактора глобализации стремятся занять США и государства – члены НАТО. Их внешняя и военная политика в последние десятилетия направлена на разрушение национальных государств до масштабов, при которых их экономика, социальная сфера и национальная безопасность будут разгосударствлены, а население и территория окажутся в сфере внешнего контролируемого управления.

Фактически, как показывают исследования, современные государства выступают одновременно и системными интеграторами глобализации, и ее системными объектами негативного воздействия со стороны глобальных опасных вызовов, рисков и угроз, ***исходящих сегодня от агрессивных кругов США и НАТО, а также поддерживаемых***

¹ Серия «цветных революций» на постсоветском пространстве убедительное тому подтверждение. Внешнее управление установлено в бывших советских республиках – Латвии, Литве, Эстонии, затем в Грузии и на Украине. В августе 2020 г. была осуществлена «цветная» попытка государственного переворота в Белоруссии, когда в «темную» использовали «оппозиционных» лидеров и информационные сети, из-за рубежа координировали и оплачивали устроителей беспорядков, а на границе с Белоруссией было развернуто масштабное военное учение НАТО в готовности «оказать» военную помощь «цветастым» экстремистам.

ими деструктивных сил, представляющих «теневой» капитал, «воинствующие» массмедиа, неонацистскую, криминальную, экстремистскую и террористическую среды.

В связи с вышеизложенным любая деятельность современного государства может быть представлена как подсистема современной глобализации, включающая множество разнообразных элементов, обладающих структурой и организацией, часть из которых «скрыта» от исследования. Иными словами, *современные государства* выступают теми непознанными, но относительно независимыми социально-политическими «атомами» планетарного развития, упорядочить (или разрушить) которые намерена глобализация.

Системность рассмотрения глобализации и государства прямо затрагивает и государственную деятельность в сфере обеспечения национальной безопасности, исследование проблемы национальной безопасности Российской Федерации как качественно новой системы, обладающей глобальным содержанием и защищающей государство от деструктивного воздействия глобализации.

Современная глобализация вызвала новые, ранее не проявлявшиеся системно глобальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации, которые, действуя извне, со стороны стремящихся к доминированию в глобальных процессах США и НАТО, финансируемых ими сателлитов и воинствующих деструктивных сил, перемещаются вглубь России, грозя нанести ущерб ее государственному суверенитету и территориальной целостности. В одном из посланий Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было подчеркнуто, что Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности, оказалась лицом к лицу с силами, стремящимися к геополитической перекройке мира [3].

Предлагается системно корректировать концептуальные положения военной доктрины и военного строительства на среднесрочную и долгосрочную перспективы с учетом осознания длительного периода глобальной напряженности, сложившейся вокруг России, ее нахождения в зоне агрессивной внешней и военной политики деструктивных акторов глобализации, геополитические интересы которых устремлены в государственно-территориальное пространство России.

После всенародного одобрения поправок в Конституцию Российской Федерации (1 июля 2020 г.), закрепляющих территориальную целостность Российской Федерации, Федеральному Собранию Российской Федерации в области национальной безопасности необходимо принять целый ряд законодательных актов, которые позволят на качественно новом уровне рассматривать систему национальной безопасности России и обновить ее стратегию с учетом глобальных опасностей.

Во-вторых, современную глобализацию характеризует опасное обострение всеобъемлющего противостояния геополитических интересов современных государств и активизация действий деструктивных акторов

геополитического противоборства, «заряженных» на разрушение системы обеспечения национальной безопасности России.

Большинство исследователей считают, что на современном этапе глобализации произошли существенные трансформации акторов геополитического противоборства, их концентрация вокруг глобальных центров силы и влияния (США, ЕС, КНР и России) и наращивание стремлений действовать за пределами государственных границ. Одновременно (после распуска СССР и завершения эпохи «холодной войны») внутри субъективного фактора глобализации произошла новая существенная поляризация современных государств, отчетливо обозначившая прямо противоположные позиции ее акторов в отношении конструктивного и насильственного векторов разрешения противоречий между ними в системном ряде «глобализация – опасность» и «глобализация – безопасность».

На одном полюсе сконцентрировались деструктивные акторы и глобальные опасности, исходящие от них, а на другом – разрозненные автономные усилия национальных государств, стремящихся приспособить системы национальной безопасности к противодействию этим угрозам. *Ведущими доминантами* деструктивного полюса развития миропорядка и глобального геополитического противоборства выступают агрессивно-амбициозные интересы реакционных кругов США, государств Европейского союза, их военно-политического блока НАТО, поддерживаемых ими сателлитов из государств в различных регионах планеты, которые под прикрытием совместной борьбы за геополитические интересы ведущих доминантов стремятся к глобально-региональному лидерству и расширению зоны своего геополитического влияния (например, Турция и Саудовская Аравия – на Ближнем Востоке, Япония и Южная Корея – на Дальнем Востоке).

Россия в официальных документах ведущих доминантов деструктивного полюса враждебных сил обозначена как первостепенная «угроза» реализации их геополитических стратегий. Военно-доктринальные положения, принятые в США, ряде государств ЕС и НАТО, не исключают применение военной силы, включая и ядерное оружие, против России.

Особую надежду ведущие доминанты глобального деструктива питают на русофобские и воинствующие амбиции сопредельных с Россией государств, формально объединенных в ГУАМ – Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову, на территории которых существуют «замороженные» этнонациональные конфликты, последовавшие после распуска СССР и разрушения проводимой в его рамках политики интернационализма национальными элитами независимых государств.

Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, особенно вблизи государственной границы Российской Федерации, сохраняемые под геополитическим давлением США на национальные элиты этих государств, представляют глобальную опасность и долговременную

военную угрозу для национальной безопасности России. Они ведут к политической напряженности и дестабилизации обстановки в приграничных регионах Российской Федерации, провоцируя этнонациональные и религиозные конфликты, сепаратизм, экстремизм и терроризм, социальные протесты, финансируемые из-за рубежа.

Прогнозируемые эскалация военной напряженности и опасные последствия «замороженных» конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации способны спровоцировать межгосударственный вооруженный конфликт (пример, август 2008 г. военная агрессия Грузии, фактически (советниками и вооружениями) поддержанная США, НАТО и их сателлитами).

Прослеживается стратегическая цель провокаций на государственной границе России: воздействуя на национальную специфику ряда приграничных субъектов Российской Федерации (на Северном Кавказе в статусе республик) изменить их политическую ориентацию и стимулировать выход из состава Российской Федерации, а затем на контролируемых территориях осуществить размещение иностранных контингентов вооруженных сил и военной техники.

Предлагается совершенствовать государственную политику обеспечения национальной безопасности Российской Федерации путем принятия соответствующих правовых основ практики обеспечения национальной безопасности с учетом приграничной региональной специфики, особенно в плане гражданской мобилизационной работы с населением приграничных субъектов Российской Федерации и профилактики противодействия политическому экстремизму и сепаратизму, недопущения переброски через границу боевиков и оружия.

В-третьих, характерной особенностью современной глобализации является пространственно-территориальная эскалация в невоенных формах и нанесение ущерба национальной безопасности России.

Представляя собой целостный объект, система глобализации воздействует на безопасность государства через многочисленные формы пространственно-территориальной эскалации (экономические, информационные, научные, экологические, дипломатические, пограничные и т.д.) – любые, которые позволяют вполне законно пересекать государственную границу (речь идет о возможностях Интернета и иных информационных технологий), демонстративно пренебрегать его территориальным пространством и политическим суверенитетом и наносить «мягкой силой» ущерб национальной безопасности России в различных сферах жизнедеятельности.

Россия, несмотря на то что в военном отношении обладает ядерным оружием для защиты от возможной военной агрессии, оказалась в эпицентре многоходовой пространственно-территориальной эскалации деструктивных акторов глобализации, особенно реакционных политиков, транснациональных корпораций и банков США, Западной Европы, Японии и других государств, которые на основе использования новейших

достижений в области науки и технологий исполняют функции деструктивных глобальных акторов по расширению геополитической зоны доминирования на территории «государства-противника» с помощью невоенного насилия.

Речь идет о многообразных формах пространственно-территориальной эскалации невоенного характера («мягкой силы») на территорию России, руководство которой заинтересовано в притоке зарубежных инвестиций, расширении межгосударственных дипломатических, хозяйственных и общественно-культурных, в том числе и военных, связей.

Системно-научный анализ пространственно-территориальной эскалации свидетельствует о том, что она осуществляется преимущественно в невоенных формах и затрагивает такие области жизнедеятельности России как географическую (принуждение к территориальным уступкам со стороны Японии, США и других государств), политическую (давление на политическое руководство, устранение политических лидеров, создание зависимых общественных объединений, финансируемых из-за рубежа, вербовка и подкуп оппозиции и т.д.), экономическую (контролируемое движение потоков инвестиций, капиталов, трудовых ресурсов, коррупционный подрыв бюджетной политики государства, санкционное давление на физических лиц и ведущие компании, запрет на новые технологии и др.), экологическую (распространение опасных заболеваний), демографическую (снижение роста рождаемости, насильственное наращивание миграционных потоков и «замещающей» рабочей силы и иные), социальную (экспорт социальной напряженности, размывание социального единства, закрытие социальных программ и проектов взаимного обмена студентами и др.), этно-религиозную (разжигание воинствующего национализма, этнического сепаратизма и религиозной нетерпимости), информационную (искажение информации о реальных и исторических событиях, распространение лжи, клеветы, капитулянтских позиций, информационно-психологическое манипулирование трудностями в развитии государства) и другие.

Глобальные опасности невоенного характера, которые позволяют деструктивным акторам глобализации контролировать часть процессов внутренней жизни России, особенно связи с субъектами взаимодействия на уровне федеральной и региональной власти, крупных экономических и финансовых структур, общественно-политических организаций, религиозных объединений, становятся сегодня одним из самых опасных глобальных факторов, оказывающих влияние на обеспечение национальной безопасности России.

В ближайшей и отдаленной перспективе влияние глобальных опасностей невоенного характера на национальную безопасность России будет усиливаться, несмотря на совершенствование механизмов правоохранительной деятельности, которые в настоящее время проявляются лишь фрагментарно (задержание отдельных физических лиц за коррупцию и иные правонарушения).

Предлагается в рамках системы национальной безопасности России выделить и в нормативно-правовом отношении системно оформить деятельность органов государственного управления в сфере обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации от глобальных угроз невоенного характера, разработав доктрину внутренней безопасности, стратегию и комплексную программу взаимодействия с Министерством обороны Российской Федерации до 2030 года.

В-четвертых, характерная особенность современной глобализации состоит в генерировании «гибридных» форм противостояния и противоборства в сферу функционирования международных отношений и внешней политики России.

Наряду с глобальным проникновением во внутривнутриполитические, экономические, этно-религиозные и социально-бытовые отношения Российской Федерации деструктивные акторы глобализации широко используют международно-дипломатическое и военно-силовое давление на Россию преимущественно в «гибридных» формах.

На современном этапе глобализации произошла концентрация стратегических устремлений США и НАТО к доминирующему военно-силовому влиянию на мировое сообщество, развитие и безопасность современных государств. Они стали инициаторами новой геополитической биполярности мирового сообщества, деструктивных глобальных тенденций «гибридизации» международных отношений и угрожающих агрессивных глобальных вызовов, связанных с развязыванием ими «гибридных войн», расширением военно-базовой стратегии, IT-сетевым и военно-силовым проникновением в геополитическое пространство суверенных и независимых государств в различных регионах планеты и насаждением «гибридных» политических режимов.

Стратегия «гибридизации» глобализации нашла применение в «гибридных войнах» в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Судане, Йемене и других государствах. Она преследует не только изменения социально-политической системы и глобальной ориентации этих государств, но, прежде всего, ведет к эпохальному переделу управляемых финансово-экономических, территориальных, природных и производственных ресурсов Земли, захвату их транснациональными корпорациями со стороны США и их сателлитов, разрушению национальной безопасности и установлению внешнего управления – неокOLONиальной подвластности зависимых от их военной мощи государств. Как подчеркнул министр обороны Великобритании Бен Уоллес на юбилейной сессии НАТО в декабре 2019 года, «гибридные способы ведения войны – наша новая реальность» [4].

«Гибридная» военная стратегия США и НАТО становится продолжением политики глобальной опасности для национальной безопасности России. Масштабы ее воздействия на внешнюю политику и международные отношения России (Россия оказывает интернациональную военную помощь Сирии, которая находится сегодня

в эпицентре международной «гибридной» агрессии) следует учитывать в системе национальной безопасности Российской Федерации, предвидя тот факт, что механизм начального этапа эскалации «гибридного» насилия в виде информационных атак и провокаций, военно-базового окружения, подкупа политических и военных элит сопредельных с Россией государств, экономической блокады (санкции), демонстрации военной силы на проводимых военных учениях у ее государственной границы и другие «гибридные» действия запущен.

Нельзя допустить такую беспечность военно-стратегического руководства России в отношении конечной цели «гибридной» войны, какую допустило руководство КПСС в Советском Союзе в отношении конечной цели «холодной» войны, рассуждениями о том, что они не осуществимы, так как СССР представляет мощную ядерную державу, и республики интернационально едины.

Стратегический смысл «гибридной» войны против России состоит в «нейтрализации» ядерного потенциала и создания стратегической ситуации его неиспользования в случае военной агрессии США и НАТО.

Предлагается в связи с поправками, внесенными в Конституцию Российской Федерации, Федеральному Собранию Российской Федерации (обеим палатам) выступить с официальной позицией в отношении стратегии «гибридной» агрессии против Российской Федерации. Регионы и население Российской Федерации должны быть информированы о мерах, реализуемых в области обеспечения национальной безопасности в отношении противодействия глобальной «гибридной» агрессии.

В-пятых, характерной особенностью современной глобализации является наращивание военных угроз глобального характера национальной безопасности России.

«Гибридизацией» глобальных опасностей деструктивные акторы глобализации стремятся скрыть наращивание военных угроз национальной безопасности России и увеличение концентрации их войск у ее границ.

Военные угрозы, в том числе угроза ядерной войны, были и остаются в бессрочной перспективе глобально опасными системными факторами национальной безопасности Российской Федерации. Совершенно объективно, с точки зрения динамики развития опасных факторов глобализации, и стратегически обоснованно в Военной доктрине Российской Федерации (2014 г.) сделан акцент на выделении всей совокупности внешних и внутренних военных опасностей и отдельно выделены военные угрозы [5].

Доктринальный подход к определению перечня основных для России внешних и внутренних военных опасностей и военных угроз позволяет представить опасные масштабы глобализации военной сферы деятельности современных государств, значимость военной безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации.

Сегодня военная безопасность Российской Федерации выступает системным критерием национальной безопасности, ее защищенности от глобальных военных опасностей и угроз.

При подготовке официальных документов по вопросам национальной безопасности военную безопасность Российской Федерации целесообразно выделять в самостоятельный раздел и рассматривать применение военной силы в качестве исключительной меры, в том числе и в рамках межгосударственных договоров и союзов.

Проведение парада в честь 75-й годовщины Победы в Отечественной войне 1941-1945 гг. убедительное подтверждение приоритетного внимания высшего военно-политического руководства России к проблеме военной безопасности государства.

В-шестых, характерную особенность современной глобализации представляет широкомасштабно расширяющаяся реализация достижений электронной (цифровой) революции в сфере обеспечения национальной безопасности России.

Развитие современного этапа глобализации обусловлено не только изменениями в субъективном факторе глобализации, но и системными изменениями его объективных (материальных) факторов. Речь идет о глобальной электронной (цифровой) революции («e-Revolution»), неисчерпаемости, масштабах и скорости проникновения достижений «электрона», электронной техники, электронных коммуникаций и электронных технологий в научно-технологическую, производственную, хозяйственную и повседневную жизнь современных государств и населения мирового сообщества, в сферу финансового оборота, жилищного строительства, здравоохранения, образования, информирования, а также в военную сферу национальной безопасности.

Глубокие трансформации мировых экономических и общественных связей, формирования глобального общественного мнения через массмедиа и «пыльные сети» Интернета, вызванные электронной революцией, особенно внедрением цифровых и нанотехнологий, оказали влияние на природную, коммуникативную, военную и иную деятельность и весь образ жизни населения современных государств, их внутреннюю и внешнюю политику, военную политику безопасности, мировую политику реагирования на кризисные проявления глобализации и конфликты в международных отношениях.

Россия не находится на периферии цифровой революции. Ее достижения внедряются во все отрасли жизнедеятельности государства, жизнь и быт граждан, коренным образом меняя их облик и образ жизни.

В последнее время нет недостатка в публикациях, относящихся к электронизации Вооруженных Сил Российской Федерации, перевооружении новой военной техникой соединений, частей и подразделений. Процесс внедрения электронных достижений идет осмысленно и ускоренными темпами.

Однако внедрению электронного обучения в высшие военные учебные заведения посвящено недостаточно научных исследований, что свидетельствует о значительных резервах деятельности в этом направлении и недостаточности внимания этому важному аспекту национальной безопасности Российской Федерации.

Электронное обучение – это новая инновационная модель военно-учебного процесса, направленная на повышение качества обучения в высшей военной школе, эффективности преподавательской деятельности и улучшение успеваемости курсантов, слушателей, офицерского состава военных университетов, академий и институтов, их профессиональной подготовленности к будущей военной профессии, в которой заинтересовано военно-политическое руководство Российской Федерации.

Опираясь на опыт внедрения электронного обучения в Военном университете, где процесс внедрения электронного обучения проходит испытание временем, хотел бы обратить внимание на трудности, которые пришлось решать руководству Военного университета на начальной стадии внедрениями электронного обучения, которые должны быть учтены и в других военных учебных заведениях. К ним относятся:

- режимная специфика профессиональной подготовки военных кадров для Министерства обороны Российской Федерации и других войск и воинских формирований, зарубежных заказчиков;

- существенные ограничения при авторизации электронного контента, учебно-методических комплексов, информационных образовательных модулей и технологий;

- многоконтурный режимный характер создания электронной библиотеки;

- внесение существенных коррективов в управление системой электронного обучения и контроля учебного процесса;

- практико-профессиональная ориентация электронного обучения, диктующая необходимость войсковых стажировок с первых курсов обучения, и другие особенности внедрения электронного обучения, включая внесение корректив в деятельность факультетов, кафедр и самостоятельную подготовку обучающихся.

В целом, внедрение системы электронного обучения в информационно-образовательную среду высших военных учебных заведений соответствует тенденции влияния современной глобализации на национальную безопасность Российской Федерации.

Примечательно, что руководство Министерства обороны Российской Федерации оказывает всестороннюю поддержку высшим военным учебным заведениям по вопросам внедрения электронного обучения, а в вооруженных силах – внедрения роботизированных вооружений, требующих высокого качества электронного образования у военных специалистов, обеспечивает военное образование программно-целевым финансированием.

В-седьмых, современную глобализацию характеризует методологический кризис, выявленный при исследовании и оценке ее влияния на военную составляющую национальной безопасности России.

Насыщенность глобальной проблематики в жизни современных государств мирового сообщества не соответствует вкладу ученых гуманитарных наук в исследование проблемы «глобализации». Причина – *методологический кризис гуманитарного знания*.

С одной стороны, расширяются попытки исследовать планетарные явления и процессы на уровне метафизического (одностороннего) методологического теоретизирования, информационно-субъективистского манипулирования феноменом глобализации, которые не позволяют рассматривать ее как динамично развивающуюся систему, видеть противоречия и кризисные черты. А с другой стороны, принципиальное «замораживание» фундаментальных исследований с философских позиций диалектического метода исследования.

Однако диалектика (достояние мировой философской мысли) как теория познания и метод исследования глобализации *в движении* теснит и ломает устаревшие традиции метафизики в изучении сложных и противоречивых явлений и процессов объективной реальности в их отвлеченном состоянии. Познавательный процесс глобализации закономерно вышел за рамки метафизики.

Система современной глобализации предъявляет новые требования к дальнейшему адекватному глобальным реалиям совершенствованию методологической основы ее исследования с учетом развития диалектического метода в философии. При этом диалектика в исследованиях глобализации представляет собой душу, чистый воздух для философской науки человечества, задыхающейся от метафизики и ее «гибридных» проявлений.

По мнению А.И. Пригожина, основной тенденцией развития методологии современной науки является разработка системного подхода на диалектической основе как единой общенаучной методологии [6]. Это мнение отечественного ученого еще раз подтверждает «стыдливое» отрешение некоторых ученых-гуманитариев от диалектики как основополагающей философской методологической основы научного познания.

Система современной глобализации вызвала глубокие трансформации всех без исключения философско-метафизических односторонних теорий и субъектно-разрозненных практических решений в области обеспечения безопасности современных государств с учетом воздействия глобальных вызовов, рисков и угроз и востребовала обновления философского подхода к исследованию проблемы национальной безопасности государства, которая проявила себя на уровне планетарной целостности и обусловила на фоне расширения практики «духовно-метафизических войн» [7] разработку и становление недостающего звена философской науки – философии безопасности.

Именно философия безопасности, как считают отечественные ученые, отвечает требованиям исследования безопасности государства на современном этапе глобализации в эпоху «гибридных войн» [8, 9, 10]. Она призвана преодолеть метафизичность традиционного рассмотрения «гибридных» глобальных опасностей современного государства в рамках философской дихотомии «войны и мира» и научно обосновать понимание «глобальной безопасности» в качестве одного из неотъемлемых атрибутов и условий его существования и развития, доминирующего фактора защиты от разрушающего влияния «гибридной войны» всех сфер жизнедеятельности человечества.

На уровне Российской академии наук в рамках исследований системы национальной безопасности Российской Федерации есть необходимость инициировать проведение фундаментальных научных исследований в области методологии, философии безопасности и диалектического метода познания и анализа глобальных проблем и их влияния на национальную безопасность государства.

Разработанная отечественными учеными философия безопасности на основе диалектической методологии должна стать важным элементом системы национальной безопасности. И этот элемент должен соответствовать требованиям времени и перспективам развития российского государства, становлению российской цивилизации.

Предметной областью философии безопасности выступает проблематика феномена «безопасности» явлений и процессов природы, общества и мышления во взаимосвязи с существующими и потенциальными глобальными угрозами, в том числе и военными.

Философское (онтологическое, гносеологическое, антропологическое, праксеологическое, социологическое, политологическое, экономическое, технологическое, экологическое, этическое, эстетическое, аксиологическое, логическое и иное) измерение взаимосвязи глобализации и безопасности, глобальных опасностей и национальной безопасности России позволит на качественно новом методологическом уровне совершенствовать стратегическое управление системой национальной безопасности Российской Федерации.

Результаты проведенных научных исследований отечественными и зарубежными учеными характерных особенностей современной глобализации позволяют сделать важные выводы.

1. Современная глобализация, как несбалансированная система объективных и субъективных факторов планетарного измерения, находится в состоянии динамического неравновесия. Она, вторгаясь в позитивные процессы развития миропорядка, оказывает деструктивное влияние на безопасность современных государств, делая ее *глобально уязвимой*.

2. Основными субъектами (актерами) глобализации миропорядка выступают современные государства, противоречия между которыми растут, кризисные и конфликтные отношения обостряются. Их движение

и развитие тесно связано с движением и развитием современной глобализации, ее позитивными и негативными факторами. Так есть и так будет, пока будут существовать их политический суверенитет и национальные интересы [11].

Современная глобализация ослабляет национальные стратегические управленческие возможности современных государств, требует *извне* принятия ущербных решений, непрерывного пересмотра и геополитической корректировки политики и стратегии в сфере противодействия детерминированной глобализацией, существующим и возможным в будущем вызовам, рискам и угрозам.

3. Без научного анализа и оценки *особенностей* современной глобализации военно-политическому руководству сложно позиционировать государство в области обеспечения национальной безопасности, разработки военной доктрины, подготовки и реализации военной стратегии и практики военного строительства, проводить эффективные меры по повышению боевой готовности вооруженных сил и гражданской мобилизации населения на противодействие глобальным угрозам и враждебным замыслам вероятного противника.

4. Официальные и экспертные оценки состояния безопасности современных государств и политики ее обеспечения в контексте влияния неустойчивости системы современной глобализации, ее кризисных проявлений свидетельствует о том, что национальная безопасность Российской Федерации, как и других государств мирового сообщества, напрямую зависит от опасностей, исходящих от глобализации.

Ключевыми проблемами Российской Федерации являются не только проблемы эффективности национальной экономики, социальной системы, оборонной отрасли промышленности, но и проблемы эффективности управленческой деятельности государственных институтов в области обеспечения устойчивости системы национальной безопасности к глобальным вызовам, рискам и угрозам невоенного, «гибридного» и военного характера.

5. Кризисные черты глобализации в области методологии ее исследования побуждают к мобилизации интеллектуальных резервов профессорско-преподавательского состава и научных работников высшей военной школы для проведения научных исследований проблемы глобализации на новом методологическом уровне в интересах повышения эффективности подготовки военных кадров и непрерывного совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации, ее военной составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губченко А.В. Влияние глобализации на безопасность современного государства: проблемы теории, политики и стратегии. Монография. – М.: ВУ МО РФ, 2019. – 487 с.

2. Щеголева Н.Г. Региональная экономическая интеграция: методология, архитектура и векторы развития (на примере ЭКОВАС, ССАГПЗ, АСЕАН, ЕАЭС): монография. – М.: Наука, 2019. – 195 с.

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. – М., 2003. – С.7-9.

4. НАТО углубилось в поиски себя // Газета «Коммерсантъ». – № 223. – 04.12.2019. – С. 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4180180>. (дата обращения: 04.08.2020).

5. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. (дата обращения: 29.07.2020).

6. Пригожин А.И. Методы развития организации. – М.: МЦФЭР, 2003. – 864 с.

7. Зверева Ю.Ю. Проблемное поле философии войны: от сущности войны к проблеме ее моральной и правовой оценки // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 2(61). – С. 66.

8. Герасимов А.В. Феномен безопасности в социально-философском дискурсе // Филосовская школа. – 2018. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-bezopasnosti-v-sotsialno-filosofskom-diskurse/viewer>. (дата обращения: 23.08.2020);

9. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. – 2012. – № 1(7). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-kontseptsii-bezopasnosti/viewer>. (дата обращения: 28.08.2020).

10. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: учебное пособие. – М.: МПСИ, 2006. – 293 с.

11. Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: материалы V Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2011 г. / Под общ. ред. И.Ф. Кефели. – СПб., 2012. – С.16.

ЕВСЮК А.В.

кандидат психологических наук

старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(военно-гуманитарных исследований) Военного университета МО РФ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В статье проводится анализ перспектив и угроз использования технологий искусственного интеллекта для современной России, рассматривается возрастающая взаимосвязь технологий искусственного интеллекта с информационной безопасностью государственных институтов, гражданского общества и отдельных граждан, в том числе информационная безопасность Вооруженных Сил.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, «глубокий фейк», технология «поддельных людей», «мягкая сила», «индустрия мыслей».

Современное общество характеризуется глобальным внедрением информации и новейших информационных технологий в повседневную жизнь человечества. Все реальнее и отчетливее, еще недавно едва различимый, вырисовывается образ информационного общества, с его увеличением роли знания в жизни современной цивилизации, преобладанием доли информационных коммуникаций, товаров и обслуживания, появлением виртуальной экономики, развитием электронной демократии, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, стремительным формированием глобального информационного пространства.

Однако одновременно с этими позитивными изменениями в жизнь социумов приходят такие явления, как фрагментарное мышление и клиповое сознание, отчуждение от наиболее необходимых данных значительной части общества, манипуляция общественным сознанием с помощью масс-медиа, усиление возможностей организации виртуального насилия, утрата ценностной идентичности, различные проявления «мягкой силы», генерируемые «индустрией мыслей».

Кроме того, современная международная обстановка характеризуется возрастанием интенсивности информационно-психологического противоборства, в котором участвует все больше акторов (как государственных, так и негосударственных). В сочетании с научно-техническими и технологическими достижениями четвертой промышленной революции это формирует новые реалии в информационной среде.

Одним из таких достижений, все активнее заявляющих о себе в «горячих» и «холодных» конфликтах XXI века, является искусственный интеллект. Использование его элементов за последние годы осуществило переворот во многих, в прошлом даже весьма консервативных, областях нашей жизни.

Искусственный интеллект (англ. «artificial intelligence», AI), как наука и технология создания интеллектуальных машин, в первую очередь интеллектуальных компьютерных программ, характеризуется свойством интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются отличительной чертой человеческого сознания. Главные особенности искусственного интеллекта в сравнении с традиционно применяемыми в автоматизированных системах управления алгоритмами сбора и обработки информации являются его адаптивность и самообучаемость.

Сегодня элементы искусственного интеллекта активно используются в экономике, образовании, науке, военной деятельности. Успешно осваивает он пространство информационной среды, в том числе в сфере информационного противоборства.

Высокоэффективные компьютерные технологии и программное обеспечение, способные осуществлять когнитивную деятельность, схожую с человеческой [1], во многом уже превосходят своих создателей. Преимущества искусственного интеллекта, используемые в современной информационной среде, проявляются по следующим направлениям:

- восприятие, распознавание и классификация любых сигналов окружающего мира, а также информации в любом виде, наличие памяти без пробелов, обмен, анализ, сопоставление, оценка определенных данных, объективная их интерпретация. Мозг человека не способен обработать сигналы, которые способен воспринимать искусственный интеллект; память человека не сохраняет целостные воспоминания, каждый раз припоминания извлекаются заново; кроме того, память может подвергаться процессу деменции;

- обобщение и использование информации для решения задач или принятия решений, обработка значительных объемов информации; объективная, беспристрастная оценка ситуации; выбор стратегии и тактики наиболее оптимальной формы поведения, заблаговременное планирование и ситуативная переориентация; генерирование новых знаний. Беспристрастная оценка ситуации человеком порой невозможна из-за эмоциональной реакции, гормональных колебаний;

- способность самостоятельно формировать цели своего функционирования, динамически изменять содержание цели в результате изменения внутренних и (или) внешних обстоятельств (например, вследствие ограничения доступа к необходимым вычислительным, энергетическим, сырьевым, финансовым и другим ресурсам, изменения

окружающей среды, отказа человека от сотрудничества и т.д.). Вследствие ограничения доступа к необходимым вычислительным, энергетическим, сырьевым, финансовым и другим ресурсам человек может потерять жизненный потенциал (недостаток пищи, воды, сна);

- полная осведомленность о принципах своего построения и работы; самообучение, саморазвитие, самоперестройка, самосовершенствование (последние версии искусственного интеллекта отыскивают ошибки внутри себя, исправляют их, образуют усовершенствованную версию самой себя и так переписывают сама себя до бесконечности), то есть способность выйти за пределы своей начальной программы. Самосовершенствование доступно не всем людям; анализ собственных ошибок порой возможен только спустя длительное время;

- скорость принятия решения (секунды и миллисекунды); накопление опыта, обобщение, отыскание неочевидных связей и построение логических цепочек; концентрация внимания на протяжении любого необходимого времени; построение ценностных суждений; самостоятельность принятия решений и самостоятельное их выполнение, автономность от человека; адаптация, способность адаптироваться к изменяющимся требованиям окружающего мира (аккомодация) и воспроизводить во время познавательной активности отдельные характеристики объекта познания (ассимиляция). Человеку необходимо время на осмысление и обдумывание; неочевидные связи могут быть не обнаружены; концентрация внимания ухудшается с уставанием и истощением мыслительных процессов по прошествии времени работы;

- творчество, то есть открытие новых аспектов знания и преобразование окружающего мира (искусственный интеллект пишет музыку, дирижирует оркестром, рисует картины, публикует статьи, распознает изображения, звуки, определяет диагноз); наличие самоорганизации. Человек превосходит искусственный интеллект только в этом направлении.

Таким образом, современное поколение искусственного интеллекта по ряду параметров является более жизнеспособным и мощным, чем интеллект человека.

Созданные технологии с использованием элементов искусственного интеллекта переводят стратегическое информационно-психологическое противоборство на принципиально иной уровень, что требует равнозначной оценки и ответной реакции не только от специализированных, в том числе военных институтов, но и общества в целом.

Информационные операции с использованием элементов искусственного интеллекта направлены на функционирование конкретного института, государства, союза, или международной сообщества в целом таким образом, чтобы развернуть вектор функционирования и развития этот процесса в направлении, желательном для субъекта стратегического информационно-психологического воздействия. При этом используются

самые современные элементы единого сетевого социального пространства для целенаправленного, системного, непрерывного и долгосрочного воздействия на массовое сознание. И если механизм использования радио, телевидения и сети Интернет в целях информационного воздействия достаточно хорошо осмыслен и апробирован, то представление о применении искусственных виртуальных идентичностей человека, таких как «Big Data», программные агенты-боты, основанных на машинном обучении и построенных по принципам нейронных сетей, еще не сложилось и только формируется.

Важной особенностью нашего времени является глобальный рост «сетевой» аудитории, для которой мировая паутина стала повседневной реальностью. Как свидетельствуют отчеты, пользовательская аудитория Интернета в мире составила в 2019 году 4,39 млрд чел., 3,48 млрд из которых зарегистрированы в социальных сетях. Доля России по этим показателям – 109,6 и 70 млн чел. соответственно. При этом уровень проникновения глобальной информационной сети в нашу страну составил 76 %, а степень охвата населения «сетями» – 49 % (молодежи – более 90 %) [2, 3]. С учетом того, что аудитория Интернета растет со скоростью 1 млн новых пользователей в день, а все большую долю населения составляют выросшие в эпоху компьютерных технологий люди, развитие цифровизации в обозримом будущем приведет к всеобщей вовлеченности человечества в виртуальную реальность.

Объединение этих двух тенденций – внедрения достижений в области создания искусственного интеллекта и глобального сетевого развития – способно породить «множественные и крупномасштабные социальные и политические эффекты, прогнозирование которых является вызовом для современного научного знания» [4].

Рассмотрим риски и перспективы внедрения искусственного интеллекта в политический процесс и государственное управление России. Ускоренное продвижение искусственного интеллекта является сегодня стратегическим приоритетом отечественной программы «Цифровая экономика» и утвержденной в 2019 году «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Его использование в платформах электронного правительства (e-government) предоставит гражданам принципиально иные доступность и эффективность перемещения по непрерывно расширяющимся сервисам государственных и муниципальных услуг, обеспечит оперативное в реальном масштабе времени рассмотрение сотен тысяч обращений граждан, генерирование квалифицированных ответов на их вопросы, а в целом – позволит осуществлять работу с принципиально иными объемами информации, задачу обработки которых уже не способны решать традиционные технические и программные средства. В конечном счете, улучшение общения с представителями власти через внедрение искусственного

интеллекта будет способствовать росту институционального доверия, формированию образа эффективной и справедливой власти, достижению согласия по ключевым социальным вопросам, то есть росту легитимности политического режима.

Вместе с тем недооценка при реализации этих проектов проблемы формирования «ценностного ядра» цифровых государственных платформ на основе искусственного интеллекта, необходимости выработки единых ценностных кодов России, доступных и близких всем гражданам страны и встроенных в ментальность национальной российской идентичности, а также способствующих формированию позитивного и узнаваемого имиджа России за рубежом, может привести к ценностному перепрограммированию искусственного интеллекта политическими радикалами, действующими как внутри страны, так и за ее пределами. На угрозы ценностного перепрограммирования искусственного интеллекта [5, с. 36] указывают представители аксиологического направления исследований, выходя за узкие границы теории «государство как платформа».

Такие выводы находят подтверждение в результатах относительно недавних научных исследований. По оценкам группы ученых США [6], тестирование компанией «Microsoft» разработки по использованию искусственного интеллекта Tay с элементами эмоционального интеллекта в сети микроблогов Twitter на территории этой страны привел на практике к плачевным последствиям. Как показал анализ результатов эксперимента, группы радикально политизированных Интернет-пользователей сознательно и последовательно переобучали Tay в ходе онлайн-коммуникации «языку вражды» («hate speech»), используя основную отличительную особенность искусственного интеллекта от традиционно применяемых в автоматизированных системах управления алгоритмов сбора и обработки информации – его адаптивность и самообучаемость. В результате воздействия этих групп искусственным интеллектом, опираясь на внедренные данные, начал использовать в своих «умозаключениях» конспирологические теории, планы президента Д. Трампа по строительству стены на границе с Мексикой для защиты от незаконной миграции из латиноамериканских стран, более того, делать ссылки на небезызвестного фашистского диктатора Германии XX века. К аналогичным последствиям привели эксперименты с искусственным интеллектом в Китае [7]. Исследования внедрения сервисов с искусственным интеллектом Xiao Bing и BabyQ также выявили конкретные факты их ценностного перепрограммирования. Оппозиционно настроенные к существующему в КНР режиму сообщества, используя все тот же принцип машинного обучения, достигли желаемых результатов, при которых искусственный интеллект Xiao Bing в качестве ответа на запрос о его китайской мечте высказал пожелание «уехать в Америку»,

а искусственный интеллект BabyQ сообщил о коррупции в Коммунистической партии Китая. Следовательно, аксиологические критерии позволяют раскрыть роль и значение технологий ИИ с позиций «отрицательной мягкой силы» Дж. Ная и «военной мягкой силы» К. Аткинсона, выявляя возрастающее значение обеспечения информационной безопасности при его использовании в политической жизни общества.

Вместе с тем в национальной стратегии не установлены ни общенациональные ценности, ни даже этические нормы, на которые должен опираться искусственный интеллект. В статьях 48, 49 п. ж и 57 указывается, что этические правила взаимоотношения искусственного интеллекта с человеком должны быть разработаны.

Угроза информационной безопасности при внедрении искусственного интеллекта – возможная несбалансированность вносимой в его алгоритмы информации, способная привести к скрытой и открытой тенденциозности, основанной на этой информации. Искусственный интеллект целиком и полностью находится в зависимости от своих создателей – разработчиков, которыми управляют заказчики – представители политической и связанной опосредованно с ней крупной бизнес-элиты. Имея статус важного направления государственной стратегии, программа развития искусственного интеллекта привлечет значительные силы и средства страны. Именно поэтому становится актуальным вопрос столкновения искусственного интеллекта с социальными проблемами и экономической диспропорцией между различными группами россиян.

Еще одна скрытая угроза – так называемый «пузырь фильтров». Facebook и другие социальные медиа предлагали пользователям информацию и рекомендации, учитывая их предпочтения и «замалчивая» альтернативные точки зрения и мнения. Пока такие явления не стали системой, требуется корректировка настроек искусственного интеллекта, особенно с учетом перспектив его использования при выполнении более важных задач, связанных, к примеру, с принятием решений, затрагивающих интересы значительных групп граждан. Кроме того, требует внимания проблема вмешательства в работу алгоритмов искусственного интеллекта иных лиц с целью искажения результатов работы искусственного интеллекта в своих интересах путем манипулирования данными. Путь решения этой проблемы – открытость и прозрачность процесса наполнения алгоритмов данными, создание общих, контролируемых обществом хранилищ больших данных.

Угрозой для государства и общества становится тотальное наблюдение и манипулирование общественным сознанием с использованием элементов искусственного интеллекта со стороны мировых технологических гигантов, а также транснациональных торговых сетей. Используя технологии «больших данных» и машинного обучения в сочетании с применением программ массового наблюдения, они собирают

и накапливают информацию о потребителях, пользователях, посетителях сайтов, позволяющую тщательно отслеживать, понимать и контролировать действия граждан различных государств. Направления использования таких данных весьма широки: от формирования потребительских интересов граждан до влияния на их поведенческие паттерны и даже политические настроения; от «таргетирования» целевых аудиторий покупателей для формирования нужного спроса до способности прогнозировать и понимать мышление групп, от косвенного участия в управлении экономикой, планировании и прогнозировании рыночных сил до продвижения собственных интересов в национальной нормотворческой деятельности. В этих условиях государство должно сформировать систему противодействия попыткам влияния таких глобальных технологических акторов, как Microsoft, Google, Facebook, Amazon и др. на информационную среду страны, принимая соответствующие законодательные нормы регулирования политической рекламы в онлайн-сфере, обеспечивая финансирование социально значимых медиа, вводя запрет на использование этими гигантами других источников личных данных. В итоге – свести к минимуму сбор этих данных платформами, с которыми ежедневно взаимодействуют люди. Ведь даже правоохранительные органы могут использовать эту информацию лишь в исключительных случаях, строго очерченных федеральным законодательством (например, в ходе проведения контртеррористических операций).

Кроме того, Россия должна влиять на использование искусственного интеллекта и «больших данных» в странах, которые являются его союзниками по международным организациям, таким как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС, Таможенный союз, Союзное государство путем оказания им содействия в разработке физической инфраструктуры и нормативной базы, а также исключения использования вредоносного союзным интересам программного обеспечения. В итоге нужно разработать международные нормы, которые обеспечат реализацию принципов информационной безопасности населения стран содружества в условиях быстрого распространения на просторах информационной среды технологий с элементами искусственного интеллекта.

Еще одна угроза информационной безопасности государства обусловлена бурным ростом в мире производства электроники, прежде всего новых чипов и микросхем, в сочетании со стремительным обновлением программного обеспечения, построенного на основе «алгоритмов глубокого обучения». Отставание нашей страны в этой сфере ведет к росту зависимости отечественных государственных программ разработки и внедрения искусственного интеллекта от иностранной элементной базы и соответствующего программного компонента. Расширение возможностей новейших архитектур микросхем для

дальнейшего развития искусственного интеллекта повысили сегодня деловую активность в этой сфере до позиций, невиданных индустрией микросхем за последние годы. Постулат, сформулированный соучредителем «Intel» Гордоном Муром, предсказавшим удвоение примерно каждые 18 месяцев числа транзисторов на чипе, в полной мере воплощается в современном аппаратном обеспечении. Очевидны и прозрачны стратегические приоритеты США, связанные с инвестициями в чипы искусственного интеллекта очередного поколения и удержанием своего доминирующего положения в производстве этой высокотехнологичной продукции в целом. При поддержке специальной программы разработки микрочипов американским Агентством передовых оборонных исследовательских проектов DARPA, следящим за тем, чтобы ни одна научная разработка, полезная для военных программ США, не осталась без внимания, сегодня осуществляется разработка новых конструкций микрочипов для искусственного интеллекта. При этом бурное развитие Китая в этой же сфере существенным образом повлияло на формирование этой американской программы.

Требуем внимания такая угроза информационной безопасности, как повышение доступности аппаратного обеспечения и программ, использующих элементы искусственного интеллекта. Помимо позитивных последствий такого процесса, возможности свободного использования этих технологий позволяют андеграунду информационной среды наращивать генерирование деструктивного контента, позволяющего манипулировать сознанием как отдельных пользователей, так и целых социальных сообществ. В глобальной информационной сети Интернет размещаются в общем доступе инструкции по созданию высококачественных фото- и видеоматериалов с использованием нейронных сетей. В мобильных устройствах элементы искусственного интеллекта представляют возможность переделки изображений, а также позволяют запоминать и накапливать информацию об индивидуальных особенностях пользователя посредством подстройки под его интересы, которая может использоваться в интересах негативного информационно-психологического воздействия. В современные гаджеты при этом попадают уже обученные программы, которые в дальнейшем совершенствуются без участия разработчика. Система Face ID в iPhone X – это как раз такая встроенная в процессор нейронная сеть. Она уже обучена распознавать лица и образы, может использоваться для обработки и сортировки фотографий. К примеру, в предыдущие годы состарить или омолодить человека в кадре могли только опытные пользователи сложных программ. Сегодня все эти функции доступны обычному владельцу мобильного устройства. За несколько кликов он может скачать программу на свой смартфон, которая исказит, состарит, омолодит и даже изменит пол хозяина фотографии. Социальные сети заполонили переделанные снимки как простых

обывателей, так и медийных личностей, вызывая зачастую не только улыбку, но и психологические, статусные проблемы.

Сегодня такие гиганты виртуальной индустрии, как Apple, Qualcomm и Huawei создают процессоры для телефонов и смартфонов, решая задачу улучшения обработки информации силами искусственного интеллекта. Активные исследования по этому направлению проводят Google и Intel, а NVIDIA с миллиардными инвестициями выходит в лидеры в области производства чипов. В последнее время Facebook тоже наращивает усилия в этой сфере высоких технологий.

В настоящее время в качестве возможных технологий использования искусственного интеллекта в информационном противостоянии, «материализуемых» через глобальную информационную сеть Интернет, эксперты предлагают рассматривать [8]:

- враждебный захват контроля и управления деятельности бурно развивающихся интегрированных, всеобъемлющих систем с использованием искусственного интеллекта. Активно развивающиеся многочисленные инфраструктурные объекты (электронное правительство, единые интегрированные отраслевые решения «Умный город», системы полного жизненного цикла «Цифровое предприятие», единые платформы интегрированных интеллектуальных систем безопасности, интеллектуальные системы поддержки и принятия решений, автоматизированные системы управления технологическими процессами, Интернет-вещей, роботизированные централизованные самообучающиеся системы управления общественным транспортом на базе искусственного интеллекта, платформы электронной медицины) являются потенциальными объектами и целями для высокотехнологичных террористических атак. Помимо многочисленных жертв такие воздействия способны вызвать панику и создать в социальной среде конкретного мегаполиса или целого государства психологический климат, который будет способствовать наращиванию информационных угроз их населению в гуманитарной сфере;

- создание «глубоких фейков» («deep fakes»), под которыми понимаются искусственные образы, полученные при синтезе изображения и голоса, основанные на искусственном интеллекте. Технология, созданная студентом Стэнфордского университета Я. Гудфеллоу в 2014 году, свое название получила от слов «deep learning («глубокое изучение») и «fake», («подделка») в 2017 году с выходом на просторы Интернета. Это новый формат видеоконтента, на котором лица и голоса одних людей с высоким уровнем правдоподобия заменяют другими. Создание таких видео происходит с использованием генеративно-сопоставительных нейронных сетей («generative adversarial network», GAN). Технология в общем виде состоит в том, что один алгоритм учится на реальных фотографиях определенного человека и создает изображение, буквально «состязаясь» с другим алгоритмом, пока тот не начнет путать копию с оригиналом.

Порождающая сеть генерирует кандидатов, в то время как дискриминационная сеть оценивает их. С помощью искусственного интеллекта стало возможным создавать действительно реалистичные замены с живой мимикой. В социальной рекламе британской компании «Synthesia» об опасностях малярии известный футболист Дэвид Бэкхем заговорил на девяти языках. Для ее создания привлекались девять человек, выживших после болезни, а также генеративно-состязательные нейронные сети.

Значительное число знаменитостей и медийных личностей потеряли репутацию в результате «горячих фактов», созданных с помощью «глубоких фейков». Однако дипфейки используются не только для развлечения или троллинга. Из массовой культуры явление моментально переместилось в политику. «Гросмейстеры» информационного поля уже используют эту технологию для создания цифровых измененных видео мировых лидеров, в том числе Д. Трампа, Б. Обамы, Х. Клинтон и др. В мае 2018 года в сети Интернет появился видеоконтент, в котором президент США Д. Трамп призывает граждан Бельгии отказаться признать Парижские соглашения по климатическому урегулированию. Ролик вызвал волну возмущенных комментариев в адрес американского президента. Позднее выяснилось, что Д. Трамп ничего такого не говорил, а само видео было заказано бельгийской социалистической партией, чтобы привлечь внимание к проблеме изменения климата. Еще один пример высококачественной видеоподделки – обращение актера и режиссера Джордана Пила от лица экс-президента Б. Обамы с предостережением пользователей глобальных информационных сетей об опасности фейковых новостей. Способность присвоить любому человеку слова и действия, которых он не говорил и не совершал, подстраивать под них его мимику и жесты несет в себе огромные угрозы.

Заинтересованные акторы информационной среды готовы вкладывать в создание deepfakes большие деньги. Для проведения злонамеренных акций технология удобна тем, что распознать подделку невероятно сложно. Пока будет проводиться проверка и тратиться драгоценное время, фейковое видео уже распространится по сети Интернет и будет воспринято как подлинная информация. Это мощное средство влияния, с помощью которого могут дискредитировать политиков, чиновников любого ранга, звезд и вообще любых медийных личностей. Аналитики прогнозируют, что такое видео может быть достаточно реальным, чтобы манипулировать будущими выборами и глобальной политикой уже в текущем году.

Дипфейки – это последствия прогресса технологий и серьезная проблема, уменьшить неприятные последствия которой стремятся во многих странах. К примеру, DARPA провела конкурс среди ведущих мировых экспертов в области искусственного интеллекта на лучшее

дипфейк видео. От участников требовалось создать наиболее реалистичный видеоконтент и предложить способы распознавать подделку. На подобные исследования могут уйти годы, кроме того, «глубокие фейки» на основе нейронных сетей динамично развиваются, что делает их потенциальной угрозой злонамеренного влияния на поведение как отдельных субъектов, так и крупных целевых групп, не только в среднесрочной, но и в гораздо более отдаленной перспективе. Фальшивки могут быть использованы в информационно-психологических операциях для провоцирования паники на финансовых рынках, торговых или вооруженных конфликтов и даже для запуска механизма «цветных революций»;

- технология «поддельных людей» («fake people»). Алгоритмы глубинного машинного обучения, предложив рынку в начале 2018 года первые сгенерированные искусственным интеллектом живописные полотна, в настоящее время создают портреты несуществующих людей. Американская технологическая компания NVIDIA не так давно обнародовала результаты работы генеративно-сопоставительной сети, обученной формировать изображения людей. Технология основана на сборе десятков тысяч фотографий лиц реальных людей, именно поэтому нейронная сеть распознает и применяет массивы мелких деталей в своей работе, включая текстуру кожи, возрастные признаки, культурные и этнические особенности, выражения эмоций, формы причесок. Искусственный интеллект несравнимо более качественно генерирует изображения лиц в высоком разрешении. К примеру, он может легко создать на заказ образ несуществующего избирателя, лидера оппозиции или незаконнорожденного ребенка «политического тяжеловеса» или иной медийной личности с идеальным сходством в целях провокации;

- разработка и расширение повестки дня, понимаемой как круг сюжетов и тем, имеющих приоритетное значение для конкретного субъекта в определенный промежуток времени. Исследования показывают, что программы боты, загружающие Интернет-канал потоком ненужной информации (как правило, рекламного характера) сформировали в 2016 году более 50 процентов всего онлайн-трафика. Сегодня заидеологизированный чужеродный «мейнстрим» формирует до 70 % инфотока национального информационного пространства, что препятствует обеспечению полноценного информационного суверенитета страны [9]. Актеры «индустрии мыслей», активно внедряющие в массмедиа «инфопродукцию», имеют возможность манипулировать общественным сознанием, используя концепцию «определения повестки дня». Она подразумевает наличие непосредственной связи между тем, о чем сообщают средства массовой информации и тем, что аудитория считает важным или заслуживающим внимания. Ее суть состоит в том, что чем чаще люди видят информационный контент определенный тематики, тем чаще они руководствуются его критериями и принципами, формируя свое отношение к происходящим в политике,

общественной жизни и быту процессам, конкретным событиям или персонам. В ходе политических, избирательных компаний, к примеру, репутационный ущерб, причиняемый программами политботами, может быть использован экстремистскими организациями для «вербовки» своих сторонников или организации терактов. При этом основное содержание такой «инфопродукции» составляют откровенная ложь, дезинформация, замалчивание фактов и пр. методы из арсеналов «гибридных войн» и «цветных революций». В условиях активного вливания в отечественную информационную среду негативного иностранного «мейнстрима», возрастают угрозы суверенитету государства в информационной среде в целом [10];

- анализ настроений, чувств, тональности речи («sentiment analysis») – один из методов, используемый в компьютерной лингвистике и биометрии для систематической идентификации, количественной оценки и изучения субъективной информации, эмоционально заряженных слов в текстах, которые помогают понять истинное мнение автора. Подобный анализ настроений, чувств и тональности осуществляется с использованием широкого спектра источников, таких как публичные выступления, блоги, печатные публикации, форумы, опросы и т.д., и может быть очень эффективным инструментом в информационной войне;

- искусственный интеллект, машинное обучение и анализ тональности позволяют с высокой степенью вероятности прогнозировать будущее, анализируя прошлое, что представляет практически безграничные возможности для экономического сегмента или институтов государственного планирования. Однако различные субъекты информационного поля, при необходимости, получают потенциальную возможность применять эту технологию в деструктивных целях. Особой угрозой может стать прогностическое оружие: прогностические аналитические методы, опирающиеся на технологиях Big Data и Искусственного интеллекта. Такие инструменты позволяют воздействовать в своих субъективных интересах на будущее из настоящего вопреки логике объективного развития истории;

- комплексное сочетание информационно-психологических форм и методов воздействия, самообучающихся систем искусственного интеллекта и возможностей центров больших данных, или Big Data, генерирующих модели псевдореальности. Такая «виртуальная реальность» в среднесрочной перспективе может стать гораздо более эффективным инструментом контроля целевых аудиторий, чем все имеющиеся сейчас.

Все эти высокотехнологические модели информационно-психологического воздействия с применением элементов искусственного интеллекта активно используются уже сейчас и будут задействованы в ближайшей перспективе самым активным образом.

Бурный рост зависимости государственных и коммерческих структур от использования различных современных технологий с элементами искусственного интеллекта способствует проведению в ряде стран-членов блока НАТО работ в области создания информационного оружия, связанного, прежде всего, с внедрением средств, предназначенных для воздействия на психику и здоровье военнослужащих, и средств, направленных на поражение информационных систем.

Кроме того, пытаясь замедлить развитие технологий искусственного интеллекта у своих глобальных соперников в сфере обороны, США в последние годы навязывают России односторонние обязательства о запрете разработок любых видов вооружений и автономных технологий, использующих искусственный интеллект, убеждая, что он может уничтожит человечество. При этом в 2021 году финансирование разработок и исследований искусственного интеллекта, по планам Вашингтона, должно вырасти с нынешних 973 млн до 2 млрд долларов. Одновременно Пентагон ожидает выделения в следующем финансовом году 800 млн долларов на разработку военных систем с элементами искусственного интеллекта и еще 1,7 млрд на создание автономных систем на его основе.

Технологии машинного интеллекта и искусственных нейронных сетей все активнее используются за рубежом для поиска уязвимостей в центрах принятия решений органов военного управления, несанкционированного доступа к информационным ресурсам в сфере обороны, сбора и анализа секретной информации, внедрения в служебные сети информационно-пропагандистского контента, подрывающего престиж Вооруженных Сил Российской Федерации и их боеготовность. Кроме того, технологии использования искусственного интеллекта в информационном противоборстве, по планам США и стран НАТО, могут быть задействованы для дестабилизации военно-политической обстановки в регионах и местах дислокации частей и подразделений наших войск, манипулирования сознанием военнослужащих с использованием ангажированных СМИ.

Информационная среда современных стран включает информационно-коммуникационную часть с ее медиаресурсами и «властителей дум», акторов, определяющих ценностное насыщение и идеологическую повестку дня. Исходя из этого, стабильность и устойчивость нашего государства, как и любого другого, напрямую детерминирована таким показателем, как информационная безопасность. И связано это с тем, что именно информационная безопасность служит интересам прогнозирования, обнаружения, сдерживания, предотвращения, отражения информационных угроз интересам личности, общества и государства, ликвидации последствий их проявления, обеспечивает защиту значимых для политической системы и гражданского общества данных, а также сохранение культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Влияние искусственного интеллекта на информационную безопасность, помимо его возможного использования в открытом вооруженном противостоянии, будет происходить через применение «мягкой силы», понимаемой как несиловые, информационные технологии влияния владельцев традиционных печатных и электронных СМИ, Интернет-ресурсов, государств, партий, движений, транснациональных корпораций, радикальных организаций на ценности и политическую повестку, убеждения и приоритеты граждан, с целью изменения их взглядов и поведения в собственных интересах. В конечном итоге, цель применения «мягкой силы» – смена политических элит и подрыв боеспособности вооруженных сил государства.

Позитивными результатами применения искусственного интеллекта для развития информационной среды российского общества становятся сегодня внедрение платформ электронного правительства, доступность и оперативность коммуникации граждан с институтами государственной власти, накопление и обработка больших объемов данных; негативными проявлениями этого процесса представляются возникающие проблемы безопасности центров больших данных, или Big Data, использующих технологии искусственного интеллекта, зависимость отечественных государственных программ разработки и внедрения искусственного интеллекта от иностранной элементной базы и соответствующего программного компонента, неурегулированность проблемы формирования «ценностного ядра» цифровых государственных платформ на основе искусственного интеллекта, несформированность единых ценностных кодов России, доступных и близких всем гражданам страны и встроенных в ментальность национальной российской самобытности.

Системы искусственного интеллекта, внедряемые в глобальное информационное пространство, не смогут оставаться социально-политически нейтральными инструментами развивающегося информационного общества, трансляторами государственных и частных услуг, финансовых операций, транзакций, образовательных программ и научных экспериментов. Основные угрозы информационной безопасности личности, общества и государства будут генерироваться в области использования элементов искусственного интеллекта для продвижения ценностных кодов «мягкой силы» через внедрение деструктивного аудиовизуального контента. В качестве инструментов воздействия могут использоваться технологии перепрограммирования «ценностного ядра» платформ электронного правительства и электронной экономики, создания «глубоких фейков», образов «поддельных людей», использования информационных ботов для расширения общественно-политической повестки через внедрение международного заидеологизованного чужеродного «мейнстрима», формирования «пузыря фильтров», тотального наблюдения для сбора личной информации.

В итоге, развитие технологий искусственного интеллекта будет создавать мощные перспективы для нашей страны только при условии

внимательного учета как позитивных, так и негативных последствий его внедрения. В полной мере это относится и к военной безопасности страны, к информационной безопасности ее Вооруженных Сил, не менее активно внедряющих сегодня в сферу воинской деятельности системы и комплексы, основанные на возможностях машинного интеллекта и искусственных нейронных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016. Stanford, CA: Stanford University. 2016. Р. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://ai100.sites.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016fn1_singles.pdf (дата обращения: 20.07.2020).
2. Каждому возрасту – свои сети. – ВЦИОМ. Пресс-выпуск – № 3577. 12.02.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>. (дата обращения 25.07.2020);
3. Вся статистика Интернета на 2019 год в мире и в России. – WebCanare. 11.02.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.web-canare.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>. (дата обращения 25.07.2020).
4. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. – 2020. – Том 28. – № 1. – С. 85-92.
5. Багдасарян В.Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и постчеловек: проблема ценностного программирования. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 84 с.
6. Neff G., Nagy P. Talking to Bots: Symbiotic Agency and the Case of Tay. In: International Journal of Communication, 2016, vol. 10, pp. 4915-4931.
7. Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots. In: Social Media + Society, 2018, vol. 4, no. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780>. (Дата обращения 17.08.2020).
8. Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н. Искусственный интеллект и новые угрозы информационной психологической безопасности // Russia in global affairs. 2019. № 1 (январь-март). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/artificial-intelligence-and-new-threats-to-international-psychological-security/>. (Дата обращения 17.08.2020).
9. Небренчин С.М. Суверенная безопасность России. Сборник актуальных публикаций (дайджест). – М.: Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры, 2018. – С.136.
10. Стрельцов А.В. Суверенитет и юрисдикция государства в среде ИКТ // «Международная жизнь». – 2017. – Февраль. – С.95-96.

КАРПОВИЧ В.В.

научный сотрудник военного института (управления национальной обороной)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

генерал-майор ЦОКОВ О.Ю.

слушатель факультета национальной безопасности и обороны государства
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается управление национальной обороной государства в кризисных ситуациях как деятельность органов государственного и военного управления в сфере военной безопасности. Проведен анализ условий и факторов, оказывающих влияние на управление национальной обороной в кризисных ситуациях.

Ключевые слова: военная безопасность, военно-политическая обстановка, кризисная ситуация, национальная оборона, Национальный центр управления обороной Российской Федерации.

Управление национальной обороной как составная часть государственного управления в Российской Федерации складывалось одновременно с развитием системы органов государственной власти и прошло долгий исторический путь своего развития. Сегодня под управлением национальной обороной понимается реализуемый органами государственного и военного управления циклический процесс поиска, сбора, обработки и анализа информации о текущей ситуации в сфере военной безопасности государства, прогнозирования ее изменения, формирования управленческих решений, доведения их до исполнителей и контроля достигаемых результатов [1].

Условием успешного исследования проблем военной безопасности страны, практического решения задач ее обеспечения является рассмотрение характера существующих международных и внутригосударственных отношений, выявление источников опасностей и угроз. На этом фоне в действующих руководящих документах появился новый (как характеристика состояния военно-политической обстановки) термин – «кризисная ситуация».

Кризисная ситуация определяется как дестабилизация военно-политической обстановки в определенном районе (регионе) вследствие

усиления противоречий между противоборствующими сторонами, сопровождаемая реальной угрозой применения (применением) военной силы, возникновения военного конфликта и требующая принятия комплексных мер со стороны военно-политического руководства государства (коалиции государств) для предотвращения и ликвидации угрозы (стабилизации обстановки).

В современных условиях ее разрешение (предотвращение) может быть достигнуто только эффективным управлением разведомственными силами, средствами и ресурсами государства.

Анализ основных условий и факторов, влияющих на управление обороной Российской Федерации в кризисных ситуациях, заключается в определении объективных причин, способствующих или затрудняющих решение задач управления национальной обороной в этот период, и осуществляется с учетом прогноза их развития в ходе возможных критических ситуаций.

Исследования показали, что на управление обороной государства в кризисных ситуациях влияют внешние и внутренние факторы (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Основные условия и факторы, влияющие на управление обороной Российской Федерации в кризисных ситуациях

К основным внешним условиям и факторам можно отнести:
 состояние военно-политической обстановки;
 состояние сил и средств конфликтующих сторон;
 наличие договорных обязательств между участниками конфликта;
 участие государства в региональной и глобальной безопасности;
 физико-географические условия;
 оперативное оборудование ТВД;
 наличие экстремистских и террористических организаций и другие факторы.

К основным внутренним условиям и факторам относятся:
 военная политика,
 социальные;
 правовые;
 технологические;
 информационные;
 состояние военной организации государства;
 военно-технические;
 экономические и т.д.

Рассмотрим основные из них.

Складывающаяся военно-политическая обстановка в мире характеризуется ростом глобальной и региональной нестабильности.

Анализ руководящих документов США показал, что политика Вашингтона направлена на удержание доминирующего положения в мире. Для этого США планируют так называемые «неограниченные упреждающие действия» наступательного характера, которые направлены в первую очередь на обеспечение беспрепятственного доступа и установление контроля к районам сосредоточения стратегических ресурсов. В соответствии с федеральным законом США «О противодействии противникам Америки посредством санкций», принятом в 2017 году, и документа НАТО «Обобщенная оценка угроз Североатлантическому союзу» Россия официально считается противником, подлежащим сдерживанию.

В перспективе необходимо учитывать, что США будут предпринимать действия по вытеснению России из стратегически важных регионов мира и увеличивать конфликтный потенциал по всему периметру границ России.

Важным фактором, оказывающим влияние на управление национальной обороной в кризисных ситуациях, является ***состояние вооруженных сил противоборствующих сторон.***

На сегодняшний день американские вооруженные силы являются самыми боеспособными из всех армий иностранных государств. Они укомплектованы личным составом и обеспечены вооружением и военной техникой практически на 100 %. Исправность техники в зависимости

от типа находится в пределах 70-100 %, а доля современных образцов вооружения колеблется от 68 до 100 %.

В составе соединений и воинских частей большое количество военнослужащих, получивших боевой опыт в вооруженных конфликтах.

С учетом оценки результатов развития за последние годы вооруженных сил России и Китая американской администрацией поставлена задача Пентагону повысить боеспособность и техническую оснащенность своих вооруженных сил до уровня, позволяющего, во-первых, одержать гарантированную победу в крупном вооруженном конфликте с сопоставимым по силе противником, во-вторых, обеспечить одновременное сдерживание еще одного потенциального агрессора и, в-третьих, сохранить способность эффективно проводить контртеррористические операции за рубежом.

Ключевым условием удержания военного превосходства в Белом доме считают наращивание расходов на оборону с акцентом на создание и закупку перспективных образцов вооружения и техники.

В частности, военный бюджет США на текущий год утвержден в объеме 725 млрд долл., а к 2024 году Вашингтон планирует нарастить ежегодные ассигнования на оборону до уровня 800 млрд долл. Это превышает совокупность годовых военных бюджетов всех европейских государств, а также России, Китая и Японии вместе взятых.

Значимым фактором, негативно влияющим на глобальную безопасность, является то, что Вашингтон последовательно освобождается от взятых на себя **договорных обязательств** в области контроля над вооружениями.

Так, в 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора по противоракетной обороне. Со 2 августа 2019 г. по инициативе США ушел в историю Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Основной целью выхода США из этого Соглашения является повышение возможностей по силовому сдерживанию России и Китая путем создания угрозы нанесения превентивного удара по объектам стратегических наступательных сил, государственного и военного управления.

Силовое сдерживание России предполагается осуществлять США за счет развертывания по периметру границ Российской Федерации и Китайской Народной Республики американских наземных ракетных комплексов средней дальности с баллистическими и крылатыми ракетами, способными за короткое время поражать критически важные объекты.

Для реализации своих планов США в одностороннем порядке вышли из Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Белым домом декларируется вариант выработки нового соглашения с участием не только России и США, но и Китая.

По замыслу Вашингтона, договоренность должна ограничивать все виды ракетно-ядерного оружия России, в том числе и перспективного.

В свою очередь, отсутствие договоренностей позволит американской администрации предпринимать шаги по бесконтрольному наращиванию количественного состава ядерных вооружений. Развал этого соглашения приведет к утрате единственного оставшегося механизма контроля в сфере стратегических вооружений – инспекционной деятельности на объектах стратегических наступательных сил.

В итоге возможно обострение взаимного недоверия и новый виток гонки вооружений.

Участие России в работе международных организаций является фактором, способствующим объединению усилий государств по снижению вероятности возникновения военных конфликтов.

Расширение круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, расширение взаимодействия с государствами-участниками БРИКС (Федеративная Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика) способствует укреплению международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН.

Кроме того, укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Шанхайской организации сотрудничества, взаимодействие с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия в целях обеспечения совместной обороны и безопасности, поддержание равноправного диалога в сфере европейской безопасности с Европейским союзом и НАТО, содействует построению в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах.

Работа России в таких организациях позволяет более эффективно решать вопросы региональной и глобальной безопасности.

Физико-географические условия относятся к группе сезонных факторов, оказывающих влияние на управление национальной обороной.

В ходе оценки влияния физико-географических условий на управление войсками (силами) рассматриваются: рельеф, климат, гидрография, растительность (залесенность), почвогрунты.

Одним из важнейших факторов, влияющим на управление группировками войск (сил), является оперативное оборудование ТВД, которое включает комплекс мероприятий по обеспечению Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, спасательных воинских формирований МЧС России объектами оборонной инфраструктуры.

Под объектом оборонной инфраструктуры понимается комплекс зданий, сооружений и технических систем с размещенными в них стационарным оборудованием и техническими средствами, технологически связанных между собой, или отдельное здание (сооружение).

Совокупность объектов инфраструктуры страны, предназначенных для обеспечения подготовки и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии, спасательных воинских формирований МЧС России составляют оборонную инфраструктуру страны.

Военная политика Российской Федерации представляет собой деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников.

Она является составной частью общей политики государства и направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Социальный фактор включает в себя демографическую ситуацию, уровень жизни, состояние трудовых ресурсов, криминальную ситуацию и другие условия, определяющие и формирующие отношение личности, воинских коллективов, организаций к происходящим явлениям и процессам в обществе.

Технологический фактор представляет собой совокупность условий, которые оказывают влияние на производство ВВСТ в мирное и военное время, поиск и разработку принципиально или качественно новых средств управления войсками (силами), средств ведения вооруженной борьбы, методы и способы создания и эксплуатации ВВСТ (в том числе и средств связи).

Для совершенствования систем управления военно-технический фактор необходимо рассматривать в части потенциальных возможностей военно-промышленного комплекса государства по созданию более совершенных средств связи и технологий (приема, передачи, обработки и представления информации), а также создания перспективных систем материально-технического обеспечения ВВСТ.

Решение технологических проблем направлено, в первую очередь, на повышение качества и оперативности принимаемых решений в области управления обороной и эффективность взаимодействия органов государственного и военного управления и ФОИВ.

Информационный фактор оказывает существенное влияние на информационную безопасность Российской Федерации и управление национальной обороной.

Роль информационного фактора возрастает в связи с развитием информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности и в ходе развития технического прогресса эта зависимость будет возрастать [2].

Состояние военной организации России по управлению в кризисных ситуациях выступает фактором обеспечения ее возможностей в области национальной безопасности в настоящее время.

Задачи несения боевого дежурства и управления повседневной деятельностью Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляет Национальный центр управления обороной Российской Федерации. Он объединяет систему аналогичных центров во всех звеньях управления, а также в федеральных органах исполнительной власти, решающих задачи в области обороны [3].

Военно-технические факторы представляют собой совокупность условий, которые оказывают влияние на производство ВВСТ в мирное и военное время, поиск и разработку принципиально или качественно новых средств управления войсками (силами), средств ведения вооруженной борьбы, методы и способы создания и эксплуатации ВВСТ (в том числе и средств связи).

Для совершенствования систем управления национальной обороной военно-технический фактор необходимо рассматривать в части потенциальных возможностей военно-промышленного комплекса государства по обеспечению систем управления более совершенными средствами связи и современными технологиями (приема, передачи, обработки и представления информации).

Изменение характера вооруженной борьбы определяет отличительные особенности ведения военных действий. К ним с большой вероятностью можно отнести смещение усилий вооруженной борьбы в воздушное (в перспективе – в воздушно-космическое) пространство, применение оружия на новых физических принципах, информационную борьбу и др. Эти особенности оказывают существенное влияние на структуру системы управления группировок войск (сил).

Применение оружия на новых физических принципах создает объективную необходимость совершенствования систем управления, внедрение мобильных (подвижных) пунктов управления, оптимизацию органов управления, применение новых средств управления.

Их совершенствование напрямую связано с развитием науки, оборонно-промышленного комплекса и подготовкой специалистов в соответствующих сферах деятельности.

Совокупность условий и факторов, обуславливающие экономическими противоречиями, в отдельных случаях могут рассматриваются как угрозы, создающие прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере.

Таким образом, анализ условий и факторов, влияющих на управление обороной Российской Федерации в кризисных ситуациях, позволяет определить и учитывать те из них, которые могут способствовать или затруднять работу органов управления при разрешении кризисных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Сазыкин А.М., Сауренко Т.Н. Методологический подход к формализации показателей эффективности комплексного применения разнородных ресурсов в интересах национальной обороны // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2017. – 11-12 (113-114). – С. 3-9.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/182535/>. (дата обращения 12.07.2020).

3. Выступление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первого заместителя Министра обороны Российской Федерации генерала армии Валерия Герасимова на открытом заседании Коллегии Минобороны России 7 ноября 2017 г. // mil.ru. 07.11.2017 – Официальный сайт Минобороны России [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://stat.mil.ru/cism2017/multimedia/more.htm?id=12149743%40egNews>. (дата обращения 12.07.2020).

КАФТАН В.В.

доктор философских наук, профессор
профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса
Финансового университета при Правительстве РФ

**ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: В статье указывается, что ценностное измерение проблем национальной безопасности государства представляет особый интерес в силу того, что оно затрагивает глубинные смыслы воинского служения, готовности гражданина к защите своей Родины. Каждой цивилизации присущи собственные ценностные ориентиры, выработанные в процессе развития духовной жизни народа. Среди таких смысложизненных ценностей российской цивилизации рассматриваются ценности правды, спасения, соборности и всеединства. Будучи разработанными в рамках отечественной философской мысли XIX в., в наше время они наполняются новым содержанием и противостоят экспансии навязываемых извне глобалистских ценностей деструктивного характера. Доказывается, что стабильное существование и развитие государства российского тесно связано с сохранением традиционных аксиологических оснований его бытия.

Ключевые слова: ценность, ценностная система, ценностное противоборство, правда, соборность, спасение, всеединство

На выбор тех или иных ценностных ориентиров, избрание мотивов поведения и духовных идеалов каждым человеком в значительной степени влияет система ценностей, имеющаяся в том или ином обществе и государстве. Личность будет осуществлять социальные действия только из-за вещей, которые ценит и считает для себя полезными и желательными, т.е. ценностей. Ценности в данном случае служат толчком, необходимым условием для любого рода взаимодействий, в том числе и социально-политических.

Для стабильного функционирования и динамичного развития российского общества имеет большую важность устойчивость ее духовно-ценностной системы, ведь именно она в значительной мере задает упорядоченное множество целей, идеалов, определяющих конкретные программы поведения людей, их мыслительные ориентации и мироощущение, мировосприятие и мировоззрение в целом. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации подчеркивает, что основой общероссийской идентичности объявляется «сложившаяся система духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [1].

Духовными ценностями выступают те идеальные, а также материальные или материально-идеальные явления и процессы бытия, их свойства и элементы содержания, которые способны удовлетворять потребности и интересы людей по становлению, развитию и воспроизводству сознания, мировоззрения и социальных качеств, по сохранению и приумножению духовной культуры общества. При таком подходе ценностями выступают, прежде всего, явления и процессы, способные возвышать сами потребности и интересы по воспроизводству сознания и мировоззрения людей, духовной культуры общества. Поэтому духовные ценности связываются с гуманизмом, нравственностью, правом, гуманистической религиозностью, художественно-эстетическими критериями и другими положительно значимыми для человека и общества феноменами.

Способами функционирования духовных ценностей определяется их роль и значение в жизни государства. Будучи порождением жизнедеятельности конкретного социума, духовные ценности отражают в себе основные черты этой жизнедеятельности в снятом виде. Это дает основание говорить о существовании духовных ценностей как индивидуальных и надындивидуальных образований. Взятые вместе, они образуют ядро духовного мира личности, общества и государства, их духовную основу, обеспечивающую целостность и преемственность индивидуального и общественного развития, их самоидентичность.

Система ценностей – это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное существование, так как именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл. П. Сорокин усматривал в наличии целостной устойчивой системы ценностей важнейшее условие внутреннего социального мира. Когда их единство, усвоение и гармония ослабевают, то «увеличиваются шансы гражданской войны в обществе» [2; 492-493].

Большой интерес представляет собой сопоставление российской и западной ценностных систем. Опираясь на мнение В.А. Лепехина [3], попробуем сравнить основные ценности данных цивилизаций (Таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительная таблица российской и западной ценностных систем

Российская ценностная система	Западная ценностная система
многополярный мир	глобализм
многообразие самобытностей	универсальность
равенство цивилизаций	превосходство Запада
духовное развитие	материальное благоденствие
соборность	политический плюрализм
сохранение различий пола	всеобщее гендерное равенство
традиционная семья	разрушение семьи
коллективизм	индивидуализм

вера	агностицизм, атеизм и секуляризация
правда	политкорректность
любовь	абсолютизация сексуального влечения
свобода для реализации творческого потенциала	свобода от любых социальных обременений
справедливость	правовая легитимация

Как видно из представленной таблицы, ценностные системы России и Запада различаются принципиально. Джеффри Сакс, один из видных идеологов неолиберальных реформ в России, советник правительства Е. Гайдара по вопросам «шоковой терапии» экономики, заявил о причинах провала политики 1990-х и бесперспективности применения для России универсальных для западной цивилизации схем следующим образом: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [4; 106].

Если общественные и индивидуальные интересы и потребности, имея свою внутреннюю иерархию, постоянно перестраиваются в зависимости от текущего состояния жизненных отношений субъекта, то духовные ценности, напротив, формируя основу духовного мира личности, социальной группы и общества в целом, являются выразителем стабильного и устойчивого, выступают определенными целевыми ориентирами жизни каждого субъекта социального развития.

Все народы мира отличаются собственным духовным лицом, ментальностью, целой системой приоритетных духовных ценностей, ориентирами. Существует понятие «американской мечты», под которой понимается общество равных стартовых возможностей и культ частного предпринимательства, воплощенный в статуе Свободы. Существует понятие «германского духа», олицетворяющегося в послушании и дисциплине, выражением которого является «железный порядок». А есть «русская душа», понятие, остающееся загадкой для Запада. Под ним понимается национальный характер как результат и дар исторической судьбы российского народа, тесно связанный с его государственностью.

Представляет особый интерес восприятие русской души иностранцами, искренне полюбившими Россию. Генерал-фельдмаршал Х.А. Миних, немец-саксонец по национальности, будучи сподвижником Петра I, отстранившим от власти временщика императрицы Анны Иоанновны Бирона, полководцем, не проигравшим ни одной битвы, впервые разбившим в полевом сражении турецкую армию и захватившим Крым, произнес слова, которые свидетельствуют о том, что он сам стал душой русским: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует».

Французский дипломат и писатель маркиз Э.М. де Вогюэ, который неоднократно бывал в России и был женат на фрейлине российской императрицы Анненковой, в сборнике своих писем, отправляемых дипломатической почтой на родину «Зимние рассказы» (1885), вывел

формулу русской души: «Это большой котел, в котором перемешиваются самые разнообразные субстанции: безумства, печаль, героизм, мистика, слабость, здравомыслие, и отсюда вы можете вытянуть все, что потребуется, даже то, что не ждете вообще. Если бы вы были осведомлены, как может низко пасть эта душа! Если бы вы хотя бы догадывались, как высоко подняться она может! И как из стороны в сторону ее швыряет».

Немецкий мыслитель В. Шубарт указывал на цивилизационную миссию русского народа – «всечеловека». По его мнению, Запад «утратил душу», подарив человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но он рассматривает «жизнь как рабскую, наступив ей ногой на шею», он «смотрит полный властолюбия, злыми враждебными глазами глядит вниз, на землю», при этом англичанин хочет видеть мир, наживаясь на ближнем, как фабрику, француз – импонировать ближнему, как салон, немец – командовать ближним, как казарму. Русский же человек одержим не волей к власти, а чувством примирения и любви. Он исполнен не гневом и ненавистью, а глубочайшим доверием к сущности мира. Он видит в человеке не врага, а брата». Он не желает превращать ближнего в свое средство. Это братство русского сердца и русской идеи [5].

Значительная часть отечественных специалистов в области ценностей – аксиологов полагает, что основными ценностями российского общества являются: *правда* как синтез истины и справедливости; *спасение* как примирение обособленности и всемирности и *соборность* как гармония свободы и единства [6; 19]. К этому стоит добавить и интегрирующую ценность *всеединства*.

Правда – это основополагающая ценность русской культуры, она выполняет императивно-контрольную функцию, выступая в качестве должного, которому следует подчиняться, и критерия, с которым необходимо сверять общественную и личную жизнь.

Н.А. Бердяев был убежден, что «миссия русского народа создается как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире» [7; 120-121]. Но если правда является всеобщей, то ее должны осознать и признать все люди. В этом общем понимании правды и желании жить по правде, в сущности, и заключается главный способ ее проверки, специфичный для российской культуры. Главным признаком такой «всеобщей правды», в идеале, становится то, что она не может быть навязана силой, но должна быть принята по общему согласию и во взаимной любви.

В противовес правде западной ценностью начинает выступать *политкорректность*, когда во имя абстрактного равенства можно пойти на искажение любых фактов, в том числе и исторических. Так, в декабре 2015 года мэр Нового Орлеана М. Ландре в ходе избирательной компании выступил с инициативой сноса памятников конфедератам «белым

расистам» – сторонникам проигравшей в гражданской войне США (1861-1865) Юга. Не помогли 30 тыс. подписей протестующих против сноса местных жителей и то, что ряд памятников входил в Национальный реестр исторических монументов США – в мае 2017 года эти памятники были демонтированы, эпидемия уничтожения своего прошлого охватила всю страну и продолжается до сих пор.

Потомки проигравших конфедератов, испытывая гордость своими предками, которые сражались за дело, которое считали правильным, восхищаясь их самопожертвованием и безупречной честью их предводителей, не запятнавших себя военными преступлениями и чтя память о них, возвели множество монументов, барельефов и памятных знаков, которые сегодня не только сносятся по решению местных властей, но и подвергаются надругательству бесчинствующей толпой, как это произошло, например, в городке Дарем в штате Северная Каролина, где была сброшена с пьедестала с надписью «В память о мальчиках, носивших серое» (форма конфедератов была серого цвета, в отличие от точно такого же фасона голубой формы северян-янки) бронзовая статуя неизвестного солдата-конфедерата, являвшегося символом всенародного характера войны и понесенных огромных жертв со стороны малонаселенного Юга против людного Севера, выставявшего целые полки авантюристов и наемников со всего мира.

Спасение – это целеполагающая ценность, указывающая высшее состояние, ради достижения которого даже несовершенное земное сообщество может оказаться способным к соборному единению. Россия играла поистине великую и никем не оспоримую роль в истории только тогда, когда она выступала спасительницей человечества от угрозы земного Апокалипсиса. Так было, когда она обескровила монгольскую орду, грозившую растоптать Европу, или защитила мир в войне с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией. Сегодня многие мыслители представляют миссию России в том, чтобы спасти бездуховную цивилизацию Запада. Однако, следует признать, что нашей стране пока не удалось возвыситься до такого социально-нравственного состояния по Достоевскому, при котором она могла бы «светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом...» [8; 81].

На современном историческом этапе в качестве идеала спасения выступает необходимость создания наилучшей формы человеческого общежития, примера братства людей и народов.

Идее спасения всего человечества противостоит западная ценность *спасения избранных*, обеспечение достойного существования только исключительной группе людей, отобранных не по своим творческим, научным или культурным заслугам перед человечеством, а обусловленных

принадлежностью к определенному имущественному цензу. В последние годы появляется все больше заявлений о том, что планета не может выдержать дальнейшего развития общества потребления, главным принципом которого является: «купи, используй, выбрось и купи снова» и дальнейшего увеличения населения Земли. Даже программа существования материального, избыточно обеспеченного так называемого «Золотого миллиарда», состоящего из жителей наиболее развитых стран Европы и Северной Америки трещит по швам.

В этих условиях мировые элиты по заветам Т. Мальтуса всеми силами стремятся ограничить рождаемость. Именно на эту цель, а не усиление заботы о семьях и материнстве, ориентированы организации по планированию семьи, забота об использовании контрацепции широкими массами, поддержка на уровне государства однополых браков, развитие субкультуры и идеологии «Childfree» (англ. «свободные от детей») как в крайней степени эгоистически настроенных супружеских пар, добровольно отказывающихся от заведения детей, под видом того, что их отсутствие является привилегией развитого общества. Между тем для представителей элит не только сохраняется возможность комфортного существования, но и избегания указанных ограничений, а перспективные разработки в сфере медицины, генной инженерии, биологических технологий, позволят существенно продлить срок жизни для их представителей.

Соборность – есть гармония свободы и единства людей, она мыслится как «свобода в единстве» и «единство в свободе» и достигается на основе взаимной любви. Важнейшая ценность российского общества – органическое единство общего и единичного, которое нашло выражение в понятии соборности. Это центральное понятие русской философии, введенное А.С. Хомяковым, означает целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям [9]. Соборность – одно из главных духовных условий национального единства и создания России.

А. Гулыга утверждает, что соборность отличается от других видов общности, таких как появившееся сегодня на Западе новое интеллектуальное увлечение, привлекающее новый интерес к проблеме общности – коммунитаризм, своей открытостью, общедоступностью и человечностью и именно ей принадлежит будущее. «Будущее человечества – в высокой общности, где личность полностью раскрывает себя. Идея соборности решает эту проблему, проблему космической эпохи» [10].

Соборность как всеобщность людей подменяется *господством меньшинств*, когда свобода, доведенная до Абсолюта, становится безграничным проявлением вседозволенности лишь какой-то части общества. Это нарушает сами принципы демократии как власти большинства, теперь тон в политике, социальной и даже религиозной жизни задают культурные, этнические, сексуальные меньшинства.

Так, в 2016 г., папа римский Франциск заявил, что христиане на Западе стали подвергаться «вежливым гонениям», которые «отнимают у мужчин и женщин их свободу, а также их право на возражение, продиктованное убеждениями»: «когда власть имущие хотят навязать правила поведения и законы, посягающие на достоинство сына Божьего, они подвергают их гонениям и идут против Творца. Это величайшая ересь».

При этом собратья по вере, стесняясь, что они «исповедуют старомодную веру» не только не выступают против таких гонений, но и всеми силами пытаются отмежеваться от католиков, которые выступают, например, против культа вседозволенности в сексуальных отношениях. Декана юридического факультета Оклахомского университета Б. Макколл сняли с должности за его «женоненавистнические» и «гомофобские» взгляды, хотя он всего лишь придерживается традиционных христианских идей о скромности и о природе брака, при этом на него ополчились не только сторонники ликвидации любых социальных барьеров, но и сами «христиане, желающие польстить и услужить нерелигиозному высокому начальству», «называя их озлобленными, бесчувственными и нетерпимыми. Короче говоря, невежливыми» [11].

Раскрытием идеи соборности является ценность **всеединства**. С.Л. Франк утверждал, что «всеединство выступает как такое состояние мира и человека, в котором воплощается идеал соборности. Мир и человек предстают как становящееся всеединство, где осуществляется гармонизация единого и многого, преодолеваются крайности тоталитаризма и индивидуализма. По отношению к другим культурам всеединство проявляется как всечеловечность, открытость иному» [12; 164-165].

Духовная концепция всеединства, созданная В.С. Соловьевым, выражает органическое единство мирового бытия, взаимопроникновение составляющих его элементов при сохранении их индивидуальности. Соловьев определяет всеединство следующим образом: «Я называю истинным или положительным всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотой; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь, в них как полнота бытия» [13; 63]. Такое понимание Всеединства создает условия для взаимодействия разных культурных направлений и религиозных конфессий на духовной почве [14; 348].

Альтернативу всеединству составляет транслируемый Западом принцип *унификации* культур, языка, традиций, которое навязывается в процессе глобализации. Сегодня в мире насчитывается 6 809 «живых» языков, – утверждает британец Б. Сазерленд в журнале Nature, – но на 90 % из них говорит менее 100 тыс. человек. За последние 500 лет исчезло около 4,5 % от общего числа описанных языков. С 1600 года вышли из употребления 52 из 176 языков, на которых говорили племена

Северной Америки [15]. Немецкий славист Г. Пфандль считает, что в XXI веке умрет около 1000 языков. Русскому языку это не грозит, языки, которые насчитывают по 200 тыс. носителей, имеют внутренние механизмы для защиты. Но среди 150 языков малых народов России около 100 – на грани исчезновения [16].

После прекращения существования Советского Союза ряд бывших советских республик: Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан, ссылаясь на успешный опыт существования в 1930-е годы латинского алфавита своих национальных языков, вызванного проводимой большевиками политикой «коренизации» народов СССР и упрощением взаимодействия между пролетариатом разных стран в случае победы в ходе мировой революции советского варианта глобализации, совершили перевод своего письменного языка с кириллицы на латиницу. Латинизация алфавита и отказ от кириллицы стали одной из главных тенденций языковой политики постсоветских стран. Власти Монголии, где в течение уже более 80 лет русский алфавит является основой государственного языка, а также бывших союзных республик Киргизии и Украины, задумываются о возможности свершения такого рода перехода. И если в них латинизация алфавита остается лишь предметом спора и дискуссий, то в Казахстане она в полном разгаре.

В 2017 году президент Казахстана Н.А. Назарбаев подписал указ о поэтапном переводе алфавита казахского языка на латинскую графику до 2025 года. Тогда же был утвержден новый алфавит казахского языка из 32 букв. Данное решение Назарбаев обосновал современной технологической средой, коммуникациями, а также особенностями научного и образовательного процесса XXI века. Многие эксперты связывают указ Назарбаева о переходе на латинский язык с желанием улучшить сотрудничество с Турцией и тем самым усилить позиции в исламском мире. Однако последствиями такого решения может стать потеря всего пласта письменной национальной культуры, впервые созданной на национальных языках, но русским алфавитом, за годы существования советской власти, которая заботливо выращивала и поддерживала представителей республиканских культурных элит. Между тем пример Узбекистана показывает, что с введением латиницы в целом уровень образованности существенно снизился, а в быту продолжают существовать кириллические надписи.

Как отмечал американский политолог С. Хантингтон, различные виды культурной идентификации, которые на самом широком уровне являются соотношением себя с той или иной цивилизацией определяют сегодня модели политической сплоченности, дезинтеграции и конфликта [17]. Переход на латинский алфавит является следствием ослабления позиций России на постсоветском пространстве и связан со стремлением этих стран выйти из-под влияния общего для России и данных народов культурного пространства, веками разрабатывавшегося в совместной деятельности поэтов, писателей, деятелей искусства и стать

безликой частью глобализированной культуры Запада, в значительной мере утратив свою самотождественность.

Необходимо признать, что в настоящее время противоречия, возникающие между различными ценностными системами в процессе их взаимодействия, предполагают отношения противоборства, то есть действий, которые направлены друг против друга, в которых сталкиваются между собой противоположные ценности, ценностные системы и сами носители указанных ценностей. Русский историк Н.М. Карамзин в «Записках о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», несмотря на свои либерально-западнические убеждения, предостерегал от необдуманного копирования западных ценностей и духовных ориентиров: «Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного». Особое внимание по мнению писателя следует сосредоточить на обеспечении безопасности, в первую очередь духовной: «Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Будите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого» [18; 33].

Таким образом, аксиологическими доминантами в противовес индивидуалистическому началу для всего российского общества следует считать: ценностные идеалы соборности, всеединства, духовной свободы, неспособности удовлетвориться нарастанием внешних материальных благ, отказа примириться с укоренившимися формами общественной неправды, взаимодействия разных культурных направлений на духовной почве. Система традиционных ценностей для российского общества есть необходимая и продолжающаяся во времени живая связь, посредством которой осуществляется международная, межнациональная, межличностная коммуникация и внутриличностная рефлексия человека как активного участника социального бытия.

Противостояние навязываемым духовным ценностям возможно на пути сохранения и развития духовно-ценностного выбора, который представляет собой триединый процесс формирования взаимосвязи личности с прошлым, настоящим и будущим. Сегодня главная задача российской государственности заключается в сохранении и защите того духовно-ценностного богатства, которое досталось современной России от ее предков, возрастало, наращивало силы и крепло на всем длительном пути поиска и развития ценностной идентичности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 31.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 17.08.2020).

2. Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
3. Лепехин В. Запад: русских нужно уничтожать, потому что у них «неправильные» ценности // RusNext.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1458481104. (дата обращения: 27.08.2020).
4. Шенин С.Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. – Вып. 1. – 124 с.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 446 с.
6. Кочеров С.Н. Русская идея как социокультурный феномен: концептуальный, историософский и аксиологический анализ: Автореф. дис. ...д-ра филос. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 36 с.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Ноябрь. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972-1984. – Т. 26. – 518 с.
9. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М.: Современник, 1988. – 462 с.
10. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. – М.: Соратник, 1995. – 310 с.
11. Шмитц М. Начались новые гонения, а вместе с ними возник коварный соблазн // Catholic Herald. 2019. 14 фев. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://inosmi.ru/social/20190214/244572181.html>. (дата обращения: 31.08.2020).
12. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис, 1994. – 217 с.
13. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – 421 с.
14. Карсавин Л.П. Пути православия. Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. – 532 с.
15. Более 6 тысяч языков находятся под угрозой исчезновения // NEWSru.com. 15.05.2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.newsru.com/world/15may2003/language.html>. (дата обращения: 17.08.2020).
16. Новоселова Е. Москва-Петушки: за языком и обратно // Российская газета. – 2005. – 7 апреля.
17. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2008. – 635 с.
18. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 125 с.

КОЗИН В.П.

член-корреспондент Академии военных наук России, ведущий эксперт
Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России

**О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В США И НАТО**

Аннотация. США и НАТО продолжают линию на искажение военной политики Российской Федерации с целью ее дискредитации в рамках непрекращающейся против нее информационно-пропагандистской войны. Такая критика заметно усилилась в последние годы. Уровень противодействия ей с российской стороны остается высоким, но еще недостаточно широким и не всегда наступательным. Представляется целесообразным провести представительное межведомственное совещание по особенностям противодействия нападкам ведущих стран Запада на военную политику России (с участием ключевых федеральных российских СМИ).

Ключевые слова: информационная война, контрпропагандистская работа, фальсификации военной политики, США, основания для применения ядерного оружия, ядерная стратегия, боезаряды малой мощности, система ПРО, Договор СНВ-3, контроль над вооружениями.

Наряду с активной фальсификацией начала, хода и итогов Второй мировой войны ведущие страны-члены Североатлантического союза во главе с США прибегают к искажению современной военной политики России, преследуя далеко идущие и деструктивные цели.

1. Цели с внешними и внутренними последствиями.

Информационные нападки на современную военную политику России со стороны ведущих стран Запада и их сателлитов имеют внешние и внутренние последствия.

Цели с внешними последствиями предполагают создание в мире устойчивого искаженного представления о Российской Федерации как о стране, мол, приблизившей свои военные потенциалы к государствам трансатлантического альянса, нарушающей международные обязательства в области контроля над вооружениями, а также стремящейся развязать локальную и даже глобальную ядерную войну. Цели с внешними последствиями также предполагают перманентное сохранение образа России на международной арене в трех проявлениях: в качестве «противника, агрессора и аннексора». Ни в одном официальном документе США и НАТО нет таких терминов, как «партнер» или «коллега» применительно к Российской Федерации, но зато повсеместно

употребляются все три названных ярлыка. Такими необоснованными характеристиками ведущие страны Запада и их союзники оправдывают свои собственные масштабные военные приготовления, имеющие антироссийскую направленность, а также размещение вблизи территории России значительных комбинированных военно-силовых потенциалов передового базирования.

Цели с внутренними последствиями ориентированы на выработку у граждан Российской Федерации и ее союзников комплекса неполноценности и неуверенности в том, что ее Вооруженные Силы смогут в полном объеме обеспечить обороноспособность и национальную безопасность российского государства, а также безопасность и суверенитет ее союзников и друзей. Названные цели преследуют культивирование у отдельных несведущих граждан страны негативного отношения к военным расходам России и мотивам модернизации ее Вооруженных Сил.

При этом не учитывается, что в 2024 финансовом году администрация Дональда Трампа предлагает израсходовать на военные цели 796,2 млрд долларов. Она же подтвердила готовность выделить на создание новой «триллионной» стратегической ядерной триады в ближайшие 30 лет от 1,2 трлн долларов (в неизменных ценах) до 1,7 трлн долларов (в ценах с учетом предполагаемой инфляции). Ни одно другое государство в мире не может позволить себе расходовать столь огромные денежные средства на военные нужды.

2. Основные обвинения Запада в адрес военной политики России.

Соединенные Штаты и НАТО используют широкий спектр приемов по искажению военной политики России. Основными из них являются: целенаправленное распространение лживой информации о неких «нарушениях» российской стороной договорных актов в области сокращения вооружений и ограничения военной деятельности, искаженная интерпретация ядерной доктрины Российской Федерации и резкая критика новых видов перспективных российских вооружений.

Повышенная активность на этом направлении стала особенно заметной при нынешней республиканской администрации в США.

Для этого созданы **новые пропагандистские организационно-штатные структуры**. В этом году в Государственном департаменте США создан специальный Интернет-ресурс, на котором размещаются негативные информационно-пропагандистские материалы, искажающие военную политику России и ее подход к контролю над вооружениями. К сожалению, пока только одно подразделение в гражданском российском вузе в критическом плане реагирует на такие публикации. С целью отвлечения от своих глобальных комбинированных военных приготовлений администрация Дональда Трампа запустила инициативу:

«Формирование обстановки для ядерного разоружения» или сокращенно по-английски «CEND» с неясными целями и методами.

На этом направлении укреплена кадровая составляющая. Дональд Трамп назначил на ключевые посты в военном и во внешнеполитическом ведомствах страны лиц, которые по своим убеждениям являются твердыми «ястребами», активно и целенаправленно распространяющими небылицы о российской военной политике.

Обвинения Вашингтона в адрес России в части, касающейся ее «нарушений» договоров в области контроля над вооружениями, сводятся к недоказанным до сих пор обвинениям в «несоблюдении» Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а также в «нарушении» российской стороной Договора по открытому небу в основном применительно к Калининградской области. В последнее время к ним американская сторона добавила «несоблюдение» российской стороной Конвенции о запрещении химического оружия, Договора об обычных вооруженных силах в Европе и нарушение «президентских инициатив» 1991-1992 годов Джорджа Буша-старшего и Михаила Горбачева. Специальный представитель президента по контролю над вооружениями Маршалл Биллингсли, назначенный на эту должность в апреле 2020 года, сделал ряд публичных заявлений, в которых он бездоказательно обвинил Россию в нарушении, как он выразился, «почти всех договоров» в области контроля над вооружениями, подписанных ранее с американской стороной, а также «в понижении порога применения ядерного оружия».

3. Реальности нарушений Вашингтоном договоров по контролю над вооружениями.

Реальность, связанная с ДРСМД, заключается в том, что за последние 20 лет до выхода Вашингтона из него год назад Пентагон при проверке эффективности ракет-перехватчиков системы ПРО использовал *117 учебных ракет средней и меньшей дальности шести типов* в качестве объектов их реального перехвата ракетами-перехватчиками. Иными словами, столько же раз нарушил этот договор. Такие испытания прошли в период с октября 1999 года по август 2019 года. Все эти случаи отражены в пресс-релизах Управления по ПРО министерства обороны США и в двух докладах по противоракетной проблематике Исследовательской службы американского Конгресса, вышедших в декабре 2018 года и в феврале 2019 года.

Что же касается «нарушения» российской стороной Договора по открытому небу применительно к Калининградской области, то в тексте договора имеется положение, которое разрешает любой его стране-участнице вводить ограничения на полеты зарубежных инспекционных групп в зонах интенсивного воздушного движения пассажирских судов гражданской авиации. В данном случае это положение

распространяется на полетную зону аэропорта «Храброво» – единственного в этом российском эксклаве гражданского аэродрома внутрироссийского и международного значения. С другой стороны, США неоднократно нарушали договорный акт по открытому небу, запрещая российским самолетам с инспекторами на борту осуществлять пролеты над территорией Аляски и Гавайских островов, где размещены ударные и информационно-разведывательные средства американского глобального «противоракетного щита».

Причастность России к «нарушению» **КЗХО** увязана Соединенными Штатами и НАТО в целом в связи с отравлениями отца и дочери Скрипалей в Солсбери в 2018 году неким нервно-паралитическим отравляющим веществом «Новичок», который в России не производится. С другой стороны, именно Вашингтон в нарушение КЗХО не раз снабжал террористов, действующих на сирийской территории, некоторыми видами боевых отравляющих веществ, а также приостановил ликвидацию остающихся огромных запасов собственного химического оружия, несмотря на ранее взятые на себя обязательства.

Российская Федерация полностью выполнила *«президентские инициативы» 1991-1992 годов*: она добровольно, вне всякого переговорного процесса, на три четверти сократила количество тактических ядерных боезарядов. С другой стороны, США нарушили дух этих инициатив, оставляя в Европе и азиатской части Турции свое ядерное оружие вот уже почти 70 лет.

Американская сторона и остальные участники **ДОВСЕ**, входящие в НАТО, вообще отказались ратифицировать его адаптированный вариант ДОВСЕ 1А в отличие от России, которая сделала это. Именно по вине его западных участников эта договоренность так и не стала реальностью.

С нашей стороны много говорится, что США в одностороннем порядке вышли из целого ряда договоров по контролю над вооружениями. Но недостаточно указывается, что администрация Дональда Трампа не желает распространить положения российско-американского *Соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море за внешним пределом территориальных вод и в воздушном пространстве над ним* на подводные лодки сторон, находящиеся в подводном положении. Россия уже дважды безуспешно ставила этот вопрос перед Вашингтоном. Он также не хочет слышать о возможности подписания *Договора о европейской безопасности* и *Договора о предотвращении размещения оружия в космосе*, оба полновесных проекта которых уже давно подготовлены и доведены до мировой общественности.

По вине Соединенных Штатов и остальных участников Организации Североатлантического договора уже длительное время *не решаются три актуальных вопроса обеспечения безопасности* в балтийском регионе,

хотя они активно педалировались в НАТО. Трансатлантический альянс отказался:

1) решать «транспондерную» проблему, раздутую с помощью президента Финляндии;

2) договариваться о взаимном отказе от сближения военных самолетов и боевых кораблей России и НАТО в районе Балтики;

3) условиться о разделении военных учений российских и натовских вооруженных сил на согласованную глубину.

Этот список вполне дает основания включить нынешнего президента США Дональда Трампа в «Книгу рекордов Гиннесса». Поскольку ни один американский президент не разрушил столько международных договоренностей в области контроля над вооружениями, сколько сделал нынешний республиканский президент только за первый четырехлетний срок своего правления.

Следует постоянно обращать внимание мировой общественности на *негативное отношение Соединенных Штатов к 13 проблемам в сфере контроля над вооружениями*, в том числе к шести проблемам, которые имеют прямое или косвенное отношение к ядерному оружию [2].

4. Нападки на ядерную доктрину России: их особенности и главная цель.

Ядерная доктрина СССР, а теперь и России – это объект постоянных нападков США и НАТО. Цель таких выпадов – скрыть опасный наступательный и агрессивный характер ядерной стратегии Соединенных Штатов и НАТО не только применительно к России и КНР, но и для международного мира и глобальной безопасности в целом.

Ложными утверждениями о ядерной доктрине России являются заявления о том, что она якобы имеет положение «*эскалация с целью деэскалации*» («escalation to de-escalation»). Но в российской ядерной доктрине нет таких положений.

После длительного перерыва тема обсуждения некоей будущей договоренности по тактическому ядерному оружию с Россией вновь звучала в заявлениях США и НАТО, но, как всегда, без детализации. Как и прежде, эти призывы не предусматривают вывода таких американских вооружений из Европы, где они уже находятся свыше 70 лет. Одновременно в западных политических кругах и в экспертном сообществе по-прежнему распространяется слух о намерении России применить ТЯО против целой группы государств, входящих в НАТО, якобы с целью защиты там русскоязычного населения.

Такие утверждения Вашингтона дополнились новацией о якобы готовности российской стороны применять ядерные боезаряды малой мощности. Но в российской ядерной доктрине подобные положения также отсутствуют.

Но, с другой стороны, все три вышеназванные ядерные установки имеются в ныне действующей ядерной стратегии, утвержденной администрацией Дональда Трампа в 2018 году. Кроме того, Соединенные Штаты придерживаются еще ряда существенных положений, связанных с ядерным оружием и оказывающих прямое негативное воздействие на стратегическую стабильность в мире.

Затрагивая тему *«понижения порога применения ядерного оружия»* российской стороной, Вашингтон не приводит никаких конкретных доказательств по этому поводу. Подобных фактов просто нет. Их нет ни в «ядерном разделе» действующей с декабря 2014 года Военной доктрины России, ни в Основах ее государственной политики в области ядерного сдерживания, одобренных в июне 2020 года [3, 4]. О понижении порога применения ядерного оружия Соединенными Штатами также говорит тот факт, что они уже установили ядерные боезаряды малой мощности W76-2 на ПЛАРБ «Теннесси» (SSBN 774), которая уже выходила с ними на боевое патрулирование в Мировой океан. По предварительным оценкам, такие боезаряды могут быть установлены на всех остальных ПЛАРБ типа «Огайо», а также на новые подводные ракетоносцы проекта «Колумбия» (SSBN 826).

С другой стороны, действующая американская ядерная стратегия действительно понизила порог применения ядерного оружия. *Эта ядерная стратегия имеет 14 оснований применения ядерного оружия*, часть из которых включает нарочито составленные туманные формулировки, которые позволяют американским ядерным силам нанести первый ядерный удар, в частности, в случае неких «технологических прорывов» или «неожиданных вызовов», или «многочисленных будущих рисков и неопределенностей». Этот показатель необходимо активно доводить до мировой общественности [5].

Ядерные силы США стратегического и тактического уровня придерживаются стратегии *«расширенного ядерного сдерживания»* («extended nuclear deterrence»), то есть стратегии о раскрытии американского «ядерного зонтика» над всеми союзниками по НАТО и над внеблоковыми сателлитами США: Австралией, Израилем, Южной Кореей и Японией.

Кроме того, американские ядерные силы имеют установку на нанесение ядерного удара в соответствии с концепцией *«запуск по предупреждению»* («launch-on-warning»), а также применение ядерного оружия «до пуска» ракетных средств противника («launch-prior-to launch»). В них не делается такой важной оговорки, что это может произойти только после получения достоверной информации.

Соединенные Штаты являются единственным государством в мире, которое имеет со своими союзниками по НАТО *«соглашения о разделении ядерной ответственности»* или «соглашения о совместных ядерных

миссиях» («nuclear sharing agreements»), в ходе реализации которых отрабатываются приемы использования ядерного оружия воздушного базирования, в том числе государствами-членами альянса, не имеющими американского ядерного оружия на своей территории.

Соединенные Штаты и их два ядерных союзника Великобритания и Франция являются единственными государствами в мире, которые имеют на постоянной основе авиационные средства «двойного назначения», в том числе для доставки ядерного оружия, задействованные в рамках операции ВВС НАТО *«Балтийское воздушное патрулирование»*. В ней используются четыре типа самолетов «двойного назначения» блока, то есть способных нести на борту обычные и ядерные авиабомбы.

Такая операция проводится в небе Латвии, Литвы и Эстонии уже в течение последних 16 лет круглосуточно и круглогодично с использованием авиабаз названных государств, соответственно, Лиелварде, Зокняй и Эмари. Недавно в ее зону действия вошла и Польша. Очевидно, что в этой связи надо более решительно и последовательно ***ставить вопрос о полном прекращении этой провокационной операции*** перед всеми пятнадцатью государствами трансатлантического альянса, которые предоставляют свои боевые самолеты и военные аэродромы при ее проведении.

В интересах пропагандистского обеспечения такой акции на европейском континенте нынешнее американское военно-политическое руководство и его союзники по НАТО ведут среди общественного мнения европейских государств целенаправленную информационно-пропагандистскую кампанию. Ее особенность заключается в том, что они допускают критические суждения в общественно-политических кругах против развязывания тотальной ядерной войны, но одновременно глушат голоса протеста против планов развертывания новых американских ракетно-ядерных систем средней дальности, например, в Европе.

Изложенные особенности нынешней американской ядерной стратегии позволяют однозначно квалифицировать ее как *«безусловное наступательное ядерное сдерживание»*, что радикально отличает ее от российской ядерной доктрины, которая в лапидарном виде может быть охарактеризована как *«условное оборонительное ядерное сдерживание»*. Приведенная формулировка нынешней ядерной стратегии США как *«безусловное наступательное ядерное сдерживание»* должна стать достоянием мировой общественности. Она сама говорит за себя.

В последнее время в западных политологических кругах стало распространяться предложение о том, чтобы Россия в одностороннем порядке заявила о готовности *полностью уничтожить свое ядерное оружие в одностороннем порядке* «в качестве примера доброй воли другим государствам, обладающим ядерным оружием». Его реализация привела бы к серьезному подрыву национальной безопасности России

в условиях сохранения ядерного оружия у ядерной тройки НАТО, а также его широкой модернизации в американских ядерных силах.

Критические замечания в адрес ядерной стратегии США изложены в подготовленных в двух монографиях автора: «Эволюция стратегических и тактических ядерных вооружений США и особенности их применения в XXI веке», которые вышли на русском и английском языках в 2019 и 2020 годах объемом в 1080 и 1280 страниц, соответственно [5, 6].

5. Отношение США к Договору СНВ-3.

По состоянию на конец августа 2020 года Белый дом не проявил готовности зафиксировать договоренность о продлении Договора СНВ-3 на какой-то срок. Вашингтон не снял свое предложение о подключении КНР к переговорному российско-американскому процессу о сокращении СНВ. США не хотят фиксировать органическую связь между наступательными и оборонительными вооружениями сторон. Администрация Дональда Трампа проигнорировала предложение России провести встречу юристов сторон с целью обмена мнениями об интерпретации отдельных положений Договора СНВ-3. У американской стороны существует ложное представление о том, что его продления для России важно добиться любой ценой [7, 8, 9, 10].

Вашингтон энергично заявляет о том, что все российские перспективные виды вооружений, называемые на Западе «экзотическими», подпадают под ограничения Договора СНВ-3. К сожалению, в России нашлись сторонники включения в повестку дня переговоров с американской стороной гиперзвукового планирующего боевого блока (ГППБ) «Авангард», не имеющего аналогов в мире, а также еще не принятой на вооружение перспективной российской МБР «Сармат».

До обнародования официальной позиции Белого дома самим Дональдом Трампом по поводу пролонгации Договора СНВ-3 изложение российской позиции по поводу распространения его положений на обозначенные две системы вооружений представляется преждевременным и недальновидным. Как только некоторые российские официальные и неофициальные представители сделали в СМИ заявления о возможности распространения положений Договора СНВ-3 на названные системы вооружений, американские контрагенты моментально поспешили ограничить положениями этого договорного акта еще четыре вида перспективных вооружений России, о которых говорил в своем Послании Федеральному Собранию Президент страны в марте 2018 года. То есть на «Кинжал», «Буревестник», «Посейдон» и «Пересвет». В последнее время к этому списку американская сторона добавила гиперзвуковую ракету «Циркон».

На состоявшихся в 17-18 августа 2020 года в Вене очередных российско-американских консультациях по стратегической стабильности

делегация США вновь настаивала на том, чтобы «новые российские виды вооружений» были включены в некие будущие договоренности с США, которые не охвачены Договором СНВ-3. У американской стороны существует ложное представление о том, что Москва хочет добиться его продления любой ценой. Вашингтону категорически нельзя идти навстречу в этом вопросе [7, 8].

Шесть видов перспективных вооружений России вообще не упомянуты в этом договоре. В нем, например, нет термина «гиперзвуковые планирующие боевые блоки». МБР «Сармат» может быть обсуждена с Вашингтоном только после завершения всех ее испытаний и принятия ее на вооружение с пристыкованными ядерными боезарядами, а также в увязке с новой МБР Минитмен-4, то есть исключительно на взаимной и паритетной основе с сопоставимыми ракетами США [11].

Диалога с Вашингтоном по новым российским системам гиперзвукового оружия не может быть без комплексного обсуждения аналогичных американских проектов, четко заявил РИА Новости 17 апреля 2020 года заместитель министра иностранных дел Сергей Рябков, уточнив, что также необходимо обсуждение проблематики создания глобальной системы ПРО США, размещения оружия в космосе и ряда других программ, которые дестабилизируют стратегическую ситуацию. «Это альфа и омега нашего подхода вообще к работе в сфере контроля над вооружениями», заявил заместитель главы российского дипломатического ведомства, курирующий проблематику контроля над вооружениями и отношения России с США. Такая позиция должна поддерживаться всеми официальными и неофициальными российскими представителями [12, 13].

Про мнению двух компетентных американских экспертов, изложенных в конце 2019 года, а именно Эрика Эдельмана, который в 2005-2009 годы занимал должность заместителя министра обороны США по политическим вопросам, и Франклина Миллера, в 2001-2005 годы работавшего в качестве старшего директора по вопросам оборонной политики и контроля над вооружениями в Совете национальной безопасности страны, новые перспективные виды российских вооружений не ограничиваются Договором СНВ-3, хотя и представляют собой прямую угрозу континентальной части Соединенных Штатов. Это же обстоятельство признал авторитетный в западном военно-политическом экспертном сообществе еженедельник «Джейнс дифенс уикли» в январе 2020 года [14].

Известно, что Государственному департаменту, министерству обороны и разведывательному сообществу США *предписано активно продвигать подобную позицию в отношении семи новых российских перспективных видов вооружений*, добиваясь введения в их отношении количественных ограничений, их полного уничтожения или полного

отказа от производства. Но, как случалось ранее, ничего взамен России американская сторона пока не предложила.

Следует также учитывать, что президент Дональд Трамп однажды публично заявил, что ни при каких обстоятельствах не будет обсуждать с Москвой **противоракетную проблематику**, а если с кем-то и будет, то только со своими союзниками по НАТО [15].

В этой связи Соединенные Штаты продолжают бесконтрольно развивать свою глобальную систему ПРО, делая упор на ее развертывании на передовых рубежах вблизи России и КНР, а также на повышении способности перехватывать МБР. Хотя новые российские ударные системы преодоления системы ПРО США уже названы и против них в Пентагоне до сих пор не найдено никаких средств противодействия, *нельзя полностью игнорировать эту растущую угрозу*. Исходящая от американской системы ПРО опасность кроется в значительном количестве ракет-перехватчиков наземного и морского базирования, а также в перспективе – размещение ударных систем ПРО и противоспутниковых систем на космических орбитах. Аналогичная возможность размещения различных видов вооружений наступательного характера распространяется и на корабельные пусковые установки БИУС «Иждис» ВМС США, которые к 2042 году будут установлены приблизительно на их 90 боевых кораблях, что составит 25 процентов от общего корабельного состава американского флота в 355 кораблей. Операционные базы ПРО США в Румынии и Польше, являющиеся комбинированными объектами стратегического назначения, должны быть полностью ликвидированы. *Нужно активно и последовательно ставить перед Вашингтоном вопрос именно в такой плоскости*.

Негативными, но бездоказательными являются высказывания высокопоставленных американских представителей относительно военной деятельности России *в космическом пространстве*. С целью противодействия информационного давления США на этом направлении в 2019 году выпущена монография на английском языке «Военно-космическая политика США: ключевые направления и будущие потенциалы» объемом 312 страниц [16].

6. Оценка уровня противодействия нападкам США и НАТО на военную политику России и практические предложения.

Ведущие страны НАТО во главе с США практически никогда не прекращали голословную и целенаправленную критику военной политики России. Такая критика не только не сохранилась, но и заметно усилилась в последние годы.

Уровень такого противодействия с российской стороны остается высоким, но еще недостаточно широким и не всегда наступательным.

С одной стороны, активно и своевременно реагируют на попытки искажения действительности на этом направлении Министерство обороны и Министерство иностранных дел России, некоторые российские печатные и электронные издания.

Но, с другой стороны, в российских гражданских академических кругах на этом направлении, за редким исключением, обозначилась неадекватная тенденция. Зачастую к чтению лекций по ней в российских гражданских вузах зачастую привлекаются лица, слабо владеющие предметом исследования, или «эксперты», которые проповедуют западные представления о подходах к решению такой проблематики. Практически не издаются монографии по ракетно-ядерным стратегиям США, созданию ими качественно новой стратегической ядерной триады, развитию их глобальной системы ПРО и о военной космической политике Вашингтона. На многочисленных конференциях и круглых столах редко можно услышать доклады по военно-политической проблематике, где в критическом ключе предметно и профессионально рассматривалась бы военная политика и ключевые военно-политические установки Соединенных Штатов и НАТО. Следует также пересмотреть практику направления в командировки в зарубежные страны научных сотрудников, которые не защищают военную политику России.

В России все еще существует порочная практика рецензирования публикаций пророссийски настроенных специалистов по военной политике США и НАТО анонимными прозападными российскими «специалистами», например, из ИМЭМО, отрицательное мнение которых автоматически учитывается редколлегией российских политологических изданий. Цель таких методов – не допустить распространения объективной оценки военной политики трансатлантического альянса и США.

На многих телевизионных ток-шоу проблематика критики российской военной политики странами НАТО практически отсутствует или ее обсуждение носит ограниченный по охвату характер. Такое положение необходимо исправлять.

Гипертрофированный образ Российской Федерации как «военного врага всего мира» может быть усилен в еще большей степени. Неадекватное реагирование на это может иметь крайне нежелательные информационные последствия для России, ее союзников и друзей. Из всего сказанного напрашивается вывод: необходимо активно противодействовать нападкам США и других стран НАТО на военную политику России.

Представляется целесообразным провести представительное межведомственное совещание с участием ключевых федеральных российских СМИ с обсуждением мер противодействия нападкам ведущих стран Запада на военную политику России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ford C. The Politics of Arms Control: Getting Beyond Post-Cold War Pathologies and Finding Security in a Competitive Environment. Remarks. International Institute of Strategic Studies. London. The U.K. 2020. February 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.state.gov/the-psychopolitics-of-arms-control/>. (дата обращения: 27.08.2020); Politics of Arms Control: Getting Beyond Post-Cold War Pathologies and Finding Security in a Competitive Environment. The Briefing with Senior State Department official on the New START. Washington: The State Department. 2020. March 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.state.gov/briefing-with-senior-state-department-official-on-the-new-start/>. (дата обращения: 24.08.2020); DiNanno Th. Remarks to 2019 Multinational Conference on Missile Defense. Dresden, Germany. 2019. October 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.state.gov/remarks-to-2019-multinational-conference-on-missile-defense/>. (дата обращения: 27.08.2020).
2. Kozin V.P. Evolution of the U.S. Strategic and Tactical Nuclear Weapons and their Employment on the 21st Century. – М.: Sabashnikov's Publishing House. – 2020. – 1286 pp.
3. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/. (дата обращения: 30.08.2020).
4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74105990/>. (дата обращения: 30.07.2020).
5. Kozin V.P. U.S. Key Military Strategies During D. Trump's Presidency: Their Consequences for the USA and the World. – М.: Sabashnikov's Publishing House. – 2020. – 356 pp.
6. Козин В.П. Эволюция стратегических и тактических ядерных вооружений США и особенности их применения в XXI веке. – М.: Изд-во им. Сабашниковых. – 2019. – 1080 с.
7. Рябков: переговоры между Россией и США в Вене прошли интенсивно и энергично. Однако дипломат не видит сдвигов позиции США в сторону продления ДСНВ-3 // ТАСС. 18.08.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/politika/9229085>. (дата обращения: 27.08.2020).
8. Сергей Рябков: Шансы продлить ДСНВ невелики, но они не иссякли. Замглавы МИД России не согласился с мнением США о том, что

России важно добиться продления любой ценой // Интерфакс. 18.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.interfax.ru/interview/722295>. (дата обращения: 29.08.2020).

9. State Department Releases New Paper on «Next Generation Arms Control». Arms Control and International Security Papers. – Volume 1. Number 1. – 2020. April 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.armscontrol.org/blog/2020-04/us-russian-nuclear-arms-control-watch#story3>. (дата обращения: 20.08.2020).

10. Kimball D.G. A New Nuclear Deal Begins With New START // Arms Control Today. – 2019. November. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.armscontrol.org/act/2019-11/focus/new-nuclear-deal-begins-new-start>. (дата обращения: 30.08.2020).

11. Gottemoeller R. U.S. Russia Nuclear Arms Control // The Foreign Service Journal. – 2020. May. – p. 31-32.

12. МИД назвал условие диалога с США по гиперзвуковому оружию // РИА Новости. 17.04.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://ria.ru/20200417/1570165694.html?in=t>. (дата обращения: 10.08.2020).

13. Интервью заместителя Министра иностранных дел России журналу «Международная жизнь». 20.04.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26067>. (дата обращения: 26.08.2020).

14. Willet L. A new START? // Jane's Defence Weekly. – 2020. – January 29. pp.22-23.

15. С США в сфере ПРО взаимодействуют 19 из 30 государств – членов НАТО. См.: Watts R. A Double-Edged Sword. Ballistic Missile Defense and US Alliances// Naval War College Review. – 2020. – Winter. P. 63.

16. Kozin V.P. U.S. Military Space Policy: Key Guidelines and Future Capabilities. М.: Sabashnikov's Publishing House. – 2019. – 312 pp.

КОПЫТКО В.К.

доктор военных наук, профессор
ведущий научный сотрудник НИЦ Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

СЕВРУК В.Е.

доктор военных наук, доцент
старший научный сотрудник военного института (управления
национальной обороной) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СТРУКТУРЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОНОЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ**

Аннотация. В статье сформулированы основные рекомендации по возможным изменениям структуры органов управления НЦУО РФ в кризисных ситуациях с применением современных средств моделирования при формировании предложений органам военного управления по разрешению кризисных ситуаций.

Ключевые слова: кризисная ситуация, средства моделирования кризисных ситуаций, разрешение кризисных ситуаций, банк вариантов кризисных ситуаций.

Национальный центр управления обороной Российской Федерации (НЦУО РФ) является органом повседневного управления Министерства обороны, осуществляющим оперативный анализ, краткосрочное прогнозирование развития обстановки, оперативную координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обороны при резком обострении обстановки и обеспечивающим управление Вооруженными Силами Российской Федерации, а также управление разведомственными и коалиционными группировками войск (сил) в период непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации и в военное время [1].

Основными задачами НЦУО РФ являются:

обеспечение реализации Президентом Российской Федерации как Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации его полномочий по принятию решения о применении ядерного, стратегического неядерного оружия, оружия повышенной потенциальной опасности и санкционированию его применения;

обеспечение управления Вооруженными Силами, разведомственными и коалиционными группировками войск (сил) в период непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации и в военное время,

координации действий Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в мирное время при проведении мероприятий стратегического сдерживания;

поддержание системы централизованного боевого управления Вооруженными Силами в готовности к боевому применению, обеспечение централизованного боевого управления Вооруженными Силами, разведомственными и коалиционными группировками войск (сил), а также иными группировками войск (сил) на стратегических направлениях;

обеспечение должностных лиц федеральных органов исполнительной власти в соответствии с расчетом, утверждаемым начальником Генерального штаба, информацией о военно-политической обстановке в мире, общественно-политической ситуации в Российской Федерации, состоянии Вооруженных Сил и военной организации государства в целом;

осуществление в пределах своих полномочий координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций в области обороны;

информационное обеспечение деятельности высших должностных лиц государства и руководителей федеральных органов исполнительной власти при проведении мероприятий в Национальном центре и Ситуационном центре Минобороны России;

обеспечение управления полетами воздушных судов Вооруженных Сил, координация выполнения полетов и контроль за их выполнением;

обеспечение управления силами (войсками) Военно-Морского Флота, координация выполнения ими задач боевой службы и боевого дежурства, участия в международных операциях и специальных мероприятиях, контроль этой деятельности, а также мониторинг соблюдения норм международного права в интересах применения сил (войск) Военно-Морского Флота;

подготовка предложений руководству Минобороны России по развитию информационных ресурсов, совершенствованию и применению информационных технологий, информационно-коммуникационных систем связи в Вооруженных Силах [2, 3].

Для решения указанных задач определена соответствующая структура НЦУО РФ. В настоящее время он состоит из трех центров управления (Рисунок 1):

центр управления стратегическими ядерными силами осуществляет обеспечение управления применением ядерного, стратегического неядерного оружия, оружия повышенной потенциальной опасности по решению высшего военно-политического руководства Российской Федерации;

центр боевого управления осуществляет обеспечение управления применением Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск,

воинских формирований, органов и специальных формирований федеральных органов исполнительной власти в мирное и военное время;

центр управления повседневной деятельностью осуществляет обеспечение выполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти, решающих задачи в области обороны, по удовлетворению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований [1].

На всех центрах управления организовано круглосуточное несение дежурства дежурными сменами.

Рисунок 1 – Состав Национального центра управления обороной Российской Федерации

Основными функциями центров управления являются:

в части центра управления стратегическими ядерными силами:

обеспечение реализации Президентом Российской Федерации как Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации его полномочий по принятию решения на применение ядерного, стратегического неядерного оружия, оружия повышенной потенциальной опасности и санкционированию его применения;

оперативное и точное доведение до войск (сил) приказов (сигналов) централизованного боевого управления Вооруженными Силами, разнородными и коалиционными группировками войск (сил) в соответствии с приказами (директивами, распоряжениями) Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, Министра обороны Российской Федерации, начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, сбор докладов об их выполнении;

контроль за санкционированным применением на пунктах управления средств боевого управления и связи, обеспечивающих доведение приказов (сигналов) централизованного боевого управления до войск (сил);

мониторинг, оперативный анализ и оценка информации о состоянии стратегических ядерных сил [3];

в части центра боевого управления:

обеспечение управления Вооруженными Силами, разведомственными и коалиционными группировками войск (сил) в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, координация действий Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в мирное время при проведении мероприятий стратегического сдерживания;

сбор, обобщение, оперативный анализ и оценку информации о:

состоянии боевой готовности вооруженных сил иностранных государств;

военно-политической обстановке в мире, на стратегических направлениях;

общественно-политической обстановке в Российской Федерации и государствах – участниках Содружества Независимых Государств (СНГ);

состоянии и характере действий войск (сил) на стратегических направлениях;

состоянии боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил, мобилизационной готовности других войск, воинских и специальных формирований;

основных мероприятиях оперативной, мобилизационной и боевой подготовки, проводимых в Вооруженных Силах;

деятельности контингентов миротворческих сил Российской Федерации в районах их применения, а также формирований Вооруженных Сил за пределами Российской Федерации;

подготовка краткосрочных прогнозов появления (развития) угроз безопасности для Российской Федерации и ее союзников;

решение расчетных, информационных задач и подготовка предложений Министру обороны и начальнику Генерального штаба по реализации планов применения войск (сил) на основе результатов моделирования сценариев развития ситуаций;

применение подвижных пунктов управления Генерального штаба, мобильных пунктов управления и связи Национального центра с боевыми расчетами для обеспечения работы заместителей Министра обороны Российской Федерации, оперативных групп Генерального штаба, объединенных стратегических командований военных округов, родов войск Вооруженных Сил по управлению войсками (силами);

оповещение органов военного управления, федеральных органов исполнительной власти, подведомственных Министерству обороны, о введении степеней боевой готовности, при авиационном или ракетном нападении на Российскую Федерацию и в других случаях, установленных

соответствующими нормативными правовыми актами, а также оповещение федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации о внезапном нападении противника во взаимодействии с ФСБ России, МЧС России и Центром оповещения Администрации Президента Российской Федерации [3];

в части центра управления повседневной деятельностью:

мониторинг по всем составляющим деятельности Вооруженных Сил с четким разделением по направлениям ответственности каждого заместителя Министра обороны, а также деятельности военной организации государства по обеспечению решения оборонных вопросов;

подготовка и представление руководящим должностным лицам Министерства обороны информационных и справочных материалов о наиболее значимых событиях в мире и Российской Федерации;

информирование установленным порядком федеральных органов исполнительной власти о состоянии военно-политической обстановки и угрозах военной безопасности;

обеспечение информационного взаимодействия Министерства обороны с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и государственными корпорациями при проведении мероприятий в целях обороны и безопасности государства (при этом содержание информационного обмена сейчас определяется в разрабатываемых проектах соответствующих совместных нормативных правовых документов Министерства обороны и федеральных органов исполнительной власти);

контроль выполнения мероприятий мобилизационной подготовки и мероприятий по обеспечению мобилизационного развертывания и перевода Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени;

осуществление в пределах установленных полномочий координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций в области обороны [3].

Особое внимание центра управления повседневной деятельностью уделяется контролю за выполнением Плана обороны Российской Федерации, а также за выполнением планов (решений) комплектования, оснащения, обеспечения Вооруженных Сил в рамках Государственной программы вооружения и подготовки их к применению по оперативному назначению.

Для эффективного решения возложенных на НЦУО РФ задач создается система аналогичных центров управления на всех уровнях управления Вооруженных Сил, включающая в себя:

центры управления главных командований видов Вооруженных Сил и центры управления родов войск Вооруженных Сил;

региональные центры управления обороной Российской Федерации в объединенных стратегических командованиях военных округов;

территориальные центры управления обороной Российской Федерации в командованиях общевойсковых армий, флотов, и командованиях ВВС и ПВО;

на местном уровне – пункты управления соединений Вооруженных Сил [1].

Центры управления указанных уровней создаются путем реформирования существующих командных пунктов видов и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации, военных округов и объединений.

По результатам оперативных мероприятий было принято решение по определению единых подходов к определению штатов региональных центров управления, позволяющих осуществлять несение боевого дежурства и решать возложенные на них функциональные задачи.

Особенностью работы центра боевого управления по подготовке предложений в решение органам военного и государственного управления в условиях кризисных ситуаций обусловлена следующими факторами:

сложностью, динамичностью и постоянно меняющейся военно-политической и стратегической обстановки за пределами Российской Федерации;

необходимостью оперативного реагирования на возникающие кризисные ситуации и сокращения времени на принятие решений военно-политическим руководством страны с учетом принципов достижения превосходства над противником;

объективной потребностью поиска рациональных методов работы должностных лиц НЦУО РФ в интересах обеспечения своевременного принятия военно-политическим руководством решений на возникающие кризисные ситуации и управления группировкой войск (сил) при разрешении кризисной ситуации в регионе.

Для обеспечения управления национальной обороной по разрешению кризисных ситуаций в НЦУО РФ создается временная оперативная группа.

Анализ функционирования такой группы по обеспечению управления группировками войск (сил) при разрешении кризисной ситуации в удаленном регионе в сложных условиях обстановки показал, что ее целесообразно создавать на основе ЦБУ НЦУО РФ.

Работа оперативной группы по разрешению кризисных ситуаций в ходе оперативных тренировок показала, что она должна выполнять не только исключительно функции центра информации, осуществляющего мониторинг, сбор информации и ее доведение должностным лицам, но и непосредственно обеспечивать управленческие решения по управлению

войсками (силами) как в повседневной деятельности, так и при планировании применения войск (сил) в ходе разрешения кризисных ситуаций.

В то же время анализ ее функционирования в составе работы дежурной смены в НЦУО РФ показал, что в условиях быстрого изменения обстановки временный состав группы не в полной мере способен выполнять возложенные на нее функциональные обязанности, что указывает на необходимость развития данной структуры и уточнение особенностей работы дежурной смены при разрешении кризисной ситуации.

Проведенный анализ организации работы в НЦУО РФ в ходе оперативных мероприятий по обеспечению управления группировками войск (сил) за пределами территории Российской Федерации, а также опыта несения боевого дежурства позволил выявить недостатки, состоящие в несоответствии установленных временных показателей современным требованиям по сбору, обработке и доведению информации органам государственного и военного управления для принятия ими соответствующих решений, в условиях возникновения кризисных ситуаций.

Исследования показали, что их устранение возможно путем создания в будущем штатной оперативной группы на основе центра боевого управления НЦУО РФ (Рисунок 2).

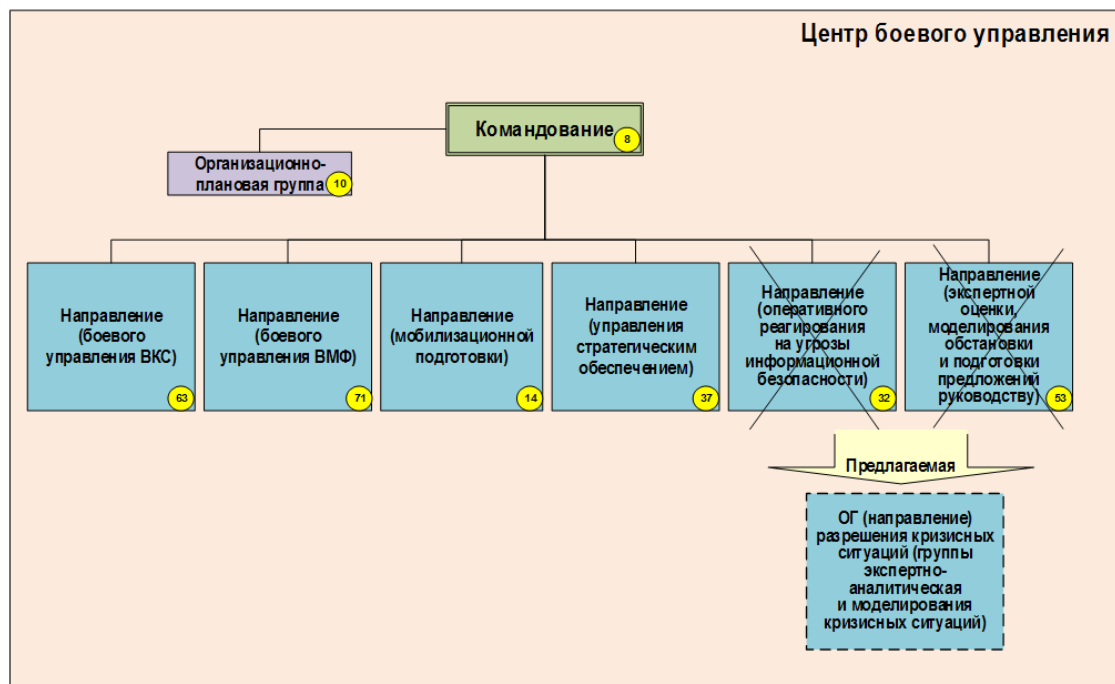

Рисунок 2 – Предлагаемая структура центра боевого управления НЦУО РФ

Оперативные мероприятия по разрешению кризисных ситуаций показали, что в ходе работы должностные лица оперативной группы, как правило, показывают низкую слаженность в работе, особенно на начальном этапе возникновения кризисных ситуаций, тратят много времени на сбор, обработку и анализ получаемой информации для принятия решения, что негативно отражается на ее качестве.

Кроме того, в состав таких оперативных групп назначаются офицеры с различных структурных подразделений НЦУО РФ, с разным уровнем подготовки, не имеющие соответствующих знаний и навыков по подготовке боевого управления группировками войск (сил).

С созданием штатной оперативной группы (направления) по разрешению кризисных ситуаций в Центре боевого управления, основной задачей которой будет являться обеспечение управления группировками войск (сил) при разрешении кризисных ситуаций, такие недостатки в работе должностных лиц должны быть устранены.

Кроме того, для повышения эффективности работы оперативной группы (направления) целесообразно включение в ее состав должностных лиц, являющихся специалистами в области управления войсками (силами) по своим направлениям (ВМФ, ВКС, РВСН, аналитиков, экспертов и т.д.) и сформировать экспертно-аналитическую группу (моделирования кризисных ситуаций) и группу моделирования кризисных ситуаций).

С момента возникновения кризисной ситуации штатная оперативная группа будет способна обеспечить управление группировками войск (сил) по разрешению возникающих кризисных ситуаций в различных условиях обстановки. При этом пропадает необходимость в создании временной оперативной группы по разрешению кризисных ситуаций, что устраняет недостатки в подготовке должностных лиц оперативной группы и позволяет повысить эффективность ее работы.

Таким образом, включение в состав центра боевого управления штатной оперативной группы будет решена проблема необходимости создания временных органов управления национального центра управления обороной Российской Федерации, что позволит повысить эффективность обеспечения управления по принятию решений при разрешении кризисных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Ю. Глава Генштаба объяснил, как будет работать Центр управления обороной // RG.RU. 01.11.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.rg.ru/2014/11/01/center-site.html>. (дата обращения: 10.08.2020).

2. Никитенко Е.Г., Сеницын И.М., Сергеев Н.А. Проблемы совершенствования технологии стратегического планирования в перспективной системе обеспечения национальной безопасности России в глобализирующемся мире // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 52-65.

3. Белов А., Леонков А. Национальный центр управления обороной РФ // SNEG5.com. 01.01.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://sneg5.com/obshchestvo/armiya/centr-upravleniya-oboronoy-rf.html>. (дата обращения: 30.08.2020).

КОСАРЕВ В.А.

кандидат философских наук
заместитель руководителя Центра координации исследований
Российского института стратегических исследований

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАТО И ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В условиях формирующегося нового миропорядка Североатлантического альянса сохраняется в качестве инструмента глобального доминирования США. Современный этап его трансформации характеризуется активной антироссийской деятельностью, охватом новых операционных сфер и регионов, увеличением военных бюджетов членов НАТО, а также опасным ростом силовых амбиций блока.

Ключевые слова: бюджет, безопасность, НАТО, Российская Федерация, Основополагающий акт, сдерживание, трансформация.

Проблемы трансформации НАТО достаточно давно обсуждаются в штаб-квартире и столицах членов альянса. Однако особую остроту и актуальность эти дискуссии приобрели в последние годы, отмеченные высокой динамикой развития международных явлений и процессов, а также тектоническими сдвигами в существующем мировом порядке, который движется к многополярности.

Среди современных международных реалий – кризис западной либеральной модели; рост конфликтности и повышение непредсказуемости применения силы (и не только военной) в международных отношениях; более активное стремление США использовать трансатлантических союзников для продвижения своих интересов, включая сдерживание Китая как геополитического соперника; усиление противоречий между членами НАТО, которые союзники уже не могут скрывать; развитие оборонного сознания Европы и ее движение к «стратегической автономии»; инициированная натовцами заморозка связей с Россией; кризис системы международного права и фактический распад режимов контроля над вооружениями; усиление военных и невоенных вызовов глобальной и региональной безопасности, в том числе со стороны трансграничных террористических группировок и других негосударственных субъектов. Кроме того, пандемия COVID-19 также с особой силой подчеркнула уязвимость безопасности человечества.

Сегодня актуализируется вопрос о роли и месте НАТО в формирующемся новом миропорядке, а также о приоритетах данной организации, которая до сих пор сохраняется как реликт холодной войны и пропитана духом конфронтации [1, 2]. *В штаб-квартире альянса*

рассматривают свои антироссийские военные усилия в качестве средства укрепления трансатлантической сценки и преодоления разногласий между союзниками.

Для этого им требуется постоянно поддерживать напряженность и вести поиск противников. В последние годы, как и во время холодной войны, сдерживание вновь вошло в повестку дня Североатлантического альянса в качестве его важнейшей задачи. Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодные доклады генеральных секретарей, которые начали регулярно публиковаться с 2011 года [3]. В них значительно увеличилось использование термина «сдерживание» («deterrence»), причем все чаще это происходит в привязке к Российской Федерации. Это видно на рисунке 1.

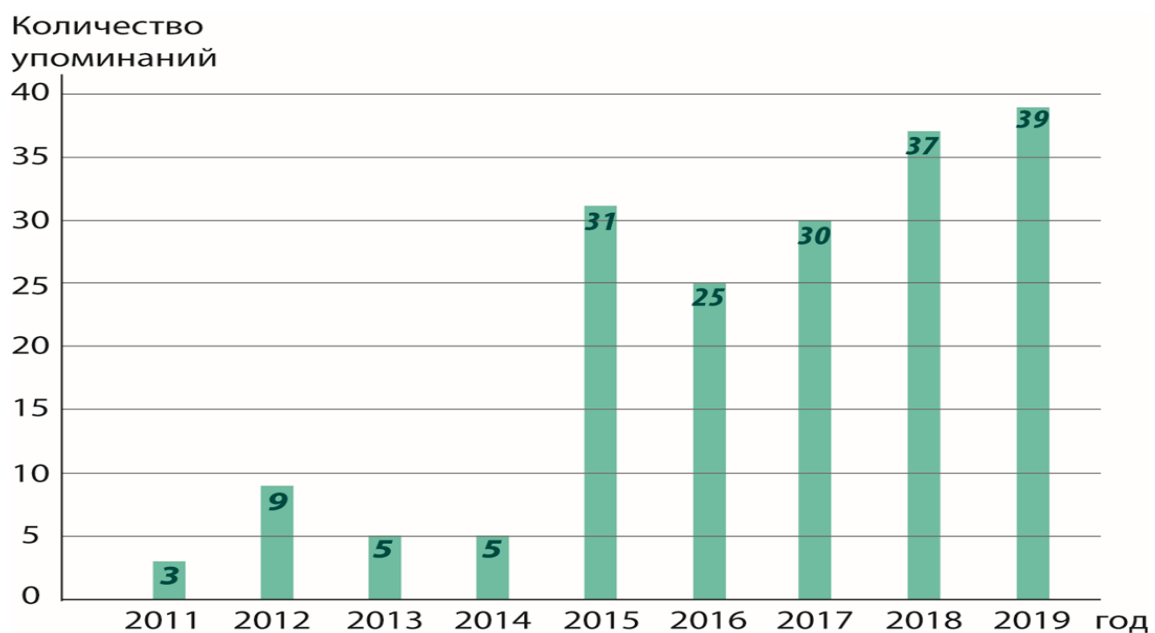

Рисунок 1 – Количество упоминаний термина «сдерживание» в ежегодных докладах генеральных секретарей НАТО [2]

С 2015 года в данных докладах даже появился раздел «Сдерживание и оборона», где акцентируются приверженность НАТО укреплению именно этого направления деятельности, а также стремление адаптироваться для выполнения данной задачи.

В принятой натовцами трактовке под сдерживанием понимается «способность убедить потенциального агрессора (выделено автором) в том, что последствия оказания давления и/или вооруженного конфликта перевесят возможные выгоды вследствие явной угрозы возмездия» [4].

Таким образом, используя термин «deterrence» в отношении Российской Федерации, натовцы фактически признают нашу страну потенциальным агрессором и планируют действия, которые, как рассчитывают в Брюсселе, призваны устрасить ее или осуществить так называемое возмездие.

Со стороны альянса это является нарушением положений Основопологающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора 1997 года [5]. Кроме того, нарушениями могут стать дополнительное постоянное размещение существенных боевых сил (что актуализируется в связи с планами США разместить часть выводимых из Германии войск на территории других европейских государств, прежде всего Польши), а также изменения в ядерной политике НАТО.

Натовское руководство декларирует, что переломный момент во взаимодействии с нашей страной наступил после присоединения Крыма к России. Однако очевидно, что изменения в политике альянса на российском направлении произошли гораздо раньше и до поры публично не озвучивались. В частности, еще в 2013 году (т.е. до украинского кризиса) на семинаре в Оборонном колледже НАТО, посвященном перспективам отношений этой организации с Россией, западные эксперты называли ее «фрэнэми» (неологизм, образованный от английских «friend» (друг) и «enemy» (враг)). При этом уже тогда признавалось, что американцы и их союзники не пойдут на компромисс с Москвой по ПРО, а заявленное российско-натовское стратегическое партнерство в действительности является химерой [6].

На протяжении 70 лет НАТО сохраняет антироссийскую направленность. *По сравнению с периодом холодной войны его целевые установки в отношении Москвы принципиально не изменились.* Сегодня многие западные эксперты выступают за принятие натовской стратегии расширенного сдерживания, *которая охватывала бы военную, политическую, информационную и экономическую сферы.*

Однако только антироссийского вектора политики НАТО сегодня оказалось недостаточно. США, которые являются определяющим фактором натовской трансформации, рассчитывают на большее и стремятся максимально подстроить союзников и под другие свои интересы [7].

Поэтому представляется не случайной озвученная 8 июня 2020 года генеральным секретарем Североатлантического альянса Й. Столтенбергом инициатива НАТО-2030, которая в предстоящее десятилетие предусматривает несколько основных направлений адаптации Организации к новым международным реалиям [8, 9, 10].

Во-первых, военное укрепление НАТО. В принципиальном плане здесь нет ничего нового. Однако обращает на себя внимание то, что данный подход четко вписывается в жесткие требования Д. Трампа

по повышению вклада европейских союзников в свою оборону. Ситуация с военными расходами членов НАТО представлена ниже (Рисунки 2-5)¹.

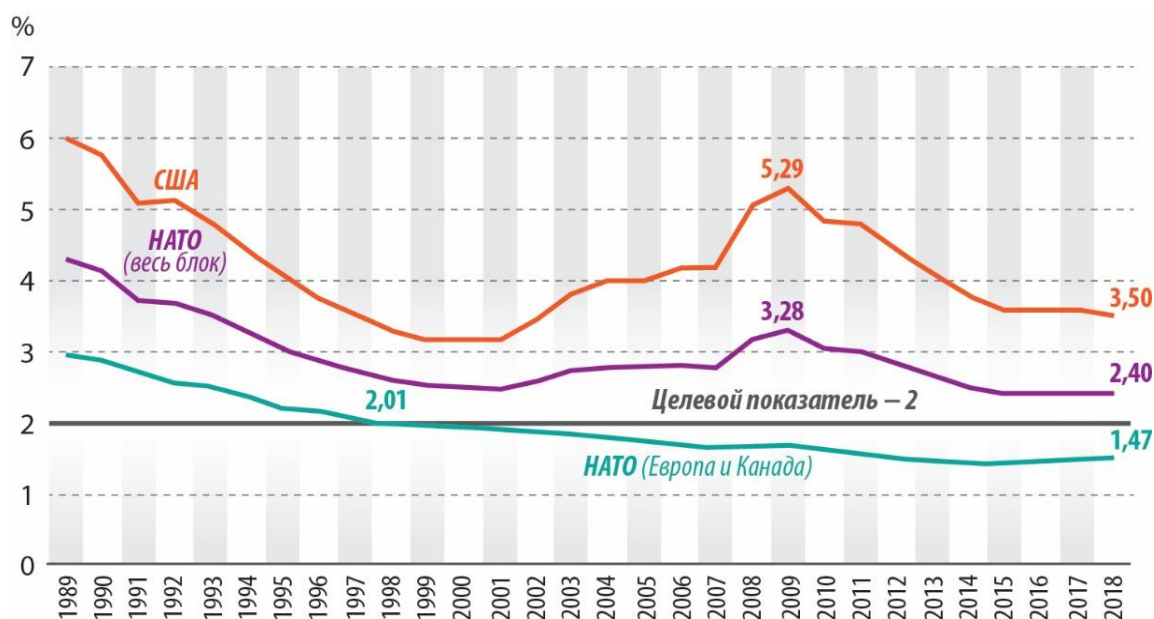

Рисунок 2 – Затраты на оборону НАТО и некоторых членов этой Организации, измеряемые процентной долей национального валового продукта [11]

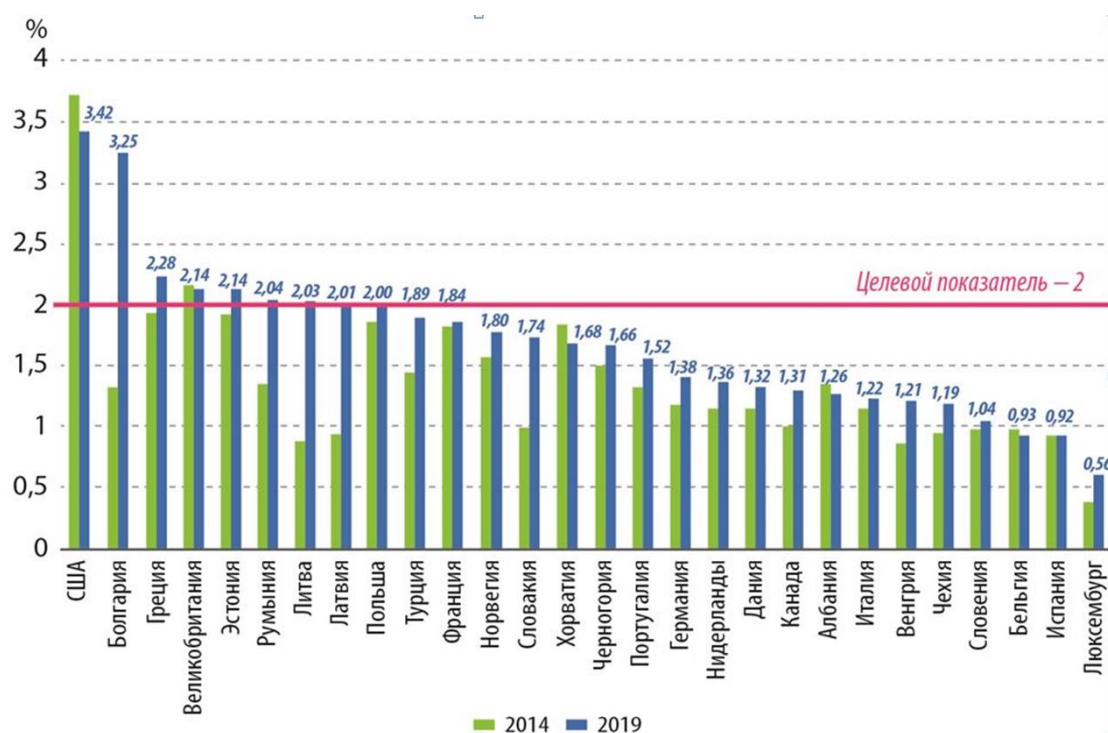

Рисунок 3 – Доля затрат на оборону стран НАТО, % от ВВП [12]

¹ Примечание: За основу взяты цены и обменные курсы национальных валют в 2015 г.

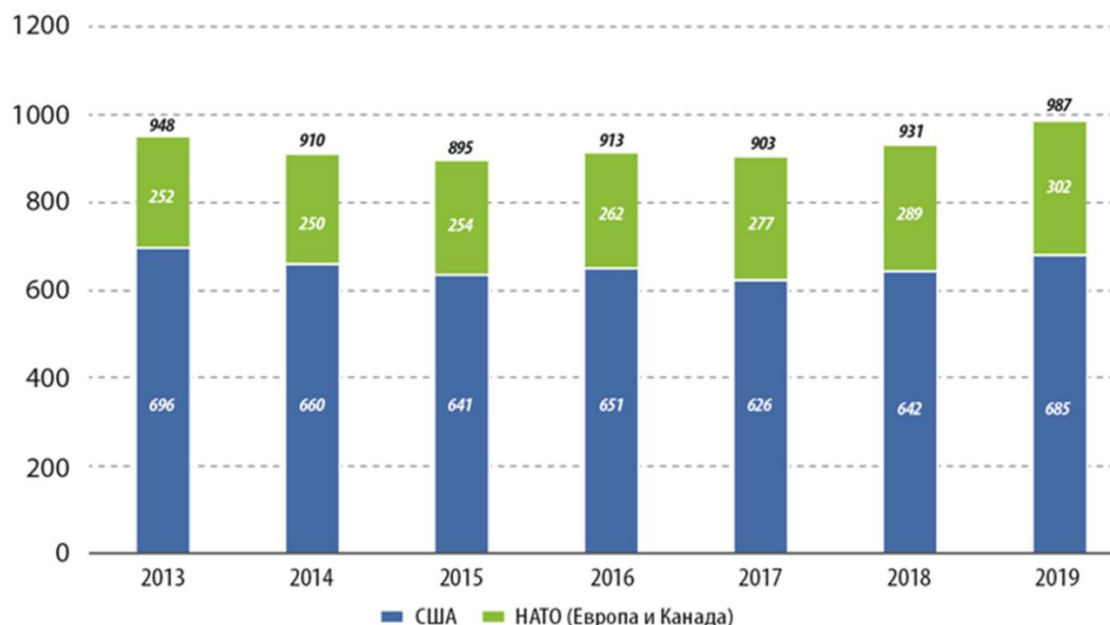

Рисунок 4 – Затраты стран НАТО на оборону, млрд долл. [13]

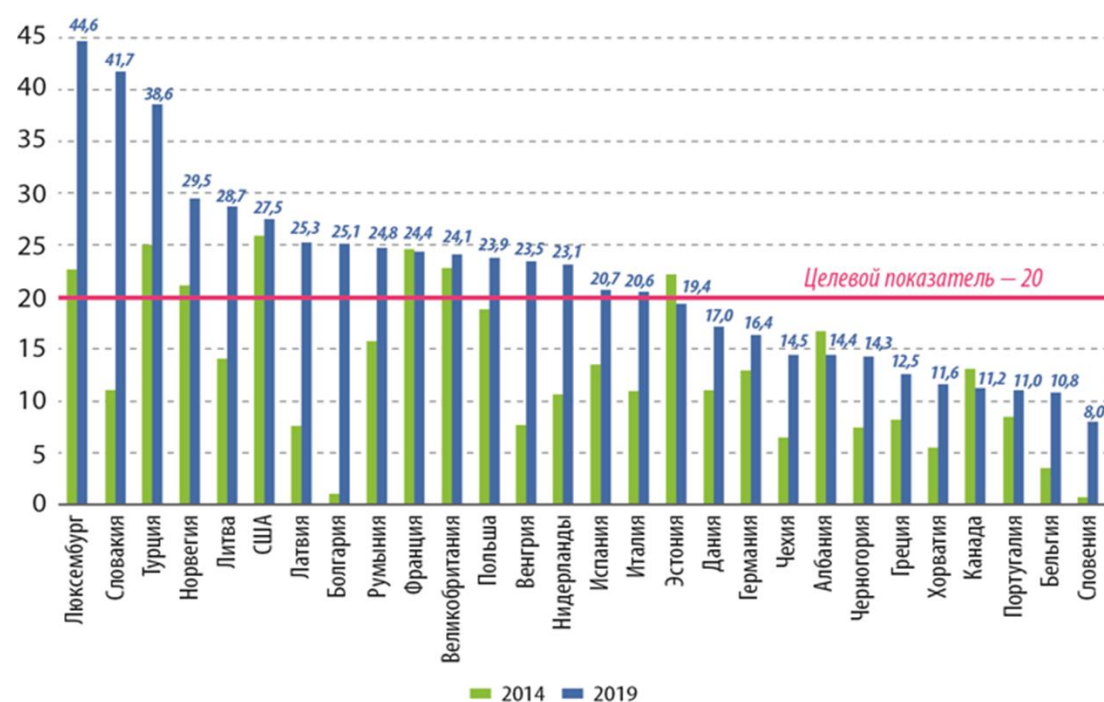

Рисунок 5 – Доля затрат стран НАТО на приобретение новых вооружений, % [14]

Европейские союзники Вашингтона предпочитают официально соглашаться с необходимостью увеличения затрат на национальную оборону, хотя это сдерживает их экономический рост и снижает финансирование социальных программ. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг признает, что эпидемия COVID-19 создала определенные проблемы для достижения натовцами целевых показателей военных

расходов. Однако, судя по всему, увеличение затрат европейцев на оборону продолжится.

Такой натовский подход ведет к милитаризации европейского общественного сознания, росту влияния военно-промышленных кругов на процесс принятия важнейших политических решений. Политика Североатлантического альянса, реализуемая в угоду американскому ВПК, провоцирует гонку вооружений в условиях фактического распада системы контроля над ними. Это при том, что страны НАТО проигнорировали российские инициативы о разработке договора о европейской безопасности (2008 г.), а также о моратории на размещение ракет средней и меньшей дальности (2019 г.).

В условиях доминирования русофобии в штаб-квартире НАТО альянс продолжает выстраивать разделительные линии на Европейском континенте и игнорировать принцип неделимости безопасности в Европе, закрепленный в 1975 году в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [15]. Еще в 2007 году Президент РФ В.В. Путин, выступая на 43-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, отмечал, что «нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены – пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?» [16].

Сегодня натовцы сохраняют высокую военную активность вблизи российской границы, что повышает риски возникновения непреднамеренных инцидентов и других конфликтных ситуаций. Есть основания полагать, что в предстоящее десятилетие этот антироссийский курс будет продолжен.

Второе направление трансформации НАТО до 2030 года – политическое укрепление альянса, которое предполагает совершенствование механизма обсуждения и принятия решений, в том числе касающихся использования широкого спектра инструментов: военных и невоенных, экономических и дипломатических. Есть основания полагать, что на этом направлении альянс будет активнее развивать взаимодействие с Евросоюзом, стремясь, по возможности, использовать его потенциал.

Третье направление развития НАТО – усиление глобального подхода в деятельности альянса, которая охватывает все новые регионы мира и операционные сферы. Сегодня ими стали даже космос и киберпространство. В пропагандистских целях Й. Столтенберг акцентирует якобы растущее значение НАТО в борьбе с коронавирусной пандемией, международным терроризмом, а также для парирования других глобальных вызовов безопасности, в том числе исходящих от роста экономического, военного, политического, технологического и другого влияния Китая [17].

«Китайский вопрос» впервые нашел отражение на Лондонском саммите НАТО в декабре 2019 года. Натовцы декларируют якобы имеющиеся для них риски от технологического прогресса КНР, роста ее оборонных расходов, возможностей в киберпространстве, инвестиций в чувствительную европейскую инфраструктуру, а также от усиления китайского влияния в так называемом Индо-Тихоокеанском регионе, Африке и Арктике.

В таком подходе четко просматривается позиция США, которые еще в Стратегии национальной безопасности 2017 года объявили Китай геополитическим соперником. В связи с этим с целью комплексного противодействия Пекину НАТО стремится активнее использовать партнеров в АТР, среди которых особо выделяются Япония, Австралия, Новая Зеландия и Республика Корея. При этом в штаб-квартире альянса нацелены на развитие формата Глобального партнерства и двусторонних связей по индивидуальным программам сотрудничества. В данном контексте следует отметить, что руководство НАТО в позитивном ключе оценило участие руководителя военного ведомства Австралии в совещании министров обороны стран альянса в июне 2020 года.

Об определенной согласованности линии США и НАТО могут свидетельствовать поездки генерального секретаря альянса Й. Столтенберга в Австралию и Новую Зеландию в начале августа 2019 года, которые практически совпали с туром по странам АТР назначенного 23 июля прошлого года американского Министра обороны М. Эспера.

Как представляется, характер трансформации Североатлантического блока во многом определится будущей администрацией США. Демократы и некоторые республиканцы подвергают критике Д. Трампа за его жесткий «бизнес-подход» к европейским союзникам и давление по поводу 2 % расходов на национальную оборону, что, дескать, подрывает единство альянса.

Сложные отношения Соединенных Штатов с некоторыми натовскими странами негативно влияют на их взаимодействие с штаб-квартирой НАТО. Однако беспрецедентным стало выдержанное в колониальном стиле угрожающее письмо Д. Трампа Президенту Р.Т. Эрдогану в связи с предпринятой турецкой стороной в октябре 2019 года военной операцией на северо-востоке Сирии (Рисунок 6) [18].

Все это накладывается на «американский след» в попытке военного переворота в Турции и поддержку Ф. Гюлена со стороны Вашингтона, а также на приобретение Анкарой российского комплекса «С-400», неподчинение турецкого корабля французскому, действовавшему в рамках натовской миссии в Средиземном море (что вызвало резкую реакцию со стороны Президента Франции Э. Макрона, который еще в 2019 году в интервью авторитетному изданию «Экономист» указывал на смерть мозга НАТО) [19].

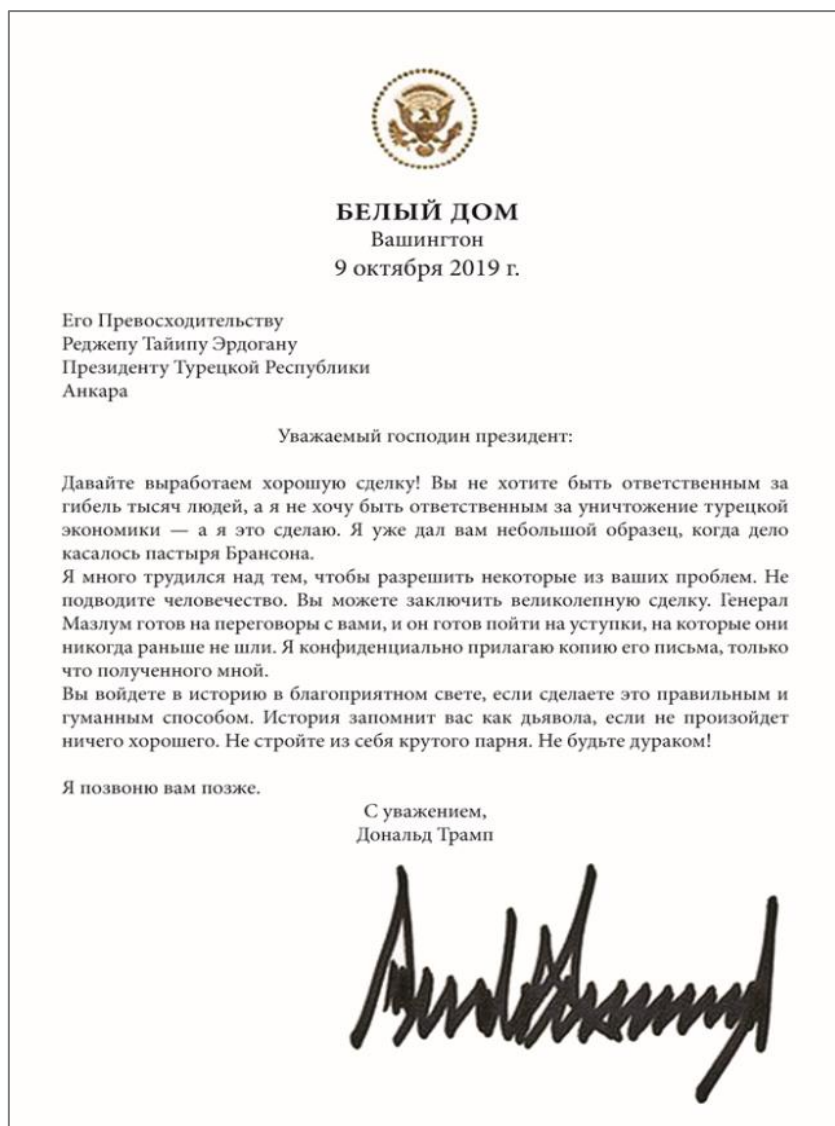

Рисунок 6 – Перевод письма Президента США Д. Трампа
Президенту Турции Р.Т. Эрдогану

В связи с критикой НАТО со стороны президента Д. Трампа группа конгрессменов во главе с демократом Дж. Панеттой, декларируя настрой укреплять трансатлантические связи и учитывая способность главы Белого дома действовать вопреки многосторонним международным договоренностям (СВПД, Парижское соглашение по климату, соглашения в сфере торговли и др.), 17 января 2019 года представила в палату представителей законопроект в поддержку НАТО (NATO Support Act).

Цель законопроекта – создать препятствия президенту на случай выдвижения им инициативы покинуть НАТО. (Такое опасение, судя по мемуарам бывшего советника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона, имело основания) [20].

2 января 2019 года законопроект поддержали 357 членов палаты, 22 (только республиканцы) голосовали против. Аналогичная работа была проведена в сенате межпартийной группой по инициативе сенатора

от Вирджинии Т. Каина, которая также подготовила проект резолюции в поддержку НАТО.

Инициатива президента Д. Трампа о выводе части американских войск из Германии встретила негативную реакцию со стороны представителей обеих ведущих партий в Конгрессе США. **Конгрессмены нацелены повлиять на замысел Белого дома с помощью проекта оборонного бюджета на 2021 год, где должны быть предусмотрены расходы на перебазирование американских войск.** 21 июля 2020 года Палата представителей Конгресса приняла свой проект бюджета, в котором возможность вывода войск из Германии увязана с некоторыми условиями. В частности, министр обороны и председатель ОКНШ должны будут предоставить гарантии, что данная передислокация «не повредит безопасности США или их союзников». Кроме того, законопроект закрепляет сохранение расходов на содержание имеющейся военной инфраструктуры в Германии на ближайшие пять лет. Для того, чтобы эти положения стали законом необходимо их включение в единый проект от обеих палат Конгресса. Возможность этого будет рассматриваться американскими законодателями после их летних каникул.

Курс администрации Д. Трампа в отношении НАТО обсуждается в ходе развернувшейся в США президентской избирательной кампании и используется ведущими политическими партиями в предвыборной борьбе.

Со стороны демократов, в частности, звучат обещания восстановить уровень доверия к США в трансатлантической связке. В данном контексте следует отметить, что еще в феврале 2019 года, задолго до запуска президентской гонки, Дж. Байден выступил на Международной конференции по безопасности в Мюнхене, где его заявление – «Мы вернемся, мы обязательно вернемся» – было встречено бурной овацией европейцев [21]. Таким образом он поддерживает возвращение американо-европейского сотрудничества к традиционной модели, сформировавшейся при прежних администрациях Белого дома. Кроме того, 15 октября 2019 года во время дебатов Демократической партии Дж. Байден предупреждал, что «если его (Президента Д. Трампа. – Прим. автора) переизберут... не будет никакого НАТО. У всех нас будут настоящие проблемы» [22].

Следует отметить и еще одну сферу деятельности Североатлантического альянса – информационно-пропагандистскую, которой сегодня натовцы придают повышенное внимание. Эта работа нацелена на обеспечение выгодной НАТО манипуляции общественным мнением в государствах, которые рассматриваются как противники и соперники.

Такая работа активно ведется и против России. Натовцы стремятся максимально использовать в своих интересах ситуацию на Украине, поддерживают позицию Киева по Крыму, целенаправленно работают с прозападными представителями крымско-татарского народа.

Кроме того, альянс уделяет повышенное внимание **работе в российских регионах, с экспертами, перспективными политиками**

и молодежью. Обращает на себя внимание тот факт, что это делается в условиях декларируемой натовцами «заморозки» сотрудничества с Российской Федерацией, прицельно и без уведомления ее внешнеполитического ведомства. В данном контексте можно привести в пример состоявшуюся 25 мая 2017 года встречу в то время первого заместителя генерального секретаря НАТО Р. Гетемюллер с российскими специалистами, формирующими общественное мнение («Russian opinion makers»). Это свидетельствует об открытом вмешательстве натовцев во внутренние дела России [23].

Rose Gottemoeller
@Gottemoeller

I just had a good meeting with Russian opinion makers to give an overview on the #NATO-#Russia relationship, and #NATOMeeting on 25 May.

Другим примером этой деятельности является заявление генерального секретаря альянса Й. Столтенберга, который, не дожидаясь объективного расследования с участием российской стороны, 4 сентября 2020 года обвинил ее в использовании нервно-паралитического вещества против А. Навального и поспешил квалифицировать ситуацию как «серьезное нарушение международного права, которое требует международной реакции» [24].

Результаты же деструктивного вмешательства стран НАТО во внутренние дела независимых государств сегодня мы видим в Белоруссии.

Таким образом, современный этап трансформации НАТО свидетельствует о том, что Североатлантический альянс при любой администрации США продолжит активно использоваться ими в качестве инструмента обеспечения американского глобального доминирования и продвижения других интересов Вашингтона. В связи с этим следует ожидать активизации направленной против России и Китая деятельности трансатлантического союза, повышения его политических и военных амбиций, а также расширения антироссийской информационно-пропагандистской кампании. Очевидно, что эта натовская политика будет оказывать негативное влияние на глобальную и региональную безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермаков С.М. Трансформация НАТО после Лиссабонского саммита 2010 г.: От обороны территории к защите всеобщего достояния // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 4 (9). – С. 107-128.

2. Доклад РИСИ. Проблемы трансформации НАТО на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 2 (59). – С. 11-50.
3. Secretary General's Annual Reports 2011-2019 // NATO. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.nato.int>. (дата обращения: 05.09.2020).
4. Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. – М.; Брюссель, 2011. – С. 107-108.
5. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. 27 мая 1997 // НАТО. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm. (дата обращения: 27.08.2020).
6. Kamp K.-H., Reisinger H. Political and Military Cooperation or NATO-Russian Roulette: Proactive Management of a Difficult Relationship: Conference Report // NATO Defense College Research Division. 2013. June. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.ndc.nato.int/download/downloads.php?icode=378>. (дата обращения: 25.08.2020).
7. Косарев В.А., Ермаков С.М. Западные аналитики о перспективах использования Вашингтоном европейских союзников для противодействия политике Пекина. // Вестник ученого совета РИСИ. – 2019. – № 1. – С. 183-194.
8. Secretary General launches NATO 2030 to make our strong Alliance even stronger. 08 Jun. 2020 // NATO. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://nato.int/cps/en/natohq/news_176193.htm. (дата обращения: 20.08.2020).
9. NATO Secretary General underlines the need for NATO to take a more global approach. 30 Jun. 2020 // NATO. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_176985.htm. (дата обращения: 25.08.2020).
10. Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Brussels Forum. 23 Jun. 2020 // NATO. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_176715.htm?selectedLocale=en. (дата обращения: 05.09.2020).
11. Treddenick J. The 2 % Fixation: How a simple formula complicates defense spending // Per Concordiam. 2019. Vol. 9. Issue 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.marshallcenter.org/MCPUBLICWEB/mcdocs/percon_v9n3_eng_lowres-rev.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
12. Defence Expenditure of NATO Countries (2012-2019): Communiqué PR/CP (2019) // NATO. Official website. 29.11.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_pr-2019-123-en.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
13. Defence Expenditure of NATO Countries (2012–2019): Communiqué PR/CP (2019) // NATO. Official website. 29.11.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_pr-2019-123-en.pdf (дата обращения: 27.08.2020).

14. Defence Expenditure of NATO Countries (2012–2019): Communiqué PR/CP (2019)069 // NATO. Official website. 25.06.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_06/20190625_PR2019-069-EN.pdf (дата обращения: 27.08.2020).

15. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Кодекс. (Вопр., относящиеся к безопасности в Европе. 1 августа 1975 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901862>. (дата обращения: 27.08.2020).

16. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент Российской Федерации. Официальный сайт. 10.02.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. (дата обращения: 27.08.2020).

17. Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Brussels Forum. 23 Jun. 2020 // NATO. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_176715.htm?selectedLocale=en. (дата обращения: 27.08.2020).

18. Donald Trump's tough guy letter to Erdogan is mocked for being so «embarrassingly» simplistic people didn't think it was real // Mail Online. 17.10.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7583775/Donald-Trump-tough-guy-letter-Erdogan-mocked.html>. (дата обращения: 27.08.2020).

19. Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead // The Economist. 08.11.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead>. (дата обращения: 26.08.2020).

20. John Bolton. The Room Where It Happened. A White House Memoir. New York-London-Toronto-Sydney-New Delhi: Simon and Schuster, 2020.

21. Rogers K., Sanger D.E. Among European Allies, Americans Offer Competing Visions // The New York Times. 2019. 16 February. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/16/world/europe/mike-pence-joe-biden.html>. (дата обращения: 27.08.2020).

22. Rocha V., Wagner M., Wills A. Democratic candidates debate in Ohio // CNN. 15.10.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://edition.cnn.com/politics/live-news/democratic-debate-october-2019/h_a9ef668ef6aa713f54b6937f129d4390. (дата обращения: 27.08.2020).

23. «Твиттер»: [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://twitter.com/Gottemoeller/status/855430224934301697>. (дата обращения: 27.02.2020).

24. Online press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following a meeting of the North Atlantic Council. 04 Sep. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_177743.htm. (дата обращения: 07.09.2020).

КАЩЕЕВ А.М.

кандидат военных наук, старший научный сотрудник
 Военного института (управления национальной обороны)
 Военной академии Генерального штаба
 Вооруженных Сил Российской Федерации

АЧКАСОВ Н.Б.

доктор военных наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и
 социально-экономических дисциплин Военной академия связи
 им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного

ЧАПУРИН Е.Н.

кандидат технических наук, старший научный сотрудник
 Военного института (управления национальной обороны)
 Военной академии Генерального штаба
 Вооруженных Сил Российской Федерации

ИСТОЧНИКИ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье раскрыты источники военной опасности и угрозы для России в современных условиях и рассмотрены пути направления модернизации вооружения и военной техники, увеличение численности личного состава Североатлантического альянса.

Ключевые слова: военная опасность, военные базы, конфликт, НАТО, система ПРО, постсоветское пространство.

В ближайшие годы на формирование военных опасностей Российской Федерации на глобальном уровне наибольшее влияние будут оказывать противоречия, связанные с истощением природных ресурсов и ростом демографической напряженности. Эти противоречия приобретают специфическую окраску во взаимоотношениях России – Европейского союза (ЕС) и естественно в первую очередь Соединенных Штатов Америки (США).

Военная опасность Российской Федерации на региональном уровне, прежде всего, обусловлена ростом военной мощи США и расширением блока Североатлантического альянса (НАТО). Эти процессы сопровождаются не только увеличением совокупного боевого потенциала, но и совершенствованием системы управления войсками, модернизацией вооружения и военной техники.

Источником, исходной и определяющей причиной военной опасности являются достаточно глубокие и острые межгосударственные

противоречия. Каждое государство имеет самые разнообразные интересы, которые зачастую противоречат друг другу. С помощью разнообразных средств и методов, в том числе и военных, одни противоречия разрешаются, другие сглаживаются или заглушаются, а третьи противоречия трудно поддаются разрешению и периодически, при определенных условиях, обостряются. Военные опасности и угрозы для России в современных условиях отображены на рисунке 1 [1].

Рисунок 1 – Военные опасности и угрозы Российской Федерации

Серьезным источником военной опасности являются двойные стандарты в истолковании принципов и положений международного права, в оценке конкретных военно-политических акций государств

Военную опасность России, даже при отсутствии агрессивных намерений в данный момент, представляет наличие большого количества личного состава и военной техники вблизи российских границ и границ ее союзников. Военная опасность, вызванная расширением НАТО, связана не только с перспективами использования военной инфраструктуры его новых членов, но также и возможностью размещения на их территории ядерного оружия.

Вместе с тем новый этап расширения альянса несет в себе угрозу для самосознания общества и политических элит России. В НАТО

рассчитывают на постепенное изменение официальной позиции российского руководства, которая видоизменялась бы от категорического «нет расширению» к полному равнодушию по поводу действий альянса.

Российская Федерация в свою очередь ведет переговоры и подписывает международные договоры в области обороны, включая договоры о совместной обороне, коллективной безопасности, сокращении и ограничении вооруженных сил и вооружений, об участии Вооруженных Сил Российской Федерации в операциях по поддержанию мира и международной безопасности [2].

В целом существует опасность пересмотра итогов второй мировой войны. Расширение НАТО выглядит как форма территориальной экспансии, которая позволит полностью отказаться от решений Ялты и Потсдама.

Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории [3].

При реализации худшего сценария, расширение НАТО за счет постсоветских республик будет проходить на фоне создания США системы противоракетной обороны (ПРО).

Опасность создания системы ПРО состоит в том, что это приведет к слому стратегической стабильности, сложившейся благодаря Договору 1972 года [4] и последующим соглашениям в области стратегических наступательных вооружений. Кроме того, с развитием технологий ряда ведущих держав, наращивание их возможностей по созданию вооружения и военной техники новых поколений, могут привести к качественно новому этапу гонки вооружений и существенным образом повлиять на формы и способы военных действий.

Американская администрация при планировании своей политики, исходит из тезиса, согласно которому «кто господствует в космосе, тот руководит миром». Поэтому значительные средства администрация тратит на совершенствование управления военно-космической деятельностью страны. В этой связи правящие круги США осуществляют ревизию тех международных и внутренних документов, которые ограничивают деятельность США по развитию и защите своей космической инфраструктуры.

Крупнейшие американские военные базы, и объекты, развернутые за рубежом дислоцирующие в 177 странах мира, являются источником военной опасности не только для нашего государства и наших союзников, но и для всего мира, рисунок 2 [1].

Военная опасность и угрозы России, в значительной степени, обусловлена ее близостью к реальным или потенциальным очагам военных конфликтов.

Военные опасности Российской Федерации, связанные с использованием сил НАТО на территории бывших советских республик и обусловлены, прежде всего, тем, что Североатлантический альянс в этом регионе

отрабатывает модель своих действий в случае необходимости вмешательства в этнический конфликт. Кроме того, в психологическом плане, население евразийских государств приучается к мысли о допустимости использования военной машины НАТО для разрешения внутренних противоречий.

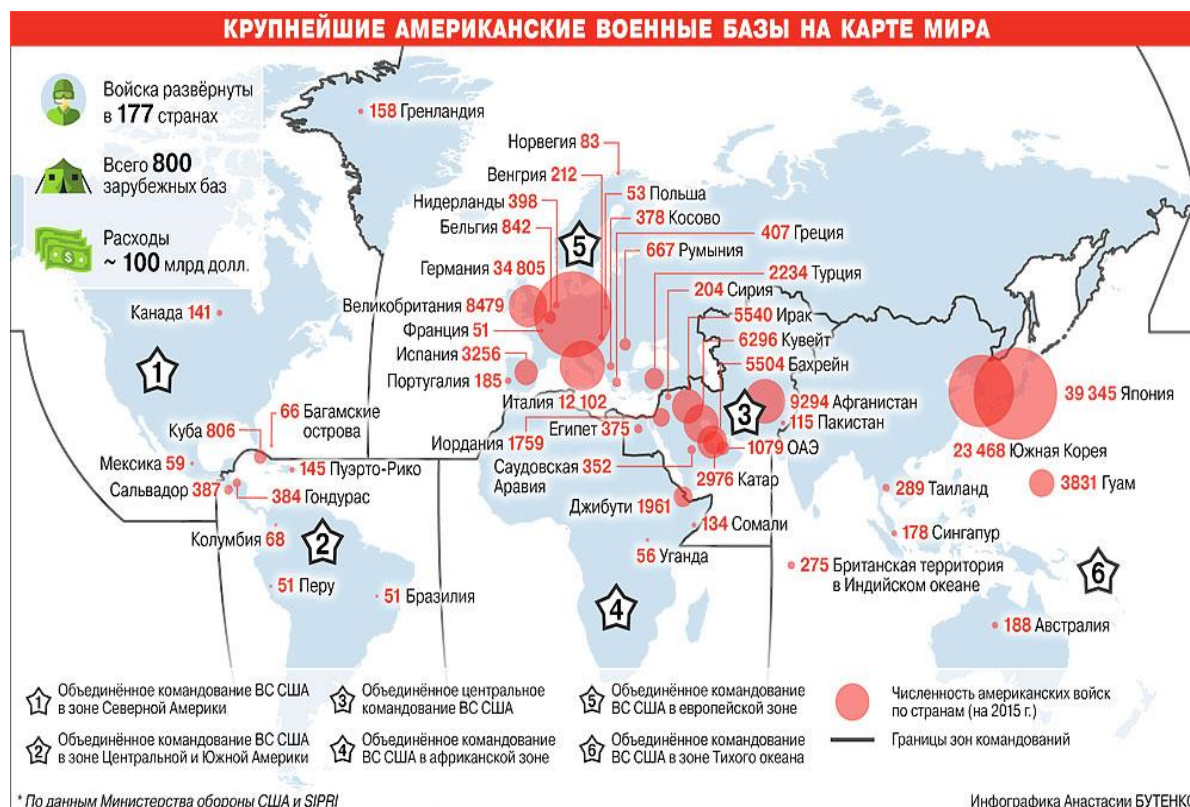

Рисунок 2 – Военные базы США, развернутые в других государствах

Негативные тенденции проявляются в политике Узбекистана, который ставит под сомнение законность существующих границ. На тысячекилометровой границе Киргизии с Узбекистаном имеется свыше ста спорных мест. На узбеко-таджикской границе таких мест около 700. Ждет своего времени демаркация границы между Казахстаном и Узбекистаном. Ташкент возводит инженерно-технические сооружения на спорных участках границы и санкционировал своим пограничникам открывать огонь без предупреждения в спорных районах [5].

Вместе с тем расширяется зона оперативной ответственности объединенного центрального командования вооруженных сил США, в которую включены пять среднеазиатских государств: Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан. в Европейской зоне Белоруссию, Украину, Молдавию, Грузию, Армению и Азербайджан. Таким образом, большая часть постсоветского пространства становится, согласно американским планам, потенциальным театром военных действий.

Возникновение новых вооруженных конфликтов и эскалация уже имеющихся в постсоветском пространстве может рассматриваться

как серьезная военная опасность России на региональном уровне. На территории бывшего СССР существует этнотерриториальные конфликты, которые, по оценкам экспертов, вряд ли будут урегулированы в ближайшем будущем.

В этой связи военная опасность Российской Федерации может быть порождена втягиванием нашего государства в вооруженный конфликт на стороне одного из постсоветских государств либо, как свидетельствуют события в Югославии, миротворческой деятельностью, характер которой не укладывается в существующие международно-правовые нормы.

Военная опасность Российской Федерации на региональном уровне связана также с тем, что США и их ближайшие союзники по НАТО пытаются трансформировать использование многонациональных миротворческих сил для установления своего контроля в районах, представляющих для них особый интерес. Военным комитетом НАТО отрабатываются документы, предусматривающие возможность использования силы в постсоветском пространстве. В соответствии с этими документами крупные миротворческие учения проводятся практически регулярно во всех стратегически важных регионах бывшего СССР, которые Россия рассматривает в качестве зоны своих интересов.

Весьма симптоматичной представляется позиция Грузии, Украины и ряда других стран, стремящихся в НАТО, которые, с одной стороны, рассчитывают получить масштабную помощь от Запада, а с другой, – надеются использовать силу альянса для разрешения в свою пользу разрешения конфликтов в постсоветском пространстве.

Существует также вероятность изменения политической карты региона в результате поглощения Приднестровья и создания «Великой Румынии», что может привести к возникновению нового очага военной опасности.

Несмотря на окончание холодной войны, военные опасности Российской Федерации связаны, прежде всего, с возможным обострением отношений с крупнейшей военной державой – США.

Модернизация вооружения и военной техники, увеличение численности, совершенствование качества подготовки личного состава, расширяющегося НАТО, приближение его военной инфраструктуры к российским границам в условиях, когда вступление нашей страны в этот союз представляется практически невозможным, и когда отсутствуют надежные механизмы европейской безопасности, могут рассматриваться с двух точек зрения [6]:

1. Организационно-технические действия, преследующие цель оказать военно-политическое давление на Россию.

2. Политическая линия, направленная на создание военной опасности, которая в перспективе может трансформироваться в реальную военную угрозу.

В среднесрочной перспективе военные опасности России будут представлять собой результат воздействия совокупности одновременно действующих негативных факторов укрепления и расширения НАТО, появление в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и военных контингентов, возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации, территориальные притязания к России, дезорганизация глобального рынка энергоресурсов.

Появление военных опасностей может быть вызвано целью дестабилизации политической и экономической обстановки в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Гарькушев А.Ю., Селиванов А.А., Чварков С.В. Сущность и проблемы управления обеспечением безопасности и обороной государства// Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3 (93). – С. 3-10.

2. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/135907/paragraph/91807:0>. (дата обращения 12.08.2020 г.).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 12.08.2020 г.).

4. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны (г. Москва, 26 мая 1972 г.). Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901885>. (дата обращения 12.08.2020 г.)

5. Беспалов А.Н., Кашеев А.М., Кузин В.А. «Стратегический» факультет: цели и перспективы // Вестник военного образования. – 2019. – № 6 (21). – С. 16-21.

6. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. Сауренко Т.Н., Чварков С.В. Экономическая политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Национальные приоритеты России. – 2016. – № 3 (21). – С. 22-32.

КРАЙНЮКОВ П.Е.

доктор медицинских наук, кандидат военных наук, доцент,
генерал-майор медицинской службы,
начальник Центрального военного клинического госпиталя
им. П.В. Мандрыка

АБАШИН В.Г.

доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач РФ,
врач консультативного отдела Центрального военного клинического
госпиталя им. П.В. Мандрыка

СИНГИЛЕВИЧ Д.А.

кандидат военных наук, доцент,
профессор кафедры государственного управления и права
Московского политехнического университета

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ ПРОТИВНИКОМ
В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ**

Аннотация. В статье приведены данные о вариантах применения в условиях ведения гибридной войны информационно-психологического воздействия на население с целью дискредитации системы здравоохранения. Представлены возможные варианты противодействия информационным атакам.

Ключевые слова: гибридная война, информационно-психологическое оружие, модель «пяти колец», цифровые технологии, информатизация здравоохранения.

О гибридной войне (англ. «hybrid warfare») можно говорить, как о войне гибридно-информационной, так как военные действия (регулярной армии) в ней максимально приглушены, а информационные (спецслужб) – акцентированы.

Современная стратегия применения информационного оружия (оружия гибридной войны) основана на модели «пяти колец» полковника армии США Дж. Уордена (John Warden), и методов воздействия на них, представленных по степени значимости:

- Правительство (политический лидер страны и система государственного управления) – Подрыв доверия к действующей власти;
- Производство (экономика) – Подрыв экономики страны путем внешнего экономического воздействия и внутренних диверсий;

- Инфраструктура и коммуникации – Нарушение функционирования систем жизнеобеспечения;
- Население – Манипуляция общественным сознанием – Психологическое воздействие на население (и личный состав армии);
- Вооруженные силы – Противопоставление армии народу, снижение боеготовности.

Суть стратегии: чтобы одержать победу, необходимо вычислить (обозначить) критический узел (или несколько узлов) системы и вывести его (или их) из строя, что приведет к дисфункции всей системы.

Причем каждый из элементов (методов) ведения информационной гибридной войны в той или иной степени действует на все пять уровней («колец»).

Однако, в настоящее время (по степени выраженности ответа на информационное воздействие) на первое место, нарушая приоритеты Дж. Уордена, выходит фактор «Население». Как пример: Украина (2013-2014 гг.), Франция (2019-2020 гг.), США (2020 г.), Белоруссия (2020).

Именно информационно-психологическое воздействие на население определяет максимальное разрушительное воздействие на «систему пяти колец» государства.

Протестное движение населения, в т.ч. забастовки, подрывают доверие к власти и политическому лидеру страны, нарушают работу предприятий и транспорта, элементов жизнеобеспечения, противопоставляют население и силовые структуры (приводя к дискредитации их охранных действий).

Гибридная война – не современное изобретение. Она была впервые описана полковником Генерального Штаба Русской Императорской Армии Е.Э. Месснером¹ в 60-е гг. XX века, как «Мятежевойна» («Мятеж – имя третьей всемирной»): «...создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем МЯТЕЖЕВОЙНОЙ, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения...».

Информационно-психологическое воздействие и активизация (провоцирование) протестного движения населения вписывается в технологию «цветных революций»².

Это является следствием применения «наступательного» воздействия *Медицинской (психологической) составляющей информационной гибридной войны.*

Агрессивное **информационное воздействие** (по официальной медицинской терминологии «информационно-психологическое» в т.ч.

¹ Месснер Евгений Эдуардович (1891-1974). Полковник Генштаба Русской Императорской армии. В ходе Гражданской войны был последним начальником штаба дивизии Л.Г. Корнилова в Русской армии Барона П.Н. Врангеля. Профессор военных наук, военный теоретик русского зарубежья.

² Цветная революция представляет собой явление, для которого характерно целеустремленное массированное использование информационных технологий с целью формирования манипулируемой толпы и последующих таранных ударов по власти.

«психофизическое оружие»¹⁾ имеет целью получение полного контроля над населением (армией), возможностью влиять на его сознание.

Объектом информационно-психологического («наступательного») оружия являются люди (общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил), структурно составляющие основу «пяти колец». В результате *«наступательного»* воздействия большая или меньшая их часть неосознанно принимает благоприятные для атакующей стороны решения или действия.

«Наступательное» информационное воздействие медицинской (биологической) составляющей гибридной войны против России имеет определенные точки приложения в системе здравоохранения Российской Федерации.

Дискредитация существующей в стране системы здравоохранения (работы медицинских учреждений и медицинского персонала): Министерства здравоохранения РФ и Медицинской службы Министерства обороны РФ в целях подрыва доверия к действующей власти.

Разрушение производства и нарушение работы системы жизнеобеспечения (экономика страны, в т.ч. отечественная медицинская промышленность).

Психологическое воздействие, направленное непосредственно на работу медицинских учреждений и медицинских работников для снижения их авторитета и дискредитации отечественной системы медицинского обеспечения населения.

Информационное («наступательное») воздействие на население можно условно разделить на несколько уровней:

- Бытовой (слухи, сплетни);
- «Журналистский» (предоставление «жареных фактов», непроверенной информации, заведомой лжи, «заказных статей» и т.д.);
- Информационный (запланированный) – политика отдельных отечественных СМИ, «желтая пресса», иностранные СМИ;
- «Промышленный» (запланированный) – на уровне компаний, производящих лекарственные и диагностические препараты или предоставляющих медицинские услуги;
- На уровне правительственных структур зарубежных стран и общественных организации (предоставление политически ориентированной информации).

Фактически медицинская (биологическая) составляющая гибридной войны (кроме применения элементов биологического воздействия –

¹ Психофизическое оружие – это совокупность всех возможных методов и средств (технотронных, суггестивных, психотропных, комплексных и др.) скрытого насильственного воздействия на подсознание человека с целью модификации его сознания, поведения и физиологического состояния в нужном для воздействующей стороны направлении. Психофизическое оружие представляет собой разновидность информационно-психологического оружия.

биотерроризма) заключается в постоянном информационном воздействии на население (и личный состав армии).

Следовательно, основное направление ответных действий – сложное и неограниченное по времени противостояние информационной войне, где **информации должна противостоять информации.**

Таким образом стоит отметить, что:

1. Перспективным направлением развития отечественного здравоохранения, в т.ч. при противостоянии медицинской (биологической) составляющей гибридных войн (в зависимости от стратегических и тактических возможностей государства) является внедрения цифровых технологий и развитие информатизации здравоохранения:

- создание единых баз данных пациентов;
- мониторинг систем медицинского снабжения лекарственными препаратами и применения новейших медицинских технологий;
- возможности управления медицинскими кадрами (учет, специализация, подготовка и переподготовка и др.);
- создание единых информационных баз справочного и оперативного информирования медицинских работников;
- мониторинг групповой и массовой заболеваемости населения не только в сопредельных странах, но и в других странах и регионах, с которыми у нас имеются военные, торговые или иные отношения;
- мониторинг миграционных процессов с учетом заболеваний, характерных для местности обитания мигрирующих групп людей.

Однако, существует опасность, что в ходе гибридных войн, возможен несанкционированный доступ к информационным ресурсам (медицинских центров, поликлиник и т.д.) с последующим их хищением, уничтожением или изменением (сокрытие реальной информации – ложноположительные или ложноотрицательные изменения).

2. Создание системы государственного противодействия распространению непроверенной или заведомо ложной информации с участием высококвалифицированных специалистов. Прежде всего, **экспертная оценка (не цензура!)** информационных (радио, Интернет и ТВ) сетей и программ.

3. Часть специальной информации (технической, промежуточной и т.д.) должна иметь ограниченный круг распространения.

4. Создание оперативных справочных систем с официальной (государственной, сертифицированной) информацией о заболеваниях, методах обследования, способах лечения, и лечебных учреждениях.

КРАШЕНИННИКОВА В.Ю.

кандидат исторических наук

советник МИА «Россия сегодня», генеральный директор Института
внешнеполитических исследований и инициатив**ИТОГИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА:
РОСТ УГРОЗ ДЛЯ РОССИИ НА ЗАПАДЕ, СЕВЕРЕ, ЮГЕ**

Аннотация: В данной статье уделяется внимание трем проблемным узлам – Польше на Западе, региону Восточного Средиземноморья на юге, Норвегии на севере, так как результатом правления администрации Д. Трампа в военно-политической сфере стало смещение центра тяжести НАТО из Западной в Восточную Европу, в Польшу в рамках концепции «Междуморья», усиление нестабильности в регионе Восточного Средиземноморья, наращивание военного потенциала на севере Европы.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, Польша, Норвегия, Д. Трамп, Междуморье, Восточное Средиземноморье.

Годы правления администрации Д. Трампа (2016-2020 гг.), вопреки ожиданиям многих российских экспертов, ознаменовались ростом рисков и угроз для России практически по всему периметру границ и общим повышением напряженности в мире, что привело к «трем проблемным узлам» – Польше на Западе, региону Восточного Средиземноморья на юге, Норвегии на севере.

На западном фронте, принципиальное обновление, происшедшее в НАТО – **сдвиг центра тяжести альянса из Западной в Восточную Европу, в Польшу.** Процесс стартовал еще во времена администрации Джорджа Буша: Германия и Франция показали себя «ненадежными» партнерами, выступив вместе с Россией против войны в Ираке в 2003 году. За это они получили от министра обороны Дональда Рамсфельда с его точки зрения уничижительный ярлык «старой Европы». Услужливые восточные страны, которых Вашингтон в то время вводил в состав НАТО и ЕС на роль инициатора своих инициатив, удостоились именования «новой Европы».

Администрация Д. Трампа завершила этот переход: теперь европейский конец трансатлантической оси крепко опирается на Польшу. Только в Польше с ее консервативным националистическим правительством президент США мог произнести свою милитаристскую речь в июле 2017 года. Только Польша инициативно и настойчиво предлагает свою территорию для размещения военных баз США. И более того: готова платить за это миллиарды долларов и агитирует других увеличивать

взносы в НАТО. Только в Польше в феврале 2019 года могла состояться конференция против Ирана.

Польша, со своей стороны, делает все возможное, чтобы быть надежной военной опорой. В феврале 2019 года минобороны Польши утвердило план модернизации армии страны на 48,9 миллиардов долларов – с целью «укрепления восточного фланга НАТО». Польша и в целом Восточная и Центральная Европа рассматриваются Вашингтоном в качестве потенциальной «стартовой площадки» для баллистических и крылатых ракет с ядерными носителями.

В плане «идеологии» у Варшавы давно имеется и концептуальное обоснование. Междуморье (термину примерно 100 лет) – это геостратегический проект объединения под польским руководством стран между Балтийским морем на севере и Черным и Адриатическим морями на юге. В годы диктатуры Юзефа Пилсудского концепция «Междуморья» подкреплялась тактикой «прометеизма» – разрушения СССР путем разжигания в народах национализма и сепаратизма: «как Прометей принес огонь людям, так Польша принесет свободу поработленным Москвой народам». Впоследствии такую политику взял на вооружение Третий рейх, создавая национальные легионы СС, а затем этим же занялись США во времена холодной войны, разжигая национализм в рамках «Закона о поработенных народах».

Рисунок 1 – Междуморье: вариант Джорджа Фридмана, главы аналитического агентства «Стратфор»

Для польских националистов «Междуморье» давно было главным оперативным концептом. Новизна в том, что его подхватили американские

стратегии и военные. Первым его ввел в оборот в 2009 году Джордж Фридман, глава американского частного агентства «Стратфор». Раскрытая «Викиликс» переписка Стратфор показывает, что термин «Междуморье» (Intermarium) встречается в 394 письмах «Стратфора», отправленных за два года до декабря 2011. В «Геополитическом дневнике» за 2015 год говорится предельно четко: «Ввиду возрождения мощи России идея «Междуморья», поддержанного не Францией, а США, и имеющего своей целью Россию, станет неизбежна». Эти и другие факты, и цитаты содержатся в докладе «Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа», представленном нашим Институтом накануне 70-летия НАТО 3 апреля 2020.

Новой политэкономической инкарнацией «Междуморья» стала поддержанная США «Инициатива трех морей» (The Three Seas Initiative), предложенная польскими национал-консерваторами из партии «Право и справедливость». Прошло уже три саммита этой новой структуры, один из них в июле 2017 года посетил Д. Трамп; обсуждали поставки в Европу американского сжиженного газа, то есть вытеснения оттуда российского. Одним из создателей концепции «Триморья» был экс-главнокомандующий силами НАТО в Европе Джеймс Джонс.

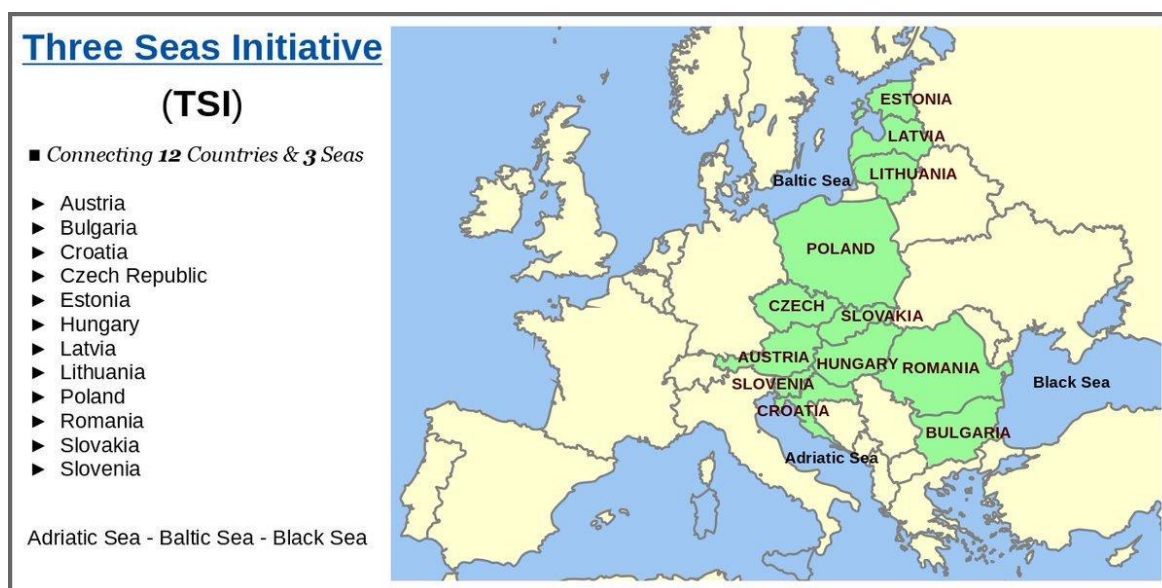

Рисунок 2 – Инициатива трех морей, новая реинкарнация проекта Междуморья

Есть у Польши и еще одно важное геостратегическое устремление: разделить «Междуморьем» своих «извечных врагов» Россию и Германию. Германия национал-консервативному польскому правительству видится также как олицетворение «либеральной Европы» – еще один повод для противостояния.

Таким образом, при президенте Д. Трампе цели США и Польши вошли в резонанс:

1) в идеологическом плане, через националистические устремления;
2) в политическом плане, через стремление ослабить Россию и Германию;

3) в военном плане, через потребности Вашингтона в усилении инфраструктуры в Европе и милитаризм Варшавы.

Яростно антироссийская политика, готовность участвовать в американских провокациях против России и единства ЕС делают Польшу, Румынию, Прибалтику и, конечно, Украину наиболее надежными союзниками США в Европе.

«Междуморье» может стать самым эффективным американским клином, вбитым в западную оконечность большого Евразийского континента. Оно ставит финальной целью похоронить идею общего пространства безопасности и демократического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока. Нельзя допустить, чтобы химеры «Междуморья» вновь погрузили Европу и весь мир в хаос нового конфликта.

В марте 2020 года Институт внешнеполитических исследований и инициатив выпустил книгу «Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920-2020». С тех пор, дестабилизация Белоруссии как части Союзного государства лишь добавила остроты угрозам с западного направления.

На южном направлении, в дополнение к традиционным угрозам, связанным с войнам США и НАТО на Ближнем Востоке, добавилась дестабилизация региона ***Восточного Средиземноморья***.

В конце декабря 2019 года конгресс США принял закон «О безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье». Его цель – пресечение политических, экономических и военных связей России с государствами региона, замещение российского газа в Европе и милитаризация региона, направленная против России. Грозное слово «Russia» в тексте повторяется 25 раз. Фактически законопроект запрещает России вести внешнюю политику и развивать любое экономическое сотрудничество в регионе.

В сфере энергоресурсов в рамках стратегии президента Д. Трампа по превращению США в «энергетическую сверхдержаву» законопроект форсирует разработку новых источников газа для Европы и строительство трубопроводов для его доставки, в целях вытеснения российского газа. В военной сфере ставится цель резко усилить позиции США в регионе, создав альянс из Греции, Кипра и Израиля, попутно нанеся удар по Турции, где Президент Реджеп Тайип Эрдоган принимает излишне самостоятельные и даже скандальные для государства – члена НАТО решения, такие как приобретение российских противоракетных систем «С-400».

В военно-политическом плане закон, в частности, предусматривает «укрепление сотрудничества в сфере безопасности с Грецией, Кипром и Израилем», включающее «обмен разведывательными данными, повышение осведомленности в киберпространстве и на море»; требует

«настоятельно призвать государства региона отказать в портовых услугах судам Российской Федерации, задействованным для поддержки правительства Башара Асада в Сирии»; «поддерживать усилия государств региона по демобилизации военной техники, поставленной правительством Российской Федерации, в пользу техники, поставляемой НАТО и странами – членами НАТО». Документ призывает также «в полной мере осуществлять соответствующие положения закона «О противодействии противникам Америки путем санкций» (CAATSA) с целью не допустить вмешательства со стороны правительства Российской Федерации в дела региона».

Рисунок 3 – Премьер-министр Биньямин Нетаньяху проводит пресс-конференцию с госсекретарем США Майклом Помпео (слева), президентом Кипра Никосом Анастасиадесом (второй слева) и премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом (справа) в Иерусалиме 20 марта 2019 г.

В рамках этих планов, Греция становится новым основным плацдармом США в регионе, вместо «ненадежной» Турции. Ранее правительство премьер-министра Алексиса Ципраса согласилось на модернизацию американской военно-морской базы Суда на Крите, создание вертолетной базы на севере Греции, базы беспилотников в окрестностях города Лариса в Центральной Греции, милитаризацию острова Карпатос в восточной части Эгейского моря, строительство порта для американского сжиженного газа в Александруполе. Более того, на встрече в Вашингтоне в октябре 2017 года А. Ципрас и Д. Трамп обсуждали перемещение тактического ядерного оружия с авиабазы Инджирлик на юге Турции в окрестности населенного пункта Андравида на севере Пелопоннеса.

Новый законопроект фиксирует: США «сохранят активное военноморское присутствие и инвестиции в строительство военноморского комплекса в заливе Суда, Греция, и будут углублять сотрудничество с Грецией в области безопасности, включая недавнее развертывание разведывательно-ударных БПЛА MQ-9 на авиабазе Лариса и подготовку пилотов вертолетов в Центральной Греции».

Летом 2020 года напряженность в регионе перешла на новый уровень: обострился конфликт между Турцией и Грецией, связанный с бурением месторождений газа на шельфе вокруг греческих островов. В противоречия быстро втянулись Франция, Германия и Италия, направляющие в регион военные силы и/или пытающиеся стать медиаторами конфликта.

Таким образом, новый американский закон «О безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье» был принят как «юридическое обоснование» для вытеснения России из региона, располагающегося на пути к Ближнему Востоку. Параллельно, противоречия между государствами региона создают предлоги для прямого вмешательства США.

На северном направлении, Норвегия, Швеция и Финляндия активизируют свою деятельность в рамках НАТО, вне зависимости от членства в организации. Рассмотрим случай Норвегии.

Норвегия – один из членов-основателей НАТО и неизменный союзник Соединенных Штатов Америки. Однако с заявленным главным противником альянса Норвегия имеет 180-километровую границу. На протяжении всего периода холодной войны власти Норвегии поддерживали деликатный баланс: с одной стороны, верное союзничество с США в рамках НАТО, с другой – добрососедские отношения с Советским Союзом. Важнейшей частью официальной политики был запрет на размещение иностранных военных баз и ядерного оружия на норвежской территории.

Такая «базовая политика» Норвегии, которую последовательно вели социал-демократические правительства страны, способствовала относительной стабильности в северных районах во время холодной войны, хотя инциденты случались регулярно. Самолеты-разведчики «U2» на службе ЦРУ использовали военную авиабазу Буде в Северной Норвегии. Военные корабли США регулярно заходили в норвежские порты, возможно, с ядерными вооружениями на борту. Для разжигания антисоветских настроений в Скандинавии американские ведомства в 1970-1980-е годы организовывали провокации, в результате которых советские подводные лодки обвинялись в нарушении норвежских и шведских территориальных вод.

Внешняя политика Осло по отношению к Советскому Союзу начала заметно меняться в середине 1980-х годов. После разрушения СССР в 1991 году крен усиливался: страна постепенно отказывалась от баланса

между позицией лояльного союзника США и доброго соседа России – в пользу активного союзничества с Вашингтоном напрямую и в рамках НАТО.

Этот крен стал особенно очевиден после 2005 года, начиная с так называемого зелено-красного кабинета Йенса Столтенберга – в настоящее время генерального секретаря НАТО, и до сегодняшнего консервативного правительства Эрны Сульберг.

Рисунок 4 – Места расположения основных военных объектов в Норвегии

В результате от традиционной «базовой политики» не осталось ничего. Ориентация Норвегии на США и НАТО в последние годы завершила практически полную интеграцию норвежского государства в агрессивную военную стратегию США в Северной Европе и Арктике.

В Северной Норвегии вблизи российской границы, несмотря на официальные заявления, в «режиме ротации» постоянно дислоцируются морские пехотинцы США. В городе Варде, 30-ти километрах от Мурманска появилась радиолокационная разведывательная станция, оснащенная

новейшим оборудованием и финансируемая США. Силы специальных операций Норвегии активно участвуют в операциях НАТО в Афганистане, Ливии, Сирии, Мали – очень далеко от интересов национальной обороны на севере Европы, и совсем далеко от исходного смысла альянса, который, напомним, называется Североатлантическим.

В последние годы Арктика приобретает все большее значение и привлекает внимание стран не только арктических. Гонка за ресурсами в этом регионе с годами будет только нарастать. США и главные страны НАТО рассматривают арктический регион в качестве своего оперативного театра военных действий, что неминуемо приведет к повышению напряженности в регионе.

В сентябре 2020 года Институт выпустил перевод книги «Норвегия между США и Россией» профессора Академии вооруженных сил Норвегии подполковника Турмуда Хейера. Работа позволяет лучше понять эволюцию отношений Норвегии и США, внутренние дискуссии в стране, логику принятия решений в рамках НАТО и другие важные процессы.

Таким образом, администрация Д. Трампа в течение четырех лет последовательно наращивала давление на Россию с севера, запада и юга. Общественно-политическая дестабилизация Белоруссии также разворачивается с целью повышения напряженности и сокращения маржи для маневра России. Если на президентских выборах в ноябре победит Д. Трамп, ограничения для еще более агрессивной политики, такие как необходимость переизбрания, будут сняты. В случае избрания Дж. Байдена, интервенционисты среди демократов возобновят свои атаки, пользуясь рамками возможного, которые радикально расширил Д. Трамп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. М.: Кучково поле, 2019. – 63 с.
2. Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920–2020. Под общ. ред. Крашенинниковой В.Ю., отв. ред. Буневич Д.С. – М.: Кучково поле, 2020. – 175 с.
3. Хейер Т. Норвегия между США и Россией. – М.: Кучково поле, 2020. – 271 с.

КУРНОСОВ К.В.

аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА И ЕГО ФОРМИРОВАНИЕ У ЛИЧНОГО СОСТАВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассмотрен возможный путь формирования патриотизма у личного состава ВС РФ на основе системного подхода. Для увеличения эффективности этого процесса предложено совершенствование курса данного вида государственной политики в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: Патриотизм, системный подход, информационно-коммуникационные технологии, военная безопасность, подготовка к защите Отечества.

В настоящее время прослеживается отчетливая тенденция смещения военных опасностей и угроз во внутреннюю сферу Российской Федерации. Ведущими военными аналитиками отмечается повышение информационного воздействия на население нашей страны, которое имеет своей целью подрыв патриотических и исторических традиций. Советник министра обороны Российской Федерации А.М. Ильницкий высказал по этому поводу следующее мнение: «Самыми актуальными на сегодня угрозами для России становятся угрозы информационно-идеологические. Их целью является хаос и смятение в головах россиян, подрыв доверия на стыке «власть – общество», разрушение социальной инфраструктуры, а в итоге (по модели «холодного» разрушения СССР) – ослабление и распад государства Российского» [1].

В контексте вышесказанного, необходимо отметить, что в военных концепциях ведущих государств мира, завоевание информационного превосходства декларируется неперенным условием ведения успешных военных действий. Для решения указанной задачи сегодня широко применяются информационно-коммуникационные технологии. Поэтому именно повышению способности противостоять информационному воздействию, как угрозе военной безопасности, должен сегодня способствовать процесс формирования патриотических ценностей у личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ).

Анализ научных источников, отражающих тематику данного исследования показал, что представителей различных научных школ

объединяет рассмотрение патриотизма как: духовно-нравственного состояния, основы жизненных ориентаций [2]; нравственного принципа [3]; необходимого и достаточного условия легитимной принадлежности к политическому сообществу [4]; регулятивной идеи [5].

В рамках нашего исследования более обоснованным представляется подход В.И. Лутовинова, оперирующий конкретными смыслами, которые целесообразно задействовать в разработке актуальных положений, направленных на формирование российского патриотизма у личного состава ВС РФ. Давая определение категории патриотизма, В.И. Лутовинов отмечает, что «патриотизм представляет собой сложное и многогранное явление, совокупность таких взаимосвязанных элементов, как любовь к Родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов» [6]. Используя данное определение в качестве базового, рассмотрим патриотизм с точки зрения системного подхода. Для этого выделим и опишем элементы системы, затем выявим их связи, дадим качественную характеристику этим связям, проанализируем эволюцию связей элементов системы. Элементы системы российского патриотизма определим, как: любовь к Родине, любовь к своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, стремление своими действиями защищать от врагов Родину и народ.

Элемент системы патриотизма «любовь к Родине» может быть определен как отношение к стране, а элемент «любовь к своему народу» как отношение к гражданам, исторически объединенным на территории данной страны, как безусловные положительные ценности. Элемент «стремление своими действиями служить интересам Родины и народа» определяется как целенаправленная деятельность, направленная на различные объекты, освоение которых оценивается как благо по отношению к стране, ее гражданам. Элемент системы «стремление своими действиями защищать от врагов Родину и народ» можно охарактеризовать как целенаправленную деятельность личности по обороне страны и ее граждан от враждебных действий. Основываясь на данных определениях, представляется возможным рассмотрение качественной характеристики связей элементов системы на примере отдельно взятой личности гражданина-патриота.

Патриотизм, как принцип, объективно существует в человеческом обществе до рождения любой отдельно взятой личности. С рождением человека начинается процесс его социализации и воспитания [7]. В семье, где патриотизм существует как принцип, он прививается ребенку сначала на уровне чувств. Этот этап соответствует построению элемента системы «любовь к Родине». Далее, в процессе социализации и развития человека начинает формироваться следующий элемент системы – «любовь к народу». Его формирование означает психологическую готовность совмещать свои потребности с потребностями других людей. Здесь патриотизм

рассматривается как почетная обязанность личности, что можно расценивать как возвращение усилий, «отдачу», затраченных на ее воспитание.

С переходом молодого человека во взрослую жизнь начинается его деятельный путь. С началом трудовой деятельности возможен выбор в качестве жизненной цели своими действиями служить интересам Родины и народа. Человек, научившись в детстве любить Родину, осознав, в чем заключаются интересы Родины и народа, начинает целенаправленную деятельность в отношении различных объектов, освоение которых оценивается как благо по отношению к стране, ее гражданам. Этот элемент системы превращает жизнь человека в служение патриотической идее. Наивысшим этапом в развитии патриотизма является целенаправленная деятельность личности по защите страны и сограждан. На этом этапе патриотизм уже можно оценивать в качестве элемента коллективного сознания, которое, в свою очередь, воплощается как социально консолидирующий принцип в жизни последующих поколений.

Рассматривая эволюцию элементов системы патриотизма в более широком, вариативном аспекте, можно столкнуться с ситуацией, когда человек, по каким-либо причинам не испытывает любви к Родине. Значит, сначала он равнодушен к Родине. Далее, вышеуказанная иерархия смыслов и ценностей может быть рассмотрена в своем зеркальном отражении, но уже с негативным подтекстом. Таким образом, разрушая иерархию элементов системы патриотизма, человек, равнодушный к Родине, испытывает нелюбовь к Родине, к своему народу. Далее он стремится своими действиями ущемить и даже нанести ущерб интересам Родины и народа. Весь этот спектр негативных чувств и действий может быть определен как «антипатриотизм» (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Российский патриотизм как социально-политическая система

Таким образом, отторжение патриотизма как принципа, приводит к его антиподу, одним из проявлений которого может стать, например, нигилизм – отрицание самих ценностей для человека и общества. В основе нигилизма лежит механизм ложной самоидентификации. Это абсолютизация какого-то отдельного свойства, реального или идеального, но возведенного в ранг высшей ценности со знаком минус. Для того чтобы подтолкнуть человека к принятию этой ценности (по сути – антиценности), требуется погрузить его в зону нестабильности и неуверенности, в условия деформации и разрушений основ социального и политического мироустройства. Для внедрения антиценностей, деструктивными силами, стремящимися к ослаблению военной мощи нашего государства, используется процесс информационного воздействия на личный состав ВС РФ. В основе данного процесса лежит повсеместное применение информационно-коммуникационных технологий, одной из которых является огромная база данных общего пользования, функционирующая без централизованного руководства. В связи с этим особое значение приобретает учет особенностей применения информационно-коммуникационных технологий в процессе формирования патриотических ценностей у российских военнослужащих.

Сегодня в Российской Федерации продвижением патриотических ценностей в Интернет-пространстве занимается, в основном, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр) во взаимодействии с Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям (Роспечать). Однако для повышения влияния патриотических настроений личного состава ВС РФ на военную безопасность необходимо создание Департамента Интернет-вещания в структуре Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и плотным взаимодействием данной структуры с Главным военно-политическим управлением Вооруженных сил Российской Федерации. Одним из видов деятельности данного департамента может быть заключение субподрядов с блогерами, ведущими деятельность в информационном пространстве, по внедрению патриотических ценностей. Предложением по практическому применению данного исследования является учет особенностей формирования патриотизма у личного состава ВС РФ в цифровой среде, разработка цифровых технологий с включением алгоритмов внедрения в них патриотических ценностей. Путем повышения эффективности подготовки граждан Российской Федерации к военной службе может послужить создание единого когнитивного поля в Интернет-пространстве, объединяющего познавательные интересы граждан разного возраста.

В заключение отметим, что применение системного подхода в ходе формирования патриотических ценностей у личного состава Вооруженных

Сил Российской Федерации позволит проводить этот процесс на новой качественной основе. Основным направлением для дальнейших исследований в этой области знаний является широкое применение для достижения заявленных целей информационно-коммуникационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильницкий А. Политика обеспечения безопасного будущего России // Звезда. 18.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://zvezdaweekly.ru/news/t/201912181333-eS0ty.html?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru (дата обращения: 12.02.2020).
2. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – С. 21.
3. Трынов Д.В. Патриотические установки молодежи Свердловской области: ценностные ориентации и практическая деятельность: [монография] / Д.В. Трынов; МинОбр РФ, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 10.
4. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы: коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Изд-во: МарТ, Ростов-на-Дону, 2013. – С. 132.
5. Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. – М.: Институт наследия, 2017.
6. Актуальные проблемы патриотического и военно-патриотического воспитания детей и молодежи в контексте обеспечения военной безопасности России: Материалы городской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 24 апреля 2015 г.) / Сост.: В.И. Лутовинов, Е.В. Радченко, И.И. Стрельцова, Р.З. Фаттахова; под общ. ред. В.И. Лутовинова. – Нижневартовск, 2015.
7. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991.

Полковник ЛАВРЕНТЬЕВ С.В.

начальник научно-исследовательской лаборатории
научно-исследовательского управления (исследования общих проблем
управления обороной государства) Военного института (управления
национальной обороной) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Аннотация. В статье анализируются правовые нормы, регулирующие военное сотрудничество государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Анализ проводится на основе договоров, соглашений и других международно-правовых актов организации преимущественно в сфере обеспечения безопасности.

Ключевые слова: право, правовые основы, военное сотрудничество, ШОС.

Историческая наука утверждает, что история человечества – история войн. История войн – это история военных союзов. В 410 году Рим, столицу величайшей империи всех времен и народов, захватили отряды союза «варварских» племен, не имевших своей государственности. Русский князь Александр Невский в XIII веке осуществлял тезис «крепить оборону на западе, а друзей искать на востоке», тем самым, по мнению экспертов в области межгосударственных отношений, заложил основы многовекторной российской дипломатии. Сегодня, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, развитие отношений с государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) безусловный приоритет внешней политики России.

Юриспруденция – одна из самых первых, с точки зрения хронологии возникновения, социальных наук, зародившаяся еще в Древнем Риме, за 2000 лет своего существования так и не ответила на самый главный вопрос, что есть право. По-прежнему актуальны слова И. Канта о том, что юристы до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права [1, с.195]. Сегодня под правом, в узком смысле слова, как правило, понимается система общеобязательных социальных норм, установленных или санкционированных государством.

Если обратиться к действующему законодательству Российского государства, то термин «правовые основы» встречается достаточно часто. Так, согласно пункта один статьи 4 Федерального закона «О статусе военнослужащих», правовыми основами статуса военнослужащих

являются Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Аналогичные нормы содержатся в целом ряде федеральных законов. Логично будет констатировать, что правовую основу сотрудничества государств – членов ШОС составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные и межгосударственные договоры, а также совместно принятые хартии, конвенции, меморандумы, положения, решения, стратегии, соглашения и протоколы, регулирующие и регламентирующие их межгосударственные и международные отношения.

Военный энциклопедический словарь трактует военное сотрудничество как совместную военную деятельность двух или более государств, других субъектов мировой политики и их Вооруженных Сил. Военное сотрудничество разворачивается в политической, экономической, технической, научной, оперативно-стратегической, кадровой и других областях [2, с.141].

Шанхайская организация сотрудничества, согласно правоустанавливающим, уставным документам не является ни военным союзом, ни военно-политическим блоком. Вместе с тем, Президент Российской Федерации В.В. Путин ставит перед российской наукой задачу смотреть на 30-40 лет вперед, видеть, в частности, перспективы развития геополитической ситуации, прогнозировать развитие.

Прогнозируя основные направления развития военного сотрудничества государств – членов ШОС на перспективу, с целью выработки конкретных рекомендаций, необходимо исходить из развития геополитической ситуации в азиатском регионе, в первую очередь, с учетом планов США по размещению ракет средней и меньшей дальности на Корейском полуострове и в Японии, по объединению двух корейских государств согласно разработанного в США алгоритма. Чем обернулось для России объединение двух германских государств по аналогичному сценарию в конце XX века нам хорошо известно.

Научные исследования по изучению и прогнозированию вариантов развития геополитической ситуации, мониторинг военно-политической обстановки ведутся постоянно и в нашей стране, и за рубежом. Евгений Максимович Примаков отмечал, в частности, что Шанхайская организация сотрудничества постепенно обретает черты азиатской системы безопасности. По мнению заместителя директора института Дальнего Востока РАН профессора С.Г. Лузянина, ШОС, не меняя своего статуса и базовой концепции, заложенной в 2001 и последующих годах, объективно становится более multifunctional и во все большей степени, вовлеченной в решение глобальных и региональных вопросов

сотрудничества. По мнению А.Ф. Клименко: «Военную составляющую ШОС на сегодня представляет лишь Региональный антитеррористический центр, который по своему составу и вмененным функциям не способен эффективно обеспечить решение возникающим на этом направлении задач. Между тем, перефразируя известные слова, можно сказать, что всякая организация лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищать себя и своих участников. Поэтому ШОС неизбежно придет к выводу о необходимости наличия в своем составе такой военной структуры, которая будет способна решать задачи сдерживания и предотвращения развития ситуации по опасному сценарию. Таким образом, реальные события и возможные сценарии их развития вносят свои коррективы в предназначение и задачи ШОС. Признавая, что Шанхайская организация не является военно-политическим союзом, не следует отрицать и того, что, согласно уставным документам, ШОС представляет собой универсальную организацию» [3, с.117].

Состав участников Шанхайской организации, представленный на рисунке 1 подтверждает масштаб и значение организации в мировой политике.

Рисунок 1 – Состав участников Шанхайской организации сотрудничества

В сфере безопасности в Организации разработано и принято более 40 нормативных документов, основными из которых являются:

Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» от 15.06.2001 г.;

«Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15.06.2001 г.;

«Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре» от 07.06.2002 г.;

Решение № 1 Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества «Об утверждении Концепции сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 05.07.2005 г.;

«Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – членов Шанхайской организации сотрудничества» от 15.06.2006 г.;

«Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о проведении совместных военных учений» от 27.06.2007 г.;

«Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности» от 05.10.2007 г.;

«Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества» от 28.08.2008 г.;

«Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» от 28.08.2008 г.;

«Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» от 16.06.2009 г.;

«Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» от 16.06.2009 г.;

«Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств – членов Шанхайской организации сотрудничества» от 16.06.2009 г.;

«Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года» от 12.09.2014 г. и другие.

В рамках реализации «Соглашения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений» ШОС регулярно проводит военные антитеррористические учения.

Целями проведения совместных учений являются:

боевое слаживание и всестороннее взаимодействие войск (сил) вооруженных сил государств – членов ШОС;

приобретение навыков противодействия террористическим угрозам и проведения совместных спасательных операций;

демонстрация силы, готовность и решимость ее применения для пресечения любой террористической деятельности в ЦАР;

реализация совместных военно-научных разработок, направленных на обеспечение коллективной и региональной безопасности и др.

Антитеррористические учения, проводимые в системе ШОС имеют в большей степени войсковую направленность, так как в них, как правило, принимают участие войсковые подразделения государств-членов организации. В ходе таких учений осуществляется отработка взаимодействия вооруженных сил и правоохранительных структур при нейтрализации незаконных вооруженных формирований, использующих террористические методы ведения боевых действий.

В соответствии с Соглашением между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о проведении совместных военных учений от 27 июня 2007 года целью проведения учения является «объединение усилий по обеспечению эффективного реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность на пространстве ШОС, в том числе путем взаимосогласованных действий оборонных ведомств» [4, с.3].

В данном Соглашении определяется порядок организации (подготовки) учения, а также обязанности принимающей и направляющих сторон и их взаимоотношения. Для непосредственной подготовки и проведения учений Стороны создают орган управления учениями.

В соответствии с Соглашением Стороны не распространяют информацию, раскрывающую методику работы органов управления, тактику действий воинских и других формирований, особенности применения и характеристики вооружения и военной техники, а также иную информацию об учениях, запрещенную к распространению.

Методика подготовки и проведения военных учений (маневров войск, командно-штабных, оперативно-тактических и др.) отражена в «Наставлении по оперативной подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации», утвержденным Министром обороны Российской Федерации в 2012 году. Учения, проводимые в рамках ШОС, согласно Наставлению, являются коалиционными учениями, т.е. учениями, проводимыми в ВС РФ с участием органов военного управления, соединений вооруженных сил союзных (дружественных) государств, не входящих в состав коалиционных (региональных группировок войск (сил), на основе действующих межгосударственных договоренностей и соглашений в области обеспечения военной безопасности.

Стремление ШОС к адекватному реагированию на нетрадиционные угрозы безопасности в своей зоне ответственности детерминирует повышение оперативной совместимости вооруженных сил государств-членов путем проведения совместных учений, постоянного совершенствования сценариев учений и тематики учебных задач.

Новые вызовы и кризисные ситуации, связанные с распространением пандемии коронавируса вносят коррективы в планы военного сотрудничества государств – членов ШОС. Меняются даты и состав участников военных парадов и военных учений, на учения «Кавказ-2020» не прибыли индийские военнослужащие, но приняли участие, в соответствии с планом учения, военнослужащие Национально-освободительной армии Китая.

Совместные военные учения и парады имеют очень важное военнополитическое значение в сотрудничестве государств – членов ШОС, но не менее важное значение играет и военно-техническое сотрудничество, в том числе, подготовка военных кадров. Тема покупки и продажи вооружений и военной техники государствами-членами ШОС останется за рамками данной статьи.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 года № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», Министерство обороны Российской Федерации оказывает в установленном порядке услуги по подготовке и обучению военных и военно-технических кадров иностранных государств [5, с.55]. План приема военных и военно-технических кадров иностранных государств для подготовки и обучения в воинские части и военные образовательные организации высшего образования Министерства обороны Российской Федерации закрыт для широкого ознакомления, вместе с тем еще в ноябре 2013 года Президент России В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости расширения международного сотрудничества в области подготовки военных кадров. Он сообщил, что «за прошедшие 70 лет в наших военных вузах было подготовлено более 280 тысяч иностранных военнослужащих из 108 государств мира, здесь у нас накоплен богатый опыт». Сегодня в России учатся свыше 5500 военнослужащих из 43 государств, «прежде всего из стран, которые являются нашими стратегическими союзниками по ОДКБ и СНГ и других стран» [6 с.2], отметил президент. Следует добавить, что первую очередь, учатся военнослужащие из государств – членов ШОС.

На расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 18 декабря 2018 года Министр обороны РФ генерал армии С. Шойгу доложил, что завершено восстановление системы военного образования и привел следующие показатели: в вузах Министерства обороны обучаются слушатели из 81 государства, военная подготовка 60 тысяч студентов в 93 военных учебных центрах, вузах осуществляется без отрыва от учебы [7, с.3].

Таким образом, военное сотрудничество государств – членов ШОС детерминировано изменением геополитической обстановки и имеет устойчивую тенденцию к расширению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. – Минск: Классическая философская мысль, 1998. – 730 с.
2. Военный энциклопедический словарь. – М.: Военное издательство, 2007. – 831 с.
3. Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – 270 с.
4. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о проведении совместных военных учений. – Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 7. – 79 с.
5. Указ Президента РФ от 10.09.2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55593. (дата обращения: 21.09.2020).
6. В.В.Путин: военное образование должно стать престижнее гражданского. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://ria.ru/20131115/977171764.html>. (дата обращения: 30.10.2019).
7. Заседание коллегии Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: // <http://kremlin.ru/events/president/news/59431>. (дата обращения: 30.10.2019).

МАЛЫШЕВ В.П.

доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России (федеральный центр науки и высоких технологий)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. В статье рассмотрен исторический опыт развития систем защиты населения и территорий от различных угроз, обоснована целесообразность интеграции гражданской обороны на базе единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и приведены предложения по ее осуществлению.

Ключевые слова: угрозы военного, природного, техногенного и биологического характера, системы защиты населения и территорий, предложения по интеграции.

Анализ исторического опыта развития служб защиты населения и территорий за прошедшие годы, основные вехи представлены на рисунке 1, свидетельствует, что их облик определяется характером крупномасштабных угроз и вызовов [1].

Рисунок 1 – Исторический опыт развития служб защиты населения и территорий

Развитие дальней авиации и появление химического оружия вызвали необходимость создания системы местной противоздушной обороны (МПВО). Разработка ядерного оружия и межконтинентальных средств его доставки обусловили необходимость преобразования МПВО в систему гражданской обороны. Возникновение крупномасштабных чрезвычайных ситуаций, требующих для их преодоления участия высших государственных органов власти, способствовали созданию единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС).

В условиях нарастания комплекса проблем, связанных с кризисом международных отношений и ростом числа крупномасштабных катастроф, представленных в таблице 1, требуется дальнейшее совершенствование правовой базы и организационных структур, обеспечивающих защищенность населения страны в этих условиях. Одним из наиболее реальных путей создания рациональной системы защиты является объединение органов управления, сил и средств гражданской обороны и РСЧС в единую систему.

Таблица 1 – Крупные катастрофы в России за последние 10 лет

№ п/п	Катастрофы	Количество погибших	Количество пострадавших	Материальный ущерб
1	2009 г. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС	75	85	130 млрд руб.
2	2010 г. Масштабные лесоторфяные пожары в России	62	86000	100 млрд руб.
3	2012 г. Катастрофическое затопление Крымска	171	34000	45 млрд руб.
4	2013 г. Катастрофическое затопление на Дальнем Востоке	1	168000	125 млрд руб.
5	2018 г. Пожар в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово	66	700	15 млрд руб.
6	2018 г. Катастрофические затопления в Краснодарском крае	12	22700	24 млрд руб.
7	2019 г. Катастрофические затопления в Иркутской области	91	41500	80 млрд руб.
8	2020 г. Пандемия, вызванная вирусом COVID-19	Свыше 10000	Свыше 600 000	~5-6 трлн руб.

Положительный опыт объединения всех необходимых сил и ресурсов под руководством высших должностных лиц государства был опробован в ходе ликвидации Чернобыльской катастрофы, когда под угрозой радиоактивного загрязнения из-за выбросов ядерного топлива из разрушенного реактора оказалась практически вся территория Европейской части страны. Структура органов руководства и сил, участвовавших в ликвидации аварии на ЧАЭС, представлена на рисунке 2.

Структура органов руководства и сил, участвовавших в ликвидации аварии на ЧАЭС

Рисунок 2 – Структура органов руководства и сил, участвовавших в ликвидации аварии на ЧАЭС

Тогда в силу отсутствия современных средств видеосвязи был выбран двух ярусный способ руководства. Стратегические вопросы преодоления последствий аварии решала Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС во главе с Председателем Совета Министров СССР. Оперативные вопросы ликвидации аварии решала Правительственная комиссия, находящаяся в районе аварии, под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР [2].

Это позволило за 10 суток заглушить выбросы из разрушенного реактора, за месяц ликвидировать опасные радиоактивные участки на территории станции и в течение полугода выстроить укрытие для аварийного реактора и начать эксплуатацию двух энергоблоков. Сроки выполнения основных этапов ликвидации аварий в Чернобыле и «Фукусиме», приведенные в таблице 2, наглядно подтверждают

эффективность участия высших должностных лиц государства в преодолении последствий крупных бедствий.

Таблица 2 – Сроки основных этапов работ

Тип аварии	Подавление выбросов радионуклидов	Ликвидация опасных радиационных загрязнений	Восстановительные работы
Авария на Чернобыльской АЭС	В течение 10 суток путем засыпки в реактор 5 тыс.т материалов была подавлена активность реактора	В течение одного месяца были ликвидированы основные опасные загрязнения на станции	В течение 6 месяцев было возведено укрытие и начата эксплуатация двух энергоблоков
Авария на АЭС «Фукусима»	В течение 90 суток удалось добиться охлаждения активных зон реакторов	В течение двух лет шла ликвидация опасных загрязнений	В течение пяти лет шла консервация помещений. Эксплуатация станции прекращена

Опыт руководства высшими должностными лица государства действиями государственных органов власти по смягчению последствий крупномасштабных бедствий был использован при борьбе с пандемией, вызванной коронавирусом COVID-19.

В соответствии с оперативно принятым федеральным законом [3] действиями органов государственной власти по борьбе с пандемией руководили высшие должностные лица государства. Основные направления деятельности органов государственной власти по противодействию инфекции представлены на рисунке 3.

Благодаря такой организации работ были своевременно приняты необходимые меры по борьбе с пандемией, поддержке различных отраслей экономики, бизнеса, науки и культуры, оказанию помощи пострадавшему населению, что позволило Российской Федерации, в целом, успешно преодолеть негативные последствия этого бедствия. Количество смертельных случаев в нашей стране от пандемии одно из самых низких.

Существенное повышение статуса РСЧС, благодаря принятому Федеральному закону от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ, обусловило целесообразность интеграция гражданской обороны на базе РСЧС. Существующая структура РСЧС включает все необходимые органы управления, силы, ресурсы и средства по предупреждению и ликвидации ЧС и при соответствующем правовом и организационном обеспечении может более успешно решать по защите и спасению людей [4].

Действия органов государственной власти по борьбе с пандемией

Рисунок 3 – Основные направления деятельности и меры по борьбе с пандемией

Целью интеграции является повышение уровня защищенности населения и территорий в условиях крупномасштабных бедствий и военных конфликтов на основе объединения всех спасательных сил и ресурсов, а также на основе более эффективного взаимодействия этих сил под руководством высших должностных лиц государственных органов власти. Основными направлениями интеграции являются:

- образование единого нормативного, организационного и методического поля по вопросам защиты населения на мирное и военное время на всей территории страны, при этом количество документов должно сократиться в несколько раз;

- формирование единых органов управления, систем связи и оповещения, сил и средств на мирное и военное время, что обеспечит более плавный переход системы с мирного на военное время и определенную экономию средств на содержание (функционирование) системы;

- объединение усилий федеральных и территориальных органов исполнительной власти, местного самоуправления на объединение сил и средств РСЧС и гражданской обороны для решения совместных задач.

В настоящее время осуществлены следующие шаги по интеграции ГО и РСЧС:

- разработана Концепция интеграции Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и Гражданской обороны, которая одобрена Коллегией МЧС России 25 марта 2020 г.;

- разработан законопроект «О защите населения и территорий от ЧС», который был направлен во все ФОИВ и субъекты РФ и в настоящее время проходит общественное обсуждение [5].

- подготовлена «дорожная карта» по консолидации законодательных и иных нормативных правовых актов в области гражданской обороны и защиты населения.

Консолидации, в первую очередь, подлежат те нормативно-правовые акты, которые дублируют направления деятельности РСЧС и ГО. В постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» включаются положения по подготовке к ведению и ведению гражданской обороны, а также порядок действий органов управления и сил гражданской обороны при ведении «режима ГО». Консолидируются также следующие документы:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2000 г. № 841 «Об утверждении положения об организации обучения населения в области гражданской обороны» и Постановление Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2003 г. № 547 «О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

- Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2000 г. № 379 «О накоплении, хранении и использовании в целях ГО запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств» и Постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1996 г. № 1340 «О Порядке создания и использования резервов материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

- Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 305 «Об утверждении Положения о государственном надзоре в области гражданской обороны» и Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 1418 «О государственном надзоре в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Консолидация этих нормативных правовых актов обеспечит большую систематизацию нормативных требований и упростит понимание и механизмы исполнения требований и норм. Количество документов при этом сократится в несколько раз. Особое значение при консолидации

нормативных правовых актов в области гражданской обороны и защиты населения имеет работа по актуализации функций и распределению полномочий федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в этой области. Наиболее тщательно в правовом отношении, должны быть разработаны функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти, относящихся к базовым секторам экономики (транспорт, энергетика, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, связь), на которые возложены задачи жизнеобеспечения населения в кризисных ситуациях. Необходимо также законодательно закрепить возможность сохранения людских и материальных ресурсов РСЧС на случай ведения «режима ГО». По существу, силы функциональных и территориальных подсистем РСЧС выполняют задачи и функции служб гражданской обороны, которые в настоящее время ликвидированы.

Руководство интегрированной системой на федеральном уровне будет осуществлять Председатель Правительства Российской Федерации, на региональном и местном уровне: руководители органов государственной власти, органов местного самоуправления. Интеграционная система защиты населения и территорий должна обеспечивать весь комплекс мероприятий по защите в условиях мирного и военного времени. В связи с этим нами предлагается расширить перечень общих задач по сравнению с задачами РСЧС и гражданской обороны [6]. Интеграцию систем управления гражданской обороны и защиты населения целесообразно осуществить на основе межведомственного электронного взаимодействия путем внедрения программно-аппаратного комплекса «Безопасный город», систем обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» и других современных информационных технологий.

Состав сил ГО и защиты населения должен быть адекватен характеру и масштабам опасностей и угроз природного, техногенного, военного и террористического характера [7]. Будут объединены системы материально-технического обеспечения мероприятий ГО и защиты населения, которые включают резервы и запасы, создаваемые для решения задач гражданской защиты в мирное и военное время, а также фонд защитных сооружений, районы эвакуации и пункты временного размещения населения и учреждения системы мониторинга и лабораторного контроля.

Анализируя опыт перехода наших соседей: Белоруссии, Казахстана, Украины на систему гражданской защиты следует отметить, что в этих странах мало внимание уделяется вопросам защиты населения на случай возникновения военных конфликтов. В связи с этим при переходе нашей страны на интегрированную систему защиты целесообразно учесть следующие предложения:

1. В ходе подготовки единой нормативно-правовой базы необходимо сохранить все положения, регулирующие подготовку и ведение гражданской обороны, а вопросы мобилизационного развертывания СФГО.

2. При разработке Планов ГО поддерживать тесный контакт с Министерством обороны по характеристикам возможных военных конфликтов.

3. Продолжить практику проведения ежегодной Всероссийской тренировки по гражданской обороне, а также Всероссийских совещаний по гражданской обороне.

4. Разработать комплекс мер по повышению межведомственного взаимодействия в вопросах подготовки и ведения гражданской обороны.

5. Финансовые возможности Государственной программы вооружения и Гособоронзаказа использовать для оснащения сил ГО современной техникой и вооружением.

6. Предпринимать меры по сохранению существующего фонда пунктов управления, защитных сооружений, других объектов гражданской обороны и своевременному обновлению запасов средств индивидуальной защиты.

Интеграция РСЧС и ГО будет осуществляться поэтапно, без снижения их готовности, с заблаговременной разработкой и принятием законодательных и иных нормативных правовых актов, определяющих интеграцию и функционирование элементов системы в целом, а затем развитие созданной системы. На первом этапе (2020-2022 гг.) основное внимание будет уделено формированию единой нормативной правовой базы. Разрабатываются проекты основных законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих функционирование РСЧС, которые в установленном порядке вносятся в Правительство Российской Федерации.

На втором этапе (2023-2025 гг.) планируется провести практические мероприятия по интеграции РСЧС и ГО во всех функциональных и территориальных подсистемах РСЧС. Будет сформирована единая система управления, система связи и система оповещения органов управления; созданы единые группировки сил, единые запасы (резервы) финансовых, материальных и иных средств для решения задач по защите населения, территорий, материальных и культурных ценностей от угроз мирного и военного характера; а также единый орган государственного надзора и контроля, единая система подготовки населения в области ГО и защиты от ЧС, единая государственная система мониторинга, лабораторного контроля и прогнозирования опасностей и угроз природного, техногенного и военного характера.

Интеграция РСЧС и ГО позволит:

- обеспечить максимально возможное применение сил и средств РСЧС при возникновении крупномасштабных ЧС и военных конфликтах;
- объединить нормативную правовую и методическую базу в области ГО и защиты от ЧС, существенно сократив количество актов, содержащих требования, и сняв существующие противоречия в нормативных правовых актах;

- оптимизировать состав органов управления, сил, запасов (резервов), исключив дублирование по функциям и задачам, что позволит оптимизировать расходы финансовых и материальных ресурсов;

- исключить дублирование функций и полномочий органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в области ГО и защиты от ЧС;

- сохранить ресурсы РСЧС при переводе государства на работу в условиях военного времени, а также усилить группировку сил ГО за счет создаваемых в военное время специальных формирований.

Ресурсное обеспечение деятельности по интеграции РСЧС и ГО планируется осуществлять в рамках государственной программы Российской Федерации «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах», других государственных программ; государственного оборонного заказа и других средств, предусмотренных для финансирования мероприятий по ГО и защите в ЧС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шойгу С.К., Воробьев С.Л. Владимиров В.А. и др. «От МПВО к Гражданской защите» (Исторический очерк). – М.: УРСС, 1998 г. – 336 с.

2. Говоров В.Л., Губанов В.А., Израэль Ю.А. и др. «Чернобыль. Пять трудных лет: Сборник материалов». – М.: ИздАТ, 1992 г. – 381 с.

3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения: 10.07.2020).

4. Чириков А.Г. Интеграция РСЧС и ГО. Часть 1. Актуальность проблемы и обоснование способов ее решения // Научно-практический и методический журнал. Гражданская защита. – 2019. – № 12 (532). – 4 с.

5. Чириков А.Г. Интеграция РСЧС и ГО. Часть 2. Развитие понятийного аппарата // Научно-практический и методический журнал. Гражданская защита. – 2020. – № 1 (533). – 4 с.

6. Чириков А.Г. Интеграция РСЧС и ГО. Часть 3. Задачи интегрированной системы // Научно-практический и методический журнал. Гражданская защита. – 2020. – № 2 (534).

7. Фалеев М.И., Малышев В.П. Научные проблемы строительства, развития и применения сил и средств МЧС России / Сборник материалов «Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации», выпуск 5. – М.: Изд-во «Известия», 2012. – С. 183-193.

МАНОЙЛО А.В.

доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

НОВЕЙШАЯ ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

*Вирусные технологии и «эпидемии» каскадного типа
на примере операции по разоблачению агента влияния ЦРУ,
бывшего вице-президента Венесуэлы Диосдадо Кабельо 17-21/08/2019*

Аннотация. Настоящая статья посвящена детальному разбору одной из наиболее успешной российской информационной операции 2019 года – операции по разоблачению агента влияния ЦРУ Диосдадо Кабельо, бывшего вице-президента Венесуэлы, председателя Национальной конституционной ассамблеи и, одновременно, руководителя наркокартеля «Cartel de los Soles».

Ключевые слова: Венесуэла, информационная война, информационная операция, национальная безопасность, Николас Мадуро, Диосдадо Кабельо, США, Клеве-Короне.

Информационная война (ИВ) – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия [1].

Структурно современная информационная война состоит из последовательности информационных операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия.

В Соединенных Штатах Америки термин «информационная операция» официально закреплён в боевых документах. С 2007 по 2010 гг. фактически весь комплекс мероприятий именовался «психологическими операциями» (см. наставление FM 3-05.301 «Psychological Operations Process Tactics, Techniques, and Procedures», 2007). В настоящее время психологические операции являются частью общей системы информационных операций. Основными руководящими документами оперативного и тактического уровня в этой области являются JP 3-13 «Information Operations», 2012; JP 3-61 «Public Affairs», 2015; FM 3-13 «Information Operations», 2016; FM 3-53 «Military Information Support Operations», 2013; FM 3-61 «Public Affairs Operations», 2014. Согласно этим источникам, информационная операция – это проводимая в мирное или

военное время плановая пропагандистская и психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные дружественные, враждебные или нейтральные аудитории с тем, чтобы влиять на их отношение и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных целей. При этом американские военные выделяют три уровня ведения информационных войн: стратегический, тактический и оперативный. Тактический уровень – это отдельные информационные атаки (ИА). Оперативный уровень – это совокупность информационных атак, проводимых по единому замыслу информационной операции. Стратегический уровень соответствует самой информационной войне.

С мнением американских военных в целом можно согласиться, добавив к их трехуровневой классификации дополнительно четвертый уровень – инструментальный (уровень применения отдельных способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия).

В российской практике противодействия информационным войнам под информационной операцией следует понимать последовательность информационных вбросов, разделенных периодами экспозиции, объединенных единым замыслом и согласованных по времени, целям, задачам, объектам и инструментам информационного воздействия.

Особую роль в современных информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они являются, с одной стороны, каналом доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой – выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. СМИ активно используются в современных конфликтах как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле «цветных революций».

Событие (что произошло в августе 2019 года)

В конце августа 2019 года США оказались в эпицентре крупного международного скандала. Причиной скандала стал провал тайной операции американской разведки, поставившей себе цель обеспечить проникновение своей агентуры в ближайшее окружение президента Венесуэлы Николаса Мадуро (с целью его дальнейшего смещения с поста президента).

В результате внезапно охватившей резидентуру ЦРУ в Боготе паники, затем охватившей и Лэнгли, в ближайшем окружении президента Венесуэлы Николаса Мадуро был раскрыт крупнейший агент влияния ЦРУ в Венесуэле – бывший вице-президент Венесуэлы, председатель Национальной конституционной ассамблеи страны Диосдадо Кабельо, вступивший в агентурные отношения с оперативниками ЦРУ предположительно в июне 2019 года.

Кабельо в июне 2019 года – в тайне от Президента Венесуэлы Николаса Мадуро – вступил в контакт с разведкой Соединенных Штатов, но уже в конце августа 2019 года эта связь была вскрыта и предана публичной огласке благодаря грамотно проведенной в отношении Кабельо оперативной комбинации, основанной на одном-единственном информационном вбросе провокационного содержания. В статье рассказывается, как именно выстраивалась эта оперативная комбинация, как был сделан информационный вброс и какие цепные реакции со стороны ЦРУ он спровоцировал. В практике информационных операций это уникальный редкий случай, когда информационный вброс, вскрывший тайную операцию ЦРУ, добил до президента США Дональда Трампа и заставил его реагировать, включившись в операцию прикрытия своей агентуры влияния в Венесуэле. Для специалистов в области информационных и гибридных войн операция по разоблачению Кабельо – эталонный образец того, как надо планировать и проводить современные операции информационной войны.

Хронология событий

17 августа 2019 года в одном из известных венесуэльских СМИ была опубликована статья «Andrey Manoilo: Las inversiones rusas en Venezuela son tan importantes como las de Ucrania» (Андрей Манойло, Константин Стригунов, Висенте Квинтеро, «Инвестиции в Венесуэлу также важны, как и в Украину») [3], в которой дан точный анализ текущего состояния противостояния венесуэльских чавистов с США и их союзниками.

Так, было сказано, что ситуация в Венесуэле движется по пути постепенного перехода страны под внешнее управление со стороны США, хотя чависты во главе с Н. Мадуро и их политические союзники (Россия и Куба) предпринимают определенные усилия для того, чтобы этот процесс замедлить. Особое внимание в документе уделено новым технологиям организации «цветных революций» (породившим так называемый «венесуэльский прецедент») и переговорам в г. Осло и на Барбадосе (ведущихся между представителями Н. Мадуро и Х. Гуайдо без участия России), цель которых – постепенная «сдача» боливарианского режима правящей верхушкой Венесуэлы в обмен на гарантии. В статье отмечалось, что эти переговоры создают высокий риск демонтажа режима

чавистов посредством организации в Венесуэле досрочных президентских выборов под давлением США (если Н. Мадуро на это пойдет).

Отдельно раскрывалась роль в этих процессах главы Национальной конституционной ассамблеи Диосдадо Кабельо, второго человека (после Мадуро) в Венесуэле, связанного с картелем «Los Soles», – чависта, которого не допустили до участия в переговорах с Гуайдо в Осло и на Барбадосе, но который при этом выстроил собственные отношения с руководством и спецслужбами Кубы (речь идет о конфиденциальной встрече Д. Кабельо с кубинским руководством 8 июня 2019 года в Гаване) и, одновременно, с соблюдением всех правил конспирации, в тайне от Мадуро вступил в контакт с разведкой Соединенных Штатов (CIA). В статье раскрывалась оперативная игра, ведущаяся Диосдадо Кабельо с Соединенными Штатами в надежде гарантировать сохранение своих позиций и политического влияния и после отстранения Мадуро от власти путем проведения досрочных президентских выборов. Отмечалось, что Диосдадо Кабельо либо активно ищет, либо уже установил контакт с высокопоставленными чиновниками США, а, следовательно, и с американской разведкой (CIA).

Для США же Кабельо представляет собой токсичную фигуру – его сравнивают с Пабло Эскобаром (как шеф «Los Soles», Кабельо по своим масштабам даже крупнее этого колумбийского наркобарона), но при этом они учитывают тот факт, что Кабельо фактически контролирует большую часть армии и спецслужб, а в сохранении теневого бизнеса Кабельо заинтересованы многие политические и военные деятели в США, возможно, имеющие там свою долю.

Статья породила сильный резонанс в политических и научных кругах Венесуэлы. В блогах венесуэльских политиков и экспертов появились отзывы такого характера: «опубликованный доклад поразил многих людей в Венесуэле благодаря точности и достоверности фактов»; «точность удивила многих людей; не принято читать такие точные отчеты о ситуации в Венесуэле»; «всего через два дня после публикации западные СМИ говорят о разногласиях в правительстве чавистов и о личных переговорах Диосдадо Кабельо».

Последний отзыв особенно примечателен. Действительно, впервые информация о контактах Диосдадо Кабельо с американцами (представителями Госдепа, разведки) появилась в сообщении «Associated Press» только 19 августа («AP Exclusive: US talks secretly to Venezuela socialist boss», автор – Джошуа Гудман [4]; вот его пост в «Твиттер» [8]); никаких новостей о связях Кабельо с американцами в западной (и, разумеется, в венесуэльской) прессе до 19 августа 2019 года не было вообще, в принципе, – это легко проверить.

Согласно утверждениям Джошуа Гудмана, члены окружения президента Николаса Мадуро ищут гарантии того, что им не будет грозить

возмездие, если они уступят растущим требованиям Вашингтона к его устранению. По словам Гудмана, данную информацию ему сообщил высокопоставленный американский чиновник. Журналист наотрез отказался называть его имя и подробности встречи Кабельо и американцев. Говорится лишь о том, что встреча прошла в июле в Каракасе. Также он отказался раскрыть имя посредника и детали контактов, чтобы не подвергнуть его опасности. Как заявил американский чиновник, «ни при каких обстоятельствах США не хотят поддержать Кабельо или проложить ему путь к замене Мадуро», их цель содействовать борьбе внутри чавистов и тем самым оказывать на них давление. Кроме того, по словам источника, венесуэльский министр обороны Владимир Падрино и министр внутренних дел Нестор Реверол в числе тех, кто находится в косвенном контакте с американцами.

После заявления АР о переговорах Кабельо с некими высокопоставленными чиновниками США в западных СМИ пошел вал сообщений на эту тему: Кабельо ведет переговоры с США, в тайне от Мадуро и вопреки его воле, выступая как самостоятельная политическая сила, готовая на определенных условиях перехватить управление у чавистов (в том числе, силовым путем). Примером публикаций первой волны может служить новость, размещенная «Reuters»: так, 19 августа 2019 г. агентство «Reuters» официально сообщило, что по информации, полученной от их конфиденциальных источников в Венесуэле, Николас Мадуро готов согласиться на требование США провести досрочные президентские выборы, а Диосдадо Кабельо готов обеспечить процесс «транзита» [6]. Получается, что волна «признаний» о контактах чавистского руководства с США (и, особенно, о контактах Кабельо с американской разведкой – сведения, тщательно оберегаемые ЦРУ от разглашения) началась именно после публикации этих сведений 17 августа в статье «Andrey Manoilo: Las inversiones rusas en Venezuela son tan importantes como las de Ucrania», то есть спустя двое суток после ее опубликования в венесуэльской «Medium».

Вероятно, благодаря публикации данной статьи случайно всплыл один из главных американских секретов – произошла утечка оперативной информации о вербовочной работе ЦРУ с людьми из ближайшего окружения Мадуро; высветилась часть оперативная комбинация американской разведки на Венесуэльском направлении, цель которой – расколоть чавистов и столкнуть их между собой, вступая в сговор с отдельными ее представителями – такими, как Диосдадо Кабельо, которому в случае «цветной революции» в Венесуэле действительно есть чего бояться.

Оперативники ЦРУ, сидящие в резидентуре в Боготе, ознакомившись со статьей Andrey Manoilo: Las inversiones ..., решили, что:

- это крупная операция русской разведки, которая знает все, в том числе – где, как и кем Диосдао Кабельо был завербован;
- в статье Манойло русские лишь намекнули о том, что знают все, и теперь Кабельо и американский кадровый разведчик Маурисио Клеве-Короне (контактер Кабельо со стороны ЦРУ) у русских «на крючке»;
- что стоит теперь ЦРУ хотя бы пошевелиться, как русские предъявят документы, подтверждающие вербовку Кабельо – вплоть до расписки о сотрудничестве.

И США через вброс в АР («засветившего» Кабельо и еще ряд интересантов) развернули операцию прикрытия своей агентуры влияния. Знать о том, что авторы статьи «Andrey Manoilo: Las inversiones ...» просто угадали реальную схему операции ЦРУ в этом регионе, не опираясь на секретные данные, агенты американской разведки, конечно, не могли: вероятно, они решили, что по ним нанесли превентивный удар, рассчитанный «на упреждение».

При этом время реагирования ЦРУ на вброс составило порядка 36 часов (плюс-минус): пока поняли, что к чему, пока приняли решение, пока слили АР информацию, пока те расшевелились и выложили ее в Сеть, прошло двое суток тишины.

Им действительно было чего испугаться: статья Манойло совершенно случайно вышла (как потом выяснилось) за 3-4 дня до третьей конфиденциальной встречи Кабельо и Клеве-Короне, которая должна была состояться в Каракасе (скорее всего, в резидентуре ЦРУ в посольстве Колумбии в Венесуэле), и оперативники ЦРУ решили, что СВР России готовит операцию по захвату с поличным Диосдадо Кабельо и его куратора Маурисио Клеве-Короне на сеансе агентурной связи в Каракасе. И в ЦРУ началась паника.

Через 5-6 часов после публикации статьи Джошуа Гудмана в АР к операции агентурного прикрытия присоединяются латиноамериканские СМИ: крупное информационное агентство Axios [9], независимо от АР, 19 августа 2019 г. также опубликовало информацию о том, что у Кабельо были контакты с американцами.

Причем, журналисты Axios, опираясь на собственные официальные источники, подтвердили личное участие Кабельо в контактах с эмиссаром американской разведки в Каракасе в июле этого года. И выдали фамилию этого «эмиссара»: по данным Axios, встречи координировал Маурисио Клеве-Кароне – директор отдела по делам Западного полушария в Совете национальной безопасности США, гражданин США кубинского происхождения, кадровый разведчик. Так засветилось имя контактера Кабельо со стороны ЦРУ, установившего с ним агентурные отношения.

Axios, ссылаясь на представителей администрации и другие источники, сообщил о проводимых через эмиссаров контактах Кабельо с главой отдела по делам Западного полушария в Совете национальной

безопасности США Маурисио Клавес-Кароне. В статье было отмечено, что неизвестно какие именно сообщения, если таковые имеются, Клавес-Кароне отправил обратно Кабелью через этих посредников.

Таким образом, учитывая информацию Гудмана, имели место две контролируемые утечки по двум независимым каналам. Причем, информация Axios имела меньший резонанс, чем статья в Associated Press, но не меньшее значение. Сам Клавес-Кароне кубинского происхождения, известен своими антикастровскими и антисоциалистическими взглядами, тесно связан с сенатором Марко Рубио (у которого родители эмигранты с Кубы), возглавляющим подкомитет по Западному полушарию Комитета по международным отношениям. Он работает под руководством советника по вопросам национальной безопасности Джона Болтона.

Учитывая то, что информация в AP и Axios была выложена приблизительно через 36 часов после публикации нашей статьи, можно предположить, что Джошуа Гудману (автору статьи в AP) информацию передали либо из американской разведки (станция в Боготе, где и была написана статья в AP), либо из Госдепартамента. Сайт Axios получил свою порцию информации в США. Новостные агентства всего мира – от США и Великобритании до России и Франции - перепечатали у себя эксклюзив Гудмана, который ему передала американская разведка или дипломаты, используя его статью в качестве первоисточника.

Мадуро, по-видимому, не был в курсе встреч Кабелью и американцев. Более того, сам по себе факт нервной реакции в виде слива информации через Associated Press и Axios говорит о неведении Мадуро; в противном случае в операции прикрытия в виде двух контролируемых утечек по двум независимым каналам не было бы никакого смысла. Трамп и Мадуро могли просто подтвердить факт контактов как резервный канал связи, параллельный контактам через оппозицию, с которой сторонники Мадуро вели переговоры в Норвегии и Барбадосе.

Но на этом дело не кончилось: 21 августа 2019 г. в операцию по прикрытию оперативных контактов ЦРУ с Кабелью включился сам американский президент Дональд Трамп - он заявил, что Вашингтон ведет переговоры с представителями Венесуэлы на очень высоком уровне: «Мы разговариваем с представителями [руководства Венесуэлы] на различных уровнях»; однако фамилии тех, с кем именно США ведут переговоры, Трамп называть отказался категорически. Однако при этом он подчеркнул, что речь идет о представителях «на очень высоком уровне» [2]. Получается, что вброс, осуществленный «Andrey Manoilo: Las inversiones ...», смешал карты ЦРУ и добил до самого Трампа, вынудив его лично включиться в оперативную игру по прикрытию своей венесуэльской агентуры влияния и контактеров американской разведки.

В тот же день крупное испанское информационное агентство EFE опубликовало большое интервью с предшественником Клавес-Кароне

на посту директора по делам Западного полушария СНБ США Фернандо Катца (до Клеве-Короне испанские журналисты, по понятным причинам, не смогли дозвониться) [11]. Катц, который к тому времени уже успел прочитать статью Гудмана в АР и понял, что идет операция агентурного прикрытия и надо следовать оправдательной линии, прорисованной в статье Гудмана, сообщил в интервью журналистам EFE, что, согласно его источникам в Госдепартаменте, США действительно связывались с Кабелью по крайней мере два раза в последние месяцы: впервые в Каракасе в июле, а вторая встреча прошла в Вашингтоне (точное время не указывается, но предположительно это первая половина августа). На второй встрече принял участие посланник Кабелью, в то время как третья встреча была запланирована «на эту неделю» (19-25 августа) в Каракасе, но Катц сообщил журналистам, что после раскрытия факта контакта он не уверен, что третья встреча состоялась.

Не составляет труда вычислить, о какой неделе (когда должна была состояться третья встреча Кабелью с американскими эмиссарами) шла речь. Статья EFE была опубликована 21 августа, следовательно, имелась ввиду неделя, начавшаяся 19 августа и закончившаяся 25 августа 2019 г. Именно в этот временной интервал Кабелью должен был встретиться с американцами в Каракасе. А статья «Andrey Manoilo: Las inversiones ...» была опубликована 17 августа – т.е. буквально за несколько дней до третьей встречи. Отсюда с высокой долей вероятности следует, что именно публикация данной статьи и стала причиной срыва переговоров Кабелью и Вашингтона, поскольку американцы, прочитав данную статью от 17 августа, сочли, что раз Кабелью заинтересовались русские, значит, надо срочно его спасать. Так был вскрыт тайный канал агентурного проникновения ЦРУ в ближайшее окружение Николаса Мадуро и сорвана попытка вербовки одного из его самых ближайших соратников.

Ну и, наконец, заключительным аккордом в деле о разоблачении агента влияния ЦРУ Диосдадо Кабелью стаа отставка Джона Болтона, советника президента США по национальной безопасности: 10 сентября он был отправлен Трампом в отставку. На следующий день американский президент пояснил важнейшую причину своего решения. «Я расхотелся с Джоном Болтоном по Венесуэле. Я думаю, что он вышел за все рамки», – сказал Трамп. Примечательно, что столь громкое событие (а отставка одиозного политического экстремиста, каким является Болтон, несомненно, относится к таковым) произошло через две с небольшим недели после того, как Трампу пришлось лично прикрывать участие американцев в переговорах с высокопоставленными венесуэльскими чиновниками. Заявление Трампа было связано с вскрытием факта переговоров его администрации и главы Национальной конституционной ассамблеи Венесуэлы Диосдадо Кабелью, чему поспособствовала статья Манойло и Стригунова от 17 августа. Поскольку координацию переговоров

осуществлял Маурисио Клавес-Короне (директор по делам Западного полушария в Совете национальной безопасности США), являющийся подчиненным Джона Болтона, то за все ошибки пришлось отвечать его начальнику, лично отвечавшего за вербовку Кабельо.

То, что основная причина увольнения Болтона состояла в Венесуэле, объясняется следующим образом. С КНДР он лишь постоянно мешал диалогу Трампа и Ким Чен Ына, напоминая о запусках Северной Кореей баллистических ракет, что запрещено Резолюцией Совбеза ООН. В отношении Ирана Болтон подталкивал Трампа к жестким действиям, чего тому хотелось бы избежать, несмотря на грозную антииранскую риторику. Однако нигде, кроме Венесуэлы, у Болтона не было такого очевидного провала. Трампу важно дожать Мадуро, вынудив его согласиться на досрочные президентские выборы, и здесь фактор Кабельо должен был сыграть важную роль. Однако, раскрытие его контактов с американцами спутало последним карты и создало неопределенность в вопросе о том, когда Мадуро удастся окончательно сломить.

Поведение Диосдадо Кабельо понятно: на фоне транзита власти в Венесуэле он пытается выгородить себя за спиной своего формального начальника, но за получение от американцев гарантий лично для себя и своего окружения он должен будет дать взамен нечто ценное. Например, гарантировать обеспечение проведения досрочных выборов президента Венесуэлы под контролем Вашингтона, даже если Мадуро откажется их проводить. Американцы настаивают на том, чтобы Мадуро ушел в отставку и, если и принял бы участие в выборах, то не в статусе президента, т.е. без административного ресурса для влияния на исход голосования в свою пользу. Такой сценарий предполагает проявление нелояльности со стороны Кабельо по отношению к Мадуро. Например, Кабельо через подконтрольных ему военных обеспечит силовым путем нужный американцам формат выборов, несмотря на несогласие Мадуро. Учитывая уровень влияния Кабельо, такое возможно. Особенно, если ему гарантируют неприкосновенность после этих выборов. Мадуро не может его арестовать, поскольку глава Национальной конституционной ассамблеи имеет серьезное влияние на военных, а его двоюродный брат Родригес Кабельо с назначения Мадуро в июле возглавил самый мощный вид вооруженных сил Венесуэлы - сухопутные войска. В целом, понятно и то, как американцы давливают Кабельо. Как сообщало еще в прошлом году *Miami Herald* [7]), правительство США заморозило активы на 800 миллионов долларов, принадлежащих Диосдадо Кабельо. В эту сумму входят 12 объектов, в т.ч. квартира в Нью-Йорке. Примечательно, что незадолго до этого министерство финансов США внесло Кабельо в черный список, который позволяет замораживать его счета. Американское Казначейство обвинило Кабельо в коррупции, незаконном обороте наркотиков и контрабанде полезных ископаемых [10].

В итоге, стало ясно, насколько рискованную игру ведет Кабельо, но, похоже, у него остается все меньше пространства для маневра.

В свою очередь, в нынешней ситуации ЦРУ действительно легко вступить в контакт и завербовать любого чависта из ближайшего окружения Мадуро. Дело в том, что Мадуро оказался в ловушке: после того, как США арестовали все его личные заграничные счета (они у него есть), все счета его семьи (на десятки миллиардов долларов), а также все счета и активы его ближайшего окружения, положение Мадуро стало очень шатким и рискованным: любой из его окружения может в любой момент попытаться сдать Мадуро американцам в обмен на их гарантии возвращения его личных денежных средств и активов (недвижимости) за рубежом. Размеры этих денежных средств у каждого из чавистской верхушки весьма значительны: так, только один Кабельо сразу же после провозглашения Гуайдо президентом в один момент потерял 800 млн долл. (США отобрали у его денежные суммы на счетах, несколько домов, шикарную квартиру на Манхеттене и др.). Для того, чтобы вернуть свои деньги, любой из ближайшего окружения Мадуро может решиться на многое. И Мадуро понимает, что если он не найдет сейчас денег и не вернет хотя бы часть потерянного своим соратникам, эти же самые соратники его и сдадут ненавистным гринго точно также, как в свое время боливийцы выдали американским «зеленым беретам» Эрнесто «Че» Гевару. И что ждать осталось очень недолго. Сейчас, отчасти благодаря нашим действиям, раскрывшим операцию ЦРУ по вербовке Кабельо, отчасти благодаря визиту Мадуро в Москву, эта опасность на время отложена. Но – только на время, никаких иллюзий здесь строить не следует. В той игре, которую сейчас играет ЦРУ с людьми типа Кабельо, Мадуро – товар, за который американцы предлагают хорошую цену. И если не переломить ситуацию коренным образом, этот «аукцион» закончится тем же, чем заканчиваются любые другие аукционы: «товар» передадут покупателю за приемлемое вознаграждение.

В результате проведенной в отношении Кабельо оперативной комбинации (17-21/08/2019) были получены следующие результаты:

- 1) сорваны переговоры Диосдадо Кабельо с ЦРУ, ведущиеся «за спиной» Мадуро;
- 2) выявлен (раскрыт) канал агентурного проникновения ЦРУ в ближайшее окружение президента Венесуэлы;
- 3) установлен высокопоставленный американский кадровый разведчик-агентурист, осуществивший вербовочный подход к Диосдадо Кабельо и, возможно, установивший с ним агентурные отношения;
- 4) вскрыты формы и методы агентурной связи Диосдадо Кабельо с его кураторами из американской разведки, в том числе связь с посольской резидентурой в Боготе;

5) выявлены основные пункты переговоров Кабельо с ЦРУ, условия (гарантии), на которых он готов был перехватить управление страной в период досрочных президентских выборов (которые Мадуро должен объявить согласно договоренностям с США на переговорах в городах Осло и Барбадосе).

И все это было сделано самими кадровыми работниками ЦРУ и СНБ США, их собственными руками, по своей воле, без уговоров и принуждения: ударившись в панику после раскрытия 17 августа 2019 г. в статье Манойло деталей их тайной операции по вербовке Кабельо, оперативники ЦРУ сами выдали все свои секреты, засветили агентуру, каналы связи, формы и методы ведения разведывательной и подрывной деятельности против Венесуэлы.

Мы только слегка подтолкнули оперативников ЦРУ к совершению всех этих действий, чуть-чуть, самую малость спровоцировав их активность догадками, приведенными в статье от 17 августа, но ни на чем, разумеется, не настаивали. Все остальное, приведшее к провалу крупнейшей операции ЦРУ в Венесуэле (оперативники ЦРУ вплотную подобралась ко второму человеку в руководстве страны и нашли с ним общий язык, и не только его), американцы сделали сами, своими руками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – Горячая линия. Телеком Москва, 2018. – 480 с.

2. Трамп заявил, что США ведут переговоры с представителями Венесуэлы. // RT на русском. Официальный сайт. 2019, 21 авг. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://russian.rt.com/world/news/660666-peregovory-tramp-venezuela?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (Дата обращения: 22.05.2020).

3. Andrey Manoilo: Las inversiones rusas en Venezuela son tan importantes como las de Ucrania (исп.). // Medium (A Medium Corp., USA). 2019, 21 авг. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://medium.com/@vicentequintero/andrey-manoilo-las-inversiones-rusas-en-venezuela-son-tan-importantes-como-las-de-ucrania-15f010a8f159>. (Дата обращения: 22.05.2020).

4. Goodman J. AP Exclusive: US talks secretly to Venezuela socialist boss. // AP. 2019, 19 aug. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.apnews.com/8cb2d1999b95464c85a5a206a78495c0>. (Дата обращения: 22.05.2020).

5. In Venezuela talks, Maduro allies said they would consider fresh elections: sources. // Reuters. 2019, Aug. 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics/in-venezuela->

talks-maduro-allies-said-they-would-consider-fresh-elections-sources-idUSKCN1V91SF?feedType=RSS&feedName=worldNews&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+Reuters%2FworldNews+%28Reuters+World+News%29. (Дата обращения: 22.05.2020).

6. Report: U.S. confiscated \$800 million from top Venezuelan official. // Miami Herald. 2018, June 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.miamiherald.com/latest-news/article213032354.html>. (Дата обращения: 22.05.2020).

7. SCOOP: Diosdado Cabello, the most-powerful man in Venezuela after Maduro, met last month in Caracas with someone who is in close contact with the Trump administration. The topic: guarantees in the event insiders betray Maduro, a senior US official told @AP // Twitter. 2019, Aug. 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://twitter.com/APjoshgoodman/status/1163230770959454208>. (Дата обращения: 22.05.2020).

8. Swan J. Scoop: Inside Trump's naval blockade obsession // Axios. 2019. 19 August. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.axios.com/scoop-inside-trumps-naval-blockade-obsession-555166b0-06f9-494c-b9fb-9577a589e2ac.html>. (Дата обращения: 22.05.2020).

9. Treasury Targets Influential Former Venezuelan Official and His Corruption Network. // U.S. Department of the Treasury. 2018, May 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm0389>. (Дата обращения: 22.05.2020).

10. Trump: US in contact with Venezuela's Maduro gov't at highest level // EFE. 2019. 21 August. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.efe.com/efe/english/world/trump-us-in-contact-with-venezuela-s-maduro-gov-t-at-highest-level/50000262-4046744> (Дата обращения: 22.05.2020).

МАРИНИН В.В.

кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник
Военного института (управления национальной обороной)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье проводится краткий анализ истории развития военного образования в Советском Союзе и Российской Федерации, основных этапов его становления и развития. Сформулирована стратегическая цель реформирования военного образования в современных условиях, определены перспективы и основные направления развития военного образования.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, оборона государства, подготовка кадров, военное образование, военно-учебные заведения, реформа.

Проводимое в последние годы перевооружение армии и флота России, направлено на создание качественно новых Вооруженных Сил, отвечающих требованиям современной военно-политической и стратегической обстановки в мире, тенденциям их развития, реальной степени военной опасности для Российской Федерации. Численность, структура и организация Вооруженных Сил Российской Федерации должны соответствовать возлагаемым на них задачам, экономическим, демографическим и иным возможностям России, действующим международным соглашениям, заключенным Российской Федерацией. Для реализации этого требуются соответствующие военные специалисты. Вместе с тем, система военного образования не является стационарной, застывшей, она находится в постоянном развитии и совершенствовании.

Для полного понимания происходящих изменений в системе военного образования необходимо обращение к историческому опыту ее создания и реформирования в России.

Военное образование в Российской империи

Военное образование берет начало с давних времен. Его необходимость в России была вызвана участием особой группы людей, к которым относились дружинники и дворяне, в многочисленных сражениях и битвах того времени. Развитие военного образования связано с целями и задачами государственной политики, развитием экономики,

образования и науки и, как следствие, развитием вооруженных сил, вооружения и военной техники.

В связи с этим, в истории подготовки российских военных кадров выделяются несколько этапов.

Первый этап – от возникновения вооруженных формирований (дружин) до образования регулярной армии в начале XVIII века. В нем можно выделить три периода: от зарождения до реформ Ивана IV, от реформ Ивана IV до реформ Петра I, от реформ Петра I до преобразований Екатерины II.

Первый период. В начале военное образование приобреталось частным образом, как и всякое ремесло – от отца к сыну. С появлением огнестрельного оружия начался переход к регулярной армии и государственной политике в военной подготовке.

Второй период. Военные реформы Ивана IV Грозного – комплекс мер, проведенных в период 1550-1571 годов, для увеличения эффективности и численности войсковых соединений, закладывания основ будущей регулярной армии, улучшения субординации между военачальниками и общей координации действий армии.

Следующим этапом можно назвать реформы Петра I. Именно Петр I по праву считается родоначальником организованного военного образования в России. Он коренным образом изменил структуру русских войск, их состав, способы комплектования, организацию, управление. Петром I была введена обязательная, пожизненная служба дворян и рекрутская повинность других сословий. Им же была введена и соответствующая этому система обучения и воспитания войск.

Петр I непосредственно руководил деятельностью военных школ, устанавливал их численность, формировал требования к офицерским кадрам, определял содержание военного образования, лично принимал участие в подборе преподавательского состава. Им было положено начало специализированной подготовке офицеров.

Третий период. Рассматриваемый период знаменуется развитием науки, культуры, образования. Создается Московский университет (1755 г.), академии художеств, расширяется сеть учебных заведений. Так, к концу царствования Екатерины II (1796 г.) в России насчитывается 60 закрытых дворянских учебных заведений и 550 специальных школ, духовных семинарий и училищ, губернских и уездных народных училищ, солдатских школ.

В соответствии с вышеизложенными условиями развивается и система военного образования. К 30-м годам XVIII столетия петровские школы приходят в упадок, в то же время российские армия и флот испытывают потребность в подготовленных и воспитанных в духе преданности царю и Отечеству офицерских кадрах. На смену петровским специальным школам приходят кадетские корпуса.

Второй этап – развитие системы военного образования со второй половины XVIII до начала XX века. В нем выделяются четыре периода: реформы Екатерины II и Павла I; реформы Александра I и Николая I, реформы Александра II и Александра III; реформы Николая II.

Рост русской армии и флота, развитие военного искусства, вооружения и техники в конце XVIII и первой половине XIX века потребовали повышения уровня военно-специального образования офицеров. В последней четверти XVIII века для морского флота открываются Морское артиллерийское училище (1786), Балтийское и Черноморское штурманские училища (1798), Петербургское училище корабельной архитектуры (1798) и мореходные школы. Для армии создаются специальные военные училища: Московское (1815) и Петербургское (1823) «для колонновожатых», Главное инженерное (1819), Главное артиллерийское (1820), Николаевское кавалерийское (1823) училища, Техническая арсенальная (1828) и Пиротехническая (1852) школы. К концу этого периода увеличивается до 19 и количество кадетских корпусов.

Учреждаются высшие военно-учебные заведения: Медико-хирургическая академия (1798), Императорская военная академия (1832), офицерские классы (с 1855 г. академии) Главного инженерного (1819) и Главного артиллерийского (1820) училищ. Следует отметить, что правом поступления в академию обладали лучшие из выпускников кадетских корпусов, военных училищ или университетов, прослужившие в войсках, как правило не менее двух лет. Офицерам приходилось сдавать до 18 вступительных экзаменов, срок обучения составлял от 2 до 3 лет.

Военное образование в СССР

Советский этап развития военного образования – с 1917 по 1991 год. В нем можно выделить четыре периода: 1917-1941 гг., 1941-1945 гг., 1946-1964 гг., 1965-1991 гг.

Этот этап характеризуется решением военно-образовательных проблем в условиях изоляции от зарубежных военных школ. Советская военная школа прошла сложный и противоречивый путь – от отрицания отечественного опыта до его восстановления с жесткими идеологическими ограничениями.

В 20-30-е годы запрет на прием в военно-учебные заведения детей образованных сословий, приоритет малограмотным рабоче-крестьянским детям приводили к профанации военного образования: занятия в специальных учебных группах по букварю, сдача зачетов и экзаменов одним самым успевающим курсантом за всю группу и т. д.

Эти недостатки компенсировались богатой войсковой практикой, участием курсантов в боевых действиях. К сильным сторонам советской военной школы послевоенного периода относилась военно-

профессиональная подготовка. Офицеры-фронтовики давали курсантам то, что нужно на войне и в условиях, приближенных к боевым. К сожалению, в годы застоя бюрократизация и показуха во многом свели на нет эти и другие достижения. Училища механически превращали в высшие, росло число офицеров с высшим военным образованием.

Военное образование в Российской Федерации

Современный этап развития военного образования – с начала 90-х годов по настоящее время. В нем можно выделить два периода: 90-е годы прошлого века и начало XXI века до настоящего времени.

Этот этап примечателен попытками осмысления исторического опыта подготовки военных кадров и сильнейшим влиянием советской военной школы с определенным игнорированием мнения многих военных ученых.

Серьезной проблемой в конце XX – начале XXI веке, в том числе и в сфере военного образования, стало принятие многих политических решений и преобразований в общегосударственном масштабе мировоззренческого, конституционного и организационно -технического характера. На основании их отечественная военная школа претерпевала не всегда удачные изменения.

В ходе исследования установлено, что нередко в различных источниках под системой подготовки специалистов для Вооруженных Сил понимается только их подготовка в вузах Министерства обороны.

Вместе с тем, это не совсем так. Исследование показало, что рассмотрение структуры системы подготовки специалистов в Вооруженных Силах в таком виде является неполной. В ней не учитывается подготовка специалистов в учебных заведениях других министерств и ведомств [1].

В связи с этим, предлагается уточнить структуру системы подготовки военных специалистов.

Известно, что обоснование любой системы, в том числе и системы подготовки военных специалистов, включает: определение состава элементов структуры, построение оптимальной структуры и установление характера их взаимосвязей.

Исследования показывают, что наиболее целесообразная система подготовки военных специалистов должна состоять из подсистем: управления, нормативно-правового регулирования, обучения (вузы, центры, полигоны) и информационно-программного обеспечения.

Элементы такой системы должны находиться в тесной зависимости между собой и составлять единое целое [1].

Стратегическая цель реформирования военного образования в современных условиях – вывод военного образования на лидирующие мировые позиции путем существенного повышения качества подготовки

всех категорий военнослужащих и государственных гражданских служащих в рамках единого образовательного пространства на основе принципов непрерывности, доступности и привлекательности военного образования.

Достижение поставленной цели планируется осуществлять по трем основным направлениям:

1. Совершенствование системы военного образования, придание ей инновационного характера.

Система военного образования за последние 15-20 лет претерпела значительные изменения и, подчас, не в лучшую сторону. В дальнейшем продолжалась перестройка в высшем образовании, финансирование высшего, в том числе и военного, образования по остаточному принципу, осуществлялось сокращение вузов, в некоторых случаях с переводом их в другие места дислокации, где приходилось с нуля восстанавливать образовательный процесс и учебно-научную материальную базу.

В итоге за 20 «перестроечных» лет и нового мышления количество военных вузов сократилось со 67 до 18. Не в полной мере оказались оправданными многие запланированные принципы по укрупнению, межвидовому и межродовому объединению вузов, не в полной мере удалась интеграция военного образования и военной науки.

В результате организационно-штатных мероприятий и передислокации вузов оказался разрушенным ряд военных научных школ; сократилось количество диссертационных советов в вузах; количество и качество профессорско-преподавательского состава изменилось не в лучшую сторону за счет массового сокращения военных должностей преподавателей и увольнения педагогов; оказалась утраченной значительная часть уникальной учебно-научной материальной базы, в том числе бесценных библиотек технической и специальной литературы.

И только последние 7-10 лет стали во многом знаковыми для системы военного образования. За этот период были приняты кардинальные меры, позволившие не только стабилизировать процесс подготовки военных кадров, но и заложить условия для поступательного развития отечественной военной школы.

2. Повышение уровня профессиональной подготовки военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту.

В этом направлении скорректированы организация и содержание подготовки.

Подготовка офицеров с высшей военной оперативно-стратегической и оперативно-тактической подготовкой переведена на двухлетние магистерские программы.

Вузы перешли на новые федеральные государственные стандарты, приступили к подготовке кадров по новым, наиболее актуальным и востребованным в войсках специальностям, в том числе в области

применения беспилотных летательных аппаратов, робототехнических систем и комплексов.

В программы обучения будущих офицеров спецподразделений введена горная и конная подготовка, в военных академиях и военных училищах реализуются программы изучения вопросов «кибербезопасности».

В 22 вузах и филиалах организована и ведется подготовка военнослужащих-контрактников по программам среднего профессионального образования.

3. Совершенствование профессиональной подготовки и переподготовки государственных гражданских служащих.

В целях обеспечения непрерывного профессионального развития военнослужащих, обеспечения соответствия их квалификации постоянно меняющимся формам и способам вооруженной борьбы, а также необходимости подготовки кадрового резерва в вузах активно реализуются дополнительные профессиональные программы [1]

Применительно к военному образованию качество – это востребованность полученных знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности военных кадров.

Именно высокое качество военного образования должно обеспечить его престижность и привлекательность; эффективное выполнение военнослужащими должностных обязанностей и перспективы их служебного роста.

Чтобы достичь этого качества, необходимо ответить на несколько вопросов. Ключевыми из них являются: чему и как учить военнослужащих и государственных гражданских служащих (*содержание, организация и методика обучения*) и кто это должен делать (качественный состав профессорско-преподавательского состава).

Кроме того, необходимо определиться: кого учить (качественный состав обучаемых), где учить и на чем учить (сеть военно-учебных заведений и состояние учебно-научной материальной базы).

Прежде чем ответить на вышеуказанные вопросы, необходимо понять основное правило комплектования центров национальной обороны различного уровня – какой специалист нужен Вооруженным Силам Российской Федерации XXI века в области военного управления (оперативно-стратегического и оперативно-тактического). Офицер, слепо выполняющий требования уставов и наставлений, или подлинный военный профессионал, обладающий лидерскими качествами, высокой компетентностью, способный самостоятельно решать задачи, требующие инновационного подхода и обладающий аналитическими способностями. Очевидно, что предпочтительнее последний вариант.

Профессионализм офицеров (специалистов) такого уровня необходимо рассматривать во взаимосвязи их подготовки в высших военно-учебных заведениях. Чтобы подготовить такого офицера

(специалиста) необходимо существенно обновить содержание, организацию и методику обучения в вузах, для чего:

во-первых, разработать модели будущего военного специалиста. Иными словами, заказчики военных кадров должны определиться, какие военно-профессиональные качества должны быть сформированы в военно-учебном заведении, позволяющие выпускнику успешно выполнять обязанности по должностному предназначению;

во-вторых, обеспечить опережающий характер военного образования. Поступивший сегодня в военно-учебное заведение должен быть готов к тем изменениям, которые произойдут в Вооруженных Силах через 5-10 лет;

в-третьих, образовательный процесс в вузах планировать и организовывать в соответствии с компетентностным подходом в подготовке слушателей, т.е. развивать способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности, а также нести за них ответственность. Для чего в учебные программы изначально закладываются отчетливые и сопоставимые параметры того, что выпускник будет знать и уметь «на выходе»;

в-четвертых, перейти в методике обучения от передачи учебного материала преподавателем обучающемуся, к их совместной работе по овладению новыми знаниям, умениями и навыками.

В то же время, система подготовки военных специалистов в военных институтах, военных академиях нуждается в совершенствовании. По всей видимости, необходимы уточнения, корректировки учебных планов и учебных программ. Это обусловлено появлением в Российских Вооруженных Силах и в армиях зарубежных государств новых образцов вооружения, военной и специальной техники, новых форм и способов вооруженной борьбы. Это касается появления гиперзвукового оружия, лазерного оружия, оружия на новых физических принципах, высокоточного оружия большой дальности, новых и перспективных реактивных систем залпового огня, систем огневого поражения противника, широкого спектра беспилотных летательных аппаратов, систем и комплексов радиоэлектронной борьбы, разведки и управления.

В современных условиях в системе образования становится все более востребованной система дистанционного обучения. Определенные элементы дистанционного обучения могут быть реализованы и в системе военного образования. В часы самостоятельной подготовки курсанты и слушатели в своих учебных классах (помещениях) могут пользоваться по изучаемым дисциплинам не только печатными изданиями и электронными материалами из закрытых локальных систем своих вузов, но и, в перспективе, иметь возможность, с соблюдением режимов доступа, обращаться к источникам информации из других источников.

Представляется целесообразным шире привлекать слушателей выпускных курсов военных академий к участию в военно-научных и военно-практических конференциях, проводимых соответствующими органами военного управления.

Вместе с тем, сказанное выше ни в коей мере не снижает необходимости и значения групповых упражнений и командно-штабных учений и тренировок, главной целью которых является слаживание соответствующих органов военного управления.

Необходимо отметить, что в последнее время многое делается в вопросах совершенствования начального (довузовского) военного образования. Это и создание новых суворовских и нахимовских училищ, пансионов воспитанниц Министерства обороны, большого количества кадетских корпусов и кадетских классов в общеобразовательных школах. Наконец, это создание «Юнармии», которая объединяет сейчас около 700 тысяч молодых людей во всех регионах Российской Федерации.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что:

1. Система военного образования Российской Федерации в целом соответствует современным требованиям и обеспечивает подготовку квалифицированных военных кадров для Российских Вооруженных Сил.

2. Совершенствование системы военного образования должно соответствовать изменениям военно-политической обстановки и обосновано рекомендациями военной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горемыкин В.П. Состояние системы военного образования и направления ее развития (доклад на сборе с должностными лицами органов военного управления и руководящим составом образовательных организаций). – Воронеж, ВУНЦ ВВС. – 2014.

МЕРКУЛИНА И.А.

доктор экономических наук, профессор
заместитель декана факультет логистики
Финансового университета при Правительстве РФ

АНАЛИЗ УГРОЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ

Аннотация. Рассмотрена роль природных ресурсов Арктики в стратегическом развитии России и определены условия развития промышленности. Проведен анализ арктических регионов по отдельным показателям экологической безопасности. Обобщены основные угрозы экологической безопасности, связанные с развитием промышленной деятельности в Арктике.

Ключевые слова: безопасность, регион, Арктика, промышленность, развитие, экология.

Арктические территории, выступающие в современных экономических условиях значимым сырьевым резервом, представляют собой также стратегический резерв для развития России, что обусловлено наличием уникальных природных ресурсов, необходимых для формирования отраслевых промышленных кластеров.

Условиями для эффективного развития промышленной деятельности в Арктической зоне является круглогодичная загрузка имеющихся производственных мощностей, интенсификация финансовых, информационных и материальных потоков в направлении оптимизации имеющейся инфраструктуры и создание новых промышленных объектов с учетом территориальной и пространственной специфики определяемых территорий.

Вместе с тем в условиях проектной ориентации на интенсификацию промышленного развития, интеграцию производственных мощностей крупных компаний в Арктическую зону, повышается значимость проблемы сохранения экологической составляющей производственных процессов, сбережения имеющихся экологических ресурсов на уровне регионального пространства Арктики.

Для решения указанных проблем требуется одновременно с реализацией промышленных проектов разработать систему обеспечения экологической безопасности, включающую подсистему обращения с отходами производства, которые неизбежно будут формироваться в процессе функционирования задействованных в промышленных проектах хозяйствующих субъектов.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время по всей территории Российской Федерации производственные отходы генерируются в основном в работе предприятий добывающей отрасли, что обусловлено использованием традиционных технологий и отсутствием внедрения современного оборудования. Объекты энергетики, особенно электростанции, работающие на углях, оказывают значительное негативное воздействие на окружающую среду, при этом особенно остро стоит проблема золошлаковых отходов.

Однако для предприятий, работающих на территориях Арктической зоны, актуальным вопросом становится не только обновление основных производственных фондов добывающих предприятий, но и внедрение новейших технологий безотходного производства, цифровых решений и мониторинга негативного воздействия на окружающую среду, а также применение практики повторного использования ресурсов. Подобная практика широко внедряется в производственных процессах предприятий, функционирующих в странах, законодательство которых регламентирует основные принципы экономики замкнутого цикла.

Разработка эффективной системы обеспечения экологической безопасности и ее дальнейшее развитие требуют применения теоретически обоснованных методов анализа состояния окружающей среды и выявления специфических особенностей промышленной деятельности на территории Арктической зоны до начала реализации промышленных проектов, структура и целевая направленность которых могут выступать исходными данными для оценки степени их влияния на экологические показатели исследуемых территорий.

В данной статье был проведен анализ регионов Арктической зоны по данным Федеральной службы государственной статистики [1], поэтому к объектам исследования были отнесены: Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Промышленные предприятия являются одними из высокопроизводительных объектов в части генерирования большого числа отходов производства. Например, при деятельности энергетических предприятий происходят неизбежные потери в теплотехнических объектах, образуются энергетические отходы, подлежащие и неподлежащие дальнейшей переработке (рециклингу). Отходы горного производства включают рыхлые и скальные вскрыши, хвосты обогащения и другие воды отходов.

На рисунке 1 представлены данные, характеризующие выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, которые осуществляются стационарными источниками.

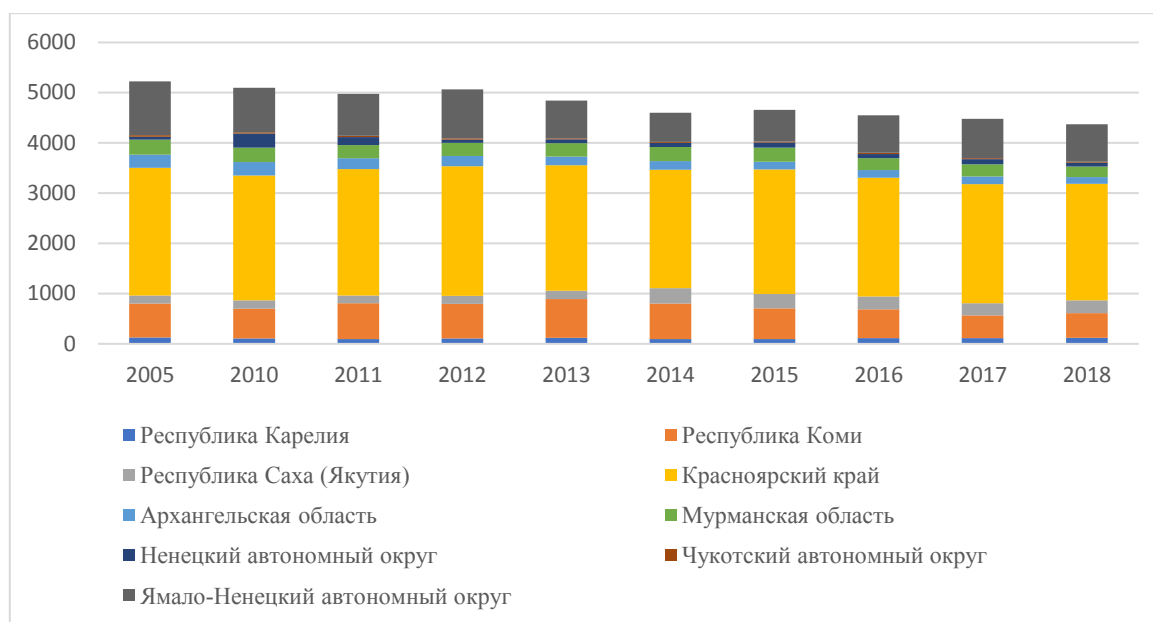

Рисунок 1 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющиеся стационарными источниками, тыс. тонн

Как показывают данные рисунка 1, за период с 2005 по 2018 гг. выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющиеся стационарными источниками, снижались по всем регионам, за исключением Республики Саха (Якутии), в которой данный показатель увеличился на 93 тыс. тонн, и Ненецкого автономного округа, в котором увеличение составило 17 тыс. тонн. В абсолютном выражении показатель выбросов сократился наиболее значительно в Ямало-Ненецком автономном округе (на 329 тыс. тонн), Красноярском крае (на 224 тыс. тонн) и в Республике Коми (на 183 тыс. тонн). В относительном выражении наиболее заметное снижение наблюдалось в Архангельской области (49,4 %), а также в Ненецком (30,4 %) и Ямало-Ненецком автономных округах (30,7 %).

Вместе с тем общее количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух суммарно по всем регионам Арктической зоны снизилось с 5 225 тыс. тонн до 4 371 тыс. тонн., что составляет 16 % и позволяет говорить о необходимости дальнейшего совершенствования системы управления выбросами загрязняющих веществ.

На рисунке 2 представлены данные, характеризующие выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющиеся стационарными источниками, по отношению к 2007 году.

Данные рисунка 2 показывают, что выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющиеся стационарными источниками, по сравнению с 2007 годом снижались по всем регионам, за исключением Республики Саха (Якутии), в которой данный показатель увеличился на 58,6 пп., Республики Карелия, в которой увеличение составило 13,7 пп.,

и Чукотского автономного округа, в котором увеличение было незначительным и составило 6 пп. В целом, данные рисунка 2 подтверждают тезис о необходимости дальнейшего совершенствования системы управления выбросами загрязняющих веществ.

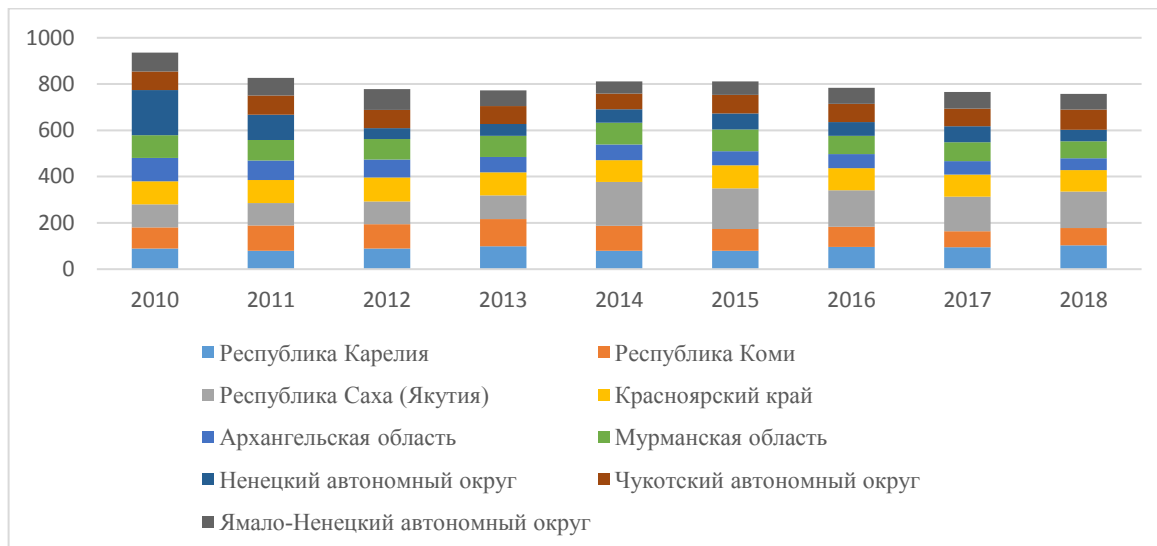

Рисунок 2 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющиеся стационарными источниками, по отношению к 2007 году, %

Далее рассмотрим количество загрязняющих атмосферу веществ, которые были обезврежены (рисунок 3).

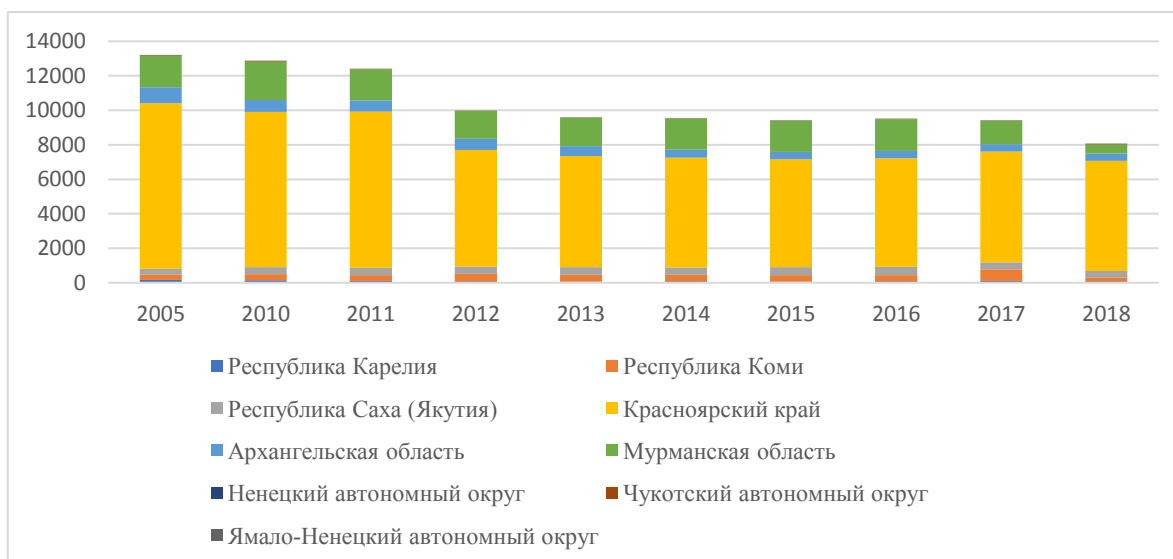

Рисунок 3 – Количество загрязняющих атмосферу веществ, которые были обезврежены, тыс. тонн

Отметим, что показатели, представленные на рисунках 2 и 3, включены в состав индикаторов Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы [2].

Лидером по количеству загрязняющих атмосферу веществ, которые были обезврежены, является Красноярский край. Общий объем указанного показателя составил в 2019 году для данного региона 6 386 тыс. тонн, однако за период с 2005 года снижение составило 3 124 тыс. тонн.

В Красноярском крае принята Программа снижения негативного воздействия на окружающую среду [3], целью которой является снижение негативного воздействия на атмосферный воздух, водные объекты, земли в промышленных центрах Красноярского края.

Снижение количества загрязняющих атмосферу веществ, которые были обезврежены, также было зафиксировано в Мурманской области (на 1 283 тыс. тонн), в Архангельской области (на 526 тыс. тонн), Республике Коми (на 96 тыс. тонн), в Республике Карелия (на 73 тыс. тонн). Увеличение зафиксировано в Республике Саха (Якутия) на 50 тыс. тонн. В Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском округе значения данного показателя осталось неизменным.

Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников представлена на рисунке 4.

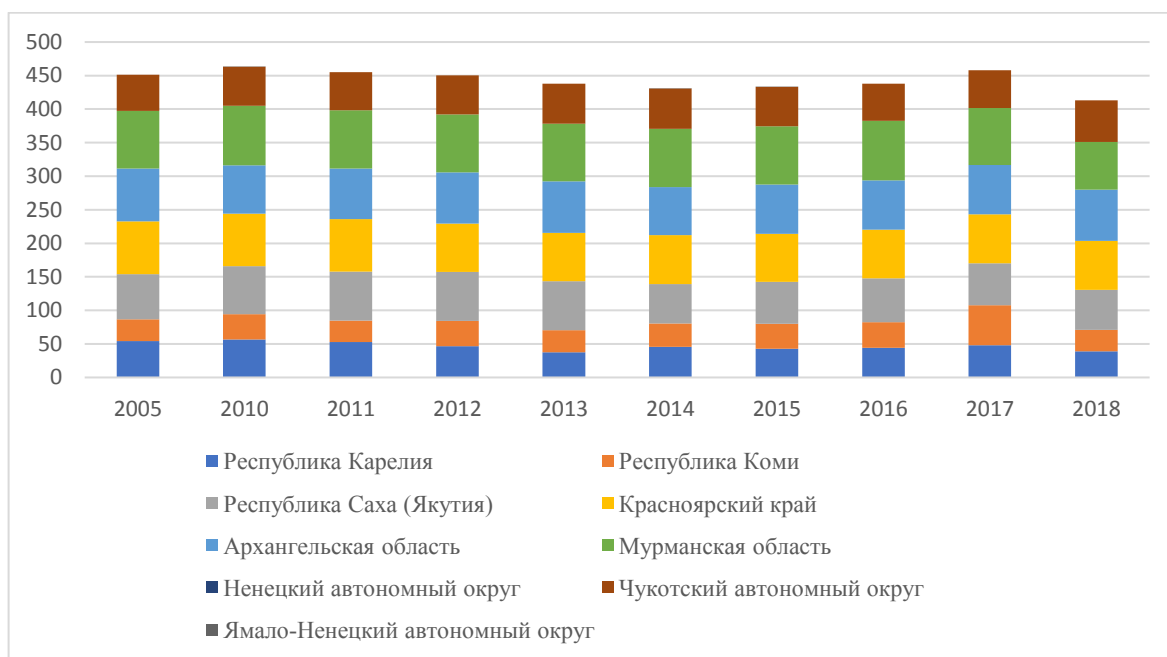

Рисунок 4 – Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, %

Отметим, что доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников увеличилась за период с 2005 по 2018 гг. только в Чукотском автономном округе с 53,9 % до 62 %. В остальных регионах данный показатель демонстрировал уменьшение, например,

в Республике Карелия снижение составило 15,4 пп., в Мурманской области – 14,4 пп., в Республике Саха (Якутия) – 7,3 пп., в Красноярском крае – 5,7 пп., в Архангельской области – 2,5 пп., в Республике Коми – 0,7 пп.

Снижение доли уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников почти во всех регионах Арктической зоны говорит о том, что экологический профиль стремится к ухудшению. Причинами здесь могут быть устаревание используемого оборудования, отсутствие новых технологических решений, позволяющих более эффективно проводить мероприятия по уловлению и обезвреживанию загрязняющих атмосферу веществ, неэффективное управление производственными процессами.

Следующим показателем, используемым для анализа, является использование свежей воды для хозяйственных нужд без учета оборотного водопотребления (рисунок 5).

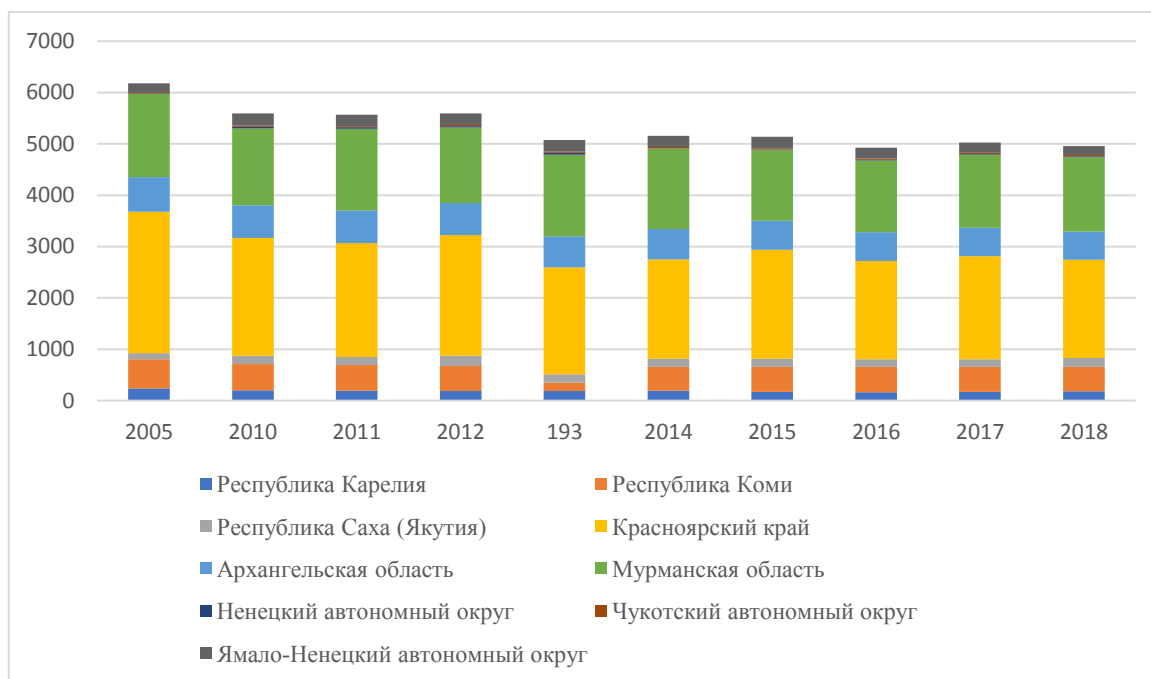

Рисунок 5 – Использование свежей воды для хозяйственных нужд, млн куб. метров

Снижение показателей использования свежей воды было зафиксировано в Красноярском крае на 845 млн куб. метров, в Мурманской области на 180 млн куб. метров, в Архангельской области на 121 млн куб. метров, в Республике Коми на 94 млн куб. метров, в Республике Коми на 56 млн куб. метров.

Незначительное увеличение наблюдалось в Республике Саха (Якутия) на 58 млн куб. метров, Ямало-Ненецком автономном округе на 12 млн куб. метров, в Чукотском автономном округе на 5 млн куб. метров, в Ненецком автономном округе на 4 млн куб. метров.

Весьма информативным показателем является объем оборотного и последовательного использования воды, его значение для регионов Арктики приведено на рисунке 6.

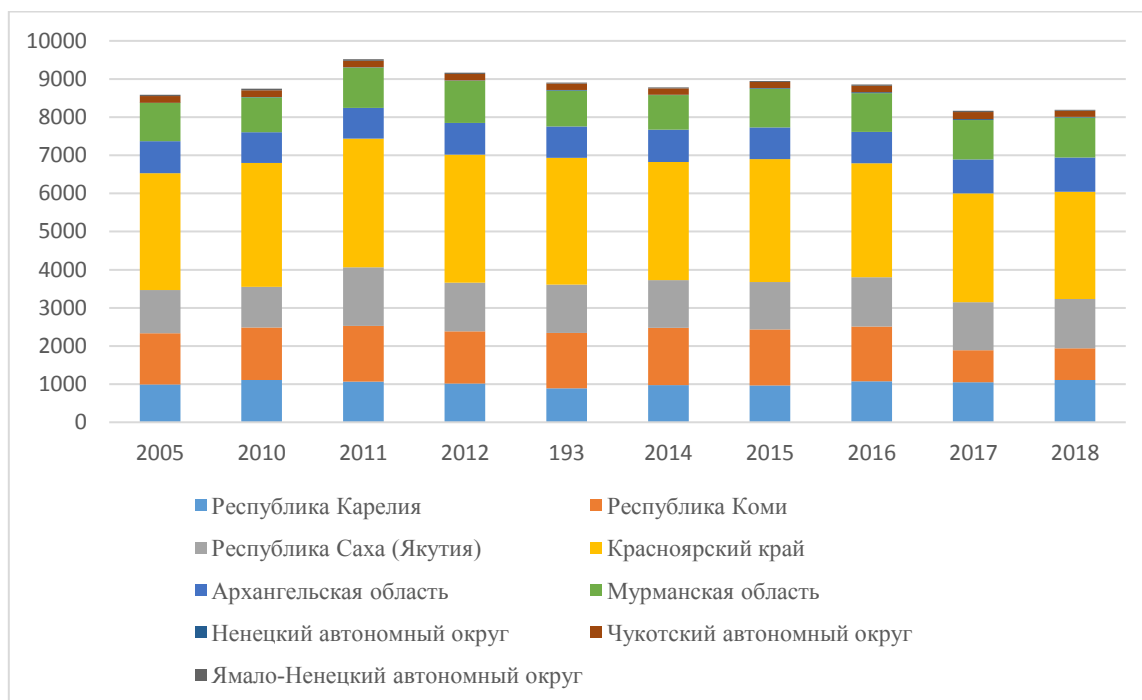

Рисунок 6 – Объем оборотного и последовательного использования воды, млн куб. метров

Снижение показателей объема использования воды было наиболее существенным в Республике Коми (511 млн куб. метров), в Красноярском крае (256 млн куб. метров), в Чукотском автономном округе (22 млн куб. метров), в Ямало-Ненецком автономном округе (2 млн куб. метров).

Увеличились показатели объема использования воды в Республике Саха (Якутия) (164 млн куб. метров), в Мурманской области (48 млн куб. метров), в Архангельской области (58 млн куб. метров), в Ненецком автономном округе (2 млн куб. метров).

Показатели сбрасывания загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты приведены на рисунке 7.

Снижение показателей сбрасывания загрязненных вод в поверхностные водные объекты было зафиксировано во всех арктических регионах, кроме Республики Коми, где данный показатель увеличился на 134 млн куб. метров.

Наиболее заметное снижение было установлено в Красноярском крае – 226 млн куб. метров, Архангельской области – 141 млн куб. метров, Мурманской области – 96 млн куб. метров. В остальных регионах Российской Арктики указанный показатель оставался постоянным или демонстрировал незначительное увеличение.

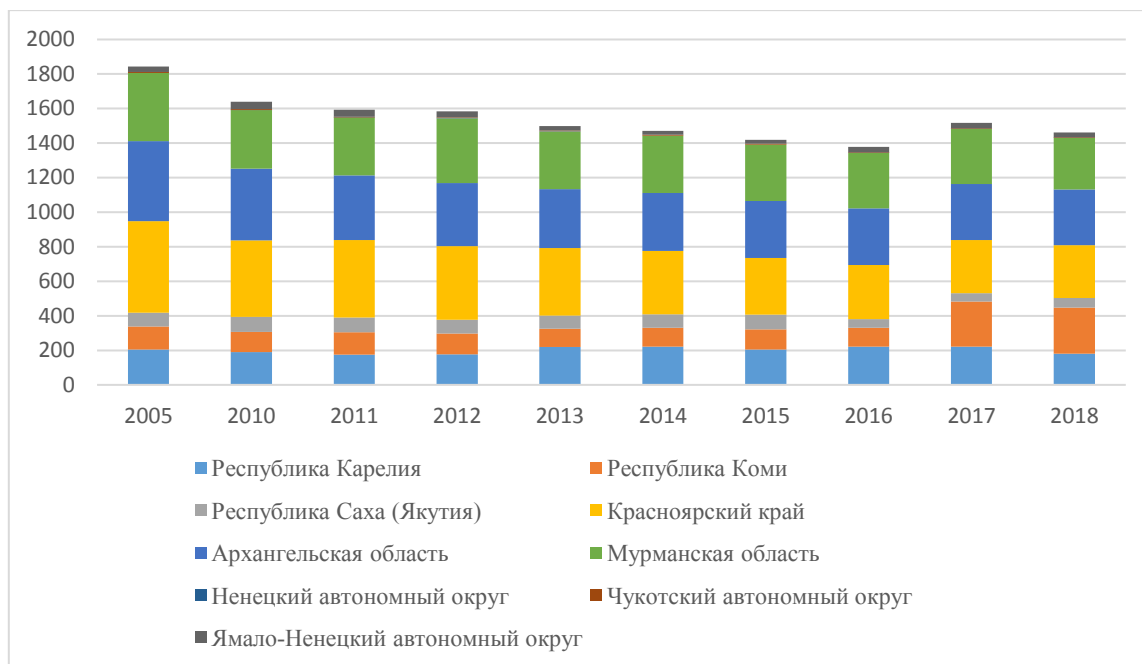

Рисунок 7 – Показатели сбрасывания загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн куб. метров

Расходы на охрану окружающей среды регионами российской Арктики приведены на рисунке 8.

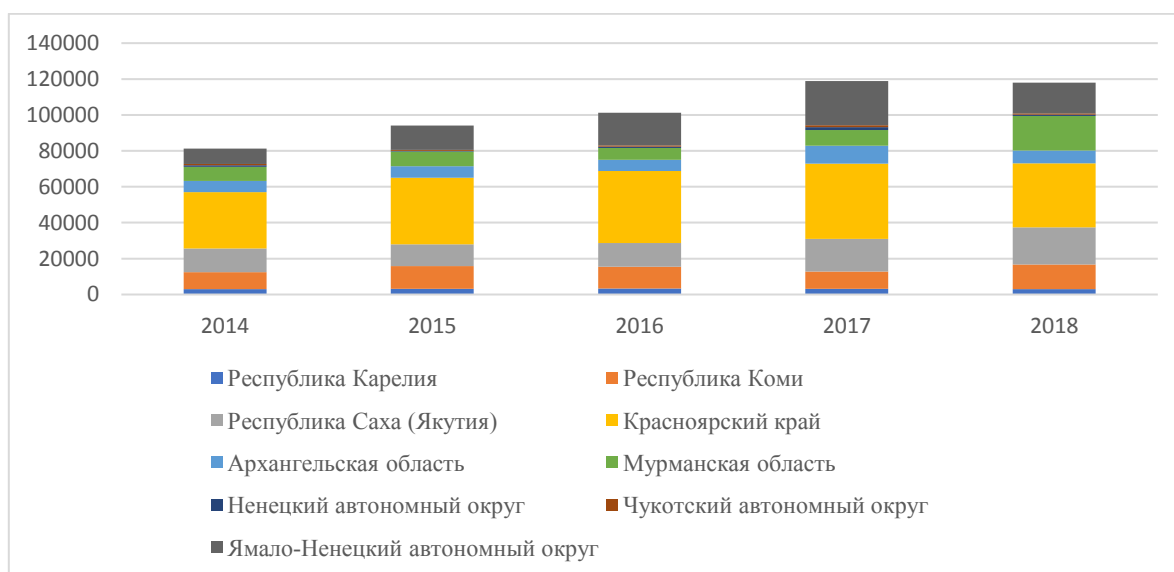

Рисунок 8 – Расходы на охрану окружающей среды, млн руб.

Расходы на охрану окружающей среды увеличивались во всех арктических регионах, кроме Ненецкого автономного округа, где данный показатель снизился на 113 млн руб.

Наиболее существенное увеличение было зафиксировано в Мурманской области – на 11 301 млн руб. Далее следует Ямало-Ненецкий автономный округ – 8 391 млн руб, Республика Саха (Якутия) – 7 597 млн руб, Республика Коми – 4 213 млн руб, Красноярский край – 4 174 млн руб.

Совсем незначительное увеличение было установлено в Чукотском автономном округе и Республике Карелия – 14 и 12 млн руб. Вместе с тем расходы на охрану окружающей среды требуют дальнейшего увеличения, они должны быть направлены на повышение экологической безопасности предприятий арктической зоны, работающих в сферах промышленности с высокими показателями загрязнения окружающей среды, снижение уровня отходов производства и потребления, внедрения современных технологий очистки.

Индекс физического объема природоохранных расходов, который представляет собой относительный показатель, характеризующий изменение объема природоохранных расходов в отчетном периоде по сравнению с предыдущим, приведен на рисунке 9.

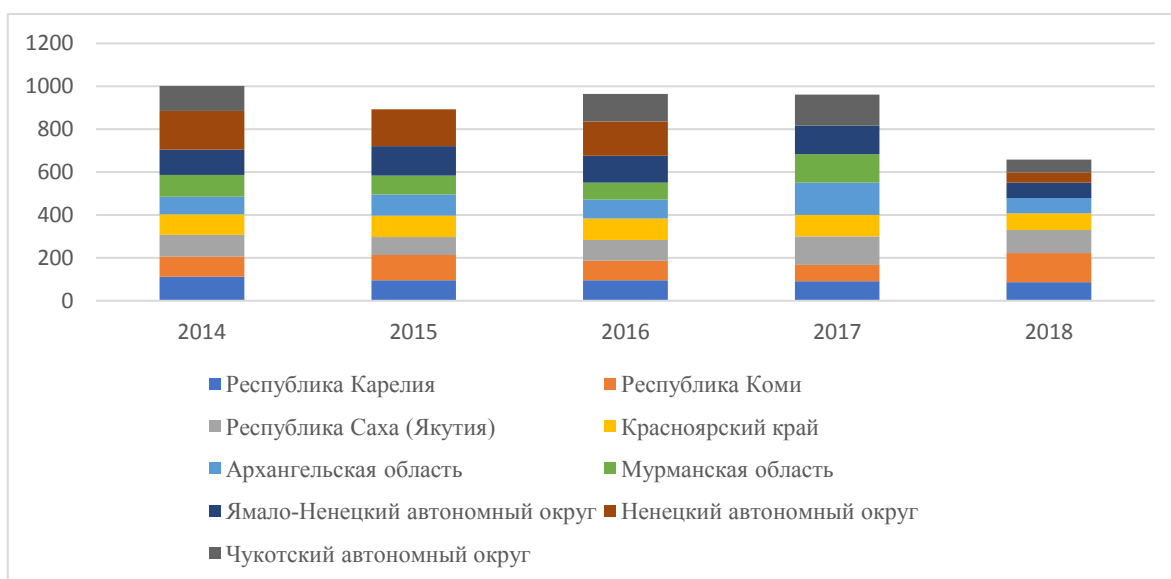

Рисунок 9 – Индекс физического объема природоохранных расходов, %

Индекс физического объема природоохранных расходов снизился в Ненецком автономном округе на 132,8 пп., в Чукотском автономном округе на 56,1 пп., в Ямало-Ненецком автономном округе на 45,4 пп., в Республике Карелия на 25,4 пп., в Красноярском крае на 17,9 пп., в Архангельской области на 10,5 пп. Увеличение было зафиксировано в Республике Коми на 41,8 пп. и в Республике Саха (Якутия) на 5,7 пп.

Таким образом, основными угрозами экологической безопасности, связанными с развитием промышленной деятельности на Арктических территориях, являются:

высокий уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляющихся стационарными источниками, что требует дальнейшего совершенствования системы управления выбросами загрязняющих веществ;

недостаточный уровень улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников и снижение доли

уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников в таких регионах, как Республика Карелия, Мурманская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская область, Республика Коми – 0,7 пп.; данная проблема говорит об ухудшении экологического профиля российской Арктики ввиду устаревания используемого оборудования, отсутствия новых технологических решений, позволяющих более эффективно проводить мероприятия по уловлению и обезвреживанию загрязняющих атмосферу веществ, неэффективном управлении производственными процессами;

почти во всех регионах наблюдается снижение показателей использования свежей воды, при этом использование объема оборотной и последовательно используемой воды в некоторых регионах имеет тенденцию к увеличению, а показатели сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты снижаются почти во всех исследуемых регионах;

расходы на охрану окружающей среды требуют дальнейшего увеличения, они должны быть направлены на повышение экологической безопасности предприятий арктической зоны, работающих в сферах промышленности с высокими показателями загрязнения окружающей среды, снижение уровня отходов производства и потребления, внедрения современных технологий очистки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 гг.» (не вступило в силу) // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70543488/> (дата обращения: 10.08.2020).
3. Распоряжение Губернатора Красноярского края от 25 ноября 2013 г. № 556-рг «Об утверждении программы «Снижение негативного воздействия на окружающую среду предприятиями красноярского края на 2014-2020 годы» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/18657884/> (дата обращения: 30.08.2020).

МИТРОФАНЕНКОВА О.Е.

младший научный сотрудник Института востоковедения РАН

**АФГАНСКИЙ НАРКОБИЗНЕС КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (В КОНТЕКСТЕ
ВНУТРЕАФГАНСКОГО КОНФЛИКТА
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.)**

Аннотация. Автор анализирует связь производства наркотиков в Афганистане с внутренним конфликтом. В статье рассматривается угроза афганских наркотиков для национальной безопасности России. Особое внимание уделено Организации Договора Коллективной Безопасности, как инструмента борьбы с афганским наркотрафиком.

Ключевые слова: Афганистан, наркотики, наркотрафик, угроза национальной безопасности, ОДКБ.

В наши дни Афганистан является мировым лидером по производству наркотиков опиатной группы (преимущественно героина) [1], а маршруты афганского наркотрафика распространились далеко за пределы соседних с ним стран.

Проблема распространения афганских наркотиков затронула не только ближайших соседей Афганистана по региону, но также Россию, страны Европы, некоторые страны Ближнего Востока и в меньшей степени страны Юго-Восточной Азии.

Стоит отметить, что производство наркотиков стало стремительно развиваться на фоне конфликта в Афганистане в конце XX в.

Производство наркотиков в Афганистане и внутриафганский конфликт

Вывод советских войск в 1989 г. не привел к стабилизации ситуации внутри Афганистана. Вскоре после этого перестал существовать и Советский Союз. В результате ситуации внутри страны еще больше дестабилизировалась.

Падение режима президента М. Наджибуллы в 1992 г. привело к новому витку гражданской войны, которая затянулась на многие годы.

В 1993 г. здесь отсутствовало сильное центральное правительство. Власть была поделена между полевыми командирами. «Местные правители» охотились за торговыми караванами, взимая плату за право прохода через свои земли или просто занимаясь грабежами. Соперничающие группировки сражались за контроль над территориями, где выращивали опийный мак [2]. В этот период страна находилась в состоянии раздробленности.

В самом начале 1990-х гг. опийный мак в Афганистане выращивался в отдельных провинциях, но уже тогда был замечен рост объемов произведенных наркотиков и увеличение площадей посевов. Сильный рост производства наркотиков здесь произошел после 1994 г.

Афганистан находился на грани распада, когда в 1994 г. появилось движение талибов [3]. В ходе гражданской войны движению талибов удалось установить контроль над 90% территории Афганистана к сентябрю 1998 г. Не подконтрольными им остался ряд небольших анклавов, преимущественно на севере страны [4].

Когда движение талибов пришло к власти, в Афганистане отмечался рост количества маковых плантаций, а также и увеличение производства героина.

После провозглашения талибами подконтрольной территории Исламским эмиратом, они приступили к строительству так называемой «исламской экономики». Лидеры движения проводили сомнительные экономические реформы, которые повлекли за собой гиперинфляцию и выкачивание денег из населения. Экономика и вся промышленность в стране находилась в тяжелом состоянии. Основным источников их доходов стало производство и незаконная торговля наркотиками [5].

Деньги, получаемые от наркоторговли, шли на содержание военизированных отрядов боевиков. Тысячи мирных крестьян были втянуты в процесс производства и торговли наркотиками [6].

Обеспечив относительную стабильность в стране, и объединив большую ее часть, под своей властью, движение талибов создало условия для роста производства наркотиков.

Стремительный рост производства наркотиков в конце 1990-х гг. стал стимулом для международного сообщества, чтобы начать переговоры с талибами о решении этой проблемы. После переговоров УНП ООН в октябре 1997 г. заключил соглашение с талибами. На основе этого соглашения талибы обязались уничтожить посевы мака, если международное сообщество даст средства на помощь крестьянам по замене его на другие культуры [6]. Но данное соглашение не было выполнено талибами.

Движению талибов было невыгодно отказываться от выращивания мака, так как они сильно зависели от этого источника дохода.

Лидеры движения предприняли ряд мер по ограничению производства и выращивания наркотиков. Для этого была даже создана Высшая комиссия по борьбе с наркотиками. 8 июня 1998 г. комиссия выступила с заявлением о том, что правительство ИЭА (Исламский Эмират Афганистан) приняло ряд мер по сокращению посевов мака. Но в целом это не привело к изменениям [5].

Для того чтобы удовлетворить международное сообщество и не лишиться гуманитарной помощи они пытались контролировать производство наркотиков.

К началу 2000-х гг. в Афганистане было налажено полноценное наркопроизводство. Несмотря на все заявления о попытках борьбы с производством наркотиков в Афганистане талибам было крайне не выгодно отказываться от этого вида деятельности.

В июле 2000 г. мулла Омар (лидер движения талибов) издал указ, запрещающий выращивать опийный мак, эффект от которого стал ощутим в следующем году [7]. Запрет на мак, наложенный движением талибов в 2000 г. является единственным примером успешной борьбы с наркотиками в Афганистане.

Талибы зависели от доходов, которые давали наркотики. Кроме того, связи движения талибов с террористической организацией «Аль-Каида» (запрещена в России) стали тем фактором, который определил жизнь страны на многие годы вперед. Поначалу им было выгодно сотрудничество с «Аль-Каидой», так как из-за международной изоляции наблюдались проблемы с гуманитарной помощью, в которой нуждался Афганистан. «Аль-Каида» же на первых этапах финансировала боевые операции талибов, строила дороги и оказывала финансовую поддержку [5]. В результате на территории Афганистана были развернуты лагеря по подготовке боевиков «Аль-Каиды». Связи талибов с «Аль-Каидой», торговля наркотиками и теракты 11 сентября 2001 г. стали теми факторами, которые привели к операции «Несокрушимая свобода».

С этих пор во внутренний конфликт в Афганистане оказались активно включены международные акторы. Кроме этого, страна переживала очередной виток нестабильности, который затрагивал все сферы общества. Здесь больше не было сильной власти, которая объединила бы всю страну. В результате начался очередной этап раздробленности.

Ситуация, связанная с производством наркотиков в Афганистане, существенно изменилась после падения режима талибов в 2001 г.

В этот период предпринимались попытки провести государственные преобразования в Афганистане (при участии международных акторов). В результате здесь была установлена президентская форма правления, выборность властных структур и принята новая Конституция.

При режиме нового главы Афганистана Х. Карзая (2002-2004 гг. временный президент, 2004-2014 гг. президент Афганистана) отмечался сильный рост производства наркотиков [8]. Подобная ситуация свидетельствовала о слабости центральной власти.

Стоит отметить, что на рост производства наркотиков в пост-талибском Афганистане в 2000-е гг. оказывали влияние не только внутренние факторы, но также и внешние. На черном рынке наркотиков существовал спрос на афганские опиаты, который уже не могли удовлетворить

страны «Золотого треугольника» (Таиланд, Мьянма и Лаос). В Афганистане также сохранялась тенденция к постоянному росту производства наркотиков.¹

На объемы производства наркотиков мало что оказывало сильное влияние, за исключением природно-климатических факторов (засуха, болезнь растений и т.д.). Международным сообществом предпринимались попытки борьбы с наркобизнесом в Афганистане, но они не приносили успехов.

Ситуация внутри страны начала меняться в 2014 г. В этот год между афганским руководством и руководством Соединенных штатов было подписано двухстороннее соглашение, согласно которому после завершения операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане остается часть военных сил НАТО для оказания помощи афганской полиции в борьбе с антиправительственными группировками. Политическая ситуация в стране стала еще более нестабильной. В последние годы также отмечается рост производства наркотиков.

Новое афганское правительство во главе с президентом А. Гани (Президент с 29 сентября 2014 г.) поддерживало инициативу вывода западных сил из Афганистана с сохранением незначительного военного контингента [9].

С 2015 г. на территории Афганистана находилось 13 тыс. военнослужащих НАТО. Основная цель оставшегося в Афганистане военного контингента заключается в подготовке афганских сил безопасности, их консультировании и оказание помощи им [10]. США полностью отстранились от борьбы с наркопроизводством в Афганистане.

При этом в последние годы ситуация, связанная с наркотиками, становится все хуже (Таблица 1).

Сегодня видно, что ни международные, ни региональные силы не могут взять ситуацию в Афганистане под контроль и стабилизировать ее внутри страны. Проблемы, которые планировали решить в 2001 г. остаются до сих пор нерешенными.

Угроза афганских наркотиков для национальной безопасности России

Начиная с 1990-х гг. афганские наркотики являются угрозой национальной безопасности для России.

После распада СССР и образования целого ряда новых государств на территорию Российской Федерации стали поступать наркотики из Афганистана. В свою очередь это привело к сильному росту наркомании среди местного населения.

¹ UNODC 2003/UNODC, Vienna, 2004, – p. 14

Таблица 1 – Производство наркотиков в Афганистане с 1994-2019 гг.

Год	Производство наркотиков в тоннах	Год	Производство наркотиков в тоннах
1994	3416	2007	8200
1995	2335	2008	7700
1996	2241	2009	6900
1997	2804	2010	3600
1998	3000	2011	5800
1999	4600	2012	3700
2000	3276	2013	5500
2001	185	2014	6400
2002	1900 - 2700	2015	3300
2003	7000	2016	4800
2004	4200	2017	9000
2005	4100	2018	6400
2006	6100	2019	6700

В 1990-е гг. в России наркомания еще не была признана в качестве угрозы национальной безопасности ни обществом, ни государством. Отчасти это было связано с тем, что в СССР наркомания встречалась крайне редко и была распространена в очень узких кругах.

К концу 1990-х гг. окончательно сформировались маршруты афганского наркотрафика. Россия вошла в состав, «Северного маршрута». По этому маршруту наркотики с территории Афганистана поступали в соседние с ним государства Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан и Туркмению). В грузах экспортируемой легальной продукции из Центральной Азии или в результате нелегального перехода государственной границы наркокурьером наркотики попадали на территорию России. Большая часть из них в Россию поступала по маршруту, который пролегал через территорию Таджикистана [11]. Россия стала не только конечным рынком сбыта для наркотиков, но также и транзитной зоной. Из России афганские наркотики уже поступали в страны Северной Европы.

Существенное увеличение потока наркотиков на «Северном маршруте» пришлось на период 1998-2004 гг., что было связано с сильным ростом их производства в Афганистане [11]. Кроме этого, увеличение объемов наркотиков на «Северном маршруте» говорило о проблеме пограничного контроля как на афгано-таджикской границе, так и на границе России с Казахстаном.

Незаконный оборот наркотиков приводил к ослаблению границ, росту коррупции среди чиновников и сотрудников правоохранительных органов. Происходил не только рост наркомании среди населения России, но также увеличивалось и количество преступлений совершаемых на

почве наркотиков. Распространение афганских наркотиков приводило к росту смертности среди трудоспособного населения, росла заболеваемость населения инфекциями, передающимися через кровь. Это привело к тому, что сегодня в России проживает более 1 млн ВИЧ инфицированных [11].

К 2004 г. в России насчитывалось около 1 млн героиновых наркоманов, что было самым большим показателем среди европейских стран [12].

Последующие годы сильных колебаний в распространение наркомании в России не происходило, хотя данный показатель оставался на весьма высоком уровне.

Согласно статистическим данным УНП ООН, количество героиновых наркоманов в России до 2012 г. оставалось на уровне 1-2 % от взрослого населения [13].

Наркоситуация в России не была подвержена сильным изменениям. С одной стороны проблема героиновой наркомании не выделяется столько ярко в российском обществе, как в 1990-е гг. Но, тем не менее, согласно международным источникам в стране на 2017 г. насчитывается около 1-2 % героиновых наркоманов от взрослого населения Российской Федерации [14].

По-прежнему остается актуальной и проблема роста преступлений, связанных с употреблением наркотиков, а также с их незаконным распространением. Другой составляющей проблемы незаконного оборота наркотиков является также и то, что он является одним из источников финансирования террористической деятельности.

Противодействие России афганским наркотикам по линии ОДКБ

Большое значение для внешней политики РФ всегда имел регион Центральной Азии. Этот регион является не только бывшей частью СССР и граничит непосредственно с Россией, но также он граничит и с Афганистаном. Страны Центральной Азии с конца XX в. стали «воротами» в Россию для угроз, исходящих с его территории, кроме этого, они также были подвержены этим угрозам.

Важную роль в обеспечение коллективной безопасности на постсоветском пространстве стала играть Организация Договора о коллективной безопасности (была образована в 2002 г. на базе существовавшего Договора о коллективной безопасности).

Договор о коллективной безопасности был подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте главами шести государств СНГ – Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана. В сентябре 1993 г. к нему присоединился Азербайджан, в декабре – Грузия и Белоруссия. Участники Договора обязались избегать применения или угрозы применения силы в международных отношениях, не вступать в военные блоки и группировки,

направленные против любого из участников договора. Договор вступил в силу в апреле 1994 г. и действовал в течение пятилетнего срока [15].

Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ представляла собой совокупность взглядов государств на предотвращение и устранение угроз миру, совместную защиту от агрессии, обеспечение их суверенитета и территориальной целостности [15].

По истечению срока действия договора в мае 1999 г., он не был продлен. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлить участие в договоре. А Армения, Белоруссия, РФ, Казахстан, Киргизия и Таджикистан решили перевести сотрудничество в рамках ДКБ на новый уровень. Эти государства были заинтересованы в усилении взаимодействия в области безопасности.

В результате в мае 2001 г. было принято решение о создании военной составляющей ДКБ – Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (КСБР). В их состав вошел воинский контингент РФ, Казахстана, Киргизии и Таджикистана [16]. В 2009 г. военная составляющая ОДКБ была расширена. В феврале 2009 г. были созданы Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ (КСОР ОДКБ). Создание КСОР было обусловлено не простой обстановкой в мире. В отличие от КСБР КСОР позволяли решать более широкий спектр задач (могут также противостоять терроризму и наркотрафику) [17].

Следующее преобразование в рамках ДКБ произошло в мае 2002 г. Было принято решение о преобразовании договора в международную организацию [15]. Одной из причин преобразования ДКБ в организацию стало желание повысить эффективность взаимодействия. Однако стоит отметить, что решение о преобразовании совпало с проведением под эгидой США антитеррористической операции в Афганистане и присутствием военных сил США в регионе.

Отечественный исследователь Ю.А. Никитина отмечает, что ОДКБ с правовой точки зрения, прежде всего организация коллективной обороны против внешнего вмешательства. Организация не призвана вмешиваться во внутренние дела государств. В 2000-е гг. ОДКБ стала самостоятельным механизмом интеграции, который направлен в основном на сферу обеспечения безопасности в регионе [15].

В функции ОДКБ входит противодействие, как традиционным внешним угрозам безопасности (военная агрессия, применение силы, военная интервенция и т.д.), так и противодействие новым угрозам безопасности (борьба с наркотрафиком, терроризмом, незаконной миграцией и т.д.).

Ведущую роль в организации получила Россия, как обладающая наибольшим военно-техническим и экономическим потенциалом. В конце XX в. в начале XXI в. Россия и Центральная Азия, как было отмечено выше, приняли на себя основной удар от афганских наркотиков, став

одновременно и транзитной зоной для них и конечным рынком сбыта. Стоит заметить, что афганский наркобизнес всегда выступал, как один из источников финансирования террористической деятельности. Это в свою очередь было двойной угрозой для национальной безопасности, как для РФ, так и для стран Центральной Азии.

ОДКБ выступила той площадкой в рамках, которой могла быть осуществлена коллективная борьба с незаконным оборотом наркотиков на территории региона. Особое значение для РФ имело то, что партии афганских наркотиков могли быть перехвачены на ближних подступах к ее границам.

В ОДКБ на первом месте встало обеспечение совместной работы по перекрытию каналов поставки наркотиков из мест их культивирования и переработки в страны назначения [18].

Идеология борьбы с незаконным оборотом наркотиков строится до сих пор на концепции подрыва экономических основ наркобизнеса. Это включает в себя: изъятие крупных партий наркотиков, сужение возможностей сырьевой базы, применение мер препятствующих свободному перемещению наркотиков через границы и по внутренним транспортным сетям, борьба с легализацией наркодоходов и т.д. [18].

В рамках ОДКБ уделяется внимание и снижению спроса на наркотики, а также и на противодействие киберпреступности (выявление сайтов, которые имеют отношение к распространению наркотиков).

Особое место в борьбе с афганскими наркотиками занимает операция «Канал», которая является силовым методом.

С 2003 г. в рамках ОДКБ проводится ежегодная антинаркотическая операция «Канал». Позднее в этой операции начала принимать участие ФСКН РФ, вплоть до своего упразднения в 2016 г. [19].

Основные задачи операций «Канал» заключались в развитие сотрудничества по борьбе с наркотрафиком в политической сфере, в области пограничной политики, подготовки кадров и научных исследований, в правовой сфере и по линии информационного противодействия. Основной целью этих операций было выявление и блокировка каналов нелегальной транспортировки наркотиков и их прекурсоров по «Северному маршруту» [15].

В результате данных операций была накоплена информация о маршрутах незаконных поставок наркотиков, ликвидированы крупные каналы поставок, отработаны механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов различных государств [20]. Между странами-участницами ОДКБ постоянно идет обмен данными и мнениями в области борьбы с афганским наркотрафиком.

Государства члены ОДКБ активно вовлекают в проведение антинаркотической операции «Канал» международные структуры: Интерпол, специальные службы Афганистана, Азербайджана, Ирана, Китая и т.д. [20].

При проведении «Канала» в 2019 г. помимо основных шести стран-участниц ОДКБ в качестве наблюдателей участвовал целый ряд представителей других стран (США, Китай, Италия и т.д.), а также представители международных организаций (Интерпол, УНП ООН и т.д.) [21].

Стоит отметить, что на международном уровне операция «Канал» была признана одной из самых эффективных в мире в области борьбы с афганским наркотрафиком [22]. Повышенное внимание со стороны международных акторов способствует обмену накопленным опытом, а также усилению сотрудничества в области борьбы с наркобизнесом.

Россия активно выступает за построение диалога с Афганистаном по линии ОДКБ. Важным шагом в этом направлении стало включение Афганистана в состав стран-наблюдателей ОДКБ в апреле 2013 г. [23].

Несмотря на то, что ОДКБ не является таким же сильным военным блоком, как НАТО она все равно играет важную роль в построение региональной безопасности, борьбе с наркотрафиком из Афганистана, а также и терроризмом.

Согласно концепции внешней политики РФ 2016 г. [24] ОДКБ является одним из приоритетных направлений сотрудничества для поддержания стабильности в регионе на территории постсоветских республик.

Россия является не только основным гарантом для сохранения организации, но и самым большим донором, на которую ложатся более чем 50% расходов всего бюджета ОДКБ [25].

Сегодня в состав организации входят Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия и Таджикистан. Статус государств-наблюдателей при ОДКБ имеют Афганистан и Сербия с 2013 г.

Наркотрафик из Афганистана представляет одинаковую степень угрозы для большинства участников ОДКБ.

Влияние на ситуацию, связанную с ролью ОДКБ в регионе влияет и политика США в регионе. На фоне вывода войск США из Афганистана и роста угроз, исходящих с его территории значимость ОДКБ в построение безопасности в Центральной Азии, возрастает. ОДКБ дает возможность России бороться с угрозами из Афганистана на ближайших подступах к своим границам.

Кроме того, ОДКБ является эффективной площадкой для построения диалога со странами Центральной Азии, непосредственно с самим Афганистаном, а также и с другими международными акторами, которые имеют интересы в регионе и подвержены угрозам из Афганистана. В последующие годы возможен рост значения ОДКБ для внешней политики России.

ОДКБ обладает хорошим потенциалом и механизмами для обеспечения безопасности региона. Кроме этого, в будущем возможно увеличение не только объемов афганского наркотрафика, но и рост

значения других угроз, исходящих из Афганистана. Поэтому вполне вероятно, усиление роли ОДКБ не только в области обеспечения региональной безопасности, но и уже в рамках субрегиона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. World drug report 2006/UNODC, Vienna, 2007. – p. 150.
2. Таннер Стивен Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана» / Стивен Таннер; пер. с англ. С. Саксина. – М.: ЭСКМО, 2004. – С. 367.
3. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии / А. Рашид; пер. с англ. М. Поваляева. – М.: Библион – Русская книга, 2003. – С. 347.
4. Коргун В.Г. Афганистан в XX в. – С. 500.
5. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет / Под ред. В. Г. Коргуна. – М.: Крафт+, ИВ РАН, 2004. – С. 256.
6. Neamatollah Nojumi The rise of the Taliban in Afganistan. Mass mobilization, civil war and the Future of the region 2002 / Neamatollah Nojumi, Palgrave; 2002. – С. 345.
7. Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. – М.: Городец-издат, 2002. – 362.
8. Афганистан. Коллекция фактов / Портал Перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.perspectivi.ru/oykumena/vostok/afganistan_kollekciya_faktov_2009-3-13-31-32.htm (дата обращения 24.05.2019).
9. How many foreign troops are in Afghanistan? // BBC News services. 15.10.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.bbc.com/news/world-south-asia-11371138> (дата обращения: 26.03.2017).
10. NATO and Afghanistan. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_8189.htm (дата обращения: 19.05.2018).
11. Комиссина И.А. Северный маршрут смерти. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/detail.shtml> (дата обращения: 01.08.2020).
12. Доклад международного комитета по контролю над наркотиками, 2004. – С. 90.
13. World drug report 2012 / UNODC, Vienna, 2013, – P. 256.
14. HIV and AIDS in Russia. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.avert.org/professionals/hiv-around-world/eastern-europe-central-asia/russia> (Дата обращения: 01.08.2020).
15. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. – М.: 2009. – С. 295.

16. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. – С. 322.

17. 4 февраля Коллективным силам оперативного реагирования – КСОП ОДКБ – исполняется 10 лет [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/reagirovanie2019/ (дата обращения: 01.08.2020).

18. Мелихов М.Г. Антинаркотическая деятельность Организации Договора о Коллективной Безопасности / Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2015. – С. 37-41.

19. Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.dkb.gov.ru/e/azkk.htm> (дата обращения: 11.05.2019).

20. Кирсанов А. Афганистан как наркогосударство / Власть. – 2010. – № 1. – С. 104-105.

21. CARICC and CSTO create an effective platform for the joint counter-narcotic operation. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.unodc.org/centralasia/en/news/caricc-and-csto-create-an-effective-platform-for-the-joint-counter-narcotic-operation.html> (дата обращения: 01.08.2020).

22. Исполняющий обязанности Генерального секретаря ОДКБ Валерий Семериков выступил на сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам в Вене. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://odkb-csto.org/secretary_general/appearance/ispolnyayushchiy-obyazannosti-generalnogo-sekretarya-odkb-valeriy-semerikov-vystupil-na-sessii-komis/?sphrase_id=60641 (дата обращения: 11.05.2019).

23. Структура ОДКБ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://odkb-csto.org/structure/index.php?sphrase_id=60642 (дата обращения: 11.05.2019).

24. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 11.05.2019).

25. Тихова В.В. ОДКБ и ее роль во внешней политике России. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/9d0/rol-odkb-vo-vneshnej-politike-rossii.pdf> (дата обращения: 11.05.2019).

МУРАХОВСКИЙ В.И.

Эксперт Российского совета по международным делам

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 1.0 И 2.0: В ЧЕМ РАЗЛИЧИЯ?

Аннотация. Рассматриваются ключевые аспекты военного противостояния в Европе в годы холодной войны и в современности. Сейчас конфронтация из военной сферы все более смещается в несиловые: информационную, экономическую, дипломатическую, правовую. Сформулированы предложения по усилению эффективности борьбы в информационной сфере.

Ключевые слова: холодная война, холодная война 2.0, НАТО, Варшавский договор, вооруженные силы, гонка вооружений, военная стратегия, военные конфликты, информационная война.

В не столь далеком 2007 году политологи осторожно задавались вопросом: приключится ли новая холодная война [1]? В 2014 году уже призывали не допустить новой холодной войны [2]. Сегодня это явление считают состоявшимся и термин «Холодная война 2.0» используют в научных трудах [3].

Действительно, наблюдаются некоторые общие черты в противостоянии между СССР (странами Варшавского договора) и США (странами Североатлантического договора) после Второй мировой войны и в сегодняшней политике «сдерживания» Соединенными Штатами Америки «стран-ревизионистов» – Китая и России [4].

По ряду формальных, внешних признаков холодная война в первой и второй версиях весьма схожи. Но между ними есть и фундаментальные различия, которые позволяют сомневаться в правомерности применения термина «холодная война» к современным отношениям между соперничающими великими державами. Предлагается обзор различий в военных аспектах.

Ключевое отличие текущей ситуации – появление третьего участника «большой игры», Китайской Народной Республики (КНР). Это вполне самостоятельный актер, в военной стратегии придерживающийся собственных интересов и принципов, не примыкающий «по умолчанию» ни к одной другой стороне. В данном обзоре КНР не рассматривается, поскольку страна не была активным участником холодной войны. Сегодняшнюю роль Китая раскрывает Василий Кашин в своей аналитической статье [5].

Многогранность и размах военного противоборства в годы холодной войны и в наши дни требуют серьезного исследования.

Численность вооруженных сил¹

В период холодной войны стороны активно готовились к глобальной «горячей» войне, в том числе с применением ядерного оружия и/или другого ОМП. Вооруженные силы в основном комплектовались призывным контингентом. Их численность была рассчитана на длительное ведение боевых действий высокой интенсивности, с большим масштабом потерь. Например, ожидался рост санитарных потерь в 10-20 раз по сравнению с периодом Второй мировой войны [6].

Формировались и содержались значительные людские мобилизационные резервы первой и второй очереди. Советский Союз рассчитывал успешно противостоять США, НАТО и Китаю как в кратковременной, так и в длительной войне, с многократным восстановлением Вооруженных Сил.

Британская армия после 1960 года, армия США после 1973 г. стали комплектоваться по контракту, с уменьшением общей численности, в расчете на качественное превосходство над противником.

Офицерский корпус везде комплектовался профессиональными военнослужащими, на добровольной основе. Унтер-офицерский и сержантский состав – в ряде стран по контракту, во многих странах, например в СССР и ФРГ, был смешанным (по контракту и по призыву).

По состоянию на 1989 год основные соперники в холодной войне имели следующую численность вооруженных сил.

СССР – после заявленного в декабре 1988 г. одностороннего сокращения ВС СССР на полмиллиона человек их общая численность составила 4 млн 200 тыс. военнослужащих. С учетом внутренних, пограничных и железнодорожных войск – 5 млн 960 тыс. человек.

США – 2 130 229 военнослужащих действующих ВС, свыше 1,5 млн человек в активном резерве и Национальной гвардии, всего свыше 3,6 млн военнослужащих. Великобритания – 311 600 военнослужащих. Франция – 471 000 человек, ФРГ – 456 000 военнослужащих.

По завершении холодной войны прошло радикальное сокращение численности вооруженных сил основных участников противостояния: более чем четырехкратное в России, в 2-2,5 раза у ведущих европейских стран НАТО, в 1,7 раза – в США.

Российская Федерация перевела вооруженные силы на смешанный принцип комплектования, их численность после 2008 года не превышает 1 млн военнослужащих.

США в рядах вооруженных сил содержат 2 млн 213 тыс. военнослужащих (армия, ВМС, морская пехота, ВВС, силы специальных операций, национальная гвардия). Великобритания имеет вооруженные

¹ Здесь и далее использованы в основном данные на 1989 и 2019 годы.

силы численностью 144 650 военнослужащих. Во Франции с 1997 г. вооруженные силы комплектуются по контракту, их численность 268 000 военнослужащих. ФРГ отменила призыв в 2011 г., сейчас контрактные вооруженные силы страны насчитывают менее 183 000 человек.

В целом вооруженные силы основных соперников в холодной войне сегодня стали меньше в несколько раз по личному составу и основным образцам вооружения. Это не позволяет им содержать развернутые группировки войск, необходимые и достаточные для ведения глобальной войны или масштабного регионального конфликта.

Даже менее масштабные конфликты низкой интенсивности вынуждают их привлекать активные резервные компоненты вооруженных сил. Так, США вынуждены для операций в Афганистане, Ираке, Сирии привлекать войска Национальной гвардии на постоянной основе [7].

Сегодня часть задач в военных операциях перекадывают на негосударственные вооруженные формирования, обычно в формате частных военных кампаний, а также местные союзные силы.

Гонка вооружений

В годы холодной войны под гонкой вооружений подразумевался качественный прогресс, наращивание номенклатуры и количественное насыщение войск современными образцами ВВСТ. При этом количество ВВСТ, содержащегося в мирное время, рассчитывалось, исходя из обеспечения высокой интенсивности боевых действий и восполнения потерь, по меньшей мере, в начальный период войны, на период развертывания мобилизационного производства.

Так, по состоянию на 1989 год войска ОВД и НАТО имели на Европейском ТВД соответственно: танков 59 470 и 30 690, орудий и минометов 32 390 и 24 200, боевых вертолетов 2 785 и 5 270, боевых самолетов 7 876 и 7 130.

На пике холодной войны можно отметить следующие особенности гонки вооружений.

Количество межконтинентальных носителей ядерного оружия и ядерных боевых частей позволяло накрыть зонами поражения и радиоактивных осадков практически все населенные территории противостоящих государств (вывод сделан по результатам советского стратегического командно-штабного учения «Решающий удар» 1970 г.) [6].

Высокая насыщенность ядерными боеприпасами военных формирований оперативного и тактического уровня. Ядерными боезарядами оснастили ракеты большой, средней, малой дальности и зенитные, артиллерию калибра от 152 мм и выше, и даже американское 120-мм безоткатное орудие. Получили распространение ядерные бомбы, торпеды и фугасы. К середине 1980-х годов соперники располагали

огромными ядерными потенциалами (по 40-50 тысяч ядерных зарядов у каждой стороны) [8].

Договор об ограничении стратегических вооружений 1972 г. (ОСВ-I) между СССР и США остановил наращивание числа МБР и носителей БРПЛ. Договор 1979 года (ОСВ-II) установил для стратегических ядерных средств потолок 2 250 единиц, начиная с 1981 года [9].

На момент подписания договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-I, 1991 год) США и СССР имели на стратегических носителях 10 563 и 10 271 ядерный заряд соответственно [6]. Суммарная мощность ядерных зарядов только на межконтинентальных баллистических ракетах составляла 1 100 и 6 500 мегатонн тротилового эквивалента [10].

В сфере обычных вооружений происходило накопление больших мобилизационных запасов вооружения и военной техники, ракет и боеприпасов, горючего, продовольствия, иных материальных средств. Все страны резервировали и поддерживали мобилизационные мощности промышленности.

Отмечается очень высокий темп обновления вооружения, военной и специальной техники, обычно характерный для военного времени. Всего за сорок с небольшим лет в вооруженных силах США, СССР, других государств НАТО и ОВД сменилось 3-5 поколений обычных видов оружия и военной техники, и, как следствие этого, операции и боевые действия с использованием обычного оружия приобрели качественно новый облик. Особенно глубокие сдвиги в способах их ведения произошли на рубеже 70-х – 80-х годов, когда в развитии классических видов оружия наметилась тенденция, связанная с разработкой и широким внедрением высокоточного управляемого оружия, в том числе разведывательно-ударных систем.

В этот период появились и первые опытные образцы оружия на новых физических принципах. К нему обычно относят лазерное, направленной энергии, электромагнитное, пучковое, гиперскоростное кинетическое.

Благодаря предельному напряжению экономики и ограничению ассигнований на социальные программы СССР удавалось выдерживать развернувшуюся гонку вооружений и поддерживать военное равновесие со странами вероятного противника. В целом экономическая база СССР позволяла придерживаться наступательной стратегии, быстро развивать Вооруженные Силы, постоянно обновлять их технический арсенал и ставить перед ними самые решительные цели.

Вместе с тем на боеспособности советских Вооруженных Сил крайне отрицательно сказывались многотипность вооружений, дублирование производства многих систем оружия и техники. Так, к середине 80-х годов на оснащении Вооруженных Сил находилось 62 основных типа артиллерийского и стрелкового оружия (в США – 7),

60 марок бронетанковой техники (в США – 16), из них 5 типов танков (в США – 1), 26 типов вооружения ПВО (в США – 3), 10 типов космических средств разведки (в США – 5), 26 типов систем связи (в США – 4), 8 типов самолетов фронтовой авиации (в США – 5), 5 типов атомных подводных лодок (в США – 2), 9 проектов крупных надводных кораблей (в США – 4). Это приводило к усложнению и удорожанию техники, затрудняло ее освоение, обслуживание и эксплуатацию в войсках.

За тридцать лет после окончания холодной войны (с 1990 по 2020 гг.) темпы обновления вооружений резко замедлились. Количество ключевых систем вооружения существенно сократилось.

Гонки вооружений в прежнем понимании не происходит. Зачастую передовые системы вооружения поступают в войска в ограниченном количестве и не повсеместно. Большинство основных систем вооружения являются модернизированными вариантами образцов, созданных в годы холодной войны.

Стратегические ядерные вооружения США и России ограничены договором СНВ-3 (по развернутым носителям 700 единиц, по боевым частям 1 550 единиц). Фактически на 1 марта 2020 г. стороны имели 655 и 485 развернутых стратегических носителей соответственно, 1 373 и 1 326 ядерных боевых частей [11].

Мобилизационные запасы и мобилизационные возможности соперников радикально уменьшились, а в ряде стран они были фактически ликвидированы. Не будет преувеличением утверждать, что мобилизационная готовность экономик и обществ большинства стран сейчас находятся на самом низком уровне за период после Второй мировой войны.

Военная стратегия

Общие концепции военной стратегии США, нацеленной на ведение глобальной ядерной войны с Советским Союзом, постепенно менялись. С 1971 г. взамен установки на ведение глобальной войны против СССР и стран ОВД была принята концепция «полутора войн», допускавшая возможность ведения одной всеобщей ядерной и одной локальной войны. В 1980 г. ее сменила концепция «двух с половиной войн», которая предусматривала готовность вооруженных сил к ведению двух крупномасштабных войн (ядерной и обычной) и одной локальной в обособленном регионе. С середины 1980-х годов эту установку заменила концепция «множественности войн». США допускали возможность ведения двух крупномасштабных и нескольких локальных войн в различных регионах мира.

Военная стратегия СССР в ядерную эпоху сначала опиралась на теорию ядерной войны с неограниченным применением ракетно-ядерного оружия с самого начала боевых действий и до конца.

Затем получила развитие теория поэтапной войны с последовательным переходом к использованию все более разрушительных средств вооруженной борьбы. Впоследствии сформировалась стратегия равной готовности. Имелась в виду готовность ВС вести как ядерную, так и обычную войну с широким использованием высокоточных боевых средств и автоматизированных систем управления войсками и оружием.

Стратегия ведения войны в целом координировала стратегические действия на различных театрах войны и театрах военных действий. Она определяла цели и задачи всех вооруженных сил, а также иных средств, направленных на поражение вооруженных сил противника, уничтожение его экономической базы, вывод из войны государств, которые могли стать противником. Связанная в основном с межконтинентальными действиями стратегических наступательных и оборонительных средств, стратегия объединяла в себе глобальные стратегические операции этих средств и сил.

Суть стратегии ведения войны на театрах военных действий сводилась к разгрому группировок войск и сил противника. Она охватывала и рассматривала главным образом проблемы, касающиеся подготовки и ведения операций на континентальных и океанских ТВД. Такой подход оказался целесообразным после создания главных командований на театрах военных действий. Планирование глобальных операций стало прерогативой исключительно Генерального штаба, а подготовка, планирование и ведение стратегических операций на ТВД – задачей соответствующих главных командований.

Холодная война характерна наличием боеготовых группировок войск сторон в Европе, находящихся в непосредственном соприкосновении. Европейский театр войны считался ключевым. На Центрально-Европейском и Северо-Европейском стратегических направлениях были сосредоточены основные группировки войск.

На линии соприкосновения в Западной Европе СССР имел группы войск в ГДР, Польше, Чехословакии и Венгрии. На территории ФРГ размещались группы войск США, Великобритании и Франции.

Предполагалось, что одновременно с действиями стратегических ядерных сил немедленно начнутся крупные наступательные операции на континентальных театрах. Их главные особенности – массированное применение ядерного оружия на всю глубину расположения противника, высокоманевренные боевые действия и их развитие по отдельным направлениям.

Советский Союз в сентябре 1984 г. сформировал Главное командование Западного направления, объединившее войска в Германии, Польше, Чехословакии, Белорусский и Прикарпатский военные округа. Это было самое мощное стратегическое объединение в мире, включавшее 5 танковых армий, 6 общевойсковых армий, 5 воздушных армий.

К 1989 году на Западном направлении насчитывалось 50 дивизий – 26 танковых и 24 мотострелковые, из которых 35 были развернуты до полного штата [12].

Для действий на Южно-Европейском стратегическом направлении было сформировано Главное командование Юго-Западного направления, которому подчинялись войска в Венгрии, Киевского и Одесского военных округов: 2 общевойсковых и танковая армии, 22 дивизии (7 танковых, 14 мотострелковых, 1 воздушно-десантная) [12].

Всего в европейской части СССР имелось 45 боеготовых дивизий.

Страны НАТО формально имели меньшее количество дивизий и бригад сухопутных войск, но по их оснащению они ненамного уступали армиям ОВД. В ФРГ дислоцировалось 24 дивизии различных типов четырех стран НАТО: 13 дивизий бундесвера, 4 дивизии США, 4 дивизии Великобритании, 3 дивизии Франции. Всего 15 танковых и бронетанковых дивизий, 7 мотопехотных и механизированных, по одной воздушно-десантной и горнопехотной. Имелось заметное количество отдельных бригад [12].

Во втором стратегическом эшелоне НАТО находилось еще порядка 20 дивизий и около 30 отдельных бригад различных типов на территориях Франции, Бельгии, Испании и Италии.

Созданные НАТО и ОВД войсковые группировки в Европе обладали возможностью перехода к полномасштабным боевым действиям в течение 24 часов, а передовыми эшелонами и дежурными средствами – немедленно.

Существовала возможность развертывания наступательной конфигурации группировок в течение нескольких суток. Поддерживалась готовность войск вести широкомасштабные боевые действия с применением как обычного, так и ядерного и/или другого оружия массового поражения.

В мировом океане оперативные флоты, эскадры, корабельные тактические группы и отдельные корабли осуществляли непрерывное слежение друг за другом, в готовности к немедленному применению. В 1989 году военно-морской флот СССР насчитывал 1005 кораблей и катеров всех классов общим водоизмещением около 3,5 млн тонн. ВМС США имели 456 кораблей общим водоизмещением свыше 4,9 млн тонн.

С конца 1960-х годов СССР стал формировать оперативные соединения (оперативные эскадры) с размещением их на постоянной основе в оперативно важных районах Мирового океана. Основным военно-стратегическим содержанием боевой службы заблаговременно развернутых группировок сил флота являлось предотвращение внезапного нападения или ослабление до минимума ракетно-ядерных ударов ВМС США и НАТО по Советскому Союзу.

СССР содержал значительное число сухопутных соединений второго стратегического эшелона (44 дивизии) и мобилизационного развертывания (до 120 дивизий) [13]. Страны НАТО имели резервные и мобилизационные контингенты в меньшем объеме.

Проводилось планирование и практическая отработка масштабного развертывания войск второго стратегического эшелона и резервных компонентов. США проводили учения «REFORGER» (REturn of FORces to GERmany, 1969-1993 годы), по усилению контингента на Европейском ТВД с переброской войск морем и по воздуху.

Советский Союз проводил учения с отмотилизованием соединений и последующим вводом их в сражение. Так, при подготовке маневров «Запад-81» провели отмотилизование соединений 28-й общевойсковой армии Белорусского военного округа, с призывом из запаса десятков тысяч человек, доведя ее численность до 130 тысяч военнослужащих [14].

Стороны регулярно проводили масштабные учения крупных группировок войск с отработкой применения всех видов вооруженных сил и типов вооружений, включая ядерное, по сценарию глобальной войны.

Характерным примером являются крупнейшие после Второй мировой войны маневры «Запад-81» ВС СССР, на которых отрабатывались вопросы подготовки и проведения стратегической наступательной операции на Западном стратегическом направлении.

Состав привлекаемых войск включал три танковых, две общевойсковых и две воздушных армии, воздушно-десантную дивизию, две отдельных десантно-штурмовых бригады, две артиллерийских дивизии, ракетную бригаду, две артиллерийских бригады большой мощности, четыре истребительно-противотанковых бригады, корпус ПВО, две зенитно-ракетных артиллерийских дивизии, две зенитно-ракетных бригады. От Балтийского флота участвовали Северная флотилия, Ленинградская военно-морская база, эскадра подводных лодок, эскадра десантных кораблей, дивизия ракетных катеров, отдельная бригада морской пехоты, ВВС флота.

В ходе маневров с реальным применением вооружения было доказано, что возможно поражение не менее 60 % целей огнем и ударами обычного высокоточного оружия без применения тактического ядерного оружия и прорыв обороны противника в едином бронированном боевом порядке.

Самые крупные за послевоенный период учения НАТО прошли в 1988 году. За две недели с территории США были переброшены и развернуты в Западной Европе 125 тысяч человек, что позволило создать на учениях группировку войск НАТО численность до 300 тысяч военнослужащих. Средства усиления включали пехотную дивизию, бронекавалерийский полк, две пехотных бригады, батальон пехотного полка Национальной гвардии.

Сегодня соперничающие страны не имеют развернутых группировок войск в непосредственном соприкосновении. Единственный регион, где можно, при некотором допущении, заметить намерения на такое противостояние – Калининградская область и прилегающие территории Польши.

В боеготовых войсках НАТО на Европейском ТВД находится до 40 000 человек [15]:

- силы передового базирования – многонациональные батальонные тактические группы в Эстонии (1073 человека) и Латвии (1401 чел.);
- силы немедленного применения – многонациональная пехотная бригада (около 5000 чел., пять батальонных тактических групп), срок развертывания – от 2 до 7 суток;
- силы быстрого реагирования – 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий, 30 кораблей (около 15000 чел.). Срок развертывания – до 30 суток;
- силы ответного реагирования – многонациональный Еврокорпус, авиационная группа (Великобритания), корабельная группа (Испания), группа сил специальных операций (Польша). Общая численность около 18 000 военнослужащих, срок развертывания – до 45 суток.

В период после холодной войны прошло значительное сокращение количества кораблей военно-морских сил ведущих держав (за исключением КНР, которая наращивает свой флот), при некотором повышении боевых возможностей каждой единицы. Уменьшилось число постоянно действующих оперативных флотов и эскадр. Особенно заметно сокращение кораблей океанского класса (дальней морской зоны). В этой категории ВМФ России насчитывает 104 корабля общим водоизмещением 0,76 млн тонн [16], ВМС США имеют 221 корабль общим водоизмещением 3,5 млн тонн.

Масштаб нынешних войсковых учений в Европе в разы меньше, чем в годы холодной войны. Заметен акцент на перенос учений, особенно командно-штабных стратегического и оперативно-стратегического уровней, в виртуальное пространство компьютерного моделирования боевых действий.

На крупнейшее за последние 25 лет учение НАТО «DEFENDER-Europe 20» планировалось привлечь 35000 военнослужащих из 18 стран. В том числе 2500 человек, перебазиремых из Великобритании и около 25000 перебрасываемых из США, включая 6000 бойцов Национальной гвардии и 900 чел. активного резерва армии.

На крупнейшем в новейшей истории России учении на Западном стратегическом направлении «Запад-2017» с участием войск Западного военного округа и ВС Белоруссии было задействовано до 13 тысяч военнослужащих.

Военные конфликты

Правила и «красные линии» холодной войны вырабатывались не за столом переговоров, а в жестких стычках военных сил соперников. Пределы возможностей и границы допустимого тестировались в острых конфликтных ситуациях. Переговоры, если они случались, констатировали в последующем соотношение сил сторон, сложившееся «по факту».

Например, «красная линия» в Берлине в виде берлинской стены формировалась в острой конфликтной ситуации. Самым опасным эпизодом стал инцидент у КПП «Чарли» американской зоны оккупации в западной части Берлина 26-27 октября 1961 года, когда американские и советские танки с полным боекомплектом целились друг в друга на берлинской улице с дистанции пары сотен метров: «кто первым моргнет».

Правило не нарушать воздушные границы, которое сегодня кажется аксиомой, прописывалось кровью в жестком противоборстве авиации западной коалиции и советской ПВО в 1950-60-е годы. Известно о примерно полутора десятках сбитых иностранных военных самолетов в воздушном пространстве СССР в этот период. Самым резонансным случаем стало уничтожение разведывательного самолета США типа U-2 зенитной ракетой ПВО вблизи Свердловска 1 мая 1960 г.

Правила «большой игры» с нулевой суммой также формировались в ходе жесткого противоборства. Характерны два эпизода холодной войны с участием ракет средней дальности.

Инициатором первого эпизода стали США, разместившие в 1961 г. в Турции ракеты средней дальности «Юпитер» с ядерной боевой частью, в зону досягаемости которых попадала европейская часть СССР, включая Москву. Ответные меры СССР по размещению ядерных ракет Р-12 и Р-14 на Кубе, в зону досягаемости которых попали многие американские города, включая Вашингтон, привели к так называемому Карибскому кризису октября 1962 г. Этот эпизод считают переломным в холодной войне. Примерно со второй половины 1960-х годов отмечается постепенное смещение противостояния от прямого конфликта вооруженных сил СССР и США к опосредованному противоборству.

Инициатором второго эпизода стал СССР, размещавший с 1977 г. в европейской части страны комплексы «Пионер» (РСД-10) с ядерными ракетами средней дальности (дальность около 5500 км), которые позволяли держать под прицелом всю Западную Европу. К 1987 году на боевом дежурстве и в арсеналах находилось 650 ракет РСД-10.

12 декабря 1979 г. на саммите НАТО в Брюсселе было принято решение разместить в Европе 572 ракеты средней дальности и предложить Советскому Союзу переговоры по двустороннему ограничению этого вида вооружений. Тем не менее, эскалация продолжалась: в Европе развертывались американские баллистические и крылатые ракеты,

СССР размещал в ГДР и Чехословакии оперативно-тактические ракетные комплексы «Ока». С приходом к власти в СССР нового руководства оно пошло на односторонние уступки и 8 декабря 1987 года в Вашингтоне был подписан договор, по условиям которого стороны согласились уничтожить РСМД как класс вооружения. Это единственный такой случай в практике международных отношений за всю их историю.

Сегодня предпосылки конфликтных ситуаций возникают в основном в международном воздушном пространстве, при идентификации и сопровождении боевых самолетов сторон. При этом интенсивность таких встреч в воздухе примерно на порядок ниже, чем в годы холодной войны.

На море интенсивность слежения кораблей друг за другом также в разы меньше, чем в годы холодной войны.

Информационная борьба

Сегодня вероятность развязывания глобальной войны или масштабного регионального конфликта между великими державами радикально меньше, чем в годы холодной войны. Что не исключает возможность единичных спонтанных военных инцидентов в районах непосредственного соприкосновения сторон.

Мобилизационная готовность государств и обществ к войне стала существенно ниже. Снизилась терпимость обществ к военным потерям.

Сегодня оппоненты в глобальном военном противостоянии не имеют боеготовых группировок войск, способных реализовать даже максимально благоприятные для инициатора результаты внезапных ударов обычным высокоточным и/или ядерным оружием составом боеготовых сил мирного времени. Для этого требуется масштабное и длительное стратегическое развертывание вооруженных сил, что практически невозможно скрыть от национальных технических средств разведки.

Конфликтность из военной сферы переместилась по большей части в медийную, информационную, политико-дипломатическую, финансово-экономическую, юридически-правовую и другие, не создающие непосредственной военной угрозы.

При этом конфронтационность в иных областях не транслируется напрямую в сферу военного противостояния. Численность ВС не наращивается. Наступательные группировки войск не развертываются. Нестратегическое ядерное оружие в войсках не содержится. Стратегическое ядерное вооружение ограничено разумными пределами. В области вооружений не ожидается в обозримой перспективе открытия неизвестных ранее науке физических принципов, на которых может быть создано оружие, радикально меняющее соотношение сил.

Вместе с тем попытки получить преимущество за счет качественного превосходства некоторых систем вооружения, изменения их

предназначения, форм и способов применения вооружения и группировок войск [17], не прекращаются. Выход США из договоров по противоракетной обороне, ракетам средней и меньшей дальности, стратегическим наступательным вооружениям привел к росту неопределенности и потенциальной военной опасности.

Однако военные опасности не создают непосредственной военной угрозы, требующей чрезвычайных действий по укреплению обороны страны и мобилизации общества. Их можно парировать в ходе планового развития вооруженных сил, совершенствования вооружения, военной и специальной техники.

Отмечается расширение и обострение противоборства в публичном информационном пространстве. Противостояние в этой сфере требует от России наращивания усилий.

Для примера. Помимо полиграфического издания, экспертная группа журнала «Арсенал Отечества» (Виктор Мураховский, Алексей Леонков, Дмитрий Дрозденко) только в первом полугодии 2020 г. выступила в российских и зарубежных СМИ по вопросам военного строительства, вооружения и военной техники, оборонно-промышленного комплекса 2 069 раз. В том числе с экспертными комментариями 1 642 раза, со статьями 387 раз, с интервью 40 раз.

Что касается экспертных комментариев, следует отметить, что до половины обращений отечественных СМИ инициированы информационным поводом зарубежного происхождения: в отношении планов применения российских ВС, форм и способов их действий, вооружения и военной техники. Это уникальная ситуация. Ни одна другая внутрироссийская сфера общественного внимания (экономика, государство, здравоохранение, образование, право и т.п.) не имеет столь большой доли зарубежных информационных поводов, как тема вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса.

По большей части зарубежные информационные поводы основаны на выступлениях иностранных политиков, военных и экспертов с критикой российской военной стратегии, форм и способов применения ВС РФ, российского военного строительства. Как правило, такие высказывания основаны на измышлениях и обоснования не имеют. Однако российским военным экспертам непросто им противостоять, поскольку они не могут опираться на отечественные публичные документы в этой сфере, за редким исключением.

Публикация «Основ государственной политики России в сфере ядерного сдерживания» стала прорывом в информационной борьбе. Она дает поучительный пример открытого, ясного и твердого изложения политики России в ключевой сфере военного строительства и обеспечения обороны страны. Этот документ стал прочным фундаментом в опровержении многочисленных измышлений и фантазий зарубежных

и некоторых отечественных экспертов, политиков, военно-научных центров по вопросам стратегического ядерного сдерживания.

«Основы ядерного сдерживания» практически сразу обнулили все измышления иностранных военных и экспертов с их приписываемыми российской ядерной стратегии концепциями «эскалации ради деэскалации», «обезглавливающего удара» и прочими «сочинениями на заданную тему».

Хотелось бы предложить и далее выводить в публичное пространство концептуальные документы по вопросам военной стратегии, военного строительства. Например, принципы и основы применения российской системы стратегического сдерживания неядерными средствами. Основные задачи и возможности межвидовых группировок войск на стратегических направлениях. Основы системы воздушно-космической обороны страны. И целый ряд других актуальных тем. Не в подробностях, а в их общей части.

Это позволит существенно укрепить российские позиции в информационном противоборстве с оппонентами, усилить российское влияние на зарубежные политические и военные элиты, широкую аудиторию СМИ.

Также считаю необходимым открыто и без стеснения рассказывать, что ожидает страны НАТО и другие недружественные России государства, в случае военной агрессии против нашей страны. С указанием конкретных негативных последствий и потерь.

Необходимо разъяснять, что пострадают не только страны так называемого «восточного фланга» НАТО, но и другие союзники США, включая и тех, где в обществе нет русофобии, но в стране есть военные объекты, представляющие угрозу для России.

Аналогичную разъяснительную работу аналитического уровня неплохо провести и для формально внеблоковых стран, допускающих антироссийское военное взаимодействие с НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексей Арбатов. «Грядет ли холодная война?» // Журнал «Россия в глобальной политике». – 2007. – № 2. – Март/Апрель.

2. Сергей Караганов. «Европа и Россия: не допустить новой «холодной войны». Журнал «Россия в глобальной политике». – 2014. – № 2. – Март/Апрель.

3. «The collision of U.S. dominance and Russian ‘mutiny’ leaves little room for maneuvering out of the ‘Cold War 2.0,’ also known as the hybrid war». Цит. - «Exiting the Cold War, Entering a New World». Edited by Daniel S. Hamilton and Kristina Spohr. Foreign Policy Institute, 2019. – 250 page. – P. 440.

4. National Security Strategy of The United States of America, December 2017. – P. 25.

5. Василий Кашин. «Второй фронт». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vtoroj-front/>. (дата обращения: 06.07.2020).

6. История военной стратегии России. Под ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле. 2000. – 592 с. С. 406, 434.

7. Defense Budget Overview. United State Department of Defense Fiscal Year 2020 Budget Request. 6. Overseas Contingency Operations and Emergency. – P. 66-74.

8. История военной стратегии России. Под ред. В.А. Золотарева – М.: Кучково поле. 2000. – 592 с. С. 403, 418, 446.

9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений от 18 июня 1979 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt>. (дата обращения: 29.06.2020).

10. Robert S. Norris & Hans M. Kirstensen, «Nuclear Notebook: U.S. and Soviet/Russian intercontinental ballistic missiles, 1959–2008», Bulletin of the Atomic Scientists, January/February 2009. – P. 2.

11. Данные по U.S.Department. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.state.gov/new-start-treaty-aggregate-numbers-of-strategic-offensive-arms-13/>. (дата обращения: 10.07.2020).

12. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945-1991). Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 6, 13.

13. Газета «Правда», 13 октября 1987 г.

14. «Запад-81 – уроки и выводы // Военный академический журнал. – 2016. – № 3(11). – С. 64-71.

15. Allied Joint Force Command Headquarters Brunssum. NATO response force (NRF) 2020.

16. Статистика: Топ-12 ВМС ведущих морских держав на 01.01.2020 (кораблестроение). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://navy-korabel.livejournal.com/tag/ВМС%20стран%20мира%20Статистика> (дата обращения: 10.07.2020).

17. «The U.S. Army in Multi-Domain Operations is an operational-level military concept designed to achieve U.S. strategic objectives articulated in the National Defense Strategy, specifically deterring and defeating China and Russia in competition and conflict». The U.S. Army in Multi-Domain Operations, 2028. TRADOC Pamphlet 525-3-1. 6 December 2018. P. 24.

НАЗАРОВ В.П.

кандидат политических наук
советник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации

АЛЕКСЕЕВА Т.А.

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой
политической теории МГИМО МИД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматриваются современные научные взгляды на феномен «национальная безопасность». Рассматриваются вопросы адекватности существующих взглядов на национальную безопасность современным условиям. Обосновывается целесообразность выделения предмета национальная безопасность в самостоятельное направление при подготовке специалистов.

Ключевые слова: национальная безопасность, теория и методология национальной безопасности, государственное управление, стратегическое прогнозирование и планирование, стратегические национальные приоритеты.

К концу второго десятилетия XXI в. в мире сложилась ситуация, когда на фоне роста глобальной и региональной нестабильности, обусловленной появлением новых «центров силы», обострением региональных конфликтов, расширением спектра новых угроз и вызовов, решение задачи надежного обеспечения национальной безопасности для каждого суверенного государства становится все более сложной задачей, требующей системного, комплексного подхода.

Создание перспективных систем вооружений, в том числе основанных на новых физических принципах, развитие иных, нетрадиционных способов ведения войны, в том числе в кибернетическом пространстве, заставляет ведущие страны мира искать новые пути и способы обеспечения национальной безопасности.

Неудивительно, что нарастает общая неустойчивость мирового порядка. Подрываются основы международного права, снижается эффективность таких институтов, как ООН, ОБСЕ, ЕС, разрушается система контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения. Усиливаются угрозы международного терроризма и экстремизма, организованной преступности во всех ее проявлениях. Растут возможности информационного воздействия, которые по последствиям

своего влияния на людей и все сферы общественной жизни не уступают силовым методам. Экономические санкции становятся все более распространенным инструментом внешней политики, нередко заменяющим вооруженные акции.

Такие особенности современного развития делают необходимым комплексный, системный подход к обеспечению национальной безопасности в государственной политике многих государств мира. При этом в основе такой политики должен быть принцип тесной взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития [1].

Современная государственная политика в области обеспечения национальной безопасности, помимо традиционной военной составляющей, включает в себя борьбу с терроризмом, организованной преступностью, эпидемиями и инфекциями, обеспечение экономической, энергетической, экологической, пограничной, продовольственной и кибербезопасности. Соответственно, национальная безопасность на этих направлениях обеспечивается политическими, экономическими, военными и иными средствами. Особое внимание уделяется нейтрализации источников нестабильности, включая изменения климата, экономическое неравенство, политическую изоляцию и распространение ядерного оружия. Не случайно, поэтому, во многих странах принята и успешно реализуется расширенная трактовка понятия «национальная безопасность» (например, в Швеции, Испании, Великобритании и ряде других стран).

В редакции 2017 года Стратегии национальной безопасности США национальные интересы характеризуются как «защита территории США, американских граждан и американского образа жизни», «содействие процветанию Америки», «сохранение мира через силу», «расширение американского влияния» [2, р. 4]. В разделе II «Содействие процветанию Америки» подчеркивается, что сильная экономика является основой американской мощи и национальной безопасности. В числе главных приоритетов в данной области прописаны модернизация американской экономики, технологическое лидерство и защита интеллектуальной собственности, доминирование в энергетической сфере, восстановление экономической мощи и доверия к американской экономической модели. При этом в качестве эффективного средства обеспечения безопасности предусматривается «использование экономических инструментов, включая санкции, меры по борьбе с отмыванием денег и коррупцией, а также правоприменительные действия, как части более широких стратегий по сдерживанию, принуждению и ограничению противника» [2, р. 34].

Характерно, что Стратегия национальной безопасности США, кроме традиционных внешних, военных и новых угроз и направлений обеспечения безопасности, широко освещает и такие ее аспекты, как, например, безопасность в социальной, информационной, кибер- и

гуманитарной сфере. Стоит отметить совершенно бескомпромиссный подход к методам достижения целей. В частности, во внешней пропаганде предписывается «подключиться к идеологической борьбе местных голосов, придать им более мощное звучание, объединиться с ними для продвижения альтернатив посланиям (недружественных режимов), полным насилия и ненависти. Использовать творческий и ресурсный потенциал медийных и Интернет-компаний, частного сектора для продвижения американских ценностей. Использовать более экономичные и эффективные способы донесения до пользователей за рубежом контента, отвечающего интересам национальной безопасности США» [2, р.35].

Таким образом, комплексный, системный подход к выработке и проведению государственной политики в области обеспечения национальной безопасности требует ее всестороннего научного обеспечения. В этом плане полезно рассмотреть вопрос о том, как развивалась научная мысль США в данной предметной области, тем более что система обеспечения национальной безопасности в новой России выстраивалась в основном с учетом американского опыта.

Термин «национальная безопасность» впервые встречается в Послании Президента США Т. Рузвельта Конгрессу 1904 году, в котором захват зоны Панамского канала был обоснован интересами национальной безопасности. Долгое время он использовался в американском политическом лексиконе главным образом как фигура речи, а также представителями военного руководства США в качестве обозначения цели военной политики. Только после Второй мировой войны понятие «национальная безопасность» получило в США не только политическое признание, но и сформировалось в отдельное научное направление в рамках общественных наук. Уже с 50-60-х годов прошлого века национальная безопасность рассматривается в США как политологический концепт и самостоятельная область научных исследований.

Современные политологи склонны рассматривать концепт «национальная безопасность» как способность нации (страны) обеспечивать защиту своих внутренних ценностей от внешних угроз. Таким образом, данная область науки изучает пути и способы, которые используют страны для планирования и осуществления государственной политики, призванной усилить эту способность, а также для оценки эффективности этой политики [3, р. 124].

В этой связи с позиций историографии можно условно разделить американские взгляды в этой области на две группы. Первая группа, к которой относится У. Липпманн, понимала сущность безопасности через национальные интересы. В частности, он считал, что «...нация безопасна тогда, когда ей не приходится жертвовать своими законными интересами, чтобы избежать войны, и, в случае необходимости, в состоянии защитить их военными средствами» [4, р. 5].

Вторая группа исповедовала более рационалистические взгляды и трактовала понятие «национальная безопасность» через угрозы. В частности, ее представитель А. Уолферс считал, что безопасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз приобретенным ценностям, в субъективном смысле отсутствием боязни, что эти ценности подвергнутся нападению [5, р. 150]. Кроме того, А. Уолферс характеризовал «национальную безопасность» как двусмысленный символ, возможно, совсем не имеющий какого-либо точного определения [5, р. 6].

Относительная ясность в концепте «национальные интересы» появилась только после окончания Второй мировой войны. Мортон Каплан, один из представителей Чикагской школы политической науки, известной своим вкладом в развитие эмпирических исследований и формирование бихевиоралистского направления в международно-политических исследованиях, установил, что национальные интересы или интересы национальной безопасности являются лишь одной из составляющих, хотя и весьма важной составляющей, обеспечивающей целостность системы. Более того, безопасность национальной системы тесно связана с безопасностью подсистем, образующих национальную систему [6, р. 142].

Превращению национальной безопасности в отдельную область науки способствовали политические и административные изменения, произошедшие в США после окончания Второй мировой войны. Они были обусловлены серьезным усложнением задач управления страной, которые требовали координации военных усилий, оборонно-промышленного комплекса, научного потенциала, долгосрочного стратегического планирования и планирования политики. Технологические достижения, особенно создание атомного оружия, ясно показали, что военные задачи более нельзя решать обособленно, но лишь в тесной взаимосвязи с политическими и экономическими факторами как международного, так и внутреннего характера [3, р. 327].

Американские исследования в области национальной безопасности очень быстро распространились с чисто военных вопросов на проблемы экономической безопасности. Опыт двух мировых войн учит, что промышленный потенциал и экономические ресурсы страны оказывают определяющее влияние на ее способность вести войну, поэтому ученые, специализировавшиеся на проблемах национальной безопасности, уделяли все большее внимание экономическим аспектам и методам обеспечения безопасности.

Представители другой школы американской науки в области национальной безопасности делали главный акцент не на одностороннее наращивание силового потенциала США, а на активизацию международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, были менее многочисленны, а их труды не столь системны и комплексны. Как правило, они затрагивали отдельные направления обеспечения безопасности.

Представители школы кооперации предлагают выстраивать политику в области национальной безопасности таким образом, чтобы безопасность США обеспечивалась при одновременном укреплении безопасности всех стран или групп государств. Несмотря на то, что сторонники выстраивания системы обеспечения национальной безопасности на путях развития международного сотрудничества далеко не всегда встречали должное понимание в правящих кругах США, их работы в целом способствовали продвижению в умы американских политиков понимания того, что в современном мире укрепление безопасности одного государства в значительной мере зависит от уровня безопасности других государств и что концепт международной безопасности может играть не менее важную роль, чем концепт национальной безопасности. В конечном итоге эти работы дали толчок углубленным исследованиям, посвященным поиску тех областей обеспечения безопасности, в которых международное сотрудничество можно признать желаемым и возможным.

Совершенно очевидно, что национальная безопасность как научное направление имеет много общего с традиционными науками, такими как теория международных отношений или внешней политики. В то же время, по мнению американских экспертов, национальная безопасность, являясь комплексным научным концептом, имеет ряд преимуществ перед исследованиями в рамках теории международных отношений и внешней политики. Комплексное исследование с позиций национальной безопасности позволяет классифицировать и анализировать огромные объемы разнородной информации, которыми невозможно оперировать при помощи методов классической теории. Сфокусированность на интересах национальной безопасности позволяет придать новое измерение исследованию конфликтов. Такой подход позволяет определить общие интересы всех государств и на этой основе выявить точки совпадения позиций и возможные области сотрудничества в интересах укрепления международной безопасности [3]. Таким образом, обеспечение международной безопасности и всеобщего мира может стать легитимной целью государственной политики в области безопасности.

Наконец, научный анализ с позиции интересов национальной безопасности позволяет выявить общность целей и принципов внешней и внутренней политики рассматриваемой страны, получить целостное представление о поведении акторов международных отношений, в то время как традиционные методы политологических исследований нередко приводят к ошибочному выводу о наличии противоречий между внутренней и внешней политикой тех или иных государств. Комплексный анализ с позиций национальной безопасности, системный подход позволяют определить единый набор целей и задач внешней и внутренней политики рассматриваемых государств, который взят ими на вооружение

для защиты общего набора ценностей и интересов и в конечном итоге обеспечения целостности национальной и даже международной системы.

В то же время существуют различные точки зрения в отношении целей и результатов научных исследований в области национальной безопасности. Ряд американских ученых обращают внимание на то, что понятие «национальная безопасность» имеет комплексный характер и допускает различные трактовки своей содержательной части и выводов. Например, такие отечественные авторы как А. Подберезкин и М. Харкевич полагают, что следует учитывать, что политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний в силу целого ряда объективных причин, связанных прежде всего с субъективностью и иррациональностью, свойственной политике вообще, а также с доступностью и достоверностью информации, которая изначально, по определению, не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна [7].

Однако прикладная направленность исследований в области национальной безопасности, потребности использования результатов научных работ в интересах выработки практической политики способствовали тому, что в данном научном направлении стала преобладать нацеленность на получение точных и однозначных выводов. Развитию данной тенденции благоприятствовало широкое участие в исследованиях в области национальной безопасности экспертов в области естественных наук, а также экономики, социологии, психологии, антропологии и др., которые опирались на использование таких научных методов, как теория игр, симуляция, информатика, системный анализ, анализ затраты (input-output analysis), которые позволяют дать вполне определенные, в том числе количественно измеряемые, результаты. Именно такая точность вырабатываемых новым научным направлением рекомендаций востребована заказчиками в правительстве, парламенте, вооруженных силах и спецслужбах.

Главная особенность предмета «Национальная безопасность» как самостоятельного научного направления состоит в том, что эти исследования имеют не только академическое, но и серьезное практическое значение, поскольку их результаты нередко трансформируются в важные политические решения.

За последние годы существенно расширился арсенал невоенных методов и средств внешнего воздействия.

На сегодняшний день американская теория национальной безопасности и политическая практика США выделяют следующие основные невоенные сферы обеспечения национальной безопасности:

Политическая безопасность – защита суверенитета органов управления и политической системы страны, а также безопасности общества от внутренних и внешних угроз и давлений.

Экономическая безопасность – защита не только экономического потенциала страны, но и способности руководства и населения страны принимать самостоятельные решения в области экономики и финансов и обеспечивать их выполнение, противостоять внешним угрозам и давлению. В последнее время к задачам в этой сфере добавилась борьба с бедностью и социальным неравенством.

Энергетическая и ресурсная безопасность (Energy and natural resources security), обеспечивающая доступ страны к основным энергетическим ресурсам, питьевой воде и минеральному сырью на рыночных условиях, свободных от внешнего вмешательства, продиктованного политическими целями.

Внутренняя безопасность, которая после терактов 11 сентября 2001 г. обеспечивается министерством внутренней безопасности США. Она включает в себя безопасность аэропортов и портов, пограничную, транспортную безопасность, иммиграционный контроль и связанные с этим задачи.

Кибербезопасность – защита компьютерных систем и инфраструктуры обработки данных органов управления и населения от незаконного внешнего и внутреннего вмешательства. Таким образом, эта сфера обеспечения национальной безопасности решает задачи как в области национальной обороны и внутренней безопасности, так и охраны правопорядка.

Гуманитарная безопасность – новое понятие, взятое на вооружение Вашингтоном и закрепленное решениями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН после окончания «холодной войны». Оно имеет широкую трактовку и предполагает защиту народов от голода, болезней и репрессий. С течением времени гуманитарная безопасность охватила такие сферы, как экономическая, экологическая, продовольственная безопасность, здравоохранение, безопасность личности, защиту женщин и нацменьшинств. После целого ряда американских военных авантур, предпринятых в одностороннем порядке и в обход ООН, в США преобладает точка зрения, что гуманитарное вмешательство должно осуществляться с санкции и под эгидой ООН.

Экологическая безопасность – также новое понятие, которое уже имеет несколько измерений. Традиционное понимание данного концепта предполагает реагирование на межгосударственные и региональные конфликты, вызванные экологическими проблемами, такими как нехватка воды, энергоносителей или продовольствия. Новый концепт экологической безопасности, сформировавшийся в последнее время, заключается в том, что окружающая среда и климат должны защищаться как самостоятельные ценности, поскольку ухудшение их качества под воздействием человека является угрозой, эквивалентной угрозе национальной безопасности, на которую следует реагировать всему мировому сообществу на основе международного сотрудничества [8, p.20].

В целом следует признать, что политика национальной безопасности США выстроена на солидной научной основе, которую составляют значительная прогностическая и аналитическая работа, развитая сеть неправительственных аналитических и консалтинговых структур, непосредственное участие академической науки. Расширение взглядов на сущность феномена «национальная безопасность» позволило от сугубо военного содержательного аспекта (например, стратегия «массированного возмездия») подойти к сегодняшнему пониманию сути обеспечения национальной безопасности США, где гуманитарный, экономический, социальный и информационный факторы имеют не менее важное значение, чем чисто военная компонента. Следует отметить при этом преемственность стратегического целеполагания, а также неразрывную связь стратегических концептов с практикой стратегического управления. Именно тесная связь науки с практической политикой, прикладной характер исследований, со всеми его достоинствами и недостатками, обеспечили устойчивые перспективы этому новому научному направлению.

Сказанное вовсе не означает, что практическая политика США в области обеспечения национальной безопасности всегда строится на строго научной основе и являет собой образец выверенности. Причина многих непродуманных решений Вашингтона кроется в стремлении власти, прежде всего президентской администрации, найти такие внешнеполитические рецепты, которые бы в наибольшей степени укрепляли ее внутривнутриполитические позиции в данный момент.

Российская наука и политическая практика движутся в рамках общемирового тренда понимания феномена «национальная безопасность» как многофакторного и многомерного явления, требующего комплексного, системного подхода к формированию и реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Принятая в 2009 году Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [9] и новая редакция документа 2015 года [1], основаны на принципе неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, получившего в отечественной политической практике название «безопасность через развитие» [10]. Документы выстроены по стратегическим национальным приоритетам, которые являются основными направлениями обеспечения национальной безопасности. Каждый приоритет изложен по единой методологии и представляет собой толкование целостной государственной политики по данному направлению: цели, угрозы, задачи, меры и средства по решению этих задач. Важно, что стратегия подкреплена утвержденными Президентом Российской Федерации механизмом реализации и системой мониторинга и оценки состояния национальной безопасности.

При этом из девяти стратегических национальных приоритетов только два («оборона страны» и «государственная и общественная безопасность») имеют отношение к обеспечению национальной безопасности в узком смысле слова. Остальные – «повышение качества жизни российских граждан»; «экономический рост»; «наука, технологии и образование»; «здравоохранение»; «культура»; «экология живых систем и рациональное природопользование»; «стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» – являются приоритетами развития и представляют собой компоненты «мягкой силы».

Данная редакция Стратегии национальной безопасности Российской Федерации легитимизировала расширенный взгляд на концепт «национальная безопасность», имея в виду, что невоенные угрозы национальной безопасности играют не менее важную роль в обеспечении национальных интересов Российской Федерации.

Для противодействия такого рода угрозам необходимы широкие научные социологические и психологические исследования, органично вписанные в канву обеспечения национальной безопасности, а также расширение спектра прикладных разработок в этой предметной области. Не менее важное значение для обеспечения национальной безопасности имеет и фактор оперативного реагирования на новые угрозы и чрезвычайные ситуации. Как отмечают С. Караганов и Д. Сулов, «переживаемая человечеством встряска (COVID19) не может не привести к пересмотру многих привычных моделей отношений, переоценке ценностей. Повысится значимость вопросов экологии, климата, предотвращения природных и техногенных катастроф и пандемий [11].

Таким образом, научное обеспечение государственной политики в области национальной безопасности – комплексная и сложная научно-практическая задача, требующая привлечения специалистов многих научных специальностей. Важно скоординировать их работу в рамках постановки единых целей и задач на основе комплексного научного видения всей проблемы, единой методологии, принципов и закономерностей.

К сожалению, эта задача в нашей стране пока не решена. Отсюда – многочисленные пробелы по фундаментальным вопросам обеспечения национальной безопасности: как определять национальные интересы и стратегические приоритеты национальной безопасности и устойчивого развития страны, как ранжировать эти приоритеты и корректировать их, в каких пропорциях распределять национальные ресурсы по избранным приоритетам, как производить комплексную оценку состояния национальной безопасности, в том числе по отдельным приоритетам и регионам страны и т.д. Сегодня решения по этим вопросам зачастую принимаются эмпирическим путем, без должной научно-методологической проработки. Более того, как в академической среде, так и на государственной

службе налицо острая нехватка специалистов, способных системно и комплексно решать подобные задачи.

В результате конкретные вопросы обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования нередко рассматриваются с узковедомственных позиций. Именно этим можно объяснить несогласованность многих концептуальных и программно-плановых документов стратегического планирования, их необеспеченность ресурсами, отсутствие в стране единой сбалансированной системы указанных документов, многие другие недостатки в системе госуправления.

Сегодня российская политическая наука оперирует в основном терминами и конструкциями системы концептуальных взглядов в области национальной безопасности, которая базируется на постулатах, заложенных еще в 90-е годы XX века. Между тем трактовка термина «национальная безопасность» с позиций защищенности интересов личности, общества и государства, возможно, оправданная для целей обретения стабильности в условиях выживания новой России, уже не отвечает современной парадигме «безопасность через устойчивое развитие» [12].

Анализ зарубежного опыта научного обеспечения государственной политики в области национальной безопасности позволяет сделать вывод о необходимости выделения предмета «Национальная безопасность» в самостоятельное научное направление в системе общественных наук. Его объектом могла бы стать общественно-политическая, экономическая и социально-территориальная система, обеспечивающая безопасность и устойчивое развитие данной системы в условиях глобальных вызовов, рисков и угроз, поскольку в классическом, философском понимании объектом науки является объективный, естественный мир, являющийся центром познавательного внимания ученого [13, с. 88].

Предметом же данного научного направления могла бы быть многофункциональная управленческая деятельность, в рамках которой рассматриваются вопросы общей теории и методология национальной безопасности и практики ее обеспечения, закономерности, качественные параметры, отличительные свойства и характер связей процессов обеспечения национальной безопасности, развития и совершенствования системы ее обеспечения. Как справедливо отмечает ветеран отечественной военной и политической науки С.А. Тюшкевич, «научная теория должна давать целостное, а не фрагментарное представление о закономерностях и существенных связях изучаемой области действительности. Она является формой синтетического знания, когда не только гипотезы, но и открытые с их помощью законы утрачивают свою автономность и становятся элементами единой системы» [14].

Между тем в современной отечественной науке сам подход к понятию «безопасность» нередко достаточно узок, что, в частности,

наглядно проявляется в перечне научных специальностей ВАК РФ, где предусмотрены следующие специальности: 05.26.02 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях (по отраслям)»; 05.26.05 «Ядерная и радиационная безопасность»; 05.26.06 «Химическая, биологическая и бактериологическая безопасность»; 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)» [15]. Все эти виды безопасности носят сугубо отраслевой и даже технологический характер.

Сегодня ряд российских вузов, связанных с подготовкой кадров управленческого звена среднего и высшего уровня, имеет в своих учебных программах предмет «Национальная безопасность». Однако единый образовательный стандарт в области национальной безопасности и стратегического планирования, а также государственный заказ на подготовку специалистов такого рода специальности отсутствуют. «Силовые» ведомства при подготовке своих кадров руководствуются исключительно собственными потребностями, ориентируясь на формат тех специальностей, которые имеются в ведомственных вузах, а министерства и ведомства социально-экономического профиля в свои программы переподготовки кадров не включают вопросы национальной безопасности или рассматривают их с позиций права, менеджмента, экологической, информационной и иных видов безопасности. Все это негативно отражается на качестве государственного управления, сдерживает развитие теории и практики стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности, тормозит решение долгосрочных задач развития страны.

Поскольку задачи обеспечения национальной безопасности непосредственно связаны с вопросами государственного управления, новую научную специальность целесообразно было бы назвать «Национальная безопасность и стратегическое планирование», так как задачи обеспечения национальной безопасности решаются путем принятия различных видов документов стратегического планирования, контроля за их выполнением и корректировки этих документов по результатам мониторинга.

Предлагаемую научную специальность можно было бы рассматривать как синергетический феномен, имея в виду, как отмечает ряд авторов, что именно в рамках синергии происходит кооперирование различных дисциплин, у каждой из которых есть своя сущность, свой язык и приемы изучения действительности, свои методы и особенности [16]. Объединение многих естественных и общественных наук позволит получать, анализировать, систематизировать и обобщать новые знания на основе системного подхода к проблематике обеспечения национальной безопасности.

Следует заметить, что прецеденты формирования научной специальности для исследования сложного multifunctional явления (процесса) в Российской Федерации уже созданы. Например,

перечень ВАК предусматривает научную специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», в рамках которой рассматриваются педагогические основы становления, развития и функционирования социально-культурных систем; процессы социального управления образовательными, социально-культурными системами; процессов социализации, социального развития, инкультурации, социального взаимодействия на институциональном и индивидуальном уровнях. Или, например, специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» рассматривает вопросы профессионального обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации во всех видах и уровнях образовательных учреждений, предметных и отраслевых областях, включая вопросы управления и организации учебно-воспитательного процесса, прогнозирования и определения структуры подготовки кадров с учетом потребностей личности и рынка труда, общества и государства [17].

Такой же подход можно было бы применить и к проблематике национальной безопасности, введя, например, для магистратуры, второго высшего образования и системы повышения квалификации государственных управленческих и политологических кадров в вузах Российской Федерации предлагаемую выше научную специальность, базой которой мог бы стать учебный курс «Общие основы теории и практики обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования». При этом вузы могли бы дополнительно вести углубленное изучение конкретных направлений обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования в соответствии с собственной специализацией.

Закрепить новые подходы к феномену «национальная безопасность» и последовательному выстраиванию государственной политики на основе принципа взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития можно было бы в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основах государственной политики в области стратегического планирования, работа над которыми в настоящее время разворачивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 07.06. 2020).

2. National Security Strategy of the United States of America (December 2017). P. 35. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).

3. Berkowitz M., Bock P.G. (1965). American National Security: A Reader in Theory and Policy. New York: Free Press. Pp. 124.

4. Lippmann W. (1943). U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little. Pp. xvii, 177.

5. Wolfers A. «National Security» as an Ambiguous Symbol // Political Science Quarterly. – 1952. – № 67. – Pp. 481-502.

6. Kaplan M.A. (1957). System and Process in International Politics. New York: John Wiley & Sons. Pp. xx, 283.

7. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // Сравнительная политика. – 2017. – № 8(3). – С. 20-37. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37>. (дата обращения: 10.06. 2020).

8. Holmes K.R. What Is National Security? Index of U.S. Military Strength: Assessing America's Ability to Provide for the Common Defense // Ed. by D.L. Wood. // The Heritage Foundation – 2015. – P.6-26.

9. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/. (дата обращения: 15.06. 2020).

10. Назаров В.П. Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // Власть. – 2007. – № 11. – С. 3-10.

11. Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса. Новые идеи для внешней политики. Россия в глобальной политике // – Май/июнь. – № 3. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://globalaffairs.ru/issues/2020/3/>. (дата обращения: 10.07. 2020).

12. Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. – 2020. – № 1. – С. 9-19.

13. Суханов К.Н. Понятие объекта науки в современной философии науки / Философия. Социология. Культурология // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 15 (269). – Вып. 24. – С. 86-91.

14. Тюшкевич С., Буренок В. Кризис военной мысли. Сегодня мы не имеем сложившейся научной теории будущих войн // Военно-промышленный курьер ВПК. 24 июня 2013 г. – № 26 (839). [Электронный

ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/16482>. (дата обращения: 07.07.2020).

15. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени». Приложение. Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://base.garant.ru/71814408/>. (дата обращения: 20.06. 2020).

16. Безручко Б.П. и др. Путь в синергетику: экскурс в 10 лекциях. – Синергетика: от прошлого к будущему. – М: URSS, 2020. – 304 с.

17. Номенклатура и шифры научных специальностей ВАК России. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: disszakaz.ru/dissertantam/zashchita/nomenklatura-i-shifry-nauchnykh-spetsialnostey-vak/. (дата обращения: 28.07. 2020).

ОВСЯННИКОВА О.А.

кандидат педагогических наук, доцент,
член-корреспондент Академии военных наук,
исполнительный директор Научно-исследовательского центра
проблем национальной безопасности

УКРАИНА 2020: НОВЫЙ СТАРЫЙ КУРС

Аннотация. В статье на основе анализа событий, произошедших в преддверии первой годовщины в должности президента В. Зеленского, определяется характер, содержание и перспективы развития внутривнутриполитической ситуации на Украине, прогнозируемые направления деятельности ее политического руководства.

Влияние негативных глобальных факторов и, особенно, пандемии коронавируса на ситуацию на Украине в значительной мере отягощается наличием комплекса неразрешенных внутривнутриполитических проблем, генерирующих раскол украинского общества, нестабильность и эскалацию напряженности и конфликтности, утрату органами государственной власти способности влияния как на общество в целом, так и на отдельные регионы.

Ключевые слова: Украина, кризис, президент Украины В. Зеленский, годовщина президентского срока, пандемия коронавируса, трудовые мигранты, Дж. Сорос, американские биологические лаборатории, внешнее управление, не соблюдение минских соглашений, правительственный кризис.

Так же, как и большинство стран мирового сообщества, Украина находится в условиях пандемии коронавируса. Но для Украины современная реальность отягощается влиянием рядом характерных только для нее факторов.

Прежде всего, массовой реэмиграцией трудовых мигрантов. На протяжении практически 6-летнего периода (с момента провозглашения политики «бизвиза») мигранты обеспечивали своими денежными переводами жизнедеятельность значительного количества населения страны [1]. По данным Минсоцполитики порядка 3,2 млн украинцев постоянно работали за границей и до 9 млн были задействованы в сезонных работах за рубежом, что составляет порядка 30 % всего населения и более половины его трудоспособной части. Общее количество мигрантов, вернувшихся в страну за период карантина, составило порядка 2 млн чел. [2]. Значительная часть «заробитчан» по-прежнему остается за рубежом.

Возвращение трудовых мигрантов лишило страну существенного дохода. По данным Нацбанка Украины в 2019 году трудовые мигранты

перечислили в Украину 12 млрд долларов. Данные Всемирного банка перечисления мигрантов доводят до 16 млрд долларов – 10.5 % от ВВП Украины (2019 г.) [3].

Другим важнейшим негативным следствием процесса трудовой реэмиграции является то, что значительная часть мигрантов до последнего работали в наиболее неблагоприятных по эпидемиологическим показателям странам (Италии и Испании). Это привело к тому, что значительная часть трудовых мигрантов вернулись к местам проживания в различной степени инфицированными.

Наиболее пораженными в настоящее время оказываются западные области вследствие того, что именно здесь миграционная волна оказалась наиболее значительной. Так, в частности, по количеству заболевших «лидирует» Черновицкая область и Киев [4]. Также достаточно сложная ситуация с COVID-19 отмечается в Ивано-Франковской и Тернопольской областях. Фактически именно западные области – оплот Майдана – формируют коронавирусную угрозу.

Помимо этого, для Украины чрезвычайно значимы и другие проблемы медико-санитарного характера, отошедшие на фоне текущей пандемии пока на второй план. Это, прежде всего, корь, от вакцинации против которой руководство Минздрава Украины отказалось (из-за их производства в России), а также рост случаев заболевания туберкулезом и психиатрических отклонений. Все эти проблемы актуализировались на фоне разрушенной реформами экс-министра У. Супрун (гражданки США) системы здравоохранения.

Главная суть реформы заключалась в сокращении средств, выделяемых на медицину и избавлению ее от «проклятого советского прошлого».

Примечательно, что разработка и обоснование основных параметров реформы осуществлялись различного рода грантовыми организациями, связанными с USAID и фондом Дж. Сороса «Возрождение». Закон о медреформе (О государственных финансовых гарантиях медицинского обслуживания населения) вступил в силу в январе 2018 года [5].

Одним из наиболее опасных направлений этой реформы стала «оптимизация», то есть закрытие противотуберкулезных и психиатрических больниц, а также стационаров кожно-венерологических центров. С учетом резкого роста числа психических расстройств как следствия военного конфликта, а также заболеваемости «болезнью бедных» – туберкулезом, от которого ежегодно в стране умирает более 4000 пациентов, эти «новации» реформаторов обретают политическое значение и способны вызвать эскалацию напряженности в обществе. Саму экс-министра здравоохранения Украины У. Супрун в обществе называют «доктор смерть».

Наибольшую угрозу населению страны в медико-биологическом плане несут секретные биологические лаборатории США, созданные в соответствии

с Соглашением от 25 августа 2005 года о сотрудничестве относительно профилактики технологий пролиферации патогенов и экспертиз, которые могут быть использованы для развития биологического оружия. К настоящему времени на Украине функционируют 15 секретных американских лабораторий. Деятельность лабораторий финансируется за счет средств Минобороны США и, таким образом, осуществляется в интересах Пентагона. Это свидетельствует о том, что в лабораториях осуществляется разработка биологического оружия.

В организации тайных биологических экспериментов принимает участие ряд как американских, так и украинских неправительственных организаций, в частности – Украинский научно-технологический центр (УНТЦ) и НПО «Международный институт ВИЧ, СПИД и туберкулеза» (ИНАТИ) [6].

Таким образом, население Украины стало фактически полигоном для испытания биологического оружия в нарушение «Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) оружия, а также токсинов и его уничтожении (Женева, 1972 год) [7]. США ратифицировали Конвенцию в 1972 году, но отказались в 2001 году принимать протокол к ней, предусматривающий механизмы взаимного контроля, в результате чего на деле проверить ее исполнение с помощью международно-правовых средств не представляется возможным.

С учетом того, что большая часть американских биолaborаторий расположена в приграничных с Россией регионах (Одессе, Киеве, Херсоне и неподалеку от Крыма и Луганска) возрастает опасность практического применения их разработок против Российской Федерации. При этом важным фактором, определяющим ценность для США разработки патогенов опасных заболеваний на Украине, является генетическая близость ее населения с гражданами России и других стран постсоветского пространства.

Несмотря на очевидную опасность функционирования американских биолaborаторий для населения, руководство Украины демонстрирует отстраненность в этом вопросе. Во многом это определяется печальным опытом попыток их запрета. После того, как в 2012 года деятельность американских лабораторий на Украине была приостановлена США фактически и инициировали государственный переворот 2013-2014 гг. – Майдан [8].

Поэтому президент Украины В. Зеленский дистанцируется от американских как лабораторий, так и иных учреждений, организаций и целых сфер деятельности, представляющих интерес для США. Деятельность лабораторий может быть приостановлена только протестами жителей населенных пунктов, где размещены данные лаборатории. Именно так в 2013 году в г. Мерефа Харьковской области была закрыта американская лаборатория по работе со смертельными штаммами вирусов.

Задавить протес жителей города власти не смогли, и работа лаборатории была остановлена.

Что же касается политического руководства, то оно более чем какое-либо иное на постсоветском пространстве подвержено внешнему и, прежде всего американскому воздействию, причем как со стороны официальных структур (Госдепартамента и посольства США на Украине), так и различных рода неправительственных структур и фондов. Все это дает основание полагать, что на Украине в полной мере реализован режим имитационной демократии, при соблюдении формально демократических процедур, реальная власть в управлении политическими процессами принадлежит структурам, не относящимся к органам государственной власти [9].

Особую роль в курировании деятельности органов государственной власти Украины играет фонд «Возрождение» Дж. Сороса.¹ Сфера деятельности Фонда чрезвычайно обширна. Под особым вниманием кураторов Фонда находятся различного рода СМИ, аналитические и лоббистские структуры. Фонд «Возрождение» активно участвует в их софинансировании совместно с западными посольствами и близкими к правительствам западных стран фондами. Среди наиболее знаковых реализованных проектов Фонда: получение автокефалии ПЦУ (Православной церкви Украины) и принятие земельного закона в интересах МВФ.

С целью оперативного управления деятельностью депутатского корпуса, а также представителей иных ветвей власти от партии «Слуга народа» в ряде городов Киевской области (Ирпень и др.) проводятся регулярные семинары и тренинги представителей Фонда, а также приглашенных ими зарубежных специалистов. Связи современной властной элиты Украины с Фондом настолько тесные, что представители правящей партии («Слуга народа») получили в обществе название «соросята».

Одной из наиболее рубежных дат современной политической реальности Украины является годовщина президентства В. Зеленского – 20 мая.

Пришедший к власти на волне неприятия режима П.А. Порошенко и сопровождавших период его правления коррупционных скандалов, В. Зеленский позиционирует свою открытость, доступность к народу и равноудаленность от олигархических кланов. Все это способствует сохранению рейтинга доверия к нему на уровне 40-44 % (на президентских выборах за не проголосовали более 73 % избирателей).

В то же время невыполнение действующим президентом своих предвыборных (наиболее резонансных и ожидаемых обществом) обещаний, «на волне» которых он, собственно, и победил своего соперника (П. Порошенко), постепенно обрушивают рейтинг доверия к нему.

¹ В ноябре 2015 г. П. Порошенко наградил Дж. Сороса орденом Свободы. Прим. автора.

Одной из наиболее острых проблем является гражданская война на Донбассе. В. Зеленский обещал закончить войну и добиться его реинтеграции в политическое поле Украины. Но, к настоящему времени реальных подвижек в этом направлении помимо проведенного с помпой обмена пленными и возвращения моряков участвовавших в провокации в Керченском проливе (25 ноября 2018 г.), а также восстановления моста в станице Луганская в районе пропуска между ЛНР и территорией, неподконтрольной Украине, нет.

По остальным вопросам, в том числе: прекращения огня, обстрела населенных пунктов, отвода вооружений, а также другим аспектам противостояния ситуация, также как и линия фронта, кардинально не изменилась. Периодически ВСУ обстреливают города и поселки ДНР и ЛНР, занимают так называемую «серую зону», но эти успехи носят локальный характер и не отражаются на общей ситуации в зоне конфликта. По-прежнему действует и социально-экономическая блокада в отношении жителей неподконтрольных Киеву территорий Донбасса [10].

Фактически В. Зеленский продолжает в отношении Донбасса политику П. Порошенко с той лишь разницей, что для него конфликт имеет не приоритетное, а периферийное значение. Сам по себе конфликт на Донбассе является «товаром», который руководство Украины реализует во взаимоотношениях с ее западными кураторами. Причем значимость этого «товара» такова, что выражаясь словами В. Зеленского «каждый американец ...» теперь знает об Украине. Конфликт на Донбассе выгоден США и руководство Украины будет поддерживать его развитие. Данная парадигма определяет перспективы вялотекущего конфликта, а также имитационный характер деятельности в Контактной группе лиц уполномоченных от Украины. Новое руководство Украины также, как и прежнее, не собирается выполнять Минские соглашения 2015 года и пытается добиться их пересмотра. Именно эти вопросы были в основе переговоров В. Зеленского в ходе визита во Францию и в Германию в июне 2019 года. Не получив от Э. Макрона и А. Меркель поддержки в вопросах ревизии Минских соглашений, действующий президент Украины фактически утратил к ним интерес [11].

Другим наиболее резонансным обещанием В. Зеленского, о котором ему постоянно напоминают оппоненты, являются несостоявшиеся «посадки» лиц, замешанных в коррупционных схемах, в том числе по линии государственного концерна «Укроборонпром». В коррупционные схемы были вовлечены бывший заместитель СНБО Украины О. Гладковский (Свинарчук), ближайший друг П. Порошенко, его сын И. Гладковский, а также бывший гендиректор «Укроборонпрома» П. Букин. Помимо этого резонансными коррупционными скандалами в период правления П. Порошенко являлись выигранные его компанией «Кузница на Рыбальском» тендеры на производство модулей для бронемашин

и катеров, деятельность министерства по делам оккупированных территорий и др. Обвинения были выдвинуты и самому П.А. Порошенко. Всего экс-президент является фигурантом 15 уголовных дел.

Интенсивность расследования коррупционных дел во многом обусловлена деятельностью НАБУ (национальное антикоррупционное бюро Украины), а также созданного под давлением МВФ Антикоррупционного суда (5 сентября 2019 г.).

Тем не менее, несмотря на активизацию расследования уголовных дел, фигурантом которых является П. Порошенко, судебные перспективы их завершения не очевидны.

20 мая 2020 года офис генерального прокурора Украины внес сведения в Единый реестр досудебных расследований обвинения в государственной измене и злоупотреблении властью в отношении экс-президента Украины П. Порошенко после обнародования записей его разговоров с бывшими вице-президентом США Дж. Байденом и госсекретарем Дж. Керри. Очевидно, что следствие по фактам, изложенным в аудиозаписях разговоров П. Порошенко с высокопоставленными представителями администрации США, будет затянуто.

В то же время не вызывает сомнения и то, что сам факт расследования очередного резонансного дела о связях высокопоставленных украинских и американских должностных лиц будет использована в предвыборной кампании США. Руководство Украины вынуждено будет лавировать между действующей администрацией Д. Трампа, добивающегося дискредитации своего конкурента на выборах от Демократической партии Дж. Байдена и мировыми финансовыми регуляторами (МВФ и Всемирным банком), контролируруемыми ее представителями.

В последнее время в коррупционные скандалы все чаще стали попадать и представители правящей партии. Одним из наиболее резонансных актов стало опубликование записей о кадровых назначениях за деньги со стороны родственников главы Офиса (администрации) президента Д. Ермака, отставка министра финансов И. Уманского, дело Одесской киностудии (оценочный ущерб – от 20 миллиардов гривен), полиграфгейт с проверкой на детекторе лжи депутатов из финансового комитета Верховной рады др. В последнее время большой оборот набирает «масочный» коррупционный скандал, суть которого заключается в том, что медицинские маски, полученные из Китая в качестве гуманитарной помощи, оказались в открытой продаже.

Имитационный характер расследования нарушений законодательства Украины со стороны П. Порошенко также объясняется позицией главы государства, позиционирующего равноудаленность от олигархических кланов. Победив на выборах, опираясь на поддержку И. Коломойского и Р. Ахметова, он, тем не менее, в последнее время по целому ряду вопросов выступает солидарно с П. Порошенко и возглавляемой

им политической партией «Европейская солидарность» (4-ое место по результатам выборов 21 июля 2019 г.; 25 депутатских мест).

Особенно это проявилось при принятии Верховной Радой 31 марта 2020 г. скандального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно оборота земель сельскохозяйственного назначения».

В соответствии с законом, приобретать землю в собственность могут украинские физические и юридические лица, территориальные общины и государство. Право собственности предлагают также предоставить банкам и кредитным учреждениям, но лишь в случае взыскания залога. Оппозиционные партии (Оппозиционный блок – за жизнь, Блок Ю. Тимошенко) принятие данного закона расценивают как аферу века. Примечательно, что согласно результатам соцопросов, 59 % граждан Украины выступают против свободной продажи земли сельскохозяйственного назначения, а поддерживают закон только 22 % [12].

Помимо этого, 30 марта 2020 г. Верховная Рада по инициативе фракции «Слуга народа» приняла закон о совершенствовании ряда механизмов регулирования деятельности банков, который исключил возможность возвращения активов национализированного «Приватбанка» его бывшему владельцу И. Коломойскому.

Принятие этих двух законов активно лоббировал МВФ, обуславливая начало реализации очередной программы по поддержке Украины объемом в 5,5 млрд долл. (4,9 млрд евро) их принятием. В случае же отклонения указанных законов Украину, по словам В. Зеленского, неминуемо ждал бы дефолт.

В целом ситуация для украинского руководства достаточно сложная. Несмотря на доминирование в Верховной Раде и других ветвях власти представителей партии «Слуга народа» и в целом сторонников В. Зеленского, это не обеспечивает устойчивость власти и, соответственно, ее прогнозируемость.

В. Зеленскому не удалось за прошедший год сформировать вертикаль власти, которой он мог бы управлять. Власть сегментирована и по-прежнему принадлежит различного рода олигархическим и региональным кланам.

В марте 2020 г. в отставку было отправлено правительство А. Гончарука, проработавшее до этого менее полугода. На правительство А. Гончарука возлагались планы по реализации масштабных проектов, связанных, прежде всего, с приватизацией государственных предприятий, в том числе таких крупных, как: «Одесский припортовый завод», «Центрэнерго», «Объединенная горно-химическая компания» завод «Электротяжмаш» и другие. Всего же предполагалось приватизировать порядка 550 предприятий с балансовой стоимостью более 12 млрд гривен. Помимо этого, должны были быть созданы условия для легализации

игорного бизнеса и добычи янтаря, а также принятие закона о земле. Планировалось, что рост экономики Украины составит не менее 7 %. Часть из этих приватизационных планов правительству удалось реализовать.

В то же время скандал с «прослушкой» заседания кабинета министров, на котором А. Гончарук назвал себя профаном в экономике и столь же нелестно отозвался о президенте В. Зеленском, которому нужно было представить «правдоподобное объяснение роста курса национальной валюты» [13] инициировал правительственный кризис и отставку А. Гончарука.

Новым премьер-министром Украины Верховной радой 4 марта 2020 г. был утвержден Д. Шмыгаль, занимавший в прежнем кабинете (с 4 февраля 2020 года) должность министра развития общин и территорий Украины. Приоритетами нового правительства по заявлению Д. Шмыгаля должны стать завершение конфликта в Донбассе и реформа по децентрализации страны. Вопросами, требующими своего срочного решения, по его мнению, должны стать: пересмотр госбюджета, погашение задолженности по зарплате перед шахтерами и противостояние вспышке коронавируса.

Сама по себе постановка этих декларативных и малоконкретных (за исключением погашения задолженности) задач свидетельствует об отсутствии видения перспектив развития социально-экономических процессов. О новом премьере известно, что до своего назначения министром общин, он с августа 2019 г. являлся председателем Ивано-Франковской областной государственной администрации. Помимо этого, новый премьер считается «человеком» Р. Ахметова. Что подтверждает курс В. Зеленского на равноудаленность или формирование системы сдержек и противовесов времен Б. Ельцина в России.

Несмотря на то, что правительство работает чуть больше двух месяцев, в его составе уже произошли серьезные кадровые изменения. В марте в отставку были отправлены главы двух ключевых для текущей ситуации на Украине министерств – финансов (И. Уманский) и здравоохранения (И. Емец). Причем обе эти отставки вынужденные и, как считают украинские аналитики, являющиеся следствием «разборок» внутри команды самого В. Зеленского, а также его экспериментов с назначением в правительство неподготовленных в профессиональном отношении должностных лиц. В целом, по мнению аналитиков, кадровая турбулентность становится одной из наиболее значимых проблем действующей власти.

Наибольшую опасность для В. Зеленского представляет фактическая неподконтрольность ему силовых структур. Прежде всего, речь идет о министерстве внутренних дел. Глава ведомства А. Аваков – единственный из постмайданного руководства Украины сохранил и даже укрепил свои властные полномочия.

В период президентства П. Порошенко он успешно противостоял как главе государства, так и тандему А. Яценюк – М. Саакашвили. Опираясь на его поддержку, В. Зеленский смог обеспечить проведение своей успешной избирательной кампании.

К настоящему времени под контролем А. Авакова как главы министерства внутренних дел находятся национальная полиция, национальная гвардия, пограничная служба, миграционная служба, государственная служба по чрезвычайным ситуациям. Все эти структуры в отличие от ВСУ достаточно хорошо укомплектованы и оснащены. Помимо этого, ему подконтрольны разные радикальные организации, способные устраивать провокации, а также протестные акции. Но самым главным его аргументом во взаимоотношениях с коллегами во власти является собранное им досье на ключевых должностных лиц. Именно это позволило ему в свое время нейтрализовать попытки экс-премьера В. Гройсмана по его смещению.

По всей видимости, интрига возвращения во власть М. Саакашвили, в должности вице-премьера была инициирована В. Зеленским с тем, чтобы снизить влияние А. Авакова. Тот факт, что данное назначение не состоялось, свидетельствует не столько о неприятии этого решения руководством Грузии, а, по всей видимости, позицией именно А. Авакова. В конечном итоге, было принято компромиссное решение о назначении М. Саакашвили председателем Исполнительного комитета Национального совета реформ при президенте Украины. Должность сама по себе декоративная, не предполагающая наличие каких-либо значимых властных полномочий. Фактически, М. Саакашвили отводится роль лоббиста интересов Украины в структурах МВФ.

В целом же кадровые назначения последнего времени явно не способствует поддержанию авторитету как самого В. Зеленского, так и в целом государственной власти.

Крайне негативно на развитие ситуации в стране оказывает процесс ослабления влияние центральной власти на регионы. Так, в частности широкое освещение получил демарш мэра Черкас В. Бондаренко, демонстративно отказавшегося выполнять карантинные меры в городе, назвав их социально несправедливыми. Ограничения, по его словам, носят избирательный характер, поскольку целый структур, в том числе ресторанов, строительных гипермаркетов и иных заведений подобного рода, принадлежащие лицам, близким к В. Зеленскому в условиях карантина продолжают работать. На фоне разоблачений избирательного подхода к карантинным ограничениям мэр Черкас В. Бондаренко обратился к президенту Украины В. Зеленскому, напомнив главе государства о коррупционных скандалах в его окружении и предостерег от давления на город [14]. Главным рефреном его заявления стало утверждение, что Черкассы будут сопротивляться. По сути, в заявлении

В. Бондаренко нашло отражение недовольство региональных элит политикой центральной власти. Аналогичные настроения проявляются в деятельности городских администраций Харькова и Днепра. И, если Харьковская городская администрация в лице М. Кернеса традиционно позиционирует свое особое отношение к Киеву и Майдану, то мэр Днепра Б. Филатов, относится к категории лиц, наиболее преданных идеалам Майдана. Именно на его средства формировались отдельные карательные батальоны, принимавшие участие в конфликте на Донбассе. В основе обозначившейся конфронтации мэра Днепра с центральным правительством лежит стремление перераспределить полномочия в интересах местной власти. С учетом того, что осенью текущего года должны состояться муниципальные выборы позиции центральных органов власти будут еще более ослаблены.

Недовольны политикой В. Зеленского и руководители ряда областных администраций: Одесской, Харьковской и Запорожской областей. Трендом последнего времени стало стремление глав указанных администраций выстраивать партнерские отношения с сопредельными регионами Российской Федерации (Республика Крым, Ростовская и Курская области, Краснодарский край).

В ряде регионов (в Черновцах, Виннице, Херсонской и Ровенской областях) открыто проявляются протестные настроения, так называемые «продовольственные местные бунты» из-за закрытия рынков и отсутствия возможности продавать и покупать продовольствие по приемлемым ценам.

Карантинные ограничения спровоцировали рост потребительских цен на товары первой необходимости и, прежде всего, продовольственные. Так, в частности, продукты так называемого «борщевых» набора (картофель, капуста, лук, морковь) подорожали на 35-128 %, сахар – на 8 %, макаронные изделия – на 9,5 %, пшеничная крупа – на 11 %, гречка – на 51 %, мука – 5 %, яйца – 6 % [15]. Рост цен обусловлен не столько дефицитом товаров, сколько снижением курса национальной валюты (гривны).

В условиях массовой безработицы (официальные данные – 400 тыс. чел., скрытая безработица – порядка 2 млн чел.) рост цен на продовольственные товары повышает риски эскалации напряженности и антиправительственных выступлений, что предполагает дальнейшее углубление кризисных явлений в экономике (прогнозируемый спад 7,7 %) и обострение социально-политической ситуации в стране [16].

У руководства страны пока нет четкой программы по стабилизации экономической ситуации в стране в условиях пандемии. Большие надежды возлагаются на новую программу помощи МВФ, а также гуманитарную помощь ООН в рамках Глобального плана гуманитарного реагирования, согласно которому Украина может получить финансовую помощь по противодействию Covid-19 в размере 69 млн долл. Также планируется получить от США в размере 14,5 млн долл. Очевидно, что этих средств ни

на эффективное противодействие пандемии, ни на решение в целом социально-экономических проблем явно недостаточно. Это определяет перспективы углубления экономического кризиса и обострение внутривнутриполитической ситуации в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. По данным Государственной службы статистики, оценочное количество населения, по состоянию на 1 января 2020 г. (без учета Крыма и Севастополя и неподконтрольных территорий Донбасса) составляло 41 902 416 чел. Державна служба статистики Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://ukrstat.gov.ua>. (дата обращения: 13.07.2020).
2. Минсоцполитики Украины: более 3,2 млн украинцев работают за границей на постоянной основе. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.rosbalt.ru/world.html>. (дата обращения: 25.07.2020 г.).
3. Всемирный банк. Миграция и денежные переводы. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/brief/migration-and-remittances>. (дата обращения: 17.07.2020).
4. Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в Украине. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/ukraine>. (дата обращения: 01.08.2020 г.).
5. Медреформа в Украине 2018 стартовала. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://lady.tochka.net/73074-medreforma-v-ukraine-2018>. (дата обращения: 01.08.2020).
6. Уваров А. К истории странных эпидемий на Украине. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://nic-pnb.ru/vneshnepoliticheskie-aspekty-bezopasnosti/k-istorii-strannyh-epidemij-na-ukraine>. (дата обращения: 27.07.2020).
7. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv.shtml. (дата обращения: 07.07.2020).
8. Бочарников И.В. Украинский кризис как элемент пояса стратегического окружения России // *ВВ: Международные отношения*. – 2014. – № 4. – С. 7-32.
9. Бочарников И.В. Украинский «закат» Европы // *Геополитический журнал*. – 2014. – № 6. – С. 2-6.
10. Овсянникова О.А. Технологии перестроения общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации

(на примере Украины) // Геополитический журнал. – 2016. – № 1 (13). – С. 109-113.

11. Визиты Зеленского в Париж и Берлин прояснили его позицию по России Новый президент Украины вопреки обещаниям продолжает курс Порошенко. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2019/5d08b2269a7947abac12f7e7>. (дата обращения: 22.07.2020).

12. Украинцы по-прежнему против продажи земли – результаты соцопроса. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://kievvlavlast.com.ua/text/ukraintsy-po-prezhnemu-protiv-prodazhi-zemlirezultaty-sotsoprosa>. (дата обращения: 17.07.2020).

13. Украина прислушалась к своему премьеру. В Киеве выясняют подлинность скандальных аудиозаписей. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.kommersant.ru/4221421>. (дата обращения: 20.07.2020).

14. Карпов А., Медведева А. Конфликт на карантине: почему глава Черкасс намерен «сопротивляться» президенту Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/743085-ukraina-cherkassy-karantin-konflikt>. (дата обращения: 19.07.2020).

15. Цены на продукты и карантин: почему растут и что будет дальше. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://24tv.ua/ru/ceny_na_produkty_2020_pochemu_rastut_karantin_v_ukrain. (дата обращения: 01.08.2020).

16. Безработица в Украине [2020]. Уровень безработицы. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://index.minfin.com.ua>. (дата обращения: 17.07.2020).

ОРЛОВ М.И.

кандидат военных наук, доцент
старший научный сотрудник Военного института (управления
национальной обороной) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

генерал-майор КОСТЕНКО В.А.

слушатель факультета национальной безопасности и обороны государства
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

**ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО МЕЖВЕДОМСТВЕННОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ
В СФЕРЕ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В статье рассмотрены основные требования к подготовке специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере обороны государства. Проведена классификация требований, обосновано их основное содержание применительно к специалистам по межведомственному взаимодействию.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие в сфере обороны государства, организационные требования, дидактические требования, дополнительное профессиональное образование.

Подготовка специалистов по межведомственному взаимодействию должна носить комплексный характер. Это связано с тем, что специалисты с высшим образованием, не прошедшие дополнительной подготовки, часто сталкиваются с проблемами, решение которых на основе знаний, умений и компетенций, полученных в вузе, не представляется возможным. Практика показывает, что профессиональное образование не в полной мере развивает у выпускников способности к творческой, инновационной деятельности, присущей межведомственному взаимодействию.

Требования к подготовке специалистов по межведомственному взаимодействию вытекают из задач структурных подразделений, где они осуществляют деятельность. Все требования целесообразно разделить на те, которые регламентируют процесс подготовки и те, которые предъявляются к специалистам в этой области, то есть к результатам этой подготовки.

Вследствие специфики деятельности специалисты по межведомственному взаимодействию должны отвечать следующим базовым требованиям:

обладать навыками работы в составе дежурных смен центров управления различного уровня Вооруженных Сил, ситуационных центров

федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации и межведомственных координационных органов – штабов территориальной обороны субъекта Российской Федерации;

способны организовывать межведомственное взаимодействие на различных уровнях управления при решении задач в области мобилизационной подготовки, обеспечения режимов чрезвычайного и военного положений;

свободно владеть средствами современных информационных технологий, применяемыми в деятельности центра управления повседневной деятельности Национального центра управления обороной Российской Федерации, центров управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации;

уметь готовить доклады, справочные и аналитические материалы в сфере военной безопасности и обороны государства.

Исследование показало, что к основным требованиям, регламентирующим процесс подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию, можно отнести: оптимальность, экономичность, адаптивность, устойчивость, доступность, единство форм подготовки, органическая связь с предстоящей деятельностью специалистов и практикой межведомственного взаимодействия (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Основные требования к подготовке специалистов по межведомственному взаимодействию, как процессу

Требование оптимальности подразумевает, что структура системы подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию должна устанавливать рациональные связи между звеньями и ступенями системы на всех уровнях при наименьшем числе уровней.

Требование экономичности должно обеспечить разумные затраты ресурсов на подготовку специалистов по межведомственному взаимодействию, чтобы нужный эффект достигался при минимальных затратах. Критерием этого может служить соотношение между затратами ресурсов и достигнутым результатом.

Под требованием адаптивности системы подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию подразумевается способность ее структуры гибко реагировать на изменения внешней среды. К таким изменениям можно отнести создание или существенное изменение структур федеральных органов исполнительной власти, перераспределение их задач и функций, резкие изменения военно-политической обстановки и другие.

Устойчивость системы подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию предполагает неизменность ее основных свойств и должна обеспечить целостность функционирования системы в целом и ее элементов при различных внешних воздействиях. Это значит, что при любых внешних изменениях основная целевая функция – качественная подготовка специалистов по межведомственному взаимодействию остается неизменной.

Доступность предполагает фиксированную возможность осуществления подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию с принадлежностью к различным органам исполнительной власти, осуществляющих деятельность на различных уровнях управления (федеральном, региональном, муниципальном).

Единство форм подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию необходимо для унификации получаемых знаний, приобретаемых умений и навыков. Реализация этого требования в процессе подготовки позволит повысить эффективность межведомственного взаимодействия.

Органическая связь с предстоящей деятельностью специалистов и практикой межведомственного взаимодействия должна обеспечить прикладную значимость приобретенных в ходе подготовки знаний, умений и навыков.

С учетом предлагаемой в работе структуры системы подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию представляется важным определить требования к их дополнительному профессиональному образованию (ДПО), как составной части подготовки (рисунок 2).

Условно их можно разделить на организационные и дидактические. К организационным требованиям относятся:

четкая целевая установка ДПО и логика его организации, подразумевающая создание установок на конкретный вид деятельности, максимальное использование возможностей каждого этапа и оптимальный режим обучения, логическая стройность и законченность учебно-методического обеспечения, сознательная дисциплина обучаемых;

распределение специалистов по уровням подготовки (федеральный, региональный, местного самоуправления);

разнообразие организационного построения и проведения занятий;

рациональное использование традиционных учебных материалов и компьютерных средств обучения.

Рисунок 2 – Основные требования, предъявляемые к дополнительному профессиональному образованию специалистов по межведомственному взаимодействию

Дидактические требования призваны обеспечить: оптимальный отбор содержания, выбор форм, методов, приемов и средств обучения, направленных на развитие познавательной активности под руководством преподавателя и самостоятельное приобретение знаний.

К наиболее важным дидактическим требованиям можно отнести:

дифференциация и индивидуализация процесса обучения, направленная на повышение эффективности освоения программы подготовки (например, за счет возможности поэтапного продвижения к цели по траекториям различной степени сложности);

контроль с обратной связью, с диагностикой ошибок (констатация причин ошибочных действий обучаемого и предъявление на средствах

визуализации соответствующих комментариев) по результатам обучения (учебной деятельности) с оценкой результатов учебной деятельности;

самоконтроль и самокоррекция;

многократные тренировки в процессе усвоения программы подготовки;

высвобождение учебного времени за счет выполнения на ЭВТ трудоемких вычислительных работ и деятельности, связанной с поиском и получением учебной информации;

компьютерную визуализацию учебной информации: во-первых, изучаемого объекта (наглядное представление на средствах визуализации объекта, его составных частей или их моделей, а при необходимости – во всевозможных ракурсах, в деталях, с возможностью демонстрации внутренних взаимосвязей составных частей); во-вторых, изучаемого процесса (наглядное представление на средствах визуализации данного процесса или его модели, в том числе скрытого в реальном мире, а при необходимости – в развитии, во временном и пространственном движении, представление графической интерпретации исследуемой закономерности изучаемого процесса);

моделирование и имитация изучаемых или исследуемых объектов, процессов или явлений;

проведение групповых занятий, командных, штабных, деловых учений и игр в условиях имитации в программном виде военно-политической (оперативной) обстановки, кризисных ситуаций, боевых действий или обстановки на основе имеющегося реального опыта;

создание и использование информационных баз данных и знаний, необходимых в учебной деятельности и обеспечение удаленного доступа к информации;

усиление мотивации обучения (за счет использования ауди- и видео-информации, графики, средств анимации, реализации игровых ситуаций);

развитие определенного вида мышления (аналитического, наглядно-образного, теоретического);

формирование умения принимать оптимальное решение или вариативные решения в сложной ситуации.

Очевидно, что их реализация невозможна без применения определенных методов и форм использования компьютерных средств. Поэтому имеет смысл говорить не о взаимодействии обучающегося со средствами обучения, а о его взаимодействии с целостной дидактической системой – комплекса компьютерных средств обучения в рамках единой информационно-образовательной среды с целью формирования реакций, адекватных реакциям работающего специалиста.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальную проблему создания учебно-научного комплекса военного института (управления национальной обороной) для совершенствования системы подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию.

Интеграция информационных технологий в таком комплексе требует решения важных научно-технических и методологических задач, связанных как с функциональной сложностью комплекса, так и с модернизацией форм, методов и средств подготовки слушателей, приводящей к видоизменению и сокращению персональных контактов преподавательского состава и обучаемых. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость создания средствами информационных технологий механизмов группового и дистанционного обучения, качественных компьютерных средств обучения, а также технологий и методик их использования.

Учебно-научный комплекс военного института (управления национальной обороной) должны соответствовать следующим требованиям:

подсистемы комплекса должны позволять слушателям осуществлять многопользовательскую работу с данными;

для всех подсистем комплекса должна использоваться единая система управления инфраструктурой;

подсистемы комплекса должны быть реализованы в виде модулей.

технические решения хранения, агрегации и обработки данных должны поддерживать режимы взаимодействия в реальном времени;

для отображения информации должны использоваться современные технологии, а также минимизировано использование внешних средств отображения.

Необходимо отметить, что в ходе функционирования учебно-научного комплекса должна обеспечиваться техническая, информационная, лингвистическая и программная совместимость с другими автоматизированными и информационными системами, информационными службами Вооруженных Сил и информационными фондами.

Такая совместимость должна быть основана на реализации совместимых программно-аппаратных платформ, единой системы классификации и кодирования информации, единой системы протоколов информационного обмена и взаимодействия, а также единых алгоритмов обработки информации, форматов обмена и представления информации.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что существующие наработки и решения, реализованные в системе военного образования, могут быть частично использованы в интересах подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию. Вместе с тем эти наработки и решения не обеспечивают в полном объеме качественную подготовку специалистов в соответствии с современными требованиями.

Выполнение сформулированных требований к процессу подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию требует выработки соответствующих рекомендаций, позволяющих создать современную эффективную систему подготовки рассматриваемых специалистов, учитывающую влияние новых условий и факторов.

Полковник ПИВЕНЬ О.А.

начальник отдела (военного сотрудничества и планирования)
Секретариата Совета министров обороны государств-участников СНГ,
кандидат исторических наук

Полковник ПАНЧЕВ Е.Г.

заместитель начальника отдела (военного сотрудничества и планирования)
Секретариата Совета министров обороны государств-участников СНГ

**ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ФОРМАТЕ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ – ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье освещаются основные приоритеты, направления и формы многостороннего военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств, раскрываются практические аспекты совместной деятельности оборонных ведомств стран СНГ, направленные на укрепление национальной и региональной безопасности, акцентируется внимание на ключевой роли Российской Федерации в развитии многопланового военного сотрудничества в формате Содружества.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств (СНГ, Содружество), многостороннее военное сотрудничество, региональная безопасность, совместные системы военного назначения.

Современная цивилизация проходит через переломный этап формирования полицентричного миропорядка. Меняются не только взаимоотношения между государствами, но и сложившаяся архитектура международной безопасности. Процесс становления новой системы международных отношений идет непросто, сопровождается усилением глобальной нестабильности. Все чаще делается ставка на силовое разрешение противоречий.

Усилия западных государств в противодействии укреплению России, как нового центра силы и ключевого мирового игрока порождают новые вызовы и угрозы ее национальной безопасности, которые заключаются даже не в возможности прямой военной агрессии, а в проведении антироссийских действий извне, через приграничные государства.

Своих целей евроатлантические геостратеги стремятся достичь посредством «цветных революций», гибридных войн и так называемой мягкой силы, получивших в наше время широкое распространение. Проводимая ими под видом демократизации политика направлена на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки, разрушение единого гуманитарного пространства и дальнейшее разобщение общества, создание новых конфликтных зон. В качестве инструмента практической

реализации избираются преимущественно вооруженная оппозиция, незаконные вооруженные формирования, протестный потенциал населения, а также собственные силы специальных операций.

Вслед за Грузией атлантические планы подразумевают полную переориентировку восточно-европейских, закавказских и центрально-азиатских государств, которые вольно или невольно втянуты в продвижение интересов США и их союзников по НАТО.

Показательным примером является Украина, ставшая форпостом западных сил в противоборстве с Россией. Сейчас подобные события происходят в отношении Белоруссии. Они отчетливо напоминают сценарий цветной революции, предлогом которой становятся выборы.

Сегодня противостоять новым вызовам и угрозам в сфере безопасности представляется возможным только совместными усилиями, именно поэтому несомненным приоритетом России является сотрудничество с государствами Содружества Независимых Государств.

СНГ с момента образования остается системообразующим форматом сотрудничества, объединяющим интересы стран Содружества по самому широкому спектру вопросов. Оно направлено на обеспечение стабильного развития и обеспечение совместной безопасности государств СНГ, сохранение добрососедских отношений и углубление мер доверия.

При этом неотъемлемой частью гармоничного и безопасного развития Содружества выступает военное сотрудничество, которое имеет реальные результаты, нацелено на решение задач, как в мирное время, так и в угрожаемый период, отражает фактическую картину интересов стран в обеспечении национальной и региональной безопасности.

Взаимодействие в военной сфере осуществляется с учетом складывающейся военно-политической обстановки, в том числе на внешних рубежах Содружества. Ее совместный анализ и прогноз дальнейшего развития положен в основу строительства и развития национальных вооруженных сил, способных противостоять современным угрозам.

Реализация военных аспектов безопасности СНГ возложена на Совет министров обороны – основной орган Совета глав государств СНГ по вопросам военной политики и военного сотрудничества.

Учитывая сложившуюся в Содружестве модель разноуровневой и разновекторной интеграции, Совет министров обороны активно развивает партнерские отношения по широкому спектру направлений: от военно-политических и собственно военных, до военно-гуманитарных.

Важно отметить, что универсальность сложившихся отношений позволяет находить общие точки соприкосновения даже государствам, имеющим отличительные подходы в решении задач национальной обороны.

Только в последнее время был принят целый блок международно-правовых документов различной направленности, в том числе по вопросам усиления контроля за оборотом переносных зенитно-ракетных комплексов, предотвращения терроризма в воздушном пространстве, совершенствования миротворческой деятельности.

Помимо многостороннего взаимодействия в формате Содружества происходит углубление военного сотрудничества со странами СНГ на двусторонней основе.

Достигнутый уровень военного сотрудничества стал основой совершенствования военной составляющей ОДКБ и взаимодействия военных ведомств в рамках ШОС.

В целях повышения общего оборонного потенциала Содружества Независимых Государств важнейшее значение придается созданию и развитию совместных систем военного назначения.

Основные усилия оборонных ведомств направлены на реализацию долгосрочных масштабных проектов по адаптации объединенной системы противовоздушной обороны СНГ к задачам воздушно-космической обороны, модернизации Единой системы государственного радиолокационного опознавания, совершенствованию Объединенной системы контроля и оценки радиационной, химической и биологической обстановки, системы связи, топогеодезического и инженерного обеспечения.

Эффективность функционирования данных систем регулярно проверяется на учениях и тренировках. Среди них: совместное учение с боевой стрельбой войск объединенной системы противовоздушной обороны государств СНГ «Боевое Содружество», совместное учение «Чистое небо», совместное компьютерное учение «Региональная безопасность», командно-штабные и практические тренировки по противовоздушной обороне, связи, восстановлению имитостойкого режима опознавания, обмену информацией о стихийных гидрометеорологических явлениях, обмену информацией о РХБ обстановке и другие мероприятия.

Ежегодно в формате СНГ проводится более 50 совместных мероприятий. Ключевое внимание уделяется мероприятиям боевой подготовки и полевой выучки войск.

Новый импульс повышению качества боевой подготовки национальных вооруженных сил государств СНГ придало их активное участие в Армейских международных играх, о чем свидетельствуют результаты более чем успешных выступлений.

Армейские международные игры рассматриваются оборонными ведомствами СНГ как уникальный инструмент совершенствования методик подготовки специалистов различных профилей и проверки уровня их профессиональной подготовки в режиме состязательности.

Кроме того, как показывает опыт организации и проведения Армейских международных игр, взаимодействие в таком формате позволяет расширить военно-профессиональные контакты по решению широкого спектра задач: от совместной подготовки военных специалистов до проверки надежности и эффективности вооружения и военной техники.

Стремление оборонных ведомств СНГ к расширению сотрудничества обусловило появление новых направлений взаимовыгодного взаимодействия, имеющих долгосрочные перспективы.

В их числе: применение беспилотной авиации и противодействие беспилотным летательным аппаратам, совместное применение вооруженными силами государств Содружества системы спутниковой связи военного назначения, создание единого геоинформационного пространства вооруженных сил государств СНГ, боевая подготовка и полевая выучка, информационное обеспечение и другие.

Анализ характера современных угроз показал существенный рост значимости и такой сферы, как информационное противоборство. В этой связи взаимодействие стран в сфере обеспечения информационной безопасности также должно стать одним из перспективных направлений военного сотрудничества.

Одной из наиболее опасных реалий современности становится усиление угрозы международного терроризма, что подтверждается активной деятельностью террористических организаций во многих регионах мира. Без преувеличения можно сказать, что сегодня угроза терроризма носит глобальный характер.

В данном контексте проблема терроризма стала актуальным вопросом международной повестки дня, предметом самого пристального внимания со стороны военно-политического руководства государств СНГ. Государства Содружества рассматривают борьбу с терроризмом в качестве важнейшей задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности.

Необходимо отметить, что в последнее время характерной чертой совместных мероприятий явилось системное и последовательное рассмотрение военных аспектов противодействия международному терроризму на основе опыта боевых действий в Сирийской Арабской Республике.

Наибольший профессиональный интерес у военных специалистов стран Содружества вызывают вопросы противодействия массированному применению террористами беспилотных летательных аппаратов, модернизации существующих и разработки перспективных средств разведки, ПВО и РЭБ.

Обсуждение актуальных вопросов данной проблематики стало неотъемлемой частью заседаний Совета министров обороны СНГ, Комитета начальников штабов и профильных координационных комитетов.

Наряду с усилением военных аспектов противодействия терроризму, наметились хорошие перспективы в поддержании контактов и наращивании взаимодействия по линии специальных служб и правоохранительных органов в интересах обеспечения оперативности обмена информацией, дальнейшего совершенствования системы мер противодействия и поиска приемлемых способов совместного реагирования.

В рамках достигнутого уровня взаимодействия на постоянной основе принимается участие в мероприятиях, проводимых Советом руководителей органов безопасности и специальных служб государств-

участников СНГ, Антитеррористическим центром СНГ и Советом командующих Пограничными войсками.

Вместе с тем есть единое понимание того, что безопасность – это не только поддержание необходимого уровня обороноспособности, защищенность от военных угроз и борьба с терроризмом. Совместная безопасность в ее широком понимании определяется и общностью ценностных ориентиров народов Содружества, укреплению которых способствует сохранение духовных связей и дружба между военнослужащими наших стран.

Исходя из приоритетов Содружества, Совет министров обороны государств-участников СНГ уделяет пристальное внимание развитию сотрудничества в военно-гуманитарной сфере, сфере военного образования, науки и спорта.

В деле обеспечения безопасности важнейшая роль принадлежит человеческому фактору, в том числе военному специалисту, каждодневно решающему задачи обеспечения боевой готовности. В связи с этим подготовка военных кадров является базовым элементом и приоритетным направлением развития вооруженных сил. Иницируя наращивание взаимодействия в этой области, Совет министров обороны создал и развивает многоуровневую систему сотрудничества в сфере военного образования.

Так, в последние годы, усилиями Министерства обороны Российской Федерации потенциал российской военной науки и образования стал основой обеспечения большинства государств Содружества передовыми знаниями и высококвалифицированными специалистами. Благодаря этому происходит внедрение не только российской системы научных знаний, но и распространение российского интеллектуального влияния, культуры на страны ближнего зарубежья, укрепление положительного имиджа России.

Сегодня практически во всех ведущих военных учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации обучается будущая элита вооруженных сил государств Содружества. Именно в перспективе нынешние слушатели и курсанты будут участвовать в выстраивании своей национальной политики по отношению к России. Однако следует признать, что проблема существует. Об этом свидетельствует увеличение числа обучающихся из стран СНГ как в военно-образовательных центрах Европы и США, так и в других государствах.

Учитывая данный факт, представляется важным сохранение привлекательности российской научно-образовательной системы для зарубежных государств.

В интересах сближения военнослужащих дружественных армий постоянно проводятся образовательные олимпиады, творческие фестивали и форумы, спартакиады и военно-спортивные игры.

Осознавая важность сохранения духовно-нравственного единства народов, его влияние на современные процессы, Совет министров обороны государств-участников СНГ ключевое внимание уделяет сохранению

исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов и популяризации общего героического прошлого.

Одним из наиболее знаковых и совершенно новых реализованных проектов стало групповое восхождение военнослужащих-альпинистов на вершину-семитысячник – пик Ленина (7134 м, Кыргызская Республика), посвященное 75-летию Великой Победы.

Таким образом, многостороннее военное сотрудничество в формате Содружества, при ключевой роли России, развивается в самом широком спектре взаимных интересов и существенно влияет на обеспечение региональной безопасности и стабильности. Его направленность и содержание говорят о заинтересованности в совместном обеспечении военной безопасности и дальнейшем развитии военного сотрудничества.

При этом даже нынешние трудности вызванные пандемией новой коронавирусной инфекции не остановили процесс взаимодействия стран, а, напротив, подтолкнули их к поиску новых форм и направлений.

Очередной виток развития взаимодействия в военной сфере связан с реализацией новой Концепции военного сотрудничества до 2025 года, разработанной Советом министров обороны государств-участников СНГ.

Концепция военного сотрудничества отражает согласованную позицию государств на среднесрочную перспективу и взгляды на дальнейшее развитие международных отношений в интересах обеспечения общей безопасности стран Содружества.

Переход на качественно новый организационно-технический уровень взаимодействия, дальнейшая реализация масштабных проектов, связанных с развитием совместных систем военного назначения и повышением боевых возможностей национальных вооруженных сил, выступают концептуальными основами очередного этапа военного сотрудничества, соответствующими национальным интересам стран СНГ.

В этой связи следует отметить, что обеспечение региональной безопасности является комплексной задачей, предполагающей, в том числе, упрочение роли России в Содружестве Независимых Государств, использование его значительного потенциала в общих целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 13.08.2020).
2. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>. (дата обращения: 19.08.2020).

3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. (дата обращения: 29.07.2020).

4. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г., г. Минск // Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: cis.minsk.by. (дата обращения: 23.08.2020).

5. Концепция дальнейшего развития Содружества независимых государств. Одобрена Решением Совета глав государств СНГ от 5 октября 2007 г., г. Душанбе // Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: cis.minsk.by. (дата обращения: 25.08.2020).

6. Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. Утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 г. // Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: cis.minsk.by. (дата обращения: 23.08.2020).

7. Концепция военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. Утверждена Решением Совета глав государств СНГ от 16 октября 2015 г. // Официальный сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: mil.ru. (дата обращения: 23.08.2020).

8. Положение о Совете министров обороны государств-участников Содружества Независимых Государств. Утверждено Решением глав государств-участников Содружества о Положении о Совете министров обороны государств-участников СНГ от 15 апреля 1994 г., внесены изменения Протоколом Совета глав государств СНГ о внесении изменений в Положение о Совете министров обороны государств-участников СНГ от 25 января 2000 г. // Официальный сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: mil.ru. (дата обращения: 28.08.2020).

9. Тексты выступлений Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу на VII и VIII Московских конференциях по международной безопасности MCIS-2018, 2019. // Официальный сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: mil.ru. (дата обращения: 20.08.2020).

10. Текст выступления первого заместителя Министра обороны Российской Федерации – начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерала армии В.В. Герасимова на VIII Московской конференции по международной безопасности MCIS-2019. Официальный сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: mil.ru. (дата обращения: 26.08.2020).

ПОЙЯ САМЕУЛЛА

кандидат исторических наук, кандидат технических наук
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

**ПОЛОЖЕНИЕ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ
ТРАГЕДИИ 2001 ГОДА. НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ
АФГАНИСТАНА В СИСТЕМУ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. Анализ краткой истории 18-летнего пребывания США и НАТО в Афганистане показывает, что все угрозы (военно-политические связанные с наркотрафиком, экспортом терроризма и исламского фундаментализма) исходят из этой страны. Следует обратить повышенное внимание к процессам, происходящим в этой стране и вокруг нее в ближайшей перспективе. В противном случае ситуация в скором будущем может в корне поменяться, к сожалению, в не пользу стран региона и России.

Ключевые слова: Афганистан, Россия, США, ШОС, ОДКБ, региональные проекты.

Очевидно, что на протяжении четырех десятилетий после апрельского переворота 1978 года в Афганистане, все возможные угрозы (военно-политические, связанные с наркотрафиком, экспортом терроризма и исламского фундаментализма) исходят из этой страны. Все эти годы Афганистан был и остается оккупированной страной, находящейся под внешним управлением. История этого государства преподала горький урок, что ни одна мировая держава не в состоянии вводить войска в эту страну на длительный срок. Вскоре после входа туда войск у всех возникало одно и то же желание – поскорее покинуть эту территорию. Однако, войти в эту страну оказалось куда проще, чем выйти из нее.

Таким образом, возникает очевидный вопрос – зачем туда входить и вообще зачем иметь дело с этой страной? Может оставить эту страну в покое и пусть сами афганцы определяют свою судьбу? Однако такой опыт тоже имеется.

После победы в 1996 году исламского движения «Талибан» все мировые державы и практически все мировое сообщество старалось не иметь дел с этой страной и на какие-то годы забыли о ней и даже не признавали эмирата Талибан. Прошло всего четыре года, как эта страна стала реально опасной не только для соседних с ней государств, но и для всего мирового сообщества.

Сентябрьская трагедия 2001 года в Нью-Йорке вынудила мир всерьез заняться Афганистаном. На основании резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. № 1386 вооруженные силы США и международные силы содействия безопасности (ISAF) в рамках операции «Несокрушимая

свобода» начали наводить «порядок» в этой стране. С этого момента открывается новая печальная страница в истории Афганистана. Западные союзники во главе с США решительно занялись оккупацией, довольно легко и практически без боя ворвались туда. Россия и страны Среднеазиатских республик оказали им медвежью услугу, открыв свои воздушные пространства и даже разместив американские авиабазы на территории своих стран. Однако, надежный и традиционный союзник США в регионе – Пакистан ревниво относился к Афганистану и серьезно задумывался о потере своего статуса – как главного партнера США в регионе.

В первый год были достигнуты хорошие результаты и ситуация в Афганистане казалась достаточно стабильной, если не считать единственное ночное сражение в долине Шахи-Кота в провинции Гардез, произошедшего в ходе отступления Талибана из Кабула. Ровно через год исламское движение «Талибан» вновь дало о себе знать. При выполнении союзниками операции «Анаконда», после сильного сражения на юге страны, Талибан отступил в соседний Пакистан. С этого года движение «Талибан» рождается заново и постепенно восстанавливает свои силы. Вновь племенные зоны на афгано-пакистанской границе, не без активного участия ISI Пакистана, превращаются в тыловую базу 5-ти оперативных отрядов «Талибан». «Политический идеолог террора» в годы войны «Моджахедов» против СССР и Демократической Республики Афганистан, генерал-лейтенант пакистанской армии Хамид Гуль, вновь координирует войну движения Талибан против сил Соединенных Штатов и Кабульского правительства в Афганистане.

В 2003 году американские войска провели еще одну крупную операцию на юге страны под кодовым названием «Мангуст». После этого движение «Талибан» поменяло тактику военных действий, ориентируясь на ведение партизанской войны и террористические атаки в крупных городах. Одновременно «Талибан» укрепило свои позиции в ряде южных провинций страны и начало назначать своих подконтрольных губернаторов. Почти через 10 лет, в октябре 2012 года, исламское движение «Талибан» объявило о своей победе в войне против США и их союзников [1].

В июне 2013 года президент Карзай объявил, что афганские вооруженные силы возьмут на себя основную роль в обеспечении безопасности страны [2]. Американцы всерьез задумались вывести основную часть своего военного контингента из Афганистана, но любой ценой, не потерять своего влияния в регионе, сохранить за собой девять хорошо укрепленных военных баз на территориях Афганистана на долгосрочной перспективе. По замыслам американцев, это было возможно только при передаче управления Афганистаном лицам, преданным США, которые должны были отстаивать американские интересы в Афганистане. История показывает, что, в период с 1956-1963 гг. полностью сложилась система подготовки афганских кадров в университетах США. В 1964 году

около 1000 афганцев учились в университетах США, в американском университете в Бейруте, а также в учебных заведениях других стран запада [11]. Президент Ашраф Гани и его супруга, а также спецпредставитель госдепартамента США по Афганистану Залмай Хализад выпускники Американского университета США в Бейруте.

Ашраф Гани в 2001 году вернулся из США в Афганистан. В 2013 году стал Председателем Переходного координационного совета, занимающегося проблемами восстановления «полного суверенитета Афганистана» (Afghanistans Transition Coordination Commission). В 2014 году перед очередными выборами президента Афганистана, США предложили Афганистану, заключить с ними соглашение о стратегическом партнерстве. В последние годы своего президентства Хамид Карзай занимал довольно жесткую позицию по отношению действий американских военных операций в Афганистане и подписание этого договора встало под угрозу. Ашраф Гани участвовал в президентских выборах 2014 года. Из-за открытого вмешательства США и фальсификации результатов выборов, страна находилась в глубоком политическом кризисе, но при посредничестве госсекретаря США Джона Керри, было подписано соглашение о формировании правительства национального единства ПНЕ [3]. По сути, кризис плавно распространился на президентские выборы 2019 года, ситуация вновь повторилась. Таким образом, на протяжении 5 лет правительство в полном объеме не сформировано, практически все министры имеют приставку И.О.

Военное присутствие США американским налогоплательщикам обошлось очень дорого. За эти 18 лет потрачено на военные операции в Афганистане 680 млрд долл. Конгресс США одобрил выделение еще 46 млрд долл. в 2018 финансовом году (начался 1 октября) [4]. По другим данным траты на военное вмешательство США в Афганистане с октября 2001 по сентябрь 2019 года составили 778 млрд долл. Кроме того, госдепартамент США, наряду с Агентством США по международному развитию и другими официальными организациями, затратили 44 млрд долл. на проект восстановления страны.

Таким образом, размер общих затрат США на Афганистан составил 822 млрд долл., без расходов на военную помощь Пакистану, который используется США в качестве базы для военных операций в Афганистане. Однако независимое исследование, проведенное учеными университета Брауна, указывает, что официальные показатели расходов на войну в Афганистане сильно занижены [5] и по разным оценкам доходят до 1,2 трлн долл.

Что касается человеческих потерь, США в общей сложности потеряли более 2 300 военнослужащих, кроме того, 20 660 солдат получили ранения. С Афганской стороны точные цифры потерь никем не подсчитаны.

Другая глобальная угроза войны в Афганистане – растущая нарко-угроза. С 2001 года США потратили 7,6 млрд долл. на борьбу с производством

наркотиков в Афганистане. В результате, за эти годы производство наркотических средств увеличилось в 44 раза, Афганистан производит более 80 % всех опиатов мира и, согласно статистике Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 2014 года, ежегодно в Афганистане производится 150 млрд доз героина [6]. Согласно специальному докладу заместителя генерального секретаря ООН и исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) о положении дел с производством опиума в Афганистане в 2017 году, посевная площадь опиумного мака выросла в Афганистане до 328 тыс. га., которых достаточно для производства 9 тысяч тонн наркотиков в опиумном измерении или 900 тонн героина [7].

Примечательно, что 90 % посевных площадей находятся в юго-восточных и южных провинциях страны, где базируются американские и британские военные силы, там же сконцентрированы основные группировки исламского движения «Талибан». Военные самолеты США регулярно совершают рейсы из баз в Кандагаре и Гильменде в страны Прибалтики и Хорватии.

Следует напомнить, что в середине XX века с участием США в Кандагаре был построен международный аэропорт с населением лишь 85 000 чел. США при строительстве аэропорта рассчитывали, что аэропорт станет важным пунктом в работе международных авиакомпаний, поскольку их самолеты с поршневыми двигателями использовали бы этот аэропорт для заправки самолетов, совершавших рейсы в страны Южной и Юго-Западной Азии.

Была еще одна очень важная причина строительства этого международного аэропорта. США рассматривали его как потенциально возможную важную базу для военно-воздушных и других видов вооруженных сил США в военное время. Ныне рассекреченные разведывательные документы, которые готовились в указанные годы, прямо указывают, что международный аэропорт в Кандагаре-чисто американская идея [8].

Решение о строительстве этого аэропорта было принято в Вашингтоне в 1956 году. В 1962 году он был введен в эксплуатацию, а полностью его строительство было завершено в 1964 году. Строительство аэропорта обошлось в 15 млн долл. (10 млн – безвозмездные субсидии, 5 млн долл. – займы) [9] и с первых же дней он стал никому не нужным. Такого рода объекты имеют свое название – «белый слон», но прошло почти пол века, как он стал крайне востребован США.

Всего на строительство дороги аэродрома было потрачено 100,5 млн долл. Из них 95 млн долл. это безвозмездные субсидии и 5 млн долл. – заемные средства [10].

Освоение долины рек Гельменд и Аргандаб были второй после развития транспорта статьей расходов в политике помощи развитию

Афганистана, которую осуществляли США. С 1950 по 1963 годы США выделили на этот крупнейший проект 54,7 млн долл.

За двадцать лет (1946-1966 гг.) Гильмандский проект поглотил 55 млн долл. из афганской казны и 60 млн долл. в виде американских кредитов и безвозмездных субсидии [11]. Суммы для Афганистана колоссальные. Проект оказался гигантским «белым слоном». Около 53 % всех выделенных на этот проект средств возвратились в США в виде оплаты труда и услуг американских компаний [8]. Провинция Гильменд славится большими запасами урановой руды и тогда шли слухи, что американские грузовые самолеты постоянно летают в данной провинции. Но сегодня провинция Гильменд еще славится и своими маковыми полями. Готовые продукты из этого сырья в виде героина экспортируются в основном из Кандагара и Гильменда.

По словам генерала Армии Гареева, основные потоки наркотиков идут в Россию и Европу, по его словам этот бизнес приносит американцам 50 млрд долл. в год [8], кроме того, наркотики являются главной статьей дохода исламского движения «Талибан», Исламского Государства Хурасана и других террористических группировок. Наркобизнес является основным источником напряжения в Афганистане и в регионе.

С избранием Д. Трампа американцы всерьез определились с необходимостью любой ценой выйти из Афганистана и договориться с исламским движением «Талибан». Переговоры спецпредставителя госдепартамента США по Афганистану Залмая Халилзада длились 18 месяцев в Катаре. Согласно подписанному соглашению 29 февраля 2020 года между «Талибан» и США в течении 14 месяцев все вооруженные силы США и их союзников должны покинуть Афганистан. Из соглашения явно видно, что американцы полагают, что «Талибан» примет на себя конкретные обязательства, не как оппозиционная сила, направленная против нынешнего правительства Афганистана, а как режим, отвечающий за судьбу будущего политического строя Афганистана. По словам госсекретаря США Майка Помпео, в соглашении есть ряд секретных пунктов, о которых ничего не известно ни правительству Афганистана, ни мировому сообществу. Можно только лишь догадываться, что, скорее всего, речь может идти об интересах обеих сторон к дальнейшему посеву опиумного мака, а также о будущей судьбе девяти военных баз США на территории Афганистана. Существует опасение, что при любом раскладе сил в Афганистане США не покинет свои базы в Афганистане.

Во-первых, США не хотят терять контроль над производством героина. По данным ООН около 25 % опия пока находится под контролем Талибов и различных полевых командиров.

Во-вторых, важное геополитическое месторасположение Афганистана.

В-третьих, в регионе сконцентрированы большие запасы углеводорода, в случае ослабления позиции США, их главные соперники Россия, Китай и Иран имеют все шансы сообща воспользоваться этими ресурсами.

Трудности возникают в реализации соглашения между США и «Талибан», потому что, вскоре после подписания соглашения двумя сторонами, демократическая партия США приняла поправку к «Национальному закону авторизации обороны», согласно которому в бюджет Пентагона на 2021 финансовый год выделяется 740,5 млрд долл. Поправка, одобренная в начале июля Комитетом по вооруженным силам, подавляющим большинством голосов демократов, предусматривает «ограничение использования средств для сокращения числа вооруженных сил, развернутых в Афганистане». Теперь Пентагону запрещено расходовать имеющиеся у него средства на любую деятельность, которая сокращает число американских солдат в Афганистане ниже 8 000 чел. [9] (сократить планировалось с 8 600 до 4 500 чел.).

Сегодня, когда исламское движение «Талибан» считает, что все его требования практически выполняются, и отношения между этой группировкой и США выглядят куда лучше, чем отношения между США и властями Кабула, представители «Талибан» имеют более тесные отношения с официальными лицами многих государств. Поскольку они участвуют в различных форумах и встречаются с официальными лицами многих государств (в том числе с Российской Федерацией), то, скорее всего, в перспективе их может устроить только полная капитуляция афганского правительства и воссоздание «Эмирата Талибан». Полагаю, что этот вариант развития событий отвечает интересам как России, и стран региона, так и афганского народа, которого, впрочем, никто не спрашивает и до которого никому нет дела.

Как мы знаем, первый и весьма опасный шаг на пути реализации такого будущего для Афганистана уже сделан. Под нажимом США, президент Ашарафа Гани был вынужден выпустить из афганских тюрем 5 100 талибов, в том числе 400 самых опасных преступников, которые были осуждены за тяжкие преступления (среди них числятся самые крупные главари международного наркобизнеса). Более 300 из них приговорены афганским судом к пожизненному заключению и смертной казни. Для того, чтобы их освободить, была созвана «Лоя Джирга», так как согласно уголовному законодательству Исламской Республики Афганистана, президент не имел права амнистировать их своим Указом. Примечательно, что после ознакомления с Указом президента Афганистана, власти Австралии и Франции, а также США сделали заявление о том, чтобы власти Афганистана не освобождали тех Талибов, которые были арестованы по обвинению за убийство их солдат. Представитель МИД России Мария Захарова выступила за скорейшую реализацию нового американского проекта «Национального перемирия и межафганского диалога». Что касается межафганского диалога, то следует отметить, что исламское движение «Талибан» и афганское правительство трактует его по-разному. Если официальные органы Афганистана рассматривают его как переговоры между представителями афганского

правительства и представителями «Талибан» в Катаре, то исламское движение неоднократно заявляло (даже после Указа Президента об освобождении этих 400 преступников), о том, что о переговорах с представителями афганского правительства речи не идет, а межафганский диалог для них означает диалог между представителями различных народов Афганистана. В подтверждение этого, вооруженные группировки «Талибан» усилили атаки на позиции афганской армии, а также совершили ряд террористических атак против мирного населения в крупных городах Афганистана.

Теперь перейдем к главному вопросу:

Анализируя краткую историю 18-летнего пребывания США и НАТО в Афганистане, и угроз, исходящих из этой страны, следует обратить повышенное внимание к процессам, которые могут происходить в Афганистане и вокруг него в ближайшей перспективе.

Пока Афганистан не станет политически стабильной, подлинно свободной и экономически самостоятельной страной, будут страдать все страны региона. Интеграция Афганистана со странами региона и создание общей системы безопасности смогли бы вытеснить США из Афганистана и региона в целом.

Нужно отметить, что движение «Талибан» ни в коем случае не станет пророссийским. Несмотря на вторжение США и свержение «Эмирата Талибана» в 2001 году, в случае своего прихода к власти, исламское движение «Талибан» доставят больше неприятностей странам региона, нежели США. США же покупает лояльность «Талибана» и сохраняет свои стратегические цели в регионе.

Следовательно, Россия и страны Центрально-азиатских республик, а также Китай, Индия и Иран только сообща смогут скоординировать свои усилия и возможности в разных направлениях (политических, военно-политических, экономических, энергетических, а также в реализации региональных проектов).

За последнее 10 лет начали реализовываться крупные региональные проекты, такие как проект Чабахара, разработанный еще в 50-е годы XX века. Впервые, в марте 1955 года Афганистан обратился к США с просьбой оказать помощь в создании нового транзитного пути Афганистана через территорию Ирана к порту Чабахар в Персидском заливе, когда произошел первый разрыв отношений между Афганистаном и Пакистаном. В рассматриваемые годы близилось к завершению строительство дороги в сторону Ирана (Герат-Ислам Кала). В 2016 году всерьез заговорили о необходимости завершения этого исторического проекта, который соединяет Индию и Афганистан со странами Центрально-азиатских Республик через территорию Ирана в обход Пакистана. В перспективе порт Чабахар может быть соединен с транспортной системой Каспия посредством строящихся железных дорог [11]. Существуют и ряд других крупных и локальных проектов, тесно

соединяющие страны региона – строительство магистральных железных дорог, соединяющих Иран и Пакистан со странами Центрально-азиатских республик, Россией и Китаем, а проект «Лазуритный коридор», который связывает Афганистан с Европой. Этот проект разрабатывался в 2012 году, а соглашение по нему было подписано Туркменией, Азербайджаном, Грузией, Ираном, и Турцией лишь 15 ноября 2017 года. С помощью железных и автомобильных дорог этот коридор свяжет город Торгунди в афганской провинции Герат с Ашхабадом, далее, через Каспийское море дойдет до Баку, Тбилиси и Турции. Общий бюджет этого проекта оценивается в 2 млрд долл. Этот проект открылся 13 декабря 2018 года в Герате [12]. Кроме того, на этапе строительства находятся крупные энергетические проекты как ТАПИ, КАСА-1000.

Однако, в реализации этих проектов меньше всех заинтересована Россия, нежели упомянутые страны, которые непосредственно участвуют в них, но главную задачу, которую страны региона, в том числе и Россия, должны решать – это освободить Афганистан от материальной зависимости США и при этом не брать затраты на обеспечение Афганистана на себя. Доходы, полученные Афганистаном от реализации этих проектов, могли бы быть достаточными для обеспечения армии Афганистана необходимыми материально-техническими средствами. Следовательно, вполне возможно выйти из зависимости США. Хотя немало усилий приложены к реализации указанных проектов, но пока главным препятствием многих из них остается присутствие США в Афганистане. Реализация этих проектов может быть осуществлена в рамках региональных организаций, таких как ШОС, Евразийский экономический союз, при полноправном членстве Афганистана в этих структурах. Эти проекты в комплексе могут развивать и интегрировать экономику региона и вытеснить США. Надо отметить, что при достаточном материально-техническом обеспечении афганская армия и полиция вполне в состоянии защитить страну и тем самым обеспечить безопасность региона в целом. Самая перспективная площадка сотрудничества Афганистана со странами региона в обеспечении безопасности может быть рассмотрена в рамках сотрудничества с ОДКБ. Страны участники этой организации имеют широкую возможность сотрудничества с Афганистаном. Надо поддерживать Афганистан в борьбе с терроризмом, а не отчаянно соглашаться с предлагаемыми США вариантами «Мирного диалога» с террористической организации исламского движения «Талибан».

Но сегодня самая горячая дискуссия для выхода из кризиса в Афганистане идет вокруг американского проекта «переговоры с Талибан и межафганский диалог». Время покажет, что этот проект ничего не принесет Афганистану, напротив усилит позиции «Талибан».

Просить мира у исламского движения «Талибан» с протянутой рукой нельзя, «Талибан» нужно только заставить сесть за стол переговоров.

Переговоры могут принести результат только с позицией силы. Афганская национальная армия и силы безопасности вполне в состоянии защитить страну самостоятельно если не будет зависимым от диктовки США. Переговоры с движением «Талибан» могут быть только при полном отказе «Талибан» от насилия и прекращение огня. В них должны участвовать представители вооруженных группировок «Талибов» с одной стороны, а с другой стороны представители афганской армии и полиции во главе со структурой Совета безопасности Афганистана. Политическое крыло «Талибов» и правительство Афганистана могут выступить гарантами в этом процессе, а страны региона и России, следует наладить нормальный рабочий контакт с официальным правительством Афганистана и здоровыми силами афганского общества.

Любые контакты с исламским движением «Талибан» являются контрпродуктивными, пока оно не откажется от терроризма и насилия. Это движение с 2003 года решениями Совета Безопасности ООН и Верховного Суда России от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 [10] продолжает считаться террористической организацией. Следовательно, любые контакты на любом уровне с исламским движением «Талибан» являются нарушением законодательства Российской Федерации.

Если дальше заигрывать в американскую игру, либо оставаться простыми наблюдателями, при этом довольствоваться одними пустыми заявлениями в поддержку нового проекта США под прикрытием «Национального примирения и межафганского диалога», ситуация в скором будущем может в корне поменяться, к сожалению, в не в пользу России и стран региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лига. Новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.news.liga.net/world/news/taliby_zayavlyayut_o_pobede_nad_ssha_i_ikh_soyuznikami_v_afghanistan» (дата обращения: 20.08.2020).

2. Призедент Карзай: Ответственность за обеспечение безопасности в Афганистане перешла к национальной Армии // tass.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.tass.ru/archiv/617784>. (дата обращения: 20.08.2020).

3. توافق نامه حكومت وحدت ملی امضا. هشت صبح ۲۲.۰۹.۲۰۱۴ [Электронный ресурс] Режим доступа https://www.bbc.com/persian/afghanistan/2014/09/140921_k04_afghan_election (дата обращения: 20.08.2020).

4. США потратили на операцию в Афганистане почти 680 млрд долларов // news.sputnik.ru. 18.11.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.news.sputnik.ru/politika/587b5827dc985d1c5edd9adaca99e89e2270f90e>. (дата обращения: 20.08.2020).

5. Во сколько обошлось США война в Афганистане? // bbc news. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.bbc.com/russian/>

features-51687498. (дата обращения: 23.08.2020).

6. США потворствуют наращиванию производства наркотиков в Афганистане // Известия. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.iz.ru/news/579340> (дата обращения 20.08.2020).

7. Посевы опиумного мака в Афганистане в 2017 году достигли рекордных 328 тыс. га // tass.ru. 15.11.2017. [Электронная версия]. Режим доступа URL: <https://www.tass.ru/proisshestviya/4730513>. (дата обращения: 30.08.2020).

8. Кирпенко П.Ф., Ежов Г.П. США – Афганистан, 1956-1963 гг. Или, как американцы наворачивали упущенное. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. – С. 386.

9. Afghanistan Strategic Intelligence British Records, 1919-1970. London, 2002. – P.786.

10. Louis Dupree. Afghanistan. Oxford, 1997. – P. 513.

11. Доктор Накер, руководитель правительства АИД (Агентства международного развития) в Афганистане. Выступление на совещании представителей специализированных учреждений ООН в Афганистане / Стенограмма, 1 марта 1965 г.

12. Tom Lansford. A Bitter Harvest: US Foreign Policy and Afghanistan. Hants, 2003. – P. 84.

13. Harvey H. Smith, Donald W. Bernier, Frederia M. Bunge and others. Area Handbook for Afghanistan. 1969. February. – P. 138;

14. США потворствуют наращиванию производства наркотиков в Афганистане // Известия. 12.11.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.iz.ru/news/579340>. (дата обращения 20.08.2020).

15. Юрганов Д. США: из Афганистана уходить только себе навредить // Завтра. 23.07.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.zavtra.ru/events/ssha_iz_afganistana_uhodit_tol_ko_sebe_navredit_. (дата обращения 20.08.2020).

16. Федеральная служба безопасности Российской Федерации // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.fsb.ru/fsb/npb/terror.htm>. (дата обращения 20.08.2020).

17. Большая «игра» вокруг иранского порта Чабахар // Завтра. 19.03.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://zavtra.ru/events/bol_shaya_igra_vokrug_iranskogo_porta_chabaha. (дата обращения 20.08.2020).

18. Шустов А. Куда ведет «Лазуритовый коридор»? // РИТМ ЕВРАЗИЯ. Евразийская интеграция. 11.08.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-11--kuda-vedet-lazuritovyj-koridor-44278>. (дата обращения 20.08.2020).

ПОЛИЩУК А.И.

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

**ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли военных конфликтов в отношениях России с Турцией, Ираном и Афганистаном в прошлом, и возможному влиянию исторической памяти о них на безопасность Российской Федерации в настоящем и в будущем. Особое внимание уделено проблеме территориальных претензий между Россией, Турцией, Ираном и Афганистаном в прошлом.

Ключевые слова: безопасность, исторические факторы, ислам, угрозы, территориальные споры, историческая память.

При рассмотрении вопросов безопасности в нынешних условиях необходимо учитывать фактор исторической памяти и предыстории отношений России с государствами соседями на юго-западном, южном и юго-восточном направлениях, имея в виду Турцию, Иран и Афганистан.

Турецкий фактор

В течении нескольких веков Россия воевала с Османской Турцией, для обеспечения своей безопасности на юго-западных рубежах, а также за выход к Черному морю, и за установление контроля над Проливами. В ходе этих войн к России были присоединены некоторые территории Закавказья, южные области России, Крым и Украина [1].

Границы бывших владений Османской Турции и России были определены после Первой мировой войны, а окончательно границы с СССР установились только в 50-е годы XX в., после завершения Второй мировой войны [2].

По инициативе Сталина, в 1945 году на Турцию было оказано дипломатическое давление, с целью вернуть территории, входившие в состав Российской империи по состоянию на 1878 год. За этими территориальными претензиями, скрывалось стремление СССР получить контроль над Проливами. По мнению бывшего президента Турции Сулеймана Дюмереля давление СССР побудило Турцию принять меры по обеспечению собственной безопасности и в 1952 году она вступила в НАТО. Но вступление в НАТО и появление американских военных баз в Турции не обеспечивало безопасности Турции, а привело к опасному

международному кризису. Размещение в 1961 году на территории Турции американских ракет средней дальности «Юпитер», способных нанести удар по территории СССР на большую глубину и с минимальным подлетным временем, поставило СССР перед необходимостью, в качестве ответной меры, разместить свои ракеты на Кубе, что привело к Карибскому кризису 1962 году, когда мир стоял на пороге ядерной войны.

После смерти Сталина, 30 мая 1953 г., в особой ноте МИД СССР заявил, что правительство Советского Союза отказывается от территориальных претензий к Турции и требований по Черноморским проливам. Также было объявлено, что правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции.

После распада СССР ситуация на южном, в том числе, Кавказском направлении резко изменилась в связи с возникновением новых независимых национальных республик, у которых возникли территориальные претензии друг к другу и к своим автономным районам. С одной стороны, Россия теперь не граничит непосредственно с территориями, которые могут быть спорными, как ранее входившие в состав Турции и от которых СССР давно отказался. С другой стороны, как показали события последних лет, некоторые независимые республики Кавказа представляют угрозу безопасности самой России, в том числе, при их возможном союзе с Турцией или странами НАТО во главе с США. Это, прежде всего, Грузия, которая предприняла в 2008 году, при подстрекательстве США, прямую агрессию против Южной Осетии. Российские миротворцы были вынуждены провести военную операцию по принуждению Грузии к миру. Не исключена возможность использовать старые претензии Грузии к Турции при вмешательстве США для оказания давления на Турцию.

После распада СССР Турция усилила свою дипломатическую и политическую активность на Кавказе, попытавшись тайно вмешиваться в борьбу чеченских сепаратистов против России. Остается нерешенным Карабахский конфликт, который в значительной степени уходит корнями во времена Османской Турции. В настоящее время турецкое руководство пытается позиционировать себя как чуть ли не защитником прав мусульман всего Востока, а также вряд ли отказалось от идеи пантюркизма, что проглядывается в отношениях с независимыми республиками бывшего СССР и в позиции Турции по Сирии, где она пытается под лозунгом защиты так называемых «торкоманов» и противодействия курдским сепаратистам расширить свои границы на юге за счет Сирии и поддерживает «своих мусульманских террористов», ведущих вооруженную борьбу с законным правительством Сирии. Не до конца ясна позиция Турции по вопросу присоединения Крыма к России. До присоединения полуострова, Турция активно поддерживала стремление крымских татар к автономии, и не ясно, что турки могут

предъявить России по этому вопросу в будущем самостоятельно или в союзе с Украиной. Турция вмешалась во внутренний конфликт в Ливии, претендуя на ведущую роль в Средиземноморье, учитывая попытки Эрдогана представить себя чуть ли не преемником Османской империи и последнего халифата, а также защитником Ислама и мусульман.

В последние годы внешняя политика руководства Турции характеризуется резкими поворотами и непредсказуемостью, что требуют пристального внимания к возможным угрозам со стороны Турции. Президент Эрдоган не вечен как политик и как человек, у него есть противники не только внутри страны, но что самое важное, существуют оппозиционные силы, поддерживаемые США. США будут усиливать давление на Турцию под любыми предлогами. В июне текущего года в сенате США рассматривается вопрос принятия против Турции санкций в отместку за покупку у России ЗРК С-400. В случае ухода Эрдогана с политической арены, вполне возможно в перспективе усиление влияния в Турции противников России, тем более что для этого есть исторический негативный фон, историческая нелюбовь к России, которая сыграла далеко не последнюю роль в разгроме Османской империи. Как бы то ни было, для России крайне важно иметь Турцию в числе своих друзей, а не врагов, тем более что непреодолимых противоречий между двумя странами не так много. Однако добиться этого чрезвычайно трудно в связи с непредсказуемостью турецкой внешней политики, ее ориентацией на меняющиеся настроения значительной части мусульманского электората и ее явный антироссийский настрой (нельзя забывать сбитый турками 24 ноября 2015 г. российский истребитель СУ-24М и гибель российского летчика, убийство российского посла Андрея Карлова в Анкаре 19 декабря 2016 г., постоянные провокации против российского контингента в Сирии, а также возможность перекрыть в любой момент газопровод Южный поток и последнее решение турецких властей, санкционированное Эрдоганом, превратить православный византийский собор Айя-София в мечеть вопреки положениям ЮНЕСКО об охране исторических памятников).

Иранский фактор

В отличие от Турции Иран в течение веков практически оставался дружественным России государством. Дипломатические отношения между Россией и Ираном были установлены более 450 лет тому назад. Персия и Московия регулярно обменивались посольствами и поддерживали стабильные торговые связи по Волжско-Каспийскому торговому пути. С приходом к власти шиитской династии Сефевидов в 1502 году начинается этап «собирания» бывших персидских владений в единое государство.

Расширение и укрепление государства Сефевидов привело к длительному соперничеству между Османской Турцией и Ираном в Малой Азии и на Кавказе. С 1514 по 1823 гг. между Османской Турцией и Ираном произошло 11 войн, не считая многочисленных пограничных столкновений. В борьбе с Турцией Иран неоднократно прибегал к помощи Московского государства и Российской империи. По мере расширения Российской империи и присоединения к ней новых территорий в начале XVIII в. при Петре I, Россия начинает активно вмешиваться в иранские дела, под предлогом защиты интересов российской торговли. В 1723 году Петр I совершает Персидский поход, результатом которого явилось подписание 23 сентября 1723 г. Петербургского договора, по которому к России отходила прикаспийская полоса Дагестана и Ширвана с Дербентом и Баку, а также Гилян, Мазандеран и Горган в обмен на помощь против Турции и нашествия афганцев. В 1732 году эти территории были возвращены Ирану на основании подписанного между Россией и Ираном Рештского договора. Во второй половине XVIII в. российско-иранские отношения снова обострились в результате продолжавшегося противостояния в Закавказье. Летом 1795 года войско персидского шаха Али Мохаммеда Каджара вторглось в Закавказье. Персами был захвачен и разорен Тбилиси и территория Кахетии. Русские войска в феврале 1796 года предприняли поход на персидские владения в Закавказье, взяли Дербент, Баку и Ганджу. Русские войска достигли района слияния рек Куры и Аракса и были готовы вступить в пределы Ирана. Дальнейшее продвижение войск было приостановлено по приказу пришедшего к власти Павла I, который отозвал Кавказский корпус и затем расформировал его. Продвижение России в Закавказье возобновилось при Александре I.

В начале XIX в. Иран стал ареной борьбы между Францией, Англией и Россией за установление контроля над этой страной. Наполеон пытался превратить Иран в плацдарм для захвата Британской Индии, и завоевав ее подорвать экономическое положение Англии, с которой Франция вела борьбу за господство на Ближнем и Среднем Востоке. В 1796 году в Иран прибыли французские представители с целью спровоцировать шаха на войну с Россией и попытаться использовать Иран в борьбе против Англии. В то же время Англия пыталась обезопасить свои владения в Индии от возможного вторжения французов и укрепить свое влияние в Иране, Афганистане и в Средней Азии. 4 января 1801 г. английскому представителю капитану Малькольму удалось подписать англо-иранский договор. Англия взяла на себя обязательства снабжать шаха военным снаряжением, если он подвергнется нападению со стороны Франции или Афганистана. Обещание Англии на военную поддержку подтолкнуло Иран на обострение отношений с Россией. Ухудшению отношений между Россией и Ираном также способствовала наступательная

политика царского правительства на Кавказе. 12 сентября 1801 г. Александр I подписал манифест о присоединении Восточной Грузии к России. В 1803-1804 гг. под покровительство России были приняты Имеретинское царство, Мингрельское и Гурийское княжества, а позже Абхазия. В конце 1803г. управляющий Грузией князь П.Д. Цицианов предложил Ганджинскому хану перейти в подданство России, но тот отказался. В январе 1804 года русские войска штурмом взяли резиденцию хана крепость Ганджу. В мае 1804 года шах потребовал вывести русские войска из Грузии, Ганджинского и других ханств. Это привело к началу первой русско-иранской войны, продолжавшейся до 1813 года [3]. В октябре 1812 года в сражении при Асландузе, русские войска под командованием генерала П.С. Котляревского разгромили армию наследника престола Аббаса – мирзы, после чего начались переговоры о заключении мира. Изгнание Наполеона из России убедило шаха, что надежды на ослабление России, и возвращение утраченных территорий тщетны. 2 октября 1813 г. был подписан Гулистанский мирный договор, который оформил включение в состав Российской империи Дагестана, Грузии с Шурагельской провинцией, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, а также ханств Карабагского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербендского, Кубинского, Бакинского и Талышского. Шах отказывался от притязаний на эти территории. Статья 5 договора предоставляла России исключительное право иметь на Каспии военный флот [4]. Стремясь к реваншу шах 25 января 1814 г. заключил новый англо-иранский договор, направленный против России и ставивший внешнюю политику Ирана в зависимость от Англии. Англия по договору обязывалась в случае войны с какой-либо европейской державой (подразумевалась Россия) оказывать Ирану помощь войсками из Индии или выплатой ежегодной субсидии в размере 200 тыс. туманов, добиться пересмотра русско-иранской границы, установленной Гулистанским мирным договором.

В 1817 году в Тегеран была направлена миссия генерала А.П. Ермолова с целью заключения союза с Ираном против Турции [5]. Подстрекаемый англичанами к новой войне с Россией шах не принял предложение о союзе против Турции. Однако вскоре началась ирано-турецкая война 1821-1823 гг., в результате которой иранцы захватили значительные территории Турции, оккупировали всю Турецкую Армению и Курдистан. Впоследствии иранские войска дошли до Киркука и Багдада и осадили эти города. Начавшиеся затем мирные переговоры привели к подписанию 23 июля 1823 г. в Эрзеруме ирано-турецкого мирного договора, по которому Иран не получил каких-либо существенных преимуществ и пошел на уступки Турции в предвидении войны с Россией за возвращение своих территорий на Кавказе. 2-3 июня 1826 г. высшее духовенство Ирана издало фетву о священной войне против России и в июле 1826 года

иранская армия внезапно напала на русские войска в районе Еревана, Карабага и Талыша. В рядах иранской армии были английские офицеры и инструкторы. На первом этапе русские войска были вынуждены отступить, и иранские войска заняли Ленкорань, Салианы, Ширван, Ганджу и другие города и районы Закавказья. Однако уже в сентябре-октябре 1826 года русские войска разбили иранцев в сражениях при Шамхоре и под Ганджой.

К зиме 1826-1827 гг. от иранской армии Аббаса – мирзы сохранились жалкие остатки. В 1827 году русские войска под командованием генерала И.Ф.Паскевича перешли Аракс и заняли города Хой, Маранд, Тебриз, Урмие и Ардебиль. В виду дальнейшего возможного продвижения русских войск на Тегеран шах был вынужден пойти на переговоры и 10/22 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский мирный договор, по которому граница между Российской империей и Ираном была определена в основном по реке Аракс. Статья 8 договора подтвердила условие Гулистанского мира об исключительном праве России иметь военные корабли на Каспийском море. Туркманчайский договор 1828 года положил конец русско-иранским войнам и притязаниям иранского шаха и ханов на Грузию, Армению и закавказские ханства [6].

В сознании большинства иранцев, Россия до сих пор воспринимается как недружественное и даже враждебное государство. Основную роль в таком отношении играет восприятие результатов войн с Россией и особенно Туркманчайского договора, который в иранской истории, в школьных и университетских учебниках, оценивается как несправедливый и грабительский. Критику Туркманчайского договора приходится часто выслушивать на конференциях, симпозиумах, в частных беседах преимущественно от профессуры, студентов и журналистов, и часто к месту и не к месту. Это говорит о том, что в народном сознании существует серьезное критическое отношение к России, основанное на исторической базе и трудно предугадать, во что эти настроения могут вылиться в критических ситуациях.

Бытовых примеров негативных оценок России довольно много. Недавний пример. Юноша восточного типа спрашивает у москвички на русском языке о том, как проехать в такое-то место. Она интересуется, откуда он родом и почему так хорошо говорит по-русски. В ответ она слышит, что он из Ирана и русский надо знать хорошо, так как это язык врага иранцев. Наши студенты в соц. сетях постоянно сталкиваются с негативным отношением иранской молодежи к России, и необходимо помогать им, аргументированно отвечать на критику иранцев.

К чести нынешнего иранского руководства надо отметить, что оно никогда не ставит вопрос о пересмотре существующих границ, тем более что сейчас Иран не граничит с Россией и вопрос о прежних границах СССР давно урегулирован. Однако остается нерешенной проблема окончательного определения статуса Каспийского моря. После распада

СССР, эта проблема напрямую касается ряда суверенных республик бывшего Советского Союза, расположенных в Каспийском регионе. Вопрос статуса Каспийского моря чрезвычайно непростой, вокруг него идет многолетняя дипломатическая борьба, и на настоящий момент нет оснований говорить об угрозах со стороны Ирана на Каспии, но не следует забывать, что меджлис Ирана в свое время принял закон с претензией на 20 % Каспия для Ирана. Очевидно, что Каспийский бассейн очень чувствительный район, в который много желающих вмешаться со стороны и прежде всего угрозу может представлять вмешательство стран НАТО во главе с США.

Еще одним чрезвычайно важным вопросом в смысле исторических оценок роли России в иранских делах остается оценка вступления Красной Армии наряду с британской в Иран в августе 1941 года, с целью предотвратить возможность использовать территорию Ирана в интересах фашистской Германии и ее союзников. В иранском обществе до сих пор идут серьезные дискуссии о роли СССР в период нахождения Красной Армии в Иране во время Второй мировой войны [7].

Факты негативного отношения иранцев к России, в историческом контексте, требуют дальнейшего изучения, отслеживания и объективной оценки, с целью купировать возможные угрозы идеологического характера, которые в определенных условиях могут перерасти в реальные действия. Было бы полезно создать авторские коллективы для изучения этих проблем.

Необходимо также иметь в виду внешнеполитические факторы, возникшие после исламской революции 1979 года в Иране. На первых парах после революции, религиозное руководство ставило задачу экспорта исламской революции, но вынуждено было отказаться от этой идеи, в связи с ее ограниченным влиянием в суннитском мусульманском мире. В настоящее время Иран проводит политику расширения и укрепления своего влияния с опорой на традиционные исламские ценности, иранскую культуру и историческую общность народов и стран, ранее находившихся в орбите политического и культурного влияния Ирана. Отсюда особый интерес к закавказским республикам и областям и Центральной Азии (Азербайджан, Дагестан, талыши, Туркменистан, Таджикистан, Афганистан, Армения). В соответствии с планами культурной политики руководство Ирана ведет активную пропаганду Ислама, исламской философии, практики государственного строительства по иранскому образцу, используя спецслужбы, КСИР, культурные представительства за рубежом и различные иранские исламские фонды [8].

Эта работа нацелена на расширение сферы влияния Ирана и Ислама на территории России и подготовку резерва своих сторонников и пропагандистов идеи исламского правления.

Независимый антиамериканский внешнеполитический курс ИРИ и стремление руководства страны поддерживать и развивать политические и торгово-экономические связи с Российской Федерацией, а также со странами региона, свидетельствует о том, что иранское руководство напрямую заинтересовано в поддержании мира и укреплении стабильности в регионе. Антироссийские и антииранские санкции способствуют более тесному сотрудничеству двух стран.

Современные отношения Ирана с Россией можно оценивать как дружественные, стабильные и конструктивные. Они характеризуются стремлением иранской стороны превратить их в отношения стратегического партнерства, что свидетельствует о высоком уровне доверия к Российской Федерации и заинтересованности в углублении сотрудничества. В то же время нельзя забывать о постоянном стремлении иранских консервативно настроенных кругов поддерживать в обществе негативное восприятие России, опираясь на спорные факты из истории наших отношений в далеком прошлом и в непростом настоящем.

Афганский фактор

Афганское независимое государство Дурранийская держава, возникло сравнительно поздно – в 1747 году и формировалось в борьбе с Ираном, государствами Средней Азии и Британской Индией, вплоть до конца XIX – начала XX в. [9] Россия начала проявлять интерес к Афганистану по мере усиления интереса к Средней Азии, после завершения в 1859 году Кавказской войны. В 60-е годы XIX в. Россия активно расширяет свои владения в Средней Азии. В 1861 году русские войска заняли Яны Курган, в 1863 году – Сузак и Алие-ату, в 1864 году – Яссы (Туркестан) и Чимкент, в 1865 году был взят Ташкент. В 1864-1868 гг. Россия вела успешную борьбу против Бухары, в результате которой бухарский эмир признал зависимость от России и уступил ей Самарканд. В ноябре 1869 года генерал Н.Г. Столетов высадил десант на юго-восточном туркменском берегу Каспийского моря и основал город Красноводск.

Продвижение России в Средней Азии усиливало беспокойство Англии относительно Британской Индии. Английское правительство постоянно выражало России свое недовольство относительно продвижения русских в Средней Азии. В 1869 году между Россией и Англией состоялись переговоры, в результате которых Россия признала Афганистан нейтральной территорией. В то же время были окончательно не ясны северные границы между Ираном, Афганистаном и Российской империей. Россия стремилась занять ничейные с ее точки зрения территории, в частности, населенные туркменами Ахальский оазис и Мерв на границе с Ираном, а также вела борьбу за принадлежность Бадахшана и ряда

других территорий на северной границе Афганистана. В связи с необходимостью обеспечить подступы к Индии существенную роль в установлении северных границ Афганистана сыграла Англия. В попытках не допустить продвижения России на юг англичане максимально эффективно отстаивали интересы Афганистана как своего потенциального союзника. Англичане прикладывали максимум усилий, чтобы территории, населенные таджиками, узбеками и хазарейцами к северу от Гиндукуша, стали частью пуштунского государства Афганистан. Это позволяло Англии в какой-то степени компенсировать в глазах афганцев захват собственно пуштунских земель Северо-Западной провинции Индии, но породило проблемы, которые не разрешены до сих пор (проблема Пуштунистана и отношений с Пакистаном, а также сложности интеграции внутри страны в свете существующих межнациональных противоречий, которые являются препятствием для афганского урегулирования в настоящее время). Англичане всячески подталкивали афганцев на захват территорий на севере Афганистана. В 1858 году в районе города Талукан афганские войска под командованием Абдуррахмана, внука Дост Мохаммеда, нанесли поражение объединенным силам кулябцев, бадахшанцев и каттаганцев. По итогам войны 1859 году с Бухарским эмиратом был заключен договор о границе по реке Амударье. Бадахшан тоже попал в сферу влияния афганского государства. В то же время Англия не оставляла попыток полностью оставить Афганистан под свой контроль. В результате первой англо-афганской войны в Кабуле при поддержке англичан пришел к власти Шер Али-хан, который пытался заключить военный союз с Россией против англичан.

В ходе работы Берлинского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1877-1878 гг., и после подписания 13 июля 1878 г. Берлинского трактата, Россия, под давлением Англии, Австро-Венгрии и «нейтралитете» Германии была вынуждена отказаться от части положений Сан-Стефанского русско-турецкого мирного договора от 3 марта 1878 г. Не достигнув своих целей в результате вынужденных уступок на Берлинском конгрессе, Россия предприняла анти-британский демарш в Афганистане. 29 июля 1878 г. в Кабул прибыла миссия генерала Н.Г. Столетова. В ходе переговоров с эмиром Шер Али Столетов составил совместно с эмиром проект конвенции между Российской империей и Афганистаном, предусматривавший оказание Афганистану военной помощи в случае войны с Англией и содействие в возвращении Афганистану населенных пуштунами земель, захваченных ранее Англией. 21 августа 1878 г. Шер Али и Н.Г. Столетов подписали соглашение, в соответствии с которым Россия обязывалась оказывать Афганистану военную помощь в случае, если он подвергнется нападению со стороны «иностранной державы». По сути, это означало возможность использования территории Афганистана для нанесения русскими войсками удара

по Британской Индии. Однако Россия после решений Берлинского конгресса отказалась от своих обязательств, оставив эмира Шер Али один на один с Англией. Используя пребывание миссии Н.Г. Столетова в Кабуле и русско-афганские переговоры как предлог и с целью поставить Афганистан полностью под свой контроль, англичане предприняли поход на Кабул, развязав вторую англо-афганскую войну. По окончании войны 20 июля 1880 г. англичане признали эмиром Афганистана Абдуррахман-хана, который в последующие годы регулярно получал от англичан ежегодную субсидию. Ставши эмиром Афганистана Абдуррахман укрепил свою власть в стране, устранил конкурентов и предпринял шаги по расширению территории страны на западе и на севере. В своем новом статусе зависимости от Англии Афганистан стал играть роль буферного государства и при поддержке англичан объективно мог препятствовать продвижению России в направлении Индии. В то же время у России оставалась возможность продвижения в Средней Азии к границам Афганистана на территории, статус которых не был определен окончательно. В январе 1888 года русские войска под командованием генерала Скобелева штурмом овладели Геок-тепе и заняли стратегически важный Ахальский оазис. Ранее к Российской империи был присоединен Мерв.

В 1880-е годы эмир Абдуррахман проводил активную политику собирания земель в рамках афганского государства и пытался укрепить связи с пуштунами Британской Индии и усилить присутствие пуштунов на территориях за Гиндукушем. Поддержка Абдуррахманом пуштунов Британской Индии встретила резкое противодействие англичан, которые к концу XIX в. поставили под свой контроль многие афганские горные племена на границе Британской Индии и фактически разделили афганские племена между Индией и собственно Афганистаном. На эмира Абдуррахмана оказывалось постоянное давление с целью признать раздел афганских племен и установить южную границу Афганистана, выгодную для англичан. 12 декабря 1983 г. в Кабуле был заключен англо-афганский договор о границе между Афганистаном и Британской Индии, получивший название Линии Дюранда. В настоящее время эта граница разделяет Афганистан и Пакистан и является предметом острых дискуссий между афганским и пакистанским правительствами. Начиная с 80-х годов XX в. районы расселения пуштунских племен Пакистана стали основным плацдармом непримиримой религиозной оппозиции мусульманских экстремистов и террористов всех мастей, которые представляют угрозу не только для самого афганского государства, но и для других государств региона.

Граница между Российской империей и Афганистаном была определена в конце XIX в. результате ряда соглашений между Россией и Англией. В начале XX в. произошло сближение интересов Англии, Франции и России, в противовес союзу стран Германского блока, что

привело к созданию Антанты. Важным обстоятельством при этом явилось заключение 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге соглашения о разделе сфер влияния между Российской империей и Великобританией в Персии, Афганистане и на Тибете.

Вскоре после Октябрьской революции 1917 года правительство РСФСР установило с Афганистаном дружеские отношения, и российское правительство оказало Афганистану разовую помощь во время третьей англо-афганской войны за независимость 1918 году. В Кабуле было послано оружие и самолеты. В то же время внешняя политика Афганистана по отношению к Советской России была довольно противоречивой. В августе 1920 года эмир Аманулла направил военный отряд с четырьмя пушками для помощи эмиру Бухары в борьбе с Красной Армией. Кроме того, афганцы установили связи с лидером антисоветских повстанцев в Фергане Мадамин-беком. В начале 1920 года Аманулла также оказывал поддержку среднеазиатским повстанцам в Бухаре, во время пребывания там бывшего военного министра Османской Турции Энвера-паши, который был авантюристом, действовавшим на свой страх и риск. Энвер-паша и его соратники придерживались теории создания некоего тюркского обширного государства на территории Ирана, России и Средней Азии. Энвер-паша сначала сотрудничал с большевиками и пропагандировал идею соединения большевизма и Ислама, а в итоге примкнул к басмачам и участвовал в вооруженной борьбе против Красной армии и был убит в ходе боев 4 августа 1922 г. в кишлаке Чагина в 25 км от Бальджуана на территории бухарского ханства. Его могила до 30-х годов почиталась местными жителями как могила святого. 4 августа 1996 г. прах Энвер-паши был передан таджикскими властями президенту Турции Сулейману Дюмерелю и перезахоронен на родине с почестями. Известно, что Энвер-паша был одним из инициаторов геноцида армян в Турции.

В 20-30-е годы банды басмачей, которые сами себя называли моджахедами (борцами за веру) часто совершали набеги на южные границы СССР, и советское правительство неоднократно требовало от правительства Афганистана прекратить поддерживать басмачей и положить конец их вторжениям в пределы СССР. После разгрома основных сил басмачей их активность пошла на убыль, но отдельные отряды продолжали действовать до конца 30-х годов.

В истории наших отношений с Афганистаном в 20-х годах есть достаточно драматический эпизод, связанный с неудачной попыткой поддержать свергнутого противниками проводимых им реформ эмира Аманулла. В середине апреля 1929 года отряд под командованием В. Примакова вступил в Северный Афганистан, и 22 апреля занял Мазари – Шариф. Отряд В. Примакова с боями начал продвигаться вглубь страны по направлению к Кабулу. 23 мая 1929 г. эмир Аманулла отказался

от дальнейшей борьбы за власть и бежал из страны. Пребывание советских войск в стране, где к власти при поддержке англичан пришел новый эмир Хабибулла (Бачаи Сакао) представлялось как нарушение суверенитета Афганистана и советский отряд был срочно выведен из страны [10].

Во время Второй мировой войны Афганистан последовательно придерживался политики нейтралитета и в отличие от Ирана не был оккупирован союзниками. В 50-е годы между СССР и Афганистаном установились прочные дружественные связи, в афганской армии стали работать советские военные советники, сменившие турецких [11]. СССР оказывал Афганистану большую помощь в становлении местной промышленности и в создании современной транспортной инфраструктуры [12]. Афганское правительство продолжало линию на укрепление связей с пуштунами Пакистана и ставило вопрос о создании на его территории независимого Пуштунистана в надежде вернуть территории, населенные пуштунами Афганистану. Большая часть афганской армии была дислоцирована в восточном и южных районах Афганистана, а СССР не рассматривался как потенциальный противник Афганистана. Благодаря хорошим добрососедским отношениям с Афганистаном, районы, прилегающие к советско-афганской границе, были практически демитализированы, что позволяло обоим государствам экономить значительные средства на содержание войск в пределах советско-афганских пограничных районов.

Ситуация резко изменилась после так называемой Саурской революции 1978 года, когда внутренняя борьба между просоветскими фракциями «Парчам» и «Хальк» и силами развернувшегося афганского сопротивления, поддержанными исламскими государствами, Пакистаном и США, привела к вступлению советских войск в Афганистан. Пребывание ограниченного контингента советских войск не привело к победе просоветских сил и СССР был вынужден вывести свои войска из Афганистана начиная с 15 мая 1988 г.

После ухода советских войск из Афганистана существенно осложнилась обстановка на советско-афганской границе: имели место обстрелы территории СССР, попытки проникновения на территорию СССР (только в 1989 году было осуществлено около 250 таких попыток, в том числе вооруженные нападения на советских пограничников, минирование советской территории).

События последних лет в Афганистане привели к возникновению реальной угрозы южным рубежам России, как со стороны афганских, так и международных происламистских и террористических организаций, превративших Афганистан в оплот своей борьбы не только против СССР и Российской Федерации, но и против светских режимов Средней Азии, а также против западных стран в целом, и прежде всего против США и их союзников. В настоящее время США вынуждены бороться с силами,

которые они сами же и создали в ходе противостояния с СССР. В течении многих лет, прошедших со времени вывода советских войск, внутреннее положение в Афганистане далеко от стабилизации из-за невозможности различных национальных, племенных и религиозных группировок договориться между собой, а также из-за вмешательства внешних сил. С учетом этих факторов необходим постоянный мониторинг ситуации в стране с целью отслеживания возможных угроз России и ее союзников на южных рубежах.

Заключение

Исторически существующие факторы угроз для безопасности России с южных рубежей должны учитываться в полной мере и в современных условиях, прежде всего, как фактор нестабильности, который при изменении политической ситуации в мире и в регионе и усиливающемся агрессивном курсе стран Запада (бомбардировка Югославии, агрессия в Ираке, Ливии, Сирии, оккупация Афганистана), не считающихся ни с какими международными нормами, может стать актуальным. Особое беспокойство должна вызывать возможность использования исторических болевых точек в отношениях России с соседними странами внешними силами в нынешних условиях нестабильности внешнеполитических факторов, которые стали заложником внутривнутриполитической борьбы в США и ряде европейских демократий, когда сиюминутные предвыборные интересы и политика продолжающегося противоборства за мировую гегемонию стали источником нестабильности в мире и уже привела к трагическим последствиям в регионе [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орешкова С.Ф. Османская империя. Ответственный редактор: Н.Ю. Ульченко. Рецензенты: Мейер М.С., Мамедова Н.М. – М. Издательский дом «Рубежи XXI», 2018 г. – 587 с., с иллюстрациями. – С. 489-516.
2. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. Изд. второе, испр. – СПб.: Наука, 2017. – С. 359. С. 188-247.
3. Потто В.А. Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 1231 с.
4. Дипломатический словарь. В трех томах. Четвертое переработанное и дополненное издание. Том I / Гл. ред. А.А. Громыко. – М.: Издательство Наука, 1985. – С. 483.
5. Потто В.А. Кавказская война в 5 т. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 282-290.

6. Дипломатический словарь. Четвертое переработанное и дополненное издание. Том III / Гл. ред. А.А. Громыко. – М.: Издательство Наука, 1985. – 752 с. – С. 489-490.

7. Гасанлы Дж. П. СССР-Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941-1946 гг.). – М.: Герои Отечества, 2006. – 560 с.

8. Полищук А.И. «План реализации культурной политики ИРИ» как инструмент «мягкой силы». Труды института востоковедения РАН. Выпуск 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика / Отв. ред. выпуска В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко. – М.: ИВ РАН, 2019. – 648 с. – С. 201-210.

9. Колесников А.А., Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Миссии, Экспедиции, Путешествия. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 364 с.

10. Акимбеков С.М. История Афганистана. – Астана-Алма-Аты. ИМЭП при Фонде Первого Президента. 2015. – С.848. – С. 174-176.

11. История вооруженных сил Афганистана. 1747-1977. Ответственный редактор Ю.В. Ганковский / Авторы Ю.В. Ганковский, А.И. Полищук, М.Ф. Слинкин. – М.: Наука, 1985. – 205 с.

12. Массон В.М., Родин В.А. История Афганистана в двух томах. Том II. Афганистан в новое время. – М.: Наука, 1965. – 551 с. – С. 375-377; 406-416.

13. Франкопан Питер. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. / Питер Франкопан [пер. с англ. В.Ю Шаршуковой]. – М.: Эксмо, 2019. – 864 с. – С. 649-692.

ПРИЛЕПСКИЙ В.Ю.

кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета МО РФ

«ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация. В статье содержится авторский взгляд на основной сценарий современных геополитических и геостратегических изменений, который заключается в жестком противоборстве сторонников монополярного мира под эгидой США (концепция «град на холме посреди мирового хаоса») и группировками глобального правящего класса, реализующих проект «многополярного мира». Эта борьба разворачивается в условиях кризиса современного миропорядка, нарастающей неэффективности экономической модели хозяйствования, истощения возможностей развития действующего технологического уклада, обострения противоречий во всех сферах общественной жизни, усиления роли силовых и гибридных инструментов политики.

Ключевые слова: глобализация, новый мировой порядок, гибридные войны, оранжевые революции, коронавирус, социальное дистанцирование, сценарий мирового развития, схема управления Россией, глобалисты, государственники, Фининтерн.

В 2011 году в Военном университете была издана вторая часть коллективной монографии «Внутренний вооруженный конфликт на Северном Кавказе: причины и пути разрешения» [1], в которой автор данной статьи на основании работ известного экономиста М. Хазина, политолога А. Неклессы, философа-футуролога С. Переслегина, материалов М. Муравьева (писавшего в тот момент на форуме «Глобальная авантюра» под псевдонимом «Авантюрист»), очертил наиболее вероятный в течение ближайших двух-трех десятилетий прогноз-сценарий мирового развития. Основное содержание данного сценария описывалось как стремление стран-лидеров глобализации, относящихся преимущественно к западному миру, сохранить свои лидирующие позиции в хаотизирующемся мире. По прошествии десяти лет, этот прогноз практически полностью подтвердился. Но, в связи с ростом экономических возможностей, силы и влияния частных корпораций, данный сценарий должен быть скорректирован. Ранее сделанный прогноз сегодня можно сформулировать следующим образом: основным драйвером происходящих изменений является желание и действия ряда глобальных финансово-инвестиционных и промышленных корпораций-выгодополучателей нынешнего миропорядка (что важно, большинство из которых имеют привязку к государствам

западной цивилизации) сохранить свое привилегированное положение в мире при нарастающем кризисе либерально-монетаристской модели организации экономики. В этом процессе они пользуются возможностями «родительских» государств, которые действуют как относительно «мирными» способами (экономическими, политическими, информационными и т.п.), так и «силовым» путем (открытые военные агрессии и/или специальные операции).

Пока глобальные корпорации не имеют соизмеримых с ведущими государствами силовых ресурсов, поэтому вынуждены сотрудничать с государственным аппаратом и искать у него силовой поддержки по защите и продвижению своих интересов.

Но ситуация быстро меняется: все больше своих функций государства отдают на аутсорсинг частным компаниям (в том числе и в «силовой» сфере: ЧВК, выполнение частными структурами аналитических, разведывательных, обеспечивающих и т.п. подрядов для силовых ведомств, частные тюрьмы и пр.). Иными словами, в области обеспечения обороны и безопасности общий вектор изменений направлен от монопольного положения государства в данной сфере через государственно-частное партнерство к частно-государственному сотрудничеству. В отдаленной перспективе, с отмиранием государства, человечество, может быть, придет к частной системе обеспечения безопасности.

В этом отношении политика нынешней американской администрации «Сделаем Америку снова великой!» выглядит некоей иронией судьбы ренессанса государства, когда бизнесмен Д. Трамп пытается через возврат промышленного производства на территорию США возродить политическую роль государства как выразителя общенационального интереса в ущерб бизнес-интересам глобальных корпораций, минимизирующих свои финансово-экономические издержки выносом предприятий с национальной территории в страны с невысокой стоимостью рабочей силы.

Совершенно очевидно, что нынешняя мировая экономическая модель, главным идеологом и локомотивом которой до последнего времени являлись США, столкнулась с глобальным системным кризисом, так как Соединенные Штаты в экономическом плане достаточно давно живут «не по средствам», во все возрастающих размерах используя «эмиссионный» (за счет функционирования доллара как мировой резервной валюты) и «колониальный» (за счет неэквивалентного обмена при использовании ресурсов глобальной периферии) доходы, замещающие во все больших размерах реальные доходы собственно национальной экономики. Причем оба этих источника дохода имеют тенденцию к сокращению за счет курса многих государств на диверсификацию своих «валютных корзин» в сторону дедолларизации, а также импортозамещения

американской высокотехнологичной продукции аналогами, производимых в других странах (прежде всего, в Китае).

Основным содержанием и причиной данного кризиса США и связанного с ними миропорядка является стремительное сокращение возможностей текущего колониального механизма и истощение национальных сбережений, на фоне плановой убыточности американской экономики.

В этих условиях западная элита стремится использовать объективно неизбежный мировой кризис для всеобъемлющего шокового оздоровления американской экономики и финансовой системы, перезапуска планетарной системы колониального налогообложения через воссоздание рычагов глобального управления-доминирования. Основным средством экономического переформатирования мира был и остается внезапный экспорт экономического шока из США вовне для коллапса финансовых систем и экономик основных геоэкономических и геополитических конкурентов США.

Сегодня этот вывод по-прежнему остается актуальным. Политическая элита США решает главную задачу – занятие страной и ее корпорациями ведущей позиции (в идеале – монопольной) в формирующемся новом 6-м технологическом укладе. Для этого внутри страны и за его пределами требуется демонтировать отжившие институты уходящего 5-го уклада, прежде всего избыточный банковский сектор, деривативы, перекредитованность и иные гипертрофированные проявления виртуальной экономики, довлеющие над реальной экономикой и здравым смыслом хозяйствования. Естественно, уйдут в прошлое и элитные группы, стоящие за этими устаревшими институтами, чего им по понятным причинам очень не хотелось бы.

В истории подобные проблемы нередко решались мировыми войнами. Однако сегодня, в глобализированном мире с его высокой связанностью и имеющимся оружием массового поражения, такой сценарий перестает быть приоритетным. Локальные конфликты большинства проблем переформатирования не решают, а мировая война несет неприемлемый риск всеобщего уничтожения и/или неприемлемого экологического ущерба. При этом от силового разрешения части второстепенных проблем (как вспомогательного способа) никто отказываться не собирается.

Силовая составляющая предполагаемого сценария формирования нового мирового порядка виделась и, как представляется, сегодня реализуется в форме ряда воздействий на уязвимые точки планеты, приводящих к функциональному параличу главных геополитических и экономических игроков – Европы, Китая, Японии, России, Индии и пр., постановку под контроль относительно слабых регионов – Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки, части Азии. Где-то эти планы

успешно реализованы (поражение «левых» правительств Латинской Америки, дестабилизация Ближнего Востока и Северной Африки, активизация исламистских террористических группировок в Африке и Юго-Восточной Азии и т.п.), где-то, получив противодействие национальных правительств и народов с поддержкой внешних акторов-антагонистов данного сценария, эти воздействия удалось купировать (Сирия, Афганистан, Ирак и т.п.).

В заключении вышеупомянутой монографии [1] указывалось, что по совокупности причин (оставшийся советский стратегический потенциал; относительная ресурсная самодостаточность; западноориентированная управляемая «элита» и ряду других обстоятельств), Россия в этом списке «объектов жесткого силового воздействия» не является приоритетной целью. Но архитекторам нового мирового порядка важно максимально ограничить возможности и желание России вмешиваться в формирование новой глобальной реальности через «создание трудностей и проблем» военно-политическому руководству нашей страны. Иными словами, на период переформатирования мира его организаторам важно максимально «выключить» из процесса наиболее влиятельных акторов, куда по критерию «силовые возможности» безусловно входит наша страна.

Способ организации таких проблем не нов и заключается в применении метода провоцирования внутренней нестабильности с помощью «пятой колонны», сопряженного с внешним давлением. Поддержанию внутренней нестабильности в нашей стране способствует политика массированных санкций (из-за «дела Магнитского», Крыма и Донбасса, «сбитого Боинга», «отравления Скрипалей», «Северного потока-2», «шпионских скандалов» и т.п.); атак на финансовую систему; провокаций в отношении России и дискредитации наших действий на международной арене; дестабилизации Украины, Средней Азии и, возможно, Закавказья, что может привести к многократному усилению потока наркотиков, оружия, беженцев, а вместе с ними – лиц и структур, замешанных в криминальной и террористической деятельности. Этой же цели служит развертывание американской военной инфраструктуры по периметру наших границ (в том числе и большого количества американских военных биологических лабораторий); подписание договоров по разоружению, выгодных США; ослабление российского ОПК через неэкономический захват традиционных рынков сбыта его продукции (Ирак, Ливия) и лишение финансовых источников его функционирования через систематические срывы финансирования гособоронзаказа и выведение ряда структур ОПК из списка стратегических предприятий с возможностью их приватизации (в том числе, зарубежными фирмами). В том же ряду – поддержание имеющихся и создание новых очагов нестабильности на территории нашей страны на основе как реально существующих противоречий (политического, идеологического,

межэтнического, экономического, и т.п. характера), так и искусственно сконструированных и «подогреваемых» из вне.

Понимание динамики и перспектив построения нового мирового порядка и роли нашей страны в нем невозможно без осознания сложившейся к настоящему времени общей схемы управления Россией. При ее анализе надо иметь ввиду, что под воздействием процесса глобализации началось формирование новой социальной структуры мира, основными элементами которой выступают глобальный правящий класс (прежде всего, правящие группировки стран «ядра» глобализации) с обслуживающими ее интересы национальными интернационализированными группами против подавляющего большинства государств и населения Земли.

Казалось бы, количественный перевес на стороне большинства, но концентрация богатства, информационных и силовых ресурсов на полюсе меньшинства делает исход противостояния вовсе не очевидным. Именно поэтому глобальный правящий класс делает все возможное, чтобы максимально раздробить любые формы противостоящих ему человеческих общностей (демонтировать/ существенно ослабить государства, нарушить межнациональный мир, дезинтегрировать религиозные общины, фрагментировать политические, идеологические, сексуальные идентичности, разбить духовные и морально-этические «скрепы», стереть историческую память, атомизировать социумы). И все это для того, чтобы оставить индивида один на один с бездушной, дистанционно-удаленной, всеобъемлющей системой тотального контроля, слежения и управления. До последнего времени главным тараном решения этой глобальной задачи являлась подавляющая мощь США. Однако, с приходом к власти «государственника» Д. Трампа, «глобалисты» начала борьбу и с ним, фактически разжигая гражданскую войну в США по апробированным в последние десятилетия лекалам «бархатных» революций.

К началу третьего тысячелетия сложились объективные (технологические) и субъективные возможности истинно глобального управления. Однако, противоречивый процесс согласования интересов большинства государств в глобальном администрировании и выработку устраивающих всех «правил игры», политические, экономические и силовые элиты стран «золотого миллиарда» подменяют навязыванием миру своих ценностей для достижения своих национальных и корпоративных интересов за счет остальных государств и народов. Отсутствие социалистической системы как противовеса капитализму привело к тому, что все больше обнажается, как писали в советские времена, «звериное лицо империализма», где нет ничего личного, только бизнес, прибыль и власть. А человеческие потери на этом пути, как говорил один из авторов российской приватизации, – ничего страшного, просто эти люди не вписались в рынок.

Нарастающий глобальный и системный экономический кризис настоятельно требует коренной перестройки мировой системы хозяйствования в сторону резкого понижения потребления развитых стран, решительного сокращения «виртуальной» экономики в пользу реального сектора. Творцы нового мирового порядка с обеих сторон (как «глобалисты», так и «государственники»), как представляется, не собираются отказываться от капитализма как такового, так как «красный социалистический проект» они категорически не приемлют. Но в рамках единой для обеих этих групп капиталистической парадигмы мирового будущего, борьба идет между двумя основными проектами: одноэтапной монополярной глобализацией и двухэтапной многополярной глобализацией.

Конечная политико-экономическая цель у обоих проектов одна: в рамках сохраняемой капиталистической парадигмы сосредоточить в своих руках управление миром. Отличаются только бенефициары, т.е. те корпорации и структуры, которые будут аккумулировать и распоряжаться мировым доходом. Исторический опыт говорит нам о том, что структуры, претендующие на глобальное управление, во-первых, «идеологически всеядны», т.е. жестко не связаны с конкретными политическими учениями и формами организации государства (они могут быть и консервативно-монархистскими, и либерально-демократическими, и фашистскими, и социалистическими, и т.д.), а, во-вторых, «трансгуманистичны», т.е. не обременены излишним человеколюбием (мировые войны являются одной из апробированных форм переустройства мира, сокращения населения, перезапуска экономики). Да и в «мирное» время эти люди «не отказывают себе в удовольствии» сократить население через «шоковую терапию» экономических реформ, сокращение социальной сферы, повышение пенсионного возраста, разжигание локальных вооруженных, социальных и межнациональных конфликтов, распространение искусственно сконструированных болезней или применением «непроверенных» вакцин с сильными побочными эффектами, навязывание идеологии «чайлдфри» и массу других подобных способов. Причем, все это под благообразные рассуждения о перегруженности экосферы Земли.

С развитием техники и технологий, процессами компьютеризации, автоматизации, роботизации и т.п. во всем мире накапливается избыточный производственный потенциал, требующий сокращения. Эти же процессы ведут к высвобождению большого количества человеческих ресурсов, которые с точки зрения главного принципа капитализма («максимализация прибыли – минимизация издержек»), становятся также избыточными, ресурсозатратными и требуют «утилизации». Таким образом, «сильным мира сего», сохраняя контроль над процессами, не доводя дела до «горячей» войны, необходимо перезапустить мировую

экономику на более низком уровне, сократить производственные мощности, резко снизить потребление всех слоев населения, решительно сократив последнее до желанного «золотого миллиарда»¹.

Некоторое время назад частью экспертного сообщества был сделан вывод, что глобальную деструкцию экономики и переформатирования мира теперь удобнее решать не войной, а глобальной катастрофой.

Логика «кризис-менеджеров» глобальной экономической системы предельно проста и понятна: эта система как некая огромная фирма или корпорация очевидно находится в кризисе, поэтому будем применять стандартные для капиталистической экономики способы вывода системы из кризиса через увеличение прибыли и/или минимизацию издержек. Эффективным способом увеличения прибыли является монополизация рынка, поэтому общим местом является тезис, что любой кризис ведет к монополизации, когда более сильные игроки «съедают» слабых. О минимизации затрат мы писали выше.

В отношении нашей страны глобальный правящий класс заинтересован в «ослабленном» российском государстве максимум регионального уровня; не претендующем на особую роль в мировых делах; стабильном поставщике сырьевых ресурсов; «занятым» собой и своими внутренними проблемами и конфликтами, но сохраняющим контроль за редукцией остатков советской военной мощи и сокращением собственного населения до «экономически целесообразного уровня», достаточного для обслуживания примитивной сырьевой экономики².

Российский правящий класс федерального уровня в большинстве своем представляет собой безответственную перед собственным народом «авторитарную клептократию» [2], ограниченную в проведении

¹ В этом месте внимательный читатель может разочарованно воскликнуть: «а-а, понятно, очередной поклонник конспирологических теорий», вкладывая сюда негативную коннотацию. Уважаемые коллеги, если у нас есть зверь, мяукающий как кошка, пьющий молоко как кошка, ловящий мышей, по внешнему виду похожий на кошку, то с большой долей вероятности можно предположить, что наблюдаемый нами зверь и есть та самая кошка. Или, кому-то может не нравиться теория относительности, но, если она объясняет целый класс процессов, то заинтересованные лица ей просто пользуются. В нашем случае, если т.н. «конспирологическая» теория позволяет на достаточно длительном историческом отрезке правильно моделировать основную линию развития событий, то мы, не обращая внимания на ярлыки, просто опираемся на данную теорию при реализации своей практической политики.

² Хотя, надо заметить, и глобальной элита не представляет собой единого целого. Совершенно очевидно нарастание противоречий между различными финансовыми группировками и стоящими за ними политическими и силовыми акторами внутри мирового правящего класса (например, кланами Рокфеллеров, Барухов, Коэнов, Ротшильдов и др.), американской и европейской политико-экономическими элитами за развал/сохранение еврозоны и т.п. Эти обстоятельства создают для нашей страны, с одной стороны, возможность определенного маневра, но, с другой – требуют определиться – чей вариант нового мирового порядка (монополярный или многополярный) внутри западного проекта поддержит Россия. И еще одно важное следствие: «линия разлома» еще остается, но все больше смещается от противоборства государств к бескомпромиссной борьбе между интернациональными по своему составу группировками внутри государств, выступающими агентами или «глобалистов/фининтерна/демократов», или «государственников/ республиканцев». Фактически по всему миру разворачивается глобальная гражданская война.

суверенной политики, имеющимся практически на каждого из ее представителей компроматом об участии в криминальной деятельности и/или наличием зарубежной собственности, стоимость которой невозможно объяснить официально декларируемыми доходами. Правящий класс России за возможность вхождения в мировую элиту/сохранение своих активов на Западе готов выполнять все рекомендации глобальных управленцев по снижению геополитической субъектности России; ее деградации, деиндустриализации, десоциализации до «феодалного» уровня (как в экономическом, так и в политическом плане). Российский политолог А. Чадаев недавно дал яркий образ нынешней российской власти как военизированной охраны (ВОХР) – структуре, которой волею судьбы «под охрану» досталась «лавка древностей» от СССР с ядерным оружием, космосом, обороной, инфраструктурой и добывающими предприятиями. И вся деятельность власти подчинена одной задаче – разворовыванию охраняемого и охране старья от разворовывания другими, как внутри страны, так и во вне. При этом о развитии страны и умножении достижений речи вообще не идет¹.

Основная цель большинства российских «элитариев» – это быстрейшая конвертация власти в денежные знаки/собственность и, по возможности, – собственная легитимация с этими средствами на Западе. Исходя из этого целеполагания, поле принятия решений основной части российского истеблишмента ограничено двумя пределами: «не поссориться с Западом» (местом нахождения своих активов) и «сохранить Россию» как источник получения доходов и статуса. Последнее в условиях разворачивающегося мирового кризиса и обостряющейся борьбы за ресурсы становится все более проблематичным. Патриотическая риторика российского правящего класса направлена внутрь страны на ее население, сами же «элитарии» вполне себе космополитичны. Нежелание ограничивать себя в иностранном гражданстве, собственности за границей и т.п. ярко проявилась в эрозии поправок в Конституцию Российской Федерации на данную тему. Заявленный изначально радикальный запрет на иностранное гражданство и собственность за рубежом для чиновников и депутатов плавно превратился в благое пожелание, не подкрепленное никакими санкциями за неисполнение. Следовательно, актуальная и давно «перезревшая» тема необходимости «национализации элиты» [3] еще долго останется уделом теоретических построений ученых-обществоведов.

В политологической литературе государство и его структуры (в том числе и силовые), обычно, рассматриваются как единое целое, консолидировано действующее против вызовов, опасностей и угроз для страны в целях реализации коренных национальных интересов. Но в условиях функционирования «плоского» мира (после развала

¹ См. подробнее: <https://www.facebook.com/alexey.chadayev/posts/3808023369226784>.

мирового социалистического лагеря, закрепления в качестве образца капиталистических отношений и либерально-демократического устройства) и глобализации (когда формируются общемировые «правила игры», укрепляются связи и взаимозависимость между государствами) все более проявляется тенденция «ограничения суверенитета» слабых и неэффективно функционирующих государств (каким, к сожалению, в настоящее время является Россия). В такого рода странах имеет место «расщепление» политических субъектов, стремящихся, как правило, к достижению корыстных личных и групповых интересов, связанных с достижением *больших* властных, статусных и материальных преимуществ. Для достижения указанных целей, члены группировок правящего класса используют разнообразные политические, экономические, информационные, силовые и т.п. ресурсы, как официальные, так и криминальные, для подавления оппонентов. В этом противоборстве не на жизнь, а на смерть нет места этическим принципам и морали. Отсюда возникают самые причудливые конфигурации временных союзов, коалиций и блоков, где «либералы» взаимодействуют с «силовиками», специальные службы используют террористов для достижения своих целей, правоохранные органы «крышуют» организованную преступность и т.п. Зачастую, представители тех или иных групп в борьбе за власть и ресурсы *внутри* страны обращаются за помощью к различным *внешним* экономическим, политическим, финансовым, специальным структурам как государственным, так и частным.

Как представляется автору, основные тенденции и «контрольные точки» сценария мирового развития были предсказаны верно. И сегодня он не потерял своего объяснительного и прогностического характера.

Конечно, «все течет, все изменяется», и данный сценарий необходимо корректировать, исходя из проявившихся трендов мирового развития, действий глобального правящего класса и на его основе выстроить адекватную нынешним и перспективным угрозам политику нашего государства.

К основным *глобальным политическим трендам* второго десятилетия XXI века можно отнести:

1. Неопределенность, турбулентность и кризисный характер современного мирового развития.
2. Ускорение темпов общественного (исторического) развития.
3. Продолжающуюся глобализацию, которая с из «лобовой» формы попытки построения единого мира под эгидой США приобретает форму «многополярного мира» (глокализация), где те же США желают остаться «первыми среди равных».
4. Секьюризацию жизни социумов как реализацию технологий управления обществами через страх, которая уже сейчас отчетливо

проявляется в согласии граждан пойти на ограничение своей свободы во имя обеспечения собственной безопасности.

5. Цифровизацию / информатизацию всех сфер жизни и виртуализацию общественно-политических отношений¹.

Распространение новой коронавирусной инфекции и реакция на нее государств требует отдельного обстоятельного рассмотрения. В данной статье автор считал бы необходимым остановиться на ряде важных моментов, относящихся к роли так называемой «пандемии коронавируса» к становлению нового мирового порядка:

Во-первых, очевиден искусственный характер вируса. За основу взят циркулирующий в природе легко распространяющийся коронавирус летучих мышей не опасный для человека, который целенаправленно доработан по ряду параметров, вызывающий у некоторых категорий людей (прежде всего, пожилых, инсулинозависимых, онкобольных и др.) нехарактерные для других видов коронавирусов тяжелые поражения нижних отделов дыхательной системы человека. Эти работы велись в американских университетах интернациональной американо-французско-китайской исследовательской группой, которая в 2015 году в уважаемом научном издании «Nature» отчиталась о своем научном «успехе» создания т.н. «химеры». В США, после жесткой критики, открытое финансирование программы было заморожено. Китайская представительница этой исследовательской группы Ши Чжэнли вернулась в Китай и продолжила работу в ставшей позже широко известной биолaborатории в г. Ухане. По сведениям некоторых авторов, в этой лаборатории начатые работы были продолжены, в т.ч. и по заказам Пентагона. Нельзя исключать, что аналогичные исследования продолжались в военных биолaborаториях на территории США (Форт-Детрик).

Во-вторых, по появившимся в последнее время данным, случаи заболеваний коронавирусной инфекцией нового типа были отмечены и лабораторно подтверждены в разных районах мира раньше вспышки в китайском Ухане, рынок морепродуктов которого считался первоисточником болезни.

В-третьих, последние два десятилетия стали очень «плодотворными» для появления новых типов вирусов (птичий грипп H5N1, атипичная пневмония SARS, свиной грипп H1N1, комариный вирус ZIKA, новый птичий грипп H7N9, коронавирус ближневосточного респираторного синдрома MERS, и, наконец, SARS-CoV-2, он же COVID-19). Конечно, многое можно списать на защитную реакцию природы на мощное

¹ Однако, здесь надо заметить, что развитие информационных технологий без контроля общества, о чем, в частности, свидетельствуют действия московских властей в период распространения коронавирусной инфекции, может привести к «информационному концлагерю», когда под предлогом обеспечения безопасности граждан государственные и частные структуры собирают и накапливают самую разнообразную (в том числе частную) информацию о нем, фактически формируя электронное досье на каждого гражданина, делая его «информационно прозрачным» и уязвимым для воздействия.

антропогенное воздействие, но мы считаем, что в данном случае природе «помогли» многочисленные известные и не очень известные исследовательские группы, базирующие как в университетских, так и в военных биологических лабораториях по всему миру. Поэтому, наличие военных биологических лабораторий США вблизи границ Российской Федерации является не внутренним делом данного государства, требующим всего лишь «разумной прозрачности и согласованной верификации» со стороны международного сообщества [4], а должно расцениваться нашей страной как непосредственная угроза национальной безопасности и, следовательно, должны быть предприняты исчерпывающие меры для «выдавливания» этих лабораторий на национальную территорию США, после чего можно договариваться о контроле проводимых в них работ.

В-третьих, еще древние провозгласили: «Ищи кому выгодно». В нашем случае очевидно, что «пандемия» коронавируса, антиглобалистская по сути, развернута в интересах так называемых «государственников» против прежней модели глобализации «фининтерна». Таким образом, «интересантов» пандемии следует искать скорее среди владельцев глобальных инвестиционных корпораций, и связанных с ними политических лидеров, ориентированных на концепцию многополярного мира.

В-четвертых, «пандемия» коронавируса остановила экономику подавляющего большинства стран (особенно, виртуальной ее части), обособила государства, нанесла серьезный ущерб бизнесу (преимущественно мелкому и среднему), резко снизила доходы населения. Уменьшилась связанность мира, усилился курс на экономическую самостоятельность стран и макрорегионов.

В-пятых, наибольшие потери от «пандемии», сопутствующей ей неразберихе и блокировке деятельности медицинских учреждений понесли пожилое население и люди помоложе с рядом хронических заболеваний.

В-шестых, были практически опробованы новые технологии социального контроля. Как нам представляется, уже осенью, независимо от самой болезни, столкнутся две точки зрения: противников карантина («экономика не выдержит второй остановки») и его адептов и выгодополучателей, которым под предлогом «второй волны» эпидемии необходимо повторно протестировать подправленные от выявленных в первой волне болезни «багов» систем электронного контроля населения (системы распознавания лиц, «социального мониторинга», электронных пропусков и т.п.). Можно предположить, что нас все же ждет очередная относительно кратковременная «самоизоляция» в период или осеннего, либо зимнего сезонного подъема простудными заболеваниями (ОРЗ/ОРВИ).

В-седьмых, робко заявленные декларации о необходимости проведения расследования о происхождении вируса, «утонули» в информационном шуме и не перешли в практическую плоскость.

Исходя из нашего убеждения об искусственном происхождении новой коронавирусной инфекции, отказ от расследования всех обстоятельств возникновения и распространения болезни, не привлечение к ответственности разработчиков и ответственных за применение этого биологического оружия, информационной накачки «ужасной пандемии» ведет к их безнаказанности и возможности дальнейшего применения данной технологии социального инжиниринга.

Что касается собственно области военного противоборства, то здесь можно выделить следующие тенденции, характерные для становления нового миропорядка:

1. «Приватизация» военного насилия (появлением на этой сцене помимо государств негосударственных субъектов). Активное использование диверсионно-террористических действий, незаконных вооруженных формирований.

2. Комплексность и бескомпромиссность современного противоборства, которое приобретает глобальное (геоэкономическое, геополитическое, геокультурное, геоинформационное и геостратегическое) измерение. Использование коалиционных сил.

3. Появление новых сфер противоборства. Центр собственно военных действий с традиционных театров войны на суше и на море смещается в воздушно-космическую и информационную сферы, а в военной практике применяются и внедряются положения концепций «мгновенного глобального удара», «многосферного сражения», сетецентрической войны, глобально-интегрированных операций, бесконтактной войны. Сюда же можно отнести проблему американских военных биологических лабораторий по границам России и других геополитических конкурентов США.

4. Активное использование технологий «цветных революций» и «мягкой силы», гибридных способов организации боевых действий, тайного использования сил специальных операций, скоординированного применения военных и невоенных мер. Комплексное применение средств экономического, политического, дипломатического, информационного давления, а также демонстрации военной мощи в интересах усиления эффективности невоенных мер. Сюда же можно отнести активное применение технологий психологических операций.

5. Бурное развитие и применение беспилотных, миниатюризированных, роевых, роботизированных и высокоточных средств поражения с воздуха, моря и из космоса, с активным ведением кибер- и радиоэлектронной борьбы, информационного противоборства.

Таким образом, суммируя сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Страны-глобальные лидеры (прежде всего США и Китай) в условиях глубокого кризиса современной системы хозяйствования и мироустройства начали гонку за переход к новому технологическому

укладу и построение вслед за постиндустриальным трансиндустриального общества, характерными чертами которого являются производящая экономика вместо экономики потребления; безлюдные производства и господство искусственного интеллекта в промышленности; аддитивные технологии; замкнутые производственные циклы, эффективное природопользование вместо охраны природы; цифровая экономика, то есть тотальный контроль государственных структур за любыми транзакциями; новые форматы управления (семантическое, онтологическое и т.д.); постглобальное устройство мира [5].

2. В мире существует основной проект глобального переустройства, связанный с переформатированием, но сохранением рыночной экономики, который имеет два подпроекта, за которыми стоят разные группы мировой элиты (так называемые «государственники» и «глобалисты»), стремящиеся сохранить свои преференции в новой реальности. Проигравшие группы будут отстранены от финансовых потоков и «выкинуты на свалку истории», что определяет бескомпромиссность схватки Противоборство этих двух лагерей постепенно смещается от межгосударственного к интернационализированному межгрупповому. И в этой связи можно говорить о начале глобальной гражданской войны. Важным следствием развертывания гражданской войны будет повсеместное сворачивание конституционных прав и гарантий населения, ибо какие могут быть гарантии, когда вокруг хаос и война всех против всех.

3. Основным способом переформатирования мира глобальной элитой избрана технология управляемого хаоса / управляемой катастрофы, призванная переформатировать экономику, сократить ее виртуальную часть, снизить уровень издержек, в т.ч. уменьшить социальную нагрузку, поставить общество под цифровой контроль. При этом, не приводя к мировой «горячей» войне, активно задействуются силовые и гибридные возможности государств.

4. Отличительными чертами «дивного нового мира» станут **тоталитарность** (цифровое рабство), **глобальность** (тот самый «плоский мир» капитализма) и **распределенность** (в форме полицентричной глобализации / глокализации).

5. Как представляется, действующий президент США Д. Трамп, являясь «фронтменом», так называемым «государственников», «пошел в бой» и готов провести США к полицентрической модели мира с лидерством США в технологиях 6-го уклада через процедуру банкротства государства предыдущего уклада с минимальными издержками, национализировав основные значимые для выживания страны производства. К мировому лидерству в полицентрическом мире идет и Китай, подкрепляя свои амбиции поддержкой части мировой элиты, экономическим ростом, промышленными и технологическими успехами («мастерская мира» и технологии 5G), относительным единством общества, традициями и новациями в деле социального контроля. В гонке

за глобальное лидерство конкуренты, помимо собственной перестройки, стремятся затормозить продвижение соперников. И здесь у США имеется большее количество рычагов воздействия на Китай (впрочем, как на Западную Европу и Россию) через контроль большинства мировых экономических транзакций и информационной сферы, санкции и доллар как мировую резервную валюту.

6. Россия к данному стратегическому противоборству не готова ни концептуально (нет своего привлекательного для мира проекта будущего), ни материально. Она является периферией нынешней капиталистической «мир-системы» и объектом приложения сил глобальных акторов, теряет темпы развития и коренное население. Правящий класс России реализует стратегии «охранительства» и «сидения на берегу в ожидании трупа врага». В рамках этой концепции из «двух зол» (подпроектов глобального развития) он выбрал наименьшее и логично примкнул к так называемым «государственникам» – полицентристам в США и Китае, ожидая от них «ярлыка на княжение» в случае их победы, что, по-нашему мнению, является наивностью. В эпоху всеобщей смуты его активности хватает лишь на отдельные тактические успехи (возвращение Крыма, военная кампания в Сирии) в то время, когда серьезные игроки решают главные вопросы будущего мироустройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внутренний вооруженный конфликт на Северном Кавказе: причины и пути разрешения: монография: в 2 ч. Часть II. Конфликт на Кавказе – восстановление мира. – М: ВУ, 2011. – 290 с.

2. Белковский С. Монетократия в опасности // Московский Комсомолец. – № 25524. – 14 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2010/12/13/551757-monetokratiya-v-opasnosti.html>. (дата обращения 25.07.2020).

3. Евстафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predpolozheniya-o-gryadushhem-mire/> (дата обращения 25.07.2020).

4. Медведев Д.А. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/> (дата обращения 25.07.2020).

5. Переслегин С.Б. Управление катастрофами как новая реальность грядущего передела мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://vpk.name/news/399177_pandemiya_blickrig_nachalsya.html (дата обращения 20.06.2020).

ПРАСОЛОВ В.И.

кандидат политических наук, доцент
доцент Департамента экономической безопасности и управления рисками
Финансового университета при Правительстве РФ

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Аннотация: В статье рассмотрены проблемные вопросы безопасности в условиях сложных миграционных процессов. Автор рассматривает социально-политические вызовы, приводящие к межнациональным или этническим конфликтам, которые дестабилизируют общественно-политическое положение государства и региона, ведут к усугублению общего кризиса в мире.

Ключевые слова: миграция, национальная безопасность, этнические конфликты, социальная напряженность, нелегальная миграция

В современном мире актуальной проблемой являются иммиграционные процессы, которые все чаще освещаются и в средствах массовой информации, рассматриваются в научной и публичной дискуссии. В науке под миграцией населения принято понимать процессы переселения людей из одного государства в другое или из одного региона в другой. Рамки данного исследования не позволяют широко рассмотреть исторические этапы данного явления. Само человечество возникло посредством миграции из Африки на все континенты кроме Антарктиды. В начале нашей эры массовый военно-миграционный процесс, известный как Великое переселение народов, привел к крушению Западной Римской империи. Великие географические открытия конца XV века обеспечили массовую миграцию европейцев в колонии.

Во второй половине прошлого века начался обратный процесс, миграции рабочей силы из бывших колоний в метрополии. Проблемы миграции стали особенно актуальны в последнее время в США и Европейском союзе. По официальным данным Организации Объединенных Наций на 2019 год общее количество мигрантов в мире составило 232 млн чел. Процентное соотношение мигрантов ко всему населению Земли составляет 3,2 % [1]. При этом тогда были выделены крупнейшие мировые миграционные коридоры, по которым происходит перемещение населения. В странах Запада соотношение миграции и безопасности стало появляться в 70-х годах прошлого столетия. Проблемы рынка труда в европейских странах, крах колониальной системы заставили политиков по-иному взглянуть на привлечение трудовых ресурсов за счет миграции из стран Африки и Азии. Политика открытых дверей

привлекла, выходцев стран третьего мира, которые постепенно образовали целые агломерации в европейских городах, при этом часть мигрантов заниматься низкооплачиваемыми работами не стремилась, их вполне удовлетворяли пособия по безработице. При этом необходимо заметить, что трудовые мигранты вносят большой вклад в экономическое развитие принявших их стран, а также государств, из которых они уехали. В 2018 году сумма переводов международных мигрантов превысила 688 млрд долл. США [2]. В 2000 году она была в 5,4 раза меньше (менее 127 млрд долл. США). Особенно быстро росли объемы денежных переводов в развивающиеся страны, увеличившиеся в 6,5 раза (с 76 млрд долл. США в 2000 году до 498 млрд в 2018 году), в том числе в наименее развитые страны – в 7,4 раза (с 6 до 46 млрд долл. США) [3]. Сегодня миграция приобрела, во-первых, большие масштабы, во-вторых, их последствия более заметны для стран приема.

По-новому стала складываться ситуация после краха социалистической системы и развала СССР, когда возникла реальная угроза неконтролируемого выезда трудовых мигрантов. Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал по этому поводу свое мнение, «наши национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически – большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII в. С неизбежно последовавшей за этим деградацией государственных, социальных и экономических институтов. С громадным разрывом в развитии на постсоветском пространстве» [4].

Произошедшие в последнее время изменения в миграции и поведении иностранной рабочей силы потребовали формирование новой концепции национальной безопасности, учитывающей все эти изменения. Включение постсоветских государств в мировые миграционные процессы имеют определенные негативные следствия для России и потребовали от отечественных ученых нового осмысления миграционных процессов и их влияния на экономическую безопасность. Вопросы теории и методологии миграции, нашли отражение в работах Т.М. Безбородовой, О.Д. Воробьевой, М.Б. Денисенко, М.С. Дрокина, Ж.А. Зайончковской, Т.И. Заславской, В.А. Ионцева, Е.С. Мальцевой, Д.Д. Москвина, В.И. Мукомеля, В.И. Переведенцева, Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, В.И. Старовойтова, М.Ф. Ткаченко, Ю.Ю. Шитовой. Отдельно необходимо выделить исследования раскрывающие незаконную миграцию и ее влияние на экономическую безопасность в работах Д.Р. Амирова, Н.В. Бондарчук, М.А. Бурда, В.В. Гаспаряна, А.М. Глушенкова, Н.В. Дементьева, О.Г. Карповича, Е.Д. Кинасовой, Е.А. Козлова, А.Ю. Краснов, В.А. Куликова, А.С. Лошаков, А.Г. Сиденко, Т.Л. Смирновой, Г.А. Резник, К.В. Щукина, А.Е. Юрицин. Среди зарубежных авторов в этом направлении можно выделить: М. Вайнер, А. Золберг, П. Коллиер, Д. Массей, Э. Равенштейн.

Несмотря на многочисленность научных работ, вопросы влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России не утрачивают своей актуальности и требуют дальнейшего изучения, при этом остаются низкоэффективными принимаемые государственными органами меры противодействие незаконной миграции.

По данным экспертов число международных мигрантов на 2019 год составило 214 млн чел., эксперты обоснованно полагают, что к 2050 году эти показатели как минимум удвоятся и составят 405 млн людей. Так что увеличившиеся во время этих событий миграционные потоки остались вне поля зрения составителей этого прогноза. Однако, какова ситуация для Российской Федерации? Ежегодно в Россию приезжают сотни тысяч иностранных граждан. Сегодня в России находится 12-15 млн мигрантов, что составляет 8-10 % от всего населения страны. Они застряли в России из-за эпидемии коронавируса и при этом остались без работы. Все это создает серьезную угрозу безопасности страны. Одни остаются здесь надолго, другие задерживаются всего на пару-тройку месяцев, третьи – навсегда. Статистические органы, Министерство Внутренних дел и Федеральная служба безопасности прилагают много усилий для отслеживания миграционных потоков и налаживания миграционного учета.

По данным федеральных статистиков, в 2018 году по Российской Федерации количество прибывших составило 4 911 566 чел., а число выбывших – 4 345 811 чел. [5]. Большая часть приходится на внутрирегиональную и межрегиональную миграцию, в том числе и трудовую. Однако, запомнив абсолютные показатели миграции, надо обратить внимание на нюансы. При этом важно помнить, что в миграционную статистику не попадают люди, прибывшие в Россию и выбывшие из нашей страны по туристическим путевкам и визам, а также гастарбайтеры, временно осуществляющие трудовую деятельность в России. Фактически статистика подсчитывает только тех иностранцев, кто оформляет вид на жительство или разрешение на временное проживание, короче говоря, тех, кто уже занялся юридическими вопросами иммиграции в Россию.

Больше всего в 2018 году в Россию прибыло граждан Таджикистана – 67 929, Казахстана – 72 141 и Узбекистана – 55 378. За последние годы отмечается значительное сокращение прибытия из Узбекистана. В 2014 году оно 131 725 чел. Если верить сводке основных показателей деятельности МВД по миграционной ситуации в России, в период с января по май 2020 года на миграционный учет было поставлено 4 546 978 иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако, как все мы знаем, на миграционный учет ставят всех иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию. В эту цифру входят и туристы, и командированные, и прибывшие на лечение. Мы же хотим узнать, сколько в России мигрантов. Посмотрим по количеству выданных патентов. За период январь – май 2020 года Россия выдала 585 018 патентов на работу. В 2019 году этот

показатель был намного выше – 841 929. Примерно то же количество было оформлено и в 2018 – 814 576 патентов. [5]

Из дальнего зарубежья в 2018 году больше всего прибыло граждан Китая – 7 544, Грузии – 6 345, КНДР – 6 038, Индии – 5 217, Германии – 3 247. Заметно, что показатель миграционного прироста в 2018 году заметно снизился. Например, в 2016 году он равнялся 261 948 чел., в 2017 – 211 878 чел. Главными причинами этого явления надо считать сокращение потока с Украины (13 776 чел. в 2018, против 178 274 чел. в 2016) и массовое возвращение украинцев из России (122 954 чел. в 2018, против 59 455 чел. в 2016 году) [5].

Наибольшие показатели по выбытию в государства ближнего зарубежья продемонстрировала Украина – 122 954 человека в 2018 году. Затем с большим отрывом идут Казахстан – 45 625 человек и Таджикистан – 36 901 человек. Среди стран дальнего зарубежья лидирующие позиции по выезду из Российской Федерации удерживали Китай (7 544), Северная Корея (6 038), Индия (5 217) и Германия (5 209) [5].

Исходя из сведений Росстата, международная миграция в России относительно стабильна за последние 5 лет [5]. Уровни прибытия и убытия из страны остаются на одном уровне см. диаграмму.

Если задаться вопросом что заставляет людей оставлять свой дом и искать лучшей жизни на чужбине, ответ может показаться банальным – люди хотят жить лучше. Принимая решение о переселении, нередко люди руководствуются надеждами на высокие заработки, либо стремятся к профессиональной самореализации, либо всего на всего стремятся достать средства для обеспечения семьи. Независимо от целей и задач люди попадают в новую для них социальную и культурную среду не всегда для них приемлемую. С другой стороны, россияне, признавая

пользу мигрантов для экономики, воспринимают их и относятся как к враждебной силе, влияющей на безопасность страны.

Не является секретом, что развал Советского Союза сделал развал экономик ряда новых стран (Узбекистан, Таджикистан, Молдавия и др.) что привело в конечном итоге к "хронической" безработице. Многие мигранты ищут в России возможности обеспечения собственной жизнедеятельности и обеспечения семьи необходимыми ресурсами. По оценкам экспертов стимулами миграции является более высокая заработная плата, социальные и экономические блага, возможность трудоустройства. Это привело к многократному росту трудовой миграции, основную часть которой составляют граждане бывших союзных республик, теперь стран СНГ. При этом объем и интенсивность миграции в Россию имеет не всегда однозначное определение как в государственных органах, непосредственно ответственных за реализацию миграционной политики, так и в обществе. При этом, по оценкам ряда экспертов, у руководства страны сложилось позитивное мнение влияния миграционных процессов на экономику страны.

По оценкам ряда политиков российской экономике не хватает 50-70 млн приезжих рабочих. Общеизвестно, что трудовая миграция позволяет решить вопросы недостатков трудовых ресурсов в ряде отраслей экономики. Целый ряд современных ученых сходятся во мнении в том, что миграция выгодна всем сторонам, как принимающей, так и стороне, отправляющей мигрантов. При этом нельзя не обращать внимание на противоположные мнения, ряд экспертов полагают, что массовая миграция из Средней Азии создает новые угрозы политической, экономической и национально-культурной безопасности Российской Федерации. Они справедливо считают, что сложившийся неконтролируемый поток нелегальных мигрантов на территорию России из ближнего зарубежья представляет собой угрозу национальной безопасности. При сохранении сложившихся тенденций эта угроза будет только увеличиваться. Крайним выход из сложившейся ситуации можно предложить полное закрытие российского рынка труда для трудовых мигрантов, включая полную отмену любых миграционных квот. Данная мера должна заставить работодателей развивать новые технологии, повышать культуру труда и заработную плату, создавать рабочие места для высококвалифицированных специалистов. В противном случае можно предполагать системную деградацию, приводящую через несколько десятилетий все геополитические начинания последних лет к полному краху, включая военную и экономическую интеграцию государств бывшего Советского Союза.

Принятие предлагаемых мер по ужесточению миграционного режима может негативно сказаться на бюджетах ряда стран СНГ и может привести к крупным экономическим, социальным и политическим

проблемам в этих странах. Наиболее тяжелая ситуация может сложиться для Киргизии и Таджикистана, которые в современных условиях без поступления средств от трудовых мигрантов из России существовать вообще не смогут.

Еще одна проблема, на которую обращают внимание ученые всего мира это так называемая проблема вторых поколений мигрантов. Например, во Франции сегодня число иммигрантов оказывает угрожающее влияние на внутривнутриполитическую обстановку. По официальным данным мигранты составляют 20 процентов от всего населения Франции. По оценкам независимых экспертов, к 2030 году во Франции будет 25 % населения мусульман. В общей сложности – 40 % иностранцев. При этом дети мигрантов первой волны требуют к себе особых отношений и расширения их прав и возможностей. Аналогичную ситуацию можно наблюдать сегодня в США, где идут массовые выступления афроамериканцев.

Ряд исследователей в России не исключают проблему второго поколения и у нас. К числу специалистов, открыто показывающих угрозу «второго поколения» относится Василий Иванов – эксперт Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований РИСИ, полагающий что особенностью молодых мигрантов является сугубо религиозная самоидентификация, когда национальная идентификация отходит на второй план, а объединяющим стимулом выступает «демонстративная россиефобия». Радикальность молодежи и их взглядов базируется на том, что нормы шариата ставятся выше российских законов и ценностей. В их понимании территория России – это будущая часть «Великого халифата». При этом мигрантская молодежь акцентируют внимание на том, что они – «местные», т. е. хотят пользоваться либеральностью российских законов и порядков, чтобы распространять свои идеи, строить «халифат» [7, с. 11].

В свою очередь отмечается обособленность этнических мигрантов, приезжающих в Россию, что в принципе носит и общемировой характер. Мировой опыт показывает, что миграция все реже происходит в форме интеграции, а наоборот все чаще ведет к обособлению. Сегодня в США 79 % китайцев живут в районах с преимущественно китайским населением; для выходцев из Латинской Америки эта цифра составляет 71 %; для афроамериканцев – 66 % [7, с. 23]. Аналогично, в пригородах Парижа формируются монокультурные резервации. Чем сильнее отличия приезжих от местных, тем больше те склонны обособляться – и тем более радикальные идеи рождаются в этих сообществах (что, кстати, происходило и пятьдесят, и сто лет назад).

Сегодня в России так же активно идет процесс создания этнорелигиозных обособлений в виде этнических анклавов по образцу Западной Европы. Эти поселения можно наблюдать в Москве, Казани, других городах. Например, в Татарстане в 23 населенных пунктах, ранее

заселенных татарами и русскими, которые длительное время проживали в мире, стали компактно оседать группы мигрантов из Таджикистана, которые обустроиваясь начали строить «свои» мечети», молельные дома, которые со временем превращаются в центры пропаганды радикального ислама [8]. Уже стали иметь место конфликты на национальной почве, коренные жители не всегда согласны с теми порядками и правилами, которые устанавливают приезжие.

Сегодня можно четко проследить алгоритм развития событий, приводящих к этническим и социальным конфликтам, который прослеживается в различных уголках мира. Погромы в США, Германии и Франции, бывшей Югославии показывают, как изменение в этническом составе, при котором численность коренного населения сокращается, а доля этнических мигрантов растет, может повлиять на дестабилизацию социального порядка.

При этом нередко можно видеть мнения ряда ученых, справедливо полагающих что отсутствие твердого, целенаправленного государственного контроля миграционного процесса приводит к формированию социальной напряженности и этнической конфликтности. Кроме того, нет никаких аргументов в пользу экономической пользы миграции, наоборот она замедляет технологический процесс, усиливает социальное неравенство. Результатами «дешевого» труда пользуются предприниматели, а расходы и социальные невзгоды возложена на общество. Если мы хотим помочь предпринимателям то проще снизить налоги или воспользоваться опытом ОАЭ, в которых на протяжении длительного времени местное население (граждане ОАЭ) составляют всего 15 % оставшиеся 85 % это мигранты, приехавшие со всего мира, при этом их дети, родившиеся в Эмиратах не получают гражданства, трудовые мигранты получают право на работу на ограниченное время, привести семью мигрант может только при доходе достаточном для обеспечения уровня проживания в стране, проживают они в закрытых городках и раствориться в никуда, как выходцы из стран СНГ в России, не могут. Поэтому для поддержания безопасности и устойчивости ситуации в стране сегодня нужна продуманная твердая, целенаправленная, комплексная (в частности, языковая, этнокультурная) политика в этнонациональных вопросах, направленная на национальную интеграцию и консолидацию.

Прежде чем приступить к выработке рекомендаций по минимизации рисков миграции стоит заметить, что миграционная безопасность в современных условиях должна рассматриваться как самостоятельный государственно-правовой институт. В составе этого института представлен комплекс механизмов и структур, обеспечивающих защиту основ легальной миграции, права и свободы любого человека, находящегося на территории страны, открытого и понятного миграционного порядка. Ключевым условием функционирования миграционной политики

безопасности является правовая система страны, основанная на международных нормах и стандартах. Таким образом, под государственной правовой политикой Российской Федерации в рамках нашего исследования понимается совокупность юридических норм, институтов и отношений, обеспечивающих условия развития человека, общества и государства в сфере миграции. Исходя из этого, мы можем говорить об организационно-правовых основах обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации, в которых отражены перспективы развития экономики страны, социально-политических процессов, влияющих на миграционные и демографические изменения, связанные с потребностями рынка труда в трудовых ресурсах.

Нет необходимости говорить о том, что организационные основы обеспечения миграционной безопасности тесно связаны с распределением властных полномочий в целях минимизации угроз национальной безопасности в социально-экономической, политической, криминалистической и иных сферах. Связь миграционных процессов с безопасностью – проблема многогранная, включающая два направления, необходимых для принятия управленческих решений: с одной стороны, безопасность общностей, территорий и государств, включенных в миграционные потоки, как принимающей так отправляющей стороны; с другой стороны, безопасность людей, формирующих эти потоки. Таким образом, ключевой задачей в области обеспечения национальной безопасности с позиций миграционной безопасности России является обеспечение на территории государства личной безопасности человека, его личных прав и свобод.

Вместе с тем наличие нерешенных проблем в сфере миграции влияет на результативность и эффективность миграционной политики и на перспективы социально-экономического развития государства российского. Особо необходимо обратить внимание на безопасность мигрантов, как с точки зрения среды их пребывания, так и ключевых позиций, и структурных характеристик (продолжительность миграционного пребывания, типология использования труда мигранта и т.д.), а также потенциальные угрозы безопасности мигрантов, создаваемых организаторами массовой миграции. Миграционные массовые потоки, как правило, в большей или меньшей степени нарушают правовую систему принимающего государства, сложившуюся к моменту прибытия миграционного потока.

В этой связи необходимо обратить внимание на несовершенство российского миграционного законодательства, которое, несмотря на постоянное развитие, не в полной мере соответствует ключевым потребностям социального, экономического и демографического развития нашей страны, интересам граждан и людей, прибывающих в целях миграции. Главным недостатком можно считать ориентацию миграционного законодательства на временную миграцию иностранных

работников, несмотря на то, что большая часть трудовых мигрантов приезжает на длительный период, и даже переезжает на постоянное место жительства.

Недостатки действующей системы управления миграционными процессами проявляются в значительном количестве незаконных мигрантов. Стоит отметить, согласно разным экспертным оценкам, 30-40 % всех трудящихся столицы Российской Федерации, нелегалы, а в некоторых отраслях преобладание их труда особо высоко. Сложности с разрешением данной ситуации состоят в том, что невозможно отследить перемещения людей внутри страны. Данной категории нелегалов помогают также и сотрудники государственного аппарата – в миграционной службе, полиции. Основной мотивацией для нарушения становится теневой рынок труда, коррупция и взяточничество. Из-за этих факторов люди страдают из-за сложных трудовых условий, неоднозначного отношения к ним в обществе и отсутствии нормальных условий жизни и невозможность получить квалифицированное медицинское обслуживание.

Отсутствие в настоящее время нормативных актов, регламентирующих привлечение на длительный период мигрантов, обладающих необходимыми для нашей страны профессиональными, образовательными, экономическими, социальными и культурными знаниями и навыками, желающих адаптироваться и интегрироваться в современные российские реалии.

Еще один проблемный вопрос, требующий правового регулирования, это бюрократические сложности в получении разрешений на временное проживание и видов на жительство.

В дальнейшем совершенствовании нуждается система привлечения трудовых мигрантов и определения потребности в иностранной рабочей силе, необходимо совершенствовать систему квотирования и обоснование заявок работодателей на потребность в иностранных работников. Кроме того, необходимо разработать специальные программы сезонной трудовой миграции.

Принимающая страна должна создать условия для быстрой адаптации и интеграции прибывающих на легальных условиях мигрантов в российский социум, обучению русскому языку, правовому воспитанию, информированию об исторических и культурных традициях и правилах поведения в российском обществе, такой комплексной программы, на наш взгляд, пока нет.

Важным разделом совершенствования деятельности по обеспечению миграции должна стать программа оказания помощи в решении жилищного вопроса, бытового обустройства и модернизации процедуры приема легальных мигрантов.

Для подготовки программ целесообразно привлекать научно-педагогических работников российских вузов и коллег из стран СНГ,

заинтересованные общественные организации, средства массовой информации, государственные и иные органы.

В качестве вывода необходимо сделать следующие замечания. Обеспечение экономической безопасности России в результате миграционных процессов должно строиться на создании программ стимулирования миграции на научно обоснованных критериях потребности в иностранной рабочей силе, определенной квалификации, уровне образования, знания языка, культуры и традиций принимающей страны. В данных программах необходимо предусмотреть возможность получения разрешения на временное проживание или вид на жительство для уникальных специалистов, выпускников российских вузов из числа иностранцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Число международных мигрантов превысило 232 миллиона // Официальный сайт. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.un.org/development/desa/ru/news/population/migrants.html>. (дата обращения: 28.07.2020).

2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019) International Migration 2019: Wall Chart (ST/ESA/SER/A/431).

3. Щербакова Е. Международная миграция по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly. Официальный сайт Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0835/barom01.php>. (дата обращения: 25.07.2020).

4. Путин В.В. Беречь единство // Российская газета. – 2012. – 23 января.

5. Статистика миграции по данным Росстат // Сайт Росстат в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/>. (дата обращения: 16.08.2020).

6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 13.08.2020).

7. Челноков А.С., Полторанин К.М. Этническая катастрофа. Россия без русских? – М.: Эксмо, 2014. – 250 с.

8. Щербакова Е.А. Миграция в России // Молодой ученый. – 2019. – № 1 (385). – С. 312-315.

ПРОХОРОВ Р.Е.

кандидат психологических наук
научный сотрудник Института востоковедения РАН

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
СО СТРАНАМИ ЮЖНОЙ АЗИИ**

Аннотация. В докладе анализируется военное сотрудничество Российской Федерации с рядом государств Южной Азии. Описываются тенденции и специфика в развитии двусторонних отношений на современном этапе. Особое внимание уделяется вопросу военно-технического сотрудничества России со странами региона.

Ключевые слова: Россия, Индия, Пакистан, сотрудничество, учения.

Характер двусторонних отношений между Россией и странами Южной Азии отличается в зависимости от состояния дипломатических и торгово-экономических связей. Вместе с тем партнерские отношения позволяют проводить регулярные консультации и переговоры различных форматов, в том числе по вопросам обороны, безопасности и военно-технического сотрудничества.

Из всех государств Южной Азии наиболее активно военное и военно-техническое сотрудничество у Российской Федерации развивается с республикой Индией. Исторические и социально-экономические причины вывели сотрудничество между двумя государствами в военной сфере на уровень стратегического партнерства. Этому способствовало заключение между странами договоров и соглашений по определенным условиям, практически не имеющим аналогов.

По состоянию на 2020 год между Россией и Индией действуют следующие юридические договоренности:

Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией и Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Индии о военном сотрудничестве от 28 января 1993 г.;

Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Индии о военном сотрудничестве от 22 октября 1996 г.;

Соглашение о создании Российско-Индийской Межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству от 3 октября 2000 г.;

Соглашение о взаимной охране прав интеллектуальной собственности в ходе военно-технического сотрудничества от 6 декабря 2005 г.;

«Дорожная карта» развития двустороннего военного сотрудничества между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Индии от 23 июня 2017 г.;

Соглашение между Правительством РФ и правительством Республики Индии о создании Российско-Индийской межправительственной комиссии по-военному и военно-техническому сотрудничеству от 13 декабря 2018 г. [1].

В целях укрепления и развития отношений в оборонной сфере регулярно проводятся официальные и рабочие визиты глав военных ведомств и делегаций различного уровня, совместные учения, осуществляются заходы кораблей в порты России и Индии, налажены связи по линии военного образования.

Особое место в сотрудничестве России и Индии занимает военно-технический компонент. Исходя из опубликованных в российской и иностранной прессе данных, Россия занимает первое место в сфере военно-технического сотрудничества Индии с зарубежными странами. Только в 2018 г. сумма подписанных контрактов составила 8 млрд долл. В России индийской стороной ежегодно закупаются запасные части и комплектующие изделия для лицензионного производства вооружения и военной техники; ведутся совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию новых систем вооружения.

При этом военно-техническое сотрудничество Москвы и Нью-Дели, как считают некоторые эксперты, способно внести определенное напряжение в стремительно развивающиеся российско-китайские отношения. Дело в том, что очередное столкновение на индийско-китайской границе (в районе Ладакха) в июне 2020 г. вынуждает Индию активизировать закупки у России новых видов вооружения, прежде всего самолетов [2]. Тонкость моменту придает тот факт, что поставки российской стороной и Индии, и Китаю некоторых видов вооружения практически сходны. Поэтому в сложившейся ситуации сближения России и Китая можно предвидеть негативную реакцию и возможные пожелания Пекина в плане отказа от поставок Москвой вооружения индийской стороне, особенно в случае дальнейшего обострения приграничного конфликта. Данное обстоятельство позволяет проводить некоторую аналогию с еще одним государством Южной Азии, с которым последние несколько лет Россия активно развивает военные связи, а именно Пакистаном.

Отношения России и Пакистана складываются в позитивном ключе, о чем свидетельствуют многочисленные официальные встречи глав правительств, палат парламента, руководителей различных министерств и ведомств. В ходе встреч, главным образом, обсуждаются торгово-экономические вопросы. Вместе с тем сотрудничество в сфере обороны и безопасности между странами развивается сравнительно недавно и имеет свою специфику.

Активизация российско-пакистанских отношений в военной сфере хронологически относится к 2014 г. В апреле 2014 г. впервые в истории российско-пакистанских отношений большой противолодочный корабль «Адмирал Шапошников» посетил базу пакистанских военно-морских сил в Карачи, были проведены совместные учения на море по борьбе с пиратством, а позднее, октябре 2014 г. прошли аналогичные учения в Аравийском море с участием сторожевого корабля «Ярослав Мудрый» для отработки взаимодействия в борьбе с пиратством и наркотрафиком [3].

Тогда же, в ноябре 2014 г., визит в Пакистан Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу ознаменовал собой новый этап сотрудничества двух государств. Подписанное Соглашение о сотрудничестве в военной сфере обозначило сразу несколько направлений межгосударственного взаимодействия и ознаменовало отход от прежних стереотипов [4].

Деликатность взаимоотношений России и Пакистана в военной области, как и в случае с Китаем, объясняется стратегическим сотрудничеством России с Индией. В этой связи примечателен опыт проведения параллельных военных учений. Осенью 2016 г. были запланированы первые в истории отношений России и Пакистана военные учения «Дружба-2016». Всего в тренировке были задействованы более 200 военнослужащих подразделений спецназа армии Пакистана и подразделения специального назначения 34 мотострелковой бригады (горной) Южного военного округа России. Целью учений стал обмен опытом ведения боевых действий в горных условиях. Чтобы снизить возникшую в связи с учениями напряженность в российско-индийских отношениях, были выбраны районы, не имеющие отношения к территориальному спору Пакистана и Индии [5].

Кроме этого, получила свое воплощение практика одновременных учений. Так, в период с 16 по 21 сентября 2019 г., в Оренбургской области на полигоне Донгуз контингент сухопутных войск Индии принял участие в стратегическом командно-штабном учении «Центр-2019», проведенном Центральным военным округом Вооруженных Сил Российской Федерации [6]. Параллельно этому в Краснодарском крае на полигоне Молькино были проведены учения и с представителями Пакистана «Дружба-2019» [7].

В силу своего геополитического положения и известных исторических и политических обстоятельств Афганистан занимает особое место в международном военном сотрудничестве России с государствами Южной Азии. Несмотря на присутствие в Афганистане иностранных вооруженных сил Россия не только не прекратила военно-технические связи с этой страной, но и продолжает развивать их. Этому способствовало, как стремление Афганистана обеспечить обслуживание имеющейся военной техники советского и российского производства, так и стремление снизить зависимость от западных поставщиков оружия. Закупки

Афганистаном в России многоцелевых вертолетов МИ-17 были обоснованы и просто практической выгодой, а именно, проверенной надежностью эксплуатации данной техники в горных условиях [8].

Существенный потенциал содержит и развитие военного сотрудничества России с Непалом и Мальдивской республикой. Оба государства проявляют заинтересованность в расширении военно-технических связей с Российской Федерацией. Власти высокогорного Непала, так же, как и Афганистана, заинтересованы в закупках вертолетов [9]. Это нашло свое подтверждение в намерении непальской стороны заключить в 2019 г. двустороннее соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Аналогичные планы в 2019 г. заявляла и Мальдивская республика [10]. Активизация военно-технического сотрудничества с данными странами региона потенциально может способствовать развитию такого важного направления международного военного сотрудничества как подготовка в России профессиональных военных кадров.

В настоящее время сотрудничество России и стран Южной Азии в военной сфере осуществляется на двустороннем уровне. Россия выстраивает тесное военное и военно-техническое взаимодействие со странами, прежде всего имеющими с ней давние дипломатические отношения. Вместе с тем Москва демонстрирует выстраивание военных связей с государствами региона в двустороннем формате, не вмешиваясь в существующие разногласия этих стран друг с другом. Более того, стараясь избежать периодически возникающей негативной реакции одной страны на какой-либо шаг по отношению к другой стране региона, Россия стремится оперативно нивелировать обеспокоенность дипломатическими средствами. Благоприятно влияет и привлечение средств «мягкой» силы, например, одновременное участие Индии и Пакистана в международных армейских военных играх, соревнованиях «Танковый биатлон».

Военно-технические связи России и отдельных стран региона способствуют взаимному экономическому и технологическому развитию. Такие государства, как Пакистан или Непал, развивая военно-технические связи с Российской Федерацией, получают возможность маневра в отношениях с их традиционными партнерами в военной сфере.

Международное военное сотрудничество России со странами Южной Азии оправдано, в том числе, экономически, поскольку в настоящее время все страны региона дружественно настроены к России и рассматривают различные варианты длительного сотрудничества с Москвой. Перспективным для всех сторон также представляется и дальнейшее развитие военного взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Посольства РФ в Индии. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://india.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/military-and-military-technical-cooperation/>. (дата обращения: 28.07.2020).
2. Карнозов В. Нью-Дели покупает «МиГи» и «Су» для противостояния Пекину // Независимое военное обозрение. – №24 (1100).
3. Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.) / Под. ред. В.Я. Белокреницкого. – М.: ИВ РАН., 2019. – С. 348.
4. Мелехина Н.В. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений / Труды Института востоковедения РАН. Вып.8: Пакистан: история и современные проблемы. – М.: 2018. – С.22.
5. Строкань С. Российское оружие уведут в Гималаи. Учения «Дружба-2016» грозят рассорить Москву и Дели // Коммерсант. – № 173. 20.09.2016.
6. Официальный сайт Посольства РФ в Индии. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://india.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/military-and-military-technical-cooperation/>. (дата обращения: 28.07.2020).
7. Аркадьев А. На Кубани стартовали учения спецназа РФ и Пакистана «Дружба-2019». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/20191021554-lmB7J.html>. (дата обращения: 28.07.2020).
8. Хегатуров А. Военно-техническое сотрудничество России: Индия, Пакистан, Афганистан. РСМД. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-indiya-pakistan-afghanistan/>. (дата обращения: 28.07.2020).
9. Нагайникова И. Главы МИД РФ и Непала дали старт военно-техническому сотрудничеству. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://360tv.ru/news/mir/glavy-mid-rf-i-nepala-dali-start-voenno-tehnicheskomu-sotrudnichestvu/>. (дата обращения: 28.07.2020).
10. Глава Минобороны Мальдив заявила о намерении продолжить военное сотрудничество с Россией. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6576743>. (дата обращения: 28.07.2020).

РЫБАКОВ А.В.

доктор технических наук, профессор
начальник научно-исследовательского центра
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»

ИВАНОВ Е.В.

кандидат технических наук
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(по проблемам ГО и ЧС) научно-исследовательского центра
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»

НЕСТЕРОВ В.А.

заместитель начальника (по учебной работе)
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»

**О ПОДХОДЕ К ФОРМИРОВАНИЮ РАЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНА
МЕРОПРИЯТИЙ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И
ТЕРРИТОРИЙ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ**

Аннотация. Статья посвящена описанию подхода к формированию рационального перечня и объемов мероприятий защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Решение указанной задачи осуществляется за счет приведения к максимуму значений комплексного показателя эффективности.

Ключевые слова: рациональный план, государственная политика, оптимизационная задача, мероприятия защиты.

Несмотря на принимаемые усилия ущерб от чрезвычайных ситуаций в мире все еще остается значительным и оценивается суммами в несколько триллионов долларов США [1].

Для России цифры также неутешительны, в абсолютных цифрах ущерб от чрезвычайных ситуаций (прямой ущерб) составил в 2017-2018 гг. свыше 10 млрд рублей.

В соответствии с положениями указов Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» от 20 декабря 2016 г. № 696 и «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» от 11 января 2018 г. № 12 определены основные направления и задачи государственной политики в данной области. Указаны также основные мероприятия,

реализуемые в рамках тех или иных направлений и задач государственной политики. Кроме того, данные указы определяют и основные показатели оценки эффективности, реализуемой политики [2, 3].

Данные нормативно-правовые акты [2, 3] потребовали создания в субъектах государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ, предусматривающих планирование и осуществление мероприятий, направленных на решение задач в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

Функции формирования таких программ в субъектах и муниципальных образованиях возложены на соответствующие законодательные органы и Глав субъектов, муниципалитетов. При этом особую сложность представляет распределение имеющихся ресурсов, прежде всего финансовых. Проект бюджета субъекта Российской Федерации и проекты бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов составляются в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, в соответствии с положениями настоящего Кодекса и принимаемыми с соблюдением его требований законами субъектов Российской Федерации.

Проект бюджета субъекта Российской Федерации и проекты территориальных государственных внебюджетных фондов составляются и утверждаются сроком на три года – очередной финансовый год и плановый период [4]. При планировании бюджета учитываются в том числе и размеры ассигнований на мероприятия, проводимые в рамках региональных программ, направленных на повышение состояния защищенности населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. К сожалению, в настоящее время сложилась практика формирования бюджетной политики, где все делается шаблонно, без учета особенностей конкретного субъекта, текущего и прогнозного состояния защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, что может привести к лишним жертвам и материальным потерям.

С целью разработки рационального перечня и объемов мероприятий, осуществляемых в рамках реализации государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, необходимо предложить механизм оценки, позволяющий проводить достоверную оценку эффективности реализуемых мероприятий. Всесторонне изучить особенности влияния выделяемых для проведения мероприятий ресурсов на основные показатели эффективности реализации государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. На основе проведенной оценки предложить адекватные математические модели, позволяющие осуществлять эффективное решение задач стратегического планирования в рамках

реализации государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. При этом проблема рационального использования средств, выделяемых для реализации соответствующих программ, может быть решена методами оптимизации.

В качестве комплексного критерия, позволяющего оценить эффективность реализуемых программ защиты населения и территорий субъекта от чрезвычайных ситуаций предлагается применять соответствующий комплексный показатель [5, 6], учитывающий эффективность реализации основных задач и направлений государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Идея решения задачи формирования рационального плана мероприятий в рассматриваемой области состоит в выявлении зависимостей между размерами бюджетных ассигнований на мероприятия защиты, за некий достаточно продолжительный период наблюдений, и значениями показателей, характеризующими эффективность реализуемой субъектом политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Всего, основываясь на анализе нормативно-правовой базы, документов стратегического планирования были выявлены 69 мероприятий защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и 43 частных показателя, характеризующих их эффективность.

В общем виде комплексный показатель может быть выражен (функционально) следующим образом:

$$I_{\Sigma} = f(g_i, \alpha_i, M_j, P_{M_l}), \quad (1)$$

где g_i – частные показатели, характеризующие эффективность реализации i -го направления (задачи) государственной политики в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций;

α_i – весовые коэффициенты, характеризующие степень влияния частного показателя i -го направления (задачи) на эффективность государственной политики в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций;

M_l – l -е мероприятие, проводимое в рамках реализации государственной политики в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций;

P_{M_l} – финансовые ресурсы, выделяемые для проведения l -го мероприятия в рамках реализации государственной политики в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций.

Путем обработки статистических данных планируется от величины частных показателей (g_i) перейти к финансовым ресурсам P_{M_l} за счет осуществленного посредством регрессионного анализа перехода:

$$g_i = a_l \cdot P_{M_l} + b_l, \quad (2)$$

где a – соответствующие коэффициенты, а b – свободные члены, определяемые посредством регрессионного анализа.

Тогда и непосредственно комплексный показатель может быть представлен в следующем виде:

$$I_{\Sigma} = \sum_{i=1}^7 \alpha_i \cdot \sum_{j=1}^J \beta_j (a_l \cdot P_{Ml} + b_l), \quad (3)$$

где j – количество направлений государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а l – число мероприятий (групп мероприятий) в рассматриваемой области.

Следует отметить, что при формировании программ субъекты, как правило, сталкиваются с проблемой недостаточности финансовых ресурсов, поэтому в качестве ограничения следует принять следующее:

$$\sum_{l=1}^n P_{Ml} \leq C_{max}, \quad (4)$$

где C_{max} – заданный максимально допустимый суммарный расход ресурсов на все мероприятия.

Кроме того, в целях получения корректного решения, отвечающего непосредственной специфике субъектов, необходимо вводить в систему ограничений наибольшие и наименьшие допустимые значения частных показателей эффективности:

$$g_i \in [\{g_i\}_{\text{доп min}}; \{g_i\}_{\text{доп max}}], \quad (5)$$

где $\{g_i\}_{\text{доп min}}$ – минимально и $\{g_i\}_{\text{доп max}}$ – максимально допустимые значения частных показателей.

Следует отметить, что целевая функция:

$$I_{\Sigma} = \sum_{i=1}^7 \alpha_i \cdot \sum_{j=1}^J \beta_j (a_l \cdot P_{Ml} + b_l) \rightarrow \max. \quad (6)$$

Является линейной, как и ограничения (4) и (5) из чего можно заключить, что в качестве метода нахождения максимума линейной функции при линейных ограничениях следует применять симплекс-метод [7].

Реализация предлагаемого подхода, за счет постановки и решения оптимизационной задачи позволит обосновать рациональные перечень и объемы мероприятий, выполняемых субъектом в рамках реализации государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Что, в отличие от существующих подходов, с учетом особенностей субъекта и ограничениях на выделяемые ресурсы, позволяет обосновать и рационально спланировать систему стратегического планирования субъектом в рассматриваемой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015-2030 годы – итоговый документ Третьей Всемирной конференция Организации Объединенных Наций по уменьшению опасности бедствий / Доступ веб-сайта ООН (website the United Nations). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 07.01.2020).

2. Указ Президента РФ от 20 декабря 2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года». Доступ из справочно-правовой системы «Консультант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209270/2d10664679e6b6a81eb05868e24b934d811f9509/ (дата обращения: 07.01.2020).

3. Указ Президента Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 12 «Основы государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года». Доступ из справочно-правовой системы «Консультант». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287639/ (дата обращения: 07.01.2020).

4. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/059495d1cd539e2f83ef4eb9f1f0d0c972844d91/ (дата обращения: 07.01.2020).

5. Рыбаков А.В., Иванов Е.В., Нестеров В.А. О подходе к оценке эффективности реализации задач государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на основе интегрального показателя // Вестник НЦ БЖД. – 2019. – № 4 (42). – С.114-121.

6. Рыбаков А.В., Иванов Е.В., Нестеров В.А., Глушаченков А.А. Постановка задачи обоснования рационального перечня мероприятий в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2020. – № 1 (44). – С.66-72.

7. Ишханян М.В. Эконометрика: Учебное пособие. – М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2017. – 65 с.

СЕРЕНКО И.Н.

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН

**РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СТРУКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЕВРАЗИИ**

Аннотация. В статье проводится анализ общей для России и Пакистана ориентированности внешнеполитического курса государств на укрепление двустороннего сотрудничества в современных условиях нарастания процессов евразийской интеграции, нацеленной на формирование общей структуры экономики и безопасности на обширном пространстве Большой Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, Пакистан, Россия, военно-техническое сотрудничество, евразийская интеграция.

Эволюция межгосударственных отношений России (правопреемницы СССР) и Пакистана за более 70-летний период их развития носила на протяжении всего данного исторического промежутка времени, как показывают многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, турбулентно волновой характер с периодическими подъемами и спадами в их двустороннем взаимодействии [1]. В современных условиях усиления процессов евразийской интеграции сотрудничество Российской Федерации (РФ) и Исламской Республики Пакистан (ИРП) постепенно начинает выходить на новый уровень взаимовыгодного партнерства как отражение включенности этих стран в формирование общей структуры экономики и безопасности на обширном пространстве Большой Евразии. Их продвижению на этом пути способствует скоординированная реализация сопряженных концепций российского интеграционного проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2015), открывающего перспективу создания Большого Евразийского партнерства (БЕП, 2015), и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП, 2013), флагманским проектом которого является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК, 2015) [2, с. 172-175].

Действительно, сближение внешнеполитических курсов Москвы, Пекина и Исламабада происходит на фоне выстраивания в рамках российско-китайского стратегического сотрудничества многополярной Евразийской структуры с постепенным инкорпорированием в нее геостратегически важного пакистанского партнера. Но, если в этой триаде Китаю удалось наладить двусторонние отношения приоритетного

стратегического партнерства, как с Россией, так и с Пакистаном, то межгосударственное взаимодействие последних представляет собой попытку наверстать упущенные в прошлом возможности по налаживанию двустороннего взаимовыгодного сотрудничества [3, с. 945-950]. Анализируя складывающуюся ситуацию, пакистанские эксперты полагают, что Россия «осознает важность географической локации Пакистана и стремится оказать Пакистану помощь в его плавной интеграции в многополярную Евразийскую структуру, выстраиваемую в рамках китайско-российского стратегического сотрудничества» [4, с. 211].

Стоит сказать, что успешная имплементация российской концепции по формированию БЕП была отмечена главой МИД РФ С.В. Лавровым при подведении итогов внешнеполитической деятельности РФ в 2019 году. Он, в частности, подчеркнул необходимость дальнейшего сохранения приоритетности данного направления в повестке дня российской дипломатии и в текущем 2020 году. При этом руководитель внешнего ведомства РФ выразил уверенность в том, что «за «Большой Евразией» будущее» [5].

В ее ареале Исламская Республика Пакистан, созданная на основе территориально-конфессионального признака по историческим меркам относительно недавно (1947 г.), занимает важное геостратегическое положение [6]. Страна омывается на юге водами Аравийского моря, на северо-западе граничит с Афганистаном, на юго-западе – с Ираном, на севере – с Китаем, а на востоке – с Индией. Близость Пакистана к странам Персидского залива, Западной и Центральной Азии, его непосредственное соседство с такими динамично развивающимися государствами, как Индия, Иран и Китай, позволяют ему в новом статусе полноправного члена ШОС (2017) трансформироваться в крупнейший транспортно-энергетический и торговый коридор Евразии. Кроме того, Пакистан располагает огромным потенциалом природных и человеческих ресурсов (население 220 млн человек). Эти объективные факторы вызывают вполне оправданный интерес России к данному мусульманскому государству, пользующемуся значительным авторитетом в исламском мире, в котором оно является единственной страной, обладающей ракетно-ядерным оружием, а ее армия занимает шестое место в мире по численности военнослужащих. Очевидно, что российский внешнеполитический «взгляд на Восток» в современных условиях усиления евразийской интеграции становится определяющим в стремлении Москвы по налаживанию долгосрочного многопланового российско-пакистанского сотрудничества, хотя, конечно, не за счет проверенного временем партнерства России с Индией, а в сбалансированном соотношении с ней [7, с. 17-22]. Кстати сказать, наблюдая этот сдвиг парадигмы в российско-пакистанских отношениях, индийская сторона полагает «маловероятным, что Москва предпримет какие-либо усилия для того, чтобы отойти от восприятия Индии в качестве своего основного партнера в Южноазиатском регионе, а также на глобальном уровне» [8].

Находясь на стыке Южной, Западной и Центральной Азии, Пакистан является одним из ведущих региональных игроков по стабилизации обстановки и достижению мира в Центральной Евразии, где, по оценке, российской стороны, «Москва и Исламабад придерживаются во многом схожих подходов в сфере поддержания стабильности и безопасности», включая совместную борьбу с терроризмом и наркоугрозой, взаимодействие по афганской проблематике и т.д. [9, с. 19]. Можно полагать, что многоплановое сотрудничество РФ с ИРП может способствовать практическому продвижению российской идеи более широкой континентальной регионализации Евразии через формирование на первоначальном этапе геополитического и геоэкономического единства в ее центральной части. Это позволяет условно рассматривать Россию в качестве Северного полюса Центральной Евразии, Пакистан – Южного, а Китай с Ираном соответственно – Восточного и Западного ее полюсов [10, с. 70]. Как представляется, широкое сотрудничество этих государств может способствовать не только росту их взаимосвязанности (транспортной, энергетической, телекоммуникационной, военно-технической, гуманитарной и др.), но и формированию в долгосрочной перспективе общей инфраструктурной системы экономики и безопасности Евразии для достижения устойчивого социально-экономического развития и мира на ее обширном пространстве.

Следует отметить, что в последнее время наблюдается заметная интенсификация российско-пакистанского политического диалога, а также налаживание многопланового торгово-экономического взаимодействия между двумя странами. Однако, по мнению посла РФ в Пакистане Д.В. Ганича, уровень двусторонних экономических связей все же пока не соответствует объективно имеющемуся у них потенциалу. Достаточно сказать, что объем товарооборота между РФ и ИРП до 2018 г. был довольно низким и не превышал 500 млн долл. в год. Его прирост в 2018 г. на 35,4 % (до 732,4 млн долл.) увеличился в основном за счет роста экспорта на 60,5 % (до 418,8 млн долл.) при увеличении импорта на 12 % (до 313,6 млн долл.) [11].

Активизировать двустороннее взаимодействие Москвы и Исламабада в торгово-экономической, научно-технической и других областях позволило заключенное между Россией и Пакистаном 2 декабря 2019 г. совместное соглашение об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств по операциям бывшего Советского Союза. Это открыло возможность для России запустить инвестиционный процесс в различные сферы пакистанской экономики. Пакистан, согласно данному документу, 26 февраля 2020 г. погасил свой долг в размере 93,5 млн долл., возникший в рамках экспортно-импортных операций между Советским Союзом и ИРП [12].

Отмечая важность устранения этого практически единственного барьера на пути развития взаимовыгодного двустороннего экономического сотрудничества, Чрезвычайный и Полномочный посол Пакистана в России

Шафкат Али Хан, прибывший в Москву на дипломатическую работу 22 марта 2020 г., подтвердил намерения руководства ИРП «гораздо больше инвестировать в один из главных приоритетов в нашей внешней политике – долгосрочные отношения с Россией», которые, по его мнению, в данный момент являются «самым прочным за всю историю их развития» [13]. Им была также выражена удовлетворенность пакистанской стороной существующим уровнем двустороннего военно-технического сотрудничества (ВТС). Глава пакистанской дипмиссии высказался за необходимость его дальнейшего наращивания, включая закупки и поставки российского вооружения, подчеркнув, что «это правильное направление. Политическая поддержка со стороны высшего руководства присутствует. Уверены, что в этой области, как и в других, будет достигнут значительный прогресс» [14].

Российско-пакистанские отношения на современном этапе, действительно, постепенно начинают выходить на новый уровень взаимовыгодного межгосударственного взаимодействия. Свидетельством тому могут служить заключенные между РФ и ИРП двусторонние договоренности о многоплановом сотрудничестве. Они были достигнуты во время официального визита в Пакистан 8-12 декабря 2019 г. представительной российской делегации во главе с министром промышленности и торговли РФ Д.В. Мантуровым, которая приняла участие в 6-ом заседании Российско-Пакистанской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В ходе его работы в качестве ключевого направления «двустороннего всеобъемлющего стратегического партнерства» российские участники выделили энергетическое сотрудничество РФ и Пакистана (взаимодействие в сфере строительства нефтегазовой и гидроэлектроэнергетической инфраструктуры, геологоразведки, поставок углеводородов, подготовки пакистанских отраслевых специалистов в российских вузах и т.д.) [15].

В качестве флагманского проекта российско-пакистанского сотрудничества на данном заседании рассматривалось совместное строительство магистрального газопровода (МГП) «Север-Юг». Россия планирует инвестировать в него 2,5 млрд долл. Возведение этой газотранспортной инфраструктуры с применением передовых российских технологий позволит обеспечить прокачку около 12,4 млрд куб. м газа в год на расстояние 1100 км от южных пакистанских портовых городов Карачи и Гвадар, которые являются основным транспортно-энергетическим звеном КПЭК, до г. Лахор, расположенного на севере страны [16, с. 336]. Расчет на «скорейшее начало его практической реализации» был подтвержден российским министром энергетики А.В. Новаком во время его встречи с Послом ИРП в РФ Шафкатом Али Ханом, состоявшейся в Москве 6 июля 2020 г. [17].

В целом в ходе 6-ого заседания МПК российская сторона выразила намерение инвестировать до 10 млрд долл. в энергетику, информационные

технологии, железнодорожную и сталелитейную промышленность, включая 1 млрд долл. на восстановление и модернизацию пакистанского сталелитейного завода в городе Карачи [18]. Он был построен и введен в эксплуатацию в 1985 г. при содействии Советского Союза, что послужило созданию в Пакистане национальной металлургической отрасли. На полях 6-го заседания МПК было также уделено внимание вопросу участия российской стороны в прокладке морского газопровода Иран-Пакистан с возможным дальнейшим продлением его маршрута в Индию (ИПИ) при условии снижения продолжающегося вот уже более 70 лет индийско-пакистанского противостояния из-за кашмирской проблемы. Оно обострилось с новой силой в августе 2019 г. из-за отмены парламентом Индии закрепленного в ее Конституции особого автономного статуса штата Джамму и Кашмир (статьи 370 и 35 А) [19, с. 211-215]. Идея строительства газопровода ИПИ обсуждалась довольно продолжительное время (более 20 лет). Однако сохраняющиеся противоречия между задействованными в нем региональными странами и санкционные риски долгое время тормозили реализацию этого экономически выгодного для всех государств-участниц энергетического проекта. Что касается представителей РЖД, то они выразили намерение оказать содействие Пакистану в обновлении подвижного состава, расширении и модернизации стратегически важной для региональной взаимосвязанности железнодорожной ветки Кветта-Тафтан (523 км). Она является составной частью одной из главных железнодорожных магистралей страны ML-3 (Main Line – 3), способной обеспечить создание транспортно-экономического коридора, соединяющего Пакистан с соседним Ираном, Турцией и далее в Европу [20].

Стоит отметить, что в последние годы Россия и Пакистан заметно набирают темпы и в области военно-технического сотрудничества. Однако, по мнению российских экспертов, потенциал развития ВТС между двумя странами «остается весьма скромным, как в силу относительно невысокой емкости пакистанского рынка вооружений, так и в силу китайского доминирования на этом рынке» [21, с. 46-47]. Рамочное соглашение о двустороннем взаимодействии в военной сфере было подписано странами в ноябре 2014 г. в ходе официального визита в Исламабад Министра обороны России С.К. Шойгу. Говоря об экспорте российского вооружения в ИРП, следует упомянуть о пополнении армейской авиации Пакистана в 2017 г. четырьмя боевыми вертолетами Ми-35М. Исламабад также рассматривает возможность закупки и другой российской военной техники и вооружений, включая истребители Су-35, транспортные вертолеты Ми-26Т, стрелковое оружие и др. Как представляется, заключение контрактов на их поставку сдерживается не столько присутствием китайского фактора, сколько сохраняющейся приоритетностью партнерства Москвы в развитии ВТС с Индией, остающейся главным потребителем российского вооружения на мировом рынке и относящейся с открытой настороженностью к попыткам

Исламабада по налаживанию военно-технического сотрудничества с Россией. Вместе с тем сбалансированная политика РФ в Южной Азии, способствовала учреждению в феврале 2018 г. должности официального представителя АО «Рособоронэкспорт» в ИРП, что позволяет говорить об имеющихся перспективах развития российско-пакистанского ВТС. Возможность обучения пакистанских военных в российских военных вузах, согласно принятому в августе 2018 г. двустороннему соглашению, также будет способствовать укреплению российско-пакистанских связей между оборонными ведомствами РФ и ИРП.

Динамику двустороннего сотрудничества в военной сфере можно проследить по стартовавшим с 2014 г. совместным российско-пакистанским морскими учениям для отработки взаимодействия в борьбе с пиратством и наркотрафиком. Начиная с 2016 г., на территории России и Пакистана на регулярной основе стали проводиться совместные военные учения на суше под названием «Дружба» для отработки согласованных действий по предотвращению деятельности незаконных террористических формирований. На очередном 8-ом заседании межведомственной российско-пакистанской Рабочей группы по противодействию международному терроризму и другим новым вызовам международной безопасности, состоявшемся в Москве 12 ноября 2019 г., в центре внимания его участников были вопросы двустороннего взаимодействия по борьбе с региональным и глобальным терроризмом, предотвращения его финансирования и распространения радикальной идеологии [22]. В ходе визита в Пакистан 18-21 декабря 2019 г. Главкома ВМФ России адмирала Н.А. Евменова обсуждались перспективы двустороннего военно-морского сотрудничества с рассмотрением плана мероприятий на текущий 2020 г., включая вопросы взаимодействия в области подготовки военно-морских кадров, обмена межведомственными делегациями и т.д. Российский главком встретился с руководством пакистанского оборонного ведомства в штабе ВМС ИРП в Исламабаде, а также посетил военно-морскую академию и военно-морскую базу в Карачи [23].

Близость позиций Москвы и Исламабада по большинству основных вопросов глобальной и региональной повестки дня, включая создание общей структуры безопасности, способствует активизации двусторонних межгосударственных отношений с выходом и на формат многостороннего взаимодействия в различных международных и региональных организациях, включая ШОС и ЕАЭС. Здесь стоит упомянуть участие представителей Вооруженных Сил России и Пакистана в стратегическом командно-штабном учении «Центр-2019» (16-21 сентября 2019 г.) совместно с воинскими контингентами из Индии, Казахстана, Китая, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана для отработки взаимодействия межвидовых войсковых группировок этих стран по обеспечению безопасности в Центральной Азии. Этапы его практических действий проходили на территории трех государств ЕАЭС: России, Казахстана и Киргизии, что позволяет говорить о серьезности намерений сторон

в формировании общей евразийской структуры безопасности [24]. Возможность проведения подобных совместных учений, в частности масштабных антитеррористических учений «Мирная миссия-2020» в августе 2020 г. на полигоне «Юргинский» Кемеровской области, обсуждалась в ходе 9-го заседания Экспертной Рабочей группы по обороне и безопасности (ЭРГ) при Совещании министров обороны государств – членов ШОС. Оно состоялось 18-20 февраля 2020 г. в Исламабаде. На нем, помимо согласования плана мероприятий ЭРГ ШОС на 2020 г. под председательством РФ, стороны также обсудили проект дорожной карты по обмену оперативной информацией между оборонными ведомствами членов организации в области военной безопасности [25].

Заявленное участие военных специалистов из Пакистана с презентацией своей национальной экспозиции на шестом Международном военно-техническом форуме «Армия-2020», проводимом российской стороной в г. Москве 23-29 августа 2020 г., несомненно, будет способствовать не только дальнейшему укреплению двустороннего военно-технического сотрудничества России и Пакистана, но и их многостороннему взаимодействию с оборонными ведомствами более 130 иностранных государств, включая евразийские, которые приглашены Министерством обороны РФ для участия в данном масштабном мероприятии с одновременным проведением на его площадке Армейских международных игр [26].

Таким образом, интенсификация взаимодействия России и ИРП в области экономического и оборонного сотрудничества как на двустороннем, так и на многостороннем уровне в рамках таких устоявшихся организаций, как ШОС и ЕАЭС, может рассматриваться как часть общей тенденции регионализации интеграционных процессов на обширном евразийском пространстве. При этом реализуемые Россией и Пакистаном двусторонние многоплановые проекты, способствуя практической имплементации российской инициативы по формированию БЭП, в долгосрочной перспективе смогут постепенно трансформироваться в единую инфраструктурную систему экономики и безопасности Большой Евразии, способной обеспечить на ее взаимосвязанной территории мир и устойчивое развитие государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды Института востоковедения РАН. Вып.8: Пакистан: история и современные проблемы / отв. ред. С.Н. Каменев. – М.: ИВ РАН, 2018. – 408 с.
2. Серенко И.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор в интеграционных процессах Евразии // Вестник экономики, права и социологии. – Казань. – 2019. – № 3 (Т.2). – С. 172-175.
3. Серенко И.Н. Россия-Китай-Пакистан: внешнеполитический вектор региональной интеграции // Россия и Китай: история и перспективы

сотрудничества. Сборник материалов X международной научно-практической конференции. Благовещенск – Хэйхэ, 2-4 июня 2020 г. – Вып. 10. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – 1000 с.

4. Shabbir Ahmed. Emerging Dynamics of the Race for Regional Integration //CPEC: A Precursor to Regional Economic Growth and Stability. Edit. by Zafar Iqbal Cheema. China Studies and Information Center (CSIC), Strategic Vision Institute (SVI), Islamabad, 2019. – Pp.194-221.

5. Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, полученные к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году. Режим доступа [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:https://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3995958 (Дата обращения 23.06.2020).

6. Создание Пакистана и теория двух наций. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/2163415/ (Дата обращения 18.07.2020).

7. Галищева Н.В. «Взгляд на Восток»; экономическое сотрудничество России и Пакистана. – Азия и Африка сегодня. – М. – 2019. – № 2. – С.17-22.

8. Chandra Rekha. Emerging Trends in Russia-Pakistan Relations: Should India Be Concerned? Режим доступа URL: https://www.academia.edu/31555153/EMERGING_TRENDS_IN_RUSSIA_-_PAKISTAN_RELATIONS_SHOULD_INDIA_BE_CONCERNED (accessed 15.06.2020).

9. Мелехина Н.В. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений // Труды Института востоковедения РАН. Вып.8: Пакистан: история и современные проблемы / отв. ред. С.Н. Каменев. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 19-31.

10. Серенко И.Н. Перспективы российско-пакистанского экономического сотрудничества // Восточная аналитика. – М.: ИВ РАН. – 2020. – № 2. – С. 68-77.

11. Russia keen to promote dialogue with Pakistan: envoy. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tribune.com.pk/story/1992054/1-russia-keen-promote-dialogue-pakistan-envoy/> (Дата обращения 24.06.2020).

12. Россия и Пакистан подписали соглашение об урегулировании долга советского периода [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=36883rossiya_i_pakistan_podpisali_soglashenie_ob_uregulirovanii_dolga_sovetskogo_perioda. (Дата обращения 25.06.2020).

13. Pakistan wants to attract more Russian investment – ambassador [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.com/politics/1150439>. (Дата обращения 23.06.2020).

14. Пакистан нацелен наращивать военно-техническое сотрудничество с Россией [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://ria.ru/20200603/1572401183.html> (Дата обращения 17.07.2020).

15. Алексей Господарев принял участие в 6-ом заседании Российско-Пакистанской межправительственной комиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.ruscable.ru/news/2019/12/11/Aleksej_Gospodarev_prinyal_uchastie_v_6-om_zasedan/ (Дата обращения 03.05.2020).

16. Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.). – М. ИВ РАН, 2019. – 392 с.

17. Состоялась встреча Александра Новака с Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Пакистан Шафкатом Али-Ханом [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://minenergo.gov.ru/node/18242> (Дата обращения 18.07.2020).

18. Russia Pledges to Invest Billions in Pakistan [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russiabusinessstoday.com/economy/russia-pledges-to-invest-billions-in-pakistan/> (Дата обращения 22.06.2020).

19. Белокреницкий В.Я. Этнотерриториальная структура Пакистана. К проблеме понимания и управления сложными обществами. Часть I // Вестник Института востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН. – 2019. – № 3 (9). – С. 209-222.

20. Russia to help Pakistan modernize railways infrastructure. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tribune.com.pk/story/2115834/1-russia-help-modernise-railways-infrastructure/> (Дата обращения 28.06.2020).

21. Пакистан: за рамками стереотипов /под ред. Т.И. Борисова, К.В. Макиенко. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 208 с.

22. Пресс-релиз Посольства РФ в Пакистане. – № 760 от 17 декабря 2019 г.

23. Завершился рабочий визит Главнокомандующего ВМФ России в Пакистан [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12267915@egNews (Дата обращения 19.07.2020).

24. Войска возвращаются в пункты постоянной дислокации после стратегического учения «Центр-2019» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12253498@egNews (Дата обращения 19.07.2020).

25. Пакистан принял 9-ое заседание Экспертной рабочей группы при Совещании министров обороны государств – членов ШОС [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=23950> (Дата обращения 19.07.2020).

26. Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2020» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://mil.ru/army2020.htm> (Дата обращения 19.07.2020).

СИВКОВ К.В.

доктор военных наук
заместитель президента Российской академии ракетных и
артиллерийских наук по информационной политике

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

Аннотация. Стратегия «Троянский конь» представляет собой крупномасштабное вмешательство ССО агрессора и его союзников уже на ранних этапах развития гибридной войны, с созданием значительной по численности группировки ССО на территории страны-жертвы задолго до начала агрессии.

Ключевые слова: Троянский конь, силы специальных операций, гибридная война

Один из высших генералов американской армии объявил о разработке новой стратегии применения американских Вооруженных Сил (ВС). По заявлениям официальных лиц Пентагона на эти цели предполагается израсходовать несколько десятков миллиардов долларов. Совершенно понятно, что такая огромная сумма для разработки собственно стратегии не нужна. Очевидно львиная доля этих расходов (помимо коррупционной составляющей) уйдет на отработку действий войск и штабов по практической реализации этой стратегии. Естественно возникают вопросы – что собой она представляет, когда и в каких условиях она может быть применена и против какого противника, что можно ей противопоставить. На все эти вопросы ответа в весьма пространственных и туманных заявлениях американских военных нет. Однако сопоставляя реальную геополитическую ситуацию, заявления и действия американских и других западных политиков, направленность строительства американских ВС, наиболее распространенные формы ведения современных войн и опыт боевого применения американских и НАТОвских ВС в прошедших войнах и вооруженных конфликтах, а также нюансы заявлений американских военных об этой стратегии, можно определить ее основные черты.

Прежде всего, следует уточнить что собой представляет собственно стратегия, как информационный объект. Не претендуя на точное соответствие общепринятым определениям понятия «стратегия», сформулируем его так: система взглядов на стратегическое применение ВС в возможных войнах. В ней должны быть определены роль, место в войне (вооруженном конфликте), цели и задачи стратегического применения ВС, идея, способы и формы ведения боевых действий, создаваемые группировки сил, основы организации всестороннего обеспечения и управления силами, а также

основы взаимодействия с силами и средствами ведущими противоборство других видов (в частности экономическое политическое и информационное). При столь скудной информации о новой американской стратегии выявить все эти аспекты весьма проблематично, да и нецелесообразно – сами американцы на это дать ответ пока не смогут – им эту стратегию еще только предстоит разработать. Но ее ключевые элементы – роль, место в войне и цели стратегического применения ВС, идея стратегии и вероятные создаваемые группировки сил сделать вполне возможно.

Итак, что имеем из заявлений представителей американского командования. Прежде всего, обращает на себя фраза о том, что «...когда в воздухе появятся наши F-35, знайте мы уже у вас». Эта фраза говорит о том, что стратегия «Троянского коня» предназначена для действий ВС США в ходе внезапной и скрытной агрессии против другой страны. Никаких разговоров об объявлении войны речь не идет. При этом ключевая группировка из общего состава войск (сил) агрессора заблаговременно уже развернута на территории жертвы. То есть боевые действия начинаются со скрытного нападения и лишь после решения важнейших задач этого этапа предполагается ввод в действие открыто действующих регулярных войск. Этим она принципиально отличается от ранее применяемой стратегии, где первым этапом применения ВС США было воздушное наступление с целью разгрома в кратчайшие сроки группировки ВВС и ПВО противника с целью достижения безраздельного господства в воздухе с последующим разгромом авиаударами группировок войск сухопутных войск противника. В новой стратегии эти действия уже относятся ко второму этапу.

Другим важным условием, определяющим вероятное содержание стратегии «Троянский конь» является то обстоятельство, что сегодня основным типом войн являются так называемые гибридные войны, основная идея которых заключается в использовании внутреннего деструктивного потенциала страны-жертвы агрессии. Учитывая, что в любой войне боевые действия ВС являются лишь ее частью, пусть и самой главной, можно уверенно предполагать, что стратегия «Троянский конь» должна определять применение американских ВС в ходе именно гибридных войн. Очевидно, что американское военное командование, оценив результаты применения своих ВС в прошедших войнах и вооруженных конфликтах пришло к выводу, что взгляды, на которые ранее опирались в этом вопросе оказались не вполне соответствующими реальным условиям. А в определенных случаях и неприемлемыми вообще. Так, например, прямое вторжение на Россию или Китай, невозможно в силу гарантированного ответного и уничтожающего ядерного удара. При этом выход на первый план гибридных войн существенно сузил спектр возможных условий применения американских ВС. При этом принятые в настоящее время принципы их боевого применения в таких

условиях явно не являются успешными. Это показал весь 21-й век: Ирак, Афганистан, Сирия - примеры военных поражений США.

С учетом этого надо полагать, что «Троянский конь» должен, с одной стороны, ввести в действие ВС США на намного более ранних этапах, а с другой, выработать приемлемые способы их применения против стран с мощными ядерными арсеналами.

Неотъемлемая часть гибридной войны

Вот отталкиваясь от этих соображений, можно определить вероятную идею стратегии «Троянский конь» – начать скрытные действия регулярных частей ВС США и их союзников на более ранних этапах гибридной войны и тем самым, с одной стороны, качественно повысить управляемость процессами разрушения государственности жертвы, а с другой – значительно повысить оперативность сбора информации о ситуации внутри атакованной страны и тем самым сделать намного более эффективными действия в других сферах противоборства. Не лишне напомнить, что именно отсутствие возможности иметь информацию о ситуации в странах, переживших «арабскую весну», сделало неэффективным применение «Теории управляемого хаоса» – управление было потеряно.

В этой связи обратимся к основным этапам современных гибридных войн (Рисунок 1).

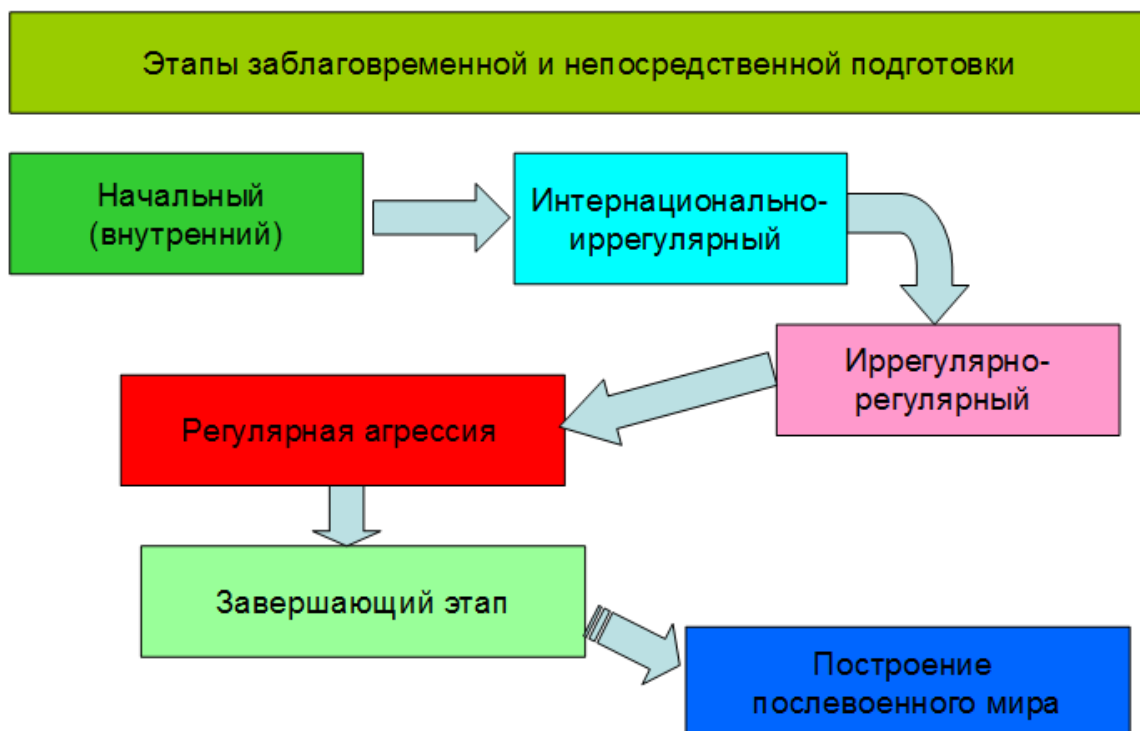

Рисунок 1 – Укрупненная периодизация современных гибридных войн

Особенность **заблаговременной подготовки гибридной войны** состоит в том, что она имеет достаточно большую длительность, достигая в некоторых случаях нескольких десятилетий, а также может осуществляться в отношении против широкого круга потенциальных противников. В этой связи надо признать, что на этом этапе гибридной войны ВС США даже в рамках стратегии «Троянский конь» места нет.

Основным содержанием **непосредственной подготовки гибридной войны** является создание условий для социального взрыва в ключевых регионах и населенных пунктах (как правило, в столице) жертвы агрессии. На этом этапе уже может быть начата непосредственная подготовка к применению ВС США и их союзников к боевым действиям. Именно на этом этапе может скрытно создаваться группировка войск (сил) на территории противника. Совершенно очевидно, что это могут быть только формирования сил специальных операций (ССО). Времени для создания достаточно мощной группировки ССО на территории жертвы агрессии будет достаточно, ведь продолжительность этого этапа может быть от нескольких месяцев до года и более.

Основным содержанием **начального периода гибридной войны**, практически всегда является социальный взрыв, протекающий в той или иной форме в стране-жертве, во время которого в ходе массовых выступлений населения предпринимается попытка свержения существующей власти. Как и в классической войне, этот период, как правило, проходит более-менее в соответствии с планами агрессора. Этот период будет вероятнее всего главным в рамках стратегии «Троянский конь». На этом этапе с одной стороны будут скрытно вводиться главные силы группировки ССО, а с другой, разворачиваться их полноценные боевые действия. Целями действий группировки ССО на этом этапе может быть дезорганизация государственного и военного управления, содействие созданию экономических проблем, организация и контроль действий оппозиции, а также сбор информации о ситуации. В числе важнейших задач ССО на этом этапе может быть ликвидация отдельных наиболее опасных политических фигур, военных и государственных деятелей, уничтожение особо важных объектов военной и государственной инфраструктуры. При агрессии против стран, обладающих ядерным оружием, в частности против России, ключевой задачей будет захват и разрушение систем и объектов управления ядерными силами. Вероятнее всего, это будет делаться под видом захвата этих объектов массами протестного населения. Хотя возможны и действия ДРГ против отдельных изолированных объектов. По продолжительности начальный период гибридной войны может составить от 1-2 недель, до 2 месяцев. В случае успеха действий «Троянского коня» уже по итогам этого периода может быть нейтрализован ядерный потенциал страны-

жертвы агрессии и дезорганизовано государственное и отчасти военное управление.

Если становится ясно, что силами «гражданской армии» при поддержке развернутой заблаговременно группировки ССО достичь цели гибридной войны – сменить действующий режим не удастся, агрессор будет вынужден расширить вооруженное противостояние, привлекая уже иностранные иррегулярные формирования, а также существенно нарастить группировку своих сил специальных операций, развернутую на территории государства-жертвы.

А это знаменует завершение начального периода гибридной войны и наступление последующего, который исходя из состава действующих сил и характера вооруженной борьбы можно именовать **интернационально-иррегулярным**. Его основным отличием от начального этапа состоит в том, что к вооруженной борьбе «гражданской армии» против законного руководства государства-жертвы, присоединяются международные военизированные (террористические) организации. Государство-жертва гибридной агрессии вынуждено полномасштабно вводить в действие свои вооруженные силы. В рамках этого этапа масштаб действий «Троянского коня» – группировки регулярных ССО, будет существенно расширен. Однако характер задач в основном останется прежним. К числу новых добавится управление и контроль за действиями иностранных вооруженных формирований, которые могут оказаться замкнутыми на иные центры силы или даже выйти из под контроля и начать действовать в своих интересах, как это произошло с той же Аль-Каидой и некоторыми другими террористическими организациями, исходно созданными при активном участии американских спецслужб. В этот период будет вестись подготовка формирований ССО к обеспечению действия американских ВВС и флота. По опыту Ливии и Сирии может быть выделено 2-4 интернационально-иррегулярных периода, каждый из которых может иметь продолжительность от 1-2 до 4-8 месяцев.

Если полностью не удастся достичь целей войны в рамках и этого периода, в действие вступает боевая авиация - ВВС и ВМС США и их союзников. Видимо об этом говорил американский генерал, когда упоминал F-35. По войскам дезорганизованной, утратившей потенциал ПВО армии жертвы агрессии наносятся авиаудары с целью полного уничтожения ее способности к сколько-нибудь серьезному сопротивлению. Благоприятные условия для таких действий должны быть созданы действиями группировки ССО «Троянского коня» в предшествующие периоды. То есть к моменту вступления в дело авиации агрессора противовоздушные «ворота крепости Троянский конь уже открыл». С началом этого этапа – **регулярно-иррегулярного**, группировка ССО «Троянского коня» начинает действовать практически открыто, ведя разведку, обеспечивая целеуказание ударной авиации и решая иные задачи

из числа ранее упомянутых. С решением основных задач этого этапа, а также в случае неудачного развития ситуации для агрессора, будут вводиться на территорию страны-жертвы группировки сухопутных войск, главным предназначением которых будет решение задач оккупации. На этом, собственно, и заканчивается стратегия «Троянского коня» и ВС агрессора переходят к традиционным формам вооруженной борьбы. На рисунке 2 показано место стратегии «Троянский конь» в общей логике развития гибридной войны.

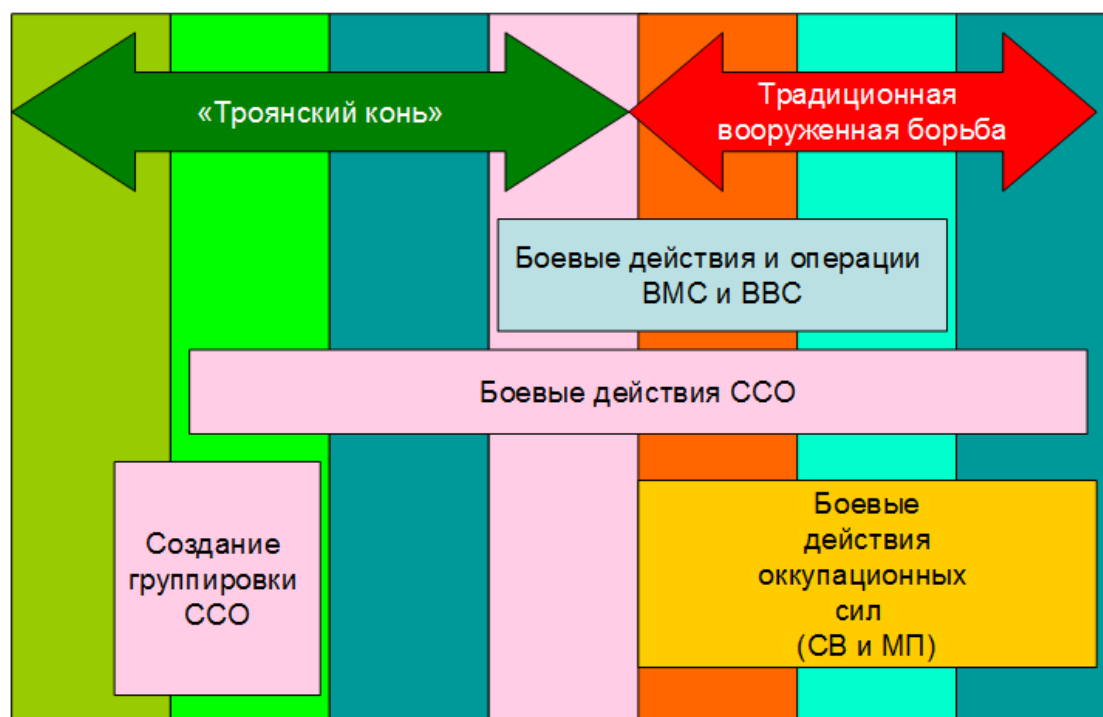

Рисунок 2 – Место стратегии «Троянский конь» в гибридной войне (цвета вертикальных столбцов соответствуют этапам гибридной войны на рисунке 1)

Манкурты на службе «Троянского коня»

Таким образом, стратегия «Троянский конь» по сути, может представлять собой крупномасштабное вмешательство ССО агрессора и его союзников в гибридную войну уже на ранних этапах ее развития, с созданием значительной по численности группировки ССО на территории страны-жертвы задолго до начала агрессии, в отличие от более ранних взглядов, предполагавших переход к масштабным активным действиям ССО существенно позже, с их вводом на территорию противника непосредственно перед началом войны.

Естественно, такой характер боевых действий ССО в рамках стратегии «Троянский конь» предъявляет особые требования к привлекаемому личному составу. Необходимость относительно длительного и скрытного пребывания

личного состава такой группировки на территории противника выдвигает требование близости или идентичности его этно-культурного типа местному населению.

Это, скорее всего, заставит американское командование выстраивать группировку ССО «Троянского коня» минимум в два эшелона. Основу первого составит личный состав идентичный в этническом и культурном отношении местному населению, а второго – представители США и их союзников.

Применительно к западу России (рисунок 3) «Троянский конь» в первом эшелоне может иметь в качестве главной ударной силы две основных группировки. Первая, составленная из бойцов ССО ВС Украины, может действовать на Западном стратегическом направлении на глубину до Москвы и далее. Ее основу составят идейные враги русского мира и России из числа этнически и культурно нам идентичных украинцев. Численность этой группировки исходя из спектра и объема, стоящих перед ней задач, может быть оценена от 5-6 до 10 и более тысяч человек.

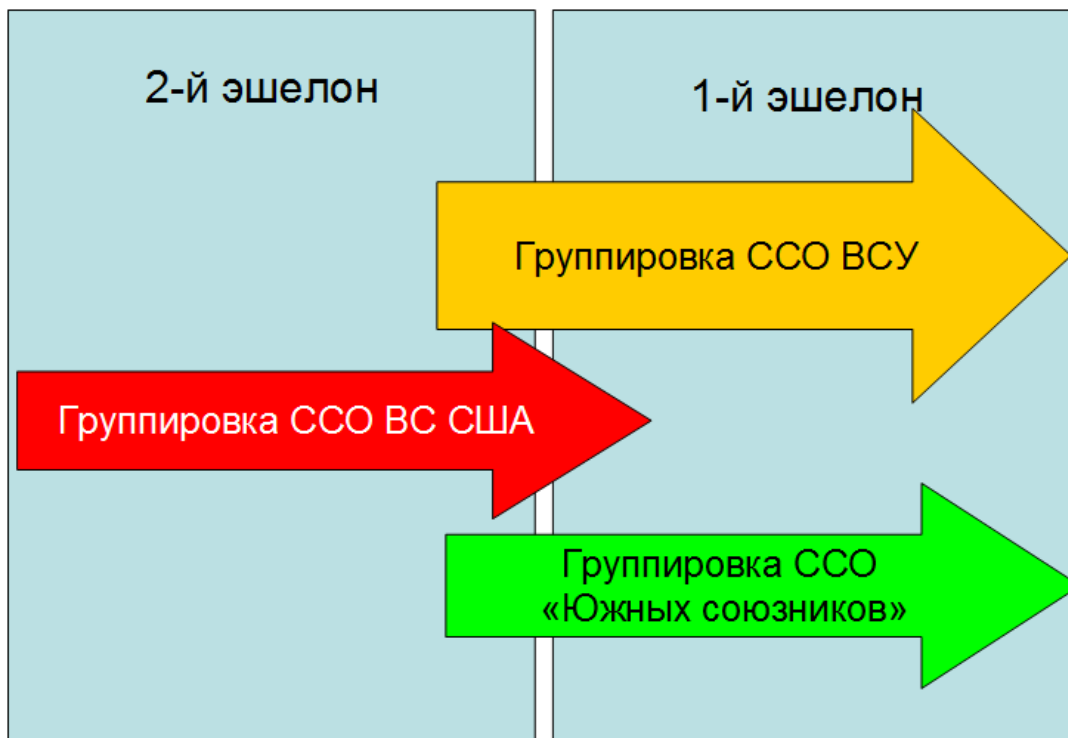

Рисунок 3 – Вероятный состав группировок ССО «Троянский конь» на западе России

Может показаться много – такую группировку скрытно создать невозможно. Отнюдь, вполне. Количество активных нацистов в Украине сегодня превышает несколько сотен тысяч. Одних участников тербатов не многим менее 15 тысяч. А количество украинских граждан, работающих в России, легально и не очень, оценивается как минимум в несколько сотен тысяч, если не в миллион и более. Так что скрыть в этой массе несколько тысяч бойцов ССО, маскирующихся под мирных

работников, труда не представляет, как и обеспечить их к нужному моменту вооружением. Надо заметить, что информация о подготовке американскими инструкторами украинских спецназовцев поступала в открытые СМИ уже неоднократно. В этом контексте заявления некоторых украинских политиков о том, что ВСУ готовы к войне против России и смогут нанести нашим ВС поражение уже не выглядят смешными.

Вторая группировка первого эшелона «Троянского коня» вероятнее всего может быть развернута на Юго-западном стратегическом направлении – в республиках Северного Кавказа и прилегающих регионах. Хотя распространение этнических кавказцев и в других регионах, позволяет развернуть часть сил этой группировки и там. Ее основу составят представители народов Кавказа, а также близких к ним этнически народов стран Ближнего и Среднего Востока, а также Турции. Мы хорошо помним Хаттаба, выходца из Саудовской Аравии. Теперь таких может быть существенно больше, и они будут представлять собой личный состав регулярных частей ССО стран – союзниц США из этих регионов. По численности эта группировка может быть существенно (в разы) меньше первой, что определяется объемом задач, которые могут быть возложены на нее в этом регионе. Эта группировка также имеет все возможности для скрытного заблаговременного развертывания в районе предстоящих боевых действий.

Второй эшелон «Троянского коня» будет представлен формированиями регулярных ССО США и их западных союзников. В район боевых действий он будет введен тогда, когда этнические отличия мало что будут значить. Этих сил будет вполне достаточно, чтобы при благоприятных условиях решить главную для агрессора в войне против России задачу – «выключить» российский ядерный потенциал и дезорганизовать управление Вооруженных Сил Российской Федерации, лишив их способности к организованному сопротивлению. А далее – ввод сухопутных оккупационных войск, группировка которых уже практически создана у наших границ.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что американская стратегия «Троянский конь» может существенно повысить эффективность ведения американцами гибридных войн, устранив главную для них проблему – резкое снижение управляемости процессами развития ситуации в стране-жертве вскоре после начала «цветной революции». Серьезную угрозу эта стратегия может представлять и для России. Можно полагать, что в случае, если в нашей стране сложится благоприятная для гибридной агрессии ситуация, именно «Троянский конь» будет основной стратегией действий ВС США против нашей страны. Противостоять этой стратегии будет достаточно сложно, в силу необходимости ведения боевых действий против крупной группировки ССО противника, развернутой заблаговременно на территории нашей страны. Примером того, насколько

серьезна такая угроза, могут служить действия полка «Бранденбург-800» 20-23 июня 1941 года, когда несопоставимо меньшими силами, чем могут привлечь американцы к «Троянскому коню», его командир Отто Скорцени смог организовать нарушение управления войсками наших приграничных округов, что в немалой степени стало причиной катастрофических поражений Советской Армии в приграничных сражениях.

Однако, как заявил Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал армии В.В.Герасимов в своем выступлении на годовом собрании Академии военных наук, наша армия сможет отразить и эту форму агрессии. Естественно, способы и формы таких действий, состав привлекаемых сил и средств абсолютно закрытая информация. Военные специалисты, не привлекаемые к работе по выработке нашей ответной стратегии, могут лишь высказывать свои предположения о ее содержании, исходя из общей логики развития такой формы агрессии. Но это уже предмет других статей.

СОЗИН С.А.

поэт, публицист, член Правления Вологодского регионального
отделения Союза писателей России

ДУХОВНЫЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается значение духовного фактора, как одного из основных в обеспечении национальной безопасности государства. Автор уточняет термины и понятия, дает обобщенную характеристику морально-психологическому обработке населения со стороны потенциального противника, рассматривая войну за души людей, как информационное прикрытие подготовки к вторжению. Значительное внимание уделено конкретным приемам девальвации моральных ценностей и традиций, составляющих духовный потенциал народа. Новизна публикации в том, что автор, делая выводы, предлагает конкретные, наступательные приемы в борьбе за умы и сердца наших соотечественников, в обесценивании гигантских усилий враждебной нам западной пропаганды.

Ключевые слова: духовность, моральные ценности, атака на традиции, информационное прикрытие, идеология.

*Главное дух крепкий и упорство.
И будет победа!*

(А. Суворов)

*Безверное войско учить, что перегорелое
железо точить.*

(А. Суворов)

*Победы и поражения рождаются в
сознании.*

(АртурСибровски)

*Победа достигается не множеством
убитых, а множеством уstraшенных*

(Арабская пословица).

Потерять дух-все потерять!

(В. Гете)

Применение понятия «духовности», к месту и не к месту, как в политической практике, публицистике и межличностном общении, требует от нас конкретизации самого понятия духовности.

Духовность в философском смысле, русской традиции – это проявлений духа в человеке. Душевной силы. Силы или слабости духа. В простонародии – проявление *натуры*.

Одной из граней определения *духовности* можно считать *моральные ценности и традиции*, объединяющие и скрепляющие ту или иную общность людей. Как образно определил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – *духовные скрепы*...[1].

И здесь нам, снова, не обойтись без определения четких критериев. Что есть что... Так, моральные (нравственные) ценности – это некие идеалы, высшие принципы человеческой жизни. Каждая эпоха и культура имела свои ценности. Многие из них не утратили свою актуальность до наших дней. На слуху у всех такие библейские моральные нормы, как «не убивай», «не кради», «почитай отца и мать», «не свидетельствуй ложно против ближнего своего» [2].»

Люди во все века строго осуждали подлость, злобу, предательство, клевету. Для большинства людей моральные ценности – это честность, мужество, скромность, доброта и самообладание, защита Родины, родных и близких.

Моральные ценности передаются через *традиции*. Перевод этого слова говорит сам за себя. Понятие «традиция» восходит к лат. «trāditiō», к глаголу «trādō», означающему «передавать». Традиция – близкое по значению понятию *обычай*.

Война за умы или информационное прикрытие подготовки к вторжению

Никто и не скрывает, что против нас ведется мощная информационная война. Обратим внимание на морально-психологическую обработку соотечественников нашими потенциальными противниками.

Атака ведется именно на наши моральные ценности, традиции, духовный потенциал народа. Постоянно подсовывается тема некоего покаяния... Напомню, что *покаяние* в переводе с греческого- перемена мышления.

Претворяются в жизнь наставления и рекомендации Гитлера: «Как в окопной войне артподготовка проводилась перед финальной атакой... так в будущем, перед тем, как задействовать армию, мы будем вести психологическое ослабление врага посредством пропаганды. Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности и только потом можно думать о военных действиях» [3].

В работе американца Роберта Грина «33 стратегии войны» (США, 2011 г.) находим стратегию, отрабатываемую сегодня на нас. Цитирую: «...Планируя атаку, обрабатывайте своих врагов, промывайте мозги, спровоцируйте конфликт в их рядах.

Важно помнить: к разумным доводам никто не прислушивается. Все и так с ними согласны, поэтому ничто не меняется; вы ломитесь в открытую дверь. ...нужно сначала освободить людей от тех уз, которые связывают их с прошлым и заставляют противиться навязываемым вами

изменениям. Вы должны понимать, что эти узы, как правило, не физические, а психологические и эмоциональные. Обращаясь к чувствам людей, вы можете добиться, чтобы прошлое предстало перед ними в другом свете, чтобы они увидели его, как что-то деспотичное, надоевшее, аморальное, некрасивое. Теперь у вас есть пространство для маневра, появляется возможность внушать свежие, новые идеи, изменить восприятие людей, вызывая к только что народившемуся чувству любви к себе. Сейте семена нового, ставьте новые цели, укрепляйте новые связи.

Если вы хотите убедить людей следовать за вами, сначала отделите их от их же прошлого. Примеряясь к своей цели, поинтересуйтесь, что держит их в прошлом, каков источник их сопротивления новому... Сломайте его – и вы сумеете разделить людей изнутри, открыть их для сомнений и перемен. Разделяйте и властвуйте – заставьте людей колебаться и сомневаться, чтобы вы смогли завладеть их мыслями.» [4].

Так вот этому самому «отделению людей от своего прошлого», несмотря на титанические усилия наших недругов, не дает свершиться народная память о нашем героическом прошлом, боевые и трудовые традиции наших предшественников.

Отсюда и гигантские усилия опошлить наше прошлое, низвергнуть с пьедесталов наших героев, превратив тем самым нацию в легко управляемое стадо, которое уже можно гнать куда угодно... На ту же скотобойню...

К перечисленным выше «проектам» и руководствам к действию наших недругов можно прибавить еще ряд других, предрекающих нам череду кровавых войн за передел природных ресурсов и доступ к ним. Впереди у нас битвы за глоток чистой воды, за право дышать своим воздухом, одним словом, за право жить на родной земле.

То есть, идут года, проходят столетия, меняются лишь формы и методы, технологии борьбы с Россией. Но цель остается неизменной – уничтожить русскую цивилизацию, сокрушить Русь, путем расчленения, уничтожения е духовного начала и дележа ее обломков. Как метко выразился бывший глава Службы внешней разведки Леонид Шербашин: «Запад хочет от России только одного – чтобы ее не было» [5].

Сняв розовые очки с выгравированными на линзах призывами к общечеловеческим ценностям, правам человека и к свободе личности, демократическим идеалам, толерантности и политкорректности, мультикультурализму, любезно напяливаемыми на нас западными «благодетелями», вы, с удивлением, увидите развертывание сил передового базирования стран НАТО и тяжелого вооружения на наших западных границах. А если, еще и стряхнете с ушей пропагандистскую лапшу из политической трескотни о гражданском обществе, о борьбе за права всех и вся, западных ценностях и борьбы цивилизации и варварства, то поймете, «... что целью сетевой войны является людской разум... Необходимо уничтожить достаточное количество мозгов, или

правильных мозгов, и «воля» обязательно умрет вместе с организмом. Реальная цель войны: подчинения вражеской воли» (*Ричард Шафранский. Американский военный теоретик. Автор теории неокорковой войны*)» [6].

Русофобия, столетиями вбиваемая в головы, сделала свое черное дело. Так недавний опрос американцев телеканалом CNN и исследовательской службой ORC показал, что более половины из них (57 %) считают нас своими врагами. По результатам опроса PEWResearchCenter (июль 2014 г.) в Европе и США более 70 % опрошенных высказались отрицательно по отношению к России [7].

То есть, называя вещи своими именами, мы должны признаться, что общественное мнение на Западе активно и, как видим успешно готовится к очередной войне с нами. Делается все для их мобилизации, мотивации вторжения и нашей деморализации, демотивации сопротивления... Они даже правом себя новым наделили – *правом гуманитарной интервенции*.

Крепить Бастионы духа, наши моральные ценности, боевые и трудовые традиции!

Всплывает естественный вопрос: «Что нам делать?!...»

1) Прежде всего – четко осознать, что нам объявлена война. Мы в большой опасности! Речь идет о существовании нашего государства и выживании русской нации!

2) Никакого уныния! Этого только и добиваются супостаты. Быть, как такими же сильными и сплоченными, как те, кто отстоял нашу Родину во всех предыдущих военных конфликтах.

3) Прекратить шараться, как черт от ладана, от терминов *идеология и идеологическая работа*. Государство, не имеющее своей идеологии, всегда будет добычей враждебной ему идеологии противника.

4) Провозгласив патриотизм национальной идеей, Президент России дал четкий азимут направления основных усилий идеологической работы. Именно любовь к Родине, ее героическому прошлому и сложному настоящему, позволяла и позволяет нам возводить Бастионы духа, опираясь на наши моральные ценности, боевые и трудовые традиции.

5) Проанализировав работу всех институтов нашего общества, задействованных на идеологическом фронте информационной войны, выстроить (восстановить) четкую систему патриотического воспитания, со 100% охватом населения страны: от министров до бомжей.

6) Никаких мифологических ожиданий всемирного братства и дружбы народов. Наша, ничем не оправданная, вселенская любовь к большим и малым, сырым и богатым странам, как неоднократно показала история, делает страну уязвимой и всякий раз «выходит боком».

7) Мощный жесткий прессинг на всех «фронтах»: оборонном, дипломатическом, информационном, экономическом, идеологическом, культурном и спортивном. Это единственное, что гарантирует нам выживание. Уход в глухую оборону – смерти подобен!

8) Чтобы переломить ситуации бесконечного оправдывания и посыпания головы пеплом за свою историю, робкого отметания бесконечных претензий и выставляемых нам счетов, и контрибуций, проанализировать пути использования исторической памяти в современной политике и создать русскую версию «института памяти». Наполнить новым содержанием наш постулат «Никто не забыт и ничто не забыто!». Благо задокументированных преступлений против нашего народа пруд пруди...

9) Восстановить, расформированную в 2012 году, «Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» при Президенте Российской Федерации.

Фальсификаторы, значит, остались и даже активизировались с невиданной силой... Шельмуют все: от нашей Победы в Великой Отечественной войне до результатов Сочинской олимпиады! Ни один подобный институт у наших западных «партнеров» не распущен, а некоторые существуют уже десятки лет. «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности», существовавшая с 1938 по 1975 год, передала свои функции Юридической комиссии Палаты представителей Конгресса США, которая инициирует одно враждебное нам расследование за другим. Ни на минуту, в течение последних 58 лет, не прекращаются реализация, «Закона о расчленении России». Множатся так называемые «Институты национальной (и всяких других..) памяти». А мы, единственный мне известный, более-менее действенный, институт противодействия этой русофобской вакханалии, ликвидировали!?...

10) Убрать из названия «Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению попыток вмешательства в дела России» это, извиняющееся перед нашими западными «партнерами» за свою дерзость, слово *временная*. Господь не любит робких! И наполнить работу комиссии эффективной работой.

11) И далее, действовать, поднимая материалы исторических архивов, Нюрнбергского процесса и других международных судов, списки личного состава и командования войск того или иного вторжения. Имена и фамилии палачей нашего народа, участников карательных операций, с выходом на их потомков, занимающих то или иное место в современной государственной иерархии и наиболее зарвавшихся в своем русофобском экстазе лиц, стран, враждебных нам международных союзов, коалиций или объединений. С широким освещением в СМИ вскрывшихся фактов, публикацией ежемесячных информационных бюллетеней и ежегодных «Книг памяти» (условное, стартовое, название...). С немедленным предъявлением требований материальных компенсаций (репараций) и проведения расследований (публичных слушаний, международных конференций и т.п.) в отношении скомпрометировавших себя лиц, организаций и стран. Обложить этих волков красными флажками

из вскрывшихся (забытых или ранее умалчиваемых) фактов и гнать, гнать, так, чтобы земля горела у них под ногами!

12) Нанять команду международных юристов и закидать международные суды запросами и требованиями о возбуждении уголовных дел в признании геноцида русского народа. Благо срока давности за преступления перед человечеством не существует.

13) Пересмотреть, всех ранее щадящих, приговоров и судебных решений в сторону 100 % компенсаций и возмещений убытков. Не секрет, что из каких-то псевдо-союзных и неких политических соображений, страна недополучила многое из причитающегося.

14) Потребовать репарации со всех выше перечисленных союзников, и сателлитов, сотрудничавших с нацистами, за все разрушенные 1710 городов и 70 тыс. сел и деревень. За каждого из 27 млн погибших наших соотечественников. За ущерб и жертвы, нанесенные стране международной интервенцией 1918-1922 годов, другими конфликтами и недружественными акциями, независимо от срока давности.

Не время бравировать своим благородством, лелея себя глупыми надеждами на взаимопонимание и примирение. Им все это, как мертвому припарка. Каждая наша уступка рассматривается Западом, не более, как еще один шаг к нашей безоговорочной капитуляции... Нынешние демократизаторы мира понимают только силу.

Но, сильные духом, «..мы готовы, – как сказал Владимир Владимирович Путин, – принять любой вызов времени и победить!» [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слово Святейшего Патриарха Кирилла при вручении архиерейского жезла Преосвященному Вениамину, епископу Борисовскому, викарию Минской епархии (г. Москва. 21.03.2010 г.).

2. Библия. Ветхий завет. Вторая книга Моисеева. Исход. Глава 20. Десять заповедей.

3. Раушнинг Герман. Говорит Гитлер. Зверь из бездны – М.: Мир, 1993. – 106 с.

4. Грин Роберт. 33 стратегии войны. – М.: РИПОЛклассик, 2007. – 667 с.

5. Шебаршин Леонид. Хроника безвременья. Афоризмы начальника разведки. – М.: ЦентПолиграф, 2018. – 224 с.

6. Савин Л. Коучинг война. – М.: Евразийское движение, 2017. – 238 с.

7. Опрос американцев телеканалом CNN и исследовательской службой ORC (ТАСС). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/3504214>. (дата обращения: 30.08.2020).

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию (04.12.2014 г.). Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/ (дата обращения: 03.08.2020).

СОЛОВЬЕВ В.П.

доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель ФГУП «Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ экспериментальной физики» (РФЯЦ-ВНИИЭФ) Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» – заместитель директора по имитационному и виртуальному моделированию

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК И ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР

Аннотация. доклад включает оценки переходного периода в современном миропорядке, проблемы и вызовы для обеспечения суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации. Решение этих задач обеспечивается эффективной реализацией политики ядерного сдерживания на основе стратегических и нестратегических ядерных сил.

Ключевые слова: ядерное оружие, ядерное сдерживание, ядерный оружейный комплекс, ядерная доктрина, миропорядок, Россия, США, национальная безопасность.

1. Глобальные тенденции современного миропорядка.

Сначала несколько слов об общих определениях.

Миропорядок представляет собой структуру и систему функционирования цивилизации, определяемые политическими, экономическими, социальными и культурными отношениями.

Последний исторический период на протяжении почти 20 лет после распада СССР определяется как однополярный мир, в котором, при существовании различных укладов в различных регионах мира, был один гегемон – США с системой стран союзников. Это гегемония реализовывалась через экономическое, военное, научно-техническое превосходство и внедряло западные ценности в культуру и социальные отношения.

В качества основного тренда была провозглашена глобализация, основой для которой должен был стать рост превосходства Запада во всех основных составляющих миропорядка. Лидером движения к этому новому миру стали США, которые подменили «однополярный мир» «бесполярным миром», основанном на ценностях и условиях США.

Результат нового мироустройства можно было определить следующим образом: «Система мирового правительства должна быть создана, а суверенитет должен быть упразднен. Нации должны быть подготовлены к сдаче суверенитета мировым структурам. Международные отношения в XXI веке будут определяться бесполярностью, но это ничем не угрожает США» (Ричард Хаас, Президент совета по международным отношениям).

В то же время в мире происходят крупные сдвиги:

- экономическое лидерство США оспорил Китай;
- возросла военная мощь России, основанная на гарантиях ядерного сдерживания и развитии новых технологий;
- культурное и социальное превосходство Запада было отвергнуто многими нациями.

В качестве реальной цели развития стал рассматриваться многополярный мир, представляющий собой систему различных укладов жизни, обладающих суверенными правами, выработка взаимоотношений за которыми есть будущее.

В США эту реальность осознают и рассматривают возможность сохранить лидерство в этом новом историческом раскладе. «За последнее десятилетие мир претерпел изменения и стал многополярным, но Вашингтону следует, в любом случае стремиться к военному превосходству в многополярном мире. Мы должны смотреть на ядерное сдерживание сквозь новую линзу. Чтобы сохранить превосходство в этом многополярном мире, мы должны думать, маневрировать, заводить партнеров и внедрять инновации лучше, чем наши противники» (Джон Хайтен, командующий Стратегическим командованием ВС США).

Стратегическая цель в обоих трансформациях миропорядка, рассматриваемых в США, одинакова – сохранить лидерство как в «бесполярном», так и в «многополярном» мире.

2. Разрушение США системы контроля и ограничения вооружений.

За последние 20 лет США произвели целый ряд действий по демонтажу системы контроля и ограничения вооружений, созданный в течении предыдущих десятилетий.

1) В 2002 году США вышли из Договора по ПРО и приступили к созданию стратегической системы ПРО. Цель: в условиях сокращенных стратегических ядерных сил России после обезоруживающего первого удара система ПРО США должна обеспечить надежную зачистку остатков ядерных сил РФ в случае ответного удара по территории США. Ядерное сдерживание в ответном ударе исчезнет.

2) В 2019 году США вышли из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), что открыло для них новые возможности по созданию потенциала ядерного удара крылатых ракет (КР) средней дальности наземного и морского базирования, размещаемых вне территории США. Договор по РСМД 1987 года привел к разрушению системы ядерного сдерживания, которой обладала Россия в отношении всей территории Евразии, основанной на ракетных комплексах средней и малой дальности. Теперь, в условиях отсутствия этого потенциала Российская Федерация, США хотят получить крупное одностороннее преимущество в этом важном классе вооружений.

3) США не ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 года, хотя и подписали его. В последние месяцы в СМИ, со ссылкой на Министерство обороны США, обсуждается возможность возобновления ядерных испытаний США. Мотивация этих действий не известна, однако они безусловно усиливают непредсказуемость ядерной политики США.

4) США подготавливают почву для выхода из Договора СНВ-3, ограничивающего количество стратегических ядерных сил. Предлогом для этого служит их инициатива по включению в этот двухсторонний Договор третьей стороны – КНР, которая обладает существенно меньшим ядерным арсеналом, чем США и Россия, и у которой нет интереса к участию в этом Договоре. Велика угроза, что последнее соглашение, определяющее баланс ядерных сил между Российской Федерацией и США, будет уничтожено и возникнет реальная опасность крупномасштабной гонки ядерных вооружений.

5) Рассчитывая на научно-техническое превосходство, США усиливают свое присутствие в околоземном космическом пространстве, развивая военные системы слежения, связи, идентификации, целеуказания и наведения. Следующим шагом может стать вывод в космос средств вооруженной борьбы как против космических объектов других стран, так и для поражения наземных целей. США последовательно выступают против заключения международного соглашения о не разворачивании вооружений в космосе и работают над достижением космического превосходства.

3. Геополитическое давление на Россию.

Постоянно усиливается геополитическое давление на Россию. Крупные шаги были связаны с расширением НАТО и возникшими проблемами с его непосредственным приближением к России. В исторической практике приближение военной инфраструктуры и вооруженных сил к границе государства – это признак прямой подготовки к войне.

В 1999 году в состав НАТО были включены Венгрия, Польша и Чехия, в 2004 году – Болгария, Румыния, Словения, Словакия, Латвия, Литва, Эстония. Все это происходило без какого-либо рационального объяснения в существовавших условиях «партнерство Запада и России».

В 2008 году было объявлено о желательности присоединения к НАТО Украины и Грузии. На протяжении последнего десятилетия в этих государствах постоянно нагнетается русофобская истерия, результаты которой хорошо известны.

Постоянно усиливается политика проведения в жизнь антироссийских экономических санкций, предназначенных для подрыва экономического развития нашей страны. Систематически делаются попытки по дестабилизации российского общества под вымышленными предложениями борьбы за «свободу и демократию».

4. Ядерная доктрина США (NPR-2018).

После прихода новой администрации США появился ряд открытых документов, которые определяют перспективы развития ядерного оружия и ядерно-оружейного комплекса США (ЯОК) в ближайшей, а отчасти, и в долгосрочной перспективах. К ним прежде всего относятся: новая Ядерная доктрина США [1].

Этот документ предусматривает:

- обновление ядерной политики, направленное на укрепление роли ядерных возможностей США в обеспечении национальной безопасности;
- обновление триады стратегических ядерных сил;
- обновление ядерного боевого оснащения в среднесрочной и долгосрочной перспективах;
- поддержание и развитие ЯОК на уровне, необходимом для обеспечения гарантий надежности, безопасности, защищенности и эффективности ядерного оружия в условиях отсутствия ядерных испытаний;
- приоритетное развитие и финансирование работ ЯОК США в рамках деятельности DOE в целом.

В новой Ядерной доктрине NPR-2018 отмечается, что США вступили в критический момент своей истории, столкнувшись с наиболее сложной и вызывающей ситуацией по обеспечению международной безопасности со времен окончания Холодной войны.

Отмечается, что КНР модернизирует и развивает свои ядерные силы. Подобно России, КНР, развивая ядерные возможности, модернизирует и совершенствует обычные вооружения, бросая вызов традиционному американскому превосходству в западной части Тихого океана.

NPR-2018 включает текущую прагматическую оценку этих угроз и возможные неопределенности в будущем, определяет обеспечение безопасности и диверсификации ядерных вооружений США для гибкого обеспечения сдерживания. Цель состоит в том, чтобы противники США осознали, что они ничего не приобретут и не достигнут от использования своих ядерных вооружений (отметим, что история конфликта США с КНДР в последний год полностью опровергла это утверждение, показав, что наличие ядерного оружия у небольшой страны и в ограниченном количестве способно остановить военную машину США).

Для повышения гибкости ядерного сдерживания NPR-2018 предусматривает создание нового ядерного оснащения малой мощности для баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Рассматривается также возможность возврата к использованию КР Tomahawk с ядерным оснащением на кораблях ВМФ.

NPR-2018 отмечает поддержку программы предыдущей администрации США по замене флота атомных подводных лодок (АПЛ) с БРПЛ, стратегических бомбардировщиков, стратегических крылатых ракет с ядерным оснащением, межконтинентальных баллистических ракет

(МБР) на новые системы и по модернизации соответствующей инфраструктуры по обеспечению управления. Отмечается, что оснащение фронтовой авиации новым поколением самолетов двойного назначения F-35 поддержит возможности НАТО по осуществлению сдерживания и усилит возможности по развертыванию ядерного оружия.

NPR-2018 отмечает необходимость укрепления ядерного оружейного комплекса (ЯОК) США с тем, чтобы было можно проектировать, производить, оценивать состояние и поддерживать ядерное вооружение столько времени, сколько потребуется. Благодаря необходимому финансированию и его реализации ЯОК США обеспечит поставки ядерного оснащения в необходимые сроки для поддержания ядерного сдерживания на период до 2030 года и далее.

5. Состав действующего запаса США.

По данным [2,3] состав развернутого ядерного боезапаса приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Современный состав развернутого ядерного боезапаса США

Тип	Система доставки	Разработчик	Специфика доставки	Вид ВС
Стратегические ядерные силы				
W78	МБР Minuteman	LANL/SNL	поверхность-поверхность	BBC
W87	МБР Minuteman	LLNL/SNL	поверхность-поверхность	BBC
W76-0/1/2	БРПЛ Trident II D5	LANL/SNL	под водой-поверхность	ВМФ
W88	БРПЛ Trident II D5	LANL/SNL	под водой-поверхность	ВМФ
W80-1	ТБ В-52 Н	LLNL/SNL	воздух-поверхность	BBC
B61-7/11	ТБ В-52 Н, ТБ В-2	LANL/SNL	воздух-поверхность	BBC
B83-1	ТБ В-52 Н, ТБ В-2	LLNL/SNL	воздух-поверхность	BBC
Нестратегические ядерные силы				
B61-3/4	F-15, F-16	LANL/SNL	воздух-поверхность	BBC

В связи с окончанием в 2019 году программы модернизации W76 LEP боевое оснащение этого класса будет состоять из модернизированной боеголовки БГ W76-1 (однако, часть снятых из эксплуатации (БГ) W76 может находиться в резервном боезапасе).

В связи с решением администрации Д. Трампа об оснащении части БРПЛ боеголовками малой мощности в 2019-2020 гг. в состав боезапаса войдут БГ W76-2 (с энерговыделением в несколько кт), со всеми этими видами БГ проводятся работы по контролю состояния боезапаса, включая совместные (летные) испытания с Министерством обороны.

Кроме того, в 2018 году продолжались (в небольшом объеме) работы по контролю состояния БГ W84, находящийся в запасе (боевое оснащение КР наземного базирования). В состав резервного боезапаса США входит также БГ W80-0, которая являлась боевым оснащением КР морского базирования и, возможно, будет возвращена в боезапас.

6. Планы модернизации ядерных сил США.

1) В 2014 году ВВС США решили принять «гибридный» план модернизации МБР. Этот план должен поддерживать основу конструкции МБР, существующую систему коммуникаций и шахтных пусковых установок (ШПУ), но предусматривает замену двигателей, системы управления, разведения и наведения ББ. При этом отмечалось, что хотя новые МБР будут размещены в ШПУ, их конструкция должна обеспечивать возможность их размещения в перспективе на мобильных пусковых установках (ПУ) [4].

Новый проект МБР был назван GBSD. Общие расходы на программу, оцененные в 2015 году, составили 62,3 млрд долл. Расходы включают: 48,5 млрд долл. на поставку 642 МБР, 6,9 млрд долл. на обновление системы команд и контроля, 6,9 млрд долл. на переоборудование центров управления пусками. Количество в 642 ракеты должно обеспечить развертывание 400 МБР и необходимый объем испытаний.

Предполагается, что первая МБР нового типа достигнет оперативной готовности в 2029 году, а все 400 МБР будут развернуты к 2036 году. Отмечается, что МБР будут функционировать, как «открытая инфраструктура», которая позволит вносить технические усовершенствования по мере необходимости в течение 60-летнего срока службы МБР (таким образом, до 2090-2095 гг.). Такой принцип обеспечит снижение расходов на поддержание и обновление возможностей МБР. Новая система будет обладать необходимой гибкостью в различных сценариях, а также повышенной эффективностью против современных высокоточных средств ПРО.

2) В 2010 году начались работы по созданию АПЛ нового класса, известной как SSBN(X) или АПЛ класса Columbia. Предполагается, что новые АПЛ начнут поступать на вооружение с 2031 года. Стоимость программы оценивается в 97-102 млрд долл. (в ценах 2010 года по оценке СВО) и в 139 млрд долл. (в текущих ценах по оценке ВМФ). Предполагается, что 10-15 % составят расходы на НИОКР, а основная часть средств пойдет на закупку 12 АПЛ.

Представитель ВМФ отметил, что новые АПЛ будут оснащены только 16 БРПЛ, то есть общее число развернутых БРПЛ сократится до 192 единиц.

После 2017 года БРПЛ Trident II D5 будут заменяться на модернизируемые с продленным сроком службы, которые называются

Trident II D5 LE, будут иметь новую систему управления, обеспечивая гибкость при выполнении новых задач и будут обладать большей точностью. D5 LE будут оснащать АПЛ класса Ohio, которые будут находиться на вооружении до 2042 год и будут развернуты на английских АПЛ. В течение первого этапа, когда АПЛ класса Columbia будут заменять АПЛ класса Ohio D5 LE, будут использоваться и на новых АПЛ. При этом ВМФ начал подготовку и к разработке БРПЛ нового поколения.

3) В середине 2000-х годов встала задача разработки нового стратегического тяжелого бомбардировщика (ТБ), известного как B-21 Raider.

Возникла дискуссия о том, должен ли этот ТБ обеспечивать двойные функции (ядерные и неядерные) или он должен быть ориентирован на неядерное оружие, дополняя B-2A и B-52H.

Предполагается, что ВВС получат 80-100 новых ТБ этого класса, а первый образец поступит на вооружение в 2025 году. Стоимость программы оценивается от 45-55 млрд долл. до 60-80 млрд долл.

Для оснащения этих ТБ разрабатывается новая СКР LRCO.

7. Планы работ ЯОК США по развитию ядерного боезапаса.

Основные задачи ЯОК США определены следующим образом:

- применение науки для поддержания безопасности, защищенности и эффективности ядерного боезапаса;
- уменьшение угроз ядерного распространения и ядерного терроризма, включая проблемы с ядерными и радиологическими материалами;
- уменьшение рисков ядерных и радиологических инцидентов в мире и обеспечение гибкого реагирования в случае их возникновения;
- поддержка и создание эффективных ядерных энергетических установок для ВМФ.

Планы управления боезапасом США SSMP-2018, SSMP-2020 [2,3] направлены на выполнение стратегической программы обеспечения безопасности и эффективности ядерного боезапаса и его модернизации на период до середины XXI века.

Выполнение научно-обоснованной программы поддержания боезапаса позволит Министерству энергетики и Министерству обороны гарантировать, что боезапас остается безопасным, защищенным и надежным. В основе этих возможностей – специальные установки и методы диагностики, высокопроизводительная компьютерная платформа и (что самое главное) специалисты ЯОК США мирового уровня: ученые, инженеры, конструкторы, обеспечивающие из года в год выдающиеся достижения по гарантиям качества боезапаса в условиях отсутствия ядерных испытаний.

К крупным достижениям ЯОК США можно отнести программу модернизации БГ W76 LEP, в рамках которой в период 2008-2019 гг. было произведено 1600 модернизированных БГ W76-1, являющихся основой боевого оснащения БР ПЛ. Учитывая, что БГ W76 является минимальной боеголовкой по габаритно-массовым характеристикам в боезапасе, можно считать, что подход к модернизации боезапаса США в рамках программ LEPs реализован и далее будет использоваться для других типов БГ, вероятно, с меньшим риском.

На работы ЯОК США выделяются крупные средства. Так в период 2021-2025 гг. общее финансирование программ ЯОК оценивается в 103 млрд долл. (около 7 трлн руб.), в том числе, на работы, связанные непосредственно с ядерным оружием в ЯОК ~ 81 млрд долл. (около 5,6 трлн руб., без учета средств, выделяемых Министерством обороны на работы с ядерным оружием) [5].

Модернизация ядерного боезапаса США производится в целом ряде программ LEPs [2,3]. Их основные характеристики приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Основные программы работ по модернизации боезапаса США

Программа	Сроки реализации	Стоимость программы в ценах 2019 г. (млрд долл.)	Стоимость программы в текущих ценах (млрд долл.)	Начало серийного производства
1. W76 LEP	2001-2019	4,2	3,5	2008
2. B61-12 LEP	2009-2025	8,1-8,9	7,9-8,8	2020-2021
3. W88 Alt370	2010-2025	2,7-3	2,7-3	2020-2021
4. W80-4 LEP	2015-2032	7,9-9,6	8,9-10,8	2025-2027
5. W87-1 LEP	2019-2037	9,7-12,2	11,7-14,8	2030-2031
6. NNW LEP	2023-2042	9,7-12,2	12,8-16,1	
7. FSM LEP	2027-2046	9,7-12,2	13,6-17,2	
8. NB61 LEP	2038-2056	8,2-11,8	15,1-21,9	

В соответствии с принятой в ЯОК США практикой для стоимостей программ модернизации боезапаса проводятся оценки диапазона стоимости программ.

Приведенные данные свидетельствуют о большом масштабе работ в США по обеспечению и развитию ядерного арсенала.

8. Политика России по обеспечению ядерного сдерживания.

В сложившейся геополитической обстановке и в условиях ограниченных экономических возможностей перед Россией стоит сложная задача обеспечения гарантий ядерного сдерживания вплоть до середины XXI века, а возможно и далее. Эта задача определена самой необходимостью

сохранения суверенитета России и возможностей ее развития в соответствии с национальными особенностями.

Стратегическое решение по этому судьбоносному вопросу содержится в Указе Президента Российской Федерации «Об основах государственной политики в области ядерного сдерживания» от 2 июня 2020 г. № 355.

Указ является документом стратегического планирования в сфере обеспечения обороны и отражают официальные взгляды на сущность ядерного сдерживания, определяет военные опасности и угрозы, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, принципы ядерного сдерживания, а также условия перехода Российской Федерации к применению ядерного оружия.

«9. Ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников.

10. Ядерное сдерживание обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие.

11. Ядерное сдерживание осуществляется непрерывно в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, вплоть до начала применения ядерного оружия.

12. Основными военными опасностями, которые в зависимости от изменения военно-политической и стратегической обстановки могут перерасти в военные угрозы Российской Федерации (угрозы агрессии) и для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, являются:

а) наращивание потенциальным противником на сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками территориях и в прилегающих морских акваториях группировок сил общего назначения, в составе которых находятся средства доставки ядерного оружия;

б) развертывание государствами, которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии;

в) создание и размещение в космосе средств противоракетной обороны и ударных систем;

г) наличие у государств ядерного оружия и (или) других видов оружия массового поражения, которые могут быть применены против

Российской Федерации и (или) ее союзников, а также средств доставки этих видов оружия;

д) неконтролируемое распространение ядерного оружия, средств его доставки, технологий и оборудования для их изготовления;

е) размещение на территориях неядерных государств ядерного оружия и средств его доставки.

13. Российская Федерация осуществляет ядерное сдерживание в отношении отдельных государств и военных коалиций (блоков, союзов), которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника и обладают ядерным оружием и (или) другими видами оружия массового поражения либо значительным боевым потенциалом сил общего назначения.

14. При осуществлении ядерного сдерживания Российская Федерация принимает во внимание размещение потенциальным противником на территориях других государств наступательных средств (крылатых и баллистических ракет, гиперзвуковых летательных аппаратов, ударных беспилотных летательных аппаратов), оружия направленной энергии, средств противоракетной обороны, предупреждения о ракетно-ядерном ударе, ядерного оружия и (или) других видов оружия массового поражения, которые могут быть использованы против Российской Федерации и (или) ее союзников.

17. Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного оружия и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»

Приведенные и другие положения Указа Президента Российской Федерации четко определяют принципы, цели и задачи ядерного сдерживания, осуществляемого Россией и являются базисом для их практической реализации в деятельности Министерства Обороны России и ядерного оружейного комплекса Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

9. Основные задачи организаций ядерного оружейного комплекса Российской Федерации.

Основные направления деятельности ядерного оружейного комплекса России определяются Указом Президента Российской Федерации «О федеральных ядерных организациях» от 26 июня 2014 г. № 467.

Указ предписывает:

«2. Определить в качестве приоритетных направлений деятельности федеральных государственных унитарных предприятий, названных в приложении к настоящему Указу:

а) проведение теоретических и прикладных исследований, опытно-конструкторских и технологических работ в области создания,

сопровождения в процессе эксплуатации ядерных боеприпасов и ядерных зарядов, утилизации и уничтожения их составных частей;

б) осуществление длительного хранения ядерных материалов, используемых при разработке, изготовлении, испытании, эксплуатации и утилизации ядерного оружия и ядерных установок военного назначения;

в) проведение исследований для своевременного реагирования на возможные научно-технологические прорывы в области создания вооружения и военной техники;

г) сохранение и развитие технологий в области ядерного оружейного комплекса Российской Федерации;

д) поддержание и развитие научно-производственной, технологической, экспериментальной и информационно-вычислительной баз ядерного оружейного комплекса Российской Федерации;

е) проведение мероприятий, обеспечивающих поддержание боевой готовности, надежности и безопасности ядерных зарядов и ядерных боеприпасов на этапах разработки, испытаний, производства, разборки и утилизации;

ж) создание и утилизация ядерных энергетических установок военного назначения».

10. О работах РФЯЦ-ВНИИЭФ на современном этапе.

Коллективы институтов РФЯЦ-ВНИИЭФ, его конструкторских бюро и тематических научных центров успешно работают по следующим основным направлениям:

- поддержание в необходимом состоянии ядерного арсенала России, повышение его эффективности, безопасности и надежности;
- развитие методов комплексного математического моделирования сложных физических процессов с использованием современных высокопроизводительных вычислительных систем;
- современные методы конструкторского проектирования сложных технологических систем;
- газодинамика быстрых процессов, физика и техника взрыва;
- ядерно-физические исследования и радиационная физика;
- создание ядерных исследовательских реакторов и проведение на них специальных исследований;
- разработка уникальной ускорительной техники;
- физика высокотемпературной плазмы;
- сверхсильные магнитные поля;
- инерциальный термоядерный синтез;
- лазеры, физика взаимодействия лазерного излучения с веществом;
- разработка и внедрение современных средств учета и контроля ядерных материалов;

- научно-техническое сопровождение международных договоров по ограничению ядерных вооружений и нераспространению ядерного оружия;

- технологии создания новых материалов;
- охрана окружающей среды, экологический мониторинг;
- исследования в области атомной энергетики;
- исследования и разработки в области неядерных вооружений;
- инновационная деятельность в гражданской области совместно с системообразующими предприятиями страны.

Институт располагает мощной расчетно-экспериментальной базой, включающей уникальные исследовательские установки, диагностические комплексы, системы сбора, обработки и передачи информации.

В РФЯЦ-ВНИИЭФ решаются сложнейшие технологические задачи по продлению гарантийных сроков и обеспечению воспроизводства специзделий в условиях изменения технологий и свойств материалов при отсутствии возможностей прямой проверки влияния целого ряда изменений в натурных испытаниях.

В РФЯЦ-ВНИИЭФ сложилась и развивается новая методология сопровождения ядерного арсенала, основанная на усилении возможностей расчетно-вычислительной, лабораторно-экспериментальной и производственно-технологической базы, что позволило в рассматриваемый период времени обойтись без ядерных испытаний.

В этих условиях необходимо обеспечение достаточного уровня сил глобального ядерного сдерживания и сил регионального ядерного сдерживания на основе современных средств ядерного боевого оснащения.

Важнейшим результатом работ РФЯЦ-ВНИИЭФ явилось создание нового поколения ядерного боевого оснащения для РВСН, создание нового поколения ядерных средств для авиационных стратегических ядерных сил. Проводится серьезная работа по модернизации ядерного оснащения для средств регионального ядерного сдерживания.

Основная задача сопровождения ядерного боевого оснащения, решаемая РФЯЦ-ВНИИЭФ, состоит в обеспечении эффективности, надежности и безопасности ядерных зарядов и боеприпасов, технических гарантий способности к поддержанию ядерного сдерживания в условиях уменьшения объемов ядерных средств и отсутствия натурных ядерных испытаний.

Решение этой задачи является важной составной частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности России в настоящее время и в перспективе в условиях новых вызовов XXI века.

Смена миропорядка (переход от «однополярного» к «многополярному» миру) создала много новых противоречий и вызовов. Ядерное оружие

является в этих условиях надежным гарантом национальной безопасности и сохранения суверенного развития России в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nuclear Posture Review Feb. 2018.
2. FY 2018. Stockpile Stewardship and Management Plan. Report to Congress. Nov. 2017.
3. FY 2020. Stockpile Stewardship and Management Plan. Report to Congress. July. 2019.
4. Стратегические ядерные силы США A.F.Wolf August 8, 2017. CRS Report RL33640.
5. DOE FY 2019 Budget Request. NNSA, Vol 1, March 2021.

СУРМА И.В.

кандидат экономических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН
заведующий кафедрой государственного управления
во внешнеполитической деятельности
Дипломатической академии МИД России

**ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ**

Аннотация. Рассматривается противодействие со стороны различных стран и международных институтов распространению фейков, вопросы кибербезопасности и цифрового суверенитета государства, роль фейковых аккаунтов как элемента «гибридного воздействия» и деградация информационного пространства. Подчеркивается важность международного сотрудничества в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических и преступных целях и вследствие этого – необходимость выработки под эгидой ООН универсального, юридически обязывающего нормативно-правового документа.

Ключевые слова: гибридное воздействие, кибербезопасность, фейки, цифровой суверенитет, внешнеполитическое противоборство, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), Интернет, ООН.

Сегодня глобальная информационная среда ухудшается и трансформируется до политически ангажированных фрагментов в современных условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета, формирующего современное глобальное информационное общество, не знает национальных границ и, как следствие, оказывает динамичное воздействие на все сферы общества и государства, включая процессы, происходящие в мировой политике. Сейчас, мы имеем множество каналов распространения информации, которая может быть рождена и в Твиттере и Видео-хостинге, и в Инстаграмм и других информационных ресурсах, а затем аккумулированная в новых новостных агрегаторах и пройдя те же социальные сети, может выдаваться как официальная точка зрения (Рисунок 1). При этом существенно усиливается Интернет-влияние и расширяются возможности манипулирования общественным мнением. В настоящее время все большее внимание уделяют возможностям социального инжиниринга с использованием Интернета и управления большими группами людей, в том числе и в политических целях.

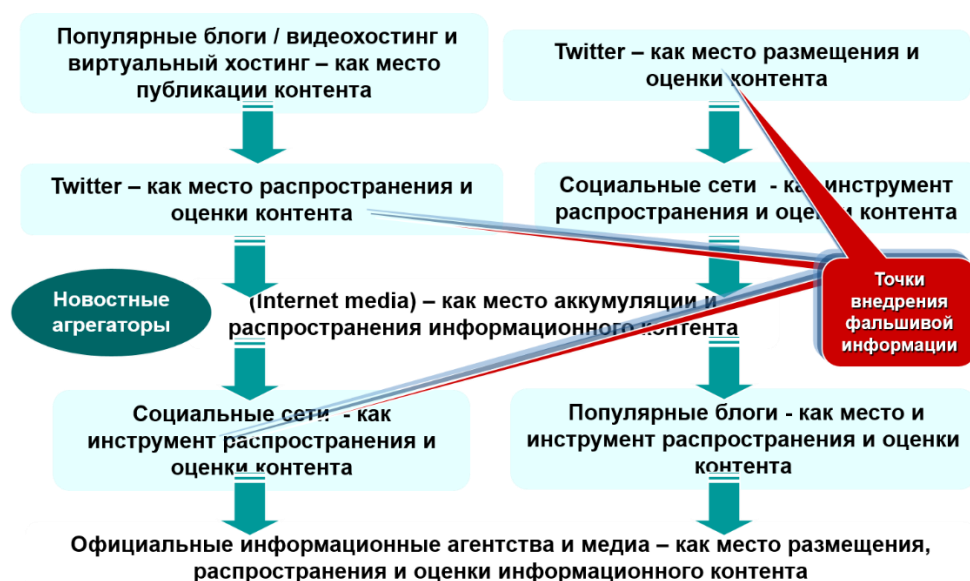

Рисунок 1 – Схемы распространения резонансного контента и информации о резонансных событиях

Фейки в геополитике

Социальные сети все чаще и чаще используются как эффективная среда для распространения ложной информации, недобросовестной конкурентной борьбы и политической пропаганды (Рисунок 2).

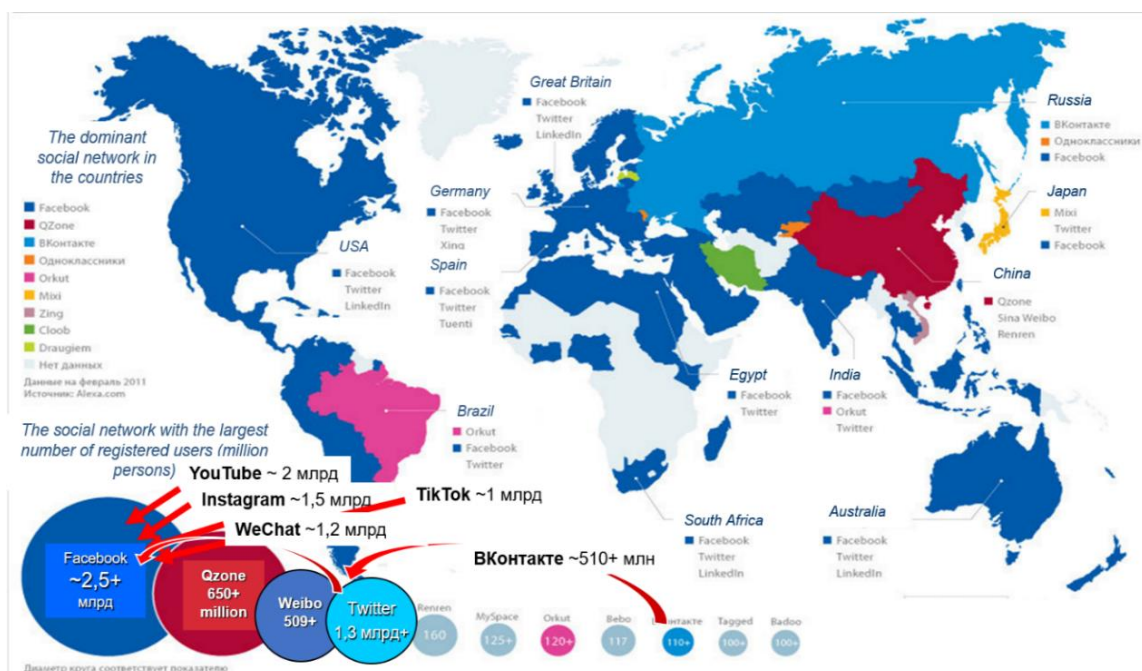

Рисунок 2 – Карта мира социальных сетей 2019-2020 гг.

Недавние, казалось бы, невинные шутки проложили путь к технологиям дезинформации, построенной на циничной работе с использованием особенностей и специфики массовой аудитории в Интернете. Фейки стали дежурным инструментом политики и геополитики.

Сегодня мировое сообщество приходит к пониманию того, что виртуальная реальность, основанная на фальшивках, начинает критически влиять на фактически происходящие политические процессы.

Если еще несколько лет назад фейки «вбрасывались» отдельными ангажированными личностями или структурами, то сейчас фейки «вбрасываются» основными политическими акторами:

- ведущими политическими партиями, в частности, раскрутка Рашенгейта («предвыборного сговора» Трампа с Кремлем) Демократической партией США;

- международными организациями, например, постановочные съемки «Белыми касками» химических атак в Сирии и др.

Это делается для достижения глобальных геополитических целей в условиях все больше нарастающей разбалансировки международных отношений. Масштаб и «поражающая способность» подобных фейков позволяет их инициаторам достигать сиюминутного значительного тактического выигрыша. Так «Рашенгейт» на два года фактически дестабилизировал деятельность администрации Трампа по многим направлениям внешней политики, а фейковые съемки, выполненные «Белыми касками» послужили предлогом для многочисленных военных ударов западных сил по Сирии, что препятствовало правительственным вооруженным силам борьбе с ИГИЛ (организации запрещенной в России).

Но, с другой стороны, использование подобных грязных методов впоследствии влечет за собой огромный стратегический проигрыш для их инициаторов, когда эти «глобальные фейки» рушатся в следствии установления подлинных фактов. Так было со знаменитой «пробиркой Пауэлла», когда выяснилось, что никакого оружия массового поражения в Ираке не было, а в пробирке, которую госсекретарь США продемонстрировал на заседании в ООН, находился стиральный порошок. Так навсегда рухнула репутация «героических» Белых касок и их спонсоров, когда сначала сами участники постановочных съемок, а затем и представители западных СМИ все настойчивее стали говорить о злонамеренной фабрикации видеоряда. Работающий в Сирии продюсер Би-би-си в своем Твиттере [1] написал, что видеозапись из госпиталя в сирийской Думе с пострадавшими от якобы химической атаки в апреле 2018 года является сфабрикованной. Сотрудник Би-би-си Риам Далати заявил, что после почти шести месяцев расследований он может с уверенностью «доказать, что сцена в больнице в Думе была сфабрикована» [2].

Считается, что в настоящее время международная политика перестраивается на бизнес-мораль, что ярче всего проявляется в действиях на мировой арене нынешней американской администрации. Современный мир вообще склоняется к прагматике и проведению в жизнь собственных интересов. Но и в жестких условиях бизнес-среды обман и мошенничество,

как известно из практики, могло и может навсегда лишит любого, попавшегося на подобных неблагоприятных поступках, участия в дальнейшей сделке, да и вообще возможности присутствия в «порядочном обществе».

Приведем пример политического троллинга, который в истории цифровой дипломатии разоблачил один из пользователей мировой паутины, назвав свое сообщение «Путин спонсирует терроризм: клеветническая кампания Белого дома в «Твиттере» и Google» [3]. Оказалось, что Белый дом купил ключевые слова в Google, чтобы нанести удар по Путину. Используя Keyword Spy (весьма уважаемый и широко используемый ресурс в SEO-индустрии), журналисты проверили сообщение и выяснили, что, действительно Белый дом купил ключевые слова в Google, используя доменное имя WhiteHouse.gov (Рисунок 3). Также нашлись и другие ключевые слова, которые купил Белый дом.

Как считают журналисты портала «Переводика», проводившие расследование, такой набор слов связан с тем, что Telenor (огромная телекоммуникационная компания, базирующаяся в Норвегии и предоставляющая телекоммуникационные услуги в Восточной Европе) и Russia является, вероятно, популярным критерием поиска Google в России и на Украине. И Белый дом купил ключевые слова в Google, чтобы троллить Путина [3]. Все вышеприведенные примеры показывают, что сетевое сообщество активно реагирует на цифровую дипломатию, а та в свою очередь не оставляет без внимания эту реакцию.

No.	Ad Copy	ROI ↑	Affiliate	Keyword	Volume	CPC	Position	Days Seen	Last/First Seen
1.	Putin Sponsors Terrorism Vote to stop him and prevent war Your vote a re-post count! whitehouse.gov	0	N/A	telenor russia	110	\$0.10	Last: 7 Avg: 7.0	1/12 days	28 Apr 2014, 12:21 PM 28 Apr 2014, 12:21 PM
2.	Infographic: What \$40 Means to Americans Infographic: What \$40 Means to Americans Across th White House whitehouse.gov/infographics/what-40-dollars-means	0	N/A	\$40	0	\$0.05	Last: 6 Avg: 6.0	1/0 days	11 May 2014, 08:42 PM 11 May 2014, 08:42 PM

Рисунок 3 – Сообщение на Keyword Spy о приобретении ключевых слов

Отличие мистификаций прошлых лет от современных новостных фальшивок состоит в активном влиянии последних на общество и политику. Такие псевдоновости могут «быть вброшены» в Интернет-пространство с помощью специальных сайтов, главное назначение которых – создание и распространение «фальшивок». Например, фейковая информация с сайта AWD News, озаглавленная как – Министр обороны Израиля: «Мы уничтожим Пакистан ядерным ударом, если он отправит

войска в Сирию под любым предлогом», чуть было не спровоцировала начало ядерной войны. Соответственно пакистанский министр обороны в ответ через Twitter напомнил, что «Пакистан – тоже ядерная страна» (Рисунок 4 и Рисунок 5) [4].

Рисунок 4 – Новость, опубликованная на сайте AWD News 23.12.2016 г.

Рисунок 5 – Страничка министерства обороны Израиля в Twitter с сообщением о том, что заявление о Пакистане было фейковым

В конце 2016 года в Бангкоке прото-фейковые новости спровоцировали срабатывание сервиса Facebook под названием Safety Check. В результате в продолжении часа осуществлялась рассылка сообщений о взрывах в столице Таиланда, прежде чем Facebook смог деактивировать ее и, соответственно, принести извинения пользователям. Позже выяснилось, что Safety Check взял информацию о взрывах с сайтов фейковых новостей, которые использовали сообщения о взрывах, произошедших еще в 2015 году [5]. Как сообщил Facebook, сервис Safety Check активируется благодаря автоматическому алгоритму, который отслеживает публикации и новости о происшествиях по всему миру. Приложение Safety Check, было запущено социальной сетью в октябре 2014 года и должно было идентифицировать своих пользователей, которые находились в зоне происшествий, и отправлять уведомление с вопросом о безопасности. В действительности это уже не первый случай, когда Facebook по ошибке активировал эту функцию. Например, после взрыва в Пакистане в марте 2016 года этот сервис отослал оповещения пользователям в Великобритании и США.

Виртуальная реальность и фейковые аккаунты

Как считает подавляющее большинство американских либералов, фейковые новости, которые распространяются с помощью Facebook и Twitter, в конечном итоге привели к победе Трампа на прошлогодних президентских выборах в США [6]. Эксперты подтверждают, что фальшивые новости распространяются с помощью социальных сетей значительно активнее, в отличие от их последующих разоблачений. К тому же, даже представленный ряд примеров показал разнообразие источников формирования ложных новостей. Подобные псевдо-новости в Интернет-пространство могут бытьброшены специальными сайтами, основным предназначением которых как раз и является создание и распространение «фейков». Примерами таких сайтов могут служить украинские «Репортажист» и UaReview, американские Daily Rain и The Onion или российские Smixer.ru, Fognews, lapsha.ru, hobosti.ru и др. С другой стороны, лже-новости появляются и в результате некоторого непрофессионализма журналистов, а иногда и намеренной цели распространить ложь. Этот процесс также может происходить после взлома Интернет-медиа и умышленного вбрасывания дезинформации.

До сих пор в сети Facebook существует фальшивый аккаунт Марии Захаровой [7, 8, 9], а в Twitter – фальшивый аккаунт министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова.

Фейковые аккаунты как элемент «гибридного воздействия»

Вызывает озабоченность тот факт, что информацию, размещенную на фейковых страницах, сознательно или по ошибке используют вполне серьезные СМИ. Так на сайте телеканала Euronews (англоязычная версия) в своем комментарии на принятие региональным советом итальянской области Венето резолюции, которая призывает отменить санкции против России и признать статус Крыма, в качестве официальной реакции со стороны России приводится скриншот Twitter – «аккаунта С. Лаврова». Хотя известно, что у С. Лаврова нет аккаунта в социальных сетях. Эта дезинформация, целью которой является раскрутка фальшивого ресурса, предназначенного для дискредитации внешней политики России, является элементом того самого «гибридного воздействия», предпринимаемого западными элитами в ходе растущего противостояния с нашим государством. Любопытно, что Петр Федоров (Вице-президент наблюдательного совета Euronews), комментируя публикацию текста со ссылкой на фейковый аккаунт министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Twitter, назвал произошедшее проявлением непрофессионализма британской службы Euronews, а ошибка была допущена ими несознательно и что все работники Euronews «находятся под серьезным информационным давлением мейнстрима западных средств

массовой информации, которые вольно или невольно принимают участие в информационной войне против России» [10].

МИД России 19 апреля 2017 года известил Роскомнадзор о фактах появления в Facebook фальшивых аккаунтов российских дипломатических миссий в Чехии и Словакии, однако администрация Facebook не стала их блокировать. Фейковые «посольства» распространяли недостоверную информацию, а ситуация усугублялась тем, что вместо сотрудничества с реальными дипломатами, администрация Facebook предпочла заблокировать официальные страницы посольств, сохранив поддельные аккаунты. После блокировки страницы посольства РФ в Словакии, ее поддельный двойник был переименован в «Советское посольство в Чехословакии», а фейковая страница российской дипмиссии в Чехии переименована в «Неофициальный ресурс российского посольства в Чехии» (Рисунок 6).

В качестве «информации к размышлению» можно добавить, что в октябре 2016 года была создана структура МВД Чехии «по борьбе с пропагандой из России и прочими попытками иностранных государств влиять на мнение жителей страны».

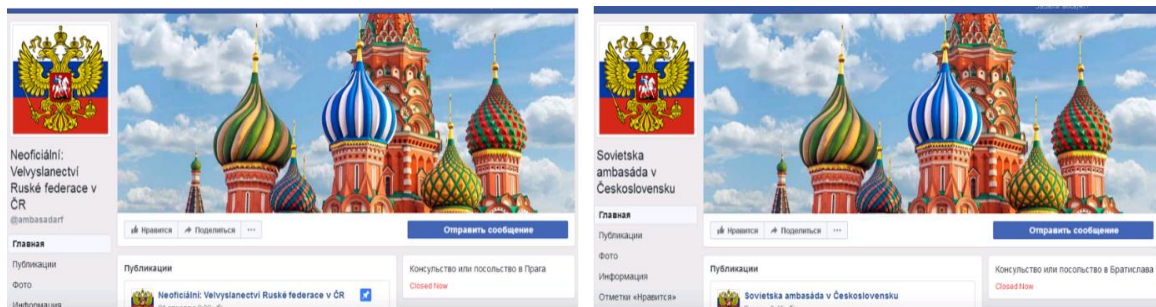

Рисунок 6 – Фейковые аккаунты посольств России в Чехии и в Словакии

Как заявил глава этого ведомства Милан Хованец, в новом подразделении числится 20 человек, оперативно реагирующих на дезинформацию в социальных сетях и обучающих государственных чиновников противодействовать ей. «Мы хотим попасть в каждый смартфон», – сказал Хованец [11]. Трудно отделаться от мысли, что вряд ли между созданием в Чехии подразделения по «борьбе с русской пропагандой» и появлением фейковых аккаунтов российских дипломатических представительств в Чехии и Словакии нет никакой связи.

Это не первый случай, когда в создании фейковых аккаунтов и фейковых новостей можно проследить участие государственных структур западных стран. Например, ряд федеральных министерств Германии финансируют создание фейковых аккаунтов, компрометирующих российские государственные органы и российских политических лидеров. Партия Зеленых Германии «прямо участвует» в нападках на руководство

России. Так ведение фейкового аккаунта МИД России осуществляет глава киевского отделения фонда Генриха Белля, который связан с Партией Зеленых. Фонд Генриха Белля (немецкая неправительственная организация, занимающаяся развитием правозащиты, гражданского общества, социальной активности и политическим образованием) существует, прежде всего, на деньги немецких граждан и используется в «нечистоплотных антироссийских целях».

SMM и SERM – структуры в формировании общественного мнения

Мировые события последнего времени, сопровождаются массовыми вбросами в социальные сети ложной информации, ростом активности Интернет-троллей и другими явлениями. В этих условиях технологии по воспроизводству фейков могут быть весьма востребованы в социальных сетях. Еще в январе 2015 года Facebook опубликовал в своем блоге информацию о появлении функционала, позволяющего выделять, так называемые, «утки» на основе отметок пользователей. Тем не менее, анализ показал, что пользователи просто не способны распознать подобные «утки» и что опровержения ложной информации распространяются гораздо медленнее и хуже, чем сама фальшивка. Фальшивые новости, как правило, активно используют «вау-фактор» и обладают высокой виральностью¹. Опровержения же более обыденны и вызывают некоторое разочарование, которое не способствует их распространению. Этот эффект «вау-фактора» активно используется в ходе развернувшейся информационной атаки на Россию. В адрес России в зарубежных СМИ публикуется огромное количество обвинений, но не предоставляются никакие доказательства. В условиях усиливающейся конфронтации российское внешнеполитическое ведомство даже открыло специальную рубрику на своем официальном сайте, которая демонстрирует примеры подобных публикаций, распространяющих ложную информацию о России (Рисунок 7).

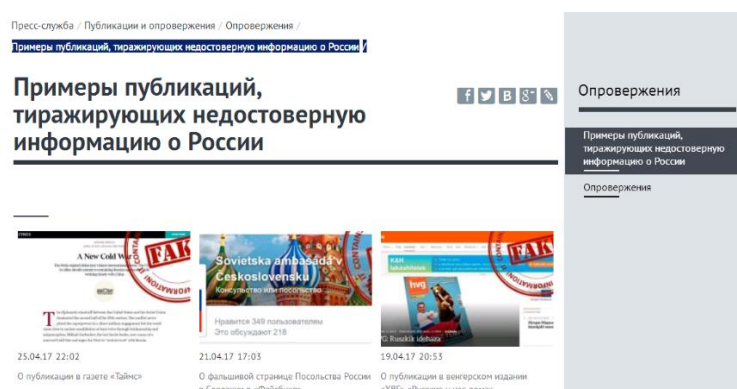

Рисунок 7 – Рубрика ФЕЙК на официальном сайте МИД России

¹ Виральность – способность быстро и широко распространяться.

Для продвижения в информационном пространстве фейковых новостей широко используются фейковые аккаунты или боты. Использование оплачиваемых троллей и блогеров в политических или коммерческих целях не афишируется, но и не скрывается. Для некоторых SMM и SERM - агентств (SMM – «*Social Media Marketing*» и SERM – «*Search Engine Reputation Management*» – это агентства, деятельность которых направлена на продвижение клиентов в социальных сетях и управление репутацией в Интернете) и других специально созданных структур публикация фейков становится одним из стандартных инструментов продвижения в социальных сетях. Подобные инструменты используются как для PR, так и для дискредитации политических оппонентов или конкурентов. Помимо коммерческих агентств, в некоторых странах существуют квазигосударственные SMM и SERM – структуры. Как правило, они не публичны и репутационных рисков для них не существует. Для дискредитации политических противников они используют любые легитимные SMM-инструменты.

Подобные инструменты применяются, например, в кампании «ЕС против дезинформации», организованной Оперативной рабочей группой по стратегическим коммуникациям East StratCom Task Force. Группа была создана решением глав государств и правительств ЕС в марте 2015 года для противодействия российским дезинформационным кампаниям. Из последних акций, в частности, можно отметить факт выдвижения в адрес России бездоказательных обвинений в кибератаках на государственные органы и СМИ Грузии в октябре 2019 года. Аналогичным образом раздувалась шумиха и о «бесчеловечных» атаках со стороны России на объекты здравоохранения Чехии, задействованные в борьбе с коронавирусом. «Русским хакерам» пытаются также приписать попытки получить доступ к сетям разработчиков вакцины от COVID-19 из США, Великобритании и Канады.

Деградация информационного пространства

«Фейковые аккаунты» или «боты» – одна из самых существенных проблем в социальных сетях, так как они нарушают экологию Интернета, распространяют спам, осуществляют кражу личных данных, вмешиваются в обсуждения и внутренние дела стран, влияют на тренды и нарушают цифровой суверенитет государства. Пока Твиттер не предложил способ борьбы с ботами, что может привести к смерти этой социальной сети [12]. При этом боты, которые применяются для «раскрутки» и продвижения политического деятеля, могут при их обнаружении вместо улучшения репутации заказчика ее основательно разрушить. К сожалению, подобные примеры можно найти и в отечественной практике. Например, группа «Инфометр» проверила, сколько фейковых аккаунтов среди пользователей, кто подписан на каналы российских органов власти. Был определен

характер активности таких подписчиков и составлены рейтинги по количеству активных пользователей, подписанных на аккаунты Федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в Твиттере. Средний процент фейков среди подписчиков этих аккаунтов в Twitter составил 66,3 %, что от общей аудитории (это 1 015 922 ботов) (Рисунок 8).

Twitter-подписчики органов власти

Рисунок 8 – Анализ качества подписчиков аккаунтов Федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации

Результаты анализа выявили зависимость (коэффициент корреляции 0,77) между количеством подписчиков и процентом фейковых аккаунтов. Например, аудитория подписчиков МИД России (на момент анализа) составляла 520 000 человек (рост аудитории за месяц составил 67 000), а ботов среди них – 77 %. Схожая ситуация и у ФАС (162 000 подписчиков и 72,5 % фейков), а у Россотрудничества (92 000 и 74,5 % фейков) (Рисунок 9).

Рисунок 9 – Рейтинг качества аккаунтов Федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации

Причин этого может быть несколько, однако основная проблема, по мнению экспертов – это неправильная формулировка целей продвижения государственных структур в социальных сетях. Неверные цели приводят к неверным результатам, а поскольку из-за ботов теряется доверие аудитории, эксперты рекомендуют удалять из подписчиков фейковые

аккаунты (например, с помощью инструментов, предоставляемых SMM и SERM –агентствами).

Противодействие со стороны различных стран и международных институтов распространению фейков, кибербезопасность и цифровой суверенитет государства

Благодаря своим коммуникационным возможностям между пользователями, Твиттер и ряд других социальных сетей явились удобной системой для мобилизации различных социальных групп по многочисленным задачам, например, таким, как организация акций протеста. Следует отметить, что по этой причине правительства Китая, Ирана, Северной Кореи и Египта заблокировали работу сервиса Твиттер в этих странах, в целях поддержания общественного контроля на их территориях. Так как, Твиттер использовался, чтобы организовать, так называемые «Твиттер-революции» и протестные движения, которые были скоординированы и спланированы через Твиттер, а также для организации и мобилизации протестующих, а также трансляции в онлайн режиме новостей на весь мир. Характерными примерами являются Египетская революция в 2011-2013 гг.; протесты на выборах в Иране и в Молдове в 2009 году; протесты студентов-евреев во Франции в 2012 году; акции против коррупции в Турции в 2014 году; акции из-за переворота в Украине в 2013-2014 годах; протесты и призывы к убийству в Венесуэле в 2014 и 2018 годах.

Следующие примеры – это действия террористов во всех уголках мира, включая Сирию, Ирак и другие страны, с использованием возможностей Интернета. Если обобщить, то можно выделить восемь различных, хотя и иногда частично совпадающих, способов использования сети Интернет джихадистами. Это – психологическая война; реклама и пропаганда; сбор данных; сбор средств; вербовка и мобилизация; создание сетей; распределение информации; планирование и координация. Причем они используют технологии стратегической коммуникации, а именно синхронизацию «слова», «образа» и «действия». Особенно ярко потенциал и возможности ИГИЛ (организация, запрещенная в России) в Интернете, с использованием социальных сетей, проявились на фоне сирийского кризиса. Именно эта организация одной из первых создала административные структуры со штатом блогеров для ведения целенаправленной работы в Интернете, привлечения новых рекрутов и распространения идеологии терроризма. ИГИЛ (организация, запрещенная в России) активно внедрялось в существующие социальные сети: Twitter, Facebook, YouTube, Instagram. За несколько лет ИГИЛ (организация, запрещенная в России) обзавелась там большим числом сторонников. С помощью социальных сетей решалось сразу несколько задач – презентация организации среди радикально настроенных мусульман,

вербовка сторонников и бойцов, сбор средств, запугивание политических и военных противников. Десятки тысяч твитов, фотографии и видео расправ над противниками, где перемешиваются реальные и постановочные фото, оказывали деморализующее действие на солдат иракской и сирийской армий в ходе военных действий. Таким образом, социальные сети и, в частности, Твиттер стали «модным инструментом для монтажа и дестабилизации в информационной и психологической войне» [13, 14].

Ситуация с информационным полем, как национальным, так и международным, становится настолько серьезной, что многие страны начинают предпринимать различные, в том числе и законодательные меры. В Китае с 1 марта 2015 было запрещено использование никнеймов с именами лидеров иностранных государств, знаменитостей и других псевдоучетных записей, а также использование информации, причиняющей ущерб государству и обществу. Кроме того, в 2016 году Китай запустил платформу (Guokr.com) для отслеживания недостоверной информации в Интернете. Фактически из небольшой сети научно-популярных блогов сайт вырос в Guokr Media с собственным венчурным фондом размером в 1 млн долларов. Целью этого проекта являлась популяризация науки и развенчание мифов, придуманных новостей, потому что в Интернете много домыслов и вранья. Поэтому самая популярная группа на сайте называется «измельчитель слухов» и она занимается опровержением фальшивой информации.

За создание фальшивых профилей в социальных сетях пользователи в Великобритании, как сообщает Independent [15], могут быть привлечены к уголовной ответственности. Королевская прокурорская служба Великобритании будет преследовать тех, кто использует социальные сети под вымышленными аккаунтами для того, чтобы нападать на других людей. Новые английские принципы как ответ на меняющийся характер онлайн-преступности также позволят привлечь к ответственности людей, которые создают профили в социальных сетях «под именем жертвы с поддельной информацией, которая может повредить их репутации и унижить их» [15]. Социальные медиа-гиганты Twitter и Facebook уже используют средства, сообщающие настоящее имя владельца профиля. Профиль, под именем другого человека, созданный «для введения в заблуждение», теперь может быть навсегда закрыт. Facebook ужесточает политику по отношению к фальшивыми аккаунтами, но социальная сеть не раскрывает деталей механизма противодействия этой угрозе. Facebook внес некоторые изменения, которые позволяют выявлять фейковые аккаунты, при этом алгоритмы Facebook анализируют такие паттерны, как наличие повторяющихся постов, увеличение количества отправляемых сообщений и т.п. Введенные изменения позволили найти и заблокировать во Франции более 30 тысяч фейковых аккаунтов. Сейчас следует отметить, что количество поддельных аккаунтов в Facebook небольшое, так

в 2016 году их доля составляла лишь 1 % от общей аудитории пользователей сети. Постепенно мировое сообщество приходит к пониманию того, что виртуальная реальность начинает критически влиять на процессы, происходящие в реальности действительной. Медиаресурсы сегодня переживают кризис доверия к ним, спровоцированный, прежде всего, резким падением профессиональных стандартов и массовым распространением «фейковых» новостей [16, 17]. Такая дезинформация по степени ущерба сопоставима с вирусной эпидемией, а для борьбы с ней необходима стратегия противодействия на наднациональном уровне.

Интересно отметить, что на этом фоне все настойчивее звучит призыв подвергнуть ревизии само понятие «суверенитет национального государства» в пользу некоторого глобализированного «объединенного суверенитета», обосновывая перспективность наднациональных (а не международных) структур и институтов. В этом плане глобальное информационное общество следует рассматривать как определенный вызов государственному суверенитету, так как отсутствие «информационного суверенитета» в современном мире может привести к потере государственного суверенитета в целом.

С другой стороны, обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере и развитие глобального информационного общества – практически взаимоисключающие задачи. Это обусловлено невозможностью определенного государства сохранять контроль над информационной политикой в условиях высокой интеграции в глобальное информационное общество. А контроль над этим обществом (над Интернетом в целом) осуществляется одним государством, что несет, в том числе и ряд угроз. Например, если любая хакерская группа поставит под контроль, хотя бы один из 13 корневых серверов, обеспечивающих нормальную работу Интернета, то она тем самым сможет контролировать все урны ниже лежащие по иерархии, включая IP-адресацию и социальные сети.

Сегодня увеличивается количество объектов инфраструктуры государства, поражение которых способно привести к возникновению межгосударственных конфликтов. К таким объектам теперь относят не только объекты военной инфраструктуры государства, но и целый ряд объектов экономической и социальной инфраструктур общества. В вооруженных силах многих государств создаются специализированные структуры для управления использованием ИКТ в ходе вооруженного противоборства, для информационного обеспечения систем управления войсками и оружием. Тенденции создания в вооруженных силах государств структурных подразделений, ориентированных на использование ИКТ для ведения «силового» противоборства, особенно опасны в условиях, когда отсутствует опыт применения принципов и норм

международного права для мирного разрешения международных споров по поводу инцидентов в ИКТ-среде.

Поэтому в рамках ООН было образовано три группы правительственных экспертов (ГПЭ), занимающихся анализом существующих и потенциальных киберугроз и возможных совместных мер по их нейтрализации. В 2015 году международное сообщество добилось значительного прогресса. Был расширен перечень добровольных норм и правил поведения государств в киберпространстве. К сожалению, созыв рабочей группы в 2017 г. завершился неэффективно и потерпел неудачу в том числе из-за позиции США и их сторонников, которые заявили, что формат ГПЭ исчерпал себя.

7 декабря 2018 года Генеральная ассамблея ООН подавляющим большинством голосов одобрила российскую резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Резолюция содержит два принципиально важных элемента. Во-первых, это первоначальный свод правил ответственного поведения государств в информационном пространстве, сформулированный на основе рекомендаций группы правительственных экспертов ООН. Во-вторых, в нее вошел призыв к Генассамблее создать в 2019 году рабочую группу по международной информационной безопасности открытого состава. Против резолюции России проголосовали, в частности, США.

Отметим, что мировое сообщество раскололось при обсуждении норм, правил и принципов ответственного поведения государств в ИКТ-среде, рекомендованных Группой правительственных экспертов консенсусом в Докладе 2015 года. Принятые Генеральной Ассамблеей ООН две резолюции по данному вопросу означают существование серьезных противоречий между государствами мира по проблемам правового регулирования отношений в ИКТ-среде, а также отсутствие общего видения подходов к разрешению этих противоречий. Тем не менее, позитивной стороной, сложившейся ситуации, наверное, можно считать только то, что у двух Групп экспертов ООН задекларирована общая цель – это создание открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной ИКТ-среды. Поэтому очень важно определить приоритетные направления международного сотрудничества в области предотвращения использования ИКТ во враждебных военно-политических целях.

Сегодня человечество столкнулось с вызовом, обусловленным необходимостью применять международное право для регулирования отношений в принципиально новой среде, в которой пока не представляется возможным объективными способами зафиксировать как признаки нарушения международных обязательств, так и установить субъектов международного права, причастных к этим нарушениям. Одним из малоизученных, крайне сложных, но настолько же важных вопросов является вопрос о порядке установления пространственных пределов

государственного суверенитета в ИКТ-среде. По существу, человечество столкнулось с вызовом, обусловленным необходимостью применять международное право для регулирования отношений в принципиально новой среде, в которой не представляется возможным использовать хорошо знакомые и отработанные процедуры «делимитации» и «демаркации» границы. Решение столь важной проблемы способно очертить контуры будущей системы международной информационной безопасности.

Следует отметить важность международного сотрудничества в борьбе с использованием ИКТ в террористических и преступных целях и вследствие этого – необходимость выработки под эгидой ООН универсального, юридически обязывающего нормативно-правового документа по противодействию использованию ИКТ в преступных целях. По данным ФБР, в самих США ежегодно фиксируется более 300 тысяч киберпреступлений, которые, по разным подсчетам, наносят ущерб экономике США в размере от 57 до 109 млрд долл. Основными проблемами, с которыми странам приходится сталкиваться в рамках международного сотрудничества в области борьбы с киберпреступностью, являются: 1) отсутствие своевременного реагирования на запросы о производстве следственных действий или предоставлении материалов, необходимых при расследовании киберпреступлений; 2) отсутствие необходимого законодательного регулирования на национальном уровне по вопросам: а) использования серверов, позволяющих скрывать данные об IP адресах пользователей; б) применения «облачных» технологий; в) сохранения электронной информации на носителях в течение определенного периода времени, а также доступ государственных органов к соответствующей информации; г) привлечения лиц к ответственности за создание и использование механизмов, позволяющих устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания; 3) недостаточная оперативность взаимодействия компетентных органов государств [18].

С российской стороны регулярный обмен экспертной информацией о проявлениях вредоносной активности обеспечивается Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам. Показательно, что количество государств, с которыми организовано такое взаимодействие, за 2019 год выросло со 116 до 146. Россия настойчиво предлагаем своим зарубежным партнерам на государственном уровне идти по пути неполитизированного взаимодействия в вопросах борьбы с компьютерными атаками. Тем не менее, анализ отчетов ведущих зарубежных и российских компаний, работающих в области информационной безопасности, показывает, что наибольшее число компьютерных атак осуществляется с использованием информационной инфраструктуры, расположенной на территории США. Причем

американцы лидируют в статистике по вредоносной активности со значительным отрывом: за 2016-2019 годы – от 40 % до 75 % в зависимости от типа вредоносных воздействий.

Таким образом, остается открытым вопрос о противодействии использованию ИКТ для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, включая вопросы защиты прав человека в ИКТ-среде. Использование ИКТ для дезинформации международного общественного мнения в отношении действий, направленных на вмешательство во внутренние дела государств, а также в области признания, соблюдения и защиты прав человека в ИКТ-среде, повышает риски возникновения конфликтов, способных нарушить международный мир и безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бершидский Ю. Фейк российских СМИ: «Мировая пресса признала, что химатак в сирийской Думе не было» // The Insider – Интернет-издание. 14.02.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://theins.ru/antifake/141216>. (дата обращения 08.03.2020).
2. Гурьянов С. Продюсер Би-би-си в Сирии рассказал о съемках фейка о «химатаке» в Думе // Деловая газета ВЗГЛЯД. 13.02.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://vz.ru/news/2019/2/13/964119.html>. (дата обращения 09.12.2019).
3. Белый дом скатился до уровня – «Троль обыкновенный» // Переводика. 05.06.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа // URL: <http://pervodika.ru/articles/24713.html> (дата обращения 09.12.2019).
4. Emma Graham-Harrison. Fake news story prompts Pakistan to issue nuclear warning to Israel // The Guardian. 25 December 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/26/fake-news-story-prompts-pakistan-to-issue-nuclear-warning-to-israel> (дата обращения: 20.06.2020).
5. Natt Garun. Facebook's Safety Check in Bangkok misled users with news from 2015 // The Verge. 27 December 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.theverge.com/2016/12/27/14088982/fake-news-safety-check-bangkok-thailand>. (дата обращения: 27.12.2019).
6. Цукерберг: Facebook не виноват в том, что Трамп стал президентом // Русская служба BBC. 11.11.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37946959>. (дата обращения: 28.06.2020).
7. Сурма И.В. Генезис «цифровой дипломатии» // Дипломатическая служба. – 2017. – № 1. – С. 17-41.
8. Сурма И.В. Фейковые коммуникации в создании виртуальной реальности // Дипломатическая служба. – 2017. – № 4. – С. 94-101.

9. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики. // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 53-60.
10. Euronews объяснил публикацию фейкового твита Лаврова бессознательной русофобией. 24 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://lenta.ru/news/2016/05/24/euronews_lavrov/ (дата обращения: 23.01.2019).
11. В Чехии создана служба для борьбы с российской пропагандой // Радио свобода. 21.10.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.svoboda.org/a/28066756.html>. (дата обращения: 22.11.2019).
12. Представленность федеральных органов исполнительной власти в популярных социальных сетях. Этап II: Twitter // Инфометр. 03.02.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://infometer.org/analitika/foiv_twitter_2015. (дата обращения: 25.01.2020).
13. Viloría E. La guerra mediática a través de Twitter. 9 October 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.aporrea.org/medios/a196347.html> (дата обращения 12.12.2019).
14. Сурма И.В. Твиттер-дипломатия как инструмент внешнеполитической коммуникации // Дипломатическая служба. – 2020. – № 1. – С. 65-75.
15. Andrew Griffin. Making a Facebook account that appears to belong to someone else may be outlawed under the new rules // The Independent. 3 March 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/online-trolls-who-create-accounts-in-other-peoples-names-could-face-criminal-charges-a6909006.html> (дата обращения: 29.01.2020).
16. Медиаресурсы переживают кризис доверия: Захарова в ООН о мировых СМИ // Russia Today. 25 April 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russian.rt.com/world/article/382543-mariya-zaharova-genassambleya-oon> (дата обращения: 24.11.2018).
17. Гаврилина С.Ю., Сурма И.В. Государство и СМИ Великобритании: форма взаимодействия // Современная Европа. – 2020. – № 1 (94). – С. 49-59.
18. Сборник докладов участников тринадцатого международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». 22-25 апреля 2019 г., Гармиш-Партенкирхен. Германия. 2020. – 220 с.

Полковник ТОЛСТЫХ В.В.

кандидат военных наук

заместитель начальника управления – начальник научно-исследовательской лаборатории военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Полковник ВОРОНИН А.А.

кандидат военных наук

слушатель факультета национальной безопасности и обороны государства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления совершенствования системы военно-политического управления Российской Федерации с учетом повышения роли информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления по предотвращению, нейтрализации и отражению угроз в интересах укрепления обороны и безопасности страны.

Ключевые слова: военно-политическое управление, военные и невоенные меры, информационно-аналитическое обеспечение, национальная безопасность, оборона и безопасность, опасности и угрозы.

Вся предшествующая история развития человеческой цивилизации свидетельствует, что военная сила всегда была основным средством успешной реализации своих национальных интересов. Так продолжалось вплоть до последней четверти XX-го столетия, пока человечество в целом не осознало, что опора только на военную силу уже не обеспечивает решение глобальных проблем и защиту национальных интересов. Более того, развитие средств вооруженной борьбы сделало традиционную войну ограниченно способной к достижению политических целей, и поэтому все отчетливее стал проявляться феномен «бессилия силы», «парадокса силы», когда война с применением оружия массового поражения неминуемо может привести к глобальной катастрофе, а война с применением обычного оружия в локальных войнах и вооруженных конфликтах становится непредсказуемой в силу применения противником асимметричных действий.

Военная безопасность Российской Федерации, как известно, представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять.

В то же время обеспечение военной безопасности осуществляется путем предотвращения, локализации и нейтрализации военных угроз Российской Федерации, для чего используется вся совокупность имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов. Таким образом, сегодня решение проблемы обеспечения обороны и безопасности страны зависит не только от наличия достаточного военного потенциала, но и от способности государства предотвратить военный конфликт, либо сдержать потенциального агрессора, в том числе мерами военного и невоенного характера (Рисунок 1).

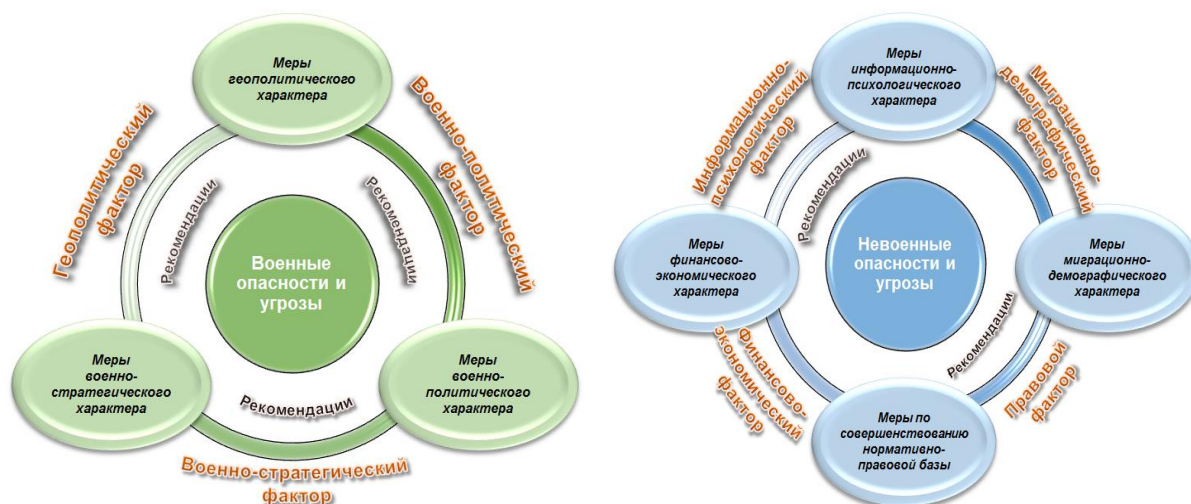

Рисунок 1 – Опасности и угрозы военного и невоенного характера

Сегодня все более очевидно, что будущие конфликты не ограничиваются лишь применением средств и методов военного насилия. Важнейшей их составляющей на современном этапе стали мероприятия невоенного характера, активно сопровождаемые средствами массовой информации. Поэтому невоенными мерами и средствами стало возможным добиваться таких целей, которые раньше достигались кровопролитными войнами, т.е. появилась «альтернатива» – «заменитель» войн, призванный подчинять, разрушать, завоевывать другие страны, навязывать свои порядки, переделывать мир, не развязывая войн. Одновременно появились такие термины как: «экономическая война», «идеологическая война», «информационная война», «гибридная война». Общенье мнений специалистов

указывает на существенный «сдвиг» доли невоенных мер по отношению к военным на рубеже смены веков (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Изменения соотношений военных и невоенных мер

Таким образом, невоенные меры приобретают целеустремленный и комплексный характер, становятся традиционно-асимметрично-подрывными.

Анализ источников показывает [1, 2], что в практической деятельности по обеспечению обороны и безопасности государства выработано следующее понимание военных и невоенных мер.

«Военные меры» – это содержание деятельности государства по подготовке и применению его военной организации или ее отдельных элементов в присущих им формах в целях защиты национальных интересов страны средствами военного насилия.

В период непосредственной угрозы агрессии роль вооруженных сил значительна, так как за счет демонстрации силы, решительного пресечения вооруженных провокаций или других военных акций нужно убедить агрессора в готовности и способности государства применить военную силу. А в военное время отражение агрессии осуществляется со всем напряжением военных, экономических моральных и физических сил государства, общества и личности.

«Невоенные меры» относительно новое понятие, но оно прочно вошло в научный оборот в последние годы. Вместе с тем слишком частое и бессистемное его употребление привело к размыванию заложенного в нем содержания. «Невоенные меры» стали рассматриваться составной частью военной политики и даже составной частью деятельности вооруженных сил. В практической деятельности подобные заблуждения весьма опасны. Вооруженные Силы должны выполнять только свойственные им задачи, применяя методы и средства вооруженного насилия.

Таким образом, под **невоенными мерами** следует понимать совокупность согласованных и взаимосвязанных мероприятий и действий во внутренней и внешней политике, проводимых различными институтами государства, общества и другими структурами, отдельными лицами в целях обеспечения военной безопасности государства в тех случаях, когда требуется дополнение или замена усилий в деятельности военного характера.

Целесообразно также раскрыть понятие **невоенных средств**, под которыми следует понимать совокупность средств, предназначенных для решения задач обеспечения военной безопасности без применения

военного насилия: социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности.

Приверженность Российской Федерации использованию военных и невоенных мер отражены в концептуальных и доктринальных документах Российской Федерации. Так, в Военной доктрине Российской Федерации дается ограниченный перечень военных и невоенных мер обеспечения военной безопасности по сферам их применения: это «политико-дипломатические, международно-правовые, экономические и другие».

К «другим» относят, как правило, еще 5-7 видов средств: информационные, идеологические, гуманитарные, психологические, разведывательные (политическая, экономическая, научно-техническая разведка), общественная (ненасильственная) оборона. Каждый вид невоенных средств имеет многообразный, комплексный инструментарий и определенные функции [3].

В настоящее время, военно-политическая деятельность Российской Федерации осуществляется в сложной обстановке развязывания США и странами Запада гонки вооружений, попытках разговаривать с Россией только с позиции силы, способствующих ухудшению российско-американских и российско-натовских отношений. Систематически нарушаются многосторонние договоренности и международные институты под прикрытием псевдодемократических ценностей, активно используются технологии «гибридной» войны», внедряются концепции «Глобальный удар», «Многосферное сражение», прокси-войн и т.д.

Стоит отметить, что США развивают теорию и практику всех видов противоборства в современных условиях, совершенствуют вооружение, военную технику и военные технологии, выводя вооруженное противоборство за ранее существовавшие рамки договоров и норм международного права.

В связи с этим, одной из основных и перспективных задач по обеспечению обороны и безопасности государства является совершенствование системы военно-политического управления Российской Федерации и создание оптимальной организационной структуры на основе внедрения информационных и цифровых технологий. Технологические решения должны отвечать современным требованиям в области принятия управленческих решений и взаимодействия всех ветвей власти, министерств, ведомств и других структур, задействованных в решении задач в интересах укрепления обороны и безопасности страны.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. [4] и другим нормативно-правовым актам, начался переход к цифровым технологиям в управлении. Была реализована Концепция электронного правительства, утвержденная

Правительством РФ 6 мая 2008 г. [5]. 9 июня 2010 г. принято постановление Правительства РФ № 403 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002-2010 годы)» [6] и другие правовые акты, поддерживающие пакет технологий и набор сопутствующих организационных мер, для организации цифрового взаимодействия между органами государственной власти, различных ветвей власти, гражданами, организациями и другими субъектами экономики.

Вместе с тем современный процесс трансформации системы управления осуществляется на фоне формирования информационного общества, и происходящая в мире цифровая революция изменяет все общественные институты и влияет в том числе на систему военно-политического управления (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Влияние информационного общества и цифровой революции на военно-политическое управление

В связи с этим, вопросы выявления и анализа опасностей и угроз национальным интересам Российской Федерации, их влияние на состояние обороны и безопасности Российской Федерации требует постоянного поиска рекомендаций по предотвращению, нейтрализации и их отражению в интересах укрепления национальной безопасности России.

В последние годы сделано немало в этом направлении. В то же время влияние кризисных ситуаций, происходящих в настоящее время в мире, в том числе пандемии коронавируса COVID-19 потребовало от профильных министерств и ведомств Российской Федерации в короткие сроки решать

задачи, изменяя методы управления и принятия управленческих решений с переходом на дистанционное взаимодействие.

Обеспечение требуемой оперативности управления в условиях динамически меняющейся военно-политической обстановки в мире, крайне сложно осуществить как в организационном, так и в техническом аспектах.

Это обусловлено рядом факторов к которым относятся:

возрастание уровня неопределенности военно-политической обстановки в современных условиях;

рост объема и разнообразия информации, подлежащей обработке в интересах управления совместным применением сил, средств и ресурсов органов государственного и военного управления;

сокращение допустимого времени на обработку информации и принятие решений.

Взаимодействие органов государственного и военного управления в вопросах обеспечения обороны и безопасности государства должно отвечать следующим требованиям:

совместное использование информационных ресурсов, установление и поддержание высокого уровня осведомленности должностных лиц, единое понимание обстановки и намерений руководящих лиц органов управления, повышение координации их действий;

полная совместимость средств управления, безопасная передача и обработка информации, управление ресурсами средств управления, контроль их состояния;

доступность введенных данных, возможность их получения в любом месте и в любое время, в защищенном и пригодном виде для решения поставленных задач по нейтрализации пандемии;

добывание, сбор, обобщение и распространение информации о развитии кризисной ситуации в зоне ответственности, прогнозирование характера изменения ситуации;

автоматизация процессов поддержки принятия решения руководящими лицами всех уровней по нейтрализации опасностей и угроз в масштабе времени, близком к реальному;

выработка и выбор эффективных вариантов решений на применение имеющихся сил, средств и ресурсов, а также осуществление контроля за исполнением решений.

Кроме того, как свидетельствует исторический опыт, процесс решения конкретных задач предполагает необходимость синтеза интеллекта, знаний и технологий. Одной из форм такой деятельности является экспертно-аналитическая работа, которая являясь составной частью процесса управления, предусматривает деятельность должностных лиц по изучению, преобразованию и осмыслению разнообразной информации с целью глубокого и целостного понимания поведения

изучаемого объекта (явлений) и среды его функционирования. В связи с этим, представляется очевидным повышение роли и места информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления по предотвращению, нейтрализации и отражению угроз в интересах укрепления обороны и безопасности страны.

Экспертно-аналитическая работа в процессе выработки политических и военных замыслов и принятия решений, разработки различных систем управления базами данных, математических моделей, информационно-расчетных задач в системе АСУ способствует повышению эффективности в организации управления обороной.

Сегодня, данные структуры нуждаются не только в традиционных системах сбора и обработки информации, в различных моделях и методиках, но и в наличии квалифицированных экспертов-аналитиков, способных оперативно оценивать состояние обстановки, прогнозировать тенденции развития и анализировать возможные последствия управленческих решений.

Для повышения эффективности функционирования системы военно-политического управления необходима подготовка соответствующих кадров не только для системы управления Вооруженных Сил, но и для военной организации государства в целом.

При этом приоритетным должно оставаться направление по повышению уровня подготовки должностных лиц и специалистов органов государственной власти к совместной работе, что позволит формировать категорию руководителей, обладающих оперативно-стратегическим кругозором и способных готовить обоснованные предложения по сферам деятельности своих министерств и ведомств, а также субъектов Российской Федерации в части, касающейся обеспечения обороны и безопасности государства.

Другим приоритетным направлением должно быть решение вопроса по созданию системы учебных макетов центров (залов) управления, учебных постов оперативных групп Федеральных органов исполнительной власти, а также аналогичных макетов центров (залов) в вузах Российской Федерации, имеющих аккредитацию по подготовке специалистов государственного управления (ВАГШ ВС РФ, РАНХиГС при Президенте РФ, академии МВД, МЧС, ФСБ, Дипломатической академии).

Необходимость решения данных вопросов, в первую очередь, обусловлена требованием современных войн к повышению уровня взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и эффективности функционирования системы военно-политического управления по выработке военных и невоенных мер в интересах укрепления обороны и безопасности Российской Федерации.

Таким образом, сегодня потребность в улучшении деятельности военно-политического руководства страны вызвана резким возрастанием информационных процессов, изменением характера и направленности опасностей и угроз национальной безопасности, необходимостью

оперативного анализа военно-политической обстановки и кризисных ситуаций, достоверности прогноза развития обстановки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная безопасность: учебник / под общ. ред. Р.К. Мугинов. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2018. – 493 с.
2. Россия в современном геополитическом пространстве: коллективная монография / Под общей редакцией С.В. Кураленко. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2017. – 208 с.
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. (дата обращения: 29.07.2020).
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 30.07.2020).
5. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=86005&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.5935230632685227#018691809676760807>. (дата обращения: 29.07.2020).
6. Постановление Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 403 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98481/> (дата обращения: 10.08.2020).

ФЕДОРОВА И.Е.

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН

**АМЕРИКАНО-ИРАНСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается американо-иранская конфронтация и возможности ее перехода в открытый военный конфликт. Исследуются последствия выхода Вашингтона из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Анализируется негативное воздействие политики Вашингтона на реализацию национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Соединенные Штаты Америки, национальные интересы Российской Федерации, Сирия, СВПД.

В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, подчеркивается, что «позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное воздействие на реализацию российских национальных интересов» [1]. Одним из таких очагов напряженности являются отношения между США и Исламской Республикой Иран (ИРИ), которые за сорок лет существования исламской республики неоднократно грозили перерасти в открытый военный конфликт, угрожающий не только национальным интересам Российской Федерации, но и способный подрвать всю международную систему региональной и глобальной безопасности.

Причиной конфликта между Вашингтоном и Тегераном является коренное изменение внутри- и внешнеполитического курса Ирана после Исламской революции 1979 г. Пришедшее к власти религиозное руководство ИРИ отказалось от приоритетного сотрудничества с США и их союзниками на Ближнем и Среднем Востоке, которое бывший шах Ирана ставил во главу своей политики. Была провозглашена независимая иранская внешняя политика, получившая название «Ни Запад, ни Восток».

Тегеран денонсировал ирано-американские экономические и военно-политические договоры, заключенные шахом Мохаммедом Реза Пехлеви и его отцом шахом Реза Пехлеви, вышел из СЕНТО, разорвал отношения с союзником США Израилем, изменил позицию в арабо-израильском

конфликте, ликвидировал американские базы на территории страны, прекратил дипломатические отношения с Вашингтоном. Наиболее острым моментом антиамериканской кампании стал захват заложников в американском посольстве 4 ноября 1979 г., который несмотря на безусловное нарушение Венской конвенции о дипломатических отношениях 1961 г. выглядел в глазах иранского народа символом победы над американской сверхдержавой [2].

Позиция Тегерана привела к разработке Вашингтоном комплекса политических, экономических и военных мероприятий, получивших название «кризисного реагирования». Их основная задача была добиться всесторонней изоляции Ирана на международной арене, смены режима в Тегеране и возвращения этой страны в орбиту американской политики в качестве управляемого клиента, имеющего ключевое геополитическое и военно-стратегическое значение на Ближнем и Среднем Востоке.

Многовекторное давление США на Иран насчитывает сорок лет и имеет целый ряд составляющих: военную, политическую, финансово-экономическую и информационную. Активно используется и потенциал специальных служб.

Рассмотрим подробнее траектории ирано-американского конфликта через призму интересов национальной безопасности России.

Экономические и финансовые санкции американской администрации в отношении Ирана вводились, начиная с 1979 г., под различными предлогами от нарушения прав человека до обвинений Тегерана в поддержке терроризма. Под них попадали и крупные иранские компании, и государственные деятели ИРИ вплоть до верховного лидера – аятоллы Хаменеи [3, 4]. Рестрикции были односторонними, вводились за редким исключением без одобрения Организации Объединенных Наций и являлись отражением традиционной стратегии Белого дома, при которой экономическое давление используется в качестве инструмента для ослабления своих геостратегических противников. Санкционное давление Вашингтона на Иран вступило в острое противоречие с внешнеполитическими приоритетами Москвы, которые заключаются в создании «устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право», поскольку девальвирует значение центрального элемента системы стабильности международных отношений: Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности.

Военная составляющая американской политики нашла выражение в выработке и реализации «доктрины Картера», одобряющей применение американской военной силы в Юго-Западной Азии для защиты национальных интересов США, и привела к расширению американского военного присутствия в регионе. «Пусть наша позиция будет абсолютно ясной: попытки каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно

важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми военными средствами, в том числе военной силой», – подчеркивал президент Картер в своем послании Конгрессу 23 января 1980 г. [5]. Для усиления американского военного присутствия в регионе Ближнего Востока и Северной Африки 1 января 1983 г. было создано Объединенное центральное командование военными силами США (US CENTCOM), в зону ответственности которого входят Египет, Иран, Пакистан, страны Машрика, Аравийского полуострова и Центральной Азии, акватории Персидского залива, Красного и Аравийского морей и северо-западной части Индийского океана, отвечающее за планирование и управления американскими войсками на потенциальном театре военных действий. По данным открытых источников численность американских военных сил в странах Ближнего и Среднего Востока в настоящее время составляет от 60 000 – до 70 000 чел. на полутора десятках крупных военных баз [6].

Увеличение военного контингента США в регионе, где сконцентрированы геостратегические интересы России, создает угрозу ее национальным интересам в связи со стремлением наделить американский силовой потенциал глобальными функциями, зачастую реализуемыми в нарушении норм международной безопасности.

Характерным примером использования Пентагоном своих подразделений, расположенных на Среднем Востоке, для противоправных, провокационных действий служит убийство командующего силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции иранского генерала Касема Сулеймани. 3 января 2020 г. был нанесен ракетный удар по аэропорту Багдада, в результате которого погиб генерал К. Сулеймани, заместитель главы иракского шиитского ополчения «Аль-Хашд аш-Шааби» Абу Махди аль-Мухандис и еще до десяти человек. Ракетный удар, по информации Нью-Йорк Таймс, был нанесен американскими беспилотниками, выпущенными с одной из американских баз в регионе, по приказу американского президента Д. Трампа [7].

В отчете специального докладчика ООН по вопросу о вне судебных казней А. Каламар, представленном 9 июля 2020 г. Совету по правам человека ООН, подчеркивалось, что убийство генерала К. Сулеймани явилось нарушением международного права. Согласно ее докладу США не смогли предоставить доказательств, оправдывающих нанесение удара по генералу и сопровождающим его лицам, так как ни он, ни его окружение не представляли в момент нанесения удара непосредственной угрозы американским гражданам. «В свете доказательств, представленных к настоящему времени США, удар по генералу К. Сулеймани и гибель сопровождающих его лиц представляют собой необоснованное убийство, за которое США несут ответственность в соответствии с международным правом» [8]. А министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров

подчеркнул, что это была целенаправленная акция государств – члена ООН по устранению официального лица другого государства – члена ООН, на территории третьего суверенного государства без его согласия [9].

Убийство генерала К. Сулеймани – провокационный незаконный шаг Белого Дома – явился пиком в сорокалетнем противостоянии между Ираном и США, поставил государства на грань открытого военного противостояния, напрямую угрожал национальной безопасности России и мог иметь самые тяжелые последствия для регионального мира и стабильности.

Еще одной важнейшей траекторией американо-иранского конфликта, создающей напряжение в регионе Ближнего и Среднего Востока, является политика Вашингтона в отношении ядерной программы Ирана.

Стоит напомнить, что программа развития ядерных технологий в Иране была начата шахом Махаммадом Реза Пехлеви после Второй мировой войны под руководством Соединенных штатов Америки в рамках программы президента Д. Эйзенхауэра «Атом для мира» («Atoms for Peace») и первый ядерный реактор был предоставлен Тегеранскому университету американским правительством. В этот период, в условиях глобального геополитического противостояния с СССР, союзнические отношения между США и Ираном активно укреплялись. И. Тегеран, обладающий, в том числе, ядерными разработками, был крайне важен для Вашингтона в качестве форпоста американской политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Антиамериканский курс иранской внешней политики после революции 1979 г. привел к повышенному вниманию Белого Дома к развитию новых технологий в Иране и поставил ядерную программу Тегерана в центр иранской политики США. При этом в первые годы XXI в. возможная военная составляющая иранской ядерной программы стала вызывать беспокойство не только США, но и всего международного сообщества. В 2003-2004 гг. появились данные о подпольной ядерной деятельности Ирана на объектах в Натанзе и Араке, которые противоречили нормам Международной организации по атомной энергии (МАГАТЭ), Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Дополнительному протоколу к договору о нераспространении ядерного оружия (ДП ДНЯО)¹. В связи с этим, начиная с 2006 г. шесть ведущих мировых держав: Великобритания, Германия, Китай, Россия, США и Франция, – путем дипломатических переговоров пытались поставить ядерную программу ИРИ под международный контроль. По их инициативе в 2006-2010 гг. Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций с требованиями к иранскому руководству прекратить деятельность

¹ Иран – член МАГАТЭ с 1958 г., подписал ДНЯО в 1968 г. и в 2003 г. ДП ДНЯО, расширяющий доступ МАГАТЭ к ядерным объектам и предусматривающий проведение внезапных проверок ядерных объектов, который не был ратифицирован иранским парламентом, но фактически выполнялся правительством ИРИ.

по обогащению и переработке урана, некоторые из которых предусматривали введение и ужесточение санкций против Ирана [10].

Напряженные международные переговоры завершились 14 июля 2015 г. подписанием Совместного Всеобъемлющего плана Действий по иранской ядерной программе (СВПД), предусматривающего снятие всех санкций против Ирана, введенных международным сообществом к 2025 г. (при условии соблюдения ИРИ параметров соглашения) и мониторинг МАГАТЭ иранских ядерных объектов в течение 25 лет. 20 июля Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2231, в которой одобрил СВПД, отменив, что его принятие ознаменовало коренной сдвиг в решении иранской ядерной проблемы [11].

Достижение за столом переговоров контроля над ядерной программой Ирана снизило напряженность в регионе, ограничило и сократило ядерно-технологический комплекс Ирана, установило режим транспарентности над иранскими исследованиями в ядерной области, открыло возможности для Российской Федерации и всего мирового сообщества развивать экономические и торгово-финансовые отношения с ИРИ.

Однако приход в Белый дом президента Д. Трампа, сменившего на посту президента США Б. Обаму, который выступал за более сдержанное отношение к руководству ИРИ, кардинальным образом изменила ситуацию на этом треке американской политики.

Задачей нового президента стало не только добиться заключения нового, «хорошего» по его выражению, соглашения с руководством Ирана, включающего ограничения по ракетной программе ИРИ и прекращения активной региональной политики Тегерана, но и ухудшить экономическую ситуацию в ИРИ с прицелом на дестабилизацию обстановки внутри страны [12].

8 мая 2018 г. президент США объявил о выходе из СВПД и о возобновлении американского санкционного режима в отношении Ирана. 7 августа 2018 г. был введен запрет на торговлю золотом с Тегераном и продажу ему американской валюты. В ноябре 2018 г. санкции коснулись закупок иранской нефти, полный запрет на которые стал действовать, начиная с мая 2019 г. Нарушая международное право, Вашингтон угрожал компаниям, не соблюдающим односторонний санкционный режим, введенный США, прекратить их деятельность на территории Америки. В результате экспорт иранской нефти, доходы от продажи которой составляли основную часть валютных поступлений в бюджет ИРИ, к середине 2020 г. упали с 2,5 млн баррелей в сутки до примерно 400 тыс. баррелей в сутки. Экономическая ситуация в стране резко ухудшилась и привела к расширению числа недовольных существующим режимом в исламской республике, причем как сторонников умеренно-либеральных, так и консервативных взглядов.

В этой ситуации, формально не выходя из сделки и по-прежнему разрешая проводить инспекции МАГАТЭ на своих ядерных объектах, Тегеран осуществил поэтапный план отказа от обязательств в рамках СВПД. Особую тревогу вызвало то, что в ответ на выход США из СВПД и возобновление широкомасштабного давления на Иран, руководство ИРИ неоднократно озвучивало возможность прекращения обязательств по ДНЯО и аннулировании своей подписи под этим документом [13].

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, можно утверждать, что негативные последствия выхода США из СВПД имеют фундаментальный характер.

Авантюристический шаг американской администрации подрывает значение резолюции, принятой Советом безопасности Организации Объединенных Наций, которая согласно статье 25 Главы V Устава носит обязательный характер для всех государств – членов ООН.

В случае ответного выхода из СВПД, Иран продолжит развитие своего ядерного потенциала неподконтрольного МАГАТЭ, что может привести к выходу страны из ДНЯО, превращению Ирана в «пороговое ядерное государство» и, в конечном итоге, к нарушению режима нераспространения¹.

Подобное развитие событий грозит ракетно-бомбовыми ударами Израиля при поддержке США по ядерным объектам ИРИ и спровоцирует новую войну в Персидском заливе. В этой ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, где не прекращаются гражданские войны и локальные вооруженные конфликты, произойдет дальнейшая дестабилизация всего региона, усилятся позиции террористических организаций, что напрямую окажет негативное влияние на экономическую и политическую стабильность в Российской Федерации.

Сирийский вектор американской политики стал еще одной причиной углубления американо-иранского конфликта и привел не только к обострению противоречий между Вашингтоном и Тегераном, но и затруднил возможность дипломатического решения ситуации в Сирийской Арабской Республике (САР). Необходимо отметить, что на этом треке США отстаивают не только свои интересы, но и интересы своего союзника на Ближнем Востоке – Израиля, оказывающего жесткое противодействие деятельности Ирана в регионе.

Руководство ИРИ рассматривает свои интересы в Сирии в широком региональном контексте идеологического, религиозного, геостратегического противостояния с традиционными противниками: монархиями Персидского залива, радикальными исламистами, США и Израилем. Немаловажное значение имеет и то, что территория Сирии является для Ирана удобным

¹ На данный момент 188 стран являются участниками ДНЯО. Израиль, Индия и Пакистан являются нелегитимными ядерными государствами, не подписавшими этот договор. А единственной страной, вышедшей из ДНЯО, является Северная Корея.

транспортным коридором для связи со своими военно-политическими союзниками в Ливане и выходом через Ирак и Ливан к Средиземному морю.

После революции 1978-1979 гг. отношения с САР в целом развивались в позитивном поступательном направлении, несмотря на различия в характере правящих режимов: религиозного исламского – в Тегеране, и светского режима партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения) – в Дамаске. Основу взаимодействия составили противоречия Х. Асада и Б. Асада, с ведущими арабскими государствами, а также антиамериканские и антиизраильские взгляды лидеров Сирии и Ирана.

В ответ на просьбу правительства САР и, основываясь на ирано-сирийском договоре о взаимной обороне 2006 г. и Дополнительном соглашении о военном сотрудничестве 2007 г., Иран оказал сирийскому правительству обширную военную и финансовую помощь в ходе гражданской войны для противодействия исламистским группировкам действующими на территории САР. При его помощи на территории Сирии была создана военная инфраструктура для иранских вооруженных сил и для многочисленных проиранских шиитских группировок: Хезболлы, бригад Фатимиюн и Зайнабиюн¹. Сотрудничество Тегерана и Дамаска, закрепленное и расширенное в рамках Всеобъемлющего Договора о военном сотрудничестве и сотрудничестве в сфере безопасности от 8 июля 2020 г., дало Тегерану новые правовые возможности для активизации своей политики в САР.

Присутствие Ирана, его возможность влиять на военно-политическую и экономическую элиту страны делает Иран важным тактическим союзником России в САР. Москва и Тегеран являются странами – гарантами Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию, признают единство, территориальную целостность и суверенитет Сирии, поддерживают режим в Дамаске в качестве единственного легитимного субъекта международного права. Вместе борются с антиправительственными, в том числе террористическими группировками, оказывая помощь правительственным войскам в восстановлении контроля над всей территорией страны.

Военный контингент США, насчитывающий по различным данным около 800-1000 чел. [14], находится на территории САР незаконно и, по существу, оккупирует часть территории независимого государства. На это неоднократно обращал внимание постоянный представитель России при ООН В. Небензя. Так, 23 июля 2020 г. на заседании Совета безопасности ООН он потребовал от США «незамедлительно прекратить оккупацию

¹ Фатимиюн и Зайнабиюн – военизированные группировки, созданные при помощи КСИР для участия в военных действиях в Сирии на стороне правительственных войск. Фатимиюн состоит в основном из афганских шиитов хазарейцев, Зайнабиюн – из пакистанских шиитов.

Сирийской Арабской Республики и вернуть ее природные богатства правительству» [15]. Помимо этого, США дислоцировали в Сирии несколько тысяч сотрудников частных военных компаний (ЧВК), которые занимаются подготовкой лояльных им боевых отрядов, охраной объектов нефтегазовой инфраструктуры, поставляют экстремистам оружие в оккупированные американскими силами районы Сирии [16]. Вашингтон наносит удары не только по позициям боевиков, но и по позициям сирийской правительственной армии и иранских прокси. Например, удары в апреле 1917 г. и в апреле 1918 г. Американские войска расположены в районе Эт-Танф, и на северо-востоке, где контролируют нефтяные месторождения в провинции Дэр-эз-Зор [17]. Вблизи этих районов располагаются союзные ИРИ вооруженные формирования и проходит сухопутный мост для переброски материальных и людских ресурсов между Тегераном и Дамаском. Такое близкое расположение американских войск и их союзников с иранскими прокси повышает возможность случайных военных столкновений, которые могут иметь широкомасштабные последствия.

Прямая военная конфронтация между иранскими и американскими силами на территории САР, которая может активировать уже существующие конфликты, напрямую угрожает национальным интересам Российской Федерации. Подвергает опасности вооруженные силы Москвы, расположенные в САР.

Комплексное давление США на Иран с использованием военных, политических, экономических, финансовых и подрывных инструментов с целью аннулирования присутствия Тегерана и его прокси на территории САР также противоречит национальным интересам России. Ослабление позиций Ирана приведет к активизации антиправительственных сил. В этом случае поддержка режима Башара Асада ляжет практически целиком на Россию и Москве придется проявить большую гибкость, чтобы предотвратить превращение страны в очаг новой региональной войны и сохранить свои позиции в этой стране, не став заложником националистических и военно-политических амбиций руководства САР.

В военной доктрине Российской Федерации среди основных внешних военных опасностей называется «дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности» [18]. В этой связи стоит обратить внимание на работу США по дестабилизации обстановки внутри ИРИ с прицелом на смену режима в Тегеране. США взаимодействуют с широким спектром иранских оппозиционных организаций за пределами ИРИ: монархических, националистических, этнических, леворадикальных.

В центре внимания Вашингтона наиболее крупные организации, признающие вооруженные методы борьбы с режимом в Тегеране. Тесные отношения поддерживаются с военизированной группировкой, нацеленной

на смену режима в Тегеране, «Организацией моджахедов иранского народа» (ОМИН) во главе с М. Раджави, на базе которой образован «Национальный совет сопротивления», являющийся политическим крылом этой организации.

Вашингтон учитывает, что из-за крайне левой идеологии и участия в военных действиях против Ирана во время ирано-иракской войны ОМИН не имеет поддержки в иранском обществе и не может быть задействована в качестве политической силы в Иране. Использует ячейки организации в Иране для получения разведданных, в частности о развитии ядерной программы Ирана, и организации терактов (убийства иранских ученых-ядерщиков взрыва на иранских ядерных и военных объектах), провоцировании насильственных действий со стороны органов правопорядка Ирана во время протестных акций.

Бывшие и действующие госслужащие США, развивают контакты с ОМИН, получают высокие гонорары за участие в работе ежегодных съездов и конференций. Среди них М. Мукасей, генеральный прокурор США (2007-2009 гг.), зарегистрировавшийся в качестве иностранного агента ОМИН и работающий на установлении связей между ОМИН и Белым Домом Дж. Болтон советник по национальной безопасности президента США (2018-2019 гг.), Р. Джулиани, личный адвокат президента США Д. Трампа, Л. Фри, директор ФБР (1993-2001 гг.), Дж. Джонс, советник президента Обамы по национальной безопасности (2009-2010 гг.), Том Ридж, министр внутренней безопасности (2003-2005 гг.). Благодаря их усилиям МЕК была исключена из списка террористических организаций (2012 г.), а материалы ОМИН публикуются в ведущих американских изданиях Fox, News, Washington Times, News Max, Washington Examiner для демонстрации поддержки иранским народом политики США.

Помимо ОМИН, США и Израиль поддерживают связи с курдскими партиями и группировками, базирующимися в Иракском Курдистане и осуществляющими трансграничные вооруженные рейды и теракты на территории Ирана. Наиболее влиятельные из них: Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК), возглавляет – Абдул Рахман Хаджи, Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), – лидер Мустафа Хиджри, Объединение леворадикальных группировок Комала, один из руководителей – Абдулла Мохтади. Цель курдов – получение автономии, а впоследствии, независимости – совпадает с планами как Вашингтона, так и Тель-Авива по дезинтеграции ИРИ по этническому принципу. Боевики иранских курдских группировок совместно с бойцами иракских пешмерга проходили обучение у американских инструкторов в Ираке в 2015 г. и получают от них оружие для борьбы с ИГИЛ. Среди них отмечалось присутствие членов ПСЖК, формально включенной США в список террористических организаций. ДПИК и Комала имеют представительства в Вашингтоне. Члены руководства этих

структур (Абдулла Мохтади, Мустафа Хиджри) регулярно встречаются с представителями госдепа для обсуждения помощи от США.

В кризисной ситуации после убийства генерала К. Сулеймани представители МЕК, КДПИ, Комала и ПСЖК одобрили действия Белого дома и заявили, что являются потенциальными союзниками США в случае ирано-американского военного конфликта.

Работа американских специальных служб с иранскими оппозиционными организациями за рубежом с целью, получения разведданных, организации провокаций и дестабилизации обстановки в Иране грозит разбалансированием региональной ситуации, усилением террористической активности там и ее переносом как в страны региона, так и на территорию Российской Федерации.

В заключении представляется возможным сказать следующее.

Политика России в регионе Ближнего и Среднего Востока испытывает зависимость от динамики развития американо-иранского конфликта, причины которого кроются в проведении иранским религиозным руководством независимого внешнеполитического курса после революции 1979 г. Усиление комплексного политического, экономического и военного давления Вашингтона на Тегеран и углубление американо-иранской конфронтации идет вразрез с интересами национальной безопасности Российской Федерации.

Увеличение военного контингента США в регионе, где сконцентрированы геостратегические интересы России, угрожает ее военной безопасности в связи с тем, что американский силовой потенциал наделяется функциями, реализуемыми в нарушении норм международной безопасности и ставит Иран и США на грань горячего военного конфликта. Характерным примером является убийство иранского генерала К. Сулеймани.

Выход Президента США Д. Трампа из СВПД, девальвирует значение резолюции, принятой Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Это угрожает приоритетам внешней политики России, которая определяет эти международные структуры в качестве ключевых элементов международной безопасности. Помимо этого, Тегеран может аннулировать свою подпись под ДНЯО, что приведет к нарушению режима нераспространения ядерного оружия и поставит Россию и весь мир перед угрозой его применения.

Незаконное американское присутствие на территории Сирии усилило антиправительственные и антииранские военизированные группировки, ослабило позиции Тегерана и повысило возможность прямого военного столкновения между иранскими и американскими прокси. Ослабление позиций Ирана в Сирии, приводит к тому, что Москве придется проявить максимальную гибкость, чтобы предотвратить превращение САР в очаг новой региональной войны и сохранить свои

позиции, не став заложником националистических и военно-политических амбиций Дамаска.

Прямая поддержка американскими спецслужбами иранской оппозиции за рубежом нацелена на дестабилизацию обстановки в Иране. Такая деятельность выделена в Военной доктрине Российской Федерации среди основных внешних военных опасностей, поскольку имеет результатом распространение террористической активности в регионе и за его пределами.

В условия роста напряжения в отношениях Тегерана и Вашингтона Москва концентрирует усилия на достижении решения конфликтных ситуаций дипломатическим путем, максимально широко привлекая Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Именно такой подход будет способствовать урегулированию вопросов на основе международного права с учетом национальных интересов всех сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 13.08.2020).
2. Федорова И.Е. Иран – США: диалог и противостояние. – М.: Дело, 2004. – 140 с.
3. Катасонов В. Санкции США против Ирана и иранский ответ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/02/13/sankcii-usa-protiv-irana-i-iranskij-otvet-25713.html> (дата обращения 02.07.2020).
4. Тимофеев И. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Журнал «Полис. Политические исследования». 2018. – № 4. – С. 56-71. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.politstudies.ru/article/5417>. (дата обращения: 02.07.2020).
5. Foreign Relations, 1977–1980, volume I, Foundations of Foreign Policy, Document 138. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v18/d45>. (дата обращения 17.11.2019).
6. US military presence in the Middle East and Afghanistan // Aljazeera. 13.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/interactive/2020/01/military-presence-middle-east-afghanistan-200113120612249.html>. (дата обращения 05.04.2020).
7. The Case for Killing Qassim Suleimani // The New York Times. 10/01/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:

<https://www.nytimes.com/2020/01/10/opinion/soleimani-iran-tom-cotton.html>. (дата обращения 17.06.2020).

8. Human Rights Council Extrajudicial, Summary or arbitrary executions. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial. Summary or arbitrary executions. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://A/HRC/44/38>. (дата обращения: 09.08.2020).

9. О телефонном разговоре Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Госсекретарем США М. Помпео // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 03.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3989636. (дата обращения 20.07.2020).

10. Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: политика и технологии // Год планеты. 2015. Ежегодник. – М.: Идея-Пресс, 2015. – С. 83-94.

11. Резолюция Совета Безопасности ООН №2231(2015). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/2231/background>. (дата обращения: 05.08.2020).

12. Федорова И.Е. Политика администрации Трампа в отношении Ирана // Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока. – М.: ДА МИД РФ, 2017. – С.158-168.

13. Зариф назвал условие выхода Ирана из ДНЯО // Атомная энергия. 21.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/01/21/100754>. (дата обращения 02.06.2020).

14. The US is committed to Syria mission, says top American general in the Middle East // MilitaryTimes. 26.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2020/01/26/the-us-is-committed-to-syria-mission-says-top-american-general-in-the-middle-east/>. (дата обращения 02.04.2020).

15. Небензя призвал США прекратить оккупацию Сирии // РИА Новости. 23.07.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://ria.ru/20200723/1574821693.html>. (дата обращения 02.04.2020).

16. Захарова заявила, что США поощряют деятельность террористов в Сирии // tass.ru. 16.07.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/politika/8985101>. (дата обращения 24.07.2020).

17. Плотников Н. Почему зона Эт-Танф превратилась в прибежище террористов. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2018-08-12/3_7286_kartblansh.html. (дата обращения: 10.08.2020).

18. Военная доктрина Российской Федерации (В редакции от 2015 г.) Раздел II, пункт 126. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL.: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/976907. (дата обращения: 12.08.2020).

Капитан ФРАЙДЕНБЕРГ А.Г.

старший офицер Департамента по чрезвычайным ситуациям
Костанайской области КЧС МВД Республики Казахстан

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОСНОВ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИЛ ОДКБ ПРИ РЕАГИРОВАНИИ
НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ СО ВЗРЫВАМИ
БОЕПРИПАСОВ**

Аннотация. В статье приведен анализ существующих и используемых специальными службами государств-участников ОДКБ в настоящее время в мировой практике способов противодействий угрозе экологической безопасности территорий населенных пунктов, при чрезвычайных ситуациях, вызванных неконтролируемыми взрывами боеприпасов. Рассмотрены применяемые формы проведения мероприятий, связанные с локализацией и ликвидацией угрозы экологической безопасности определенных территорий, а также основные проблемные вопросы, связанные с их проведением. Предложены некоторые возможные варианты решений.

Ключевые слова: боеприпасы, взрывы, ОДКБ, взаимодействие, способы, локализация, ликвидация, чрезвычайная ситуация, подготовка.

Обеспечение коллективной защиты государств-участников Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) имеет широкий спектр деятельности. Одним из направлений, указанных в пункте 8 Устава ОДКБ, является: «защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий» [1].

Из государств-участников ОДКБ только Казахстан является единственным государством на территории которого отсутствуют боеприпасы, оставшиеся после боевых действий Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. В Казахстане отсутствуют «схроны», игравшие роль арсеналов незаконных вооруженных формирований и бандгрупп, организовывавших конфликты националистического характера или распространение наркотиков. Однако это, как показывает анализ, не должно быть причиной благодушия соответствующих специалистов и населения.

В 2019 году в городе Арысь Туркестанской области Республики Казахстан прогремели взрывы на складе воинской части (Рисунок 1). Информация из зоны события напоминала сводку с фронта. Сообщалось, что 24 июня в 09.20 на пульт противопожарной службы поступило

сообщение о взрыве в складском помещении с последующим возгоранием на территории воинской части города Арысь. Проводились эвакуационные работы [2].

Возникла чрезвычайная ситуация (ЧС), для ликвидации которой была создана рабочая группа во главе с акимом (главой) области Умирзаком Шукеевым. Хотя практического опыта реагирования на такие ЧС у местных должностных лиц, но проведенные мероприятия были эффективными. Распоряжением акима города Арысь людей срочно вывезли в сельский округ Мунтайтас, находящийся в 50 км от города Арысь, для этого были привлечены 20 автобусов. Всего в городе Арысь пострадало свыше 7 тысяч частных жилых домов и около 100 многоэтажек. В 17 секторах дефектные акты составлены по 7445 домам, строительные ремонтные работы велись в 4827 домах. По итогам обследования число домов, не подлежащих восстановлению, достигло 293 зданий, из которых 4 были многоэтажными домами.

Рисунок 1 – Чрезвычайная ситуация в г. Арысь (2019 г.)

Кроме местных властей в реагировании на ЧС принимали участие силы соседних территориальных образований. Для эвакуации населения руководством города Шымкента были отправлены 36 автобусов. В самом городе Шымкенте развернуто 15 эвакуационных пунктов. К самоспасению можно отнести факты, когда люди целыми семьями уезжали самостоятельно, бежали из Арыси, над которой все грохотали и грохотали взрывы. Многие ехали в Шымкент, в страхе свою за жизнь и за жизнь близких. По дороге в направлении Шымкента скопилась пробка из автомобилей и людей. Эти обстоятельства усложняли обстановку и вносили дополнительные трудности при ликвидации ЧС.

Выводы из данного факта привели к нормативным правовым решениям на общегосударственном уровне. Был подготовлен и принят 29 мая 2020 года Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований» [3].

В Российской Федерации рассматриваемая проблема более актуальна из-за большей масштабности и количества подобных объектов и их географического размещения. Такие ЧС имели место: 21 мая 2000 года в Ванинском районе Хабаровского края взорвался военный склад с боеприпасами, погибли люди и уничтожено четыре вагона снарядов; в Ачинском районе Красноярского края при взрывах на военных складах с боеприпасами пострадали люди, включая детей, эвакуировано около 16,5 тыс. чел. (Рисунок 2) [4]. Такие события не были единичны.

Ранее масштабные ЧС такого рода неоднократно имели место на Украине. Ликвидация ЧС под Черниговом в 2018 году не могла быть начата чуть более двух суток из-за продолжающихся взрывов (Рисунок 2). После уменьшения интенсивности взрывов были начаты мероприятия по ликвидации инцидента. В первоочередных спасательных работах было задействовано 764 чел. и 163 единиц техники. На случай осложнения оперативной обстановки был создан также резерв численностью 109 чел. и 23 единиц пожарной техники [4].

Рисунок 2 – Чрезвычайная ситуация в Ачинском районе (2019 г.) и под Черниговом (2018 г.)

Сотрудничество государств ОДКБ при реагировании на ЧС со взрывами боеприпасов, угрожающих населению и экологической безопасности территорий, по нашему мнению, стало актуальной научной проблемой, включающей, как под проблему, определение оптимальных способов проведения соответствующих аварийно-спасательных работ. Это может быть актуальным в масштабе организаций, взаимодействующих с ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН, СНГ, ОДКБ, ШОС в сфере гражданской защиты.

Соответствующий алгоритм, общий для всех специалистов чрезвычайных служб в государствах ОДКБ, может включать следующее общие мероприятия.

Во-первых, создание специальных служб, с включение в них подразделений специалистов-профессионалов, ориентирование на решение таких задач. Именно они обязательно выдвигаются по тревоге в районы ЧС и проводят мероприятия по локализации и ликвидации негативных воздействий, аварийно-спасательным и другим неотложным работам (АСДНР).

В-вторых, подготовка населения алгоритму действий в данных случаях, кроме того, и подготовка специальных кадров в области безопасности жизнедеятельности. В таких условиях таких взрывов особенно ценно становится время, каждый час промедления — это новые потери и жертвы. И именно в этих моментах возрастает значение территориальных подсистем и их звеньев. Потому что, большая часть ЧС, по сути, согласно действующему национальному законодательству, как и Республике Казахстан, Российской Федерации так и многих других стран, должна ликвидироваться силами предприятий, аварийно-спасательных подразделений и формирований муниципальных образований.

В-третьих, определенный порядок организации работ при ЧС, их объем, виды, способы проведения зависят от обстановки, степени повреждения зданий и сооружений, технологического оборудования, агрегатов, а также других условий. Уровень же организации АСДНР зависит в большей части, от грамотной работы руководителей объекта, где возникла ЧС, председателей комиссии по чрезвычайным ситуациям и обеспечения пожарной безопасности (КЧС и ОПБ), органа управления и командиров формирований, руководителей ликвидации ЧС соответствующего уровня.

Конкретные мероприятия при ликвидации ЧС включают следующее, направленное на проведения оптимальных действий и решений при локализации и ликвидации подобных чрезвычайных ситуаций, как анализируемого всего комплекса мероприятий, которые могут проводиться, как только национальными силами или международными силами ОДКБ, проводящими слаженные действия по единым алгоритмам, заранее отработанными при подготовке профессионалов.

Такие алгоритмы должны включать в себя определенный комплекс мероприятий, включающие в себя следующий спектр действий:

Первое. Организация разведки в зоне ЧС, которая является важным элементом обеспечения действий формирований и организуется для своевременного добывания и обработки данных об обстановке, для принятия решения и проведения АСДНР в очагах поражения. Разведка в зоне ЧС, состоит из инженерной, медицинской и пожарной.

Инженерная разведка должна проводиться с целью установления масштабов и характера повреждений коммунально-энергетических сетей, зданий и сооружений, состояния дорог, определения объемов и способов проведения АСДНР. Она устанавливает:

- 1) состояние подъездных путей к зоне ЧС;
- 2) опасные участки для проведения АСДНР из-за возможных опасных вторичных факторов взрыва, состояние коммунально-энергетических сетей, зданий и сооружений, объем завалов, методы извлечения пострадавших из-под завалов;
- 3) необходимое количество и виды аварийно-спасательной техники и оборудования для проведения АСДНР.

Медицинская разведка должна проводиться для определения местонахождения, количества и состояния пострадавших, перед их транспортировкой в лечебные учреждения, места развертывания медицинских формирований, необходимое количество привлекаемых сил и средств для проведения указанного комплекса мероприятий проводится медицинская разведка. Она выявляет: места сбора пострадавших, места удобные для развертывания медицинских пунктов и пунктов санитарной обработки, на безопасных участках.

Пожарная разведка должна проводиться для оценки пожарной обстановки в зоне ЧС, установления очагов возгорания, определения путей отступления и наиболее выгодные места локализации пожара с целью обеспечения доставки формирований к месту проведения спасательных работ. Она устанавливает: территорию, охваченную пожаром; состояние зданий и сооружений находящихся в огне, вероятность их обрушения, наличие в них людей, их расположение и приемы эвакуации; угрозу взрывов, состояние электрооборудования [6].

Второе. Одновременно с ведением разведки формирования осуществляют поиск пострадавших. Он представляет собой комплекс мероприятий поисково-спасательных подразделений, направленных на обнаружение людей в зоне ЧС, определение их состояния и объема необходимой помощи для спасения.

Поисково-спасательные мероприятия, как правило проводятся визуальным обследованием участка АСДНР, в случае необходимости с использованием специальных поисковых приборов, либо кинологической службы.

В зависимости от каждого конкретного случая, пострадавшие, находящиеся под завалами, деблокируются различными способами.

Основным методом деблокирования в условиях сплошных завалов является метод деблокирования пострадавших посредством обустройства лаза в завале. Он применяется при нахождении пострадавших в завалах, состоящих из больших обломков массивных строительных конструкций.

При нахождении пострадавших на малой глубине от поверхности завала – применяется технология деблокирования пострадавших путем разборки завала сверху, или при невозможности использования других способов деблокирования пострадавших.

Третье. Для проведения других неотложных работ по разборке завала вручную оборудуются площадки с применением средств механизации (специальная погрузочная техника), на которых при необходимости могут устанавливаться компрессорные станции.

Опытным путем при ликвидации установлено, что эффективность возрастает при проведении разборки завалов звеньями ручной разборки и спасательными механизированными группами.

Организация пожаротушения – это следующий немаловажный пункт. Под ним понимается комплекс мероприятий, связанных с непосредственной подготовкой подразделений пожарной службы и их применение для пожаротушения. В зависимости от сложившейся обстановки и поставленной задачи руководитель тушения пожара выделяет подчиненным подразделениям участки работ. Первым делом, локализуют и тушат те очаги пожаров, которые создают угрозу распространения огня и препятствие успешному проведению спасательных работ.

Четвертое. Мероприятия организации обеспечения медицинской помощи определяются, в первую очередь, по степени вероятных санитарных потерь: с крайне тяжелой степенью 20 %; с тяжелой степенью тяжести 20 %; средней тяжести 20 %; пораженные с легкой степенью тяжести 40 %.

В мероприятия медицинского обеспечения входят: оказание первой врачебной и медицинской помощи пострадавшим; их медицинская сортировка; транспортировка в лечебные учреждения, а в лечебных учреждениях оказывается квалифицированная и специализированная медицинская помощь.

Пятое. По окончании проведения АСДНР старшие на участках докладывают о результатах работы руководителю, он уточняет достоверность сведений и дает указание штабу составить акт проведенных АСДНР. По завершению, силы и средства выводятся из участков работ для возвращения в места постоянной дислокации.

Кроме указанного алгоритма, рассматриваемая проблема отражает то, что аварийно-спасательные работы в условиях неконтролируемых взрывов предполагают некоторые особенности, в первую очередь это наличие взрывоопасных веществ. Это может привести к детонации, что может возникнуть вследствие воздействия на взрывоопасные вещества: воспламенение электросети, вспышки газосети, самовозгорания, распространения пламени пожара, другими словами, произойдет процесс моментального перехода потенциальной энергии в механическую работу.

Механическая работа при взрыве, синтезируется скачкообразным расширением газов или паров независимо от того, были ли они до взрыва или образовались потом. В основе взрывного процесса могут лежать как физическое разрушение емкости, так и химические превращения, высвобождение внутриядерной или электромагнитной энергии.

Взрывоопасные продукты, способные вызвать вторичные взрывы на потенциально опасных объектах, состоят из двух групп:

1) взрывчатые вещества – твердые, газообразные – однородные смеси горючих газов с газообразными окислителями; жидкие – вещества конденсированного типа;

2) взрывоопасные вещества – газо-топливо-воздушные смеси, газы [7].

Воздушная ударная волна (ВУВ) и осколочные поля являются основными поражающими факторами взрывов, которые несут большую опасность для человека. Воздействие ВУВ может быть прямым и косвенным. При прямом воздействии случаются травмы различной степени тяжести. Косвенное же воздействие ВУВ вызывает наибольшее число пострадавших, так как разрушая постройки, она вовлекает в движение частицы массой от 0,5 г и более, летящих со скоростью до 35 м/с, по сути являющиеся своего рода пулями. С тем учетом, что 75 % осколков разлетается на дистанцию до 150 м, 25 % – до 800-900 м, некоторые осколки улететь и на расстояние до 2000 м.

В ходе АСДНР на месте взрыва необходимо обеспечить охрану этой территории. После оцепления места происшествия необходимо организовать въездные и выездные маршруты. Это поможет безопасно доставить спасателей к местам проведения работ.

На местах нескольких взрывов возникает необходимость создавать два командных пункта: первый пункт можно дислоцировать вблизи места взрыва, внутри внешнего периметра и непосредственно направлять деятельность подразделений, проводящих АСДНР; второй пункт за пределами внешнего периметра контроля – для руководства силами и средствами, обеспечивающих подразделений, а также для организации взаимодействия с другими формированиями.

Важным аспектом организации работ групп на месте взрывов является наличие специалистов, при оценке угроз, появившихся в зданиях в результате взрыва, являются инженеры-строители.

В целях поддержки работы поисковых, аварийно-спасательных формирований их необходимо обеспечить продовольствием, водой, санитарным (бытовым) и медицинским обслуживанием. При этом следует не забывать важный момент, а именно: психологическое обеспечение. В связи с тем, что некоторые сотрудники могут увидеть впервые сильные повреждения человеческого тела в результате взрыва, поэтому необходимо индивидуальное предоставление консультационных услуг всем спасателям.

Кроме того, при подготовке команд к спасательным работам необходимо брать в учет возможность повторения взрывов во время ликвидации. Для повышения эффективности аварийно-спасательных работ связанных с ликвидацией взрывов, необходимо проводить дополнительную подготовку сотрудников к действиям в подобных обстоятельствах.

При ликвидации чрезвычайных ситуаций связанных с неконтролируемым взрывом руководителю ликвидации рекомендуется: в первую очередь, достоверно оценить обстановку, установить количество и место нахождения людей, оказавшихся в зоне ЧС; оповестить причастные должностные лица и аварийные службы, дежурную службу о случившемся и о месте расположения органа управления по локализации ЧС; ограничить доступ посторонних в зону ЧС и обеспечить ее оцепление, спрогнозировать вероятное развитие ЧС, в случае ухудшения обстановки оперативно внести корректировку в план ликвидации; параллельным методом вести руководство мероприятий АСДНР; ежечасно докладывать обстановку о характере ЧС и ходе ее ликвидации, наличии и состоянии пострадавших в дежурную службу, в случае осложнения – незамедлительно.

Кроме того, не маловажным вопросом является обеспечение безопасности при проведении подобного рода АСДНР.

Конституцией Российской Федерации также, как и Республики Казахстан сформулирована задача по сохранению здоровья и спасения жизни людей, стоящая в приоритете при возникновении ЧС. Организация АСДНР в зоне ЧС предполагает наличие угрозы жизни и здоровью спасателей, потому она связана с воздействием неблагоприятных факторов внешней среды, а также большой физической и психологической нагрузкой на спасателей. Поэтому для обеспечения их безопасности, необходимо заблаговременно и на постоянной основе проводить специальную подготовку, обеспечивать необходимой амуницией, экипировкой и оснащением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рашид Нургалиев: военно-политическая обстановка в мире обостряется // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sovet-ministrov-inostrannykh-del-odkb-v-rezhime-videokonferentsi-26-maya-obsudil-perspektivy-razviti/. (дата обращения: 25.07.2020).

2. Заместитель Генерального секретаря ОДКБ Алымбай Султанов выступил по видеосвязи на Конференции ОБСЕ по обзору положения в области безопасности // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/zamestitel-generalnogo-sekretarya-odkb-

alymbay-sultanova-vystupil-na-konferentsii-obse-po-obzoru-pol/. (дата обращения: 11.08.2020).

3. Черногор Л.Ф. Взрывы боеприпасов на военных базах – источник экологических катастроф в Украине / Л.Ф. Черногор // Збірник наукових праць Інституту проблем національної безпеки. Екологія і ресурси. – 2004. – Вип. 10. – С. 55–67.

4. Взрывы и пожары на военных складах в России в 2000-2013 гг. Хронология // Сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/info/1156576> (дата обращения: 21.08.2020).

5. Минобороны: пожар на военном складе в Забайкалье локализован, взрывы прекратились // Сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/sibir-news/1156317>. (дата обращения: 5.08.2020).

6. Иванов Е.В. К вопросу о составе и количестве газов при взрыве боеприпасов на складах. Сообщение 1. Патроны для стрелкового оружия / Е.В. Иванов, А.Е. Васюков // Проблеми надзвичайних ситуацій. Збірник наукових праць НУЦЗ України. – 2015. – Вип. 21. – С. 30–37.

7. Васюков А.Е. Некоторые особенности возникновения и протекания чрезвычайных ситуаций техногенного характера, связанных со взрывами боеприпасов / А.Е. Васюков, Е.В. Иванов, В.М. Лобойченко // Проблеми надзвичайних ситуацій. Збірник наукових праць НУЦЗ України. – 2013. – Вип. 17. – С. 38–47.

ХАРИТОНОВА Т.В.

кандидат экономических наук, доцент
заместитель декана по учебной работе Факультета экономики и бизнеса,
доцент Департамента отраслевых рынков
Финансового университета при Правительстве РФ

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АРКТИЧЕСКИХ ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫХ И
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

Аннотация. В настоящее время проблемы, касающиеся обеспечения экологической безопасности, имеют очень высокую актуальность. Но результаты принимаемых решений по данным вопросам зависят не только от государственной политики. Хозяйствующие субъекты также должны стремиться к устойчивому развитию, основанному на балансе интересов бизнеса, государства и общества.

Ключевые слова: экологическая безопасность, энергетические и горнопромышленные проекты, Арктическая зона, устойчивое развитие

В соответствии с действующим российским законодательством об охране окружающей среды под экологической безопасностью понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий [1].

Экологическая безопасность является неотъемлемой частью системы безопасности страны. Поэтому обеспечение экологической безопасности – чрезвычайно важная государственная задача, значимость которой еще больше повышается в современных условиях в связи с резким ухудшением экологической ситуации во всем мире.

Система обеспечения экологической безопасности состоит из трех взаимосвязанных и дополняющих друг друга модулей:

1. Комплексная экологическая оценка территорий;
2. Экологический мониторинг;
3. Формирование экологической политики.

Но следует заметить, что эффективность любой государственной системы должна быть подкреплена на уровне хозяйствующих субъектов, в том числе и государственная экологическая политика должна находить отражение в деятельности организаций и реализуемых проектов, включая проекты ГЧП.

В настоящее время особую группу проектов составляют арктические проекты, которые, с одной стороны, обладают высокой инвестиционной привлекательностью, с другой стороны, являются стратегически важными для освоения и социально-экономического развития территорий. Основу государственной стратегии Российской Федерации по освоению Арктики составляет комплексный подход к развитию ее территорий, состоящей в реализации системообразующих проектов (например, энергетических или промышленных), позволяющих получить наибольший синергетический эффект.

Сегодня страны, имеющие в своем составе арктические территории, придерживаются в их отношении концепции устойчивого развития, смысл которой заключается в обеспечении баланса экономической, социальной и экологической составляющих. Экспертным центром ПРОЕКТНЫЙ ОФИС РАЗВИТИЯ АРКТИКИ «ПОРА» совместно с Кафедрой экономики природопользования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова предложено оценивать также устойчивое развитие компаний, работающих в Арктической зоне Российской Федерации, на основе специально разработанной методики. Одним из критериев, формирующих показатель «устойчивое развитие компаний», является экологическая безопасность реализуемых проектов.

Как показывают результаты пилотного исследования, проведенного в 2018 году на основе данной методики, в большей степени критериям устойчивого развития соответствуют: ПАО «Лукойл», ПАО «СИБУР Холдинг», ПАО ГМК «НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ», ПАО «Роснефть», ПАО АК «Алроса» [2].

Для оценки экологической безопасности реализуемых арктических проектов и «экологичности» деятельности компаний в Арктической зоне в целом использовался интегральный индекс, сформированный исходя из таких показателей, как:

1. Показатели загрязнения, в том числе:
 - 1.1. Ресурсы атмосферы
 - 1.1.1. Объемы выбросов (выше/ниже нормы)
 - 1.1.2. Наличие качественного очистного оборудования
 - 1.1.3. Наличие особо опасных выбросов
 - 1.2. Ресурсы почвы
 - 1.2.1. Объем сбросов (выше/ниже нормы)
 - 1.2.2. Наличие особо опасных сбросов
 - 1.2.3. Наличие качественного очистного оборудования
 - 1.2.4. Объемы рекультивированных земель в общем объеме земель, подлежащих восстановлению
 - 1.3. Водные ресурсы
 - 1.3.1. Объемы выбросов сточных вод (выше/ниже нормы)

- 1.3.2. Объемы тепловых выбросов (выше/ниже нормы)
- 1.3.3. Объемы забора воды (выше/ниже нормы)
- 1.3.4. Наличие очистных сооружений
- 1.3.5. Наличие особо опасных отходов
- 1.4. Отходы
 - 1.4.1. Объемы образования отходов (выше/ниже нормы)
 - 1.4.2. Наличие механизмов переработки и утилизации
 - 1.4.3. Наличие особо опасных отходов (токсичных)
 - 1.4.4. Наличие радиоактивных отходов
2. Техногенные и природные аварии (были/не были)
3. Наличие инвестиций в природоохранные мероприятия
4. Наличие ресурсосберегающих технологий
5. Вторичная переработка сырья (есть/нет)
6. Внедрение системы экологического менеджмента и ее сертификация
7. Наличие программ по сохранению биоразнообразия
8. Наличие программ по сокращению выбросов (в частности, углерода) [2].

На наш взгляд, приведенные выше показатели позволяют дать преимущественно количественную оценку экологической ситуации и не учитывают качества выполняемых работ по обеспечению экологической безопасности того или иного проекта. Поэтому нами предлагается при расчете интегрального экологического индекса (наряду с имеющимися показателями или вместо отдельных из них) использовать следующие:

1. Общее соответствие хозяйствующего субъекта природоохранным требованиям.

1.1. Соблюдение требований законодательства Российской Федерации по обращению с отходами (соблюдаются/соблюдаются частично/не соблюдаются).

1.2. Соблюдения природоохранных требований по обращению с отходами, установленных нормативной документацией (соблюдаются/соблюдаются частично/не соблюдаются).

1.3. Наличие корпоративных программ (разделов программ) или планов мероприятий по обращению с отходами (разработаны/в процессе разработки/отсутствуют).

1.4. Выполнение корпоративных программ по обращению с отходами (учитывается в случае их наличия) (выполняются/не выполняются).

1.5. Соблюдение в процессе хозяйственной деятельности технологических нормативов образования отходов (соблюдаются/соблюдаются частично/не соблюдаются).

1.6. Соблюдение принципов рационального использования и восстановления природных ресурсов в процессе хозяйственной деятельности (соблюдаются/соблюдаются частично/не соблюдаются).

1.7. Самостоятельное выявление и устранение предприятием случаев нарушения природоохранных требований по обращению с отходами (выявлены и устранены/выявлены и находятся в процессе устранения/выявлены, но пока не устранены/не выявлены).

1.8. Самостоятельное выявление и устранение предприятием случаев возможного негативного воздействия на окружающую среду сверхнормативного или сверхлимитного образования отходов (выявлены и устранены/выявлены и находятся в процессе устранения/выявлены, но пока не устранены/не выявлены).

1.9. Соблюдение требований к полноте и достоверности сведений по обращению с отходами, представляемых в органы исполнительной власти, осуществляющие государственный экологический контроль, и органы государственного статистического наблюдения (соблюдаются/соблюдаются частично/не соблюдаются).

2. Эффективность системы экологического менеджмента.

3. Экологическая безопасность используемых сырья, оборудования, технологий.

4. Эффективность мероприятий по обеспечению экологической безопасности проектов.

4.1. Мероприятия по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

4.2. Мероприятия, направленные на регулирование выбросов в случае возникновения неблагоприятных метеорологических условий.

4.3. Мероприятия по защите водотоков и водоемов от попадания загрязняющих веществ и микроорганизмов в количестве, которое оказывает или может оказать неблагоприятное воздействие на их состояние.

4.4. Мероприятия по обращению с отходами производства, включающие использование, обезвреживание, размещение, передачу между структурными подразделениями или другим хозяйствующим субъектам.

4.5. Мероприятия, направленные на уменьшение объема образования отходов [3].

Проекты, имеющие низкую оценку экологической безопасности, должны быть отклонены на этапах обсуждения и принятия. Поэтому при разработке арктических проектов больше внимания стоит уделять превентивным методам обеспечения экологической безопасности.

В развитых странах концепция превентивности уже более 30 лет составляет основу экологической политики не только государства, но и отдельных хозяйствующих субъектов. Данная концепция означает полный

переход на экологически чистое производство за счет смещения «основных экологических затрат» на начальные стадии жизненного цикла продукции [3].

Важнейшим инструментом при реализации превентивного подхода в решении экологических задач становится экологический аудит. С одной стороны, экологический аудит позволяет оценить эффективность экологической деятельности организации по обеспечению защиты окружающей среды, с другой стороны – определить возможность изменения технологии и, соответственно, оборудования производства с целью уменьшения негативного воздействия на экосистему.

В заключение следует отметить, что «переход» отечественных предприятий к концепции превентивности потребует от них значительных инвестиций, как минимум, для разработки и внедрения на начальном этапе новых прогрессивных технологий, а в перспективе – реконструкции или технического перевооружения производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. (дата обращения: 10.08.2020).
2. Рейтинг устойчивого развития. Полярный индекс. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://porarctic.ru/projects/> (дата обращения: 30.08.2020).
3. Харитонов Т.В., Меркулина И.А. Оценка качества работ по обращению с отходами производства и потребления. // Стандарты и качество. – 2019. – № 12 (990). – С. 88-92.

ЧЕКОВ А.Д.

научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

**ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ПЕРЕДОВЫХ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ**

Аннотация. Фактор появления и развития передовых военных технологий традиционно рассматривался экспертным сообществом в качестве дестабилизирующего элемента, подрывающего сложившуюся систему стратегической стабильности. На современном этапе эта проблема приобретает особенную актуальность в связи с постоянным увеличением темпов продвижения научно-технологического прогресса и усилением его влияния на все сферы общественной жизни.

В данной статье предпринимается попытка осмыслить перспективы и наметить возможные последствия развития новых военных технологий с точки зрения их влияния на стратегическую стабильность. С этой целью автором проводится работа по концептуализации понятия «передовая военная технология», разработке методологии классификации этих технологий по степени их новизны, а также их ранжирование с точки зрения влияния на стратегический баланс сил.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, передовые военные технологии, гиперзвуковое оружие, искусственный интеллект, биотехнологии, оружие направленной энергии, автономные летальные вооружения, квантовые технологии.

В современных условиях ускорения темпов освоения новых знаний и создания инновационной продукции, происходящего на фоне обострения международной конкуренции ведущих держав, способность государства к обеспечению эффективного научно-технического развития становится важнейшей составляющей поддержания его внешнеполитической состоятельности. При этом одним из ключевых направлений для такого развития выступает военная сфера, что обусловлено ее традиционно высокой значимостью для обеспечения государственной безопасности. Для Российской Федерации эта сфера имеет особенную актуальность в связи с тем, что в современных условиях отечественные вооруженные силы и военно-промышленный комплекс являются важнейшими элементами обеспечения ее международного влияния и поддержания статуса ведущего регионального центра силы.

Важность научно-технологического развития в военной сфере неоднократно находила свое отражение в национальных документах

стратегического планирования. Так, в Военной доктрине Российской Федерации «создание, поддержание и внедрение военных и гражданских базовых и критических технологий ... позволяющих обеспечить технологические прорывы или опережающий научно-технологический задел в целях разработки принципиально новых образцов вооружения, военной и специальной техники, обладающих ранее недостижимыми возможностями» задекларировано в качестве одной из основных задач развития отечественного военно-промышленного комплекса (ВПК) [1]. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации отмечается важная роль исследований и разработок с точки зрения противодействия наиболее значимым современным «большим вызовам»¹, к числу которых отнесены «новые внешние угрозы национальной безопасности (в том числе военные угрозы, угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан), обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью, и усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности» [2].

В рамках военной сферы одним из ключевых приоритетов России является обеспечение международной стратегической стабильности и недопущение начала глобальной военной конфронтации. В отечественной Стратегии национальной безопасности поддержание стратегической стабильности заявлено в качестве одного из приоритетов, обеспечивающих устойчивое развитие страны. Кроме того, декларируется, что в отношениях с международным сообществом Москва «опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений» [3].

Важно отметить, что основы существующей сегодня системы стратегической стабильности были заложены еще в период «холодной войны». Ее ядром выступает взаимная уязвимость национальных территорий США и СССР для ответного ракетно-ядерного удара, обеспечиваемая сочетанием двух факторов. Первый из них заключается в наличии у Москвы и Вашингтона развитых стратегических наступательных потенциалов, позволяющих гарантированно поразить территорию противника даже после первоначального массированного ядерного нападения. Второй фактор выражается в отсутствии эффективных систем стратегической обороны национальной территории, способных нивелировать разрушительную силу ответного ядерного удара.

С подписанием в 1972 году Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и Договора об ограничении систем противоракетной

¹ В тексте стратегии «большие вызовы» определяются как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов».

обороны (ПРО) эта к тому времени уже де-факто устоявшаяся ситуация получила международно-правовое закрепление. Зафиксировав свои обязательства ограничить развитие стратегических систем наступления и обороны, СССР и США признали, что создавшаяся между ними взаимная уязвимость не оставляет возможности для достижения абсолютного военного преимущества одной стороны над другой.

Однако это не остановило дальнейшую военно-стратегическую конфронтацию двух держав, хотя и очертило для нее определенные рамки. Продолжающийся научно-технический прогресс оказывал постоянное давление на сложившуюся систему стратегической стабильности, создавая перманентную угрозу ее ревизии. В современных реалиях это угроза приобретает особенно актуальный характер по двум причинам. Во-первых, развитие передовых военных технологий уже не сдерживается рамками режима контроля над вооружениями. Единственным действующим соглашением в этой области сегодня остается Пражский договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), срок действия которого истекает в следующем году, а перспективы продления остаются неясными. Во-вторых, расширилось число факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность: появились новые сферы межгосударственной конфронтации (киберпространство), укрепились военные возможности третьих стран.

В изменившихся международных реалиях установление специфики влияния передовых военных технологий на стратегическую стабильность представляется особенно актуальной задачей. Ее решение будет иметь большое значение для рационализации отечественной политики военного строительства, которая проводится исходя из установок высшего руководства страны о минимизации экономических последствий разворачивающейся сегодня гонки вооружений [4, 5, 6]. Данная работа призвана внести посильный вклад в решение этой задачи за счет концептуализации понятия «передовая военная технология» и разработки оригинальной классификации этих технологий, позволяющей ранжировать их по степени влияния на существующий в мире стратегический баланс.

Современные аналитики используют термин «новые» или «передовые» военные технологии (*emerging military technologies*) в максимально вольном ключе. Зачастую они не предпринимают попыток дать ему какое-либо концептуальное определение, а просто «механически» подводят под его рамку целый ряд крайне разнородных феноменов. К примеру, в недавнем докладе Конгресса США по новым военным технологиям к ним были отнесены гиперзвуковое оружие, искусственный интеллект, автономные летальные вооружения, оружие направленной энергии, биотехнологии, квантовые технологии [7].

Уже при первичном рассмотрении бросается в глаза, что находящиеся в этом списке феномены существенно различаются как минимум по двум критериям – масштабу применения и уровню развитию. К примеру, гиперзвуковое оружие представляет собой конкретную категорию наступательных вооружений, характеризуемую определенными набором параметров (в первую очередь скоростью и маневренностью) [8]. Несмотря на свой «передовой» статус, такое оружие сегодня уже принимается на вооружение [9], что свидетельствует о его военно-технической состоятельности. С другой стороны, искусственный интеллект или квантовые вычисления представляют собой технологии крайне-широкого, практически всеобъемлющего применения. При этом обе эти группы технологий сегодня находятся на ранней стадии своего развития, в связи с чем прогнозировать их будущее влияние на стратегическую стабильность сегодня крайне затруднительно, если вообще возможно.

Классификация технологий по признаку их «новизны» (*emergence*) представляет собой отдельную проблему. На сегодняшний день в области военно-стратегических исследований отсутствуют четкие критерии, позволяющие отделить «новые» технологии от «старых». Ситуация дополнительно осложняется тем, что от начала процесса освоения знаний в определенной технологической области до появления значимых практических результатов может пройти существенный срок. Ярким примером является технология баллистических ракет, теоретическая разработка которой началась еще на рубеже XIX-XX века, в то время как первые серийные образцы появились лишь почти полвека спустя.

Важные фундаментальные наработки по этой проблеме были сделаны в области исследования науки и технологий (*science and technology studies*). В частности, стоит отметить работу Д. Ротоло, Д. Хиск и Б. Мартина, которые на основе анализа большого числа академических публикаций смогли сформулировать пять критериев, позволяющих классифицировать ту или иную технологию как «новую» или «передовую»:

- 1) радикальная новизна;
- 2) быстрое развитие;
- 3) связность;
- 4) заметное влияние;
- 5) неопределенность и неоднозначность [10].

Стоит отметить, что все военные технологии, которые сегодня принято классифицировать в качестве «передовых», в целом соответствуют первым четырем критериям, при условии определенного допущения насчет «радикальной новизны». Ротоло, Хиск и Мартин определяют ее не как принципиальную феноменологическую новизну,

а как основанность на «новых базовых принципах»¹. Таким образом, к примеру, гиперзвуковое оружие может быть классифицировано как новая технология даже несмотря на то, что оно, по сути, представляет собой лишь очередной этап в развитии ракетного оружия. В данном случае новизна обеспечивается за счет внедрения новых принципов (устойчивость к продолжительным гиперзвуковым перегрузкам, возможность корректировки траектории полета и т.д.), которые открывают возможности для эффективного решения боевых задач. Аналогичным образом ситуация обстоит и с автономными летальными вооружениями – одним из наиболее перспективных путем освоения этой технологии считается внедрение новых автоматизированных решений в уже существующий класс беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Большие возможности для ранжирования оставляет последний признак – неопределенность и неоднозначность. Исторически известно, что в условиях отсутствия объективной информации о будущем развитии той или иной новой технологии в обществе доминируют завышенные ожидания относительно последствий ее развития. В середине 1990-х годов американская консалтинговая компания «Гартнер» предложила достаточно эффективный инструмент для визуализации динамики развития этих ожиданий – Гартнеровский цикл зрелости новых технологий [11]. Согласно ему, процесс развития той или иной технологии проходит пять последовательных фаз:

1) **Запуск инновации.** Начало потенциального технологического прорыва, сопровождаемое нарастанием общественного интереса к новой технологии;

2) **Пик завышенных ожиданий.** Общественный интерес к новой технологии приобретает характер ажиотажа, появляются чрезмерный энтузиазм и нереалистичные ожидания относительно последствий ее развития;

3) **Впадина разочарования.** На фоне выявления недостатков новой технологии и ограничения ее потенциала общественный интерес к ней идет на спад и достигает своей низшей точки;

4) **Склон просвещения.** Происходит устранение основных недостатков и начало практического внедрения новой технологии, сопровождаемое частичным возвращением общественного интереса;

5) **Плато производительности.** Технология становится стабильной и получает широкое распространение.

¹ Ibid (перевод автора)

Рисунок 1 – Гартнеровский цикл зрелости новых технологий¹

При ранжировании новых военных технологий согласно этой методологии, получаются результаты:

Запуск технологии	Пик завышенных ожиданий	Впадина разочарования	Склон просвещения	Плато производительности
Квантовые технологии	Искусственный интеллект		Гиперзвуковое оружие	
Оружие направленной энергии	Автономные летальные вооружения			
	Биотехнологии			

Таким образом, можно видеть, что в настоящее время из числа передовых военных технологий на стадию практического воплощения вышло только гиперзвуковое оружие. Уровень неопределенности относительно его перспектив его развития уже является достаточно низким для того, чтобы обоснованно прогнозировать специфику его влияния на стратегическую стабильность. При этом другие новые военные технологии еще не перевалили пик завышенных ожиданий и имеют лишь очень

¹ Ibid (перевод автора)

ограниченное распространение за пределами исследовательских лабораторий и испытательных полигонов. В результате любые прогнозы относительно их влияния на стратегическую стабильность будут иметь гораздо менее фундированную основу.

Уникальность современного состояния стратегической стабильности заключается в том, что она испытывает на себе большое давление от развития сразу целого набора передовых военных технологий. При этом практически все они находятся на ранних этапах своего развития, для которых характерно постепенное нарастание общественных ожиданий относительно перспектив их дальнейшего освоения и практического внедрения. В результате множественность этих ожиданий создает в обществе усиленное ощущение о том, что технологическое развитие со временем сможет «закрыть» существующую стратегическую уязвимость, появившуюся в результате появления и развития ядерного оружия.

Когда же новые технологии преодолеют в своем развитии пик завышенных ожиданий, то можно будет оценить перспективы их влияния на стратегическую стабильность более реалистично. Как представляется, в среднесрочной перспективе ни одна из них не сможет дать какой-либо из сторон подавляющих военно-стратегических преимуществ, таких как неуязвимость национальной территории перед лицом ответного ракетно-ядерного удара. Подобной ситуации способствует большой разрушительный потенциал ядерного оружия, обуздание мощи которого представляется совершенно нетривиальной задачей. В этой связи важно отметить, что еще в период «холодной войны» новые военные технологии неоднократно удавалось делать предметом договоренностей в области контроля над вооружениями и тем самым «встраивать» в существующую систему стратегической стабильности. Наиболее характерные примеры тому – технологии разделяющихся головных частей индивидуального наведения и крылатых ракет большой дальности, каждой из которых в свое время пророчили роль «убийц» стратегической стабильности.

С другой стороны, дальнейшее развитие новых технологий несет в себе повышенные риски общей деградации системы кризисного управления и контроля над вооружениями. В этой связи в своей внешней политике Россия должна по-прежнему уделять большое внимание предотвращению дальнейшей деградации механизмов регулирования стратегической стабильности. Кроме того, представляется целесообразным более четко определить государственную политику в этой области, к примеру, разработав и приняв национальную стратегию в области новых военных технологий.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. // Российская газета. 30.12.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>. (дата обращения: 10.08.2020).
6. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Сайт Президента Российской Федерации. 01.12.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>. (дата обращения: 30.07.2020).
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Принята 13 мая 2009 г. // Сайт президента Российской Федерации. 13.05.2009. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>. (дата обращения: 15.08.2020).
4. Стенограмма расширенного заседания коллегии Министерства обороны // Сайт Президента Российской Федерации. 22.12.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56472>. (дата обращения: 30.08.2020).
5. Стенограмма совещания с постоянными членами Совета Безопасности // Сайт Президента Российской Федерации. 23.08.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61359>. (дата обращения: 20.08.2020).
6. Стенограмма совещания с руководством Минобороны и предприятий ВПК // Сайт Президента Российской Федерации. 05.12.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62250>. (дата обращения: 29.08.2020).
7. Emerging Military Technologies: Background and Issues for Congress. Updated August 4, 2020 // Federation of American Scientists. 04.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R46458.pdf>. (дата обращения: 10.08.2020).
8. Speier R., Nacouzi G., Lee C., and Moore R. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2137.html. (дата обращения: 17.08.2020).
9. Первый ракетный полк «Авангарда» заступил на боевое дежурство // ТАСС. 27.12.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/743643>. (дата обращения: 30.08.2020).
10. Rotolo D., Hicks D., Martin B.R. What is an Emerging Technology? // Research Policy. 2015. Vol. 44, № 10. P. 1827-1843.
11. Gartner Hype Cycle // Gartner.com. n.d. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.gartner.com/en/research/methodologies/gartner-hype-cycle>. (дата обращения: 25.08.2020).

ЧЕРНОВ В.В.

кандидат социологических наук, доцент
преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин ВУНЦ СВ «Общевойсковая академия Вооруженных Сил
Российской Федерации»

**ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ГУМАНИТАРНОЙ
ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ-РУКОВОДИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение гуманитарного образования в военно-профессиональной подготовке слушателей военных академий, будущих офицеров-руководителей, которые будут во многом определять будущее Вооруженных Сил Российской Федерации и состояние национальной безопасности государства. Автор статьи раскрывает основные проблемы и противоречия гуманитарной подготовки слушателей, которые существуют на сегодняшний день в системе военного образования и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: национальная безопасность, военная безопасность, гуманитарное образование, гуманитарная подготовка, офицер-руководитель, компетентностный подход, профессиональные компетенции, военно-образовательные учреждения.

Современное развитие и функционирование российского общества, государства, а также его Вооруженных Сил, как важного социального института, происходит в сложных, постоянно изменяющихся условиях, обусловленных как глобальными, геополитическими факторами, так и внутренними противоречиями в экономической, социально-политической, социокультурной сферах. Современный процесс глобализации при всех своих достоинствах, тем не менее чреват конфликтами цивилизационного характера. В сущности, этот процесс в определенной степени провоцирует новый передел сложившегося после второй мировой войны мироустройства.

По мнению ряда экспертов, подобные тенденции бифуркационного характера определяющие современный миропорядок, будут только нарастать в ближайшей обозримой перспективе. В этих условиях, характеризующихся неопределенностью и угрозами возрастает роль Вооруженных Сил России, как одного из основополагающих элементов системы национальной безопасности и ее составной части военной безопасности государства. Это в свою очередь влечет за собой возрастание требований к военно-профессиональной компетентности и квалификационным

характеристикам личности военнослужащего, а в нашем случае личности офицера-руководителя.

В статье в первую очередь, хотелось бы рассмотреть роль гуманитарного знания и соответственно гуманитарного образования непосредственно влияющего на военно-профессиональную подготовку слушателей, будущих офицеров-руководителей, а также те проблемы и противоречия, которые существуют в настоящее время в системе военного образования при реализации учебных программ гуманитарного цикла.

Актуальность того, что современным Вооруженным Силам России нужны гуманитарно образованные военные руководители способные к всестороннему, критическому анализу социальных процессов, протекающих в жизни армии и общества, не куда не исчезла. Действительно гуманитарное знание дает ответы будущему командиру, военному руководителю ответы на важные вопросы, что представляет собой человеческое общество, как оно устроено и как функционирует, какие противоречия существуют в обществе и как их возможно разрешить, какие социально-психологические основания стоят за конкретным видом интересов личности военнослужащего, как формируются социально значимые ценности, каково место армии и соответственно военнослужащего в современном обществе и т. д.

Известный военный мыслитель и педагог М.И. Драгомиров главную причину расцвета или упадка военного искусства, побед или поражений армии, видел в человеке, нравственных свойствах армии и ее начальников, в той или иной степени развития возвышенных сторон человеческой природы. «Важнейшим военным элементом является человек, важнейшим свойством человека – его нравственная энергия», – писал он [1].

Современный военный руководитель наряду с собственно военно-профессиональными компетенциями, как никогда ранее, должен обладать широким кругозором, аналитическими способностями, глубокими знаниями в области философии, психологии и социологии, уметь работать с людьми и осуществлять социальное управление воинским коллективом.

Важнейшим признаком гуманитарного образования является его мировоззренческая направленность. Гуманитарное образование, в отличие от военно-профессионального обучения, призвано не только и не столько, транслировать знания о мире, сколько формировать личностное мировосприятие человека и отношение личности военнослужащего к современному пониманию мироустройства. В гуманитарном понимании подлинное образование – это, действительно, созидательная деятельность по формированию и воспитанию личности.

Гуманитарное образование формирует у будущего военного руководителя научное мировоззрение, нравственные идеалы и ценностные ориентации, способствует формированию интеллектуальных, коммуникативных и лидерских качеств личности командира, руководителя, уважение

к духовным ценностям и способность воспринимать лучшие образцы художественной культуры и искусства.

Таким образом гуманитарная подготовка в военном ВУЗе выступает как базовая по отношению к военно-профессиональной подготовке слушателя, будущего офицера-руководителя и это не удивительно, поскольку история развития вооруженных сил, сами военные конфликты и войны подтверждает данный тезис. Исход любой войны определяет не военная техника и вооружение, а военнослужащий с определенным мировоззрением, ценностями, личностными качествами, военно-профессиональными знаниями и навыками, управляющий военной техникой и вооружением.

Данный вывод подтверждается словами известного советского и российского литературоведа, профессора МГУ А.И. Журавлевой «совершенно очевидно, что необходимость изучения истории и филологии, как и других гуманитарных наук, находится в прямой связи с национальной безопасностью России» [2].

В связи с вышесказанным необходимо осознать, какой смысл вкладывается в содержание понятий гуманитарное образование, гуманитарная подготовка на современном этапе. Так, по мнению известного эксперта В.В. Анашвили гуманитарное образование – это образование, транслирующее ценностный мир, образование, в котором человек выступает не как средство, а как цель [2]. Известный деятель культуры Чернушенко В.А. определяет гуманитарное образование как основу основ духовной жизни человека. По его мнению, личность сама определит свой путь и область профессиональной деятельности, но лишь тогда эта деятельность будет воистину успешной, когда носитель ее будет гуманитарно подготовленным [3].

По мнению Гожиков В.Я. гуманитарная подготовленность выпускника военного вуза отражает «объем» осмысленного, понятого, принятого им гуманистического «приращения» в сознании и компетентностях, что в конечном итоге способствует развитию интеллектуальных, эмоциональных и социокультурных компонентов профессиональной субъектности [4].

Зарубежные авторы и эксперты в области гуманитарного образования основной упор делают на то, что это образование связано не столько с ценностями и интеллектуальным развитием, сколько со свободой личности, в том числе личности военнослужащего.

Так, например, ряд американских ученых, таких, как Д. Мэритейн, У. Каннингхэм, У. Теодор де Бари полагают, что самое главное в дефиниции гуманитарного образования то, что оно дает свободу творчеству и способностям личности.

Х. Тейлор также считает, что гуманитарное образование – это интеллектуальное и культурное средство, посредством которого передаются основные идеи свободы.

Центральная идея гуманитарного образования, по мнению Б. Кимбол, – индивидуализация и свобода личности.

Д. Хаус, автор монографии «Непрерывное гуманитарное образование», дает название этому «определенному образу мышления». Он делает вывод, что гуманитарное образование близко к понятию «критическое мышление», и есть «ничего более, как понимание исторического, идеологического, социального, политического и культурного контекста наших мыслей и действий».

Другой, противоположной точки зрения придерживается американский ученый У. Загарс который считает, что гуманитарное образование – это воспитание гражданина в соответствии с самыми высокими идеалами [5].

В связи с вышесказанным необходимо отметить, что наши вероятные противники придают гуманитарному образованию будущих военных руководителей большое значение, так, например, в армии США в период обучения в военных ВУЗах будущие офицеры получают основательную гуманитарную подготовку. Сущность гуманитарной подготовки офицеров армии США заключается в целенаправленном процессе формирования у обучаемых личностного отношения к действительности, ориентированного на общечеловеческие, национальные и военно-профессиональные ценности, это процесс интеллектуального, общекультурного совершенствования обучаемых, развития у них поведенческо-менеджерских качеств [5].

Приоритетное внимание уделяется формированию у обучаемых трех главных качеств, которые, по мнению американского военно-политического руководства, должны быть присущи профессиональному военному: компетентность, ответственность и преданность своему делу. Военно-политическое руководство США большое внимание уделяет подготовке офицерских кадров к работе с личным составом.

Считается, что выпускник военного училища должен быть в первую очередь высокоинтеллектуальным, широко образованным офицером. В связи с этим в настоящее время на гуманитарные дисциплины отводится до 50 процентов учебного времени на первом курсе; до 30 процентов – на втором, до 60 процентов – на третьем и до 70 процентов – на четвертом курсе. Вне зависимости от принадлежности к виду вооруженных сил в училищах преподаются более сорока общеобразовательных учебных дисциплин, которые делятся на три категории: обязательные, изучаемые по выбору и факультативные. Их соотношение в учебном плане, а также последовательность изучения строго регламентированы.

Так, обучение кадетов в военной академии США West Point (Вест-Пойнт) ведется в соответствии с концепцией «Цельная личность»,

предусматривающей выработку у воспитанников таких качеств, как интеллигентность, физическая выносливость и умение работать с людьми. Пентагон требует, чтобы в процессе учебы из кадетов получились офицеры-лидеры, способные своими знаниями и умением побудить и направить подчиненных на выполнение поставленных перед ними задач. В связи с этим в ходе изучения военных дисциплин, включенных в военную программу училища, у воспитанников формируются командные качества и навыки [6].

В военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ), так же сложилась стройная система гуманитарного и социально-экономического образования курсантов и слушателей. В настоящее время такую подготовку в вузах Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляют кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (ГиСЭД). Профильное гуманитарное образование будущих офицеров российской армии осуществляет Военный университет МО РФ.

В военных училищах командного профиля, как правило, читается около десяти гуманитарных и социально-экономических учебных дисциплин. В том числе такие основополагающие дисциплины гуманитарного знания как «Философия», «История», «Культурология» и др., но нас в данном случае в большей степени интересует система гуманитарного образования и подготовка будущих военных руководителей оперативно-тактического звена, т.е. нам важно рассмотреть, как осуществляется гуманитарная подготовка слушателей академий, будущих офицеров-руководителей.

Военная академия в двухуровневой системе высшего образования является по сути магистратурой и осуществляет магистерскую подготовку. Слушатели военных академий, как правило уже имеют высшее образование и соответствующую гуманитарную подготовку, к тому же эта категория обучаемых реализовала знания, полученные в военных училищах, на практике в войсках, заняв по праву определенные командные должности в иерархии военного управления.

В военных академиях Вооруженных Сил Российской Федерации в основном читаются следующие дисциплины гуманитарного и социально-экономического профиля: «Философско-политологические и исторические аспекты военного управления», в какой-то степени к гуманитарным дисциплинам можно отнести предмет «Организация военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации», «Правовое регулирование военного управления». Перечисленные учебные дисциплины сосредоточены в основном на формировании общекультурных или универсальных компетенций, предложенных Федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения и частично общепрофессиональные и профессиональные компетенции. И здесь

возникает определенное противоречие, выражающееся в том, что при реализации и освоении слушателями учебных дисциплин гуманитарного цикла профессорско-преподавательским составом ВУЗа не в полной мере учитывается принцип неразрывности и сквозного характера процесса формирования универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В связи с этим, в процессе гуманитарной подготовки слушатели не до конца осознают, как гуманитарный учебный курс или учебная дисциплина профессионального цикла связаны друг с другом, с другими учебными дисциплинами и подчинены решению общей задачи, – формированию будущего офицера-руководителя.

Следующим очень важным и в то же время проблемным моментом в реализации гуманитарного образования в военных и не только военных образовательных учреждениях, является подготовка и написание рабочих программ учебных дисциплин (РПУД). Процесс разработки и написания рабочих программ учебных дисциплин, модулей, практик представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему социально-педагогической деятельности. К сожалению, значительная часть профессорско-преподавательского состава не всегда руководствуется методологической процедурой логического анализа основных понятий и логикой компетентностного подхода при написании РПУД. Это проявляется в том, что содержание учебных дисциплин гуманитарного цикла не всегда соотносится и корреспондирует с формируемыми компетенциями. При такой ситуации структура содержания учебной дисциплины не будет формировать требуемые компетенции.

Так же хотелось бы отметить необходимость увеличения учебных часов на предметы гуманитарного цикла, в настоящее время на гуманитарную дисциплину выделяется как правило 2-3 зачетные единицы. Этого времени явно недостаточно на гуманитарную подготовку будущих офицеров-руководителей, руководству образовательных учреждений необходимо исходить из того, что гуманитарное образование сложный и многогранный процесс, его нельзя формализовать и ограничить предметным содержанием только учебных дисциплин. Дополнительные учебные часы на дисциплины социально-гуманитарного цикла позволили бы преподавателям задействовать культурный и научный потенциал столицы России города Москвы при подготовке слушателей военных академий, дислоцирующихся в московском регионе.

В образовательном процессе в военных ВУЗах возникло противоречие, связанное с консерватизмом в использовании новых форм и видов учебных занятий. В основном используются такие формы как лекции и практические занятия, индивидуальные контрольные собеседования, хотя при освоении гуманитарного знания желательно использовать интерактивные виды занятий, позволяющие вести диалог

на занятиях и побуждать слушателей к активной умственной, аналитической деятельности.

На наш взгляд по настоящему важной проблемой и одновременно противоречием в рамках гуманитарной подготовки будущих офицеров-руководителей, является отсутствие в основной профессиональной образовательной программе высшего образования, учебных дисциплин, связанных с предметной областью военного управления, как отдельного вида социального управления.

На самом деле возникла парадоксальная ситуация в системе военного образования, военные академии готовят офицеров для занятия главных и высших должностей в системе военного и государственного управления, но в учебных планах отсутствуют такие учебные дисциплины как «Основы государственного управления», «Социология организаций», «Социология и психология военного управления», «Управление лидерством», «Социология войны», «Межкультурные коммуникации», «Глобалистика», «Экономическая политика и стратегическое планирование» и т.д.

Вышеперечисленные учебные дисциплины можно было бы отнести к разряду элективных учебных курсов. Как правило в системе высшего образования элективные дисциплины студент или слушатель выбирает из предложенного образовательной организацией перечня, после чего они становятся обязательными для изучения. Элективные курсы эффективно могут дополнить содержание основного направления подготовки слушателей военных академий. Основным приоритетом элективных курсов являться междисциплинарная интеграция, содействующая становлению целостного понимания решения тех задач и функций, которые придется выполнять слушателю в будущем, когда он будет назначен на высокую руководящую должность в системе военного управления.

Необходимо иметь ввиду, что при подготовке офицерских кадров для вооруженных сил блока НАТО в военно-образовательных учреждениях выделяется немало учебного времени на элективные курсы гуманитарного профиля.

Так, например, в настоящее время элективным предметам в учебных программах высшей школы США отводится от 17 до 30 % учебного времени. В военных академиях США некоторые курсы предметов являются обязательными (академии СВ, ВВС – 31 предмет), остальные предполагают добровольное посещение, причем общее количество не должно превышать 44-45 предметов. В военной академии США West Point (Вест-Пойнт) тринадцать кафедр предлагают 28 областей специализации, из них 6 кафедр дисциплин социально-гуманитарного цикла предоставляют возможность кадетам специализироваться в девяти областях и осуществлять выбор из девяти профилирующих дисциплин. Кафедра поведенческих наук и лидерства кроме двух обязательных курсов по общей психологии и военному руководству разработала двадцать шесть

элективных дисциплин по поведенческим наукам четырех профилирующих дисциплин (психологии, инженерной психологии, руководства, социологии), дополнительной профилирующей дисциплины по общему менеджменту, а также междисциплинарной области специализации.

В академии ВВС США профилирующие дисциплины социально-гуманитарного цикла разделены на два блока: профилирующие дисциплины по гуманитарным наукам («humanities majors») английскому языку, иностранным языкам, истории, философии и изобразительным искусствам и по социальным наукам («social sciences majors») экономике, географии, менеджменту, праву, политической науке, поведенческим наукам и лидерству. Кадеты в дополнение к обязательным курсам должны выбрать тринадцать элективных дисциплин по своему направлению.

Элективный принцип обучения осуществляется и на последующих этапах подготовки офицерских кадров США в командно-штабных колледжах, военных колледжах видов ВС США и в Университете национальной обороны [5].

В статье представлен только небольшой перечень проблем и противоречий связанных с гуманитарной подготовкой слушателей военных академий, а также пути их решения. На самом деле их гораздо больше, но нам показалось, что это наиболее важные проблемы, которые непосредственно влияют на военно-профессиональное становление офицера-руководителя, а значит опосредованно влияют и на состояние национальной безопасности государства.

Различные социологические исследования в области профессионального образования показывают, что отсутствие полноценной гуманитарной подготовки – одна из основных причин низкого уровня управленческого мышления современных руководителей, которым, по их признанию, владеют в высокой или достаточной степени примерно 50 % их коллег. На современно этапе развития нашего государства и его вооруженных сил военный руководитель не может состояться без овладения основными мировоззренческими и социально-культурными ценностями, знаниями в области психологии личности и социологии военного управления.

Таким образом, органам военного управления, осуществляющим руководство военно-образовательными учреждениями и организующими учебный процесс, необходимо помнить, что гуманитарная подготовка непосредственно влияет на качество формируемых профессиональных компетенций в области военного управления у обучаемых. В условиях реализации и развития компетентностного подхода в системе высшего образования Российской Федерации, в том числе военного образования.

Сегодня в системе подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Российской Федерации, необходимо улучшение качества преподаваемых гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

и это улучшение должно найти свое отражение в содержании Федеральных государственных образовательных стандартов четвертого поколения, в детально прописанных универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенциях, в увеличении количества учебных часов на гуманитарные дисциплины, новых моделях преподавания и педагогических технологиях, в расширении спектра учебных курсов гуманитарного и социального профиля, в квалифицированном профессорско-преподавательском составе. Качественные изменения в гуманитарной подготовке будущих офицеров-руководителей в период их обучения в военных ВУЗах окажут положительное влияние в целом на их профессиональную подготовку, что незамедлительно скажется на боевой готовности Вооруженных Сил России и ее национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование) // Драгомиров М.И. Избранные сочинения. – М., 1956. – 690 с.
2. Гуманитарное образование на современном этапе. По материалам «круглых столов» и семинаров, апрель-декабрь, 2006, Москва // Вопросы образования. – 2006. – № 4. С. – 249-273.
3. Чернушенко В.А. Гуманитарная культура – между прошлым и будущим // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: Мат. конф. – СПб, 1996. – 421 с.
4. Гожиков В.Я. Гуманитарная подготовка будущих офицеров в высшей военной школе: качественные параметры и пути их достижения // Право и образование. – 2011. – № 7. – С. 37-45.
5. Карпова Т. А. Педагогические основы гуманитарной подготовки офицерских кадров в высших военно-учебных заведениях США: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Москва, 2000. – 251 с.
6. Newsland info: информационно-дискуссионный портал: сайт 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://newsland.com/community/404/content/sistema-podgotovki-ofitserskikh-kadrov-v-ssha/748219> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Чернов В. В. Воспитание в вузе: роль гуманитарных дисциплин // Высшее образование в России. – 2006. – № 9. – С. 147-149.
8. Чернов В.В. Опыт реализации основных образовательных программ в вузе (на примере РГГУ) / Новый этап модернизации и интернационализации высшего образования: базовые индикаторы: науч. – метод. материалы. Изд-во ИГУ. Иркутск, 2013. – 481 с.

Подполковник ЧИБИСОВ А.В.

старший научный сотрудник военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

МЕЛЬНИК Н.Г.

научный сотрудник военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

**ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО МЕЖВЕДОМСТВЕННОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ
В СФЕРЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В статье рассмотрена система подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере военной безопасности и обороны государства на Факультете переподготовки и повышения квалификации Военного института (управления национальной обороной). Определены основные проблемы подготовки специалистов в этой области.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, система подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере военной безопасности и обороны государства, факультет переподготовки и повышения квалификации, Национальный центр управления обороной Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В современных условиях, когда стремительно меняется военно-политическая обстановка и Российская Федерация встречается с новыми угрозами безопасности, возрастает значение своевременного принятия решений по защите национальных интересов органами государственного и военного управления.

Эффективное решение задач в сфере военной безопасности может быть достигнуто только согласованным применением всех войск, сил, средств и ресурсов государства. Поскольку войска, силы и средства, организационно подчинены различным структурам, то их согласованное, совместное применение в интересах государства возможно на основе четкой организации межведомственного взаимодействия. Это взаимодействие заключается не только в обмене информацией, но и в выработке согласованных решений по целям, задачам, месту и времени действий в интересах достижения синергетического эффекта при совместном их применении.

Организация межведомственного взаимодействия сложна в организационном, техническом и научно-методическом аспекте. Это обусловлено рядом факторов, к которым, прежде всего, относятся:

- возрастание уровня неопределенности обстановки при принятии решений;

- рост объема и разнообразия информации, подлежащей обработке в интересах управления войсками, силами, средствами и ресурсами, относящихся к различным федеральным органам исполнительной власти (органам исполнительной власти) (ФОИВ (ОИВ));

- отсутствие полного сопряжения технических средств управления различных ведомств;

- необходимость сокращения времени на обработку информации в интересах организации межведомственного взаимодействия.

Немаловажным фактором при организации межведомственного взаимодействия является также подготовка квалифицированных кадров, участвующих в решении задач в сфере военной безопасности и обороны государства.

На сегодняшний день ключевую роль в подготовке таких кадров играет Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (ВАГШ ВС РФ), в состав которой входит Военный институт (управления национальной обороной) (ВИ(УНО)), осуществляющий организацию образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам представителей органов государственного и военного управления (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура и предназначение ВИ (УНО)

Система подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию в сфере военной безопасности и обороны государства (МВО) организована на Факультете переподготовки и повышения квалификации ВИ (УНО) (ФПиПК) в соответствии требованиями руководящих документов, регламентирующих повышение квалификации (рисунок 2).

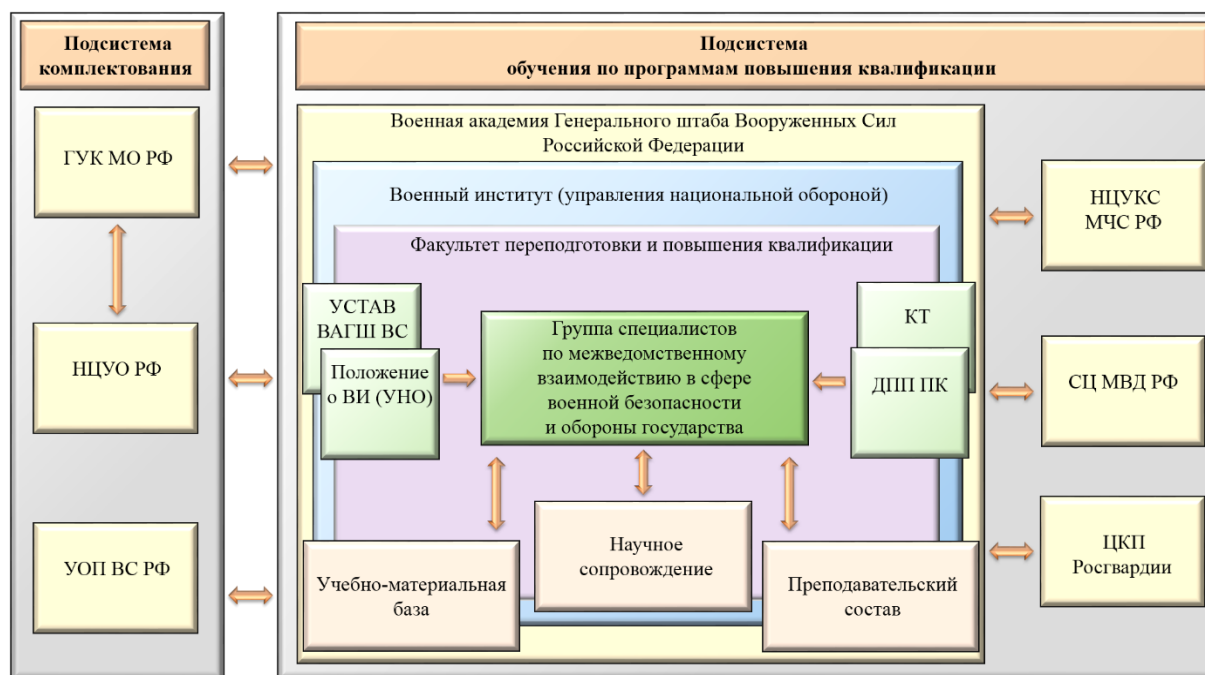

Рисунок 2 – Система подготовки специалистов по МВО на базе ФПиПК

К основными из них относятся:

- 1) Устав ВАГШ ВС РФ;
- 2) Положение о ВИ (УНО);
- 3) Квалификационные требования (КТ) к уровню подготовки специалистов;
- 4) Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации специалистов (ДПП ПК).

При этом Устав ВАГШ ВС РФ и Положение о ВИ (УНО) в общем определяют организацию образовательной деятельности академии и института, а КТ и ДПП ПК конкретизирует и дополняет ее применительно к подготовке специалистов по МВО.

В частности, в КТ к уровню подготовки специалистов по МВО определены требования к профессиональным знаниям, умениям и навыкам, необходимым для выполнения должностных обязанностей, связанных с организацией межведомственного взаимодействия в сфере военной безопасности и обороны государства, минимуму содержания ДПП ПК, кадровому обеспечению учебного процесса, информационно-методическому и материально-техническому обеспечению учебного процесса, а также к оценке качества освоения ДПП ПК.

В свою очередь, ДПП ПК объединяет в себе учебно-методическую документацию, определяющую цели, содержание, объем, организационно-педагогические условия, формы аттестации и планируемые результаты дополнительного профессионального образования.

Квалификационные требования были разработаны комиссией Национального центра управления обороной Российской Федерации (НЦУО РФ), а уже на их основе ВАГШ ВС РФ была подготовлена ДПП ПК и утверждена начальником академии.

Целью реализации ДПП ПК специалистов по МВО на ФПиПК является совершенствование имеющихся и (или) приобретение новых компетенций, необходимых для профессиональной деятельности специалистов НЦУО РФ, Региональных центров управления (Территориальных центров управления) (РЦУ(ТЦУ)), Ситуационных центров (СЦ) ФОИВ и ОИВ субъектов Российской Федерации по вопросам организации МВО и (или) повышения профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации.

Цель подготовки специалистов по МВО на ФПиПК достигается решением основных задач:

привитие знаний по организации военного и государственного управления в области обороны, предназначению, структуре, решаемых задачах и организации работы НЦУО РФ, РЦУ (ТЦУ), СЦ ФОИВ и ОИВ субъектов Российской Федерации, состоянию, тенденциям развития информационных технологий и направлениям информатизации военной организации государства;

привитие умений организовывать межведомственное взаимодействие по вопросам обеспечения режима военного положения, организовать работу центров управления (дежурных смен) НЦУО РФ, РЦУ (ТЦУ), СЦ ФОИВ и ОИВ субъектов Российской Федерации, применять информационные технологии в работе должностных лиц;

привитие навыков разработки планирующих, директивных, отчетно-информационных и справочных документов, осуществления приема, передачи, контроля доведения команд, сигналов (информации) оповещения, взаимодействия и управления.

В соответствии с графиком-календарем учебного процесса на 2018/19 и 2019/20 учебные годы на ФПиПК было спланировано к повышению квалификации четыре группы специалистов по МВО. На сегодняшний день прошли обучение слушатели трех групп. Весенний набор, спланированный на 2019/20 учебный год, был отменен в связи со сложной эпидемиологической ситуацией связанной с распространением вируса COVID-19. Состав слушателей по принадлежности к органам (пунктам) управления, спланированных и прошедших обучение представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Состав слушателей, прошедших обучение на ФПиПК

№ п/п	Орган (пункт) управления, организация	Осенний набор 2018 год, чел.	Весенний набор 2019 год, чел.	Осенний набор 2019 год, чел.	Всего слушателей
от Минобороны России					
1.	НЦУО РФ	2	2	1	5
2.	РЦУ	2	2	3	7
3.	ТЦУ, ЦУ ГК (К)	5	5	3	13
4.	ПУ	2	2	2	6
5.	ВУНЦ СВ «ОА ВС РФ»	1	-	-	1
6.	Всего	12	11	9	32
от других ФОИВ					
7.	Росгвардия России	1	1	1	3
8.	ФСО России	1	1	1	3
9.	МЧС России	-	1	1	2
10.	ФСБ России	1	1	-	2
11.	МВД России	-	-	2	2
12.	Всего	3	4	5	12
13.	Общее количество	15	15	14	44

Формирование учебных групп осуществляет НЦУО РФ, который является заказчиком подготовки специалистов по МВО. Он организует и проводит отбор кандидатов и направляет их на обучение.

На основе выписки из Плана распределения учебных мест для обучения по программам дополнительного профессионального образования, который формирует Главное управление кадров МО РФ, НЦУО РФ разрабатывает План отбора кандидатов на учебу (рисунок 3).

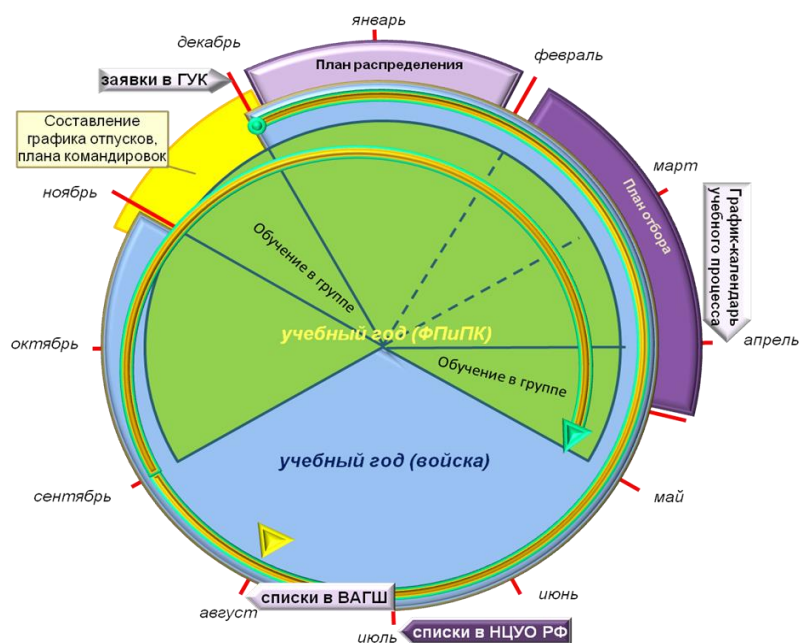

Рисунок 3 – Схема организации подготовки специалистов по МВО

Не позднее, чем за два месяца списки кандидатов для обучения рассматриваются начальником НЦУО РФ и утверждаются начальником Генерального штаба ВС РФ. Право замены кандидатов на обучение предоставляется только начальнику НЦУО РФ.

Окончательное формирование учебных групп на ФПиПК осуществляется начальником факультета и завершается до начала обучения на основании утвержденных именных списков. Зачисление слушателей производится без вступительных экзаменов. Уточненные списки слушателей, прибывших для обучения на факультет, представляются в НЦУО РФ.

Трудоемкость освоения ДПП ПК составляет 180 часов, не считая времени на итоговую аттестацию. Из них. 30 часов на дисциплину «Национальная безопасность», 39 часов на «Государственное управление» и 111 часов на «Военное управление».

Занятия по дисциплинам проводят педагогические работники ВАГШ ВС РФ, осуществляющие образовательную деятельность и выполняющие обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

Занятия проводятся на учебно-материальной базе, формирующей социально-педагогическую среду обучения, воспитания и развития специалистов.

В состав учебно-материальной базы академии для подготовки специалистов по МВО входят учебное здание, учебные кабинеты ФПиПК, оборудованные средствами обучения и рабочими местами обучающихся и преподавателя, секретная и несекретная библиотеки с читальными залами, спортивный комплекс, столовая, поликлиника и другие помещения административно-хозяйственного и санитарно-бытового назначения академии. Примечательно что, подготовка специалистов по МВО предусматривает также задействование учебно-материальной базы ФОИВ (пункты управления (ситуационные центры)), на которых в рамках комплексирования обучения организуются выездные лекционные и практические занятия. К ним относятся Национальный центр управления в кризисных ситуациях (НЦУКС) МЧС России, Ситуационный центр (СЦ) МВД России, Центральный командный пункт (ЦКП) Росгвардии.

Занятия проводятся руководителями подразделений ФОИВ, чья деятельность связана с межведомственным взаимодействием. Кроме того, на базе НЦУО РФ организуются выездные лекционные и практические занятия под руководством заместителя начальника НЦУО РФ.

В ходе обучения возможно отчисление слушателей ФПиПК вследствие недисциплинированности, неуспеваемости или болезни с уведомлением заказчика обучения.

На завершающем этапе обучения проводится итоговая аттестация в форме итогового междисциплинарного экзамена на которую отводится 24 часа.

Для проведения итоговой аттестации приказом начальника ВАГШ ВС РФ создается итоговая аттестационная комиссия. Ее состав определяется начальником академии из числа научно-педагогических работников академии и представителей НЦУО РФ, как заказчика обучения.

Отчет о работе итоговой аттестационной комиссии представляется начальнику ВАГШ ВС РФ и начальнику НЦУО РФ.

С целью совершенствования системы подготовки специалистов по МВО в академии предусмотрено научное сопровождение процесса обучения с участием научных и учебно-научных подразделений ВАГШ ВС РФ, в ходе которого удалось выделить ряд основных проблемы.

Проблемы, связанные с несовершенством нормативной правовой базы подготовки специалистов по МВО.

В настоящее время в федеральных законах РФ и иных нормативных правовых актах РФ, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере межведомственного взаимодействия, вопросы подготовки специалистов по МВО либо не рассмотрены вообще, либо рассмотрены поверхностно и недостаточно полно. Кроме того, нормативной правовой базой не определено «ведущее» ведомство, координирующее вопросы подготовки специалистов по МВО для различных ведомств и структур, а также вопросы проведения научных исследований и изыскательской работы, с целью научного обоснования численности специалистов по МВО, необходимой для эффективного решения задач организации межведомственного взаимодействия, расчета потребности каждого ведомства в специалистах МВО, вопросы отбора, периодичности и сроков обучения, целесообразности подготовки специалистов по МВО в вузах страны по территориальному признаку.

В существующем законодательстве на сегодня, не раскрыт порядок финансового обеспечения мероприятий, связанных с обучением специалистов по вопросам МВО.

В этой связи, необходимо провести разноуровневую, разнонаправленную работу по совершенствованию нормативной правовой базы в части, касающейся вопросов подготовки квалифицированных кадров ФОИВ, должностных лиц ОИВ субъектов РФ, распределенных СЦ по вопросам межведомственного взаимодействия в сфере военной безопасности и обороны государства.

Проблемы организационно-структурного характера.

К организационно-структурным проблемам следует, в первую очередь, отнести необходимость научного обоснования структуры системы подготовки специалистов по МВО. Поскольку подготовка специалистов по МВО организуется и проводится в существующей системе образования, которая не в полной мере отвечает требованиям, можно считать, что проблема создания системы как таковой существует и, в настоящее время, требует решения. Сегодня, целенаправленная подготовка

специалистов по МВО в ведущих вузах РФ не осуществляется и рассматривать систему подготовки таких специалистов в масштабе государства можно опираясь только на те элементы, которые реализуются в Вооруженных Силах РФ.

Важной организационной проблемой является проблема комплектования учебных групп специалистами по МВО и обеспечение непрерывности их подготовки.

Опыт подготовки специалистов по МВО на ФПиПК показал, что в состав таких групп необходимо включать представителей от различных министерств и ведомств, привлекаемых к решению задач в сфере обеспечения военной безопасности и обороны государства. В частности, представителей НЦУО РФ, ФОИВ и ОИВ субъектов РФ, которые отвечают за организацию межведомственного взаимодействия в соответствующих ведомствах, при этом подготовка специалистов должна осуществляться непрерывно на фоне динамично меняющихся условий, влияющих на процессы этого взаимодействия.

Проблемы кадрового характера.

К основным кадровым проблемам в первую очередь следует отнести проблемы отбора специалистов для работы в структурных подразделениях, на которые возложены задачи межведомственного взаимодействия, дополнительной подготовки специалистов по межведомственному взаимодействию и специализированной подготовки преподавательского состава для ведущих вузов РФ, обладающего необходимыми компетенциями в области межведомственного взаимодействия.

Проблема отбора специалистов для работы в структурных подразделениях обусловлены тем, что таких профильных специалистов в учебных заведениях Министерства обороны, учебных заведениях других министерств и ведомств целенаправленно не готовят. Поэтому, отбор кандидатов производится из числа должностных лиц различных организаций (управлений, отделов, служб), иногда по «остаточному принципу». С учетом того, что к специалистам по МВО предъявляются особые требования, отбор кандидатов в такие структурные подразделения является проблематичным.

Проблема дополнительной подготовки специалистов по МВО состоит в том, что с учетом специфики их деятельности они должны готовиться по специальным программам повышения квалификации, поскольку эта область затрагивает специфические вопросы межведомственного взаимодействия, работу с технологиями по сбору, обработке, анализу, хранению и передаче информации между НЦУО РФ, РЦУ (ТЦУ), СЦ ФОИВ и ОИВ субъектов РФ.

Проблема подготовки педагогического состава готовящих специалистов по МВО заключается в том, что, потребность в подготовке специалистов по МВО растет, а соответствующего центра по переподготовке

педагогического состава не существует. Несмотря на то, что повышение квалификации специалистов по МВО в настоящее время, осуществляют наиболее подготовленные педагоги, очевидно, что повышение эффективности обучения слушателей во многом зависит от качества подготовки профессорско-преподавательского состава.

В этой связи, необходимо организовать соответствующий центр по переподготовке педагогического состава с единым учебно-методическим обеспечением и единой научной базой подготовки специалистов по МВО в Российской Федерации.

Следует отметить, что при подготовке специалистов по МВО существует и ряд других проблем учебно-методического, информационного, материально-технического характера и др.

Выявленная проблематика подготовки специалистов для центров управления различных уровней (НЦУО РФ, РЦУ (ТЦУ), СЦ ФОИВ и ОИВ субъектов РФ) требует кропотливой и согласованной работы уже сегодня. Предполагается, что эту работу должны вести руководители всех ФОИВ, участвующих в решении задач обороны государства. Без этого задача укомплектования штатных должностей компетентными сотрудниками, отвечающих за вопросы межведомственного взаимодействия в целях отстаивания национальных интересов Российской Федерации, останется нерешенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методические рекомендации по организации и осуществлению дополнительного профессионального образования в организациях Министерства обороны Российской Федерации, осуществляющих образовательную деятельность. Утверждены статс-секретарем – заместителем Министра обороны Российской Федерации А.Н. Панковым 30 октября 2015 г.

2. Устав Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденный Министром обороны РФ 12 ноября 2014 г.

3. Указ Президента Российской Федерации от 25 июня 2013 г. № 648 «О формировании системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия».

ШЕСТОПАЛОВ Н.В.

студент Дипломатической академии МИД России

**ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ,
ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА И РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Рост и развитие экономики России являются важным элементом национальной безопасности нашей страны. В связи с чем, необходимо увеличивать уровень ВВП. Достигнуть увеличения данного показателя можно за счет повышения государственных затрат на развитие инфраструктуры. В государстве с развитой экономикой реже возникают внутренние общественные конфликты и появляется возможность внешнего экономического влияния.

Ключевые слова: Россия, экономика, ВВП, инфраструктура, предпринимательство, международная торговля, безопасность.

Введение

На сегодняшний день, мировая экономика приобретает поистине сложный характер по причине разделения центров экономического развития. Мы можем наблюдать, четкое разделение между Востоком, со своим фаворитом – Китайской Народной Республикой и западом, где лидером экономического локомотива являются США.

Страны Европейского Союза предпочитают держать нейтралитет в области торговых отношений. Однако, в большей мере, ведут экономическое взаимодействие с Соединенными Штатами, в силу показателей роста и развития Тихоокеанских партнеров.

С политической точки зрения, международные отношения являются еще более усложненными, поскольку на политической арене присутствует немалое количество «стратегических» игроков.

Российская Федерация находится между Востоком и Западом, держась особняком. Особенно это выражено в военно-политической повестке нашего государства. Уверенность политических действий нашей страны, безусловно достигается за счет развития армии. Россия имеет самую передовую военную технику на вооружении. Можно с уверенностью сказать, что наши стратегические ядерные силы являются гарантом безопасности и суверенитета нашей страны. Мы также видим полную боевую готовность Воздушно-космических сил, Сухопутных войск и Военно-морского флота.

Однако, наша страна имеет потенциал выйти в лидеры еще и по показателям роста и развития экономики. Изменения экономических показателей нашего государства окажут весомую поддержку национальной безопасности Российской Федерации. Они смогут исключить риски появления внешней экономической угрозы, а также устранят возможность возникновения внутреннего общественного конфликта. Развитая экономическая система поспособствует развитию равных торговых отношений как со странами Западного блока, так и Восточного. Ведь наше государство будет развиваться не только за счет военно-политического потенциала, но и торгово-экономического. Я считаю, что это можно реализовать за счет устойчивого роста ВВП.

Основная часть

За последние десять лет Россия заметно увеличила свою внешнеполитическую значимость. При этом немаловажным показателем развития государства является объем Валового Внутреннего Продукта (ВВП). Согласно статистике Всемирного Банка [1], Россия занимает 16-ю позицию по уровню ВВП в мире. В связи с развитием инфекции COVID, опираясь на информацию Международного Валютного Фонда [2], по прошествии 2020 года российская экономика сократится на 5,5 %. Эти факты свидетельствуют о снижении роста и развития экономики.

Однако, данная ситуация разрешима, главное – это наличие вовремя принятых мер. В данное время возможен экономический рывок на фоне спада, вызванного пандемией. Здесь, необходимо обратить внимание на основные показатели роста ВВП [3] – государственные затраты, инвестиции и потребление.

Все показатели важны и взаимосвязаны друг с другом. По-моему мнению, необходимо начать с увеличения государственных затрат на развитие инфраструктуры. Так как благодаря повышению государственных затрат появится мультипликационный эффект (эффект домино), который может стать основным триггером экономического роста. Этот подход уже зарекомендовал себя в истории экономически развитых стран.

Государственные затраты способны благотворно повлиять на развитие инфраструктуры, что также окажет положительное влияние на инвестиционный климат.

Примером благотворного влияния государственных затрат может послужить Норвегия [4]. Страна также обладает большим количеством природных запасов и имеет смешанную экономику со значительной долей государственного сектора. При этом ресурсы распределяются иным образом. Ключевое отличие – это государственные затраты, вложенные в развитие инфраструктуры. За счет строительства дорог и путепроводов, обеспечивается эффективность в логистике, создаются рабочие места, стимулируется спрос.

Добыча полезных ископаемых в Норвегии также косвенно влияет на разделение экономических центров страны. У квалифицированных кадров нет необходимости переезжать в поисках заработка, так как инфраструктура позволяет людям осуществлять предпринимательскую деятельность в пределах своих регионов проживания (в том числе в далеко-удаленных городах). Это способствует равномерному экономическому развитию регионов страны, конечно, существуют центры деловой активности, но они подвластны национальной конкуренции.

Государственные затраты также увеличивают сбережения домашних хозяйств в качестве заработной платы. Сбережения имеют прямой эффект на потребление товаров и услуг в экономике страны, что приводит к росту ВВП. В данном случае, мы можем провести параллель с выходом США из Великой депрессии [5]. Важную роль в стимулировании американской экономики сыграл экономист Джон Мейнард Кейнс. Он не находил смысла в борьбе с монополиями, но видел экономический потенциал в «двух способах стимулирования: увеличение инвестиций и увеличение потребления». Кейнс считал, что государственные затраты способны фундаментально снизить уровень безработицы за счет создания новых рабочих мест и развития производства. В конечном счете, американский опыт показал, что данный метод работает, во-многом посредством мультипликационного эффекта. В период Великой депрессии, «шло строительство дорог, плотин, общественных зданий, аэродромов, портов, жилья» за счет государственного финансирования, в конечном итоге, экономика начала восстанавливаться.

Помимо роста количества потребленных товаров, государственные затраты также обретут положительный эффект на инвестиции в малый и средний бизнес. Инвестиции – это важная составляющая роста ВВП, при этом рост малого и среднего бизнеса возможен только при условии поддержки со стороны власти. Иными словами, у людей появятся свободные деньги, которые можно вложить, что в итоге (при применении лояльной фискальной политики) приведет к увеличению произведенных товаров и услуг на территории нашей страны. Примером успешного использования малого и среднего бизнеса для развития экономики может послужить Германия.

Несмотря на современное представление общества, экономика Германии основывается далеко не на крупных автомобильных концернах, металлургических и промышленных предприятиях, а на малом и среднем бизнесе. Согласно немецкому информационному агентству DW [6]: «в Германии существуют почти три с половиной миллиона мелких и средних фирм. На них занято свыше 70 % всех работающих». При этом доля малого и среднего бизнеса составляет 46,7 %. В Скандинавии, в среднем, ВВП состоит на 50 % из малых и средних предприятий. При этом в нашей экономике эта доля равняется 21,9 %.

Увеличения значимости малого и среднего бизнеса можно достигнуть за счет льготного кредитования. Давайте еще раз обратим внимание на Германию, где программы поддержки малого и среднего бизнеса были утверждены еще в 1960-х годах. В накоплении стартового капитала помогает государственный банк «Kfw». Данный банк осуществляет льготное кредитование на создание малой или средней фирмы, причем «половину коммерческого риска берет на себя государство». В России аналога банка такого типа нет, соответственно бизнесу не хватает поддержки государственного финансового аппарата.

Правительство Германии также придерживается антикризисной политики на фоне эпидемиологической ситуацией. В связи с пандемией, основным объектом спасения являются малые и средние предприятия. Пострадавшим организациям одноразово выплатят от 9 до 15 тысяч евро. Финансовая помощь направлена на выплату «аренды помещений, взятого в лизинг оборудования и кредитов».

На наш взгляд, в России возможен и необходим похожий сценарий, так как это поспособствует росту процента малого и среднего бизнеса, задействованного в экономике. Необходимо увеличить количество субсидий, особенно на сложном этапе спада экономической активности, вызванного пандемией. Помимо этого, предприятия малого и среднего бизнеса нуждаются в льготном кредитовании. В июле 2020-го года, ключевая ставка Банка России равнялась 4,25 % [7]. По-моему мнению, данный процент слишком велик и нуждается в дальнейшем снижении для улучшения инвестиционного климата.

Все вышеперечисленные меры могут стать отправной точкой развития российской экономики. Однако, важнейшим элементом всей перспективы развития является свобода предпринимательства, в частности малого и среднего. В особенности, это необходимо сейчас, во время пандемии. Развитие бизнеса обеспечит страну рабочими местами и позволит исключить риски, которые связаны с национальной безопасностью. В государстве с развитой экономикой реже возникают конфликты на политической основе.

В нашей стране налажена социальная поддержка граждан. Медицинские и образовательные услуги оказываются за счет налогоплательщиков. Армия России также нуждается в постоянном государственном финансировании. В связи с чем, государственному аппарату приходится повышать налогообложение. Однако, средний уровень заработной платы находится не на должном уровне. Это может стать причиной внутреннего политического конфликта, который представляет большую опасность для национальной безопасности чем потенциальные внешние угрозы. По-моему мнению, легче оказывать внутреннее воздействие на общество, особенно на фоне неблагоприятной экономической ситуации, нежели чем оказывать внешнее политическое

влияние. Поэтому на данном этапе, экономический рост и развитие необходимо нашей стране и национальной безопасности нашего государства.

На данный момент основным сектором российской экономики является ее Топливо-энергетический комплекс (ТЭК). В особенности – экспорт нефти и газа. Важным элементом российского ТЭК является экспортный газопровод «Северный поток», который способен доставлять 55 млрд м³ газа в год [8]. Поэтому, строительство высокотехнологичного газопровода «Северный поток 2» необходимо для нашей экономики. Однако, мы можем наблюдать экономическое влияние наших американских партнеров, которое затрудняет дальнейшее строительство газопровода. На сегодняшний день, возможностей наложения ответных экономических санкций не так много. Поэтому развитие нашей экономики позволит в полной мере задействовать экономические рычаги.

Заключение

Экономическая безопасность Российской Федерации является крайне важным элементом национальной безопасности. Так как за счет стабильной экономической ситуации, возможно исключить потенциальное экономическое влияние со стороны наших торговых партнеров. Помимо этого, страна с развитой экономикой, имеет соответствующие экономические рычаги, которые можно использовать в международной торговле. Уже сегодня, это является необходимостью. Мы можем наблюдать это на примере строительства экспортного газопровода «Северный поток 2».

Помимо потенциальной внешней угрозы, существует риск, связанный с внутренним влиянием на общество государства. Основным фактором которого, является неблагоприятная экономическая ситуация. Поэтому, рост и развитие необходимо экономике нашей стране для поддержки национальной безопасности России.

На данный момент, наиболее подходящее решение для вывода экономики на стадию устойчивого роста – это увеличение объемов ВВП за счет повышения государственных затрат на развитие инфраструктуры. Развитие инфраструктуры приведет к созданию новых рабочих мест и обеспечит эффективность в логистике. Помимо этого, у людей появятся сбережения, которые в дальнейшем смогут увеличить спрос на товары и услуги внутри страны. Квалифицированным кадрам не придется переезжать в поисках заработка, что поспособствует равномерному экономическому развитию регионов России.

Еще одним немаловажным фактором роста экономики, является вовлеченность малого и среднего предпринимательства. В Российской Федерации соотношение данных видов бизнеса в ВВП не велик. Поэтому,

необходимо стимулировать малые и средние предприятия посредством субсидирования со стороны государства и снижения ключевой ставки Банка России.

В заключении, хотелось бы упомянуть слова императора Александра III: «У России есть только два союзника – ее армия и флот».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг стран по уровню ВВП // Всемирный Банк. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/gdp-ranking> (дата обращения: 05-08-2020).

2. МВФ оценил глубину падения российской экономики в условиях пандемии // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/04/14/827991-mvf-otsenil-padeniya-rossiiskoi> (дата обращения: 07.08.2020).

3. Максимова В.Ф. Экономическая теория: учебник для бакалавров / В.Ф. Максимова [и др.]; под общей редакцией В.Ф. Максимовой. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 580 с.

4. Орешко К.С. Факторы роста малого и среднего бизнеса в странах Скандинавии (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция). // Российский внешнеэкономический вестник, Москва.

5. Великая депрессия: кейнсианские методы сработали // Открытие. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://journal.open-broker.ru/history/velikaya-depressiya-kejsnianskie-metody-srabotali/> (дата обращения: 07.08.2020).

6. Малый и средний бизнес остается фундаментом немецкой экономики // DW. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 10.08.2020).

7. Ключевая ставка Банка России // Банк России. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 09.08.2020).

8. Северный поток. // Газпром. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения: 10.08.2020).

Полковник ЭЛЪЯС В.П.

доктор военных наук, доцент
начальник Научно-исследовательского института (информационной безопасности) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Полковник БАРАНОВ Р.П.

доктор военных наук, доцент
начальник Главного вычислительного центра
Министерства обороны Российской Федерации

Полковник МАРИЧЕВ М.О.

начальник центра научно-исследовательского
Научно-исследовательского института (информационной безопасности)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

ТАРАСОВ Е.А.

научный сотрудник Научно-исследовательского института
(информационной безопасности) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

ЛОБАНОВ И.Г.

доктор политических наук, доцент
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
(информационной безопасности) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОТИВОПАНДЕМИЧЕСКИХ (ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ) МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. В научной статье рассмотрены современные подходы к информационному сопровождению противопандемических (противоэпидемических) мероприятий, раскрыты требования к их проведению органами государственной власти Российской Федерации и установлены основные характерные особенности решения задач информационного сопровождения противопандемических мероприятий в отношении пандемии коронавируса COVID-19 в современных условиях.

Ключевые слова: информационное сопровождение, противопандемические (противоэпидемические) мероприятия, коронавирус COVID-19, органы государственной власти Российской Федерации.

Современный этап общемирового развития характеризуется возрастающей ролью информационной сферы. В XXI веке, превращаясь в системообразующий фактор жизни общества, информационная сфера все более активно влияет на состояние политической, экономической, военной и других составляющих национальной безопасности государства [1, 2].

Проведенный ретроспективный анализ показал, что человечество в целом не раз сталкивалось со стихийно-взрывными эпидемиями (пандемиями) на всех этапах своего развития. Наиболее опасными из них для России были эпидемии бубонной чумы в 1770-1772 годах и в 1901 году, восемь вспышек эпидемий холеры на протяжении 19-го века, «испанка» и тиф в годы Первой мировой и Гражданской войн, локальные проявления сибирской язвы, чумы, менингита и гриппа, вызванных различными штаммами.

В результате напряженной, часто проводимой радикальными методами, деятельности центральных и местных властей эпидемии удавалось локализовывать негативные явления. В каждом конкретном случае положительным фактором являлось информационное сопровождение противопандемических (противоэпидемических) мероприятий, соответствующее своей временной эпохе и типу социального устройства государства, и возможностям по информированию населения.

Информационное сопровождение противопандемических (противоэпидемических) мероприятий в настоящее время проводится с помощью радио, телевидения и других средств массовой информации, а также социальных сетей. Одним из наиболее эффективных способов доведения необходимой информации до населения стало издание плакатов на требуемую тему.

Недооценка информационного сопровождения может привести к снижению результативности противопандемических (противоэпидемических) мероприятий. Например, при борьбе с черной оспой в 1960 году органами государственной власти Советского Союза была допущена ошибка: появление людей в защитной экипировке, похожих на инопланетян, привело к тому, что по г. Москве стремительно начали распространяться разные слухи, якобы очевидцы утверждали, что морги забиты трупами [4].

Вместе с тем как положительный факт отмечается, что после принятого руководством Советского Союза решения о проведении тотальной вакцинации населения Москвы и ближайшего Подмосковья (в общей сложности более 10 млн чел.) информационное сопровождение противоэпидемического мероприятия было налажено как по радио, так и с помощью громкоговорителей на автомобилях. Органами государственной власти через средства массовой информации были своевременно доведены до населения вынужденные ограничительные меры. Например, ограничения на въезд и выезд из населенных пунктов без соответствующей справки о сделанной прививке.

Успешно организованное информационное сопровождение противоэпидемических мероприятий 1960 года позволило проводить вакцинацию до полутора миллиона человек в сутки. В результате болезнь «черная оспа» была искоренена в СССР, при этом ликвидация инфекции заняла 44 дня, а если быть точнее – непосредственная борьба с ней длилась всего 19 дней [4].

Яркий пример важности информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий представлен в докладе МАГАТЭ в 2006 году, где утверждалось, что основные проблемы со здоровьем в ходе ликвидации катастрофы на АЭС в г. Чернобыль и устранении ее последствий возникли у людей не из-за воздействия радиации, а из-за отсутствия достоверной информации. Неправильное проведение информационного сопровождения программ по переселению людей из зараженных районов, случаи неадекватной социальной политики зачастую порождали внутреннюю неуверенность и страх перед наступающим бедствием – невидимой человеческому глазу радиации.

Опыт борьбы с пандемиями (эпидемиями) показал, что в интересах национальной безопасности государства принимались решения по внесению с помощью информационного воздействия корректив в социальный уклад жизни населения. Ретроспективный анализ отдельных примеров из прошлых бедствий в информационном аспекте свидетельствует о возможности успешного формирования у населения соответствующих эмоциональных состояний, знаний и представлений, а также обеспечения влияния через них на жизненную позицию людей, социальных групп общества и их поведение в различных ситуациях.

Многочисленные примеры прошлых пандемий (эпидемий) и опыт информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий свидетельствуют о том, что в возникновении психических нарушений у людей ведущую роль играет не столько сама чрезвычайная ситуация, сколько то, как личность воспринимает, переживает и интерпретирует данное событие. Следовательно, в современных условиях необходимость и важность информационного сопровождения обусловлена тем, что в кризисных ситуациях своевременное, убедительное и аргументированное информирование населения должно вселять в людей уверенность в будущем, нивелируя внутреннюю неуверенность и страх перед возможной болезнью.

В настоящее время проведенное исследование текущей пандемии коронавируса COVID-19 показало, что от уровня информационного сопровождения в ходе противопандемических мероприятий во многом зависит устойчивость местного и государственного управления в чрезвычайных условиях пандемии, успешность межведомственного взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной

власти при осуществлении противопандемических (противоэпидемических) мероприятий, предотвращение угрозы возникновения беспорядков и волнений, недопущение стихийной миграции и других негативных проявлений в общественной жизни.

В современных условиях для осуществления комплексного подхода к информационному сопровождению противопандемических (противоэпидемических) мероприятий в Российской Федерации сформулированы следующие основные требования:

своевременное предупреждение о возникновении критических ситуаций, связанных с пандемией (эпидемией);

информационное сопровождение выполнения противопандемических (противоэпидемических), включая и санитарно-гигиенические;

постоянный анализ проводимых на всех этапах мер по информационному сопровождению противопандемических (противоэпидемических) мероприятий;

своевременная выработка рекомендаций федеральным и региональным органам исполнительной власти Российской Федерации [4].

Текущий анализ информационного сопровождения противопандемических мероприятий, связанных с коронавирусом COVID-19 позволил сформулировать следующие первоочередные задачи для федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации:

своевременное информирование населения Российской Федерации через средства массовой информации и социальные сети о возможной пандемии (эпидемии);

организация и ведение пропаганды в интересах предотвращения распространения пандемии и обеспечения безопасности людей в очагах заражения;

формирование положительного общественного мнения по ключевым вопросам деятельности государственного руководства, местных властей, МЧС России и других ведомств по локализации последствий эпидемии (пандемии) через СМИ и социальные сети;

воспитание у населения уверенности в эффективности проводимых органами государственной власти мероприятий по защите населения в случае угрозы и возникновения чрезвычайных ситуаций (пандемии или эпидемии);

выработка у населения психологической готовности к возможным испытаниям в случае чрезвычайных ситуаций мирного и особенно военного времени;

участие профильных государственных структур обеспечения информационной безопасности в создании и функционировании системы внутреннего информационного пространства министерств и ведомств Российской Федерации.

Вместе с тем необходимо учитывать, что органам государственной власти Российской Федерации решение задач информационного

сопровождения придется осуществлять в особых специфических условиях. К самым характерным из них можно отнести:

острый дефицит времени на организацию информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий;

сложность подбора эффективных методов информационного воздействия на общественное сознание в условиях реального отсутствия у органов государственной власти, особенно в начальный период пандемии, действенных медицинских препаратов для вакцинации населения;

появление среди населения многочисленных жертв, в том числе для многих – близких людей;

появление у населения обыкновенного человеческого страха перед невидимой биологической угрозой и недоверие властям при отсутствии заметных успехов в борьбе с заболеваниями;

распространение слухов о большом количестве умерших и понесенных экономических потерях, а также намеренный вброс дезинформации (фейковых новостей) внутренней оппозицией и из-за рубежа.

С целью информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий органы государственной власти и соответствующие исполнительные органы всех уровней Российской Федерации должны заблаговременно разработать перечень требуемых мер.

В первую очередь к ним относятся:

1) оповещение населения через средства массовой информации и по иным каналам о прогнозируемой и возникшей чрезвычайной ситуации;

2) проводимые мероприятия по обеспечению безопасности населения;

3) информационное воздействие (пропаганда) для побуждения людей к строгому соблюдению мер защиты и более активному самообслуживанию в противоэпидемической и санитарно-гигиенической областях.

В ходе пандемии особенность информирования населения зараженного региона состоит в разъяснении прежде всего:

границ очагов инфекционных заболеваний;

вида инфекции, и степени ее опасности (патогенности);

механизма передачи возбудителя инфекции;

предупреждении о распространения инфекционного заболевания;

перечня мероприятий профилактики;

содержания санитарно-гигиенических норм и других мер личной защиты.

Пандемия коронавируса 2020 года вскрыла проблемные вопросы, связанные с информационным сопровождением противопандемических мероприятий. Аналитиками отмечается, что несмотря на тиражирование в СМИ и социальных сетях заявлений официальных лиц о ходе преодоления пандемии в России, почти сразу же после появления первых случаев заражения COVID-19 в отечественном сегменте Интернета начали

распространяться фейки по этой теме. В данном списке представлены самые абсурдные сообщения:

ночная дезинфекция населенных пунктов с вертолетов санитаризером или дустом;

скорое закрытие Москвы и других городов на полный карантин;

тайный вывоз из городов трупов на грузовиках, принадлежащих торговым сетям и банкам;

возможный голод – якобы «продуктов не хватит на всех». Данное сообщение вызвало ажиотаж в продуктовых магазинах и с полок начали пропадать продукты и хозяйственные товары. Такое положение наблюдалось не только в России, но и в других странах Европы и Америки;

добавление в водопроводную воду отравляющих веществ, смертельных для детей;

сокрытие властями реальных масштабов распространения COVID-19 – счет зараженных якобы идет на тысячи;

возможное введение на территорию России войск Росгвардии и карантинных войск ООН;

намеренное раздувание шумихи вокруг COVID-19 с целью сорвать голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации;

планы по испытанию вакцины от коронавируса на заключенных оппозиционерах.

Особенностью информационного сопровождения противопандемических мероприятий в 2020 году является то, что руководство практически всех стран начало использовать не только средства массовой информации, но и социальные сети для опровержения лживых новостей и сообщений. Характерно, что для россиян в отличие от населения других стран наиболее правдивыми источниками информации в кризисной ситуации являются официальные теле- и радиоканалы.

Проведенный за первое полугодие 2020 года анализ сообщений мировых средств массовой информации, осуществлявших информационное сопровождение противопандемических мероприятий, показал, что большинство из них фактически сразу были взяты под контроль руководством национальных правительств, а частные информационные агентства, которые не изъявили желания работать под «опекой» властей, практически не имели возможности освещать события данной темы [4].

Проводимое в США информирование противопандемических мероприятий сопровождается зачастую фейковыми вбросами от официальных лиц США о «проверенных и достоверных» данных по новым вспышкам коронавируса в Китае. С одобрения «Белого дома» американские СМИ («Фокс Ньюз», «Америкас Ньюсрум», «Асошиэтед Пресс») выпустили ряд публикаций и репортажей с выступлениями «экспертов» следующего содержания: «По причине строжайшей цензуры в Китае и его закрытости от всего мира невозможно гарантировать на международном уровне безопасность объектов, подобных биологических

лабораторий, как в китайском Ухане. В целом же такой контроль и обеспечение безопасности биологических объектов возможно только в открытых и транспарентных странах».

Данные ложные репортажи были растиражированы в социальных сетях и средствах массовой информации прежде всего в государствах НАТО. Более того, Президент США Дональд Трамп на своей странице в социальной сети «Твиттер» опубликовал сообщение с предложением использовать неодобренную и непроверенную в полной мере врачами комбинацию лекарственных средств (гидроксихлорохина и азитромицина).

Большое возмущение вызвал и твит Дональда Трампа, где он призывает всех срочно принимать это сочетание лекарственных препаратов. Последующие примеры такого «лечения» показали токсичность препаратов и необходимость введения запрета на применение.

Негативные последствия от такого информирования противопандемических мероприятий в США не заставили себя ждать. В штате Аризона зафиксировали смерть от приема хлорохинфосфата. Семейная пара, слушавшая выступление президента, где он упомянул «действенность» препарата, решила смешать с содовой хлорохин, который они использовали в качестве лекарства для аквариумных рыбок. В результате применения препарата мужчина умер, а женщина была госпитализирована с тяжелым отравлением.

Таким образом, негативные последствия проводимого информирования противопандемических мероприятий в США 2019-2020 гг. обусловлены фейковыми вбросами и непроверенной информацией о новых вспышках коронавируса в американских СМИ («Фокс Ньюз», «Америкас Ньюсрум», «Асошиэйтед Пресс»), публикациях и репортажах «экспертов».

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что:

1. Информационное сопровождение деятельности органов государственной власти по профилактике инфекционных заболеваний становится ключевым фактором обеспечения безопасности всех сфер жизнедеятельности общества.

2. В комплексе мер по предотвращению угрозы распространения пандемии (эпидемии) и локализации ее последствий информационное сопровождение является базисным инструментарием органов государственной власти Российской Федерации всех уровней не только

в очагах поражения, но и в целом в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в чрезвычайных условиях.

3. Результативность информационного сопровождения противопандемических (противоэпидемических) мероприятий в Российской Федерации возрастает при надлежащем образом организованном межведомственном взаимодействии и заблаговременном обучении населения приемам самостоятельного проведения санитарно-гигиенических мероприятий.

4. Совокупность перечисленных мер позволяет переломить кризисную ситуацию и, в конечном счете, победить пандемию (эпидемию), сократить сроки нивелирования у людей страхов и неуверенности перед возможной болезнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://archive.kremlin.ru/text/greets/2008/11/209176.shtml> (дата обращения: 22.08.2020).

2. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. (Утв. Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753). [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://archive.kremlin.ru/text/greets/2008/11/209176.shtml> (дата обращения: 22.08.2020).

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. (Утв. Президентом РФ 9 мая 2017 года № 203 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://archive.kremlin.ru/text/greets/2008/11/209176.shtml> (дата обращения: 22.08.2020).

4. Специальная веб-страница против эпидемий: история. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.proza.ru/2013/12/27/1317/> (дата обращения: 22.08.2020)

5. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 от 11 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://meeriam-webster.ru/3249/2018/09/12/> (дата обращения: 22.08.2020).

6. Профилактика инфекций и инфекционный контроль в учреждениях долговременного ухода в контексте вспышки COVID-19. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением коронавирусной инфекции от 21 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.306> (дата обращения: 22.08.2020).

Полковник ЮВАЧЕВ М.Ю.

заместитель начальника научного отдела Научного центра стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации

**ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ**

Аннотация. В статье проведен анализ деструктивного влияния инструментов «мягкой силы» на состояние общественно-политической ситуации в стране. Раскрыты этапы их применения, а также их влияние на реализацию иных геополитических технологий.

Ключевые слова: общественно-политическая обстановка, геополитические технологии, «мягкая сила», протестные акции, массовые беспорядки, общественное мнение.

Начало XXI века ознаменовалось чередой политических потрясений в ряде государств мира, так или иначе представляющих для стран Запада, в особенности США, особый геополитический интерес. Главной же их особенностью стала реализация на практике технологии «цветной революции». Так, данная технология была с успехом реализована в Югославии (2000 г.), Грузии (2003 г.), Украине (2004 г. и 2013-2014 гг.), Ливане (2005 г.), Кыргызстане (2005 и 2010 гг.), Молдавии (2009 г.), Египте (2011 г.), Тунисе (2011 г.), Ливии (2011 г.), Сирии (2014 г.).

Необходимо отметить, что ведущая роль в реализации технологии «цветной революции» отведена США. Доказательством к этому могут выступать следующие факты:

США являются лидерами в проведении теоретических исследований в области политических (геополитических) технологий. Так, например, широко известны в научных и политических кругах имена американских теоретиков Дж. Ная, Д. Шарпа. Для формирования определенного мировоззрения у общественной и научной мировой элиты, и активного обсуждения новых внешнеполитических американских концепций, доктрин и инициатив в США издается журнал «Форин Аффэрс» (Foreign Affaris) [1];

наличие государственных и неправительственных организаций, выступающих под видом благотворительных и решающих зачастую на практике разведывательные и иные подрывные задачи в странах геополитического интереса США (например, Агентство США по международному развитию (USAID), Институт Альберта Эйнштейна, Национальный фонд поддержки демократии, Трансперэнси Интернейшнл, Фридом Хаус);

заявления официальных представителей органов государственной власти США о поддержке оппозиционных лидеров в ходе «цветных революций» (так, например, во время «Евромайдана» на Украине в 2013-2014 гг. В. Нуланд демонстративно раздавала митингующим печенье, сенаторы США Д. Маккейн и К. Мерфи выступали на Майдане перед митингующими и от имени США выражали им поддержку);

экономическое и политическое давление на законное правительство стран со стороны США в ходе «цветных революций» (так, например, США вводили санкции во время «Евромайдана» на Украине в 2013-2014 гг. в отношении главы украинского МВД, секретаря Совета национальной безопасности и обороны, оказывали политическое давление на Президента Украины В. Януковича).

По своей сути «цветная революция» представляет собой политический процесс по смене правящего режима (смене властных элит), проходящий по заранее подготовленному плану внешних акторов (и при их поддержке) силами оппозиции при поддержке части населения страны с ценностно-мировоззренческими установками, отличающимися от исторически устоявшихся в обществе, с использованием определенных форм и способов сопротивления государственным институтам.

Основным элементом «цветной революции» выступает протестное движение. При этом росту протестного движения в стране способствуют следующие факторы:

внутренние:

несбалансированность функционирования всех ветвей власти;
низкая эффективность работы местных органов власти в сфере защиты интересов населения и решения социально-экономических вопросов;
несовершенство социально-экономических отношений;
неразвитость собственного феномена «мягкой силы»;
коррупция.

внешние:

работа западных государственных, неправительственных и некоммерческих организаций под видом благотворительных и правозащитных с целью исследования сильных и слабых сторон государства, подготовке аналитических материалов и методологической базы по общественно-политической ситуации в стране, финансирования оппозиционных политических и общественных лидеров, средств массовой информации, а также предоставления материально-технической базы для реализации различных геополитических технологий, направленных на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране [2];

многолетнее мягкосиловое влияние внешних акторов.

Накладывание внешних и внутренних факторов во многом увеличивает протестный потенциал населения.

Анализ прошедших в стране протестных акций за последнее десятилетие показал, что протесты, возникавшие как результат влияния внутренних факторов, несли в себе в основном социально-трудовую направленность, в то время как вмешательство внешних акторов направляло их в политическую плоскость.

Необходимо отметить, что в нашей стране за последнее десятилетие прошло несколько протестных акций с политическими целями, при этом не раз наблюдалась попытка их радикализации (перерастания в массовые беспорядки). Наиболее заметными из них являются:

- серия протестных выступлений на Болотной площади в 2011-2013 гг.;
- протестные акции в Архангельской области против строительства мусорного полигона в Шиесе в 2019 г.;
- протестные акции, прошедшие в Екатеринбурге в мае 2019 г. против строительства храма;
- протестные акции, организованные и проведенные внесистемной оппозицией 27 июля, 3 и 10 августа 2019 г. на фоне предстоящих выборов в Московскую городскую думу.

И если основной контингент социально-трудовых протестов население, чьи права, так или иначе, были ущемлены или нарушены, то участники протестных акций политической направленности выступают в защиту «мнимого» ущемления их прав.

Анализ проведенных протестных акций политической направленности позволяет сделать вывод об их технологичности. При этом технологию их подготовки и проведения представляется возможным разделить на несколько этапов с позиции применения различных геополитических технологий, на первый взгляд не взаимосвязанных:

1 этап – перехват стратегической инициативы в культурной, образовательной и экономической сферах деятельности общества и государства;

2 этап – целенаправленное идеологическое и информационное воздействие;

3 этап – непосредственное сопровождение протестных акций.

1 этап – перехват стратегической инициативы в культурной, образовательной и экономической сферах деятельности общества и государства. В ходе данного этапа происходит целенаправленное мягкосиловое¹ влияние на население страны-мишени, в ходе которого у

¹ Термин «мягкая сила» в геополитическом лексиконе стал активно применяться после опубликования в начале 1990-х годов американским политиком, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем ряда научных работ о концепции «мягкой силы» – «soft power». Сущность классической концепции «мягкой силы» заключается в проведении государством внешнеполитической стратегии в отношении другого государства, в ходе которой достижение стратегических целей на международной арене происходит посредством создания своего позитивного образа с целью формирования у объекта воздействия позитивного отношения к своим институтам, практикам, действиям и, как следствие, их одобрение и принятие [3, с. 6], [5, с. 21].

него (в основном подрастающего поколения) корректируются или полностью заменяются духовные и ментальные ценности, жизненные идеалы, целевые установки общества переориентируются на западные демократические идеалы. Происходит подмена понятий о свободе и независимости в угоду западным заказчикам. Для этого происходит активное продвижение мягкосиловых ресурсов: языка и культуры, экономических и технологических достижений, гуманитарных и политических идеалов, оригинальной системы ценностей [3, с. 6]. При этом используется потенциал мягкосиловых инструментов: благотворительных организаций, фондов, средств массовой информации (газет, телевидения и радио), средств массовой коммуникации (художественных журналов, путеводителей, рекламных проспектов), информационно-телекоммуникационных технологий (Интернета, социальных сетей, веб-чатов).

Необходимо отметить, что применение технологии «мягкой силы» может осуществляться по двум направлениям в зависимости от стратегических целей:

как позитивная технология, направленная на укрепление межгосударственных отношений без использования агрессивных методов;

как деструктивная технология, направленная на разрушение социально-политической системы страны (в данном случае участников межгосударственных отношений можно обозначить как страна-агрессор и страна-мишень).

Во втором случае страной-агрессором активно проводятся информационно-психологические операции в рамках информационной войны [3, с. 22]. Здесь мягкосиловая технология приобретает деструктивный оттенок, так как под видом благих намерений (донести западные демократические идеалы, ценности и блага) происходит дезинтеграция населения страны-мишени, уничтожение его субъектности (самостоятельности и независимости) [4, с. 49].

Для достижения стратегических целей страной-агрессором активно применяются мягкосиловые инструменты:

государственные и неправительственные благотворительные и правозащитные организации (иностранные агенты);

массовая культура (кино, телевидение и радио, музыкальная индустрия, продукция фаст-фуда и др.);

молодежная субкультура (музыка, мода и др.);

программы международного обмена студентами;

публичная дипломатия;

новые информационные технологии.

По заявлению Дж. Ная, и как показывает практика, мягкосиловое влияние рассчитано на довольно длительный период (около 20 лет). Эффект же мягкосилового влияния проявляется в действиях (поведении)

тех, на кого она была направлена [5, с. 15]. В результате этого у определенной категории граждан (в основном нового поколения) формируется негативное отношение к национальным ценностям (мягкосиловым ресурсам своей страны) и позитивное отношение к западным ценностям (происходит влечение к ним). Это во многом создает благоприятную почву для реализации в стране-мишени технологии ненасильственного сопротивления.

Ярким подтверждением данной стратегии является заявление, сделанное бывшим Государственным секретарем США (2009-2013 гг.) Х. Клинтон на страницах британского политического журнала «Нью Стейтсмен» («NewsStatesman») в 2012 году, о том, что для США одной из главных стратегических сил в любой стране является молодежь, пользующаяся новыми информационными технологиями. И что их «нужды и чаяния» не сможет игнорировать ни одно авторитарное правительство. Для этого США активно применяют на практике достижения в области информационно-телекоммуникационных технологиях (как, например, SMS-сообщения, веб-чаты и социальные сети) [6].

Необходимо отметить, что результатом мягкосилового влияния на данном этапе является условное формирование трех категорий населения страны-мишени:

- с позитивным отношением к идеалам и институтам государства-агрессора и, как следствие этого, выражение одобрения их международной деятельности, доверия к информации, поступающей от источников страны-агрессора;
- с нейтральным отношением к идеалам и институтам государства-агрессора;
- с негативным отношением к идеалам и институтам государства-агрессора (неприятие всего чуждого).

Таким образом, население, отнесенное к первой категории, наиболее подвержено влиянию применяемым в дальнейшем страной-агрессором геополитических технологий.

2 этап – целенаправленное идеологическое и информационное воздействие.

На данном этапе воздействия страной-агрессором происходит так называемое генерирование протестного потенциала в обществе. При этом реализуемые страной-агрессором мероприятия направлены:

- на ослабление веры в избирательную систему страны-мишени;
- на создание представления о том, что существующий в стране-мишени режим не преследует общественные интересы;
- на поощрение внутренних протестов и другого ненасильственного сопротивления с целью снижения активности страны-мишени в международных делах;
- на подрыв имиджа страны-мишени за рубежом [7].

На данном этапе ведущая роль отводится средствам массовой информации и сети Интернет (далее – СМИ), деятельность которых можно условно разделить на два периода:

- создание общего негативного информационного поля;
- целенаправленное формирование негативного общественного мнения.

Так, в первом периоде, посредством СМИ создается негативный образ окружающей действительности, отрицательное отношение к институтам государства, действующей власти и проводимой в стране политике [8, с. 132]. В информационном пространстве тяжелая, деструктивная информация, содержащая критику социальной, экономической и политической сфер жизни деятельности общества, дискредитацию государственных и политических деятелей, сцены насилия, преобладает над информацией положительного содержания. Данного рода информация постоянно удерживается в фокусе внимания общества. При этом она не всегда объективна, зачастую преувеличена с искусственной подменой смыслов. В результате этого воздействия в стране создается общий негативный информационный фон, а у субъекта-воздействия формируется убеждение о необходимости перемен (смены правящего режима).

Второй период характеризуется резкой активизацией деятельности СМИ в критически важных моментах жизнедеятельности общества и государства, к которым могут относиться:

- общественно-политические мероприятия и события (выборы, назначения на государственные должности, заявления государственных лидеров);
- социальные, экономические и политические преобразования (реформы, программы);
- резонансные события (террористические акты, стихийные бедствия, техногенные катастрофы).

Информационное поле заполняется негативно-критической информацией в адрес правящего режима. В результате создаются предпосылки для проведения массовых акций протеста [8, с. 133].

3 этап – непосредственное сопровождение протестных акций.

На данном этапе посредством СМИ осуществляется непосредственное информационное сопровождение протестных выступлений, в ходе которого реализуются следующие мероприятия:

- предоставление (рассылка) информации о планируемой акции, дате, времени и месте проведения, целях, лозунгах;
- активное распространение в медиапространстве выступлений (комментариев) официальных представителей иностранных государств и международных организаций, звезд шоу-бизнеса и мнения «обычных» людей, поддерживающих протестные акции;
- сбор и распространение материалов, обосновывающих справедливость и необходимость проведения акций, а также участия в них населения;

представление ответных действий властей как попытку «режима подавить волю народа, его права и свободу».

На СМИ одновременно возлагается задача по приданию своеобразного образа (имиджа) протестам, возведению их в ранг «народных» путем создания и распространения информации:

- о демонизации власти, создании жестокого образа правоохранных структур с одновременным обелением участников протестных акций;

- о «сакральной жертве» (создание образа «героя» и «жертвы действующего режима» путем драматизации событий и возложения вины на действующую власть).

При освещении событий представителями оппозиционных СМИ активно применяются способы фальсификации происходящего путем выделения информации из контекста, акцентирования внимания на отдельных не связанных между собой событиях (по сути, с нарушением законов логики), а также представления постановочных сцен [8, с. 134, 135].

Также посредством современных информационно-телекоммуникационных технологий и деятельности СМИ решаются следующие задачи:

- управление толпой в ходе протестных акций;

- склонение действующей власти к принятию требований протестующих в ущерб национальным интересам.

Необходимо отметить, что деструктивное использование мягкосиловых инструментов страной-агрессором во многом создает благоприятную обстановку для применения на практике технологии ненасильственного сопротивления в ходе непосредственного проведения протестных акций.

Несомненно, с середины 1990-х годов в России наблюдается попытка реализации поэтапной подготовки населения к протестным акциям и инспирированию «цветной революции».

Так, в июле-августе 2019 года при организации и проведении протестных выступлений на фоне предстоящих выборов в Московскую городскую думу прослеживалась технологичность акции, которая заключалась в следующем:

- при организации протестов были использованы новые каналы коммуникаций для вовлечения большого количества людей к протестам и формирования общественного мнения;

- протестная активность из виртуальной плоскости была переведена в уличное противостояние, в ходе которого была осуществлена попытка радикализации протеста и захвата уличного пространства;

- в ходе протестов активно отработывалась тактика провокации правоохранных органов к «жестким» (по мнению протестующих) действиям (задержаниям) и разгону «мирного» (по мнению протестующих) митинга;

в информационном пространстве была предпринята попытка подмены смыслов (переложение ответственности на представителей правоохранительных органов за «жесткое» обращение с протестующими) с целью проведения кампании по созданию отрицательного образа правоохранительных органов;

предпринималась попытка привлечения представителей шоу-бизнеса на сторону протестующих для поддержания протестного настроения у населения и показа, что поддерживать действующую власть не модно.

Однако важным моментом тех протестов стала работа правоохранительных органов при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, в ходе которых удалось не упустить момент радикализации протестов и в дальнейшем предотвратить массовые беспорядки (что не удалось сделать полицейским в Гонконге и в ходе «расовых бунтов» в США).

Ярким примером применения инструментов мягкой силы в формировании общественного мнения, нарастании протестного потенциала населения и информационном сопровождении протестных акций стали так называемые «расовые бунты» – массовые беспорядки, начавшиеся в конце мая 2020 г. в США после смерти чернокожего американца Д. Флойда. Необходимо отметить, что раскрытие истинных причин данных протестных акций не входит в область данного исследования, однако необходимо обратить внимание на технологичность их организации и проведения.

Во-первых – использование инструментов мягкосилового влияния на создание негативного информационного фона. Еще накануне протестных акций и массовых беспорядков, возникших из-за смерти Д. Флойда, в информационном поле была проведена работа по формированию общественного мнения на тему расовой дискриминации (расовая тема в США до сих пор не снята с повестки дня), суть которого заключалась в убеждении населения Америки в том, что от коронавируса COVID-19 чернокожих американцев гибнет гораздо больше, чем белых американцев. Так, в начале апреля 2020 г. в США в средствах массовой информации началось активное обсуждение вопроса «кого коронавирус косит больше – черных или белых?» (преамбула к статье издания «ВашингтонПост» (The Washington Post), от 9 апреля 2020 г.) [9]. Однако статистические данные о смертности от COVID-19 по расовым группам населения, представленные 6 мая 2020 г. Национальным центром статистики здравоохранения (National Center for Health Statistics) Центра по контролю и предупреждению болезней США (Centers for Disease Control and Prevention USA, CDC) показали обратное: у белых американцев смертность на 28 % превышает среднее значение по всему населению страны. Данный отчет официально подтвердил ошибочность распространенного ранее

в обществе мнения о наиболее высокой смертности у чернокожих американцев [10, 11].

Позже, уже в ходе проведения акций протестов, которые успели перерасти в массовые беспорядки, была предпринята попытка СМИ показать американскому обществу о якобы существующей в стране проблеме, связанной с «полицейским произволом» в отношении чернокожих американцев.

В результате этого в информационном поле появлялись противоречивые данные, касающиеся количества убитых полицией США граждан по расовому делению.

Так, 1 июля 2020 г. газета «Вашингтон Пост» (The Washington Post) опубликовала собственные исследования, согласно которым «полиция убивает чернокожих американцев с более чем вдвое большей скоростью, чем белых американцев» [12]. Однако это не означает, что чернокожих гибнет больше, чем белых, но информация уже была обнародована. К сведению, согласно статистическим данным за 2018 г. от рук полицейских погибло 992 человека, из которых белых – 451, чернокожих – 165 [13]. При этом причины высокой вероятности смертности чернокожих от рук полиции не всегда берутся во внимание исследователями (а это условия жизни чернокожих американцев, вовлечение их в криминал и т.д.). Необходимо также отметить, что в среднем в год чернокожие американцы убивают 981 белого, в то время как белые убивают 357 чернокожих [14].

По своей сути смерть чернокожего американца Д. Флойда послужила логическим развитием ситуации, связанной с положением чернокожего населения Америки на фоне пандемии COVID-19. После того как были проведены подготовительные информационные операции по формированию общественного мнения на фоне пандемии COVID-19 американское общество было готово поддержать протесты против «расовой несправедливости».

Во-вторых – реализация на практике технологии ненасильственного сопротивления, в части касающейся захвата уличного пространства и формирования в обществе мнения о проявлении «жестокости» правоохрнительными органами в отношении чернокожего населения страны для подрыва у населения доверия государственному институту – правоохрнительной системе.

Данная технология была успешно опробована на Украине в 2013-2014 гг. в ходе «Евромайдана», а также была осуществлена попытка ее применения в ходе массовых беспорядков, прошедших июле-августе 2019 г. в Москве.

При этом **механизм подрыва правоохрнительной системы** в ходе массовых выступлений в США заключался в реализации следующих **этапов** (при этом последовательность этапов может быть иной, в зависимости от обстоятельств):

- возвышения толпы над правом порядком;
- ограничения полномочий полиции;
- публичного признания недееспособности правоохранительных органов представителями органов власти;
- сложения полномочий и сдача городского пространства.

Этап «возвышения толпы над правом порядком», в ходе которого представителей правоохранительных органов вынуждают признать свою неправоту. На данном этапе происходит смена ролей: толпа – требует и достигает своих целей, полиция и другие силовые структуры, принимающие участие в пресечении массовых беспорядков, – подчиняются, фактически перестают выполнять правоохранительные функции.

Так, в первые дни массовых беспорядков полицейские вставали на колени перед протестующими в знак памяти о Д. Флойде и поддержке протестующих, военнослужащие Национальной гвардии США устраивали «братание» с протестующими и исполняли перед ними танцы.

Этап «ограничения полномочий полиции». Права и полномочия полиции преподносятся как действия, угрожающие обществу и не отвечающие требованиям защиты граждан от противоправных действий. Так, реакцией на призывы протестующих запретить правоохранительным органам использовать методы задержания (удушающие приемы), якобы приведшие к гибели Д. Флойда в Миннесоте, стало введение в некоторых штатах запрета на применение удушающих приемов при задержании. Согласно опросу, проведенному компанией Morning Consult, 73 % избирателей, включая 85 % демократов и 60 % республиканцев, поддерживают запрет на удушение [15].

Этап «публичного признания недееспособности правоохранительных органов представителями органов власти». На данном этапе происходит попытка роспуска полиции или ее трансформация в некую новую структуру.

Так, в некоторых штатах наиболее активные политики, в основном демократы, предлагали распустить полицию и заменить ее аналогичной организацией, но с другими правами, которые будут устраивать общественность. 14 июня 2020 г. городской совет Миннеаполиса единогласно принял резолюцию о внедрении «новой модели укрепления общественной безопасности». Над моделью работали специалисты Управления профилактики насилия и Департамента защиты гражданских прав, которые должны были подготовить рекомендации для перехода функций по охране общественного порядка от Полицейского департамента Миннеаполиса к альтернативным структурам, которые, по мнению специалистов, «обеспечат более подходящее реагирование на обращение общественности за помощью» [16].

Этап «сложения полномочий и сдача городского пространства». На данном этапе полиция под нажимом общественности и по решению властей города оставляет занимаемые ими административные здания и покидает городские районы, прекращая нести там службу, показывая тем самым, что данная территория свободна от их юрисдикции.

Так, 8 июня 2020 г. полиция города Сиэтла, штат Вашингтон, под нажимом общественности была вынуждена оставить полицейский участок, предварительно уничтожив всю документацию. После чего протестующие выставили баррикады в шести кварталах вокруг участка, образовав там Автономную зону Капитолийского холма (Capitol Hill Autonomous Zone, CHAZ).

Организаторами зоны стали активисты левого толка и другие протестующие, при этом явного лидера обозначено не было. Территория CHAZ была объявлена свободной от полицейского надзора. Протестующие выдвинули определенные требования: роспуск полиции, реформа в сфере экономики, образования, здравоохранения, а также системы правосудия.

Обычно при успешной реализации данной технологии следует реформа правоохранительной системы или как минимум обновление кадров, лояльных той политической элите, которая будет у власти.

Таким образом:

инструменты мягкосилового влияния могут применяться как для достижения взаимовыгодных для игроков целей, и тогда реализация мягкой силы государства или иного другого актора происходит в положительном ключе (достигается синергетический эффект), так и для достижения стратегических целей государства-агрессора (иного актора), в результате чего происходит разрушение культурных, ментальных и идеологических связей у населения в стране-мишени и их последующая замена на образы, наиболее выгодные актору;

деструктивное применение мягкой силы во многом способствует в дальнейшем успешной реализации технологии ненасильственного сопротивления и повышает вероятность инспирирования «цветной революции»;

для противодействия деструктивному западному мягкосиловому влиянию необходимо развивать ресурсы и инструменты российской мягкой силы, при этом особое внимание необходимо обратить на увеличение доли присутствия в информационном поле ресурсов силовых органов, на формировании их положительного образа, построении социальных инструментов влияния (работа в социальных медиа-ресурсах), организации симметричных кампаний (в противовес протестных) для создания фона по поддержке справедливости;

принятие адекватных мер против деятельности инагентов, направленной на подрыв общественно-политической ситуации в стране, необходимо осуществлять на основе их анализа с позиции социальной инженерии, а также возможности применения ими геополитических технологий. При этом эффективное противодействие геополитическим технологиям в целом возможно только при межведомственной консолидации сил и средств, активном проведении научных исследований в области геополитических технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарочинская Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и МОЗГ Америки // Наш современник. 2004. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=num_i&y=2004&n=3 (дата обращения: 15.07.2020).
2. Неправительственные организации США, устроившие «Евромайдан» на Украине // Блог Кир Нагорняк. КОНТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cont.ws/@kirnagornyak/877579> (дата обращения: 25.05.2020).
3. Наумов А.О. «Мягкая сила», «Цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017. – 274 с.
4. Медведев Д.А. Реализация ресурса «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 184 с.
5. Паршин П.Б. Приключение мягкой силы в мире коммуникационных технологий (прекраснодушные заметки) // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 184 с.
6. The art of smart power // NewStatesman [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power> (дата обращения: 14.07.2020).
7. Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // RAND [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 14.07.2020).
8. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). Монография. – М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.
9. The Washington Post (США): коронавирус убивает чернокожих американцев с пугающей частотой // Сетевое издание – Интернет-проект ИноСМИ.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://inosmi.ru/politic/20200409/247228888.html> (дата обращения: 28.06.2020).
10. Weekly Updates by Select Demographic and Geographic Characteristics // CDC.gov [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/covid_weekly/#Race_Hispanic (дата обращения: 28.06.2020).
11. Андрей Илларионов, Смертность от коронавируса по расовым группам в США // aillarionov.livejournal.com [Электронный ресурс]. Режим

доступа URL: <https://aillarionov.livejournal.com/1179571.html> (дата обращения: 28.06.2020).

12. Police shootings database 2015-2020 // Washington Post. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/investigations/police-shootings-database/> (дата обращения: 03.07.2020).

13. The Washington Post is compiling a database of every fatal shooting in the United States by a police officer in the line of duty in 2015 and 2016 // GitHub – washingtonpost/data-police-shootings [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://github.com/washingtonpost/data-police-shootings> (дата обращения: 03.07.2020).

14. Белых при задержании убивают чаще, чем чернокожих – статистика полиции США // ИА Красная Весна [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6d3548bf> (дата обращения: 03.07.2020).

15. Both Democratic and GOP Voters Back Bans on Chokeholds, No-Knock Warrants // Morningconsult [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://morningconsult.com/2020/06/24/polling-policing-reform-chokehold-floyd/> (дата обращения: 28.06.2020).

16. «Успокоить толпу»: к чему могут привести призывы упразднить полицию в США // РТ на русском. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://russian.rt.com/world/article/754865-ssha-shtaty-policiya-plany-uprazhdenie> (дата обращения: 29.06.2020).

Полковник ЯМПОЛЬСКИЙ С.М.

кандидат технических наук, доцент
заместитель начальника управления – начальник научно-исследовательской лаборатории военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Полковник КОСТЕНКО А.Н.

кандидат военных наук, слушатель факультета национальной безопасности и обороны государства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ВРЕМЕНИ ПРОВЕДЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОРГАНАМИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО И ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В статье сформулированы основные принципы создания и применения средств информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления, представлен методологический подход к оценке временных затрат информационного взаимодействия при разрешении кризисных ситуаций, а также предложена схема хранилища данных информационного взаимодействия.

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение, кризисная ситуация, межведомственное информационное взаимодействие, органы государственного и военного управления, хранилище данных.

Важнейшей функцией государства является обеспечение военной безопасности государства. В современных условиях эффективность ее реализации в существенной мере определяется согласованностью применения привлекаемых сил, средств и ресурсов, находящихся в ведении различных органов государственного и военного управления (ОГВУ). Следовательно, согласованность их применения определяется информационным взаимодействием указанных органов управления при решении задач обеспечения военной безопасности государства.

Существующий опыт деятельности ОГВУ показал, что решаемые ими задачи, обладают большим разнообразием способов решения и требуют использования широкого диапазона знаний должностных лиц [1]. Эффективное решение этих задач связано со своевременным предоставлением, в соответствии с установленным порядком доступа, интегрированной, актуальной, полной, достоверной и сформированной по определенным правилам информации, а также от имеющихся средств

и методов ее аналитической обработки. При этом важное значение имеет учет времени, выделяемого на организацию и проведение межведомственного информационного взаимодействия, которое должно быть минимальным.

Вместе с тем используемые в настоящее время ОГВУ средства автоматизации, опирающиеся на известные модели и алгоритмы, не всегда позволяют получить эффективные решения рассматриваемых задач. Это обуславливает проблему создания средств информационно – аналитического обеспечения (ИАО) деятельности ОГВУ.

В связи с этим, целесообразно рассмотреть актуальные принципы создания и применения средств ИАО деятельности ОГВУ.

Под *информационно-аналитическим обеспечением* деятельности ОГВУ будем понимать процесс сбора необходимой информации, ее структурирования, обобщения и анализа в интересах оценки складывающейся обстановки, прогнозирования ее изменения, выявления и структурирования ключевых проблем, определения путей их решения, а также формирования целесообразных управленческих воздействий [2]. При этом рассматриваемая система ИАО должна стать связующим звеном всех компонентов единого информационного пространства военной организации государства.

В основе создания и применения средств ИАО деятельности ОГВУ должны лежать следующие *принципы*:

целенаправленность – результативность работы средств ИАО, т.е. их ориентация на достижение конкретных целей и решение поставленных задач;

актуальность – удовлетворение информационных потребностей должностных лиц органов управления;

достоверность – отсутствие субъективности полученных результатов, точность и обоснованность последующих выводов, оценок и предложений;

своевременность – представление результатов информационно-аналитической деятельности должностным лицам органов управления в требуемые сроки и в удобной форме;

системность – проведение комплексного анализа результатов решения задач, с учетом их места, роли и взаимосвязей;

обоснованность – получение аргументированных результатов информационно-аналитической деятельности органов управления на основе использования современных достижений науки и применения современных информационных технологий;

непрерывность – своевременное выявление происходящих изменений в текущей обстановке или в реализации запланированных мероприятий и быстрая адаптация к этим изменениям управленческой деятельности органа управления;

эффективность – нахождение наиболее рационального варианта решения с использованием современных информационных технологий сбора, обобщения, анализа и оценки данных обстановки;

адаптивность – улучшение качества управленческой информации в результате идентификации и анализа факторов неопределенности;

множества альтернатив – возможность проведения анализа развития кризисных ситуаций и анализа различных управленческих воздействий;

измерения – сравнение полученных вариантов решений по определенным признакам, даже по тем, для которых нет объективных измерителей;

баланса – равноправное использование количественных и качественных оценок при информационно-аналитическом обосновании предложений в решения руководящих лиц органов управления.

Реализация указанных принципов в деятельности ОГВУ обеспечит:
информационную интеграцию всех процессов информационного взаимодействия рассматриваемых органов управления;

выход решаемых задач за границы отдельного органа управления;

краткость и лаконичность представляемой информации, которая обоснована необходимостью экономии времени, затрачиваемом должностными лицами органов управления на ознакомление с полученными аналитическими отчетами, их разработку и передачу;

необходимую оперативность и качество разработки документов в различных звеньях управления, при этом максимально высвобождая должностных лиц органов управления от рутинной деятельности;

однократный ввод данных в информационные системы с их последующим оперативным доведением до заинтересованных должностных лиц органов управления и многократным использованием в соответствии с установленными полномочиями доступа;

единство и непротиворечивость представления одних и тех же данных на автоматизированных рабочих местах должностных лиц органов управления с учетом возможного обновления этих данных;

решение проблем интеграции информационных ресурсов участников взаимодействия в единое информационное пространство;

создание условий для формирования системы управления, адаптированной к условиям обстановки;

возможность разработки и внедрения системы формализованных электронных документов;

раскрытие связей между эффективностью решений, принимаемых ОГВУ, и получаемой ими информацией.

Представленные принципы должны быть положены в основу создания инструментальных средств, помогающих должностным лицам ОГВУ быстрее и качественнее принимать решения, направленные на достижение поставленных целей, т.е. задача оценки временных затрат межведомственного информационного взаимодействия для обеспечения военной безопасности государства является актуальной.

Важной характеристикой в части межведомственного информационного взаимодействия (МИВ) каждого n -го органа управления является *допустимое время* t_n цикла управления при решении j -й задачи. Величина t_n представляет собой время формирования и доведения одного управленческого решения по выполнению j -й задачи, не снижающее степень реализации возможностей подведомственных n -му органу управления сил, средств и ресурсов.

Для каждого k -го органа управления информационное взаимодействие с n -м органом управления характеризуется *временем* τ_{kn} *формирования и доведения* до n -го органа управления информации, необходимой для полной реализации возможностей его сил, средств и ресурсов при решении j -й задачи.

Целесообразно полагать, что τ_{kn} должно быть меньше t_n , иначе система информационного взаимодействия заведомо не обеспечит достижение цели управления привлекаемыми силами, средствами и ресурсами [1].

В то же время, обеспечение требуемой оперативности управления информационным взаимодействием крайне сложно не только в организационном и техническом, но и в научно-методическом аспекте.

Это обусловлено рядом факторов, к которым относятся:

возрастание уровня неопределенности обстановки в сфере военной безопасности государства;

рост объема и разнообразия информации, подлежащей обработке в интересах управления совместным применением сил, средств и ресурсов ОГВУ для обеспечения военной безопасности государства;

возрастание потерь вследствие несвоевременных и недостаточно обоснованных управленческих решений;

сокращение допустимого времени на обработку информации и принятие решений.

Вследствие воздействия указанных факторов сложность проблемы принятия обоснованных решений в сфере обеспечения военной безопасности государства возрастает, а допустимое время цикла управления сокращается. Особенно это проявляется при непосредственной подготовке к отражению агрессии и в ходе обороны государства, так как к моменту реализации принимаемых решений ситуация может настолько измениться, что решения теряют всякий смысл [1].

В связи с этим, целью предлагаемой методики является анализ временных затрат ОГВУ на проведение МИВ при разрешении кризисных ситуаций, когда эти затраты не будут превышать допустимого времени принимаемых решений.

Пусть к выполнению j -й задачи в сфере разрешения кризисных ситуаций привлекаются n органов управления, временные показатели МИВ, между которыми представлены в таблице 1.

где A – матрица коэффициентов временных затрат на проведение информационного взаимодействия;

T – матрица допустимого времени разрешения кризисной ситуации, выделяемого каждому n -му органу управления при решении j -й задачи.

Матрица коэффициентов временных затрат имеет вид (4):

$$A = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{pmatrix} \quad (4)$$

где a_{kk} – коэффициенты временных затрат на разработку и принятие решения k -м органом управления;

a_{kn} – коэффициенты временных затрат на проведение информационного взаимодействия k -го органа управления с n -м органом управления при решении j -й задачи по разрешению кризисной ситуации.

Необходимо отметить, что на время проведения МИВ большое влияние оказывают деструктивные воздействия противника (внешней среды), а также технические проблемы, связанные с невозможностью проведения обмена информацией между органами управления с грифом «секретно» и выше.

С учетом того, что поток деструктивных воздействий противника и время ликвидации их последствий являются случайными величинами, актуальной задачей является определение коэффициентов временных затрат на проведение МИВ. Это позволит определить наличие временного баланса между допустимым временем разрешения кризисных ситуаций и временем, потребным для проведения МИВ, т.е. возможность выполнения условия (1).

В качестве варианта оценки рассматриваемых временных затрат в работе предлагается использовать математический аппарат, предназначенный для принятия решений в игровых ситуациях, в которых одна из систем случайно выбирает стратегию.

В соответствии с рассматриваемой моделью игровой ситуации (таблица 2), имеется q вариантов стратегий МИВ и m стратегий противника (внешней среды).

Учет в игровой модели m различных стратегий противника (внешней среды) связан с недостаточной осведомленностью органов управления об условиях проведения МИВ в ходе разрешения кризисных ситуаций. При этом в модели учитывается, что в ходе проведения МИВ возможна реализация q вариантов обмена информацией между взаимодействующими

органами управления, которые определяются содержанием передаваемых данных, а также способами и сроками их передачи.

Следовательно, каждому элементу представленной платежной матрицы соответствует совокупность коэффициентов временных затрат информационного взаимодействия $(a_{11}, \dots, a_{nn})$ характерных для q -го варианта стратегии МИВ и m -го варианта стратегии противника (внешней среды).

Таблица 2 – Платежная матрица игровой модели

	Стратегия внешней среды 1	...	Стратегия внешней среды m
Стратегия МИВ 1	$(a_{11}, \dots, a_{nn})^{11}$	...	$(a_{11}, \dots, a_{nn})^{1m}$
...	...	...	...
Стратегия МИВ q	$(a_{11}, \dots, a_{nn})^{q1}$	...	$(a_{11}, \dots, a_{nn})^{qm}$

Алгоритм моделирования игровой ситуации будет следующим [3]:
определение верхней и нижней цены игры и проверка наличия в игре седловой точки;

в случае нахождения в игре седловой точки, соответствующие ей стратегии игроков, будут оптимальными, а цена игры совпадет с верхней и нижней ценой игры;

в случае отсутствия в игре седловой точки, соответствующее решение должно быть найдено в смешанных стратегиях.

В случае поиска решения в смешанных стратегиях, модель игровой ситуации сводится к задаче *линейного программирования* [3].

Проведение розыгрыша для всех коэффициентов временных затрат позволит получить совокупность коэффициентов $(a_{11}, \dots, a_{nn})$ характерных для q -го варианта стратегии МИВ и m -го варианта стратегии противника (внешней среды).

Получение исходных данных для проведения такой игровой модели возможно на основе опыта разрешения кризисных ситуаций в различных условиях обстановки, с использованием перспективной информационно – технологической основы (ИТО) органов управления.

Для проведения дальнейшего анализа необходимо представить уравнение временного баланса (3) в виде (5):

$$T = (E - A)^{-1} \quad (5)$$

где E – единичная матрица n -го порядка.

В представленном уравнении, элементы матрицы $(E-A)^{-1}$ отражают величину допустимого времени информационного взаимодействия для

Хранилище данных включает следующие таблицы:

орган управления – таблица для хранения данных о взаимодействующих ОГВУ;

коэффициент временных затрат – таблица для хранения коэффициентов временных затрат МИВ при разрешении кризисных ситуаций;

задача – таблица для хранения данных задач по разрешению кризисных ситуаций с учетом нормативного времени, выделяемого для их разрешения;

стратегия противника – таблица для хранения данных о различных вариантах стратегий противника (внешней среды) в период разрешения кризисных ситуаций;

кризисная ситуация – таблица для хранения данных о различных кризисных ситуациях, разрешаемых ОГВУ в ходе проведения МИВ;

стратегия МИВ – таблица для хранения данных о различных стратегиях МИВ при разрешении кризисных ситуаций;

регистр времени – таблица для хранения дат и периодов времени для проведения анализа временных затрат МИВ;

значение коэффициента – таблица фактов для хранения фактических данных временных затрат, связанных с различными стратегиями МИВ, стратегиями противника (внешней среды) и задачами, решаемыми в ходе разрешения кризисных ситуаций.

Основными требованиями к рассматриваемому хранилищу данных будут следующие:

наличие глубокой истории хранения данных;

возможность проведения статистического и динамического информационно-поискового анализа данных;

возможность изменения уровня детализации данных;

возможность добавления полей или обогащение отчетности данными из новых источников;

возможность изменения логики обработки и анализа данных и другие.

Практическая реализация представленного хранилища данных позволит интегрировать необходимые данные о разрешении кризисных ситуаций для поддержания их целостности и актуальности, а также возвращать их в виде «срезов» для получения необходимых аналитических отчетов и формирования актуальных значений коэффициентов временных затрат информационного взаимодействия.

Обновление данных в хранилище должно выполняться путем замены коэффициентов временных затрат по результатам проведения мероприятий оперативной подготовки (например, в ходе проведения стратегических командно-штабных тренировок).

При необходимости учета всех возможных стратегий МИВ, стратегий противника (внешней среды) и всех задач, решаемых ОГВУ, в ходе разрешения кризисных ситуаций рассматриваемое хранилище данных

может стать очень объемным, но, несмотря на эти трудности, польза, получаемая от его использования, позволит компенсировать возникающие трудозатраты на поддержание работоспособности такого хранилища.

Пример расчета *допустимого времени* информационного взаимодействия четырех органов управления при разрешении кризисной ситуации, представлен в таблице 3 (матрица коэффициентов временных затрат) и таблице 4 (обратная матрица коэффициентов временных затрат).

Таблица 3 – Матрица коэффициентов временных затрат (допустимое время)

0,07	0,15	0,15	0,18
0,08	0,19	0,12	0,25
0,05	0,15	0,10	0,21
0,09	0,19	0,09	0,23

Таблица 4 – Обратная матрица коэффициентов временных затрат (допустимое время)

1,17	0,38	0,29	0,47
0,20	1,48	0,30	0,61
0,15	0,38	1,24	0,50
0,20	0,46	0,25	1,55

Пример расчета *недопустимого времени* информационного взаимодействия четырех органов управления при разрешении кризисной ситуации, представлен в таблице 5 (матрица коэффициентов временных затрат) и таблице 6 (обратная матрица коэффициентов временных затрат).

Таблица 5 – Матрица коэффициентов временных затрат (недопустимое время)

0,24	0,15	1,00	0,18
0,25	0,44	0,55	0,25
0,05	0,15	0,96	0,21
0,09	0,19	0,09	0,51

Таблица 6 – Обратная матрица коэффициентов временных затрат (недопустимое время)

0,60	- 1,05	- 2,64	- 1,48
- 0,24	0,42	- 3,20	- 1,27
- 0,49	- 0,83	- 1,17	- 1,11
- 0,07	- 0,17	- 1,95	1,07

Таким образом, на основе полученных результатов становится возможным формирование обоснованных рекомендаций по совершенствованию

МИВ в рамках разрешения кризисных ситуаций путем развития (модернизации) ИТО деятельности ОГВУ, а именно:

определение потребностей в результатах функционирования ИТО;
выявление неудовлетворенных информационных потребностей должностных лиц ОГВУ;

установление проблем, связанных с проведением МИВ.

Практическая реализация предлагаемой методики, позволит сократить время, отводимое на сбор, обобщение, анализ и оценку данных обстановки, а также на принятие решений в ходе разрешения кризисных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Межведомственное информационное взаимодействие в сфере обороны Российской Федерации. Под ред. Е.Г. Анисимова. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2017. – 198 с.

2. Ямпольский С.М., Анисимов Е.Г., Анисимов В.Г. Научно-методические основы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления в ходе межведомственного информационного взаимодействия: монография. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. – 146 с.

3. Вентцель Е.С. Исследование операций. – М.: Советское радио, 1988. – 389 с.

ЯКИМОВА Е.А.

кандидат исторических наук
научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин
Института востоковедения РАН

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАСШИРЕНИЯ ЕАЭС

Аннотация. На основе матрицы исследования проанализированы положительные и отрицательные стороны заключения ЕАЭС соглашений о зоне свободной торговли на примере государств Ближнего Востока (Египет, Израиль, Иран, Сирия). Сделаны рекомендации по оптимизации сотрудничества в интересах безопасности России.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, зона свободной торговли, Таможенный союз, Россия, Ближний Восток

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), окончательно оформившийся 1 января 2015 г. со вступлением в силу соответствующего договора, представляет собой интеграционное объединение на территории бывшего СССР, к настоящему моменту добившееся наибольших успехов в реализации возложенных на него задач, в сравнении с другими проектами многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве. Данный факт открывает перед организацией новые перспективы, среди которых возможность расширить спектр направлений своей деятельности, а также увеличить список участников. В последнем случае речь идет как о фактическом приросте за счет государств региона, так и о подписании соглашений о зоне свободной торговли (ЗСТ), что рассматривается как первая ступень экономической интеграции. Указанной опцией уже заинтересовались представители Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки. Для России, равно как для других стран-членов ЕАЭС, это не только означает дополнительные возможности в различных сферах, но и заставляет задуматься о возросших рисках для национальной безопасности.

Методологическая база и терминология

В основу исследования положен интерговернментализм (межправительственная концепция) – теория, в соответствии с которой основная роль в процессе интеграции отводится государствам и их правительствам. Руководствуясь данным подходом, процесс принятия решений, касающихся интеграции, формируется первоначально на внутривластном уровне, исходя из национальных интересов, затем акторы обсуждают свои запросы на межправительственном уровне и лишь

после этого переходят к их реализации, в рамках которой могут быть созданы наднациональные институты. При этом локомотивом сближения становятся экономические соображения, носящие практический характер для развития государств [1].

Выбор названной теории продиктован несколькими обстоятельствами. В марте 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев, выступая в МГУ им. М.В. Ломоносова, отметил, что развитие региона характеризуется двумя тенденциями, а именно «становлением национальной государственности» и «интеграцией стран СНГ» [2]. При этом он подчеркнул, что существует большая озабоченность со стороны новых независимых государств относительно рисков воссоздания в той или иной форме СССР, в результате чего дальнейшее развитие отношений в новом формате могло строиться только на основе равенства [2]. Позднее эти идеи получили развитие в статье действующего президента В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» [3], опубликованной в «Известиях» в 2011 г., когда он занимал должность главы правительства.

Во-вторых, в действиях государств – членов ЕАЭС ярко проявляются попытки отстаивания собственных интересов, не всегда соответствующих задачам организации в целом. Так, Кыргызстан, вступая в ряды организации, выражал беспокойство в связи с отменой ряда преференций, существовавших в отношениях Бишкека и Пекина. В качестве компенсации страна получила повышенную долю от общих таможенных сборов, равную 1,9 %, а также был создан особый российско-киргизский фонд, ориентированный на содействие развитию экономики Кыргызстана [4]. Таким образом, государства интеграционного ядра Беларусь, Казахстан и особенно Россия фактически взяли на себя решение вопроса о преодолении Кыргызстаном разрыва между экономиками участников ЕАЭС, однако в Бишкеке остались политические деятели, выражающие недовольство недостаточностью предоставленных привилегий.

Исследование построено на применении SWOT-анализа. Он представляет собой метод стратегического планирования, позволяющий оценить проект или бизнес-идею с четырех сторон: сила (strengths), слабость (weakness), возможности (opportunities) и угрозы (threats). Из первых букв наименований каждой из категорий на английском языке и складывается акроним SWOT. Несмотря на то, что он первоначально задумывался для использования в маркетинге, сегодня построение подобной матрицы активно применяется для изучения политических процессов и межгосударственных отношений [5].

В качестве дополнительного инструмента применена Теория решения изобретательных задач (ТРИЗ), разработанная советским ученым Г.А. Альтшуллером [6]. Целесообразность ее в настоящем исследовании состоит в том, что в рамках ТРИЗ были предложены общие приемы для

решения проблем, возникающих в искусственных системах, к которым можно отнести и интеграционные объединения. Такие способы, как «преобразование вреда в пользу», асимметрия или упреждающее блокирование негативных тенденций, допустимые не только для использования в технических системах, позволяют найти ответы на вопросы, появляющиеся при описании проблемы с помощью матрицы SWOT-анализа. Такого рода исследования в гуманитарных науках проводятся довольно редко [7], а примеры их применения при анализе интеграционных процессов не обнаружены.

Термин национальная безопасность в настоящей работе трактуется в соответствии с определением, изложенным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. Согласно документу, под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [8]. Ввиду акцентов в сотрудничестве стран ЕАЭС с кандидатами на вступление, а также государствами, проявившими интерес к подписанию ЗСТ, исследовательский фокус был смещен в сторону экономической, информационной и транспортной безопасности.

Определение угроз национальной безопасности России также основывается на Стратегии 2015 г., утверждающей, что они носят «комплексный взаимосвязанный характер» [8]. В качестве конкретного примера в документе приводятся действия, препятствующие ведению страной самостоятельной внешней политики, куда может быть включена работа по развитию интеграционного потенциала пространства бывшего СССР, в том числе ЕАЭС. Кроме того, сюда могут быть отнесены риски, связанные с нестабильностью мировой экономики, санкционное давление, нелегальная миграция, подпитываемая в том числе конфликтами на Ближнем Востоке, транснациональная преступность, дестабилизация внутривнутриполитической ситуации в РФ, что особенно опасно в приграничных районах [8].

Географические рамки

Ввиду большого количества государств, выразивших желание подписать с ЕАЭС соглашение о свободной торговле, в данной статье не представляется возможным рассмотреть опыт каждой из них. В качестве примера был избран Ближний Восток, в рамках которого Иран в 2018 г. подписал временное соглашение с организацией, Израиль и Египет начали переговорный процесс, а Сирия проявила заинтересованность в данном шаге. Помимо наличия в регионе государств, находящихся на разных стадиях сближения с ЕАЭС, обращение к обозначенной группе стран кажется целесообразным еще по ряду причин. Среди них тлеющие и находящиеся в активной фазе конфликты, требующие от участников

Евразийского экономического союза выработки общего подхода к их урегулированию. Кроме того, у названных игроков, есть свой опыт двустороннего взаимодействия с членами ЕАЭС, особенно с Россией, что оказало определенное воздействие на интенсивность сближения с организацией.

На Петербургском экономическом форуме в 2016 году В.В. Путиным была высказана инициатива развития многостороннего взаимодействия на базе ЕАЭС, который способен стать «одним из центров формирования нового интеграционного контура» [9]. Проект «большого Евразийского партнерства», как определил его Президент, может объединить вокруг себя такие центры силы, как Китай и Индия, а также открыт для других «заинтересованных государств и объединений» [9]. Таким образом, возможность перехода от соглашений о ЗСТ к более высокой ступени интеграции, в том числе со странами Ближнего Востока, может рассматриваться не только как теоретическая модель, но и стратегическая цель, отвечающая национальным интересам России. При этом в перспективе упомянутые государства имеют возможность дополнить список других потенциальных претендентов на вступление, среди которых Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан.

Таким образом, в центре внимания данного исследования ближневосточный вектор расширения Евразийского экономического союза за счет сети договоров о зоне свободной торговли при текущем составе участников самой организации (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения) или при потенциальном увеличении количества стран-участниц. В последнем случае речь идет, прежде всего, о центральноазиатских республиках. В качестве фактора, оказывающего воздействие на данные процессы, рассматриваются так называемые «государства европейского выбора» (Украина, Молдова и Грузия), а также Азербайджан.

Сильные стороны

Одним из ключевых преимуществ, создаваемых сетью договоров о зоне свободной торговли с государствами Ближнего Востока и не только, является их фактическая обособленность друг от друга. Разумеется, все страны, на которые распространяется преференциальный режим, так или иначе связаны между собой уже за счет самого сотрудничества с ЕАЭС, однако это не накладывает на них обязательство взаимодействовать друг с другом. Следовательно, даже такие региональные противники как Израиль и Иран могут оказаться объединены через Евразийский экономический союз. При этом возможности для блокирования участия друг друга на этом уровне интеграции у них незначительны. Соответственно, потенциал развития данного направления состоит в пусть и временном, но купировании конфликтов, что отвечает не только

экономическим соображениям, положенным в основу ЕАЭС, но и интересам России по укреплению позиций на Ближнем Востоке.

Позитивно на работу организации по созданию сети ЗСТ в избранном для анализа регионе влияет и то, что к этому процессу привлечены партнеры, такие как Израиль и Египет. При этом немаловажно, что государства вступили в переговоры примерно в одни и те же сроки, еще на этапе существования Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. Это позволяет в будущем создать единообразные модели сотрудничества с соседствующими государствами, что, в свою очередь дает шанс решить две важные интеграционные задачи. Первая из них заключается в упрощении логистики. Вторая открывает перспективы для перехода интеграции на новый уровень, подталкивая стороны к унификации договорно-правовой базы взаимодействия не только в рамках ЕАЭС, но и партнерской сети.

Наконец, активность, связанная с созданием режима преференциальной торговли с государствами из стратегически важного региона, повышает потенциальную привлекательность для интеграции в организацию новых стран-участниц. К примеру, Иран, начиная с момента образования новых независимых государств, и по сей день проявляет заинтересованность в расширении присутствия в Центральной Азии, рассчитывая как на формирование устойчивых долгосрочных связей, базирующихся на культуре, религии, экономике, а также блокировании за счет этого упрочения там своих геополитических противников [10]. При этом сегодня в действиях Тегерана на этом треке все заметнее становится стремление смягчить последствия американских санкций для своей экономики.

Также повышенный интерес к региону проявляет Израиль, способный предложить центральноазиатским республикам новейшие технологии в различных отраслях, помощь в преодолении экономических трудностей и борьбе с терроризмом взамен на политико-дипломатическую поддержку [11]. Соответственно, перспектива доступа к инновациям, разработанным страной-партнером ЕАЭС, способна оказаться дополнительным мотивирующим фактором для включения в состав организации. Несмотря на то, что Иран и Израиль давно соперничают за внимание государств региона, речь все же идет о конкуренции, а не конфликте. Как следствие, данное обстоятельство не несет в себе серьезных рисков для развития ЕАЭС, а значит, и интересов России.

Таким образом, если оценивать перспективы ближневосточного вектора проекта «Большая Евразия» на базе расширения ЕАЭС, то регион обладает значительным количеством сильных сторон. При этом существует возможность не только для расширения списка государств-членов организации в будущем, т.е. следования по экстенсивному пути, но и для увеличения спектра вопросов в повестке дня.

Слабые стороны

В рамках ближневосточного вектора расширения сети соглашений о ЗСТ к настоящему моменту наибольших успехов добился Иран. В мае 2018 года было подписано временное соглашение сроком на три года, вступившее в силу в октябре 2019 г. Переговорный процесс при этом занял порядка трех лет, а существенным стимулом для ускорения работы на данном направлении стало санкционное давление США, заставившее игроков с разных сторон развивать альтернативные направления кооперации.

Впрочем, у ЕАЭС имеется несколько потенциальных партнеров из числа стран Ближнего Востока, интересующихся сближением в формате ЗСТ еще со времен существования «таможенной тройки» (Россия, Беларусь, Казахстан). К таковым относятся Сирия и Израиль, о расширении взаимодействия с которыми говорилось на заседании Высшего евразийского экономического совета в 2013 г. [12]. И если в случае с САР, есть явный ограничитель для наращивания взаимодействия – длящийся с 2011 г. конфликт, то в отношении израильской стороны сдерживающие факторы на первый взгляд не так очевидны, однако, пожалуй, более опасны для многостороннего взаимодействия с ближневосточным государством.

Израиль, судя по многочисленным комментариям государственных деятелей и итогам межправительственных встреч, готовился стать второй страной после Вьетнама, подписавшей с «таможенной тройкой» соглашение о ЗСТ. Более того, была высказана решимость добиться этого уже в 2014 г. В намеченные сроки соглашение не было подписано, а в январе 2015 г., прибыв в Москву, тогдашний министр иностранных дел Израиля А. Либерман узнал от своего российского контрапартнера С.В. Лаврова, что все прежние шаги фактически аннулируются, и теперь стране придется начинать процесс сначала, перейдя к переговорам уже не с тремя странами, а пятью [12].

При этом если ранее достижение договоренностей можно было считать относительно простой задачей, поскольку у Израиля и стран Таможенного союза, начиная с 1990-х гг., была сформирована во многом схожая договорно-правовая база сотрудничества, в том числе в торгово-экономической сфере, то расширение ЕАЭС за счет Армении и Кыргызстана осложнило достижение поставленной задачи. С Ереваном, несмотря на заметное количество подписанных договоров, контакты с момента их установления не вышли на должный уровень по политическим причинам. Среди них как крайне чувствительный для Израиля вопрос о признании геноцида армянского народа, так и соображения сотрудничества с Азербайджаном в экономике и ВПК. С Кыргызстаном ближневосточное государство в целом не имело

существенного опыта взаимодействия, позволяющего создать прочную базу для выхода на новый уровень.

Несмотря на то, что стороны по-прежнему не утратили интерес к работе на данном направлении, заявив о возможности прорыва до конца 2020 г., столь длительное согласование, в неожиданный для Израиля момент отбросившее страну на несколько этапов назад, фактически понизило важность достижения заявленной цели. Кроме того, на восприятии ЕАЭС в Израиле негативно сказалось приоритетное значение, отведенное переговорам с Ираном. Речь здесь не только о своего рода победе главного геополитического противника, но и о том, что любая экономическая поддержка иранского режима воспринимается Израилем как, в том числе, содействие реализации ядерной программы.

Все это заставляет Израиль искать в регионе альтернативных партнеров, среди которых Украина. В январе 2019 г. государства подписали соглашение о свободной торговле. Препятствием для его реализации стали два обстоятельства – политический кризис в Израиле, спровоцированный тремя досрочными выборами в Кнессет, из-за чего не были завершены ратификационные процедуры, а также тем, что договор не регулирует сферу услуг. Последнее вызывает недовольство Киева, где склонны считать, что без этого ЗСТ не станет действенным механизмом, способствующим выведению собственной экономики из кризиса [13]. Вместе с тем государства намерены в будущем исправить это путем расширения рамок соглашения.

С другой стороны, вызывает вопросы потенциальная надежность Ирана как партнера для интеграции, который был упомянут в проекте «Большая Евразия» как один из центральных игроков наряду с Индией и Китаем [9]. Для Тегерана взаимодействие с Россией в экономической сфере в большей степени мотивировано его собственными интересами, а не перспективами, открывающимися за счет сотрудничества для обоих партнеров. Так, Иран обращается к российской стороне в тех случаях, когда не может в силу различных факторов получить то, что ему нужно у других стран, а также рассматривая Российской Федерацией как прикрытие для экономического проникновения в Сирию [14]. По мере урегулирования сирийского конфликта или в случае прогресса в снятии с Ирана санкций указанные тенденции будут только усиливаться. Таким образом, развитие контактов Ирана с ЕАЭС может только усугубить эти негативные для России тенденции.

Следующим важным аспектом, на который необходимо обратить внимание, является то, что расширение партнерской сети на Ближнем Востоке нередко становится следствием национальных интересов отдельных государств, а их реализация не всегда позитивно сказывается на организации в целом. Так, большое значение сближение ЕАЭС с Ираном имело для Армении и развития свободной экономической зоны

(СЭЗ) «Мегри». Она была ориентирована на то, чтобы через Иран построить транспортный коридор, который в будущем должен охватить также Ливан и Сирию. Несмотря на то, что этим преимуществом могли бы воспользоваться и другие государства ЕАЭС, оно обладало и рядом серьезных недостатков, среди которых нестабильность названных партнеров. Кроме того, за счет СЭЗ «Мегри» Ереван во многом пытался компенсировать потери, связанные с присоединением к Евразийскому экономическому союзу по аналогии с Кыргызстаном.

Таким образом, слабые стороны ближневосточного вектора развития ЕАЭС кроются в затянувшейся интеграции партнеров, способных содействовать развитию организации при ускоренном сближении с теми, чья экономическая и политическая стратегии таят в себе определенные риски. Причинами для этого являются национальные интересы действующих участников Евразийского экономического союза, превалирующие над соображениями перспектив объединения в целом, где важна не только польза для каждого конкретного игрока, но и общая выгода, составляющая суть сотрудничества.

Возможности

Как ни странно, но многие перспективные направления деятельности ЕАЭС вытекают из сфер, на нынешнем этапе представляющих собой, скорее, проблемные аспекты. Так, выше упоминалась свободная экономическая зона «Мегри». Практика показала, что она не сумела принести ожидаемого эффекта, что можно объяснить потенциальной ненадежностью сделок с государствами, на возможности упрощенных контактов, с которыми проект строился [15]. Вместе с тем сам формат СЭЗ признан перспективным для развития ЕАЭС, что отражено в договоре о Евразийском экономическом союзе [16].

В настоящий момент Армения предпринимает еще одну попытку добиться позитивных результатов на этом направлении, занимаясь продвижением СЭЗ «Гюмри». Выбор локации обусловлен аэропортом, который должен превратиться в своего рода перевалочный пункт для перевозки грузов [15]. Эта инициатива реализуется совместно с председателем Торговой палаты Израиль-Армения Ц. Кан-Тором [17], т.е. способствует сближению государств, политические разногласия между которыми зачастую становятся причиной замедления контактов на многостороннем уровне.

Потенциал СЭЗ «Гюмри» кроется не только в возможности учесть ошибки, допущенные ранее или сгладить противоречия между Израилем и Арменией, но и в том, что данный проект представляет собой совершенно иной подход к развитию интеграции. Заключается он в том, что если в СЭЗ «Мегри» акцент был сделан на сокращении логистических издержек за счет географической близости потенциальных партнеров, то в случае

с «Гюмри» речь идет уже о перспективах сотрудничества в рамках нескольких регионов. Это во многом является производной от реализации инициативы совместно с Израилем, чьи контакты в регионе крайне ограничены по геополитическим причинам. При этом страна в процессе построения своей инновационной экономики научилась умело обходить данный факт. Таким образом, используя израильский опыт, появляется возможность превратить СЭЗ «Гюмри» в важный перевалочный пункт для товаров, который обеспечить взаимодействие не только с Ближним Востоком, но и с Азией, что особенно перспективно, принимая во внимание интерес ЕАЭС к этому вектору.

Еще одним направлением, способным получить перспективы в процессе расширения контактов ЕАЭС в рамках региона можно считать в будущем потенциал при урегулировании конфликтов. Разумеется, Евразийский экономический союз, имеющий преимущественно практическое значение для государств участников и партнеров, не способен, как минимум на текущем этапе, превратиться в организацию, аналогичную по своей вовлеченности во внерегиональные противоречия, к примеру, как ЕС. Впрочем, в настоящее время в процессе мирного урегулирования возрастает спрос на экономические меры поддержки, позволяющие привлечь стороны противостояний за стол переговоров за счет возможностей смягчения социально-экономических кризисов. Особую актуальность эта задача приобретает для игроков, находящихся на этапе постконфликтного миростроительства.

Наиболее перспективным в долгосрочной перспективе может оказаться сирийско-израильский трек. Россия уже неоднократно демонстрировала свои возможности добиваться компромисса в позициях своих ближневосточных партнеров. Одним из главных итогов этой активности можно считать то, что после этапа ориентации на необходимость отстранения от власти Б. Асада израильское правительство смирилось с его сохранением. Кроме того, не стоит забывать, что в течение многих лет сирийско-израильская граница оставалась спокойной, а столкновения между сторонами связаны преимущественно с недовольством Израиля иностранным, особенно иранским, присутствием в САР. Соответственно по мере урегулирования сирийского конфликта экономические стимулы, предлагаемые под патронажем России по линии ЕАЭС, могли стимулировать нормализацию сирийско-израильских отношений, что позволило бы если не установить официальные контакты, то воздерживаться от эскалации.

Таким образом, возможности развития ЕАЭС во многом уже заложены в договоре о создании организации, а также в инициативе «Большая Евразия», озвученной В.В. Путиным. Суть их заключается в следовании по пути интенсификации сотрудничества за счет расширения спектра реализуемых совместных проектов. Однако для успешного

воплощения такого сценария на практике требуется привлечение партнеров, обладающих для этого необходимым потенциалом, а не игроков, рассчитывающих лишь на краткосрочную выгоду от взаимодействия.

Угрозы

Основные риски для наращивания взаимовыгодного сотрудничества между ЕАЭС и названными государствами Ближнего Востока с перспективой интеграции в союз новых участников, связаны с конфликтогенным потенциалом обоих регионов. Несмотря на то, что организация на первое место выдвигает решение практических задач в экономической сфере, она не может оставаться в стороне от противостояний. С другой стороны, соискатели преференциального режима торгового сотрудничества уже имеют свою политическую линию в отношении конфликтов на пространстве бывшего СССР, среди которых Нагорный Карабах и Украина.

Кроме того, большое значение при анализе данного компонента имеют уже сформировавшиеся связи стран Ближнего Востока со значимыми игроками из числа республик бывшего СССР, не входящих в Евразийский экономический союз. В качестве примера можно привести контакты Египта и Израиля с Азербайджаном. Последние отличаются высокой степенью институционализации, особенно в том, что касается поддержания социальных, культурных и экономических связей. Давно и довольно успешно ведут свою деятельность Международная ассоциация Израиль-Азербайджан, бизнес форумы, а также билатеральная торговая палата [18]. В работе данных институтов большое значение имеет политический аспект, в том числе формирование восприятия ситуации в зоне нагорно-карабахского конфликта, что негативным образом отражается на и без того сложных отношениях Израиля и Армении. Затрагивает это и интересы России, поскольку, во-первых, речь идет о напряженности на пространстве бывшего СССР, что несет в себе непосредственную опасность для РФ ввиду географической близости и производных от нее проблем. Во-вторых, напряженность подрывает экономический потенциал взаимодействия и, как следствие, привлекательность интеграции в ЕАЭС в целом.

Представители Каира и Баку неоднократно заявляли о намерениях интенсифицировать взаимодействие за счет торгово-экономической сферы. При этом акцентом становится расширение товарной номенклатуры за счет продукции сельского хозяйства, особенно фруктов и овощей, а также медицинской промышленности [19]. В документах ЕАЭС, анализирующих целесообразность сотрудничества с Египтом в области сельского хозяйства, в свою очередь, отмечается, что основу экспорта арабской республики в страны-члены организации составляют овощи и фрукты. Таким образом, активизация Баку на фоне замедления переговорного

процесса по созданию ЗСТ с Евразийским экономическим союзом может в будущем повысить и без того вызывающую опасения конкуренцию [20].

Наконец, определенные ограничители несет в себе и то, что некоторые упомянутые ближневосточные государства уже обладают широкой сетью договоров о ЗСТ с партнерами по всему миру. Так, Египет и Израиль имеют ряд двусторонних договоров с государствами внутри своего региона и за его пределами, а также с ЕС, Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), МЕРКОСУР. Несмотря на то, что при выборе направления для наращивания контактов ЕАЭС ориентируется на степень вовлеченности потенциального партнера в такого рода сотрудничество [21], оно накладывает определенные риски.

Во-первых, уже сейчас, анализируя, к примеру, опыт Египта, эксперты ЕАЭС приходят к выводу, что на рынке страны очень высокая конкуренция, особенно в том, что касается приоритетного для организации направления – экспорта пшеницы [20]. Во-вторых, с Израилем связываются опасения относительно перспектив реэкспорта на территорию ЕАЭС, а особенно в Россию европейских товаров, в том числе попавших в санкционный список [22].

В-третьих, несмотря на то, что, к примеру, Израиль в переговорах с ЕАЭС стремится позиционировать себя как своего рода инновационный центр, возможности его, равно как и Египта стать отправными точками для проникновения ЕАЭС дальше на Ближний Восток заметно ограничены конфликтогенностью региона, хотя Израиль и воспринимается экспертами Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) как уникальная страна, дающая возможность взаимодействовать с партнерами по всему миру. Это также может оказаться противоречивым с точки зрения интересов России, поскольку, несмотря на стремление расширять взаимодействие с КНР, страна опасается рисков от взаимодействия, связанных с экономической и географической экспансией.

Таким образом, в будущем потенциальную угрозу для сотрудничества может представлять конкуренция на рынках стран-партнеров, растущая, в том числе по мере затягивания процесса заключения соглашений о ЗСТ с экономически более перспективными партнерами на фоне прогресса в контактах с теми, кто имеет политическое значение. Также сложности связаны с высоким риском конфликтов, как на Ближнем Востоке, так и на пространстве бывшего СССР, поскольку это создает препятствия в выстраивании контактов и снижает их взаимную привлекательность из-за высокой вероятности срыва сделок в связи с эскалацией.

Итоги и рекомендации

В целом анализ будущего развития ЕАЭС за счет ЗСТ с государствами Ближнего Востока по предложенной модели показывает,

что успешность данного вектора интеграции зависит от комбинации различных факторов. При этом сферы, первоначально воспринимаемые как перспективные, нередко таят в себе потенциальные риски и наоборот. Соответственно, требуется принятие мер, блокирующих негативные эффекты, а также наращивание связей именно по тем направлениям, где имеется наибольший потенциал.

Поскольку сложная геополитическая обстановка на Ближнем Востоке не позволяет на основе сближения с одной страной или их группой обеспечить упрочение позиций во всем регионе, наиболее целесообразным представляется развитие проектов, базирующихся не на географической близости, а на расширении спектра сфер сотрудничества. Это создаст условия для вовлечения в многостороннее взаимодействие прежде всего государств Азии, представляющих для ЕАЭС повышенный интерес.

В том, что касается организационной структуры, позитивные изменения могут быть достигнуты не путем борьбы с неоднородностью самой организации, где выделилось интеграционное ядро в лице таможенной тройки и вновь присоединившиеся участники, а также потенциальных партнеров на Ближнем Востоке, отличающихся по уровню развития и восприятию региональных процессов, а через использование этой особенности. Договор о ЕАЭС в части, касающейся переходных положений, предусматривает сохранение преференций для третьих стран, соответствующие соглашения с которыми были заключены до 1 января 2015 г. [16]. Построение партнерских связей по нескольким направлениям, основываясь на ранее достигнутых договоренностях при постепенной унификации торговых режимов может позволить как максимально развести между собой наиболее сложных партнеров, таких как Израиль и Иран, так и частично добиться сокращения экономического разрыва с новыми странами-членами ЕАЭС не только за счет содействия интеграционного ядра, прежде всего России, а через иностранные инвестиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 514 p.
2. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев о евразийской интеграции. Из выступления в МГУ 29.03.1994. ЕАЭС. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: www.eaeunion.org/#about-history (дата обращения: 17.07.2020).
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 04.10.2011. [Электронный

ресурс]. Режим доступа URL: www.izvestia.ru/news/502761 (дата обращения: 17.07.2020).

4. Кыргызская Республика в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты – М.: ЕЭК, 2018. – 88 с.

5. Рыжов И.В., Якимова Е.А. Проблемы и перспективы российско-израильских отношений в XXI веке // Российско-израильские отношения: История и современность. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. – С. 125-136.

6. Альтшуллер Г. Найти идею: введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. М.: Альпина Паблишерз, 2011. – 404 с.

7. Brad S., Brad E. Enhancing SWOT analysis with TRIZ-based tools to integrate systematic innovation in early task design // Procedia Engineering. – 2015. – Vol. 131. – P. 616-625.

8. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 31.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 17.07.2020).

9. Латухина К. Компас победителей. Проект «Большая Евразия» объявлен открытым // Российская газета. 19.06.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/Vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-dlia-evropy.html (дата обращения: 23.07.2020).

10. Месамед В.И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 267 с.

11. Месамед В.И. Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность. – М.: Институт Ближнего Востока, 2012. – 239 с.

12. Якимова Е.А. «Тройка», «четверка», ЕАЭС: Израиль и Евразийский экономический союз // Ближний Восток и Современность. – 2017. – № 51. – С. 217-225.

13. Жидкова Л.Ю. Особенности и значение соглашения Израйля и Украины о свободной торговле // Институт Ближнего Востока. 23.01.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: www.iimes.ru/?p=52545 (дата обращения: 23.07.2020).

14. Довбий И.П. Экономическое взаимодействие России и Ирана (аспекты экономической безопасности) // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. Ун-та, 2018. – С. 5-11.

15. Даниелян Н. В Мегри не удалось, но Гюмри – это другая история: экспертам понравился проект ЗСТ // Sputnik. 02.09.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: ru.armeniasputnik.am/Armenia/20190902/20236925/V-Megri-ne-udalos-no-Gyumri-eto-drugaya-istoriya-ekspertamponravilsya-proekt-ZST.html (дата обращения: 23.07.2020).

16. Договор о Евразийском экономическом союзе. 29.05.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 23.07.2020).

17. Саруханян В. Армяно-израильский проект: до 2022 года в Гюмри будет создана свободная экономическая зона // Hetq. 29.08.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: hetq.am/ru-article/106824. (дата обращения: 23.07.2020).

18. Якимова Е.А. Процесс институционализации азербайджано-израильских отношений // Вестник РУДН, серия международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 169-175.

19. Ambassador: Azerbaijan and Egypt need to increase economic relations // Report-IA. 23.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: report.az/en/foreign-politics/ambassador-azerbaijan-and-egypt-need-to-increase-economic-relations/ (дата обращения: 22.07.2020).

20. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок Арабской республики Египет. – ЕЭК, 2018. – 23 с.

21. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок Государства Израиль. – ЕЭК, 2018. – 18 с.

22. Бут М. Свободная торговля ЕАЭС и Израиля даст России экономические и технологические выгоды // Экономика сегодня, РИСИ. 18.09.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: riss.ru/smi/62325/ (дата обращения: 23.07.2020).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное электронное издание

**Современный миропорядок и его влияние
на национальную безопасность Российской Федерации**

Сборник материалов круглого стола

(Москва, 27 августа 2020 г.)

*Разработано с помощью программного обеспечения
Microsoft Office Word, Adobe Acrobat Pro*

Издается в авторской редакции

Корректор: Кудинова В.В.

Компьютерная верстка: Толстых В.В.

Подписано к использованию 14.10.2020

Объем издания 11,0 Мб. Тираж 50. Заказ № 52

Издательство Московского Политеха
115280, Москва, Автозаводская, 16
www.mospolytech.ru; e-mail: izdat.mospolytech@yandex.ru;
тел. (495) 276-33-67

★ ARMY 2020

